

Управление культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

**Труды Пятой Международной
научно-практической конференции**

14–16 мая 2014 года

Часть I

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2014

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Информационная поддержка

На с. 3: *Рядовые И.С. Зверев и И.С. Тельнов, захватившие в бою знамя 65-го Венгерского пехотного полка эрцгерцога Людвига Виктора. Август 1914 г. Фотограф неизвестен*; с. 6: *Стрельба по аэроплану. Блиндаж на отдельной батарее «120». Снято на позиции между местечком Крево и Сморганью. Западный фронт. 1916 г. (фрагмент) Фотограф А.В. Мартынов.*

ISBN 978-5-7937-1082-4

© ВИМАИВиВС, 2014
© Коллектив авторов, 2014

Памяти героев
Первой мировой войны
1914 – 1918

Дорогие друзья!

Я рад приветствовать вас на Пятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», которая в очередной раз проводится в стенах старейшего военно-исторического музея России. Ставшая уже традиционной конференция является самой значительной и единственной в России по данной тематике.

Конференция открывается в Год Культуры в России и в канун Международного дня музеев. Символично, что в ее работе участвует широкий круг исследователей и ученых из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, так или иначе связанных с музейным делом – историки, оружейники, архивисты, музееведы, археологи, реставраторы. Все они собрались, чтобы поделиться новыми открытиями и исследованиями в области изучения истории военного дела и оружия, обсудить проблемы реставрации и музеефикации исторических объектов.

В этом году конференция проводится в память одной из важнейших дат российской истории – 100-летия начала Первой мировой войны, перекроившей не только карту Европы, но и судьбы людей. Верная своему союзническому долгу, спасая братские славянские народы, Российская императорская армия проявила чудеса невиданного героизма и самопожертвования. После революционных событий 1917 г. и братоубийственной Гражданской войны Первая мировая, или Великая война, как называли ее современники, была предана почти вековому забвению.

Спустя сто лет мы, наконец-то, воздаем должное памяти почти миллиона русских солдат и офицеров, не вернувшихся с фронтов. С 2013 г. 1 августа объявлено Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. По всей стране создаются музеи, открываются выставки, выходят книги, посвященные «забытой» войне.

Несомненно, что конференция в Петербурге также станет важной вехой в праздновании этого, столь значимого для России, юбилея. Надеюсь, что работа конференции будет плодотворной, а научное и творческое сотрудничество ее участников долгосрочным и перспективным.

**Начальник Управления культуры
Министерства обороны Российской Федерации**

А.Н. Губанков

Уважаемые участники и гости конференции!

Приветствую вас в стенах старейшего военно-исторического музея России, где уже в пятый раз проходит ставшая традиционной конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы». Наша конференция стала за эти годы самой значительной в России по данной тематике.

В этом году конференция проходит под эгидой нескольких важных для отечественной военной истории дат. 2014 год – год столетия со дня начала Первой мировой войны. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи готовит к этой знаменательной дате несколько крупномасштабных выставочных и экспозиционных проектов. В дни работы конференции музей одним из первых в Северной столице открывает выставку – «Сталь и кровь. Оружие Первой мировой войны (1914–1918 гг.)».

В собрании музея хранится самая полная в России коллекция памятников Первой мировой войны. Это образцы огнестрельного и холодного оружия, артиллерийских систем, боеприпасов практически всех стран, в ней участвовавших (России, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Великобритании, США, Италии, Турции, Болгарии, Румынии и др.), а также богатейшая коллекция знамен, формы одежды, снаряжения, предметов быта солдат и офицеров противоборствующих сторон. В ближайшее время в музее откроется новая экспозиция, посвященная Великой войне, где будет представлена значительная часть этого наследия.

В музее также хранится уникальное собрание фронтовых рисунков художников Первой мировой войны (более 1200) – единственное в мире собрание такого уровня, представляющее собой бесценный материал по истории войны. Сотрудники музея в настоящее время готовят эти рисунки к публикации.

В этом году исполняется 95 лет со дня рождения выдающегося конструктора отечественного стрелкового оружия, доброго и многолетнего друга нашего музея М.Т. Калашникова. Воздавая память этому великому оружейнику, музей планирует ряд памятных мероприятий, а также издание каталога его даров музею.

В конференции этого года участвует более 150 исследователей из России, Белоруссии, Украины, Польши и Швеции. Как всегда широк спектр докладов: от памятников бронзового века до современных видов вооружений, от изучения древних документов до современных методик и технологий реставрации.

Поздравляю всех участников и гостей конференции с ее открытием. Желаю всем ее участникам и гостям новых творческих достижений и новых научных открытий.

**Директор музея,
доктор исторических наук**

В. Крылов

М.О. Акишин (Новосибирск)

ЗАКОНЫ И ОБЫЧАИ ВОЙНЫ В ГОДЫ «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ»*

ПРИСОЕДИНЕНИЕ Сибири к России сопровождалось применением военной силы, что ставит проблему изучения законов и обычаев права войны, одного из древнейших институтов международного права, известного всем народам. Особенно остро эта проблема стоит при изучении первого периода русского продвижения в Сибирь – периода «сибирского взятия» Ермака и походов московских воевод 1585–1604 гг. Однако именно этот аспект в истории разгрома Сибирского ханства и основания первых русских городов не изучался.

Основные концепции «сибирского взятия», доминирующие в историографии вплоть до современности, были заложены в летописании XVII в. Первая из них сформировалась под влиянием негативного отношения к «воровству» вольных казаков в годы Смуты. В «Новом летописце», составленном при дворе царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, развивалась версия, согласно которой казаки Ермака «вороваху много по Волги и по иным рекам». Иван IV, «видя их воровство и злое непокорство», велел их ловить и вешать. По царскому повелению многие были казнены, а «иные аки волки разбегошася по Волге вверх», откуда и совершили поход на Сибирское ханство¹.

Вторая оценка похода Ермака сложилась в сибирском летописании 30-х гг. XVII в., основой которого были воспоминания участников похода Ермака. Согласно летописи С. Есипова, «Сибирская

---

* Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 12-01-00386а.

страна» была «изволением Божиим взята ... от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною». В изображении сибирского летописца казаки Ермака представляли защитниками христианской, «истинной веры», которые несли «Христово слово» в стан неверных².

В дополнение к этим двум оценкам в трудах историка начала XIX в. Н.М. Карамзина и ряда современных ученых появилось сравнение русского продвижения в Сибири с действиями европейских колонизаторов в Южной и Северной Америке. Подобные научные гипотезы привели к деструктивным явлениям в политической культуре постсоветских государств. В частности, 4 мая 1993 г. Постановлением Президиума Верховного Совета Казахстана город Ермак был переименован в Аксу. В ночь с 12 на 13 марта 1992 г. памятник Ермаку был демонтирован и только в августе 2006 г. восстановлен в Змеиногорске Алтайского края.

Думается, выход за пределы концепций, созданных в предшествующей историографии, возможен при изучении процесса «сибирского взятия» с использованием теории международного права в период вооруженных конфликтов. Такой подход ставит три первоочередные задачи. Во-первых, анализа дипломатического обоснования военных действий и прав московских самодержцев на сибирские земли, т. е. решение вопроса о том, признавали ли современники походы Ермака и московских воевод справедливой войной. Во-вторых, использования дипломатических средств в ходе военных действий периода «сибирского взятия». В-третьих, изучения регулирования статуса военнопленных и мирного населения Сибири.

Право войны XVI–XVII вв. основывалось, прежде всего, на идее о том, что война должна быть «справедливой», т. е. отличаться от произвольного физического насилия. Требования, сложившиеся к определению справедливых оснований для войны в Европе XVI–XVII вв., четко сформулировал голландский юрист Г. Гроций. Он считал, что, во-первых, война должна вестись «волею тех, кто в государстве облечен верховной властью», частные войны запрещались; во-вторых, война должна быть торжественно объявлена; в-третьих, справедливой причиной начала войны может быть защита нарушенного права, защита от нападения, возвращение незаконно захваченного имущества, наказание³.

Эти ограничения, позволяющие разграничить справедливую войну и произвол, хорошо понимали русские дипломаты. Переводчик Посольского приказа Н.Г. Спафарий говорил: «...воры начинают внезапно и без ведомости войны, а у великого государя такой обычай, что буде хто ис порубежных государей неправдою поступает и причины такие дает, тогда прежде посылает посольство и объявляет неправды ево, и буде не престанет, скажет ему и войну»⁴.

Русская дипломатия приложила значительные усилия для доказательства справедливых оснований «сибирского взятия». Обоснование законных причин для войны с Кучумом трудностей не вызывало. В России он оценивался как изменник, «государев изменник». Московские дипломаты ссылались на то, что Кучум изменил шерти на верность самодержцу, которую давал его предшественник хан Едигера в 1555–1557 гг. и сам Кучума в начале 1570-х гг. Сибирский хан начал войну первым: его полководец Маметкул и союзный ему пелымский князь совершали набеги на прикамские владения России в 1573, 1581 и 1582 гг.⁵

Однако поход Ермака начался без государева указа, о чем прямо говорится в Синодике ермаковским казакам, составленном на основе «сказов» ветеранов этого похода: «Не от славных муж, не от царьского повеления воевод, ...но от простых людей избра и вооружи ... славою и ратоборством и вольностию атамана Ермака Тимофеева сына... со единомысленною и с предоблею дружиною храбрствовавшею»⁶. В государевой грамоте от 16 ноября 1582 г. действия Строгановых и Ермака квалифицировались как «воровство и измена», вызвавшие международные осложнения⁷. Такая реакция объясняется тем, что в России, как и в Европе, формируется норма о том, что только монарх вправе «двигать войну», и запрет на частные войны.

Но известие о «сибирском взятии» резко изменило это отношение. Узнав от прибывших с сеунчем казаков Ермака о разгроме Кучума и занятии Кашлыка, «государь послал воевод своих князя Семена Волконского (Болховского. – М. А.) да голов Ивана Кирева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто человек и иных ратных людей 100 человек»⁸. Направление в Сибирь царских воевод превратило «сибирское взятие» в публичную войну, ведущуюся от имени российского самодержца.

Сразу после «сибирского взятия» Ермака русская дипломатия начала информировать монархов Европы и Азии о справедливых основаниях этой войны и прав российского самодержца на сибирские земли. Впервые говорить об этом предписывалось в 1584 г. послу к германскому императору. В 1585 г. о присоединении Сибири говорили послы в Швецию, в 1586 г. – в Польшу. В 1590 г. русские послы получили инструкции в «разговорах» с иранскими послами упомянуть, что «...его государевы ис Перми казаки взяли» Сибирское ханство. О том же предписывалось говорить послам в Крым в 1592 и 1593 гг.

«Взятие Сибири» объяснялось тем, что «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших», а сибирские «цари» «бывали из рук государей наших». Антимосковская политика Кучума рассматривается как нарушение подданства и «непослушание». Подчеркивалось, что Сибирское ханство взяли «государевы люди» (к каковым относились и казаки Ермака) по повелению царя. Иными словами московские дипломаты перечисляли все признаки, которые в международно-правовой доктрине того времени позволяли признать войну справедливой⁹.

Усилия дипломатов достаточно быстро увенчались успехом. В 1596 г. при дворе германского императора Рудольфа пришли в восторг от царских подарков – соболиных и лисьих шкурок, добытых «в Конде, и Печере, и в Угре, и в Сибирском царстве близко Оби реки великой, от Москвы больши пяти тысяч верст»¹⁰. В грамоте 1600 г. от императора московскому царю говорилось: «Да похвалием и радуемся о том, что Ваша Любовь победили татарское Сибирское царство...»¹¹

В годы «сибирского взятия» наряду с военными широко использовались дипломатические средства. Необходимость их использования объясняется объективными условиями сибирских походов. Во-первых, русским ратным людям приходилось противостоять многократному превосходству противника. Во-вторых, хозяйство народов Сибири – кочевое скотоводство, рыболовство и охота – не позволяло создать на месте продовольственных запасов, за счет которых русские служилые люди могли обеспечить себя. С начала «сибирского взятия» остро встал вопрос о участии служилых людей не только в военных действиях, но и хозяйственной деятельности.

Дипломатические средства достаточно успешно использовал Ермак. Как установил Р.Г. Скрынников, его поход начался 1 сентября

1582 г. со стремительного перехода от Чусовских городков до Кашлыка (Искера) – столицы Сибирского ханства. Первое крупное сражение с татарским войском Маметкула, племянника хана Кучума, произошло 23 или 26 октября у засеки на Чувашском мысу. После него казаки заняли Кашлык¹². Столь успешное начало похода объясняется не только военным опытом казаков, но и умением установить отношения с татарской знатью. По наблюдению В.В. Трепавлова, значительная часть татарской знати охотно перешла на сторону «белого царя», так как Кучум силой захватил престол и не пользовался авторитетом¹³.

Видимо, еще в начале похода Ермака карачей (карачи-бек), главный советник Кучума, изменил своему хану. Возможно, карача еще накануне похода вступил с казаками в тайные переговоры. В Строгановской летописи по Афанасьевскому списку излагается следующий эпизод: «Того же лета (1581 г. – М. А.) прииде от Карача посол к Ермаку, прося от него обороны от нагайских людей, и на том шерстова, что не учинити зла». В октябре 1582 г. при подходе к Кашлыку казаки, видимо без боя, прошли через улус карачи. Более того, они захватили там большие запасы продовольствия¹⁴. Исторические предания тобольских татар свидетельствуют, что после бегства Кучума они не пожелали откочевать из-под Кашлыка: «Зачем нам покидать свою страну, мы вернемся!»¹⁵

Дружелюбно отнеслись к Ермаку некоторые вогульские и остяцкие князья. Во время сражения на Чувашском мысу именно остяцкие воины побежали первыми, посеяв панику среди татар Маметкула. На четвертый день после захвата Кашлыка к казакам пришел остяцкий князек Бояр и привез с собой рыбу и другие съестные припасы. Позже в Кашлык прибыли вогульские князья Ишбердей и Суклем, добровольно признавшие власть Ермака и привезшие ему ясак. Согласно поздним преданиям, казаки отпустили их с честью, после чего Ишбердей стал их верным союзником: «привел к покорности» других вогульских князей и «пути (казакам. – М. А.) многи сказа, и на немирных (князьков. – М. А.) казакам вожь изрядной был и верен велми»¹⁶. В кодских городках, одном из самых крупных княжеств остяков, казаки нашли верного союзника – князя Алача¹⁷.

Успехи первого этапа похода Ермака привели к тому, что на него стала ориентироваться значительная часть татарской знати. В 1583 г. Сенбахта Тагин, «ближний ясашный мурза» Кучума, сообщил

казакам о месте кочевий хана Маметкула на Вагае, располагавшихся в 100 верстах от Кашлыка. Ермак сразу же использовал эту информацию и послал на Вагай отряд, который ночью напал на ставку хана, перебил стражу и пленил Маметкула¹⁸.

Осенью 1584 г. на помощь к Ермаку прибыли московские стрельцы с воеводой С. Болховским. После этого отношение к Ермаку татарской знати резко изменилось. До этого они, видимо, воспринимали поход Ермака как частный набег и готовились воспользоваться его результатами для передела власти в Сибирском ханстве. После появления московской рати в Кашлыке все эти иллюзии рассеялись. Стало понятным, что российский самодержец стремится установить свою власть в Сибири в том же объеме, в каком он ее установил в Казани и Астрахани.

Изменения в позиции татарской знати проявились сразу же. Карача прислал в Кашлык гонцов и попросил у Ермака помощи в войнах с ногаями и казаками. Казаки согласились оказать помощь, отправив с атаманом И. Кольцо «40 человек товарищества». Но как только атаман явился в татарские кочевья, его тут же пленили и убили. Затем карача осадил Кашлык и «повеле имать дани великие и оброки» с окрестных татар. В начале лета 1585 г. Ермак с остатками своей «дружины» выступил в поход в Юго-Западную Сибирь. В этом походе 5 августа 1584 г. в бою на Вагае Ермак погиб. Остатки «дружины» под командой атамана М. Мещеряка отступили из Сибири¹⁹. В татарских легендах убийство Ермака получило осмысление как объединение всех сил, когда-либо воевавших с казаками.

Дипломатические средства широко применялись во время походов московских воевод 1585–1604 гг. В 1585 г. на выручку к Ермаку была послана рать во главе с воеводой И. Мансуровым. В феврале 1586 г. он основал первый русский острог в Сибири – Обский городок. Здесь Мансуров нашел союзника – правителя Куноватско-Ляпинского княжества Лугуя. Вместе с воеводой князь ездил в Москву. В Посольском приказе с ним провели переговоры, и он первым из сибирских владетелей получил жалованную грамоту от московского самодержца на свои родовые угодья²⁰.

В 1586 г. в Сибирь была послана новая рать во главе с воеводой В.Б. Сукиным. Именно эта рать заложила Тюмень. В 1587 г. на помощь В.Б. Сукину был послан письменный голова Д.Д. Чулков. Прибыв в Тюмень, Чулков получил распоряжение построить новый

русский острог возле старой татарской столицы Кашлыка. Ратные люди спустились по Туре и Тоболу на Иртыш и в 1587 г. заложили Тобольский острог.

Кашлык после ухода казаков Ермака занял Сеид-хан, враждовавший с Кучумом. Хан решил избежать столкновения с отрядом русских служилых людей и пошел на переговоры. Согласно сибирским летописям, Саид-хан устроил ястребиную охоту около ворот Тобольска. Увидев хана, Чулков пригласил его на переговоры и пир. Хан принял приглашение, но взял с собой отряд в 100 воинов (еще 400 татар остались близ стен Тобольска). Во время переговоров произошла размолвка. Чулкову не понравилось, что татары мало пьют, и он спросил Саид-хана: «...мыслиши зло на христиан..?» Саид-хан и его советники «поперхнулись», что убедило русских в их недобрых замыслах.

Возможно, летописи неправильно передают суть этого эпизода. Согласно посольскому обычаю, во время переговоров русские послы должны были строго следить за тем, чтобы «государевой чести» не было «порухи». Если татары «поперхнулись» во время госта за здоровье московского самодержца, это было достаточным основанием для дипломатического конфликта. Но Чулков в данном случае вел переговоры в присутствии войска, почему дипломатический скандал сразу перешел в боевое столкновение: «воинские... людие начаша побивати поганых». Сеид-хана и его советников связали, а их свиту перебили. Затем были перебиты татары, оставшиеся под стенами острога²¹.

В походах русских ратей 1593–1597 гг., приведших к разгрому Пелымского и Кондинского княжеств, Пегой орды и основанию Березова, Пельма, Сургута, Нарыма и Кетска, значительную роль сыграли кодские остяки князей Игичея Алачева и Онжи Юрьева. Русские служилые люди и кодские остяки разорили юрты «государевых изменников», их «животы и статки все поймали...»²²

Основание Тюмени и Тобольска, замирение Северо-Западной Сибири позволило приступить к окончательному разгрому Кучума. Первоначально отношения с ним пытались урегулировать дипломатическим путем. В 1586 г. посредником в переговорах с Кучумом выступил беглый крымский царевич Мурад-Гирей, обосновавшийся в 1580-х гг. в Москве. 5 ноября 1586 г. он перед ногайскими послами в Астрахани говорил: «Дурует де царь (Кучум. – М. А.), что так волочитца, добро де ему бить челом государю, и пусть

пришлет ко мне в заклад своего племянника... и я о нем ударю государю челом»²³.

Дипломатическая разведка Мурад-Гирея имела успех, и правители Ногайской орды, тесно связанные с Кучумом, вступили в переговоры о его судьбе. В 1587 г. ногайский мурза Ураз-Мухаммед бил челом перед царем, чтобы он «Кочуму царю Сибирь велел назад отдать, а на него что будет ясаку положишь, и он даст». Кроме того, ногайский мирза просил царя вернуть в Сибирь пленного Маметкула²⁴.

Но переговоры результатов не дали, Кучум продолжил кочевать на юге Сибири. В 1590 г. хан организовал набег на окрестности Тобольска, разорив юрты тобольских татар, изменивших ему. В ответ в августе 1591 г. тобольский воевода В.В. Кольцов-Масальский напал на Кучума «близ Ишима реки на озере Чиликуле», нанес ему поражение и пленил царевича Абул-Хаира с двумя «царицами». Хан отошел «на Калмытской рубежь, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оми и Камышлова, между озер, в крепкие места»²⁵.

В 1593 г. плененный «царевич» Абул-Хаир направил отцу грамоту с предложением, чтобы Кучум был «при его царском величестве» и жил на Руси или в Сибири²⁶. Видимо, на эти предложения Кучум ответил отказом. В 1594 г. воеводе А. Елецкому было предписано с ратью из полутора тысяч русских служилых людей и татар идти в верховья Иртыша, где заложить Тарский городок. В отношении Кучума следовало проявить максимум дипломатичности: уверять, будто «государь Кучюма царя хочет держать под своею царскою рукою» и готов отпустить к нему из Москвы его сына Абул-Хаира, но при условии, что Кучум пришлет в столицу другого сына. Одновременно следовало при посредничестве тобольских татар переманивать знатных соратников Кучума, жалуя их сукном и хлебом. После того как Тара будет надежно укреплена, надлежало Кучума и его людей «извоевати ... накрепко»²⁷.

После основания Тары царь Федор Иванович вновь направил Кучуму послание. Самодержец объявлял, что ожидает от Кучума челобитья и раскаяния в своих «винах и неправдах» и в этом случае обещал «тебя... устроить на Сибирской земле царем» под своим протекторатом. Хану предлагался выбор места жительства – «здесь, в нашем государстве московском, при наших царских очех» или же «на прежнем своем юрте, в Сибири»²⁸.

Кучум не ответил на царское послание, но вступил в переписку с воеводой Тары. В 1598 г. младший воевода Тары А. Воейков во главе отряда из русских служилых и татар отправился в степь на поиски Кучума. Встреча противников произошла 20 августа. Хан был разбит и бежал в Ногайскую оду, где был встречен недружелюбно. По мнению В.В. Трепавлова, умер он ненасильственно в 1599 или 1600 гг. от преклонного возраста и болезней²⁹.

Последним в эпоху «сибирского взятия» был основан Томский город. В 1603 г. князец еуштинцев Тоян приехал в Москву, где подал челобитную Борису Годунову о том, чтобы царь его пожаловал: «...велеть ему быть под его царскою высокою рукою и велети быть в вотчине его в Томи поставить город». Князь обещал, что «...как де город поставят, и те де ево ясачные люди будут под государевою царскою высокою рукою и ясак учнут платити; а которые де будут около того города государевы непослушники, и он Тоян учнет про них сказывати и приводить их под государеву царскую высокую руку»³⁰. Строительство Томска было поручено служилым людям под началом сургутского головы Г. Писемского и тобольского головы В. Тыркова. В 1604 г. ими был основан Томский острог, а князь Тоян добровольно передал ясачные волости под власть Москвы³¹.

Важнейшим институтом права в период вооруженных конфликтов является институт защиты жертв войны – военнопленных и гражданского населения. О состоянии этого института в странах Западной Европы в XVI–XVII вв. позволяет судить труд Г. Гроция. По его мнению, во время ведения войны должны соблюдаться «известные обряды», соответствующие праву народов. При этом он неоднократно писал о том, что воюющие вправе уничтожать и захватывать любое имущество противной стороны, брать в плен не только вооруженных лиц, но и гражданское население. Мыслитель свидетельствовал, что в его время было возможным превращение пленных в рабов³². С позиций естественного права Гроций писал, что «если у каких-нибудь народов не в обычае это право порабощения на войне, то лучшим образом действий будет обмен пленных, а следующим – отпуск на волю за справедливый выкуп»³³.

В Русском государстве XVI–XVII вв. военнопленные начинают объявляться государственными, институт частного плена сохраняется, но постепенно начинает отмирать. Как и в Европе, во время войны допускалось освобождение пленных «на обмен и откуп».

Важно подчеркнуть, что в конце XV–XVI вв. в отношениях с Крымским ханством пленных начинают освобождать без выкупа³⁴. Известна эта норма была и в отношениях с Сибирским ханством. В 1569 г. Кучум предлагал Ивану IV произвести размен пленными без выкупа: «...пяти-шести человек в пойманье держать – земле в том что?»³⁵ Европейским государствам того времени размен пленными без выкупа был неизвестен.

В ходе походов Ермака и московских воевод проблема отношения к военнопленным и гражданскому населению возникала объективно. Положение военнопленного зависело от его статуса. С этой точки зрения выделяются, прежде всего, представители рода Кучума. А.В. Беляков, автор специального исследования о Чингисидах в России, пришел к выводу о крайне благоприятном отношении к ним московских самодержцев, объяснявшемся желанием «избавиться от постоянных набегов Кучумовичей, препятствовавших скорейшему освоению Сибири»³⁶.

В плен к казакам Ермака попал Маметкул, племянник Кучума. После того как его доставили в Москву, он был включен в состав государева двора и поставлен над многими боярскими родами. В ноябре 1585 г. Маметкул был записан первым воеводой полка «левой руки». В 1586 г. значился уже первым воеводой сторожевого полка. В 1592 г. был назначен первым воеводой передового полка.

При основании Тобольска в плен попали казахский царевич Ураз-Мухаммедом, карачи-бек и Саид-Ахмед, доставленные вскоре в Москву. Саид-Ахмед пользовался в Московском государстве подобающим своему рангу почетом и характеризовался официальными лицами как «сибирской начальной Сейтяк князь». В 1591 г. вместе с Ураз-Мухаммедом и Мухаммед-Кулом он участвовал в походе русской рати против шведов.

В 1591 г. в плен был взят «царевич» Абул-Хаир, сын Кучума. В сентябре 1599 г. по царскому указу он был обращен в православие, получив имя Андрей. В русских документах он упоминается на государевой службе до 1630-х гг. В 1598 г. была пленена часть семейства Кучума, в том числе двенадцатилетний сын Бибадша, шестилетний Кумыш и пятилетний Мулла. Они также были зачислены в состав государева двора и наделены поместными дачами.

Положение обычных военнопленных также не было суровым. Во время похода Ермака у казаков не было возможностей охранять

и кормить пленных. Данные фольклора позволяют предположить, что пленных просто отпускали на свободу после боя. Так, согласно кунгурским «сказам» конца XVII в., во время похода в Юго-Западную Сибирь в 1585 г. казаки Ермака дошли до последних рубежей Сибирского «царства». Здесь они обнаружили воинов карачи-бея, до этого державших их в осаде в Кашлыке и вероломно убивших атамана И. Кольцо, а затем разгромленных казаками. Найдя беженцев в бедственном положении, Ермак приказал не добывать их: «...видеша всех, яко зело скудные, и ничем не вредиша им». Летописи XVII в. передают татарское предание о последнем бое Ермака, согласно которому победителем Ермака был могучий и храбрый мурза Кучугай, побывавший ранее в плену у Ермака, но отпущенный им³⁷.

В наказах московским воеводам предписывалось незнатных пленных приводить к шерти и определять в ясачные плательщики, т. е. возвращать на прежние места жительства. Так, в 1595 г. тарский воевода Ф. Елецкий отправил рать в места кочевания Кучума. Служилые люди разгромили и сожгли городок Тунус, «и Чунгулу волость и Любу волость воевали». В городке Тунус они пленили «лутчева человека Чангулу мурзу..., а с ним взяли 5 человек». Пленные были доставлены в Тару, где воевода привел их к шерти на верность московскому государю, а затем разрешил им кочевать вблизи русского острога по Иртышу. В 1596 г. русская рать разгромила и сожгла Черный городок, после чего пленные татары были поселены около Тары и положены в ясачный платеж³⁸.

В Сибири конца XVI в. сохранялся институт частного плена. Ревностно относились к своим правам на пленных остяки, участвовавшие в походах русских воевод. Так, в 1601 г. новокрещен С. Пуртиев подал челобитную государю на другого березовского остяка в том, что он захватил три принадлежащие ему полонянки. По этой челобитной воеводам предписывалось провести суд и в случае подтверждения иска С. Пуртиева вернуть ему пленниц³⁹. Признавалось право на частный плен и в отношении русских служилых людей. Царской грамотой от 5 февраля 1602 г. березовским воеводам предписывалось вернуть местным казакам пленников-ясырей, взятых ими во время похода на Пегую орду⁴⁰.

Важной проблемой права войны является регулирование статуса гражданского населения. Отношение казаков Ермака к мирному населению было подчеркнуто терпимым, о чем, в частности,

свидетельствует любопытный эпизод, произошедший при сплаве отряда Богдана Брязги летом 1583 г. по р. Рачи, притоку Иртыша. Старейшины и воины Нарымского городка решили устроить засаду казакам, сбросив в узком месте в реку несколько деревьев. Но казаки сделали залп из пицалей, после чего нападавшие сразу разбежались. Вскоре казаки приплыли в городок, в котором прятались только женщины и дети. Мужчины стали возвращаться только вечером: «един по едину, оглядываясь». Они обнаружили, что казаки «не бьют жен их и детей, точию ласкают». Не стали казаки наказывать и своих недавних противников⁴¹.

Вопросу о статусе народов Сибири, добровольно шертовавших на подданство московскому самодержцу, уделяли значительное внимание в Посольском приказе. Так, в наказе от 10 февраля 1596 г. тарскому воеводе Ф. Елецкому предписывалось: «...которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят, и про всякие вести: про Кучюма царя и про его умышленье и про нагаи учнут приходя сказывать, и ... тех татар поить и кормить государевым запасом, и береженье к ним и ласку держать великую и отпускати их к собе не задерживая»⁴².

Подведем итоги. В годы «сибирского взятия» верховная власть России основывалась на том понимании законов и обычаев права войны, которые сложились в XVI в. Прежде всего, было обосновано, что война с Сибирским ханством является справедливой, а московский самодержец имеет «вотчинные» права на сибирские земли. Присоединение Сибири к России получило международно-правовое признание во всех великих державах Европы и Азии того времени. При продвижении в Сибири государственная власть России использовала не только военные, но и дипломатические средства. При этом последние в ряде случаев играли определяющую роль, целый ряд представителей сибирской знати добровольно принял подданство московского государя, оказал существенную помощь русским служилым людям в покорении «немирных земель». Отношение к военнопленным и гражданскому населению было достаточно гуманным.

Сказанное позволяет выявить принципиальное различие между присоединением Сибири к России и колониальной политикой европейских государств в Америке, Африке и Азии. Русское государство в войне с Сибирским ханством строго придерживалось общепринятых в Европе норм международного права того времени,

а после присоединения сибирских земель включило их как органическую часть Русского государства с предоставлением значительной автономии местным народам. Народы Европы же не считали нужным применять нормы международного права в отношениях с народами Америки, Африки и Азии, наделять их каким-либо правовым статусом.

---

¹ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33.

² Литературные памятники Тобольского архиерейского дома. Новосибирск, 2001. С. 16–84.

³ Гроций Г. О праве войны. М., 1994. С. 187, 196 и др.

⁴ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. II. 1685–1691. М., 1972. С. 507–509.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 332–336.

⁶ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 13.

⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 335–336.

⁸ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. М., 1987. С. 133.

⁹ СГГД. Ч. 2. № 75. С. 158; № 83. С. 188; Ч. 3. № 14. С. 65–66 и др.; Сб. РИО. Т. 129. С. 414–415, 463, 508, 515; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. I. СПб., 1851. Стб. 466, 664, 921, 922, 1042–1043, 1073, 1121–1122; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб., 1890. С. 11; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 48–51.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Ч. 2. СПб., 1852. Стб. 292, 338.

¹¹ Там же. Стб. 781.

¹² Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 145–147.

¹³ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 23.

¹⁴ Сибирские летописи. С. 20, 101, 127.

¹⁵ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С. 9, 10.

¹⁶ Сибирские летописи. С. 25, 337.

¹⁷ СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 127.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. М., 1987. С. 58, 59, 85, 94.

¹⁹ Сибирские летописи. С. 34, 284, 285; ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 113.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 337–338.

²¹ Акишин М.О. «Благородные мужи» Чулковы // Родина. Российский исторический журнал. 2004. Спец. вып.: Тобольск – живая былина. С. 41–43.

²² Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74; Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 279, 275–277, 339–346, 354, 363.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 14.

²⁴ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1597 г. Д. 5. Л. 22.

²⁵ Сибирские летописи. С. 351.

- ²⁶ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 66.
- ²⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 347–350.
- ²⁸ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 66.
- ²⁹ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 60.
- ³⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 403.
- ³¹ Там же. С. 403–407.
- ³² Гроций Г. Указ. соч. С. 622, 630, 631, 637, 645, 652, 662–666 и др.
- ³³ Там же. С. 388, 675, 676, 734, 735 и др.
- ³⁴ Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855; Гессен Ю. Пленные в России с древнейших времен. Пг., 1918; Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005; Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века). М., 2006; Левин Д.Б. История международного права. М., 1962; Стародубцев Г.С. История международного права и его науки: Учеб. пособие. М., 2006.
- ³⁵ СГГД. Т. 2. М., 1819. С. 52.
- ³⁶ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 75.
- ³⁷ Сибирские летописи. С. 321, 343.
- ³⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 358, 359, 362–363.
- ³⁹ Там же. С. 386–387.
- ⁴⁰ Там же. С. 400–401.
- ⁴¹ Сибирские летописи. С. 339.
- ⁴² Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 356.

В.М. Алексеев (Кострома)

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖИЯ ИЗ ФОНДОВ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

КОЛЛЕКЦИЯ ОРУЖИЯ ведет свое начало с 1891 г., со времени образования музея Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК), который назывался в то время Музеем древностей. Члены КГУАК собирали предметы старины и передавали их в музей. Например, в 1903 г. от А.Н. Жохова поступили два штыка и сабля времен императора Александра I, Г.К. Горбунов в 1900 г. передал кольчугу, латы, головную сетку. И.Н. Чалеев в 1904 г. подарил два бердыща, алебарду, несколько сабель. В этнографическом отделе Музея КГУАК насчитывалось более восьмидесяти предметов военного происхождения. Самым ценным экспонатом и до сих пор является меч древнерусского воина (рис. 1). Обнаружен он был случайно, возле с. Воздвиженское Тоншаевской вол. Костромской губ. Меч относится к типу романских мечей, восходящему к более ранним, традиционным образцам, оснащен трехчастным бронзовым навершием и несколько изогнутым перекрестьем. Датируется XI–XIII вв. Костромской меч неоднократно был опубликован в крупных изданиях по археологии.

Самое массовое поступление оружия, предметов военного снаряжения и обмундирования произошло в 1918–1919 гг. Источники

Рис. 1

Рис. 2

поступления были разные. Отдельные экземпляры были переданы частными лицами или куплены на средства Костромского научного общества (КНО). Так, за 4000 р. была приобретена у В.А. Андронникова церемониальная алебарда с гравированным рисунком (рис. 2). Некоторые частные владельцы сдавали оружие в музей на хранение, вероятно, надеясь в будущем забрать его назад. Например, С.Н. Белянкин в 1918 г. передал турецкие ятаганы и ружья, кремневые пистолеты. От князя П.С. Вяземского поступил писто-

лет, изготовленный в Олонце в 1723 г. Это один из наиболее ранних образцов огнестрельного оружия, хранящихся в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. В это же время поступило оружие с военного артиллерийского склада, от военного комиссара, из технического отдела комиссариата, губернского суда. Частично передавалось в музей и оружие, конфискованное Губернской чрезвычайной комиссией в результате многочисленных обысков.

От экспроприации и погромов революционных лет пострадали бывшие помещичьи усадьбы губернии. Сотрудники КНО обследовали усадьбы и старались спасти хотя бы какие-то уцелевшие предметы. Мебель, книги, документы, оружие, картины свозили в Кострому или в срочно организованные местные музеи. Усадьба дворян Черевиных – Нероново – находилась в Солигаличском у. Костромской губ. и была крупным очагом дворянской культуры XVIII–XIX вв. Благодаря своим родственным связям нероновская ветвь рода Черевиных с самого начала XVIII в. выдвинулась в высшие ряды российской знати. Владельцы усадьбы

коллекционировали различные предметы старины. Рядом с библиотекой в нероновском господском доме на первом этаже размещалась «охотничья», где хранилась коллекция старинного оружия XVII–XIX вв., насчитывавшая более 40 предметов. В 1918 г. имущество Черевных было конфисковано, сотрудники КНО перевезли оружие в Кострому.

Все предметы были описаны в книге поступлений за 1918 г. В дальнейшем это помогло выявить и атрибутировать 35 предметов из нероновской коллекции оружия. Это самая крупная частная коллекция оружия в собрании музея-заповедника. В нее входят корабельные и шлюпочные пушки XVIII в. Западноевропейская пушка с декором, гербом и датой «1689» – также трофей первых владельцев Неронова в годы Северной войны.

Среди великолепных офицерских шашек и сабель второй половины XIX – начала XX вв. есть одна наградная, принадлежавшая Петру Александровичу Черевину. На золоченой с чернью рукояти шашки – надпись «За храбрость», георгиевский темляк. По клинку идут надписи: «Командиру Собственного Моего конвоя, свиты моей генерал-майору Черевину», «В память Турецкой войны 1877 года» (рис. 3). Справа на пяте клинка клеймо: вверху – герб Российской империи, ниже – надпись латинскими буквами «Шафф и сыновья. Санкт-Петербург». Шашка относится к Георгиевскому оружию.

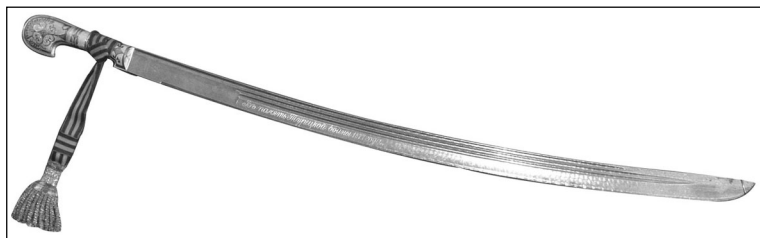

Рис. 3

В нероновской коллекции есть и великолепные образцы восточного холодного оружия. Два японских меча (катаны) до сих пор обладают отличными боевыми характеристиками по закалке и заточке клинка. На хвостовике одной из катан сохранилось имя мастера Фудзивара Масанори. Он жил в префектуре Фукуи, г. Оноси в д. Ямато-мати в 1781–1876 гг. Третий образец клинкового оружия – малый японский меч (тати), его ножны и рукоять обложены

Рис. 4

слоновой костью с очень богатой гравировкой (рис. 4).

Своеобразной красотой отличается вооружение из Средней Азии. Здесь особо примечателен клинок, ножны которого украшены бирюзой. Бирюза была одним из любимых камней, который, по поверью, приносил удачу владельцу, им украшали как оружие, так и предметы быта.

Охотничьи ружья из Неронова относятся, в основном, ко второй половине XIX в. Это ружья известных фирм и мастеров: Беккер и Раушер (Польша), Винчестер (США) и др. Есть ружья XVIII и первой половины XIX вв., изготовленные оружейниками Германии (Кухенрейтер, Эргель), Испании (Николай Бис), Чехии, а также кавказское ружье мастера Абдрахмана Хаджи Мустафы.

Примером духового ружья является пневматическая винтовка системы Жирардони с клеймом Кристофа Кухенрейтера. Этот оружейный мастер работал в Германии в Регенсбурге в начале XVIII в. Ружье сделано на Тульском Императорском оружейном заводе, видимо, мастером фирмы Кухенрейтер, работавшим для России в 1803 г. (рис. 5).

Рис. 5

На двуствольном ружье фирмы «Беккер и Раушер» выгравирован фамильный герб Черевиных. Хозяева усадьбы Нероново отличались изысканным вкусом. Это двуствольное ружье (на птицу и на зверя) с нарезным и гладким стволами из кованого дамаска

отличается богатством художественной отделки в технике таушировки золотом, резьбы, гравировки, инкрустации. Кроме ружей имеются дуэльные пистолеты, произведенные в Вене и Праге в третьей четверти XIX в. (Контринер, Лебеда). Все собранные Черевинными вещи являются не только образцами холодного и огнестрельного оружия, но и настоящими произведениями оружейного искусства.

Конфискованное оружие поступило в музей и из усадьбы Внуково Солигаличского у. Костромской губ. Поселившись во Внукове в начале XIX в., Иван Васильевич Панов перевез из Тотьмы в усадьбу библиотеку, семейные портреты, архив. В коллекции оружия из Внукова преобладают охотничьи ружья и пистолеты XIX в. Например, охотничье ружье потомственных тульских оружейников Крапивенцовых, бельгийский штуцер фирмы «Лепаж», две рапиры для фехтования, интересен динамометр (кремневый прибор для измерения силы пороховых газов).

Очень крупное поступление оружия и военного снаряжения произошло в 1918 г. из музея Пултусского полка: русские и иностранные винтовки и револьверы, холодное оружие, осколки снарядов, гильзы, технические средства (перископы, противогазы и т. п.) конца XIX – начала XX вв. Большой частью это были трофеи полка в годы Первой мировой войны. 183-й пехотный Пултусский полк прибыл в Кострому в 1910 г. В 1914 г. полк был отправлен на фронт, но связь костромичей с ним не утратилась. Жители губернии отправляли на фронт посылки, подарки, поздравления с праздниками. В 1916 г. в Костроме в помещении Костромской губернской чертежной была открыта выставка предметов вооружения и снаряжения австро-германской армии, взятых в качестве трофеев на полях сражений Пултусским полком. При входе на выставку имелась кружка, сбор из которой поступал в пользу семейств убитых воинов полка. После выставки трофеи, вероятно, хранились при 88-м пехотном запасном полку, который в годы Первой мировой войны занял казармы Пултусского полка. А музей полка находился первоначально в Кинешемских казармах на Русиной ул. (ныне ул. Советская). Большая часть трофеев Пултусского полка хранится сейчас в фондах музея-заповедника.

Древковое оружие. В коллекцию входят бердыши XV–XVII вв., офицерские протазаны XVIII столетия, алебарда царской охраны,

приобретенная у В.А. Андронникова, и алебарда будочника Константиновской части № 5 Костромы, охотничьи и пожарные рогатины.

Клинковое оружие. К этому типу оружия относятся сабли, шпаги, палаши, кинжалы, тесаки, кортики, штыки к ружьям русского и иностранного производства. Среди строевого оружия выделяются образцы с надписями на клинке, прославляющими русских императриц: «Виват Анна Великая», «Виват Елизавета Великая». Клейма на клинках преобладают немецкие (Золинген), так как поставлявшиеся оптом из-за границы они обходились дешевле, чем заказанные на Златоустовской фабрике или на крупной частной фабрике Шаффов в Санкт-Петербурге. В собрании музея, тем не менее, присутствуют златоустовские образцы, а также оружие, изготовленное фирмами Фокина и Шаффа (кирасирские офицерские палаши), Скосырева (шпаги). Из трофейного оружия сохранились австрийские и германские палаши периода Первой мировой войны.

Большой интерес представляет шпага кавалерийская офицерская обр. 1798 г. На головке знак ордена Святой Анны 4-й степени. На чашке имя мастера-монтажника – «А. Скосырев» – и надписи: «Кирилл Нарышкинъ» 1872 г. и «Баронъ Фредерикъ» 1873–1874 гг. Темляк из серебряного шнура с кистью. Ножны черные кожаные. Прибор медный позолоченный. На устье надписи: «Дмитрий Кузьмич Короваевъ» 1874–1875 гг. и «Сергей Бирюковъ» 1875–1876 гг. (рис. 6). Сергей Иванович Бирюков сам передал свою шпагу в Музей местного края после революции.

Рис. 6

Среди клинкового оружия в собрании Костромского музея-заповедника хранятся и мемориальные и наградные образцы, кроме вышеупомянутой шашки П.А. Червина. Пример кавказского наградного оружия – шашка, выполненная одним из самых известных дагестанских мастеров Османом Омаровым. Принадлежала она известному костромскому большевику Г.А. Буриченкову – командиру Первого Советского Красного полка.

Привлекает к себе внимание китайский двуручный меч палача. Восточные образцы холодного оружия отличаются своеобразием, изяществом и богатством отделки. В коллекции представлена иранская сабля с сильно закругленным клинком, турецкие ятаганы и ножи. Они украшены серебряными накладками и гравировкой, камнями, кораллами, арабскими надписями.

Ручное огнестрельное оружие. Наиболее ранними являются образцы XVIII в.: стволы к пистолетам, пистолет 1723 г. и ружье 1722 г., изготовленные в Олонце. Чудом сохранился ствол от ружья, на котором сделана надпись: «При разбитии Петром I Карла XII короля шведского в 1709 г. 27 июня».

В коллекции музея-заповедника находится строевое оружие разных систем второй половины XIX – первой половины XX вв.: Кринка, Карле, Верндля, Бердана, винтовки системы Мосина, автоматы Калашникова, пистолеты-пулеметы Судаева и Шпагина, пулеметы Дегтярева.

Охотничье оружие представлено разными мастерами и фирмами XVIII–XX вв. Дорогое украшенное ружье считалось одним из лучших подарков для охотника и коллекционера оружия. Очень эффектно выглядит двуствольное ружье мастера из Праги Антонина Винцента Лебеды (первая половина XIX в.) в футляре с бархатной обивкой. В футляре находятся принадлежности для ухода за ружьем: пулелейки разных форм, пороховницы, манок, разные

Рис. 7

коробочки, отвертки и т. п. Выполнены они из разных материалов (металл, кожа), украшены тиснением, перламутром. Стволы отделаны золотой наводкой (рис. 7).

Вызывают удивление крошечный шестиствольный «бульдог» и миниатюрные дорожные английские пистолеты в футляре, четырехствольные и шестиствольный пистолеты. В собрании хранится ружье с очень длинным стволом. Общая длина 222,5 см; длина ствола 180 см.

Уникальный образец восточного оружия – «ружье кремневое». Приклад и замок – второй половины XVIII в. Кавказ. Ствол: Турция, XVI–XVII вв., в виде дракона или змеи. Некогда фитильное турецкое ружье было переделано в XVIII в. на Кавказе в ружье с кремневым замком. Источник поступления данного ружья в Костромской музей-заповедник неизвестен.

Отличительной чертой некоторых турецких ружей XVII в. является наличие ствола в виде змеиной головы или головы дракона. Несколько таких ружей были преподнесены в подарок царю Алексею Михайловичу разными лицами, они хранятся в Оружейной палате (4 единицы). Еще одно подобное ружье находится в собрании Государственного исторического музея.

Очень красивы кавказские пистолеты: легкие, изящные, небольшого калибра (10–14 мм). Гладкие стволы мелкого дамаска с богатой наружной отделкой при кремневом замке малых размеров и безотказном действии пользовались в Европе большой популярностью и долгое время не могли быть превзойдены европейскими оружейниками.

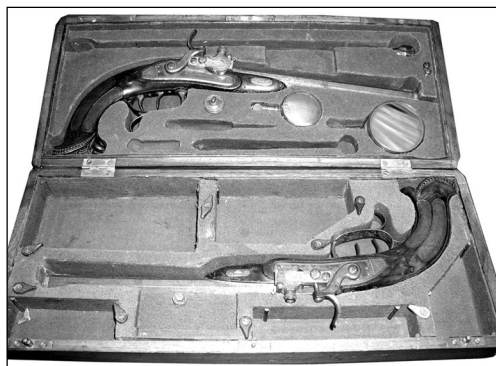

Рис. 8

Привлекает внимание пара дуэльных пистолетов в футляре, произведенных в Вене. На них установлены замки Форсайта, или, как еще их называют, «флакон духов». Эта последняя, усовершенствованная модель такого замка, является большой редкостью (рис. 8).

Артиллерийское вооружение и боеприпасы. В эту группу входят чугунные и железные пушки XVII–XVIII вв.; две пушки 45-мм и 76-мм периода Великой Отечественной войны, гранаты времен Первой мировой и Великой Отечественной войн российские и немецкие, мины заградительные и противотанковые, а также пули ружейные, револьверные, винтовочные, пушечные ядра, гильзы от артиллерийских снарядов, винтовочных и револьверных патронов.

Защитные средства. Эта группа представлена в музее-заповеднике кольчугами XIII–XV вв., пластинами для куяшного доспеха, щитами из Африки, Азии, России, кожаными и железными, латами. Сохранилась французская каска периода Первой мировой войны. Особую гордость представляет полный комплект защитного доспеха самурая, датируемый XV веком.

В конце 20-х гг. XX столетия в музее произошла реорганизация, были уволены опытные сотрудники. Научные исследования отошли на задний план. На фоне этой реорганизации и разгрома краеведения не обошлось без изменений и в оружейном отделе. В 1929–1931 гг. около 250-ти экземпляров холодного и огнестрельного оружия (третья часть фонда) было передано в ОГПУ. Трудно понять, по какому принципу отбирались предметы для передачи их в специальные органы. Это были разные по сохранности и ценности экземпляры: кремневые и капсюльные пистолеты и ружья, более поздние русские и, в основном, иностранные винтовки, различное холодное оружие, снаряды и стаканы от снарядов, оптические приборы.

В последующие годы новые поступления оружия были после Великой Отечественной войны. Это трофейные образцы оружия из Западной Европы, в том числе Германии, а также предметы, найденные на чердаках и в подвалах старых домов, идущих под снос.

Большой интерес вызывает миномет-лопата. 37-мм миномет является гладкоствольным орудием навесного огня и предназначается в качестве индивидуального оружия бойца для поражения живой силы и подавления огневых точек противника.

В походном положении миномет представляет собой лопату, рукоятку которой служит ствол. В этом положении миномет может быть использован для различного рода окопно-земляных работ как обычная малая саперная лопата (самоокапывание, рытье

окопов и пр.) При стрельбе лопата служит в качестве опорной плиты. Лопата сделана из специальной броневой стали, которая не пробивается пулей, поэтому может быть использована в качестве щита для защиты от пуль и осколков. В походном положении миномет переносится на поясном чехле.

Рис. 9

Необычен экземпляр гранаты Ф-1. У нее фаянсовый корпус, покрытый черной глазурью. Время и место производства не определено. По данным участников поисковых отрядов, такие гранаты встречаются на местах раскопок довоенных складов оружия в Прибалтийских странах и изредка в Мурманской обл. (рис. 9).

Из современных образцов оружия привлекает внимание автомат РМmd.65 – лицензионная копия АК-47 румынского производства. Передан в музей от УВД Костромской области как трофей после командировки бойцов ОМОН в Чеченскую республику.

Таким образом, коллекция оружия Костромского музея-заповедника, в основном, формировалась в конце XIX – начале XX вв. (до 1920). Ее составляют предметы из Музея КГУАК, в том числе из музея 183-го пехотного Пултусского полка и из дворянских усадеб, оружие, конфискованное при обысках и переданное из Губернской чрезвычайной комиссии, а также незначительные поступления от частных лиц и организаций во второй половине XX в.

Собрание оружия Костромского музея-заповедника (в головном музее) на сегодняшний день насчитывает более 1000 единиц хранения. Хотя коллекция не велика, она имеет историческую, мемориальную и научно-практическую ценность. Собрание отображает постепенное развитие оружейной техники начиная с XIII в., включает образцы как русского, так и иностранного оружия. Коллекция целостно отражает развитие военной техники на протяжении XVII – первой половины XX вв. В коллекции не менее целостно представлено и охотничье оружие. В 2011 г. сюда была передана из Кологривского филиала Костромского музея-заповедника коллекция оружия художника Г.А. Ладыженского (более 250 предметов). Фонд «Оружие» продолжает пополняться и в настоящее время.

Большое количество предметов фонда находится на выставке оружия и в экспозициях военно-исторического отдела Костромского музея-заповедника, в том числе в Дворянском собрании и в Романовском музее, в филиалах КМЗ Сусанино, Галич, Солигалич, Судиславль, Нерехта. Образцы оружия из КМЗ постоянно экспонируются и на внемузейных выставках. В настоящий момент это экспозиции в 331-м парашютно-десантном и 1065-м артиллерийском полках.

Особая благодарность заведующей историческим отделом Костромского музея-заповедника Л.Н. Новожиловой за предоставленные исторические и архивные материалы.

-
1. Книга поступлений (Главная инвентарная книга).
  2. Книга научного инвентаря КМЗ. Т. 1.
  3. Книга научного инвентаря КМЗ. Т. 2.
  4. Картотека фонда «Оружие» КМЗ.
  5. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. В 2 т. СПб.: Атлант, 2001. Т. 1. С. 224.
  6. Там же. Т. 2. С. 216, 224.
  7. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие военно-морских и гражданских чинов. 1800–1917. СПб., 1994. С. 10.
  8. Кулинский А.Н. Русские именные клинки. СПб.: Атлант, 2011. С. 324.

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА КАК ОРГАН ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особого совещания по обороне) нашла широкое отражение в отечественной историографии. Плодотворно трудившиеся в этой области в 1940–1980-е гг. советские историки рассматривали ее преимущественно сквозь призму так называемого государственно-монополистического капитализма. Такой подход predetermined одну сторону в освещении истории органов регулирования военно-экономической сферы России периода Первой мировой войны. На первый план неизменно выдвигались политические аспекты, авторы стремились доказать, что создание органов регулирования лишней раз свидетельствовало о закономерности установления нового общественно-экономического строя.

Вместе с тем, основная задача, решаемая органами регулирования и прежде всего Особым совещанием по обороне, заключалась в мобилизации военно-экономических ресурсов страны для достижения победы в войне. Причем происходило это в условиях господства в экономике рыночного уклада, пусть и не в его классическом виде. В связи с этим деятельность Особого совещания по обороне можно рассматривать как стремление государства адаптировать к условиям военного времени те элементы рыночного механизма, которые оказались парализованными войной. Покажем это на примере конкретных направлений работы совещания и его органов.

В телеграмме Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича на имя военного министра В.А. Сухомлинова от 13 мая 1915 г., положившей начало существованию Особого совещания, программа его деятельности была очерчена следующим образом: «Для успешного развития поставки снарядов, орудий, патронов и ружей вам предоставляется право привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно, право испрошения и незамедлительного открытия кредитов и, в случае признания совещанием необходимым, отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов с подчинением этих расходов последующему государственному контролю»¹. В представлении Военного министерства в Государственную думу о законодательном учреждении нового органа в июле того же года программа эта обрисована максимально широко: «... для вяжшаго достижения намеченных целей необходимо объединить в одном, с широкими полномочиями, учреждении все мероприятия, касающиеся как артиллерийского и вообще боевого и материального снаряжения армии...»². Иными словами, Особое совещание по обороне предназначалось для проведения военно-экономической мобилизации хозяйственного комплекса страны в целом и промышленности в частности для удовлетворения материальных потребностей армии. Прежде всего это предполагало привлечение к работе на армию частного сектора, так как перевод казенного на военный лад к моменту учреждения Особого совещания по обороне был в значительной мере уже осуществлен.

Привлечение к производству военной продукции предприятий, никогда ранее не занимавшихся такой деятельностью или занимавшихся эпизодически, требовало прежде всего их финансирования в виде выдачи авансов. По существовавшим до Первой мировой войны правилам частные предприятия по казенным заказам могли получать авансы в размере до 50 % годового подряда или поставки. В обеспечение таких выдач они вносили залог в виде наличных денег или процентных бумаг. С началом войны Совет министров разрешил увеличить размеров авансов до 65 %, а залог представлять поручительствами коммерческих банков³. Однако к лету 1915 г. установленные Министерством финансов для банков нормы, в размере которых они могли выдавать поручительства, были уже исчерпаны. Кроме этого сами эти выдачи сопровождались отчислением предприятиями в пользу банков определенного

процента от сумм контрактов, что неизбежно вело к повышению цен на поставляемую продукцию⁴. В июле 1915 г. подготовительная комиссия Особого совещания разработала льготный порядок выдачи авансов, не предусматривавший никакого обеспечения. Особое совещание рассматривало в отдельности каждое ходатайство предприятий, проверяя их кредитоспособность. Крупные авансы выдавались по частям, причем последующая выдача производилась только после представления предприятием удостоверения приемщика военного ведомства о том, что предыдущая часть аванса израсходована по назначению⁵. 18 июля 1915 г. Особое совещание утвердило первую массовую выдачу авансов на таких основаниях⁶.

Осенью 1915 г. Особое совещание по обороне, реорганизованное согласно закону от 17 августа 1915 г., разработало подробные правила выдачи авансов, которые были выгодны предприятиям и предусматривали механизмы, гарантирующие интересы казны от возможных рисков. Принятию решения о выдаче аванса без обеспечения предшествовала проверка кредитоспособности завода через систему Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и технической готовности к производству продукции через местные органы – заводские совещания⁷. В целом, установленный порядок предоставления авансов соблюдался достаточно последовательно. Несмотря на попытки Министерства финансов в марте 1916 г. ограничить размеры предоставляемых предприятиям выплат, Особое совещание не сочло это возможным, справедливо полагая, что размеры авансов никоим образом не могут повлиять на размеры военных расходов государства в целом⁸.

Однако само по себе финансирование мобилизуемой промышленности отнюдь не обеспечивало условий для ее нормального функционирования. Война нарушила практически все каналы получения предприятиями материалов, топлива, рабочих рук, оборудования, валюты для оплаты заграничных закупок. Для пробития «тромбов», парализовывающих сосуды рыночного организма, требовался специальный механизм, которым стало Особое совещание по обороне и его органы.

Ключевым вопросом организации военного производства стало снабжение предприятий металлами. Уже на первом заседании Особого совещания 14 мая 1915 г. представители промышленных кругов отметили недостаток металлов на внутреннем рынке и трудности

в получении его из-за границы в числе первых «препятствий к расширению деятельности частных заводов в пределах, намеченных совещанием...»⁹. 15 июля Особое совещание признало необходимым, чтобы Главное артиллерийское управление (ГАУ) и ЦВПК приняли на себя «дела организации по заготовлению необходимых для заводов металлов и, главным образом, стали и вольфрама, а равно и по распределению этих материалов между предприятиями, работающими на оборону»¹⁰. Однако инициатива по созданию специального органа для распределения металла между заводами принадлежала Московскому военно-промышленному комитету¹¹, результатом чего стало учреждение 12 августа 1915 г. соответствующего бюро при металлургическом отделе ЦВПК¹². Одновременно Особое совещание поручает комитету взять на себя и организацию дела приобретения металлов за границей¹³. С 1 сентября 1915 г. при ЦВПК начинает свою деятельность Комитет для заведования снабжением заводов металлами заграничного производства (комитет «Металлоснабжение»)¹⁴.

Оба органа являлись по сути дела посредниками и не обладали никакими принудительными функциями. Пренебрежительное отношение к ним со стороны промышленников заставило руководство ЦВПК поддержать предложение общества «Продамета» об образовании органа «для объединения деятельности и наблюдения за работой всех металлургических заводов» во главе с уполномоченным председателя Особого совещания по обороне¹⁵. 17 декабря 1915 г. военный министр А.А. Поливанов утверждает «Правила о порядке действия уполномоченного по делам металлургической промышленности и о состоящем при нем Комитете». В то же время происходит подчинение и комитета «Металлоснабжение» председателю Особого совещания по обороне, а чуть позже принимается решение об объединении в едином органе обоих комитетов по снабжению предприятий металлами¹⁶.

Вновь учрежденные органы в январе–августе 1916 г. переходят от посреднической деятельности по размещению заказов на металл к регулированию его распределения. Для этого привлекается учетно-распределительный аппарат обществ «Продамета» и «Кровля», что повлекло за собой необходимость централизованного установления высших предельных цен. В августе 1916 г. происходит полная централизация всего дела снабжения металлами промышленности, работающей на оборону, в руках главноуполномоченного

председателя Особого совещания генерала от инфантерии А.З. Мышлаевского. Начинает налаживаться, а с октября 1916 г. осуществляется централизованное распределение всего производимого металла¹⁷. С декабря 1916 г. предпринимаются попытки вмешательства в регулирование самого металлургического производства путем организации централизованного снабжения металлургических заводов топливом и сырьем¹⁸. Даже советские авторы признавали, что Особому совещанию удалось справиться с задачей «направить имеющийся металл исключительно на нужды фронта», следствием чего явился известный рост военного производства в стране и смягчение кризиса вооружения армии¹⁹.

Острой проблемой, лихорадившей промышленность, была нехватка рабочих кадров, вызванная большим отрывом их по мобилизации и очередными призывами. Уже 18 мая 1915 г. Особое совещание принимает решение о предоставлении отсрочек от призыва ратникам ополчения 2-го разряда, работающим на частных заводах, изготавливающих предметы обороны²⁰. 1 июня решаются вопросы организации этого процесса, а также обсуждаются возможности привлечения к работе в промышленности военнопленных²¹ и отмена ограничений на применение труда иностранных рабочих (согласно действовавшим правилам использование последних допускалось только на предприятиях к востоку от волжского меридиана)²². По представлению военного министра правительство 23 июня 1915 г. дало ему «право устанавливать собственной властью по соглашению в надлежащих случаях с министром иностранных дел признаваемые им необходимыми изменения и дополнения утвержденных Советом министров 17 марта 1915 г. правил об отпуске военнопленных для работ в частной промышленности»²³. В результате этих мер к осени 1915 г. более 500 тыс. военнопленных было привлечено к различного рода хозяйственным работам²⁴. Для обеспечения предприятий техническим персоналом принимаются меры по привлечению туда студентов старших курсов высших технических учебных заведений, а также возвращению с фронта призванных ранее техников²⁵.

Вопрос о дефиците рабочих на заводах неоднократно становился предметом обсуждения в Особом совещании и после его реорганизации. 16 сентября 1915 г. было решено учредить при Главном управлении Генерального штаба комиссию с участием представителей промышленников «для обсуждения и выяснения порядка

освобождения от призыва рабочих в предприятиях, работающих на оборону»²⁶. А 11 ноября 1915 г. помощник военного министра М.А. Беляев докладывал Особому совещанию, что вопрос с освобождением от призыва квалифицированных рабочих решен²⁷. Менее успешно был решен вопрос с возвращением на предприятия призванных ранее рабочих-специалистов. Единственным, что удалось сделать в этом отношении, стала попытка вернуть тех рабочих, которые получили ранения и были по этой причине эвакуированы с фронта²⁸. В целях обеспечения военной промышленности рабочей силой при Особом совещании по обороне имелось Статистическое бюро, которое вело учет количества рабочих на обслуживающих оборону предприятиях. В конце 1916 г. всем оборонным предприятиям была разослана анкета, сведения по которой обрабатывались заводскими совещаниями и передавались в Статистическое бюро²⁹.

Стоит отметить и предпринятые при поддержке Особого совещания по обороне попытки организации подготовки квалифицированных рабочих кадров целым рядом средних и высших учебных заведений страны: Александровским техническим училищем в Череповце, ремесленным училищем графа Орлова-Давыдова в Симбирске³⁰, Алексеевским Донским политехническим институтом, Петроградскими политехническим и технологическим институтами³¹.

Война чрезвычайно обострила транспортную проблему. Недостаточная развитость железнодорожной сети страны, ее слабое техническое оборудование в условиях военного времени усугубились большим отрывом подвижного состава железных дорог для непосредственного обслуживания армии, а также неизбежными недочетами в организации движения. Все это приводило к перебоям в доставке предприятиям всего необходимого для их функционирования. Летом 1915 г. особенно остро стояли вопросы подвоза топлива и материалов в Петроградский промышленный район, а также приема и вывоза из Архангельска прибывающих туда морским путем военных грузов из-за границы. Так как регулирование перевозок находилось в руках Министерства путей сообщения, то Особому совещанию приходилось постоянно взаимодействовать с этим ведомством, для чего в состав совещания с 13 июня 1915 г. вошел его представитель. Важным результатом стало обследование положения дел в Архангельске и выработка на этой основе проекта

положения о централизации управления портом и железной дорогой в руках уполномоченного лица, назначаемого морским министром. 11 июля проект был одобрен Особым совещанием в принципиальном плане³², а 25 июля 1915 г. вице-адмирал А.П. Угрюмов был назначен «Особо Главнначальствующим городом Архангельск и водным районом Белого моря с присвоением прав Главного начальника округа»³³.

В соответствии с утвержденными императором 17 августа 1915 г. законами вопросы регулирования топлива и перевозок перешли в ведение специализированных Особых совещаний. Однако хронический характер перебоев в работе транспорта вынуждал Особое совещание по обороне регулярно обращаться к этой проблеме. К числу важнейших вопросов, обсуждавшихся совещанием, можно отнести: организацию доставки военных грузов из-за границы (финансирование расходов по транспортировке грузов, передачу организации морских перевозок в руки правительства Великобритании, обеспечение безопасности перевозок), обеспечение работы Петроградского железнодорожного узла, распространение правил о приоритетном исполнении предприятиями казенных заказов на заказы Министерства путей сообщения³⁴, усиление использования для перевозок грузов внутренних водных путей, улучшение работы Архангельского порта и Архангельской железной дороги и др.

Важным инструментом в перераспределении материальных производственных ресурсов между хозяйствующими субъектами в годы Первой мировой войны стали реквизиции. Первоначально реквизиции регламентировались «Положением о порядке производства реквизиций во время войны и в период мобилизации», утвержденным Николаем II 15 августа 1914 г. Положение предоставляло право назначения реквизиций большому кругу ведомств и военачальников, включая командиров дивизий, чем создавались трудности и конфликты при осуществлении правил³⁵. Для их упорядочения Особое совещание 11 июля 1915 г. постановило, что вне театра военных действий правом разрешения на реквизицию обладают только командующие войсками (главные начальники) военных округов. Право реквизиции не распространялось на заводы, уже изготавливающие изделия для обороны, о чем довольствующие управления должны были довести до подведомственных местных органов³⁶.

Но очень скоро стало понятно, что реквизиции всего, что может быть использовано для организации военного производства, необходимо централизовать в едином органе. В конце августа 1915 г. военный министр А.А. Поливанов отдал распоряжение, по которому должностные лица, наделенные правами производить реквизиции, обязаны были согласовывать свои действия с ним, как с председателем Особого совещания по обороне³⁷. Одновременно решался вопрос о специальном центральном органе для сосредоточения в нем всех вопросов о реквизициях в интересах военного производства. Его прообразом стала созданная еще в начале 1915 г. межведомственная комиссия по вопросу реквизиции станков и механизмов на частных заводах под председательством начальника отдела технических артиллерийских заведений ГАУ генерал-лейтенанта А.А. Якимовича³⁸. На ее основе была сформирована реквизиционная комиссия при Особом совещании по обороне, положение о которой было утверждено военным министром 5 ноября 1915 г. Комиссия учреждалась «для рассмотрения вопросов о производстве реквизиций, секвестра и отчуждений, связанных с улучшением или увеличением производительности, как казенных заводов, так и частных промышленных предприятий, работающих для нужд государственной обороны»³⁹. Она была интегрирована в систему Особого совещания, завязана, с одной стороны, на председателя совещания, имевшего единоличное право утверждать решения о реквизиции и секвестре, а с другой стороны, на главные управления Военного министерства и заводские совещания, откуда в комиссию поступали ходатайства об осуществлении реквизиций. Все местные власти, уполномоченные производить реквизиции, отныне имели право делать это только при положительном заключении реквизиционной комиссии⁴⁰.

Помимо отчуждения в пользу предприятий, выполняющих военные заказы, оборудования, сырья, материалов и полуфабрикатов, реквизиционная комиссия осуществляла эти же операции с участками земли и помещениями. Реализация этих мер требовала установления цен на реквизированное и секвестрированное имущество. С этой целью 12 января 1917 г. председатель Особого совещания постановил образовать реквизиционно-оценочные комиссии в районных заводских совещаниях в Архангельске и Владивостоке⁴¹. Порою путь реквизиции являлся едва ли не единственным, наряду с импортными поставками, способом получения для заводов

дефицитных видов оборудования или материалов. Так было, например, в отношении алюминия, производство которого в России в годы Первой мировой войны еще не было налажено⁴². Кроме того реквизиции рассматривались и как средство содействия эвакуируемым предприятиям. Таким путем для них предоставлялись на новых местах помещения и земельные участки. Вместе с тем угроза реквизиции их производственных фондов служила стимулом к скорейшему возобновлению деятельности на новом месте⁴³.

Что касается секвестра, то в общей сложности за годы Первой мировой войны он был применен в отношении 94 торгово-промышленных объектов. Из них властью председателя Особого совещания по обороне было секвестровано 28 предприятий⁴⁴. Вряд ли можно признать обоснованными утверждения ряда авторов, что «секвестрировалось только то, что становилось обременительным для владельцев и не имело хороших перспектив на ближайшее будущее»⁴⁵. Лучший пример тому – Путиловский завод, секвестрованный в начале марта 1916 г. и внесший выдающийся вклад в производство разнообразной продукции для армии и флота, в том числе и после перехода под правительственное управление. Более взвешенным представляется следующее утверждение: «В отношении секвестра Особое совещание не действовало решительно, так как за крупными заводами стояли весьма влиятельные лица и круги, а также потому, что взятие в секвестр требует создания нового более эффективного управления, за результаты которого следовало бы отвечать»⁴⁶. Действительно, главной целью секвестра являлось улучшение положения дел на предприятии, выполняющем военные заказы. Особое совещание по обороне вынуждено было проявлять осторожность при принятии такого рода решений, так как не было никаких гарантий, что казенное управление предприятием поможет решить все проблемы.

Первая мировая война впервые в истории поставила вопрос о проведении массовой эвакуации как мирного населения и правительственных учреждений, так и промышленно-торговых предприятий. В отечественной историографии ее проведение оценивалось исключительно негативно как с точки зрения организации, так и результативности. Однако известный специалист в области военной экономики высказался по этому поводу так: «Эвакуация 1915 г., исполненная отчасти планомерно, но больше хаотически, представляла собой очень крупное экономическое явление»⁴⁷. К моменту

учреждения Особого совещания эвакуация предприятий западных губерний России (Польша, Прибалтика) уже шла, и новый орган, естественно, не мог остаться в стороне от этого процесса, тем более учитывая существенный промышленный потенциал этих районов империи. Летом 1915 г. участие Особого совещания заключалось в регулярном обсуждении вопросов эвакуации на заседаниях, выдаче поручений по этому поводу ведомствам и должностным лицам, субсидировании вывоза крупнейших предприятий, занятых военным производством (например, варшавских заводов обществ «Рудзский и К» и «Лильпоп, Рау и Левенштейн»⁴⁸), организации работы по вывозу вместе с оборудованием заводов занятых на них рабочих и членов их семей⁴⁹.

В Особом совещании нового состава в конце августа 1915 г. была учреждена специальная эвакуационная комиссия во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко. Комиссии предоставлялись полномочия по рассмотрению вопросов о «заблаговременном выборе мест и помещений и о приспособлении последних для предприятий, переводимых из местностей, угрожаемых нашествием неприятеля, в места безопасные». Эвакуационная комиссия должна была работать во взаимодействии с Комиссией по восстановлению промышленных предприятий при Министерстве торговли и промышленности⁵⁰. Особым совещанием были утверждены правила, по которым эвакуируемые предприятия получали безвозвратные пособия и различного рода ссуды для возобновления своей деятельности на новых местах⁵¹, а также оказывалась материальная поддержка эвакуировавшимся рабочим и служащим⁵². Определение оснований и размеров выплат осуществлялось эвакуационной комиссией и утверждалось председателем Особого совещания. Исполнительными органами комиссии были четыре районные подкомиссии, на которые возлагалась задача реализации планов эвакуации прифронтовых территорий. Контроль за восстановлением эвакуированных заводов, «оценка заявлений о продлении срока восстановления предприятий в силу обстоятельств, от них не зависящих», были возложены на заводские совещания⁵³.

В условиях нарушенных войной международных экономических связей, дефицита на мировом рынке многих видов оборудования, сырья и материалов, необходимых для функционирования военного производства, мощным рычагом воздействия

на промышленность в руках Особого совещания по обороне стала передача ему контроля за импортными поставками. Этот контроль осуществлялся посредством подчиненных председателю совещания органов зарубежного снабжения – Русского правительственного комитета в Лондоне и Русского заготовительного комитета в Америке, а также комиссии по учету и распределению валюты, – комиссии, контролировавшей расходование кредитов, предоставленных России союзниками. Грузы частных заказчиков, имевшие значение для вопросов обороны и прибывавшие на таможни, подлежали аресту до их востребования. Если они предназначались для выполнения военных заказов и были в двухнедельный срок востребованы, то арест снимался. В противном случае грузы реквизировались и поступали в распоряжение реквизиционной комиссии⁵⁴.

Острая потребность в предметах снабжения армии потребовала со стороны Особого совещания установления контроля за ходом выполнения военных контрактов частными производителями⁵⁵, нетипичного для обычных условий исполнения казенных заказов. Для этих целей в августе 1915 г. была учреждена наблюдательная комиссия во главе с председателем Государственного совета А.Н. Куломзиним. Кроме этого контрольными функциями (в сферах своей ответственности) обладали подготовительные комиссии по общим и артиллерийским вопросам, Комитет по делам металлургической промышленности, эвакуационная комиссия, заводские совещания на местах. Главной задачей контроля являлось предупреждение влияния негативных внеэкономических факторов на ход военных поставок, а также выявление объективных причин недостатков в производстве и выработка мер по их устранению. Несмотря на многие недочеты в системе контроля, вызванные прежде всего размытостью контрольных функций между органами Особого совещания, система эта несомненно сыграла важную роль в налаживании военного производства и снабжении армии всем необходимым.

Работы историков, посвященные деятельности Особого совещания по обороне, изобилуют критикой в его адрес. Во многом эта критика является справедливой и обоснованной. Однако не следует забывать, что создание системы органов регулирования всей военно-экономической сферы России в годы Первой мировой войны стало первым опытом подобной масштабной деятельности.

Учиться этому приходилось буквально на ходу, да к тому же в условиях сложной внутри- и военно-политической обстановки, когда промахи и недостатки становились неизбежными. Для сегодняшнего дня это может служить хорошим уроком. Тем более что для нашей страны опыт Первой мировой войны является единственным с точки зрения проведения экономической мобилизации в условиях рыночных отношений.

---

¹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ЖОСО). 1915 год. М., 1975. С. 537.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 888. Л. 7.

³ Особый журнал Совета министров 23 июля 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 223.

⁴ Письмо П.Л. Барка В.А. Сухомлинову от 8/9 июня 1915 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/3. Д. 24. Л. 18.

⁵ Журнал № 7 подготовительной комиссии. Заседание 13 июля 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/3. Д. 33. Л. 35.

⁶ Журнал № 16 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 18 июля 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 142.

⁷ Журнал № 20 подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. Заседание 6 ноября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 23. Л. 6–7.

⁸ Журнал № 50 подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. Заседание 11 марта 1916 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 52. Л. 51; Журнал № 57 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 19 марта 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. Т. I. М., 1977. С. 168.

⁹ Журнал № 1 Особого совещания, образованного по Высочайшему повелению, по усилению артиллерийским снабжением действующей армии. Заседание 14 мая 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 5.

¹⁰ Журнал № 15 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 15 июля 1915 г. // Там же. С. 131.

¹¹ Бюро комитета // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 1. С. 48.

¹² ЖОСО. 1915 год. С. 576.

¹³ Журнал № 21 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 8 августа 1915 г. // ЖОСО. 1915. С. 179.

¹⁴ Венедиктов А.В. Организация железной и угольной промышленности // Тяжелая индустрия СССР. Уголь, нефть, железо и медь: сб. статей. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 54.

- ¹⁵ Журнал № 13 подготовительной комиссии по общим вопросам. Заседание 12 октября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 70. Л. 33–34.
- ¹⁶ Журнал № 60 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 30 марта 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. Т. I. С. 193.
- ¹⁷ Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959. № 3. С. 111.
- ¹⁸ Там же. С. 112.
- ¹⁹ Тарновский К.Н. Металлургическая промышленность России и политика царского правительства по ее регулированию в годы первой мировой войны. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1955. С. 14.
- ²⁰ ЖОСО. 1915 год. С. 544.
- ²¹ Журнал № 5 Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия. Заседание 1 июня 1915 г. // ЖОСО. 1915. С. 39.
- ²² ЖОСО. 1915 год. С. 558.
- ²³ Особый журнал Совета министров 23 июня 1915 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 331.
- ²⁴ Журнал № 24 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 14 ноября 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 420.
- ²⁵ Журнал № 6 Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия. Заседание 6 июня 1915 г. // Там же. С. 50, 54.
- ²⁶ Журнал № 7 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 16 сентября 1915 г. // Там же. С. 270.
- ²⁷ Журнал № 23 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 11 ноября 1915 г. // Там же. С. 413.
- ²⁸ Журнал № 52 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 2 марта 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. Т. I. С. 134.
- ²⁹ Гапоненко Л.С. Рабочий класс России накануне Великого Октября // Исторические записки. 1963. Т. 73. С. 69.
- ³⁰ Журнал № 6 подготовительной комиссии по общим вопросам. Заседание 17 сентября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69. Л. 97.
- ³¹ Журнал № 45 подготовительной комиссии по общим вопросам. Заседание 11 февраля 1916 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 50. Л. 47; Журнал № 26 подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. Заседание 4 декабря 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 24. Л. 9.
- ³² Журнал № 14 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 11 июля 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 125.
- ³³ Особый журнал Совета министров 27 октября 1915 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. С. 452.
- ³⁴ Журнал № 11 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 30 сентября 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 310.
- ³⁵ ЖОСО. 1915 год. С. 558.

- ³⁶ Журнал № 14 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 11 июля 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 122.
- ³⁷ Журнал № 2 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 29 августа 1915 г. // Там же. С. 215.
- ³⁸ Записка помощника военного министра А.С. Лукомского от 11 сентября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 199. Л. 8.
- ³⁹ Положение о реквизиционной комиссии при Особом совещании... // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 34. Л. 68.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 45.
- ⁴² Доклад начальника ГАУ Военному министру (с программой заводского строительства). Пг., 1916. С. 49-в.
- ⁴³ Журнал № 19 подготовительной комиссии от 24 августа 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/3. Д. 35. Л. 63.
- ⁴⁴ Шацилло К.Ф. Из истории экономической политики царского правительства в годы Первой мировой войны (О причинах секвестра военно-промышленных предприятий) // Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 217.
- ⁴⁵ Там же. С. 229.
- ⁴⁶ Буکشпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 343.
- ⁴⁷ Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.-Л.: Госвоениздат, 1926. С. 136.
- ⁴⁸ Журнал № 11 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 1 июля 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 93.
- ⁴⁹ Журнал № 18 подготовительной комиссии от 20 августа 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/3. Д. 35. Л. 52.
- ⁵⁰ Журнал № 1 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 26 августа 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 210.
- ⁵¹ Журнал № 7 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 16 сентября 1915 г. // Там же. С. 269.
- ⁵² Журнал № 22 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 7 ноября 1915 г. // Там же. С. 398.
- ⁵³ Журнал № 47 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 13 февраля 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. Т. I. С. 92.
- ⁵⁴ Журнал № 56 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 16 марта 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. Т. I. С. 165.
- ⁵⁵ Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства// ЖОСО. 1915 год. С. 533.

О.В. Ананьин (Киев, Украина)

АТАКА ГУСАРСКОЙ БРИГАДЫ: МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

Н А СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ в российской историографии Балаклавское сражение освещено во всех значительных исторических трудах по Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Но детальному изучению тактики действий непосредственно частей и подразделений противоборствующих армий в современной российской и украинской исторической науке уделяется недостаточно внимания. Известные ученые дореволюционного и советского периода М. Богданович¹; А. Зайончковский²; А. Свечин³; Е. Тарле⁴, чьи труды признаны академическими, также не ставили в своих работах научной задачи изучения непосредственного хода полевых сражений с точки зрения тактики. Более того, М. Богдановичем и Е. Тарле, чьи труды по Крымской войне и по сей день считаются фундаментальными, многие факты касательно действий российской и английской кавалерии были заимствованы из зарубежных источников и поданы в интерпретации английских и французских исследователей и мемуаристов, в основном А. Кинглэка⁵ и С. Базанкура⁶. Такие иностранные заимствования, а также отсутствие анализа действий кавалерии с российской стороны привели к прочному закреплению в отечественной военно-исторической науке иностранной интерпретации результатов кавалерийских боев в ходе Балаклавского сражения, где всячески превозносятся достоинства британской кавалерии и преуменьшаются, а часто и вовсе замалчиваются заслуги российской кавалерии. В настоящее время это привело к процветанию различного рода военного мифотворчества, мало отражающего реальные события. Более того, всякого рода военные мифы в отечественной исторической науке

создали отрицательный образ российской кавалерии эпохи императора Николая I в противоположность положительному образу кавалерии викторианской Англии. Хотя какие-либо однозначные свидетельства этому современников отсутствовали. Вышесказанное определяет важность и актуальность исследований по Балаклавскому сражению.

В последние годы в России и на Украине снова наблюдается рост научного и общественного интереса к событиям Крымской войны, что позволило по-новому взглянуть на эпоху правления и армию императора Николая I. Это подтверждают работы современных российских и украинских ученых и исследователей: О. Айрапетова, Е. Белова, В. Виноградова, Л. Выскочкова, В. Дубровина, Н. Коротеевой, А. Кривопалова, А. Кухарука, И. Кудрявцевой, Т. Литвина, Ю. Наумовой, С. Пинчука, В. Рыбалки, О. Савченко, А. Саковича, С. Ченныка и др. Однако работы, посвященные боевым действиям с участием непосредственно кавалерии на Крымском театре военных действий 1854–1856 гг., в современной исторической науке пока представлены слабо. Это относится, в частности, к кавалерийскому бою гусарской бригады генерал-лейтенанта И. Рыжова с тяжелой кавалерийской бригадой бригадного генерала Д. Скарлетта. Целью данной публикации и является анализ этого кавалерийского боя.

В дореволюционной историографии Крымской войны на формирование образа российской кавалерии как рода войск продолжительное время влияло чрезмерное увлечение мыслящей российской военной элиты иностранной литературой по истории кавалерии и ее месту в армиях того времени. Первенство закрепилось за британцами. Именно о них в сознании российских историков и даже самих кавалеристов невольно сформировалось мнение как о лучших знатоках кавалерийского дела. Хотя в самой Великобритании еще перед Крымской войной появились работы, указывающие на отставание английской кавалерии как рода войск в развитии от кавалерий ведущих стран тогдашней Европы⁷. Также там указывалось на явные недостатки, требующие немедленного устранения. Таким образом, исходя из взгляда современников, самих британцев, на свою кавалерию начала 50-х гг. XIX столетия, можно сделать вывод, что она принципиально мало чем отличалась от российской и страдала от похожих проблем. Уровень подготовки офицеров, вооружение, моральный облик нижних чинов во многом

были на одинаковом уровне. Отдельные частные случаи не влияли на общее состояние английской кавалерии как рода войск. Тем не менее в российской историографии во взглядах на Крымскую войну появилось множество более поздних наслоений, вызванных ассоциативным восприятием Российской армии времен императора Николая I как одряхлевшей и отсталой по сравнению с армиями Западной Европы. Некоторым образом это было связано с осмыслением милютинских реформ в Российской армии 60–70-х гг. XIX в.⁸ Таким образом, мнение об иностранном превосходстве «во всем» над Российской армией периода Крымской войны прочно закрепилось в российской военной мысли. Так, известный российский военный историк и публицист Р. Фадеев сообщал о разговоре с одним английским офицером-кавалеристом следующее. Англичанин восхищался казаками и черкесами, а нашу регулярную кавалерию, на примере лучших гвардейских полков, охарактеризовал так: «...ну что вы говорите о мужиках, с трудом обученных верховой езде! Разве у нас так ездят? И чем бы я стал тут восхищаться?»⁹. При этом Р. Фадеев беспартийно признавал правоту за англичанином. В различных пособиях для изучения военной истории в военных училищах, а также общедоступных исследованиях по российской военной истории, касательно Балаклавского сражения указывалось на поражение, нанесенное англичанами российской гусарской бригаде на Балаклавских (Кадькиойских) высотах¹⁰. Причем историки мало обращали внимания на свидетельства очевидцев событий и другие исследования своих коллег. Впервые в крупном энциклопедическом издании по военной истории упоминание об успехе атаки российских гусар на английскую тяжелую кавалерийскую бригаду встречается только в начале XX в. – в Военной энциклопедии издательства И.Д. Сытина: «1-я линия пронеслась через бивак английской кавалерии и ударила на кавалерию бриг. Скарлетта, и после рукопашного боя заставила ее отступить»¹¹. Но переломить сложившееся к тому времени в российской историографии отрицательное восприятие того кавалерийского боя было уже сложно.

По мнению автора, для объективного исследования данного кавалерийского боя необходимо рассматривать его через призму тактики и свидетельств непосредственных участников исследуемых событий.

С российской стороны в данной кавалерийской схватке 13 (25) октября 1854 г. приняли участие Гусарский Его Императорского

Высочества Князя Николая Максимилиановича полк (командир генерал-майор И. Халецкий) и Гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полк (командир генерал-майор А. Бутович). Оба полка составляли 2-ю бригаду 6-й легкой кавалерийской дивизии. Временно исполнял обязанности командира бригады генерал-майор И. Халецкий, вместо выбывшего по болезни генерал-майора И. Величко. Обязанности командира Гусарского Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича полка принял полковник И. Войнилович¹². Общее командование кавалерийскими частями и конной артиллерией в Балаклавском сражении было возложено на генерал-лейтенанта И. Рыжова.

Для понимания действий российской кавалерии под Балаклавой необходимо уяснить для себя замысел сражения, определенный главнокомандующим российскими войсками в Крыму генерал-адъютантом, адмиралом князем А. Меншиковым, а также выяснить задачи кавалерийских частей. Наступление намечалось со стороны Чоргунского ущелья, по направлению к Балаклаве с целью захвата передовых редутов, прикрывавших английский лагерь со стороны деревни Чоргун и у Воронцовской дороги¹³. Задача генерал-лейтенанту П. Липранди ставилась, исходя из данного замысла: «...атаковать отдельный неприятельский укрепленный лагерь, прикрывающий дорогу из Севастополя в Балаклаву»¹⁴. Задачу кавалерии Чоргунского отряда поставил сам генерал-лейтенант П. Липранди. Непосредственный участник данных событий Е. Арбузов в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «...направить Киевский и Ингерманландский гусарские полки, через взятые уже Балаклавские высоты, на неприятельский артиллерийский парк, стоявший правее деревни Кадыкиой. Гусары, приведя в негодность парковые повозки, должны были отступить; после чего артиллерийским огнем предполагалось произвести взрыв в парке, отвести который неприятель был бы уже лишен возможности»¹⁵.

После форсирования реки Черная частями Чоргунского отряда под командованием генерал-лейтенанта П. Липранди Гусарский Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича полк, Гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полк, Уральский 1-й казачий полк и две конные батареи выстроились в колоннах к атаке в ожидании команд на дальнейшие действия. В это же время с северной стороны Севастополя прибыл отряд генерал-майора И. Жабокритского и занял Федюхины высоты, обеспечив

правый фланг Чоргунского отряда. В пять часов утра начался штурм передовых редутов лагеря союзников. В результате атаки российской пехоты были взяты четыре передовых редута. После этого произошла перегруппировка сил в российской кавалерии. По приказанию генерал-лейтенанта П. Липранди, 5-й и 6-й эскадроны Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка были отправлены на правый фланг за Федюхины высоты для усиления отряда генерал-майора И. Жабокритского¹⁶. Английские войска в Балаклаве, встревоженные началом российского наступления, выдвинулись из города и заняли позиции к обороне между уже потерянными передовыми редутами и Балаклавой. Отступившие из редут турки встали на правом фланге англичан. Генерал-майору Д. Кардигану с легкой кавалерийской бригадой было приказано выдвинуться к Балаклавским (Кадыкийским) высотам, в район потерянных передовых редут, а бригадному генералу Д. Скарлетту с тяжелой кавалерийской бригадой приказано было занять позиции на левом фланге 93-го Шотландского (горцы Аргайла и Сазерленда) пехотного полка.

После взятия передовых редут генерал-лейтенант И. Рыжов двинул в бой гусарскую бригаду. При этом один эскадрон Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка был оставлен в долине для прикрытия артиллерии. Гусарские полки двигались дивизионными колоннами в две линии. Чтобы достичь позиций неприятеля, гусарам необходимо было пересечь небольшую долину между Балаклавскими (Кадыкийскими) и Федюхиными высотами. Пройдя эту долину, гусарская бригада должна была подняться на возвышенности, образуемые частью Балаклавских (Кадыкийских) высот. Е. Арбузов так описывал местность, которую занимали позиции англичан: «...неприятельская позиция, в отношении нашего движения, представляла вид громаднейшего люнета, обращенного к нам горжей, фланги которого были: Сапун-гора и высоты близ Балаклавы; угол же его приходился по направлению к Георгиевскому монастырю»¹⁷. Исходя из описания местности гусарские полки рисковали попасть под огонь неприятельской артиллерии и пехоты, располагавшихся на Сапун-горе и окрестных возвышенностях, что и произошло в дальнейшем. Еще до непосредственного соприкосновения с кавалерией противника гусарская бригада начала нести потери от огня неприятельских стрелков и артиллерии. Достигнув рубежа начала атаки на предполагаемый

артиллерийский парк, гусарские полки неожиданно оказались перед кавалерией англичан, которую до этого скрывали Балаклавские (Кадькиийские) высоты. Далее последовал кавалерийский бой, результат которого в будущем породил множество споров. Следует учитывать тот факт, что самые подробные описания данной кавалерийской схватки с российской стороны оставили только двое непосредственных участников событий. Это генерал-лейтенант И. Рыжов, начальник всей кавалерии и конной артиллерии Чоргунского отряда и Е. Арбузов, штабс-ротмистр Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка. Их сравнительный анализ друг с другом и исследованиями английской стороны показал, что при наличии некоторых расхождений в данных описаниях кавалерийского боя есть и много общего. Оба российских участника гусарской атаки пишут про неожиданную встречу с английскими драгунами, построенными в боевых порядках. Оба утверждают, что англичане встретили гусаров, стоя на месте, таким образом дав им возможность совершить необходимые перестроения к атаке. А также оба участника сражения пишут об отступлении английских драгун и беспрепятственном возвращении своих гусарских полков на исходные позиции. Более того генерал-лейтенант И. Рыжов и штабс-ротмистр Е. Арбузов указали примерно одинаковое время хода кавалерийского боя – от семи до десяти минут. Также одинаково упомянули об особой ожесточенности схватки, в которой противники не желали уступать друг другу. Воспоминания были написаны этими людьми в разное время и опубликованы в разных изданиях, независимо друг от друга. Определив все это, можно сделать выводы о наличии некоторой степени достоверности в описании событий. Противником гусарской бригады была тяжелая кавалерийская бригада под командованием бригадного генерала Д. Скарлетта. Состав бригады: 1-й королевский драгунский полк; 2-й королевский Северо-Британский драгунский полк; 4-й королевский Ирландский гвардейский драгунский полк; 5-й гвардейский принцессы Шарлотты Уэльской драгунский полк; 6-й Иннискиллингский драгунский полк¹⁸. Отметим, что некоторые эпизоды в рассказах упомянутых авторов находят подтверждение в английской историографии. Е. Арбузов указывал на наличие неких коновязей и сервированных столов, которые гусарам пришлось преодолевать на пути к английским драгунам. В действительности это была часть английского лагеря, по некоторым английским источникам – часть

расположения легкой кавалерийской бригады генерал-майора Д. Кардигана. Английский историк К. Хибберт писал, что шотландской кавалерии приходилось прокладывать дорогу через палаточный городок легкой бригады¹⁹. Шотландской кавалерией данный автор называл 2-й королевский Северо-Британский драгунский полк, который в английской армии имел еще название «шотландские серые». Еще К. Хибберт называл время от начала до конца боя, которое примерно совпадает со временем, указанным И. Рыжовым и Е. Арбузовым: «Спустя восемь минут после того, как Скарлетт приказал подать сигнал к наступлению, русские галопом отходили по Воронцовской дороге в сторону Верхнего прохода»²⁰. Другой английский исследователь, Д. Суитман указывал, также как и И. Рыжов и Е. Арбузов, на тот факт, что бригадный генерал Д. Скарлетт остановил своих драгун, неожиданно встретив российских гусар на Балаклавских (Кадькиойских) высотах. Также из его описания можно заключить, что полки тяжелой бригады вступали в рубку не развернутым полковым строем, а поэскадронно, по мере выхода на удобный рубеж атаки, минуя всевозможные препятствия, затруднявшие движение (виноградники, неровности рельефа местности и пр.)²¹. По мнению автора, указанные факты могут служить подтверждением достоверности описываемых событий, так как о них упоминают российская и английская сторона. Однозначно в историографии разнятся только результаты этой кавалерийской схватки. Обе стороны однозначно приписали победу каждая себе. В принципе это не единичный случай в военной истории, когда нет неоспоримого поражения одной из противоборствующих сторон. Очевидец данного кавалерийского боя английский офицер А. Кинглэк также указывал на российское отступление: «В то же время английская кавалерия, под начальством Скарлетта, шедшая к Кадькиюю, напала на русскую кавалерию; произошло кавалерийское сражение, после которого русские отступили...»²² Если представить себе, что гусарская бригада действительно отступила, тогда почему англичане не предприняли никаких дальнейших решительных действий для ее окончательного уничтожения, как этого требовала и в данном случае всячески этому способствовала боевая обстановка. Тот же К. Хибберт объяснял отсутствие преследования со стороны тяжелой бригады англичан тем, что она, якобы, потеряла строй²³. Д. Суитман объяснял этот факт обеспокоенностью бригадного генерала Д. Скарлетта, тем, что, увлекшись преследованием,

его драгуны окажутся под губительным огнем российской артиллерии с Федюхиных высот²⁴. Еще стоит учесть, что рядом в боевых порядках, готовая к атаке, стояла легкая кавалерийская бригада генерал-майора Д. Кардигана. Сложившаяся боевая обстановка требовала от него поддержать и развить успех тяжелой кавалерийской бригады. Тем не менее обе бригады бездействовали и только наблюдали за российским отступлением.

Теперь подробно остановимся на численном превосходстве российских гусар в данной схватке, о котором бесконечно пишут иностранные историки, дабы подчеркнуть заслуги английской тяжелой кавалерийской бригады. У канадского ученого А. Трубецкого можно найти следующее утверждение: «Однако для британцев этот успех можно считать выдающимся: Скарлетт повел в бой 800 драгун против 1600 русских гусар и победил, заставив врага отступить»²⁵. Еще один свидетель данных событий капрал Г. Пауэлл из 13-го легкого драгунского полка легкой кавалерийской бригады, которая находилась в непосредственной близости от схватки, по поводу данного кавалерийского боя и отступления российской кавалерии вспоминал: «В наступление идет следующая шеренга; завязывается типичная схватка на саблях. Русской коннице это поднадоело; они развернулись и помчались во всю прыть назад под залпы ружейного огня...»²⁶ Как видно, это более чем скромное описание «выдающегося успеха» от свидетеля схватки, в которой английские драгуны якобы обратили в бегство численно превосходящие силы противника. Подобных соотношений численности российских гусар и английских драгун, как были приведены выше, множество, но все они мало соответствуют действительности. Часто историки сообщают просто штатную численность полков или общую численность российской кавалерии, что была в Чоргунском отряде, не указывая, что на драгун бригадного генерала Д. Скарлетта вышли только два гусарских полка, неполного состава, и то один из них без трех эскадронов. Теоретически российская бригада из двух полков легкой кавалерии в два раза превосходила по штатной численности английскую тяжелую кавалерийскую бригаду, состоявшую из пяти драгунских полков²⁷. Но под Балаклавой это могло произойти только в том случае, если в строй поставили бы сто процентов личного состава. Как указывалось выше, три эскадрона веймарских гусар в данном кавалерийском бою не участвовали, а выполняли другие задачи, и И. Рыжовым и Е. Арбузовым

прямо указывалось, что эскадроны их полков, еще до начала схватки, имели далеко не полный комплект личного состава. Эти факты позволяют сделать вывод, что в бою на Балаклавских (Кадькийских) высотах российские гусары, если и превосходили английских драгун численностью, то это превосходство явно не было решающим. Для определения – что же действительно произошло на высотах под Балаклавой во время знаменитого сражения, необходимо рассмотреть исследуемый эпизод с точки зрения тактики. Тогда возможно с некоторой долей вероятности восстановить картину, близкую к правде, и объяснить решение российского кавалерийского командования на отступление. Военная наука предполагает оставление воинскими частями своих позиций в зависимости от сложившейся боевой обстановки. Причиной этому далеко не всегда служит поражение, полученное от противника. В нашем случае, в объяснении отступления российских гусар сможет помочь знание боевой задачи которая ставилась главным командованием командиру российской кавалерии. Итак, как было сказано выше, в качестве боевой задачи от генерал-лейтенанта П. Липранди гусарским полкам ставилась атака на неприятельский артиллерийский парк. Выйдя к объекту атаки, генерал-лейтенант И. Рыжов обнаружил вместо предполагаемого артиллерийского парка подразделения тяжелой кавалерийской бригады англичан. Российских гусар и английских драгун разделяла часть полевого палаточного лагеря легкой кавалерийской бригады, которая, скорее всего, накануне сражения и была принята российским командованием за упомянутый артиллерийский парк. Как указывается очевидцами и историками с той и с другой стороны, эта встреча стала неожиданностью для обоих кавалерийских начальников, так как их движение скрывал пересеченный рельеф местности. Произошел кавалерийский бой, в котором обе стороны показали себя с наилучшей стороны. Зная боевую задачу, поставленную генерал-лейтенанту И. Рыжову командованием Чоргунского отряда, его дальнейшие действия вполне объяснимы. Выйдя на указанный рубеж атаки и дав бой неприятелю, начальник российской кавалерии посчитал свою задачу выполненной.

Как бы там ни было, но далее обстановка для российских гусар все равно складывалась неблагоприятно. Даже если предположить, что тяжелая кавалерийская бригада отступила с потерями, все равно она не была уничтожена и сохранила свою боеспособность.

На правом фланге, относительно двух российских гусарских полков, в боевых порядках, готовая к атаке, стояла легкая кавалерийская бригада генерал-майора Д. Кардигана. На левом фланге – турецкая пехота. В глубине позиций противника, за легкой кавалерийской бригадой, в сторону Сапун-горы, находились французская пехота и кавалерия, в сторону деревни Кадыккой по направлению к Балаклаве выстроился 93-й Шотландский пехотный полк, а за ним, на некотором расстоянии, английская артиллерия. Какие силы неприятеля находятся далее в Балаклаве и какая там сложилась обстановка, на тот момент генерал-лейтенант И. Рыжов не мог знать. Но он знал об общей задаче всего Чоргунского отряда – занять только передовые редуты укрепленного лагеря союзников, что в ходе сражения и было исполнено пехотой. Если бы И. Рыжов начал движение в сторону Балаклавы, то основные силы Чоргунского отряда остались бы далеко позади, на занятых редутах, на Федюхиных высотах, в долине реки Черная и, исходя из занимаемых ими позиций, не смогли бы оказать никакой поддержки гусарам. Возможный прорыв далее к Балаклаве двух гусарских полков, неполного состава и ослабленных в схватке с драгунами, без поддержки своей артиллерии и пехоты, вряд ли мог привести к успеху. В такой обстановке генерал-лейтенант И. Рыжов принял единственное разумное решение: отказаться от дальнейшего наступления и вернуться на исходные позиции. Тем более, что задачу, поставленную командованием, И. Рыжов считал выполненной, а цель сражения – захват первых четырех редутов неприятеля – была уже достигнута. Таким образом, данный кавалерийский бой не имел никакого результата. Но для английской стороны, для тяжелой кавалерийской бригады Д. Скарлетта оставление российской кавалерией поля боя, конечно же, выглядело как отступление. О чем и не преминули в скором времени написать английские исследователи²⁸.

Остается только догадываться, почему генерал-лейтенант П. Липранди в своем донесении князю А. Меншикову не указал подробностей этого боя²⁹. Скорее всего потому, что данный кавалерийский бой не оказал решающего влияния на исход Балаклавского сражения. Однако, у И. Рыжова по поводу этой схватки есть запись. «Я ... никогда не видал кавалерийской атаки, в которой обе стороны, с равным ожесточением, стойкостью и, можно сказать, упорством рубились на месте такое продолжительное время, да и

в военной истории кавалерийских атак немного встретишь таких примеров... Атака эта самыми недоброжелательными для нас людьми не может быть названа иначе, как самую смелую, решительную, образцовую...»³⁰ По мнению автора, отличными показателями для оценки атаки гусарской бригады на английскую тяжелую кавалерию в Балаклавском сражении могут послужить награды офицеров и нижних чинов, на примере Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка. Из двадцати девяти офицеров полка, участвовавших в данной атаке, двенадцать были награждены орденами или производством в следующий чин. Из нижних чинов полка – семь получили знак отличия Военного Ордена святого Георгия Победоносца. Один унтер-офицер за храбрость был произведен в корнеты. Командир полка генерал-майор А. Бутович удостоился монаршего благоволения³¹. Это за бой, который длился, по воспоминаниям участников, семь-десять минут.

Итак, бой российских гусар с английскими драгунами, несмотря на ожесточенность, не повлиял на исход Балаклавского сражения в пользу какой-либо из противоборствующих сторон. Возможно, по этим причинам данному кавалерийскому бою на подступах к Балаклаве не уделялось достаточного внимания в отечественной военной историографии. Тем не менее, по мнению автора, как этот бой, так и вся российская кавалерия в Балаклавском сражении заслуживают более пристального внимания, чем сегодня принято считать. Не стоит забывать, что и сам император Николай I придавал этому роду войск важнейшее значение, как главной подвижной силе армии³². В полной мере заслуживают научного переосмысления итоги и уроки Балаклавского сражения в целом³³. Потому что данные события являются составной частью общей истории Российской армии эпохи императора Николая I – истории, к тому же, в современных условиях малоисследованной.

---

¹ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. III. СПб.: Тип. Ф. Сушчинского, 1876. 471 с.

² Восточная война 1853–1856 гг. Описание действий сухопутных войск генерал-лейтенанта А.М. Зайончковского // История русской армии. М.: Эксмо, 2007. С. 411–472.

³ Свечин А. Эволюция военного искусства. Т. II. М.-Л.: Военная литература, 1928. 619 с.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.: АСТ, 2005. 1368 с.

- ⁵ Kinglake A. *Invasion of the Crimea. V. I–VIII*. London, 1863–1887. P. 2800.
- ⁶ Basancourt C. de. *L'expédition de Crimée. L'armée française a Gallipoli, Vame et Sebastopol. Chronicles militaires de la guerre d'Orient. V. 1, 2*. Paris, 1858. S. 430.
- ⁷ Нолан Л. *История и тактика кавалерии*. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1871. 293 с.
- ⁸ Военные реформы 60–70-х гг. XIX в. // *Военная история Отечества: С древних времен до наших дней. Т. 2 / Под ред. В. А. Золотарева*. М.: Мосгорархив, 1995. С. 5–28.
- ⁹ Фадеев Р.А. *Вооруженные силы России. Т. II: Наш военный вопрос. Восточный вопрос*. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. С. 119.
- ¹⁰ *Русская военная сила. Вып. X*. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерева и Ко., 1889. С. 131.
- ¹¹ *Военная энциклопедия. Т. IV / Под ред. В. Ф. Новицкого и др.* СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 352.
- ¹² *Новороссийский календарь на 1855 год*. Издательство Ришельевского Лицея. Одесса: Городская Тип., 1854. С. 269.
- ¹³ Тотлебен Э.И. *Описание обороны г. Севастополя. Ч. I*. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Комп., 1863. 845 с.
- ¹⁴ *Донесение генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова о наступательном действии отряда генерал-лейтенанта Липранди против лагеря союзников, прикрывающих дорогу из Севастополя в Балаклаву // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV*. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 20–22.
- ¹⁵ Арбузов Е.Ф. *Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах*. // *Военный сборник*. 1874. № 4. С. 397–398.
- ¹⁶ Там же. С. 399.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Суитман Д., Мерсер П. *Крымская война. Британский лев против русского медведя / Пер. с англ. А. Колина*. М.: Эксмо, 2011. С. 42.
- ¹⁹ Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана / Пер. с англ. Л.А. Игоревского*. М.: Центрполиграф, 2004. С. 162.
- ²⁰ Там же. С. 164.
- ²¹ Суитман Д., Мерсер П. *Указ. соч.* С. 70–81.
- ²² Отрывок из сочинений Кинглэка о сражении под Балаклавой // Дубровин Н.Ф. *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV*. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 88.
- ²³ Хибберт К. *Указ. соч.* С. 164.
- ²⁴ Суитман Д., Мерсер П. *Указ. соч.* С. 79.
- ²⁵ Трубецкой А. *Крымская война*. М.: Ломоносов, 2010. С. 162.
- ²⁶ *Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны, написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го легкого драгунского полка // Military Крым: военно-исторический журнал. № 24*. 2013. С. 21.
- ²⁷ Брикс Г. *История конницы. Кн. 2 / Пер. с нем. Е.А. Рауш фон Траубенберга. (Печатается по изданию: Денисон Дж. История конницы. СПб., 1897.)* М.: АСТ, 2001. С. 255–256.
- ²⁸ Raugh H.E. *The Victorians At War, 1815–1914: An Encyclopedia of British Military History*. 2004. P. 209.
- ²⁹ *Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову Начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди, от 14-го октября № 3,076 // Собрание*

донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Военная типография, 1858. С. 236–238.

³⁰ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Рыжова) // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 78.

³¹ Борисевич А.Т. История 30-го драгунского Ингерманландского полка 1704–1906. Ч. II. СПб.: Тип. «Бережливость», 1906. С. 168–169.

³² Кухарук А.В. Большие кавалерийские маневры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 111–120.

³³ Кудрявцева Н., Рузаев В., Рибалка В. Балаклавська битва Кримської війни (1853–1856): підсумки, уроки // Кримська війна: історія та уроки 1853–1856 рр.: Науковий збірник. Матеріали Міжнародної наукової військово-історичної конференції, 27–29 вересня 2013 року місто Севастополь. К.: НВІМУ, 2013. С. 274–279.

М.А. Анисимова (Санкт-Петербург)

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЯПОНСКИЕ МЕЧИ И НОЖИ ЭПОХИ МЭЙДЗИ (1868–1912)

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ в истории японского меча было связано с преобразованиями так называемой революции Мэйдзи, начавшейся в 1868 г. В это время происходит реставрация монархии, переход власти от феодальных кланов к императору, ликвидация самурайского сословия и превращение средневековой феодальной Японии в капиталистическую страну с развитой промышленностью и боеспособной армией. Перенимая опыт ведущих стран мира, японцы перестраивали армию по европейскому образцу, включая соответственно их обмундирование и вооружение. В 1876 г. вышел правительственный указ «Хайто рэй» о прекращении ношения мечей для всех, кроме «военных чинов и чиновников соответствующего положения только на государственных церемониях»¹. В армии на смену традиционным самурайским мечам пришли мечи промышленного производства, отличающиеся дешевизной, простотой изготовления и отвечающие требованиям нового времени.

Из-за запрета на ношение спрос на самурайские мечи становится минимальным, что вызывает резкое падение цены на них. Изготовление новых мечей почти прекратилось, а изготовленные ранее мечи были заброшены и ржавели, без соответствующего ухода. Детали их оправ (*фути, касира, мэнуки, цуба*), зачастую представляющие собой произведения декоративно-прикладного искусства, снимались и распродавались. Большое количество мечей попало в антикварные магазины, некоторые были переделаны в ножи или пущены в переплавку. Даже немногочисленные коллекционеры японских мечей почти не покупали ничего, за исключением наиболее высококачественных образцов. Согласно рыночным ценам,

в это время за одну японскую иену (ныне эквивалент 20–30 тыс. иен) можно было купить меч хорошего качества. За 5–10 иен можно было купить прекрасный старинный меч, сделанный в провинции Бидзэн². Только к началу XX в. правительство начинает серьезно обращать внимание на сохранение традиционных мечей.

Несколько сотен кузнецов, работавших из поколения в поколение на протяжении веков на местных князей (даймё), были доведены до разорения. Почти все ремесленники, связанные с изготовлением мечей, полировщики, изготовители ножен, намотчики рукоятей, лакировщики, ювелиры потеряли работу. Чтобы выжить, многие из них занялись производством предметов национального декоративно-прикладного искусства на экспорт. Это было обусловлено тем обстоятельством, что как на Западе, так и в России во второй половине XIX в. начинается увлечение Японией и появляется мода на японские вещи.

Шедевры японского изобразительного и прикладного искусства были представлены на Всемирных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867) и вызвали волну интереса к этой стране и ее традициям. Оттуда триумфальное шествие японского искусства продолжалось в Вену и Берлин, Петербург и Москву. мода на Японию в России нашла свое отражение в искусстве «серебряного века», в стихах Мережковского, Брюсова, Константина Бальмонта, творчестве художников «Мир искусства»³.

Таким образом, основным рынком сбыта становится Запад, что не могло не повлиять на стиль производимых изделий. Если для японца всегда главным был клинок и его качество, то теперь, наоборот, основным достоинством становится оправа, так как данный предмет изготавливался уже не как оружие, а скорее, как произведение декоративно-прикладного искусства.

В результате появляется целый ряд оправ клинкового оружия, которые не были распространены до тех пор в Японии – из слоновой кости и дерева, украшенные резьбой, а также выполненные в технике перегородчатой эмали *клуазоне*, по-японски называвшейся *юсэн-ситто*.

Техника декора металлических изделий цветными эмалями была известна в Японии еще в XVI в. благодаря контактам с Китаем. В декоре оружия она использовалась, в основном, для украшения *цуба*. Это была техника *ситто-дзоган*, выемчатой эмали, когда цветные стекловидные эмали заливается в углубления, вырезанные на

металлической поверхности *цуба* или другого элемента оправы. С 1830-х гг. в Японии начинается освоение приемов перегородчатой эмали *клуазоне*, что позволяло создавать изделия, поверхность которых полностью покрывалась эмалями. На медную или латунную основу сначала наносилась кистью сеть тончайших линий, образующих тот или иной рисунок, затем по этим линиям припаивались тонкие медные пластинки, пустые промежутки между которыми заполнялись разноцветными эмалями. Потом их обжигали, затем полировали, пока поверхность не становилась гладкой и блестящей.

Производство изделий из перегородчатой эмали было сосредоточено, в основном, в трех городах Японии: в Киото, Токио и Нагоя. Качество изделий мастеров Киото и Токио намного превосходило те, что производились в Нагоя, хотя в последнем их начали изготавливать раньше. Стили Киото и Токио отличались между собой: в Киото преобладали темные, оливковые и серые оттенки цветов, в Токио – голубые, красные цвета, в целом – светлых тонов. И в работах киотских мастеров, даже первоклассных, можно рассмотреть отдельные линии металлической сети, покрывающей предмет, в то время как токийские художники стремились сделать эти линии невидимыми, так, чтобы работа походила на живопись.

Мастерские, производящие этого рода товары, работали на экспорт или исключительно на заказ. Работа была очень кропотливая и требующая много времени. Очевидцы отмечали, что «ценность этих изящных вещиц зависит исключительно от чистоты работы, зачастую среди предметов одинаковой величины и рисунка может быть огромная разница в цене, даже если материал тот же и работал один мастер, но у более дешевого есть какой-либо изъян, зачастую незаметный – неудавшийся лепесток цветка, ничтожная неправильность линий. Эти вещи по своей дороговизне были совершенно недоступны для большинства простых японцев»⁴.

Если отдельные детали оправы выполнялись в технике перегородчатой эмали и раньше, то украшение подобным образом ножен и рукояти меча стало характерным именно для этого времени. Из сюжетов были распространены изображения драконов, птиц и цветов, растительного орнамента. Оправы таких мечей, как правило, воспроизводили облик традиционных мечей самураев.

Другим, и гораздо более распространенным видом оправ декоративных мечей и ножей этого времени были оправы из слоновой кости. Несмотря на то что резные изделия из слоновой кости изготавливались еще в эпоху Эдо (1603–1868), широкое их распространение стало характерным для эпохи Мэйдзи. Такие оправы, как правило, состоят из подобранных по размеру кусков кости (бивня слона), собранных на основе из дерева. Эти куски соединялись так, что одна часть находила на другую, и склеивались между собой. Основными сюжетами были изображения японцев в национальных костюмах на фоне пейзажей, драконы, растительный орнамент. Композиция была, как правило, вертикальная, расположена ярусами. Качество резьбы могло быть самым разным – от примитивно-схематической до высокохудожественной, с тонкой проработкой деталей. Несмотря на использование нетрадиционных для оружия самураев материалов, можно видеть, что детали меча воспроизводят те, что были характерны для традиционных парадных мечей *тати*, ножей *танто*. Например, на мечах можно видеть обоймицы для подвеса, как на *тати*, вырезанные из кости или сделанные из металла навершия типа *кабутоганэ*, на ножах – выступы для продевания шнура, называемые *куругата*. Клинки таких мечей и ножей также воспроизводили формы, традиционные для Японии (*синогидзукури*, *хирадзукури*, реже *сэбудзукури*), но отличались невысоким качеством. Поскольку меч не предназначался для ведения боевых действий, клинки, которые специально изготавливались для таких оправ, делались по упрощенной технологии, не проходили закалку и, соответственно, не имели *хамон*. Хвостовик, в отличие от классической монтiroвки, закреплялся в рукояти наглухо, так как этот тип оправы не предполагал разбора меча. При этом, в этих оправках нередко встречаются и клинки, сделанные в более ранние времена традиционным способом и по каким-то причинам утратившие свою прежнюю оправу. *Цуба* были либо из кости, в виде кольца, закрепленного на деревянной основе, либо простые гладкие из металла. Если на классических мечах муфта *хабаки* всегда имела вырез в месте перехода клинка к хвостовику, то на таких мечах и ножах можно видеть *хабаки* без выреза, особенно на более дешевых образцах.

Изделия из слоновой кости в широком ассортименте продавались в магазинах Нагасаки, Хамано и других японских портовых городов, где жили иностранцы⁵. Помимо антикварного рынка,

в Россию японские мечи, ножи, наряду с произведениями декоративно-прикладного искусства, могли привозиться офицерами, побывавшими в японском плену во время Русско-японской войны (1904–1905). Одним из источников, по которому можно об этом судить, являются номера еженедельной газеты «Япония и Россия», выпускавшейся «Обществом Духовного утешения военнопленных» в городе Кобэ. Это общество было организовано японскими православными христианами, появившимися в Японии в конце XIX в. в результате миссионерской деятельности православного священника отца Николая (Японского). Основным содержанием газеты были новости, известия с театра войны, но часто встречались и сведения о японской истории, культуре, быте, легенды о японских героях. Там можно было встретить статьи с иллюстрациями о японском вооружении разных времен с подробными описаниями и объяснением терминов. Согласно опубликованному в этой газете «Положению о свободной прогулке и жительстве в частных квартирах», содержание русских военнопленных не было слишком строгим и предполагало возможность свободного передвижения по улицам городов и приобретения товаров, в том числе предметов вооружения, в личные коллекции. Кроме того, цены в Японии на тот момент были невысоки, а денежное содержание офицеров вполне достаточным⁶.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеются два меча в оправе из перегородчатой эмали и 30 единиц мечей и ножей в оправе из слоновой кости. Почти все они поступили в музей в 1920-х – начале 1940 гг. Основными источниками были поступления из Государственного музейного фонда (1920-е гг.), собрания Общества Ревнителей Истории (1925 г.), НКВД (1930-е гг.), а также приобретения у частных лиц в 1930–1940-х гг.

Общество Ревнителей Истории, организованное историком М.К. Соколовским в 1911 г., имело свою коллекцию оружия и предметов, связанных с военной историей, состоящую примерно из пяти с половиной тысяч единиц. В 1925 г. Общество Ревнителей Истории было закрыто, а его собрание было распределено по разным организациям. Большая часть предметов была передана в Артиллерийский музей, из них около 70 имели отношение к японскому вооружению. Согласно описи, в музей поступило одиннадцать единиц клинкового оружия, имевших оправы из слоновой кости⁷.

В качестве лучших образцов декоративного оружия Японии этого периода в собрании музея можно привести следующие: меч в оправе *тати*, выполненной в технике перегородчатой эмали (инв. № 0116/990) и нож в оправе из слоновой кости, украшенной художественной резьбой (инв. № 0122/2).

**Меч *тати* (Япония),
вторая половина XIX в. (инв. № 0116/990)**

Клинок стальной, однолезвийный, слабоизогнутый, пятигранный, типа *синоги-дзукури*. Линия закалки *хамон* волнистая. На основании клинка муфта *хабаки* из белого металла с гравированным с обеих сторон изображением облаков и дракона. Изображение дракона позолочено.

Оправа состоит из рукояти, *цуба*, ножен, украшенных в технике перегородчатой эмали *клуазоне* серо-голубых цветов с искусно выполненным изображением драконов и облаков. Цуба имеет форму *аои* (четырёхлепесткового цветка мальвы), характерную для парадных мечей *тати*. С обеих сторон рукояти имеются латунные позолоченные *мэнуки* в виде свернувшегося дракона. Навершие рукояти с фигурной прорезью, сквозь которую проходит стержень с головкой и кольцом для темляка. Прибор ножен латунный,

**Фрагмент меча *тати* (Япония), вторая
половина XIX в. (инв. № 0116/990)**

Меч *тати* (Япония), вторая половина XIX в. (инв. № 0116/990)

состоит из устья, двух массивных обоймиц с кольцами для подвеса, фигурного кольца и наконечника ножен с длинными стреловидными пластинами с прорезями на концах, скрепленных тремя кольцами разной формы и служащими для укрепления ножен. Все детали прибора украшены гравировкой в виде облаков, обоймицы дополнительно украшены изображением драконов.

Размеры: общая длина 102 см, длина клинка 70,5 см, ширина клинка 3 см.

Поступление: в 1943 г. из Управления Народного Комиссариата государственной безопасности Ленинградской обл.

**Нож в оправе из слоновой кости (Япония),
вторая половина XIX в. (инв. № 0122/2)**

Клинок стальной, незначительной кривизны, однолезвийный, пятигранный в сечении, типа *сёбу-дзукури*. *Хабаки* из меди, позолочен. Оправа состоит из рукояти, небольшой *цуба* и ножен из слоновой кости, выполненных в форме стилизованного дракона. Украшена художественной резьбой с изображениями японцев

**Нож в оправе из слоновой
кости (Япония), вторая
половина XIX в. (№ 0122/2)**

**Рукоять и фрагмент ножа
в оправе из слоновой кости
(Япония), вторая половина
XIX в. (№ 0122/2)**

в традиционных одеждах на фоне пейзажа. *Цуба* и нижняя часть рукояти покрыты растительным орнаментом. Верхняя часть рукояти в виде морды дракона.

Размеры: общая длина: 33 см, длина клинка 19 см, ширина клинка 2,6 см, длина ножен 23,5 см.

Поступление: в 1939 г. из Народного Комиссариата внутренних дел.

---

¹ Цит. по: Баженов А.Г. История японского меча. СПб.: Атлант, Издательский дом «Балтика», 2001. С. 24.

² Tom Kishida. The Yasukuni swords are weapons of Japan 1933–1945. Tokyo, 2004. P. 44.

³ Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 24–25

⁴ Черевко А.А. Очерки современной Японии. СПб., 1898. С. 78–80.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Япония и Россия. 1905. № 2. С. 11.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 60. Л. 33–33 об.

В.А. Афанасьев (Москва)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ ПОЛКОВОДЦЕВ И ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

И ДЯ НАВСТРЕЧУ 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы вспоминаем целую плеяду замечательных советских полководцев, принесших славу отечественному оружию. Это маршалы Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин и многие другие. Хотя их профессиональные качества в основном формировались уже в советский период, но азы военной службы большинство из них постигало еще в Русской императорской армии в годы 1-й мировой войны, называвшейся тогда Великой, или Второй Отечественной.

Однако события этой войны в свете произошедших после нее событий в нашей стране оказались на длительное время затененными и рассматривались исключительно через крайне политизированную призму, поэтому как-то в тени оказалась и служба в тот период будущих советских военачальников.

Между тем нельзя не отметить, что в России до 1917 г. был накоплен значительный опыт подготовки военных кадров. К началу 1-й мировой войны российская система военного образования по своему педагогическому потенциалу и уровню подготовки выпускников занимала одно из ведущих мест в мире. Многие советские военачальники оперативно-стратегического звена периода Великой Отечественной войны своей подготовкой в определенной мере обязаны именно этой системе.

Накануне Великой Отечественной войны во главе военных округов и армий стояли в большинстве своем относительно молодые (до 50 лет) военачальники, преимущественно выходцы из рабочих и крестьян. Многие из них первоначальное военное образование

получили еще в Русской императорской армии, окончив военные училища (по ускоренному курсу) или школы прапорщиков.

Всего за годы Великой Отечественной войны фронтовыми объединениями командовали 43 военачальника. Большинство из них были участниками 1-й мировой войны, многие в Русской императорской армии дослужились до офицерских погон. Так М.А. Рейтер был полковником, штабс-капитанами были А.М. Василевский, М.П. Ковалев, Ф.И. Толбухин, Н.Е. Чибисов, офицерские погоны носили также И.Р. Апанасенко, И.Х. Баграмян, Л.А. Говоров, М.Г. Ефремов, Г.Ф. Захаров, Д.Т. Козлов, Ф.И. Кузнецов, П.А. Курочкин, И.Е. Петров, М.А. Пуркаев, П.П. Собенников, И.В. Тюленев, М.С. Хозин. Унтер-офицерские звания имели П.А. Артемьев, С.М. Буденный, В.Н. Гордов, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, В.А. Фролов и Я.Т. Черевиченко.

Из 10 военачальников, командовавших фронтами на завершающем этапе войны, 4 имели в Русской императорской армии оберофицерские звания, 3 – унтер-офицерские, двое были ефрейторами. Из 72 командующих общевойсковыми и танковыми армиями 1945 г. 18 начали постигать военную науку еще в военных училищах и школах прапорщиков императорской России.

Боевой путь каждого из этих военачальников в годы 1-й мировой войны интересен и поучителен. Однако в силу ограниченного объема публикации остановимся на фронтовой судьбе лишь некоторых будущих выдающихся советских военачальников.

Так, будущие Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский начали военную службу в кавалерии, самом маневренном в то время роде войск. Оба сполна познали тяжелую солдатскую службу, стали унтер-офицерами, георгиевскими кавалерами.

Для Г.К. Жукова военная служба началась в августе 1915 г., когда уже вовсю полыхала 1-я мировая война. Рядовым драгуном он был направлен в учебную команду 5-го запасного кавалерийского полка, где начал изучать азы кавалерийской науки. По свидетельству однополчан, учился он с исключительным упорством и уже тогда во многом был примером для товарищей по службе. Земляк и однополчанин Жукова Ф.М. Титов вспоминал: «Среди приемов боевой подготовки обучались рубке соломенных чучел-макетов, которые ставили слева и справа по ходу движения кавалериста. Лошади пускались в карьер, а задача кавалериста состояла в том, чтобы как можно больше поразить мишеней макетов с обеих сторон

шашкой. В этом виде упражнения не было равных в эскадроне Егору Жукову. Когда проводились полковые учения, смотры, то первым по просьбе кавалеристов эскадрона пускали на рубку чучел-макетов Егора Жукова. И тогда на его примере все остальные успешно выполняли этот прием. Часто солдаты кричали хором: «Давай первым Егорку Жукова!» Немалая заслуга Егора Жукова в том, что эскадрон числился среди лучших.

Рядовые кавалеристы относились к нему уважительно за товарищество, подтянутость, дисциплинированность. Брали во многом с него пример...»¹

Весной 1916 г. в числе тридцати наиболее подготовленных солдат кавалеристов Георгий Жуков был отобран для учебы на унтер-офицера. В действующую армию вице-унтер-офицер Жуков попал лишь в августе 1916 г., когда в составе пополнения прибыл на Юго-Западный фронт в 10-й драгунский Новгородский полк 10-й кавалерийской дивизии (рис. 1, 2). В составе этого полка ему довелось участвовать в боях, главным образом разведывательных.

Рис. 1. Вице-унтер-офицер Г. Жуков. 1916 г.

Рис. 2. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. 1945 г.

Всего несколько месяцев пробыл на фронте Г.К. Жуков, но воевал хорошо, за это небольшое время он успел стать кавалером двух Георгиевских крестов, получил тяжелую контузию. Это ли не свидетельство того, что тяжелую солдатскую науку он освоил весьма успешно. У сослуживцев будущий маршал пользовался заслуженным авторитетом. Весьма показателен тот факт, что после Февральской революции солдаты маршевого эскадрона 5-го запасного кавалерийского полка, куда

он был направлен после госпиталя, единогласно избрали его председателем эскадронного комитета солдатских депутатов и делегировали его в полковой комитет.

Военная служба другого будущего прославленного маршала – К.К. Рокоссовского началась в 1914 г., когда 1-я мировая война только разгоралась. Начало войны было ознаменовано в России большим патриотическим подъемом. Молодежь стремилась в армию. Не был исключением и Константин Рокоссовский.

По свидетельству самого Рокоссовского, он «с юношеских лет увлекался военно-исторической литературой, отображавшей развитие военного искусства, начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев»². И поэтому с началом войны искал возможность оказаться в армии, хотя, не достигнув еще 21-летнего возраста, призыву пока не подлежал.

Когда 2 августа 1914 г. в польский город Гроец вступил 5-й Каргопольский драгунский полк, передислоцированный с началом мобилизации из Казани³, Константин Рокоссовский не преминул воспользоваться представившейся возможностью. Полковому командиру полковнику Артуру Адольфовичу Шмидту доложили, что несколько местных молодых людей желают быть зачисленными в полк, среди которых был и 18-летний Константин Рокоссовский. Желая поступить на службу, он добавил себе два года. Командиру полка понравился высокий, плечистый парень, и он дал команду зачислить его в полк.

В тот же день был издан приказ по полку, в котором отмечалось: «Крестьянин Гроецкого уезда дер. Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения 1-го разряда в 1911 году и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокоссовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон»⁴.

Война началась с приграничных сражений. В Восточной Пруссии, в западных районах Польши, в Галиции русские и австро-немецкие войска медленно сближались друг с другом, стараясь прощупать намерения противостоящей стороны и одновременно создавая условия для завершения мобилизации. Маневренным кавалерийским частям при этом отводилась особо важная роль.

В такой обстановке начал осваивать премудрости военного дела Константин Рокоссовский. Времени на раскачку не было. Приходилось схватывать все на лету. С первых же дней службы ему удалось отличиться.

8 августа передовые разведки Каргопольского полка обнаружили у населенного пункта Ново-Място кавалерийские части противника. Необходимо было определить их численность и намерения. Выполнить эту нелегкую задачу вызвался Рокоссовский. Переодевшись в гражданскую одежду, он направился в Ново-Място, в течение трех часов ходил по улицам, прекрасно зная польский язык, беседовал с местными жителями. В результате он добыл ценные сведения о противнике, необходимые командованию. Смелость разведчика была оценена. Он был удостоен своей первой награды – Георгиевского креста 4-й степени, который в соответствии со статутом вручался «единственно тем нижним чинам, кои, действительно служа в сухопутных и морских войсках, отличают себя особенной храбростью против неприятеля» и при совершении подвига соединяют с храбростью точное послушание начальникам.

Через два дня состоялось боевое крещение Константина Рокоссовского. Утром 11 августа неприятельский кавалерийский полк, поддерживаемый ротой велосипедистов, попытался захватить мост через реку Пилицу и находившийся несколько ниже по течению брод. Эскадроны Каргопольского полка, защищавшие переправы, встретили противника ружейным огнем, а когда неприятель, неся потери, начал отходить, полк полным составом перешел к преследованию. Отступление неприятеля перешло в бегство. Немцы потеряли тогда 15 человек убитыми, 33 ранеными и 11 пленными. Война только начиналась, и русское командование посчитало действия каргопольцев большим успехом.

Затем Рокоссовскому в составе полка довелось участвовать в Галицийской битве, где полк особенно отличился при взятии города Сандомира, в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях.

Это время было для Константина Рокоссовского временем напряженной боевой учебы. Он на практике познавал солдатскую науку. Воевать в драгунском полку было нелегко. Драгуны – род кавалерии, предназначенный к действиям, как в конном строю, так и в пешем, поэтому от солдата-драгуна требовались навыки и кавалериста, и солдата-пехотинца. Довольно быстро Рокоссовский

в совершенстве научился владеть винтовкой и пашкой, овладел навыками верховой езды.

Между тем война из маневренной превратилась в окопную, позиционную. Конницу спешили и посадили в окопы. Кавалерийские полки сменяли в окопах друг друга. Активных боевых действий на этом участке фронта не было, беспокойство доставляла лишь немецкая артиллерия. Больше Рокоссовский и его товарищи страдали от мороза, зима 1915 г. была суровой.

Но в тылу, после очередной смены полков на передовой, отдыхать не приходилось. Каждая свободная минута использовалась командирами для боевой учебы. Рокоссовский учился прилежно, совершенствуя свои навыки в стрельбе, вольгитировке, рубке лозы.

В марте полк вновь сел в окопы, а после смены и отдыха дивизию перебросили на север, на Северо-Западный фронт в район Понежеж-Шавли.

С весны 1915 г. на русско-германском фронте развернулись упорные жестокие сражения. Наряду с наступлением в Галиции и Польше немецкие войска пытались захватить Ригу. На этот участок фронта и был перебросен полк, в котором служил Рокоссовский. Буквально с колес кавалеристам пришлось вступить в бой, контратакуя противника, теснившего наши части. В результате противник был остановлен, а каргопольцы захватили богатые трофеи. В этом бою вновь отличился Константин Рокоссовский. За захват орудий противника он был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени, правда, на этот раз он награды не получил.

Лето 1915 г. прошло в непрерывных боях. Кавалерийские атаки чередовались с позиционными боями, радость побед сменяла горечь отступления. С июня по сентябрь полк вел оборонительные бои, отходя вместе с отступающей армией в направлении Эйнораны – Двинск.

19 июля каргопольцы вели ожесточенный бой за местечко и железнодорожную станцию Трошкуны. Спешенные эскадроны выбили противника со станции, но занять местечко не смогли, поскольку оно оказалось занятым полком пехоты и кавалерийскими частями с пулеметами. Ночью пятеро добровольцев, среди которых был и Рокоссовский, вызвались захватить расположенный вблизи позиций эскадрона немецкий полевой караул. Они скрытно подобрались к неприятельским окопам и внезапной атакой выбили оттуда немецкое охранение. Неприятель пытался восстановить

положение, но драгуны ружейным огнем смогли удержать захваченную позицию. Утром немецкая тяжелая артиллерия начала обстрел станции Трошкуны. Обстрел продолжался весь день, но каргопольцы продолжали удерживать позиции и отошли лишь вечером этого дня по приказу командования. За ночной поиск все пятеро добровольцев были награждены Георгиевской медалью 4-й степени. А 15 августа Константин Рокоссовский был к тому же произведен в ефрейторы.

С середины октября до лета 1916 г. полк занимал позиции по реке Западная Двина. В этот период ефрейтору Рокоссовскому не раз приходилось пересекать реку, направляясь в поиски в тыл противника. За один из таких поисков в мае 1916 г. он был награжден Георгиевской медалью 3-й степени.

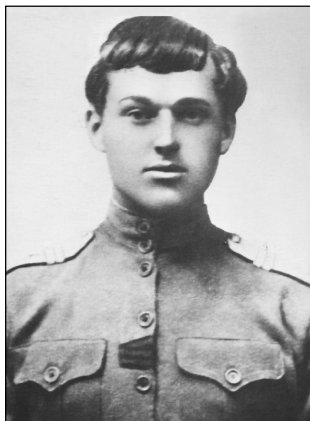
В конце октября многих драгун перевели в 1-й запасной кавалерийский полк. В учебную команду полка попал и Константин Рокоссовский, поскольку командование видело в нем в перспективе хорошего унтер-офицера.

Необходимо отметить, что подготовке унтер-офицеров в то время уделялось большое внимание, она была организована хорошо.

По мнению Г.К. Жукова, также обучавшегося примерно в то же время в подобной учебной команде, унтер-офицерский состав, обучавший, воспитывавший и цементирующий солдатскую массу, являлся основным фундаментом, на котором держалась старая армия. «Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно, – вспоминал Г.К. Жуков. – Отобранные проходили обучение в специальных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка»⁵. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерам обучение и воспитание солдат, что способствовало выработке у младших командиров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств.

Вернувшись с учебы, Рокоссовский продолжал добросовестно выполнять свои служебные обязанности и 29 марта 1917 г. за боевые отличия приказом командира полка был произведен в младшие унтер-офицеры (рис. 3, 4). С 19 августа Каргопольский драгунский полк в последний раз в своей истории принимал участие в боях, прикрывая отход пехоты и обозов.

В ходе этих боев младший унтер-офицер вновь отличился и был представлен к Георгиевской медали 2-й степени. В представлении к награде отмечалось, что он «в ночь с 23 на 24 августа 1917 г. у м. Кроненберг вызвался охотником поехать в разъезд, посылаемый по псковскому шоссе. Несмотря на темную ночь, когда противника можно обнаружить только вызвав огонь на себя, с явною личною опасностью поехал в разведку и обнаружил наступление противника лесом по обе стороны шоссе»⁶. Однако получить награду Рокоссовскому не довелось. Приказ о награждении состоялся в конце декабря 1917 г., но к тому времени в стране и в армии произошли значительные перемены, сказавшиеся

Рис. 3. Младший унтер-офицер К. Рокоссовский. 1917 г.

Рис. 4. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. 1945 г.

и на судьбе младшего унтер-офицера Рокоссовского.

Почти за три с половиной года Каргопольский драгунский полк стал для Константина Рокоссовского родным. У сослуживцев он пользовался авторитетом. «Мы, его однополчане, – вспоминал И.В. Тюленев, – хорошо знали нашего скромного, смелого, правдивого и принципиального драгуна Костю Рокоссовского. Уважали его и гордились им»⁷.

За годы войны, в суровых боевых буднях формировался характер будущего полководца, он до тонкостей познал непростую солдатскую науку, научился быстро оценивать обстановку, принимать смелые, но наиболее оптимальные решения. В самой

сложной обстановке он оставался спокойным, уверенным в себе и в своих боевых товарищах. При этом неизменно был доброжелательным к окружающим, старался понять человека, войти в его положение. Таким он был в годы Первой мировой войны, таким остался на всю жизнь.

За храбрость, даже удаль, органично сочетавшуюся со сдержанностью и немалой образованностью, Рокоссовского в полку уважали и даже любили. Сослуживцы его избрали в эскадронный, а затем и в полковой комитет солдатских депутатов. В октябре 1917 г. как один из самых заслуженных георгиевских кавалеров он был избран в полковую георгиевскую думу, где выполнял обязанности секретаря.

Два других будущих советских маршала – А.М. Василевский и Ф.И. Толбухин в годы 1-й мировой войны проходили службу в пехоте, к 1917 г. командовали батальонами, имея чин штабс-капитана.

Узнав о том, что началась война, семинарист выпускного класса Костромской духовной семинарии А.М. Василевский и несколько его товарищей написали прошения о предоставлении им права сдачи выпускных экзаменов экстерном с последующим направлением в армию. Прошение было удовлетворено, и с 1915 г. началась военная служба Василевского. В феврале этого года он был зачислен юнкером в Алексеевское военное училище в Москве.

Училище было основано в 1864 г. как Московское пехотное юнкерское училище, в 1897 г. было переименовано в Московское военное, а с 1906 г., когда его шефом стал наследник цесаревич великий князь Алексей Николаевич, стало называться Алексеевским. С 1864 по 1913 гг. училище дало русской армии около 8150 офицеров. Среди его выпускников были известные генералы М.В. Алексеев (выпуск 1876 г.), А.Е. Снесарев (выпуск 1889 г.), М.Д. Бонч-Бруевич (выпуск 1892 г.). Будущий учитель и наставник А.М. Василевского в Генеральном штабе Маршал Б.М. Шапошников в 1903 г. также окончил это училище.

До войны в училище был двухгодичный курс обучения, его штат насчитывал 500 юнкеров, которые распределялись по 4-м ротам, с началом войны был выпущен курс, проучившийся 13 месяцев, а затем срок обучения был сокращен до 4 месяцев, штат училища был увеличен на 700 человек и составил 1200 юнкеров. Училище развернулось в 2-батальонный состав.

Начальником училища в то время был генерал-майор Николай Александрович Хамин, который на этой должности находился с 1909 г. Выпускник академии Генерального штаба, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. он имел богатый опыт штабной и строевой службы, используя который, даже при крайнем лимите времени на обучение, умело организовывал учебный процесс.

Командиром роты, в которую попал Василевский, был фронтовик, георгиевский кавалер, капитан Г.Р. Ткачук, благодаря которому, по свидетельству Александра Михайловича, полевое обучение будущих офицеров было поставлено значительно лучше, чем в других ротах.

Вспоминая об учебе в Алексеевском училище, А.М. Василевский впоследствии напишет: «При поступлении в училище нас зачислили юнкерами рядового звания. Через два месяца некоторых произвели в унтер-офицеры (портупей-юнкеры), а через четыре, в конце мая 1915 года, состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Царская армия несла большие потери. Остро не хватало командных кадров, и военно-учебное ведомство торопилось. Однако спешка – спешкой, а служба – службой, так что давно заведенный в училище порядок почти не изменился и в военное время. Распорядок дня у нас был такой. В 5.45 повестка, далее подъем, утренний осмотр, молитва, гимн, чай, занятия. В 12.30 полагался завтрак, потом опять занятия. В 17.45 мы обедали, затем отдыхали и пили вечерний чай. В 21 час в ротном строю мы прослушивали вечернюю зорю, после чего проводились переключка и осмотр, в 23 часа тушили огни. К этому времени все юнкера, за исключением находившихся в суточном наряде, обязаны были лежать в постели. В город нас отпускали редко...

По окончании училища нас произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия – в любое время...

И вот я – 20-летний прапорщик с одной звездочкой на просвете погона. (рис. 5, 6. – В. А.). Мне полагалось уметь обучать, воспитывать и вести за собой солдат, многие из которых уже побывали в боях, были значительно старше меня.

Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний?

Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном

назначении армии и ее командиров, я считал тогда неслучайным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность.

**Рис. 5. Прапорщик
А. Василевский. 1915 г.**

Нельзя сказать, что четырехмесячное воинское обучение прошло для меня даром. Полезно было понять и сам контраст между той обстановкой, в которой я жил до поступления на военную службу, и той, которая окружила меня в училище. Я жадно впитывал все увиденное и услышанное, старался постичь военную премудрость, меня охватывало сомнение, получится ли из меня офицер? Приходилось ломать себя, вырабатывая командирские навыки. Кое-что дали мне устные наставления моих преподавателей. Много получил я в результате чтения трудов видных рус-

ских военачальников и организаторов военного дела, знакомства с их биографиями. Я серьезно изучал сочинения А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Д.А. Милютина, М.Д. Скобелева.

Я твердо усвоил некоторые истины, вычитанные в трудах названных выше авторов. “Не рассказ, а показ, дополняемый рассказом”. “Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую”. “На первых порах обучай только самому необходимому”. “Не столько приказывай, сколько поручай”. “Наше назначение – губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо”. Так советовал герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов профессор Михаил Иванович Драгомиров. Кое-какие тезисы я решил сделать твердым правилом на все время военной службы: “Поклоняться знамени”. “Служить Отечеству”. “Блюсти честь мундира”. “Близко общаться с подчиненными”. “Ставить службу выше личных дел”. “Не бояться самостоятельности”. “Действовать целеустремленно”. Естественно, что эти тезисы не в полной

мере соответствуют нашему пониманию принципов взаимоотношений командира с подчиненным. Да я и не мог тогда в силу своей идейной неподготовленности задумываться над такой проблемой. Для меня было важно стать хорошим командиром, и любые советы на сей счет я принимал как откровение»⁸.

Рис. 6. Маршал Советского Союза А.М. Василевский. 1945 г.

Оставив стены училища, прапорщик Василевский начал постигать на практике искусство командования подразделением. Началась его офицерская жизнь. Сначала в запасных частях, а затем и на фронте. В сентябре 1915 г. он был направлен на Юго-Западный фронт в 103-ю пехотную дивизию, сформированную из ополчения и новобранцев.

В состав дивизии входили 409-й Новохоперский, 410-й Усманский, 411-й Сумский и 412-й Славянский пехотные полки. За время войны дивизия попеременно действовала в составе 2-го конного, 11, 32, 36-го армейских корпусов 9-й армии Юго-Западного фронта.

А.М. Василевский был назначен на должность полуротного командира во вторую роту первого батальона 409-го Новохоперского полка. Здесь он получил боевое крещение. Побывав под обстрелом, познал что такое артиллерийская шрапнель, граната, минометный огонь. Представить обстановку, в которой проходила служба прапорщика Василевского, в определенной степени позволит выписка из полевой книжки командира его батальона подполковника Антоненко о событиях декабря 1915 г. «...1-й батальон занял позицию на высоте 417 на лесном участке. 1 (14) декабря против участков позиций, занимаемых 4-й и 2-й ротами, начали обнаруживаться подземные работы противника. Нижние чины 1-го батальона под руководством сапер вели подземные работы с нашей стороны. Эта кипучая работа с двух сторон велась под сильным артиллерийским и бомбометным огнем противника до 10 часов вечера 5 (18) декабря. Позиция лесного участка на высоте 417 1-м батальоном

усиливалась и ежечасно исправлялась от повреждений, причиненных снарядами противника. В 10 часов вечера 5 (18) декабря противник, пользуясь темнотой ночи, ненастьем и шумом от ураганного артиллерийского огня, подполз к нашему проволочному заграждению и взорвал подземную галерею, но был отброшен (4-й и 2-й ротой) ружейным и пулеметным огнем. Противник до рассвета повторил восемь атак, но каждый раз был отбиваем. С 6 (19) по 7 (20) декабря охотники от 1-го батальона пытались было приблизиться к проволочному заграждению противника, но вынуждены были отойти, так как два офицера, ходившие с охотниками, были ранены и унесены. Противник не оставлял лесного участка до 13 (26) декабря без своего благосклонного внимания. 13 (26) декабря 1-й батальон отошел в резерв к штабу полка...»⁹

Шли ратные будни. Постепенно Василевский набирался боевого опыта, учился управлять подчиненными. Свои взаимоотношения с подчиненными старался строить, основываясь на принципах, разработанных замечательными русскими полководцами А.В. Суворовым и М.И. Кутузовым, на положениях, изложенных в трудах генерала М.И. Драгомирова, в основе которых было уважение человеческого достоинства солдата, забота о нем, стремление добиться сознательной дисциплины, основанной на взаимном доверии начальника и подчиненного. По собственному признанию А.М. Василевского, не все и не сразу получалось у него гладко, но постепенно он достиг желаемого результата. Без грубости и унижения подчиненных он добивался от них добросовестного выполнения служебных обязанностей. Весной 1916 г. Александр Михайлович был назначен командиром первой роты, которая через некоторое время стала по оценке командира полка одной из лучших в полку.

В этой должности летом 1916 г. А.М. Василевскому довелось участвовать в знаменитом «Брусиловском прорыве», ставшем одной из наиболее ярких страниц в истории Первой мировой войны. Командующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову удалось тогда преодолеть так называемый позиционный тупик. Вопреки сложившейся практике, А.А. Брусилов подготовил удары по противнику на участках всех армий фронта, чем лишил неприятеля возможности маневрировать резервами, в результате впервые с начала войны оборона врага была прорвана на широком фронте. В ходе операции армии Юго-Западного фронта нанесли тогда противостоящим им австро-венгерским войскам сокрушительное

поражение. 103-я пехотная дивизия в составе 9-й армии П.А. Лечицкого во время операции действовала на левом фланге фронта. Полку, в котором служил Василевский, было приказано в ночь на 29 мая (11 июня) 1916 г. перейти в наступление на сильно укрепленную позицию противника у села Махали. Оборона противника была прорвана, начался его беспорядочный отход. В журнале военных действий роты в тот день прапорщик Василевский записал: «В ночь на сие число преследовали отступающего противника с позиций до реки Прут, где противник остановился в укрепленных окопах при селе Острица»¹⁰. Далее предстояло форсировать Прут и выбить противника с укрепленных позиций. Роте Василевского с командой разведчиков было приказано обеспечить переправу полка. Возложенную на него задачу молодой командир роты выполнил. Успешно переправившись через реку, полк выбил неприятеля с его позиций, при этом было пленено свыше 500 нижних чинов и 17 офицеров противника, взято много трофеев¹¹. Преследуя врага, полк двигался вперед. О событиях тех дней рассказывают скупые строки журнала военных действий роты прапорщика Василевского:

«5 июня. В ночь на сие число пошли в наступление и выбили противника из окопов, переправившись через р. Прут.

6 июня. Преследовали противника.

7 июня. Полк перешел реку Сереец, в с. Костюши выставили охранение по железной дороге.

8 июня. Походным порядком двигались в с. Мардзика, где был встречен неприятель.

9 июня. Противника выбили. Приказано вырыть окопы.

10–12 июня. Ходили рыть окопы.

13–14 июня. Полк перешел в Янков-Верхогор, где и расположился квартиро-биваком.

15 июня. Рота в составе полка перешла в с. Фалькеу, где и расположилась кв. биваком.

16 июня. Из с. Фалькеу походным порядком в с. Селетин.

17–19 июня. Саперные работы.

20 июня. Походным порядком на с. Избор.

21 июня. Саперные работы.

22 июня. На Шинот-Комаралу, откуда на поддержку 5 роты в с. Сараты.

23–24 июня. Противник выбит. Отошли по приказу в с. Янове-чору Ниж.

25–26 июня. Сторожевое охранение. Саперные работы. Выступили в Ур. Доуга Риша для обеспечения правого фланга.

27 июня. Занята высота 1382, где присоединился полк.

28 июня. Походное движение до лесопильного завода по дороге около реки Киринбаба.

29–30 июня. Занимали высоту у завода Бобейки, выставили сторожевое охранение. «Окопались»¹².

Участие в этой операции стало хорошей боевой школой для А.М. Василевского, в определенной мере способствовало формированию его взглядов на ведение боевых действий. «Закалка, которую я приобрел во время наступления, – вспоминал Александр Михайлович, – помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы гражданской войны»¹³. После прорыва обороны противника подразделению А.М. Василевского, привыкшего к позиционной войне, преследуя противника, пришлось наступать в сложных условиях гористо-лесистой местности, не раз доводилось форсировать горные речки. «Этот период быстрого наступления, – отмечал А.М. Василевский в своих воспоминаниях, – помог мне приобрести недостававший опыт руководства подразделением во встречном бою и на марше. Я внимательно наблюдал за действиями старших по должности. Подмечал не только их приемы вождения войск, но и методы общения с “нижними чинами”»¹⁴. Кстати сказать, в связи с потерей в боях большого числа офицеров Василевскому приходилось командовать не только ротой, но порой и батальоном.

С вступлением в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты Румынии на российские войска легла дополнительная нагрузка, поскольку новая союзница вступила в войну неподготовленной к военным испытаниям. Возник новый, Румынский фронт. 103-ю пехотную дивизию, в которой служил Василевский, бросали с участка на участок. Александр Михайлович сполна испытал все тяжести фронтовой жизни. В боях и походах рос его командирский опыт и вместе с ним авторитет среди товарищей по службе, начальников и подчиненных. Несмотря на молодость, через два года офицерской службы он был уже опытным, закаленным в боях командиром. За плечами был опыт командования ротой, батальоном, и впереди его могла ждать неплохая карьера армейского офицера. Но жизнь распорядилась по-другому.

1917 год ознаменовался крушением монархии и революциями: сначала Февральской, затем Октябрьской. В армии ширился процесс разложения. Дисциплина в войсках падала, началась стихийная демобилизация. Оценив обстановку, Александр Михайлович взял отпуск и поехал на родину, намереваясь найти себя на мирном поприще. На этом служба в Императорской армии для него закончилась.

Уже прибыв домой, он узнал, общее собрание его родного 409-го полка, в соответствии с действовавшим тогда принципом выборности командного состава, избрало штабс-капитана А.М. Василевского командиром полка. Солдатский комитет предлагал ему срочно вернуться в часть и вступить в командование полком. Сделать это Александр Михайлович тогда не смог, тем не менее, сам факт его избрания на должность командира полка весьма показателен и свидетельствует о его высоких профессиональных и человеческих качествах.

Военная служба Федора Ивановича Толбухина началась в декабре 1914 г., когда он был зачислен в армию на правах вольноопределяющегося. После обучения в школе шоферов при Петроградской учебно-автомобильной роте его направили мотоциклистом на Северо-Западный фронт в штаб 6-й пехотной дивизии, а два месяца спустя, в апреле 1915 г., он был направлен на учебу в Ораниенбаумскую офицерскую школу. После ускоренного курса обучения он был произведен в прапорщики и в июле 1915 г. направлен в 22-й маршевый запасной полк в город Житомир. В начале сентября с маршевой ротой он прибыл на Юго-Западный фронт. Молодой прапорщик был назначен младшим офицером в 11-ю роту 2-го Заамурского пограничного пехотного полка, прибывшего с Дальнего Востока, но уже через неделю стал командиром роты. В роте, насчитывавшей 170 человек, Толбухин был единственным офицером. Взводами командовали унтер-офицеры, отделениями – имевшие боевой опыт солдаты (рис. 7, 8).

**Рис. 7. Прапорщик
Ф. Толбухин. 1915 г.**

20 сентября батальоны 2-го Заамурского полка заняли оборону в Галиции западнее Джурына в районе деревни Требуховице. 11-я рота прапорщика Толбухина развернулась на левом фланге полка, недалеко от высоты, которую занимали австрийцы. В тот день Ф.И. Толбухин получил боевое крещение. Его рота смогла тогда остановить наступающего противника, затем во взаимодействии с кавалерийскими подразделениями отбросила австрийцев к реке Стрыпе.

Летом 1916 г. Ф.И. Толбухин, как и А.М. Василевский, командуя ротой, принимал участие в наступательной операции Юго-Западного фронта, вошедшей в историю под названием «Брусиловский прорыв». В ходе этой операции, как известно, армиям Австро-Венгрии и Германии было нанесено тяжелое поражение. Федор Иванович, к тому времени уже подпоручик, получил ранение в ногу и контузию головы. Залечив раны, он вернулся в сражающуюся часть. Вскоре он был произведен в поручики и награжден орденами святых Анны и Станислава, а затем был назначен командиром батальона.

В декабре 1916 г. поручик Толбухин с батальоном был направлен на формирование 13-го Заамурского пограничного пехотного полка 4-й Заамурской пехотной дивизии. После Февральской революции 1917 г. он был избран в полковой комитет. В июне со своим батальоном он принимал участие в наступлении войск Юго-Западного фронта, подразделением командовал умело. 18 июля Федор Иванович получил тяжелую контузию от разорвавшегося вблизи снаряда. В сентябре 1917 г., после излечения в госпитале, его произвели в чин штабс-капитана и направили в Омск в 37-й

Рис. 8. Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин. 1945 г.

запасной пехотный полк. В Сибирь он прибыл, когда там уже установилась советская власть. В декабре 1917 г., получив двухмесячный отпуск по болезни, штабс-капитан Толбухин убыл на родину, в Ярославскую губернию.

Таким образом, именно 1-я мировая война стала для большинства военачальников, которым в годы Великой Отечественной войны довелось командовать армиями и фронтами, тем толчком, который позволил им в последующем достичь больших высот воинского мастерства.

---

¹ Маршал Победы: К 100-летию Г.К. Жукова: Сборник. М.: Воениздат, 1996. С. 3.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Воениздат, 1997. С. 31.

³ ЦГВИА. Ф. 3554. Оп. 1. Д. 37.

⁴ Кардашов В.И. Рокоссовский. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1980. С. 16.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. 13-е изд. Т. 1. М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2002. С. 38.

⁶ Мар Н.И. Есть упоение в бою... Страницы жизни Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского. М., 1986.

⁷ Генерал армии Тюленев: Москва в жизни и судьбе полководца: Сб. документов и материалов. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2005. С. 235.

⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. 6-е изд. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 17, 18.

⁹ РГВИА. Ф. 2958. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–4.

¹⁰ Там же. Д. 110. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 111. Л. 11.

¹² Там же. Д. 110. Л. 7–8.

¹³ Василевский А.М. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 28.

И.В. Бабич (Москва)

**ПЕРВЫЙ ЛИФЛЯНДЕЦ
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ:
К БИОГРАФИИ И.-Б. КАМПЕНГАУЗЕНА**

*Не выбирают Бога и страны –
Бог и страна тебя достигнут сами
и поведут дорогами войны
в московский плен...*

Е. Чевкина

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЕ поэтические строки, посвященные людям, чьи судьбы перекроил победоносный для России итог Северной войны, касаются Иоганна-Бальтазара Кампенгаузена лишь отчасти – постольку, поскольку он родился шведским подданным и начал службу в армии Карла XII, а закончил в армии Петра I. Свой выбор он, однако, сделал добровольно, что неоднократно подчеркивал в документах за собственной подписью. Со службой Российской империи была связана и его дальнейшая биография, которая в XIX в. привлекла внимание в контексте интереса к истории титулованных родов и к фигуре его внука, Б.-Б. Кампенгаузена, сделавшего заметную карьеру при Александре I, а отчасти – и к его собственным ученым заслугам – восстановлению Рижского лицеума и подготовке справочника о лифляндском и эстляндском дворянстве¹.

Обращение к имени И.-Б. Кампенгаузена в 1990–2010-е гг. связано преимущественно с музеефикацией одного из его имений² в современной Латвии и не сопровождается выявлением новых биографических фактов, кроме разве дополняющих прежние разночтения версий происхождения обеих его жен и локализации землевладения. Вместе с тем, двадцатилетняя служба лифляндца в

качестве российского офицера представляет несомненный интерес. Речь идет о редких, но достоверно известных эпизодах личного общения с Петром I (проявлявшим симпатию к новому подданному наряду с безусловным доверием к нему, что обнаружилось в «рижских назначениях» И.-Б. Кампенгаузена), о признании его авторитета как военного специалиста³, о «Предложении как... воинство в добрый порядок приведено может быть...», поданном на

И.-Б. Кампенгаузен

высочайшее имя в 1721 г., об уходе в отставку с воцарением Анны Иоанновны как раз в тот момент, когда «остзейцы» приобрели особые карьерные преимущества в России.

Датой рождения И.-Б. Кампенгаузена принято считать 30 июня (или июля) 1689-го⁴. В его «сказке», запрошенной Военной коллегией при анкетировании полевых полков в 1719–1720 гг., о возрасте не говорится, но действительная служба уверенно отсчитывается с 1695 г., с зачисления в солдаты пехотной лейб-гвардии. Допущению номинальной записи с малолетства, как позднее практиковалось и при русском дворе, противоречит здесь перечень «баталий» с личным участием, из которых первой названа Нарва 1700 г. Легко предположить, что одиннадцатилетний мальчик просто находился при своем отце-полковнике, если бы не то обстоятельство, что Иоганн-Бальтазар достаточно щепетилен в оценке своих военных заслуг. Он особенно отметил, что «в службе росиской на баталиях не был толко... в походах... обретался», хотя «при взятъе Тенинга и Штетина в опроши безотлучна ходил и при вылоске под Штетинном был, также и первый атак имел, как стали в первую ночь

опроши копать. Под Тенингом такожде послан ... был... два раза з двумя тысячами лодми, а именно... приказано мне было, чтоб я швецкой авангард принудил назад отступить. Второи раз приказано было мне ... дворы ломать... и в то число учинилас на меня вылоска⁵».

Остается вопрос: не относилась ли отмеченная щепетильность к определению «ранга» военных операций («баталия» и «взятье», хотя бы и с «вылосками»), но склоняемся скорее к тому, что в «первой баталии» И.-Б. Кампенгаузен в самом деле «был», но был он несколькими (?) годами старше (раз общепризнанный в литературе год рождения ссылками на источник не подтвержден).

Подробнее всего в «сказке» обрисованы не вполне типичные обстоятельства зачисления в армию Петра I. «Принят я в 1711 году марта 20 дня от самого его царского величества в Полше в местечке Слуцке, и его царское величество всемилостивейше приказал г-дину генералу фелтмаршалу и ковалеру графу Шереметеву, чтоб он со мною капитуловал в подполковнической чин. А по отъезде его царского величества из местечка Слуцка он г-дин генерал фелтмаршал и ковалер граф Шереметев дал мне маеорскую капетоляцию. И я по оной капетуляции службы не принял, но следствовал за его величеством до местечка Яворов и подал челобитную, что я маеорского чину принять не могу, понеже сам его королевское величество швецкое своих драбантов ниже подполковничья чину не жаловал. И его царское величество всемилостивейше своеручно указ писал до вышепомянутого г-дина генерал фелтмаршала и ковалера графа Шереметева и по оному указу немедленно мая в 4 написан я в подполковники»⁶.

Этот эпизод занял основное (около 20 % общего объема) место в тексте, где следовало еще сообщить о происхождении, чинах и назначениях, ранениях, участии в «баталиях и акциях», собственности. Все эти пункты формуляра были командиром гренадерского его же имени полка заполнены, но именно момент начала, почти борьбы за стартовую позицию службы оказался в центре сюжета. И сюжетно это было вполне оправданно – вопрос стоял не об очередном чине, а о перемене участи.

«Баталии», участником которых он себя называет, – Нарва, Мур-Мыза, Полтава и пр. – те же, что и у других респондентов. Но раны – «три в голову, а две в тело» – были получены от новых товарищей по оружию в сражениях на стороне шведов. Перебежчиком

И.-Б. Кампенгаузен себя отнюдь не считал. Определяя свой статус и национальную принадлежность, он писал: «шляхтич я лифляндец». После перехода восточной части балтийского побережья к России и заключения под Ригой 4 июля 1710 г. между «шляхетством и земством Княжества Лифляндского» и фельдмаршалом Б.П. Шереметевым «аккордных пунктов» всем местным жителям, находившимся в «Шведском государстве», предоставлялась возможность в течение 6 месяцев (а «которые в других краях» – одного года и 6 месяцев) принять новое подданство, либо утратить права владения в этом регионе⁷.

Итак, выбор был законным, не спонтанным и не единичным. Секретарь английского посольства в России Л. Вейсброд в августе 1710 г. сообщал своему правительству, что после сдачи Риги большинство находившихся там офицеров из ливонских дворян вступили на царскую службу⁸. Бывший шведский майор, представ перед Петром I спустя 7 месяцев, на чей бы то ни было пример не ссылаясь. Согласовать друг с другом утверждения разных авторов о том, что он к этому времени получил у Карла XII отставку по форме, напротив, был схвачен с его депешей и потому присягнуть Петру I был вынужден или намеревался, как старший брат, служить Августу II, но не пожелал принять католичество, едва ли возможно. Но в преамбуле к официальной «капитуляции» черным по белому прописано: «иметь ему [И.-Б. Кампенгаузену] перед другими... лифляндцами преимущество в том, что он первый, который по изданным его царского величества манифестам о возвращении подданных исполнил и в воинскую службу вступил, которое его царское величество за особливой поступок и верность об нем почитал⁹».

Нельзя тем не менее не заметить, что капитуляция эта – именно «маеорская», которую он, судя по «сказке», не принял, отстояв производство в подполковники немедленно. Петр I, поддержав его, писал Б.П. Шереметеву из Каменца: «бил челом здесь лифляндец маеор Кампъгоузен, что ево братья двое (с которыми оной взят в службу в Слуцку¹⁰) у мест, а он по се поры за некоторым своим отлучением не успел. Того для извольте ... употребить в дело». Не беремся судить, назван ли проситель майором в силу того, что данное ему обещание не было исполнено фельдмаршалом, или почему-либо еще. Но очевидно определенное недоброжелательство влиятельной персоны к безвестному пока офицеру, несопоставимой, как сказали бы теперь, весовой категории.

О неумении И.-Б. Кампенгаузена искать покровительства сильных людей свидетельствует и показание 1719 г. о деревнях – вполне невинное, если не учитывать обличения президента Военной коллегии, куда это показание и адресовалось: «Деревни в Вифляндии имею, а которые деревни в Ынгермоландии и оные мне не отданы и владеет ими его светлость римского и росиского князь Александр Данилович Меншиков». Неудивительно, что и светлейший насилу терпел неугодливого остзейца, покоряясь монаршей воле¹¹.

Для понимания материального положения младшего сына шведского полковника (умер в 1705) приведенная цитата недостаточно информативна. В совокупности с многолетними хлопотами об имении¹², отобранном у его жены в ходе глобального перераспределения местных владельческих прав в условиях смены власти¹³, складывается впечатление, что недвижимость «в Вифляндии» не обеспечивала независимых от жалованья средств к существованию. То есть имущественный мотив не был определяющим в выборе дальнейшей службы молодым офицером, в 1711 г. едва ли знавшим иную жизнь, кроме военно-походной. Более важно, вероятно, то, что в его семье на шведский скипетр не смотрели как на безальтернативный – старший брат, Иоганн-Михаэль поступил под польский, да и отец Иоганна-Бальтазара служил Карлу XI лишь с 1675 г., тогда же получив права шведского дворянства¹⁴. Сам же он свое «благородство» определенно отождествлял с Лифляндией, которая еще с эпохи утверждения там немецких рыцарских орденов постоянно оказывалась на перекрестке столкновений разных корон. В акте о принятии края под российскую руку рассуждается об этом так: «...перемены в землях и областях от Всевышней дирекции зависят... Такие перемены провинция Лифляндская многократно испытала с того времени, как немецкое ее шляхетство и обыватели ... оную землю от власти нехристианского варварства освободили ... и во всем свете явная память и знак есть, что всезнающий и от веку милосердый Бог, христианское намерение первых в сию землю прибывших немцев милостивейше за благо принял и действительно и совершенно сию нацию в потомках их и оную землю... в милости сохранить изволит¹⁵».

Воспринимая состоявшееся во «Всевышней дирекции» решение как моральный императив, И.-Б. Кампенгаузен даже в свою «капитуляцию» внес сентенцию: «...яко лифляндец всемилостивейшему своему отечеству государю... отрицание учинить не возмог».

Но при этом, в отличие от многих «немцев» на русской службе, он обнаружил готовность говорить на языке своего нового государя, «знание» которого вместе со знанием «полков русских» Петр I выхвалял Б.П. Шереметеву уже в 1711 г.¹⁶

Если знание русских полков бывший шведский офицер мог приобрести независимо от собственных пожеланий, то знание языка, которым, по его оценке, он вполне овладел к 1713 г.¹⁷, приходится отнести единственно к личным усилиям. В составленных им бумагах можно найти выражения, которые писарям, работавшим в жестких рамках шаблона, никак принадлежать не могли. Об аутентичном слоге их автора свидетельствуют, например, обороты: «кавалерия и инфантерия как чеши вместе должны висеть», «преизрядный способ», «заморен и истомлен», «едва дыхание имеет», «не может без страсти и трепета пробыть», «имели... великое сердце», «однова имел он щастие», «богодарственному светославному искусству», «славы совершенно не заслужили, но последними невозможно почесть», «злонамеренные и супротивные... мысли», «втуне многие годы», «несказанная любовь и союз между войсками» и т. п.

Подобными усилиями или иными качествами И.-Б. Кампенгаузен приобретал высочайшее благоволение и впредь, проявление чего можно видеть, в частности, в его посылке в 1721 г. с известием о мире к Августу II¹⁸. Жена Кампенгаузена, Маргарита – одна из придворных дам Екатерины I. В 1714 г. на родине ей было пожаловано 15 червоных, в 1716 г. на изготовление «печального платья» по случаю похорон Натальи Алексеевны – 50 р. (сумма «второй категории» в ассигнованиях этого рода после кн. А.П. Голицыной и А.К. Толстой). Приязнь государыни, для которой она, случалось, и покупала «медикамент»¹⁹, возможно доставила ее мужу назначение в число двадцати четырех шаферов на свадьбе Анны Петровны с герцогом Голштинским²⁰.

Именно «всеуниженная служанка» Маргарита Кампенгаузен в 1724 г. била челом об обеспечении сенатского контроля за расследованием дела о появлении неких претендентов на владение их лифляндским имением²¹. В 1719 г. сам И.-Б. Кампенгаузен просил (по-немецки) Екатерину помочь его бедной семье (которую он едва содержит на одно жалованье в столь дорогом городе, где, к тому же, должен строить дом). Разделяя тут же ее тревоги о престолонаследнике, он выражал упование на то, что Бог благословит царскую

чету еще многими детьми ради благосостояния «всего нашего отечества», уверял во всегдашней преданности и искренних (а «искренняя молитва много стоит перед Господом») мольбах (в Екатерининской церкви его полка), даже если на просьбу его не будет благоприятного решения, заключая выражением желания умереть среди тех, кто состоит под присягой и милостью ее императорского величества²².

Как и многие современники, И.-Б. Кампенгаузен с пиететом относился к репутации «беспорочной службы» и награждениям за нее, в том же обращении к Екатерине 1719 г. И.-Б. Кампенгаузен напоминал, что Петр I некогда в присутствии государыни отозвался о его трудах «очень хорошо». В «сказке» подчеркивалось, что за 25 лет «как в швецком так и в росиском воиске» не только ни разу не был штрафован, «но от своих вышних командиров и слова гневного никакова не слыхал». Ординарная ревность к регалиям, однако, не помешала весьма неординарному поступку при пожаловании в июле 1712 г.: «Понеже я ... полковника которой был старе меня, обидеть не хотел и ему полковничье место уступил». Наказания за добрые побуждения, как ни странно, не было, и И.-Б. Кампенгаузен был «повторительно от его царского величества в том же 1712 году сентября в 19 пожалован в гранодерский полк в полковники²³».

Согласно капитуляции И.-Б. Кампенгаузен мог выбрать первую «ваканцию» в пехотных или в драгунских полках, к чему «он сам склонение иметь будет». Аттестация от Петра I – «детина добр» – могла иметь в виду, помимо прочего, и сложение. Многочисленные ранения также говорят о принадлежности к тем, кто «лез» вперед и вместе с тем обладал физической крепостью. Отсюда допустимо предполагать, что доставшаяся должность командира именно гренадерского полка отвечала в буквальном смысле слова складу героя этой истории, годы спустя украсившему изображениями молодцов-гренадеров свой скромный дом. Скорее скромной выглядит и служба «русского периода». Он «везде с полком своим» – и в Померании, и в «транспорте под Капенгагиным» – «по указу исполнял». Но выдвинуться чем-либо, как это было в шведском периоде карьеры, когда при осаде Полтавы ему удалось захватить в плен бригадира [А.] Головина²⁴, он не приобрел.

Завершающий этап Северной войны умножил опытность И.-Б. Кампенгаузена. Тем более, что при руководстве таким сложным

социальным организмом, как полк, информация к размышлению подпитывалась сравнением уклада обеих противостоящих армий («того ради довольные случаи были разное видеть и научиться»). Итогом этой внутренней работы стало вначале введение системы полкового учета, властью командира внедренное в практику, несмотря на первоначальное сопротивление подчиненных²⁵.

Весной 1721 г. в Риге Петр I «высмотрел» учетные книги «Кампегаузенова полка», повелев подать о них «роспись». Это дало полковнику повод «сверх должности своей попечение» иметь²⁶ и вскоре представить целый проект на тридцати восьми листах, фиксирующий организационные недостатки и предлагающий меры по их исправлению.

Стержневым в «Предложении...» было обоснование необходимости регулярного генерального смотра воинских частей как средства водворения в армии «юстиции», «розмерного» содержания казны и «людства», контроля за подлинным благополучием рекрут и солдат (вместо показного, когда полк «издали украшен», а чулок, рубах и башмаков не имеет) и в конечном счете установления духовных уз между «регулярной силой» и монархом как братом своим и отцом отечеству.

В русле общего тренда эпохи Просвещения, выразившегося в понимании критической позиции как общественной добродетели²⁷, И.-Б. Кампенгаузен предварил свой проект декларацией – «те дела, которые к человеческому рассуждению происходят, ежедневно тщание имеется исправить»²⁸. С разной степенью подробности он остановился на вопросах обеспечения войск мундиром, оружием, амуницией, провиантом; комплектования рекрутами, на задачах подготовки рекрут, солдат, младших офицеров; на формах регистрации разных сторон деятельности полка (в единицах от «копейки» в расходах его казны до числа верст «на маршах», «командирований» в боевые партии и на «работы»).

Любопытно, что при постоянном сравнении русских порядков со шведскими армия победителей выдерживала его только в одном пункте – «учении» и овладении стрельбой и воинскими приемами. Казалось бы, признание этого факта наряду с общеизвестным итогом войны лишала умозаключения всякого значения. По существу же речь шла о цене одержанной и будущих побед. «Многолюдственное росикское государство» компенсирует потери от того, что рекруты (скованные, «яко заключены в чепях») массово

умирают по дороге, и доходят до полков, уже не годными к службе, либо вскоре бегут, отвращенные «от солдатского жития». Потери эти не оправданы, как и проистекающие из болезней босых солдат, беспорядочного распределения нагрузок между полками и внутри полков, «несносного» для самолюбия добросовестных офицеров.

И.-Б. Кампенгаузен не сомневался, что нация призвана мобилизовать все силы для своей армии, но восставал против затрат «излишних» и «напрасных». Слабо представляя себе традиционный уклад и нормы социальных взаимоотношений или благополучия «обывателей» коренной России, он не догадывался, что «бедные» рекруты, «бедные» солдаты и «бедные» офицеры едва ли были радикально «беднее» прочих подданных. Если им и приходилось вопреки «регламентам» покупать рубахи и башмаки на свои деньги, то, в отличие от многих, деньги на это у них находились. Что же касается требований от младших командиров навыков «эконома и бухгалтера», то и не «умеющие им» офицеры по выходе в отставку успешно справлялись с административными задачами уже на гражданских постах. Ведь в искусстве управления, как и во многих других областях, армия играла эталонную роль для остального российского общества еще полтора столетия после описываемых событий. Но это никоим образом не умаляет важности для характеристики личности И.-Б. Кампенгаузена того живого сочувствия к новым соотечественникам, которым пронизан весь текст его сочинения.

Какой отклик «Предложение» получило у Петра I, неизвестно. По-видимому, подобно большинству отложившихся в «Кабинете» преобразователя проектов, никакого, раз в последующих обращениях на высочайшее имя И.-Б. Кампенгаузен о своей инициативе не упоминал. Переключка высказанных в нем соображений с реформированием армии в первой половине 1730-х гг. выходит за рамки настоящей статьи, но здесь уместно затронуть проблему эффективности рационального управления им самим – командиром, который, безусловно, не был ленив, «пренебрегателен» и корыстен. Такую возможность дает сопоставление «Ведения»²⁹ о состоянии его полка на 1719 г. (составлено по общей схеме, без дробности регистрации всех «статей», необходимость которой доказывалась автором «Предложения») с аналогичными сведениями по другому гренадерскому полку, действовавшему в рассматриваемый период примерно в том же регионе³⁰.

Гренадерский полк Кампенгаузена									
	бежа- ло	умер- ло	уби- то	несч. случаи	пле- нено	нака- зано	отстав- лено	пере- ведено	при- было
1713	37	52	18	–	1	–	3	2	–
1714	46	24	1	2	–	1	24	3	520
1715	40	36	–	–	–	–	13	149	262
1716	39	22	–	–	–	2	1	3	–
1717	18	18	–	–	–	–	–	–	–
1718	21	11	–	–	–	1	5	–	9
1719	18	27	–	1	–	1	33	–	–
Гренадерский полк Ласси									
	бежа- ло	умер- ло	уби- то	несч. случаи	пле- нено	нака- зано	отстав- лено	пере- ведено	при- было
1713	25	71	17	–	–	–	–	4	6
1714	33	33	–	2	–	–	28	6	540
1715	12	20	–	1	–	1	5	79	134
1716	11	20	–	–	–	–	–	8	23
1717	9	6	–	–	–	–	–	3	35
1718	1	6	–	1	–	–	10	–	17
1719	20	24	–	–	–	2	–	6	171

По всем основным показателям заметно сходство динамики. Но если принять за основу оценки благополучия «снизу» данные о беглых, то видно, что в этом отношении полк И.-Б. Кампенгаузена уступал своему соседу, показывая тем самым, что его «искусное», честное и не безразличное к «низшим» управление панацеей от коренных болезней армейской действительности не стало.

Разочарование в профессиональных занятиях, желание устроить хозяйственные дела или иные причины, а быть может, и заявленное в качестве повода ухудшение здоровья – но что-то побудило полковника в 1724 г. подать челобитную об отставке. Он просил дать ему возможность «остаточную жизнь» провести на вакантной со времени «шведского владения» должности штатгальтера Дерптского и Перновского уездов³¹.

Отставка, хотя «капитуляция» и предполагала право на ее получение по истечении каждого следующего года военной службы, не последовала. Напротив, в 1726 г. И.-Б. Кампенгаузена произвели в генерал-майоры, хотя при этом он до марта 1729 г. (относя данный факт к «обидам» от А.Д. Меншикова) продолжал получать полковничье жалованье³². Тогда же ему представилась возможность продемонстрировать на практике важность скрупулезного полкового учета и «генерального смотра». Масштабное освидетельствование

персонального состава, мундира, оружия и другой «арматуры» целого ряда полков Военная коллегия осуществляла впервые силами генералитета, что явно не вызывало энтузиазма в среде последнего. Коллеги И.-Б. Кампенгаузена, если не удавалось, отговориться болезнью, стремились по возможности отсрочить выполнение этого поручения под предлогом того, что «зимний путь рушится», в сущности сухарей «выйдет помешательство» и т. д. А когда отговориться не удавалось, представляли формальные, в несколько строчек отписки о полной исправности «смотренных» частей, оговаривая, самое большее, что «в которых полках была некоторая разнь, она надлежащим образом поправлено», либо о необходимом поданы «табели»³³.

И.-Б. Кампенгаузен же о Каргопольском драгунском, Муромском (так с 1727 именовался полк, бывший некогда под его командой³⁴), Белозерском, Выборгском, Сибирском, Рязанском пехотных полках составил подробнейшее донесение³⁵, в котором нашлось место указанию «марок» наличного оружия («тульского», «олонецких калиберов», шведского), вынужденного долговременного – до 16 сроков – использования вещей и большой «пестроты» в камзолах, епанчах и кафтанах вплоть до покупных «мужичьих», «великого оскудения» в сапогах, башмаках, чулках, рубахах и портах, «великой некрасоты» в шляпах (на которых от дождя выступает клей, а поля обвисают), нехватки в «некоторых» ящиках патронов и картечи (затребованных, но не полученных полками). При высокой оценке «исправности» в учении отмечены сбои в темпах маневрирования и в барабанных сигналах (происходящие от присоединения гренадерских рот без соответствующего изменения нормативов) и особо бедственное положение Рязанского полка, как стоящего «в степном месте», без возможности найти дерево для починки оружейных палуб, повозок и т. п.

Наконец, особо отмечено хорошее в целом качество пополнения при наличии одного «подлогом» сданного беглого и нескольких рекрут, взятых не из крестьянского, а из духовного сословия. И, помимо указания конкретных деталей, к случаю повторены любимые мысли «Предложения» – о вынужденном расходовании солдатского жалованья на мундирные вещи, о чрезмерном отягощении солдат на марше, о необходимости персонального опроса рекрут.

Какие последствия имело донесение И.-Б. Кампенгаузена для названных полков, не установлено. Известно лишь, что вскоре после

этого, по-видимому, первого знакомства с собственно российскими землями, генерал-майор, уже заседая в призванной к «благоустроению» армии Воинской комиссии 1730 г., подал новое прошение об отставке. Напоминая о своей двадцатилетней службе империи, он просил возместить понесенные в результате войны потери семьи в недвижимости, ссылаясь между прочим на то, что «помещикам ингерманландским, которые остались в стороне шведской, за отнятые их в Ингерманландии деревни даны всем в награждение деревни в Швеции». Ему же «никакого здесь награждения не учинено, а и в Швеции за то, что ...во время прошедшей войны в российской службе был весьма отказано». На прошении императрица Анна Иоанновна написала только: «Позволяется ему апшит дать³⁶».

«Остаточная жизнь» И.Б. Кампенгаузена в русских источниках практически не отражена. В Петербурге вспомнили о нем только в следующее царствование, когда искали управителя для территории, занятой в ходе Русско-шведской войны 1741–1743 гг. При ее уступке в 1744 г. Швеции он, как живое олицетворение примирения двух стран, получил от Фредерика I титул шведского барона, а от Елизаветы Петровны орден Александра Невского³⁷ и опять исчез с имперского горизонта.

Имение И.-Б. Кампенгаузена – ныне музей

Возможно, именно период жизни на покое, в окружении семьи стал для него временем исполнения желаний и обретения внутреннего мира, к которому он «с покорною ревностью» стремился многие годы.

Выбор подданства по следам рижских «аккордных пунктов» 1710 г. лишь однажды выделил его из «своей братии» иностранных офицеров, делавших тогда карьеру на русской службе. Его собственная карьера сложилась благополучно, но не блестяще, не покупая невыгодного, как сам он считал, положения по сравнению с «помещиками», выбравшими «сторону шведскую». Тот же выбор сохранил для И.-Б. Кампенгаузена возможность быть лифляндцем в Лифляндии и вместе с тем включил его имя в число не героев, но деятелей русской истории. Усвоив русский язык, он не обрусел. Свято веруя тексту указов и распоряжений, не научился читать между строк. Твердо придерживаясь буквы закона, сопереживал «бедным солдатам» и сам зачастую поступал вразрез с духом времени. И.-Б. Кампенгаузен не снискал славы и богатства, но не подвергся и всегда сопровождающим их напастям. И при всей неоднозначности натуры не остался в стороне от духовных поисков тех своих новых соотечественников, кого обаяние гения и энергии Петра побудили «ревновать» об улучшении служебного порядка, отождествляемого с порядком жизненным.

---

¹ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. СПб., 1856. Ч. 3. С. 348–349; Энцикл. слов. / изд. Ф. А. Брокгауз – И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XIV [полумтом 27: Калака–Кардам]. С. 215; Рус. биогр. слов. СПб., 1897. Т. 8: Ибак – Ключарев. С. 445.

² URL: <http://renatar.livejournal.com/558622.html>; <http://www.latvia.travel/ru> (дата обращения: 20.01.2014).

³ Речь идет о формально выборной ландратской должности (с 1721) и особенно Комиссии для рассмотрения прав на маентности в Лифляндии (1723), о работе в Комиссии по пересмотру Воинских артикулов в октябре 1720 – марте 1721 и Воинской комиссии 1 июня – 15 октября 1730 г. (Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 436–437).

⁴ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348; Кавалеры императорского ордена Св. Александра Невского / Сост. В.П. Пономарев, В.М. Шабанов. СПб., 2009. С. 246.

⁵ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27. Л. 150 об.

⁶ Там же. Л. 150.

⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2279.

⁸ Упомянутого в донесении «прилагаемого» документа об этом в публикации нет (Сб. РИО. Т. 50. СПб., 1886. С. 356).

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2008. Л. 100.

¹⁰ Имеется ввиду обиходное указание на лиц равного с называемым (его «братии») положения.

¹¹ По его «вседневным запискам» видно, что, как подчиненный командир, И.-Б. Кампенгаузен регулярно являлся во дворец на Васильевский остров для докладов, но, в отличие от других, ни разу не был отмечен как приглашенный к столу (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Т. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. С. 390, 392, 394, 465, 473, 480, 483–485, 488–489, 521, 528, 533 и др).

¹² В апреле 1716 г. И.-Б. Кампенгаузен подал челобитную: «...В прошлом году Ваше царское величество пожаловал мне в аренду две мызы в Эстляндии. А потом оные мызы паки у меня взяты...» Вместо помянутых мыз он просит пожаловать ему в Дерптском уезде мызу Ранден с принадлежащими к ней деревнями, которой ныне владеет жена шведского подполковника Крюденера и с которой он обязуется «платить против других» (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 30. Л. 247). В тезоименитство Екатерины I в 1719 г. он напомнил о своей просьбе (РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед.хр. 4. Л. 89 а). В 1720 г., отмечая получение «вместо вотчин жены» и в результате хлопот своих и покойного тестя, доктора Донеля данной мызы в аренду, он сообщает об исправном взносе положенных платежей, но просит ради лучшего пропитания своих шестерых детей предоставить ему эту мызу в наследственное владение «по шляхецкому стадиону» со значительным сокращением налоговых выплат – с 471 р. 90 к. до 211 р. 90 к. (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 39. Л. 43) и эту милость получает (Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 244). В 1722 г. он просит уже о получении патента на право владения (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 60. Л. 447–448).

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 39. Л. 43.

¹⁴ Брат отца И.-Б. Кампенгаузена, Лоренц – десятью годами ранее: с этих лет и отсчитывается в русской генеалогической традиции дворянство двух ветвей рода (Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348).

¹⁵ ПСЗ. Т. 4. № 2279.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 80.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 400 об., 414, 420, 424, 429, 438 и др.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 334.

¹⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 3, 49, 53.

²⁰ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725 (окончание) // Юность державы / Сост. В. Наумов. М., 2000. С. 311.

²¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 70. Л. 146.

²² Там же. Оп. 5. Ед. хр. 4. Л. 89 а. *За перевод с немецкого языка текста документа автор благодарит П.И. Прудовского.*

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27. Л. 150 об.

²⁴ Там же. Л. 150.

²⁵ Там же. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 401, 416.

²⁶ Там же. Л. 416 об., 424.

²⁷ Мир Просвещения: исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 579.

- ²⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 400.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27.
- ³⁰ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 50.
- ³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 70. Л. 145.
- ³² Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 271–275.
- ³³ РГВИА. Ф. 23. Ед. хр. 207. Л. 11 об., 12 об., 15, 16 и др.
- ³⁴ Кушпетовский Н. Памятка Муромского полка: к 200-летию юбилею. 1708–1908. Варшава, 1908. С. 7.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 23. Ед. хр. 207. Л. 17–20.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2008. Л. 99–99 об.
- ³⁷ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348–349; Рус. биогр. слов. Т. 8. С. 445.

М.В. Бабич (Москва)

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И.-Б. КАМПЕНГАУЗЕНА И ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1730-Х ГОДОВ

ЦЕЛЬ НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬИ – представление до сих пор не исследованного «Предложения, как... воинство в добрый порядок приведено может быть...» И.-Б. Кампенгаузена в качестве реформаторского проекта. Субъективная ориентированность автора, полковника одного из гренадерских полков, датировавшего его 1721 г., очевидна уже из препровождения сочинения Петру I, в архивном фонде «Кабинета» которого и хранится копия¹. А также из длиннейшего названия², в конце концов точнее характеризующего содержание желаемых «определений», чем предваряющий изложение перечень глав-«пунктов»³.

Объективно потенциал названного произведения подтверждается востребованностью при ближайших преемниках Петра. Его дошедшая до нас версия находится в материалах образованной в 1727 г., но вскоре закрытой Воинской комиссии, имеет следы редакторской правки и сопровождается выписками, которые вместе с современной им описью всего делопроизводственного комплекса доказывают использование бывшим кабинет-секретарем А.В. Макаровым в работе по будущему рассмотрению об армии. Выяснение обстоятельств этой работы⁴ дало новые основания давнему заключению о преемственности между несостоявшимися в 1727 и 1729 гг. законосовещательными предприятиями и добившейся впечатляющих законодательных результатов Воинской комиссией 1730 г. Выявив, в частности, продолжение до ее открытия сотрудничества А.В. Макарова с влиятельнейшим «министром» Анны Иоанновны А.И. Остерманом, наметившегося в 1726 г.

Знание и оцененность последним «Предложения» зафиксированы в инициированном им запросе в Военную коллегияу 1736 г. о сданных туда полковых книгах И.-Б. Кампенгаузена⁵, петровское повеление о «рописи» которых и побудило того к более широким рассуждениям. Учредительный указ Комиссии 1730 г. почти буквально повторил его восклицание о «великих беспорядках, которые особливо при отдаче мундира происходят». И так же связал «необходимую нужду» армии в «одной калибре» с «какой баталией или акцией», как он свои сетования о полученном в 1720 г. четырехкалиберном ружье с памятью о «несчастных» потерях Швеции в победном для нее сражении под Мурмызой 1705 г. из-за выступления туда с фузеями двух калибров⁶. А затем дал безусловную установку на «генеральный смотр» людей и «вещей», «неотменность» которого дважды в год доверенными лицами монарха (кому «ни до чего другого дела нет») пронизывает «Предложение». Установку, которая столь же безусловно осуществилась в учреждении 7 декабря 1731 г. воинских инспекторов.

Однако этим неоспоримые свидетельства вклада И.-Б. Кампенгаузена в преобразования 1730-х гг. исчерпываются. Опыты плановых фронтальных смотров 1728 и 1729 гг.⁷ как будто указывают на восприятие центральной мысли «Предложения» приближенными к трону и на укрепление престижа его автора, в чине генерал-майора прочившегося в Комиссию 1729 г. и присутствовавшего в Комиссии 1730 г.⁸ Но это слабо согласуется с его выходом в отставку еще до начала исполнения по соответствующему «пункту» комиссиональной Инструкции⁹.

Более того, сложившиеся к 1730-м гг. приемы такого исполнения в собраниях специалистов во вверенной им области не предполагали записи обсуждения готовившихся актов, а неполнота архива конкретного собрания не допускает и отслеживания его документооборота. Поэтому не только процесс принятия решений, но и их гипотетические источники воссоздаются лишь фрагментарно, не давая уверенности в том, что «Предложение», появившийся под эгидой А.В. Макарова экстракт из него или другие подобные сочинения в Комиссии слушались.

Даже единогласные «мнения» ее членов лаконичнее обычного – как приложения к сведенным в монументальные табличные штаты (табели) вооруженных сил спискам их структурных единиц, численности и предметов довольствия. Ведь оптимизацию их издания

1720 г., в 1725–1727 гг. официально раскритикованного, получившие именной указ от 1 июня 1730 г. генералы, бригадиры и полковники должны были произвести в первую очередь. В аналогичные таблицы и сухие должностные предписания вылились и положения комиссиональной программы, выводы о благодетельности которых аннинская элита сделала самостоятельно.

Отражение результатов ее коллективного творчества (в лице представителей в Комиссии, активно реагировавшем на донесения отсюда Сенате и направлявшем их деятельность окружении императрицы) слишком отлично от «Предложения», отмеченного яркими индивидуальными чертами. Невозможность применять к таким документам традиционный текстологический анализ с элементами реконструкции исторической обстановки и отдельных биографий вместе с тем оставляет открытым путь их сопоставления исключительно на уровне идей. Понимая под идеями представления о насущных потребностях преобразуемой среды, для высказывания которых авторы, не столько военные теоретики или политические мыслители, сколько удачливые практики искусства управления, выбирали не выверенные ученые категории, а расхожие идеологические клише.

С той разницей, что над рядовым полковником из остзейцев, пекшимся об армейском благоустройстве из «горячего сердца», не довел груз ответственности, который в «России без Петра» лежал на его сподвижниках, взявшихся за такое благоустройство в условиях задачи сбросить сильное войско и ослабить налоговый гнет над содержащим его податным населением. Правда, «Предложение» возникло тогда, когда об угрожающих целостности страны бедствиях крестьян из-за удвоения в 1720 г. против штатов 1711/12 г. затрат на солдат «верхи» еще не думали. А хотя бы и думали, не осмелились бы возвысить голос, как после смерти великого императора генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский, настроения которого многие сановники испытывали до конца 1720-х гг.

И.-Б. Кампентаузен сочувствовал «бедным подданным» и в начале 1720-х гг. Но сочувствовал не их обнищанию или притеснениям вообще, а сверхвременности («убытку напрасному») рекрутскими наборами из-за массового бегства новобранцев. И если бегство от сословных повинностей советская историография причисляла к главным проявлениям классовой борьбы, то и от бывшего шведского майора не ускользнула общественная природа этого

феномена, на его родине отчасти смягченного обращением крестьян в солдаты не всегда «с охотою», но всегда «за добрыми поруками». Здравомысленно рассуждая, что при всем сходстве военной организации «в государстве шведском... и императорского величества в государстве» принудительности наборов «в губерниях» не отменить¹⁰, он сделал мишенью критики саму их практику.

Она и оказывается в фокусе при попытке «объявить способы», которыми «непорядки и ненадобные расходы... исправлены и отставлены могут быть». Причина страха перед «солдатством» в народе, который толкает его к сдаче заведомо негодных, по «Предложению» – прежде всего заведомый же страх властей, заставляющий вести принятых «яко заключенных в чепях и кандалах». Затем то, что в дороге часто «оним надлежащий провиант не дается», а неумелые «в старании иметь» его командиры «неправдою» расходуют положенные суммы и гонят партии с «поспешением», почему прибывшие на место «едва дыхание имеют». Тогда как того и другого можно бы избежать, провожай рекрут опытные обер- и унтер-офицеры, обязанные письменной отчетностью и служебными взысканиями за их «здравие» вплоть до привода в часть. И намечая маршрут, чтобы переходы не превышали 15 верст в день с отдыхом через два на третий.

Первогодков, далее, не следует приравнять к остальным в наказаниях и «наипаче» в «караулах» и «работах», раз они «учатся», а многие «еще и в двадцать лет не вступили». В Швеции возраст призыва рационально «определен» 24–36 годами, так как моложе 23-х и старше 50 нередко смерть от перенапряжения вопреки ожиданиям от рядовых короной и «землей» 10–15-летней эффективности. В России же что-то делать с бессильными волочить на себе во «всегдашних маршах» до 8 дней кряду 2 пуда ружья, амуниции и провизии приходится полковникам, которые, за недостатком вакансий барабанщиков, лишь отправляют малолеток в извозчики, чьи нагрузки на поверку не легче строевых¹¹.

Между тем помочь выйти из череды «насильств» и изнурений с неизбывным полковым некомплектом и всеобщими убытками могло бы и «определение» о внутренних гарнизонах. Там рекруты несколько лет осваивались бы и обучались у «добрых» унтеров. А привычные к службе, напротив, не теряли навыков за 3–4 года «втуне» при ежегодных переводах четверти состава в полевые полки и во флот на восполнение от одной восьмой до одной шестой их убыли¹².

Из сказанного одно «определение о провожании рекрут» удостоилось резюме А.В. Макарова, в повестку дня Комиссии, впрочем, не попав¹³. Некую реплику на него можно прочесть разве в высочайше утвержденном 28 октября 1734 г. докладе Сената о дополнениях к Правилам о содержании рекрут 1719 г., где речь шла об улучшениях по заготовке продовольствия «провожатými офицерами» и «маршах» до 30 верст в день не более двух дней подряд¹⁴. По «излишним» же для армии мирного периода людям и лошадям и особенно по табельным «срокам вещам» различие рассматриваемых позиций было еще серьезнее.

В «Предложении» те, кто «в полках обретається» без места «в рядах и шеренгах» – извозчики, плотники, профосы и «протчие», – едва упомянуты с комментарием, что «означить» о них среди «разных еще дел» можно, «когда случай позовет». И всего в два листа уложены наблюдения о сдаче в цейхгаузы или продаже за бесценнок портупей, перевязей, пороховых ящиков или фузей, шпаг, пистолей и пик, которые при должной заботе могли бы употребляться десятилетиями¹⁵.

Верховная власть надеялась именно сокращением номенклатуры чинов и продлением службы полковых принадлежностей удешевить армию всю вторую половину 1720-х гг. и вынесла этот мотив на знамя Комиссии 1730 г. Другое дело, что экономия по линии «припасов» была достигнута там, как считается, лишь на бумаге, а от радикальной убавки нестроевых и обоза к 1736 г. пришлось отказаться¹⁶. Перерасчеты казенных расходов вовсе пропали бы даром, не совмести их комиссиональный генералитет с тщательной проработкой нормативов всех видов довольствия, к объему этих расходов отнюдь не сводимого.

При зависимости боеспособности от снабжения, а снабжения от успехов борьбы с коррупцией вокруг него и приспособления к ситуации в социуме военное хозяйство – предмет непрестанных забот командно-политического руководства. Естественно, что и И.-Б. Кампенгаузен, «аншефт» среднего звена, таких забот не был чужд. Примечательнее, что их болевой точкой и к 1730-м гг. остался мундир, несмотря на все реорганизации в удовлетворении жизненных потребностей военнослужащих (обычно через Кригс-комиссариат) в 1720-е гг. (включая расположение денежных и натуральных сборов на армию и ее участие в их взыскании)¹⁷.

«Предложение» разделяет взгляд на равноценность живой силы и ее материального обеспечения, согласно которому с гибелью человека государство терпит «двойной убыток, а именно в человеке и в мундире». Но ищет в нем иного ракурса, убеждая Петра, что без упорядочения по «примерам» Швеции мундирных дач и его армия «никогда... определению свою не получит»¹⁸. Сквозь «примеры» же приема «там» каждой «вещи» «по пробе» и оправдание «здешних» рядовых, которые сначала тратятся на покупку рубах, чулок и обуви в ущерб пропитанию, а потом избавляются от выданного с задержкой, чтобы «на маршах не таскаться»¹⁹, проступает реальность. Реальность, в которой как будто и не слышали об «образцах», по штатам 1711/12 г. гарантирующих «доброту» предметов обихода, и многочисленных артикулах об их порче. Но весьма важно, чтобы полк епанчами, шляпами и камзолами был «издали украшен». И еще важнее, дабы никто не мог обвинить вдруг решившихся бы восстать против подлогов и «негодностей», что они «императорского величества мундир хулят»²⁰.

Комиссия 1730 г. «мундирному пункту» программы посвятила наибольшее количество времени²¹, сформулировав свои соображения в «мнении», узаконенном 7 августа 1731 г.²² В нем нашлось место для улучшения положения с бельем, башмаками и сапогами, снижения веса солдатской поклажи и прорисовки назначения, качества и кроя деталей военного костюма с этапами их обращения от приобретения сырья до распределения конечного продукта между старослужащими, рекрутами, отставными и даже наследниками умерших. Пусть распоряжения, опирающиеся на действующую схему пребывания войска на вечных квартирах, в очередной раз пересмотренный статус Кригс-комиссариата и адекватные периоды цены продержались недолго. И, наоборот, долго еще были благими пожеланиями, неоднократно повторяясь, декларации о единообразии мундира, соблюдении новых «образцов» и знаков различия частей.

Принципиальное проведение смешанного способа (поставка, подряд, покупка) обмундирования рядовых, по заключению военного историка Н.И. Соловьева, переросло в систему, которая дожила до реформ Александра II²³. А это показывает, что по крайней мере в данной (и почти неотделимой от нее «амуничной») отрасли полкового хозяйства в 1730-е гг. добились как точной юридической трактовки правительственных намерений, так и их практического

воплощения. То есть далеко опередили прекраснодушные сожаления И.-Б. Кампенгаузена о «бедных солдатах», полудетых и разутых, помогать которым офицерам препятствует бесправие «выметать» (списывать) что-либо до истечения штатного «срока».

Чаемые права – как ему и виделось, посредством вписывания «комиссариатских» (формально существующих с 1711) смотров в контекст смотров «генеральных» – тогда тоже были дарованы, – и быстро переродились в традиционное затем переключивание всякого списания на «смотрящих» генералов²⁴. Но очерченный в «Предложении» идеал генерального смотра или «мунствования» зримо съезжился, хотя высокие вневедомственные полномочия лиц, избираемых к данным акциям, и их приуроченность к выводу полевых полков в летние лагеря и обратно затронуты не были.

То же можно сказать о понятии «смотра и мунствования», освоение которого у нас связывают с одноименной «запиской» 1704 г. фельдмаршала Б.-Г. Огильви, вместе с другими его наработками учтенной регламентами-предшественниками Воинского устава 1716 г.²⁵ Термин «мунствование» или, в уточненной позднейшей транскрипции, «муштрование» (от немецкого *mustern* – производить смотр)²⁶ должен был высветить новизну смотра как присущего «регулярству» инструмента контроля соответствия целых частей общим стандартам относительно привычки к смотру как «разбору» служилых людей по степени их единичной годности.

Подразумеваемое им разграничение строевой и материальной «исправности» привилось постольку, поскольку удостоверение в правильном содержании вооруженных сил законодатель вменил не «командующим аншефтам», а непосредственно занятым вещевым и денежным довольствием чинам, с 1700-х гг. прочно называвшимся, на французский манер, комиссарами. Но ни придать «комиссариатским» проверкам постоянства, ни переадресовать их высшим командирам, чьи спорадические освидетельствования тех или иных полков ради «баталлий» либо подозрений в «передаче жалованья» оборачивались прежним «разбором», не удалось²⁷. Откуда, вероятно, и опять поднимавшее вопрос о смотре-ревизии возвращение к «мунствование».

Морской устав 1720 г. поручал его корабельным капитанам, не вступая в разъяснения о субординации с «також» участвующими в процессе корабельными комиссарами²⁸. И.-Б. Кампенгаузен предполагал иерархию «комисских» и «генеральных» смотров

при доминировании последних в силу их проведения «генерал-мунстергерерами» шведского типа. В актах 1730-х гг. генерал-мунстергереры при буквальном переводе стали генерал-инспекторами, в русской армии еще не бывавшими, что упростило воссоединение надзора за ее обеспеченностью и обученностью без вмешательства в компетенции комиссаров и полковников. По Инструкции от 7 декабря 1731 г.²⁹ войска «смотрелись», с одной стороны, в «людях, мундире, ружье, амуниции и лошадях», с другой – «в экзерцициях, в маршах, в караулах», «в квартирах, командированиях и компанентах». И квалифицировались, исходя из уже усовершенствованных Комиссией штатов и уставов, усовершенствовать которые предстояло в «Экзерциции пешей» и «Экзерциции конной»³⁰.

Равновесность обоих подходов к оценке «состояния» полков выдержала испытание временем и в начале XIX в. воспринималась как нечто само собой разумеющееся³¹. Но повеление попутно «приводить в одинаковое действо» «рознь» между ними в служебном отягощении внятыми критериями не сопровождалось. Ничего не проектировалось и для «особливого старания» генерал-инспекторов о своевременном получении рядовыми мундира и удовлетворении словесно заявленных ими «обид» от офицеров, которых тоже спрашивали об «обидах» от начальства. Говорить о жизнеспособности названных «уравнительных» постулатов поэтому вряд ли стоит. Зато, кажется, вполне можно говорить о том, что при их внесении в Инструкцию от текста И.-Б. Кампенгаузена все-таки отталкивались.

Констатируем во всяком случае несомненные параллели с «Предложением», которое из несовпадения боевых и церемониальных приемов пехотных, кавалерийских, полевых, гарнизонных и даже однородных подразделений, их неравенства в нарядах и награждениях выводит унижение чести и трудов всех военных, из-за чего им нельзя «как чеши вместе висеть». И ждет пресечения этого вреда «полной властью и силой» генерального смотра, подаваемые которому «табели командрований» и именные списки с отметками о «добрых заслугах» каждого лягут в основание монаршей «справедливости или юстиции». Повышения с уважением «по должности своей... покорного послушания» и «тщания... в своей службе искуснее быть» укрепят дисциплину («подчинение») «яко душу при войске».

Они же стимулируют солдат к грамотности (без которой не произвестись в унтеры), а офицеров к превращению в способных писать «репортисии» «добрых экономов и бухгалтеров» (благодаря чему воцарится порядок «на марше» и благополучие «на квартирах»). Кроме того, лишение милостей «ленивых» и «виноватых» нейтрализует «людей злых», очередность военных и мирных назначений и их соразмерность наличной мощности полков отвратит от напрасных истощений и губительной праздности, а «генеральный счет» материальной части освободит государство и народ от лишних платежей³².

В увлечении «великим сокровищем» генерального смотра автор был склонен переходить от полудетских воспоминаний о мудрости Карла XI и зрелых заметок о повседневности армии, победившей Карла XII, к утопическим построениям альянса Петра I с его армией, а армии с крестьянством и шляхетством в «несказанной любви». Но и за вычетом вытекающих отсюда сентенций смотр-инспекция предстает в «Предложении» высшим институтом военного управления, замыкающим на себе преодоление всех его недостатков. Программа 1730 г. отводит ему роль чисто монофункционального инструмента для поддержания устанавливаемых «учреждений... ненарушимо»³³. Инструкция же по его проведению 1731 г. ставит во главу угла генерализацию заложенного в «сочинение смотровых списков и табелей» учета всех штатных единиц. И этот учет с тех пор действительно укореняется, органично согласуясь с выдвиганием на передний план всех нововведений «форм» полковой документации.

Напомним, что И.-Б. Кампенгаузен с «изобретения» книг о «прибыли» / «убыли» персонала с его материальными средствами и о совершаемых им «маршах» свой творческий акт начал. Летопись таких сведений, сперва показавшаяся, по его словам, подчиненным «противной... и весьма невозможной», более или менее подробно «держала» любая «регулярная» часть. Сам же он находил одинаково непристойным и «себя хвалить», и распространяться об «общей пользе» того, что уже хвалил Петр. Поэтому предположим, что достойное подражания отличие «Кампенгаузенова полка» царь усматривал в пополнении собираемой информации «повсюдно», по раз (с 1713) выделенным номинальным группам («ордеров», «рапортов», «паролей и лозунгов», «ведомостей», «табелей») и приходно-расходным статьям (жалованья, провианта и фуража,

«припасов»). Непривычность разнесения текущих данных по «ну-мерам», по-видимому, и нуждалась в «росписи» с аннотациями, зачем каждая из книг № 10–12 «имеется»³⁴.

Помимо повторения излагаемого в других разделах, в них подчеркивалось, что «книги» удобны для полка, освобождая его от возов бумажных «связок». Последний довод вошел в преамбулу «форм» 1732 г. о «книгах, рапортах, годовых ведомостях и счетах», предопределив печальное для науки уничтожение полковых архивов разрешением сдавать их в местные гарнизоны. Никакая иная аргументация обязательности 29 нумерованных (и 8 ненумерованных) переплетов не предпосылалась – не потому ли, что те же переплеты не встретили возражений в войсках под Петербургом, куда посылались на отзыв³⁵, и просто могли выглядеть счастливой альтернативой чуть ли не 50 канонам Морского устава 1720 г. и Регламента об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г.³⁶

Сквозь призму «морского» эталона, не имевшего в виду «журналов» с подробностями всех «поступков» корабельной команды, не удивляет и отсутствие таковых в «сухопутном» реестре 1732 г. Но относительно списка И.-Б. Кампенгаузена это означает отказ ровно от тех «писем», которые «обличают» офицеров всех рангов в пренебрежении приказами и «оправдывают» их в представлении вышестоящим инстанциям о бедах своих подчиненных (№ 10–12), необходимы для «минования споров» всех друг перед другом «в службах и трудах» (№ 8) и, наконец, для достойного «ответа,.. ежели что о походах спросится, а особливо когда для сочинения гистории» (№ 7)³⁷.

В поле зрения верховной власти попадала в итоге преимущественно денежно-хозяйственная отчетность, радикально сравнительно с адмиралтейской упрощенная³⁸ и доведенная до уровня роты (что И.-Б. Кампенгаузен внедрял в своем полку по собственной инициативе)³⁹. А вместе с ней «форма о людях», которая вслед за «смотровыми списками» 1731 г.⁴⁰ удовлетворяла запросу на анкетирование всего личного состава в масштабе, ни в Регламенте Кригс-комиссариату 1711 г., впервые коснувшемся персональных данных, ни в «сказках» по полевой армии 1720–1721 гг. не приложимом даже к офицерам. Так что кроме фамилий, имен и отчеств, чинов, их «перемен» и бытности «налицо» значимыми становились возраст, социальное происхождение, длительность службы в настоящем чине и даже спецификация командировок⁴¹.

Овладение универсальным средством учета военных кадров знаменовало заметный шаг вперед государственности, в которой армия – и опора престола, орудие победоносных войн, и потребитель почти половины бюджета, и аккумулятор крупнейшей дееспособной группы правящего класса, и основной источник пополнения административного аппарата, и ведущий фактор «доброты порядка» вообще. Не менее показательны обличия в «табели» составляющих материального обеспечения в их движении, поставившее его на такую же твердую почву, какую структуре и финансированию вооруженных сил в целом обеспечивали штаты, тоже чаще именуемые современниками Табелью.

Утверждение и периодические, примерно раз в 10 лет, пересмотры Табели как своего рода армейской конституции в течение XVIII в. предпринимались как акции национальной важности. Механизм же непрерывного табельного учета с начала 1730-х гг. приводили в работу весенние и осенние смотры, которые скоро утратили приставку «мунстрования»⁴² и приобрели, наряду с всевропейской ролью органа контроля за боеспособностью, другие специфические свойства, в том числе и функции легализации «вымета» из полков «ветхостей». Дальнейшая регуляризация таким образом пространства вширь и вглубь (в смысле охвата хозяйственного сегмента и проникновения в роту) с закреплением ответственности «за все» за снабженным «табелями» на любой случай офицерским корпусом завершила военное строительство Петра I.

Перед успехом реформ 1730-х гг., которые стали залогом поступательного развития России в заданном им направлении, «Предложение» И.-Б. Кампенгаузена, сумевшего сыскать лишь мимолетнюю похвалу преобразователя, меркнет. Оно несомненно проникнуто характерной для эпохи уверенностью, что какие бы то ни было пороки окружающей действительности могут и должны быть исправлены разумными «определениями». Готовность автора участвовать в их «изобретении» столь же несомненно питается осознанным следованием устоявшемуся к началу 1720-х гг. идеалу «доброты и честного офицера», кругозор которого и ограничивается его мировоззрением. Кругозор этот, однако, довольно широк и против «своей братии» полковых командиров обогащен службой (до 1711) в шведской армии и наслышанностью о ее славном реформировании в последней четверти XVII в. Карлом XI.

В намерении приложить его опыт к армии «императорского величества» И.-Б. Кампенгаузен хотел ликвидировать изъяны, недомогательство которыми, думается, и порождало угаданное П.О. Бобровским стремление к иным относительно 1710-х гг. порядкам⁴³, разделяемое и Петром, до конца жизни обращавшимся к военному законодательству. В начале 1730-х гг. актуальность вопросов о рекрутах и мундире, «излишних» чинах и вещевых «сроках», однокалберном ружье и одинаковых уставах, полковых отчетах и смотрах была озвучена с высоты престола. И в донесении их до этой высоты есть заслуга и «Предложения», которое в руках тех, кто делал военную политику, побывало.

В ее реализации конструкции И.-Б. Кампенгаузена, по-своему логичной, но умозрительной, не разглядеть – просматриваются лишь отдельные элементы, иногда объединенные в блоки, которые причастные к правлению лица могли черпать как из его произведения, так и из прямо наблюдаемых им обстоятельств. Но это не умаляет значения «Предложения» как итога многолетних стараний автора на благо петровской армии и единственного известного пока выражения цельного взгляда на нее изнутри.

---

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 399–437 об.

² Предложение, как по обыкновенным определениям в государстве швецком, так и императорского величества государстве, понеже во многом сходства имеют, воинство в доброй порядок приведено может быть, також от прежних происходящих убытков миновать, и по тому казну и людство всего российского государства в воинских делах розмерно содержать, сочиненное в 1721-м году, которой обоим оным государствам служил: Там же. Л. 399.

³ 1. О мунстрировании или смотрах... 2. О... перемене негодного мундира и ружья... 3. ...Пункт состоит в содержании порядочных полковых книг, а особливо щетов... 4. ...Пункт состоит в объявлении способов, которым[и] некоторые непорядки и ненадобные расходы... отставлены могут быть: Там же. Л. 401.

⁴ См. мою статью «А.В. Макаров и Воинские комиссии 1730-х гг.» в сборнике «Петровское время в лицах–2012» (СПб., 2012. С. 37–46).

⁵ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1902. Т. 5. С. 5 (Сб. РИО. Т. 114). Отыскали ли их тогда, не установлено, как и местопребывание подлинника «Предложения» и экстракта из него: первого не было в макаровских «бумагах» уже на момент их внутриахивного оформления к осени 1728 г., а второе, с другими итоговыми выкладками, изъяли уже позднее: РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 407 об., 412 об.–414; ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 5–6.

- ⁷ Судя по их отчетности, предъявленной Военной коллегией Воинской комиссии в ноябре 1731 г., они оба раза охватили примерно треть полевых и гарнизонных полков: РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 207. Л. 10–24.
- ⁸ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 94. С. 585; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 1–62 об.
- ⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2008. Л. 96–97.
- ¹⁰ Там же. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 426, 428–429.
- ¹¹ Там же. Л. 425–426, 427–430 об.
- ¹² Там же. Л. 426 об., 430 об.–431.
- ¹³ Там же. Л. 482. «В рекрутах облегчения» указ от 1 июня 1730 г. надеялся достичь за счет «солдатских детей» (ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 12), за выявленной малочисленностью которых (Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 165) вопрос был попросту снят.
- ¹⁴ ПСЗ. Т. 9. № 6643.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 433, 434 об.–436 об.
- ¹⁶ Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII стол. (1700–1761). СПб., 1901. С. 215–216; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 154–156, 158–162, 181, 319.
- ¹⁷ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 100–145.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 412.
- ¹⁹ Там же. Л. 406 об.–412.
- ²⁰ В убедительное опровержение тезиса о парализующем влиянии на власть командиров положений Воинского устава 1716 г. о «контроле комиссара, доносе фискала, протесте офицера»: Бобровский П.О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 420.
- ²¹ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 15 об., 18 об.–23, 25–34, 89–101 об. и др.
- ²² ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836.
- ²³ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 114–115, 120–134, 144–146, 161–162.
- ²⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5900, 5904; Т. 9. № 6796, 7097; Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 138.
- ²⁵ Калашников Г.В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3. С. 116–117.
- ²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. М., 1987. Т. 3. С. 21; Бобровский П.О. Указ. соч. С. 312.
- ²⁷ Ср.: РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 415; Калашников Г.В. Указ. соч. С. 117.
- ²⁸ ПСЗ. Т. 6. № 3485. Форма таблицы № 1.
- ²⁹ Там же. Т. 8. № 5900.
- ³⁰ Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739. СПб., 1906. Ч. 1. С. 40.
- ³¹ Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины в Российском сухопутном войске употребляемые... 2-е изд. М., 2008. С. 145–146.
- ³² РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 420 об.–424.
- ³³ ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 10.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 416.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 109.
- ³⁶ ПСЗ. Т. 6. № 3937.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 417 об.–418.

³⁸ Вплоть до готовых «табелей», в «столбцы» которых оставалось внести даты, имена, суммы и «штуки». Специальные (сверх письма и простейших арифметических выкладок) навыки вроде умения различать цены «табельные» и реальные, а вещевые поступления по плану и по факту требовались от немногих должностных лиц, заполняющих книги о мундире и амуниции, о провианте и фураже и о лошадях.

³⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 419 об. При оформлении на этом уровне и «журналов» отданных приказов.

⁴⁰ Их форма дублировалась с единственной заменой «пункта», был ли под военным судом, свидетельством, здоров или болен.

⁴¹ Подробнее см.: Калашников Г.В. Указ. соч. С. 116–124.

⁴² Понятие это начинает эволюционировать к зафиксированному в первой трети XIX в. значению муштровать – «держаться строго» и «придирчиво взыскивать, уча» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 363), приобретая затем отчетливо негативный оттенок в «муштре» и «муштровке».

⁴³ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 420.

С.В. Барчевский (Москва)

ГЛОССАРИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ ХОЛОДНОМУ ОРУЖИЮ КИТАЯ

РАСТУЩИЙ сегодня во всем мире интерес к историческому оружию Востока в целом и Китая, в частности, делает, по мнению автора, весьма актуальным вопрос оригинальной терминологии. Методики описания, принятые учеными-оружиеведами, были выработаны на основе изучения предметов преимущественно европейского происхождения. В некоторых случаях их применение к восточным образцам создает ряд трудностей, связанных со специфическими особенностями национальных традиций оружейного дела. Если с оружием Японии такие сложности к настоящему моменту успешно преодолены благодаря давнему и детальному знакомству с традиционной японской терминологией, то по отношению к оружию Китая это является предметом насущного внимания специалистов.

«Глоссарий по историческому холодному оружию Китая» является, по сведениям автора, первой работой такого рода на русском языке и одной из очень немногих в мире.

Глоссарий включает:

1. Виды традиционного холодного оружия – ручного, древкового и метательного (только те, исторические образцы которых хранятся в музейных и частных коллекциях);
2. Конструктивные детали и особенности;
3. Технологические приемы и материалы для изготовления;
4. Широко распространенные мотивы декоративного оформления;
5. Некоторые исторические и географические названия, прямо связанные с атрибуцией предметов.

Термины приведены в порядке русского алфавита. Для каждого термина даны:

1. Русская транскрипция (в соответствии с системой Палладия), с различением строчных и прописных букв;
2. Современное иероглифическое написание;
3. Традиционное иероглифическое написание;
4. Китайское чтение иероглифов по системе «пиньинь»;
5. Русский подстрочный перевод;
6. В некоторых случаях – транскрипция на других языках или диалектах регионов бытования (во внутренних скобках);
7. Краткое описание, по возможности приведенное в соответствии с терминологией отечественного оружиеведения (по методическим рекомендациям А.Н. Кулинского);
8. В некоторых случаях – указание на синонимы или связанные понятия.

Эта работа является попыткой систематизации и анализа собрания терминов, встреченных автором в публикациях на протяжении более 10 лет. Ряд затруднений, существенно затянувших процесс, был связан с неоднородностью материала и особенностями китайского языка. Так, часть терминов является общеупотребительной и входит во все современные словари, другая же – устаревшие слова и жаргонизмы – сегодня понятна исключительно историкам, коллекционерам оружия и знатокам традиционных боевых искусств. Тут зачастую оказывались бессильны не только квалифицированные переводчики, но и носители языка.

Автор адресует свой скромный труд историкам-оружиеведам, сотрудникам музеев, а также широкому кругу коллекционеров и ценителей исторического холодного оружия Китая. Он особо надеется, что уточненная и упорядоченная русская транскрипция поможет избежать досадной путаницы в описаниях предметов (и нередко следующих за этим продолжительных терминологических споров), а включенная иероглифика окажется полезной при работе с оригинальными источниками.

Особую благодарность за помощь и поддержку автор выражает Константину Агееву и Алексею Пастухову, а также участникам Китайского форума портала www.polusharie.com

Глоссарий

бааньсянь (совр. / трад. 八閻仙 bāānxiān – восемь «скрытых даосских святых») – орнамент из благопожелательных символов – атрибутов восьми даосских святых: веера, клюки и тыквы-горлянки хулу, корзины для цветов, лотоса, бамбуковой трещотки, меча, пары дощечек, исполняющих роль кастаньет, флейты, см. также **губабao** и **фобабао**

байцзянь (совр. 白坚 трад. 白堅 báijīān – «белая твердость») – видимая линия закалки, светлая полоса вдоль лезвия клинка (термин использовался в эпоху Хань (206 до н. э. – 220 н. э.))

бан (совр. / трад. 棒 bàng – палка, дубинка) – I. Боевой шест, II. Дубинка

баоган (совр. 包钢 трад. 包鋼 bāogāng – «обернутая» сталь») – технология изготовления клинков, при которой основу из низкоуглеродистой стали охватывала («обертывала») тонкая полоса высокоуглеродистой стали V-образного профиля

Бацзи (совр. 八旗 трад. 八旗 Bāqí – «Восемь знамен») – «Восьмизнаменная армия» – основная часть вооруженных сил империи Цин, состоявшая из 8 корпусов **ци**

бачжандао (совр. 八斩刀 трад. 八斬刀 bāzhǎndāo – тесаки «восьми отсечений» (на кантонском диалекте – *бат чам доу*)) – один из видов парных тесаков с защитной дужкой и отрогом на обухе, см. также **худедао**

бидуань (совр. 笔端 трад. 筆端 bǐduān – «кончик кисти для письма») – одно из наименований острия меча, см. также **цзяньцзянье** и **фэн**

бин (совр. / трад. 柄 bǐng – рукоять) – рукоять оружия

бингу (совр. / трад. 柄箍 bǐnggū – обруч, ободок на рукояти) – металлическая втулка на рукояти возле гарды

бинтоу (совр. 柄头 трад. 柄頭 bǐngtóu – головка рукояти) – навершие рукояти

бяо (совр. 标 трад. 標 biāo – дротик) – собирательное название для метательного оружия в виде короткого копьеца без рукояти

бяоцян (совр. 标枪 trad. 標槍 biāoqiāng – дротик) – дротик, короткое метательное копьё

ваньхушоу (совр. 卫护守 trad. 卫護守 wèihùshǒu – защита в форме свастики) – крестовина с концами, загнутыми в противоположные стороны

ваньшоу (совр. 缩手 trad. 縮手 wǎnshǒu – «обмотанная рука») – одно из наименований кисти, привешиваемой к рукояти оружия; по преданию – в древности длинный шнур, которым обматывали запястье с целью защиты и им же для страховки привязывали меч к руке

вэнь (совр. 纹 trad. 紋 wén – узор) – узор, орнамент

гоу (совр. 钩 trad. 鈎 gōu – крюк) – I. Багор – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет один или несколько крюков, II. Крюк на боевом наконечнике копья **цянь** или на обухе топора

гу (совр. / trad. 骨 gǔ – костяк, остов) – полоса клинка, см. также **шэнь**

губабao (совр. 古八宝 trad. 古八寶 gǔbābǎo – «восемь древних драгоценностей») – орнамент из восьми благожелательных символов: жемчужины, коралла, пары слоновых бивней, рога носорога, листа артемизии, пары свитков картин, жезла *жуи*, слитка серебра, музыкального инструмента *цин*; также существует и другой состав, заимствованный из индийского буддизма: жемчужина (вариант: 3 или 5 жемчужин), коралл, пара слоновых бивней, рог носорога (вариант: рог единорога *цилин*), пара круглых золотых серег (вариант: раковина, закрученная вправо), пара квадратных золотых серег, X-образная драгоценность – знак отличия полководца, жезл *жуи* (вариант: знак «тройного великого предела» *саньтайцзиту*), см. также **бааньсянь** и **фобабao**

гун (совр. / trad. 弓 gōng – лук) – лук как метательное оружие

гунцянь (совр. / trad. 弓箭 gōngjiàn – лук и стрелы) – лук и стрелы как один вид традиционного оружия

гунь (совр. / trad. 棍 gùn – кит. палка, посох) – I. Дубинка, II. Цеп – собирательное название для ударно-дробящего оружия

без боевого наконечника, состоящего из соединенных между собой двух или нескольких секций

дадао (совр. / трад. 大刀 dàdāo – большая сабля) – I. Тип тяжелой двуручной сабли с очень широким клинком с елманью, II. В современном китайском языке собирательное название для сабель на древке, см. также **чандао**

дан (совр. 挡 trad. 擋 dǎng – ломать, отбивать, парировать) – собирательное название для «нелетального» древкового оружия, боевой наконечник которого представляет собой одну или несколько поперечин, покрытых небольшими шипами. Предназначение «дан» – удержать на безопасной дистанции либо обезоружить нападающего с ручным холодным оружием

дао (совр. / трад. 刀 dāo – нож, оружие, орудие с одним острым краем) – нож или любое оружие с одним или полуторным лезвием – сабля, палаш, тесак и т. п.

даобэй (совр. / трад. 刀背 dāobèi – «спинка дао») – обух клинка

даожэнь (совр. / трад. 刀刃 dāorèn – «лезвие дао») – лезвие клинка, см. также **даокоу**

даокоу (совр. / трад. 刀口 dāokǒu – «рот дао») – лезвие клинка, см. также **даожэнь**

даомянь (совр. 刀面 trad. 刀麵 dāomiàn – «плоскость, грань дао») – грань клинка, голомень

даотао (совр. / трад. 刀套 dāotào – чехол сабли) – чехол для хранения и переноски сабли

даочжундао (совр. / трад. 刀中刀 dāozhōngdāo – сабля с саблей внутри) – вид «потайного оружия» *аньци*; представляет собой саблю, в ножнах которой скрыт второй, короткий клинок, рукоятью его является верхняя часть ножен

дуань (совр. 緞 trad. 緞 duàn – атлас, парча) – дорогая шелковая ткань, использовалась в отделке ножен и для изготовления парадных чехлов

дуаньдао (совр. / трад. 短刀 duǎndāo – короткая сабля) – укороченная сабля

дуаньцзянь (совр. 短剑 trad. 短劍 duǎnjiàn – короткий меч) – укороченный меч, кортик

жэнь (совр. / trad. 刃 rèn – лезвие, острие) – лезвие, в широком смысле – клинок, холодное оружие

любюнь (совр. 鲤鱼濒 trad. 鯉魚濒 lǐyúbīn – «карп у берега») – одна из форм кисти, привешиваемой к рукояти

лоукун (совр. 镂空 trad. 鏤孔 lòukǒng – «резные отверстия») – прорезная техника в оформлении металлического прибора

Лунцюань (совр. 龙泉 trad. 龍泉 Lóngquán) – город в провинции Чжэцзян, с XVIII в. крупный центр изготовления холодного оружия; стилизованные иероглифы «Лунцюань» и изображение дракона с раздвоенным хвостом на ножнах являлись своеобразным торговым знаком

лунцюаньцзянь (совр. 龙泉剑 trad. 龍泉劍 lóngquánjiàn – меч «драконовый источник») – I. Известное с древности имя легендарных мечей (как и в Европе, в Китае существовала традиция давать выдающимся мечам имена собственные), II. Тип длинного фехтовального меча, созданный в XIII в., за которым это название закрепилось до сегодняшнего дня, III. Мечи, изготовленные в городе Лунцюань

люедао (совр. 柳叶刀 trad. 柳葉刀 liǔyèdāo – сабля «ивовый лист») – тип плавно изогнутой сабли с клинком, сужающимся к острию

лянь (совр. 镰 trad. 鎌 lián – серп) – I. Собирательное название для ручного оружия, боевой наконечник которого имеет серповидный клинок, II. Боковое копьцо на боевом наконечнике древкового оружия, имеющее серповидную или змеевидную форму

мао (совр. / trad. 矛 máo – копье, рогатина) – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет листовидное или змеевидное (см. **шэмао**) копьцо

мачжандао (совр. 马斩刀 trad. 馬斬刀 mǎzhāndāo – сабля, «разрубающая лошадей») – вид двуручной сабли, он же *чжэньмадао*

мо (совр. / trad. 磨 mó – точить, шлифовать) – точить, шлифовать

мобин (совр. / trad. 未柄 mòbǐng – конец рукояти) – конец рукояти, навершие

могуан (совр. / trad. 磨光 móguāng – шлифовать до блеска) – полировать

мяодао (совр. / trad. 苗刀 miáodāo – сабля «росток / побег») – вид длинной древковой сабли

нювэйдао (совр. / trad. 牛尾刀 niúwěidāo – сабля «бычий хвост») – тип широкой сабли с большой елманью

паньхушоу (совр. 盘护守 trad. 盤護守 pánhùshǒu – защита в форме тарелки, блюда) – гарда в виде круглой или овальной пластины с односторонним бортиком, то же что **хушоупань**

питао (совр. / trad. 皮套 pítào – кожаная оболочка) – покрытие ножен кожей

пэйдао (совр. / trad. 佩刀 pèidāo – сабля, носимая на поясе) – собирательное название сабель для ношения на поясе (для различия с **чандао** – саблями на древках), см. также **яодао**

пяньдао (совр. / trad. 片刀 piàndāo – разрезающая сабля) – тип сабли с сильно изогнутым клинком

саньмай (совр. 三脉 trad. 三脈 sānmài – «три жилы») – технология изготовления клинков, при которой на центральную полосу из высокоуглеродистой стали, выходящую на лезвие, навариваются по бокам накладки из низкоуглеродистой стали

саюйпи (совр. 鲨鱼皮 trad. 鯊魚皮 shāyú pí – шкура ската) – шкура ската

суйтоу (совр. 穗头 trad. 穗頭 suìtóu – кисть на головке (оружия)) – общее название для кистей, привешиваемых к рукояти

суйшу пэйдао (совр. 隨屬佩刀 trad. 隨屬佩刀 suíshǔ pèidāo – «поясная сабля следующих за членами семьи») – церемониальная сабля адъютантов членов императорской фамилии

сыкоу (совр. 丝扣 trad. 丝扣 sīkòu – шелковый узел) – обвязка рукояти оружия шнуром

сюэцао (совр. / trad. 血槽 xuècáo – кровяной желоб, паз) – дол, кровосток

тан (совр. / трад. 鑣 tāng – «резубец») – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет прямое (иногда змеевидное) граненое среднее копыце и перпендикулярные прямые (иногда змеевидные) граненые боковые копыца, см. также **ча**

тань (совр. 坛 trad. 禪 tán – земляной алтарь для жертвоприношений) – крестовина, концы крестовины, «нос меча», см. также **цзяньби**

Таоте (совр. / трад. 饕餮 Tāotiè – «Ужасающий обжора») – мифическое существо, «пятый из девяти сыновей дракона», древнейший китайский символ строгого соблюдения установленного порядка, законов; впоследствии его образ смешался с привнесенным буддизмом образом Киргимукха; в оружейном деле Таоте изображали на гардах мечей, шлемах, доспехах

тебянь (совр. 铁鞭 trad. 鐵鞭 tiěbiān – железный хлыст) – металлический хлыст, вид ударного холодного оружия

теча (совр. 铁叉 trad. 鐵叉 tiěchā – железная вилка) – короткий металлический резубец, разновидность палицы **цзянь (2)**

тилян (совр. / трад. 提梁 tíliáng – несущая балка) – металлическая подвесная планка, соединяющая обоймицы на ножнах

тилянгу (совр. / трад. 提梁箍 tíliánggū – ободок несущей балки) – металлическая обоймица, см. также **цяогу**

тунькоу (совр. / трад. 吞口 tūnkǒu – «глотающий рот») – I. Металлическая муфта сложной формы на клинке возле гарды, служащая для фиксации клинка в ножнах и защиты от коррозии, а также повышения прочности соединения клинка с гардой и рукоятью и частичной амортизации отдачи при ударе, II. одна из форм гарды меча, см. также **Таоте**

У (совр. 吳 trad. 吳 Wú (яп. Курэ)) – историческая область на юго-востоке Китая (современная провинция Цзянсу), знаменитый в древности центр производства оружия; в VII–IX вв. клинки из Курэ высоко ценились в Японии

фанцяо (совр. / трад. 方鞘 fāngqiào – квадратные ножны) – прямоугольные в сечении ножны с наконечником в виде плоского параллелепипеда

фанши (совр. / трад. 方式 fāngshì – квадратный стиль) – угловатое оформление ножен и прибора оружия, популярное в XVII–XVIII вв.

фобабао (совр. 佛八宝 трад. 佛八寶 fóbābǎo – «восемь буддийских драгоценностей» (санскр. ashtamangala, тиб. bkra shis rtags bgyad)) – орнамент из восьми благопожелательных буддийских символов: зонга, пары золотых рыб, драгоценной вазы, лотоса, белой раковины, закручивающейся вправо, бесконечного узла, знамени победы и золотого колеса, см. также **бааньсянь** и **губабao**

фу (совр. / трад. 斧 fǔ – топор) – топор

фэйдао (совр. 飞刀 трад. 飛刀 fēidāo – «летающий нож») – собирательное название метательных ножей

фэн (совр. 锋 трад. 鋒 fēng – острие) – острие, а также в некоторых случаях примыкающий к нему участок клинка 2 **цуня** длиной

хуавэньган (совр. 花纹钢 трад. 花紋鋼 huāwéngāng – узорчатая сталь) – композитная сталь, полученная многократной проковкой пакета из нескольких слоев высокоуглеродистой и низкоуглеродистой стали, полный аналог дамасской стали

хуанхуали (совр. / трад. 黄花梨 huánghuālǐ – «желтая цветущая груша») – дальбергия пахучая (лат. dalbergia odorifera), ценная порода дерева, сегодня уцелевшая лишь частично, в прошлом популярный материал для изготовления рукоятей и ножен дорогого оружия

Хуанчао баолидао (совр. 皇朝宝礼刀 трад. 皇朝寶禮刀 Huángcháo bǎolǐdāo – драгоценная церемониальная сабля императорской семьи) – церемониальная сабля династии Цин

Хуанчао лица туши (совр. 皇朝礼器图式 трад. 皇朝禮器圖式 Huángcháo lǐqì túshì – «Образцовые изображения церемониальных предметов Императорской семьи») – иллюстрированный сборник официальных предписаний династии Цин по изготовлению церемониальных предметов (1759), включая уставное оружие «Восьмизнаменной армии» **Бацзи** – основной письменный источник по истории китайского оружия XVIII–XIX вв.

худедао (совр. / трад. 蝴蝶刀 húdiédāo – тесак-«бабочка» (на кантонском диалекте – *ву дин доу*)) – собирательное название для тесаков (чаще парных) с защитной дужкой и отрогом на обухе, см. также **бачжандо**

хунбаоши (совр. 红宝石 трад. 紅寶石 hóngbǎoshí – «красный драгоценный камень») – рубин; во времена династии Цин так же назывался красный шарик на шапке – отличительный знак чиновников 1-го класса

хушоу (совр. 护守 трад. 護守 hùshǒu – защита, прикрытие) – гарда

хушоупань (совр. 护手盘 трад. 護手盤 hùshǒupán – «защищающая руку тарелка / блюдо») – гарда в виде круглой или овальной пластины с односторонним бортиком, то же что **паньхушоу**

паньдао (совр. / трад. 餐刀 cāndāo – нож для еды) – небольшой прямой нож с палочками для еды в ножнах

цзандао (совр. / трад. 藏刀 zàngdāo – тибетские дао) – собирательное название тибетских палашей и ножей

цзанши (совр. / трад. 藏式 zàngshì – тибетский стиль) – тибетский стиль в оформлении оружия

ци (совр. / трад. 戟 jǐ – алебарда) – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет прямое граненое или змеевидное копьецо и один или два боковых месяце-видных клинка

цинъмбаоши (совр. 金宝石 трад. 金寶石 jīnbǎoshí – «золотой драгоценный камень») – I. Алмаз, бриллиант, II. Заклепка в форме ромба либо четырехгранной пирамиды на рукояти или навершии оружия, III. Элемент конструкции в виде металлического куба со срезанными вершинами на рукояти ручного оружия или боевом наконечнике древкового, см. также **чуй** II

цинъбэйдао (совр. / трад. 金背刀 jīnbèidāo – сабля с «золотой спинкой») – церемониальный палаш с позолоченными украшениями вдоль обуха

цзисянвэнь (совр. 吉祥纹 трад. 吉祥紋 jíxiángwén – узор из счастливых знаков) – благопожелательные орнаменты

цзымудао (совр. / трад. 子母刀 zǐmǔdāo – ножи «сын и мать») – собирательное название для пары из основного и вспомогательного ножей в общих ножнах

цзянь (1) (совр. 劍 трад. 劍 jiàn – меч (на кантонском диалекте – *гим*)) – прямой обоюдоострый меч

цзянь (2) (совр. 銅 трад. 銅 jiǎn – «палица») – вид ударного холодного оружия, металлическая палица без утолщения на боевом конце, часто с рукоятью идентичной рукояти меча **цзянь (1)**

цзянь (3) (совр. / трад. 鏗 jiǎn – чеканка) – насечка, чеканка

цзяньба (совр. 劍把 трад. 劍把 jiànba – ручка меча) – черен эфеса меча

цзяньбао (совр. 劍保 трад. 劍保 jiànbao – страховка меча) – темляк, также одно из наименований кисти, привешиваемой к рукояти меча

цзяньби (совр. 劍鼻 трад. 劍鼻 jiànbí – «нос меча») – перекрестье меча, см. также **тань**

цзяньбин (совр. 劍柄 трад. 劍柄 jiànbing – рукоятка меча) – рукоять меча

цзяньбэй (совр. 劍背 трад. 劍背 jiànbei – «спинка меча») – одно из наименований центрального ребра клинка меча, см. также **цзяньцзи**

цзяньгэ (совр. 劍膈 трад. 劍膈 jiàngé – «перегородка меча») – одно из наименований гарды меча

цзяньгэнь (совр. 劍根 трад. 劍根 jiàngēn – «корень меча») – часть клинка меча, примыкающая к гарде длиной 6 **цуней**, см. также **цянжэнь** и **чжунжэнь**

цзянькэ (совр. 劍壳 трад. 劍殼 jiànké – «скорлупа меча») – одно из наименований ножен меча

цзяньсуй (совр. 劍穗 трад. 劍穗 jiànsuì – кисть меча) – кисть, привешиваемая к рукояти меча

цзяньтан (совр. 劍棠 трад. 劍棠 jiàntáng – «груша меча») – грушевидное навершие меча

цзяньти (совр. 剑体 trad. 劍體 jiàntǐ – «тело меча») – клинок меча (исключая хвостовик)

цзяньци (совр. 剑脊 trad. 劍脊 jiànjǐ – «хребет меча») – одно из наименований центрального ребра клинка меча, см. также **цзяньбэй**

цзяньцин (совр. 剑颈 trad. 劍頸 jiànjǐng – «горло меча») – одно из наименований рукояти меча

цзяньцзянье (совр. 剑尖叶 trad. 劍尖葉 jiànjiānyè – «острый лист [дерева] меча») – одно из наименований острия меча, см. также **бидуань** и **фэн**

цзяньцяо (совр. 剑鞘 trad. 劍鞘 jiànqiào – ножны меча) – ножны меча

цзяньшоу (совр. 剑守 trad. 劍守 jiànshǒu – «защита / преграда меча») – одно из наименований гарды меча

цзяньшэнь (совр. 剑身 trad. 劍身 jiànshēn – «тело меча») – меч в сборе (без ножен)

ци (совр. / trad. 畦 qí – грядки) – ребра, разделяющие параллельные доли на клинке

цунь (совр. / trad. 寸 cùn – вершок) – китайская мера длины, во времена империи Цин равнялся 33,2 мм, но при индивидуальном заказе оружия нередко использовался т. н. «личный цунь», равный толщине сустава большого пальца

цян (совр. 枪 trad. 槍 qiāng – копье) – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет прямое граненое копьесо и может быть снабжен одним или двумя шипами, отрогами, крюками, в т. ч. серповидными или змеевидными клинками **лянь**

цянъ (совр. / trad. 嵌 qiàn – вставка) – инкрустация, вставка, а также всечка

цянъган (совр. 嵌钢 trad. 嵌鋼 qiàngāng – сталь со вставкой) – технология изготовления клинков, при которой образующая лезвие тонкая полоса высокоуглеродистой стали врезалась в широкую полосу низкоуглеродистой стали

цяньжэнь (совр. / трад. 前刃 qiánrèn – «передний клинок») – боевой конец клинка меча (включая острие) длиной 3 **цуня**, см. также **цзяньгэнь** и **чжунжэнь**

цяовэй (совр. / трад. 鞘尾 qiào wěi – «хвост ножен») – наконечник ножен

цяогу (совр. / трад. 鞘箍 qiào gū – ободок на ножнах) – обоймица на ножнах, см. также **тилянгу**

цяокоу (совр. / трад. 鞘口 qiào kǒu – «рот ножен») – устье ножен

ча (совр. / трад. 叉 chā – вилка, вилы) – I. Трезубец или боевые вилы – собирательное название для древкового оружия, боевой наконечник которого имеет два или несколько отрогов, среднее копьцо может быть круглым или граненым (иногда длинным и широким), см. также **тан**, II. Шип или отрог на обухе клинка

чандао (совр. 长刀 трад. 長刀 chángdāo – длинная сабля) – собирательное название для сабель на древке, см. также **дадао**

чанцзянь (совр. 长剑 трад. 長劍 chángjiàn – длинный меч) – длинный меч с рукоятью «в полтора кулака»

чжибэйдао (совр. / трад. 直背刀 zhí bèi dāo – сабля с «прямой спинкой») – палаш

чжунжэнь (совр. / трад. 中刃 zhòng rèn – «серединный клинок») – средняя часть клинка меча, см. также **цзяньгэнь** и **цяньжэнь**

чуй (совр. 锤 трад. 錘 chuí – булава, молот) – I. Булава, боевой молот, II. Элемент конструкции в виде металлического куба со срезанными вершинами на рукояти ручного оружия или боевом наконечнике древкового, см. также **циньбаоши** III

шоудао (совр. / трад. 手刀 shǒu dāo – [одно]ручная сабля) – в современном китайском языке собирательное название одноручных сабель для различения с парными саблями **шуандао** и древковыми **дадао**

шуандао (совр. 双刀 трад. 雙刀 shuāngdāo – парные сабли) – парные сабли в одних общих ножнах

шуансюэ (совр. / трад. 霜雪 shuāngxuě – «снег и иней») – видимая линия закалки, светлая полоса вдоль лезвия клинка (термин используется начиная с эпохи Тан)

шуанцзянь (совр. 双剑 трад. 雙劍 shuāngjiàn – парные мечи) – парные мечи в одних общих ножнах

шуаншоудао (совр. 双手刀 трад. 雙手刀 shuāngshǒudāo – двуручная сабля) – длинная двуручная сабля

шуаншоуцзянь (совр. 双手剑 трад. 雙手劍 shuāngshǒujiàn – двуручный меч) – длинный двуручный меч

шуньдао (совр. 顺刀 трад. 順刀 shùndāo – дополнительный нож) – длинный прямой нож, который носили солдаты «Восьми знамен» **Бацзи** в дополнение к сабле; происходит от традиционного маньчжурского поясного ножа

шэмао (совр. / трад. 蛇矛 shémáo – «змеиное копьё») – древковое оружие, боевой наконечник которого имеет змеевидное копьёцо, см. также **мао**

шэнь (совр. / трад. 身 shēn – тело, туловище) – полоса клинка, см. также **гу**

шэньвэй (совр. / трад. 身尾 shēnwěi – «хвост тела [клинка]») – хвостовик клинка

юаньцяо (совр. 圆鞘 трад. 圓鞘 yuánqiào – круглые ножны) – овальные в сечении ножны со скругленным наконечником

юаньши (совр. 圆式 трад. 圓式 yuánshì – круглый стиль) – округлое оформление ножен и прибора оружия, ставшее популярным на рубеже XVIII–XIX вв.

юнтоу (совр. 蛹头 трад. 蛹頭 yǒngtóu – «головка куколки [насекомого]») – одна из форм гарды меча

юэ (совр. 钺 трад. 鉞 yuè – секира) – секира, широкий топор

яньмаодао (совр. / трад. 雁毛刀 yàn máodāo – сабля «перо дикого гуся») – тип тяжелой сабли с клинком почти прямым на три четверти длины и плавно изогнутым в передней четверти, обычно с фальшлезвием

яодао (совр. / trad. 腰刀 yāodāo – «сабля на поясице») – собирательное название сабель для ношения на поясе (для различия с **чандао** – саблями на древках), см. также **пэйдао**

Яцзы (совр. 睚眦 trad. 睚眦 Yázi – «Взирающий с яростью») – мифическое существо, «седьмой из девяти сыновей дракона», символ стремления к победе и ярости в бою; в виде оскаленной пасти дракона Яцзы часто выполняли муфты **тунькоу**.

В завершение следует отметить, что данный глоссарий ни в коем случае нельзя считать всеобъемлющим и избавленным от ошибок и неточностей – он безусловно потребует и дополнений, и исправлений. По этой причине его также нельзя считать словарем (составление полного, научно выверенного, словаря исторического китайского оружия, по скромному мнению автора, есть задача на будущее для компетентных специалистов по истории оружия и китайскому языку).

---

¹ Кулинский А.Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков (Методические рекомендации). СПб.: ВИМАИВиВС, 2007.

Э.А. Барышев (г. Симанэ, Япония)

ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЯПОНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)

Н И ДЛЯ КОГО не секрет, что после Октября в условиях идеологического диктата коммунистической партии наиболее пострадали от искажения истории те, кто стоял на защите устоев старого государственного строя. Среди последних – в некоторой степени, по инерции – оказалась и военная элита страны, ибо целью новой власти было доказать не только реакционность, но и неэффективность режима.

Критика по отношению к военным, избравшая в качестве основного тезиса «неподготовленность России к войне» в смысле снабжения армии оружием и боеприпасами, началась еще в самый разгар Первой мировой войны. Одной из первых жертв этой кампании, приведшей к ряду отставок и перемещений с высоких государственных постов, стал военный министр В.А. Сухомлинов. Примечательно, что именно это движение «общественного возмущения», соединившись с превратно понятой «борьбой с немецким засильем», переросло вскоре в борьбу с императором и привело к последующему падению монархии¹.

Главное артиллерийское управление (ГАУ) также стало одной из главных мишеней критики уже во время войны. Несмотря на то что ГАУ как исполнительный орган организации снабжения армии не имело возможности произвольно менять спускаемые им нормы заготовки вооружения и боеприпасов, оно было избрано в качестве козла отпущения в большой политической борьбе, которую развернули самоуверенные и властолюбивые представители

«передовой общественности» против правящего режима². В чем только ни обвиняли тогда и впоследствии российских военных – в недобросовестности, в продажности, в безответственности, в непопугливости, в глупости и много еще в чем³.

Нужно отдать должное славным представителям российской артиллерийской школы, которые сделали все возможное, чтобы восстановить честь русской армии. Усилия русских военных специалистов по укреплению обороноспособности страны и по улучшению боевого снабжения армии во время войны были подробно изложены в трудах таких деятелей ГАУ, как возглавлявший с весны 1915 г. данное ведомство А.А. Маниковский (1865–1920), ближайший помощник генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича Е.З. Барсуков (1866–1957), начальник 2-го отдела технических заведений ГАУ В.С. Михайлов (1875–1929), легендарный изобретатель первого русского автомата В.Г. Федоров (1874–1966), председатель Русского Заготовительного комитета в США А.П. Залюбовский (1859–1936) и некоторых других⁴.

В настоящей статье автор хотел бы обратиться к сравнительно малоизвестной теме, касающейся заготовительной деятельности ГАУ в Японии во время Первой мировой войны. Исследование показывает, что Страна восходящего солнца занимала важное место в деле снабжения русской армии оружием и боеприпасами, а организация ГАУ в Японии функционировала вполне эффективно, решая малыми силами стоявшие перед российским военным руководством задачи.

* * *

Широко известно, что во время Первой мировой войны Россия в огромных количествах производила закупки оружия, боеприпасов, металлов, пороха, медикаментов и других стратегических материалов за рубежом. Примечательно, что одним из главных поставщиков товаров военного назначения стала Япония, выступившая на стороне стран Антанты. Закупки и заказы на японском рынке осуществлялись военным и военно-морским ведомствами, Министерством финансов, Главным управлением землеустройства и земледелия (с ноября 1915 г. – министерством), Российским обществом Красного Креста, различными частными компаниями. Разумеется, что Военное министерство в лице главных доверенных – Артиллерийского, Интендантского, Военно-технического и Военно-санитарного – управлений являлось основным

заказчиком военных товаров в Японии. Приобретением оружия, боеприпасов, а также стратегических материалов, необходимых для российской военной промышленности, заведовало первое из них.

Нужно отметить, что все дело организации заграничных заказов началось именно с Дальнего Востока. Первопричина этого крылась в том, что с началом военного противостояния связи с европейскими союзниками были прерваны, и самым безопасным каналом сообщений с мировым рынком стали Сибирская железнодорожная магистраль и Владивостокский порт. Этот выход в Мировой океан защищала императорская Япония, восточный союзник стран Антанты. Разумеется, все это предопределялось и позицией японских политических и экономических кругов по отношению к начавшейся европейской войне. Япония, предложившая уже в первые дни августа 1914 г. России свои услуги по предоставлению оружия и боеприпасов, на деле являлась «невоюющим государством», обладавшим определенным избытком средств обороны, и самым прямым образом была заинтересована в победе стран-союзников.

Японские предложения о помощи были сообщены в Петроград в первой декаде августа, когда Япония еще не вступила в войну с Германией. В этих условиях после предварительных переговоров между представителями российского ведомства, в частности, начальником ГАУ Д.Д. Кузьминым-Караваевым (1856–1950), и японской военной агентурой в Петербурге ГАУ решило направить в Японию для приемки оружия и боеприпасов особую комиссию во главе с генерал-майором Э.К. Гермониусом (1864–1938).

Примечательно, что комиссия командировалась не только в Японию, но и в США, так как к этому времени от американских бизнесменов также начали поступать предложения на поставку винтовок, артиллерийских орудий и пороха. Неудивительно, что первый заказ на американском рынке (на 1360 т бездымного пороха, с изготовлением на заводе Дюпон в США, от 24 октября 1914 г.) был сделан из Токио генералом Гермониусом при посредстве компании «Мицуи», а трое членов комиссии – полковник Н.И. Жуковский, штабс-капитан А.Я. Заддэ (1875–?) и младший химик В.С. Тихонович (1884–1956) непосредственно стояли у истоков заготовительного дела в США. Еще одного из членов комиссии, вышеупомянутого уже полковника В.Г. Федорова, ГАУ также предполагало командировать в Штаты для приемки винтовок, однако

этот план не был реализован, так как купить стоявшие на вооружении американской армии ружья Краг-Юргенсона не удалось.

Таким образом, комиссия Гермониуса сыграла важную роль в организации заготовительной деятельности в США, однако большинство ее членов должны были на некоторое время задержаться в Токио, что свидетельствовало о надеждах российского военного ведомства на получение известного количества оружия и боеприпасов со стороны дальневосточной союзницы. При этом следует иметь в виду, что японская помощь выражалась не только и не столько в военных поставках, которые несомненно имели немалое стратегическое значение, сколько в деле общего обеспечения безопасности российских дальневосточных владений, а также морских и сухопутных коммуникаций в этой части земного шара. Иными словами, японская помощь имела для России крайне важный международно-политический и даже международно-экономический смысл. Именно поэтому урегулирование политических отношений с этой страной было одной из главных задач, поставленных перед Гермониусом в конце октября 1914 г., когда Япония фактически завершила свои военные операции против Германии под Циндао и в юго-восточной части Тихого океана⁵.

Объем военных закупок и заказов ГАУ в Японии в денежном выражении составил к весне 1915 г. (к моменту отъезда Гермониуса из Японии) примерно 38 млн. иен (курс иены по отношению к рублю накануне войны составлял примерно 1:1). В количественном выражении это соответствовало 335 тыс. винтовок и 5 тыс. пистолетов с патронами, 216 полевым пушкам Арисака и 135 тяжелым артиллерийским орудиям со снарядами, 500 тыс. 3-дм шрапнельных снарядов с гильзами, нескольким крупным партиям пушечного пороха, а также некоторому количеству стратегических промышленных материалов. Оружие и боеприпасы (за исключением 3-дм снарядов) были «подержанные» и представляли собой старые модели.

Японская военная помощь, разумеется, не могла удовлетворить все потребности русской армии, но предоставляла последней некоторую передышку. Получение японских винтовок высвобождало имевшиеся в запасных и вспомогательных батальонах трехлинейки и позволяло ликвидировать создававшиеся бреши на фронте. При этом винтовки уступались японским правительством по весьма умеренной цене и вполне отвечали своему назначению. Одним

из главных их недостатков был крайний дефицит патронов к ним, что до поры до времени затрудняло их использование на первой линии фронта. Что касается артиллерии, то помимо недостатка рядов и сильной изношенности она менее подходила к российским местным условиям и не отличалась большой надежностью⁶.

Приемка пороха и снарядов являлась наиболее трудоемким делом специалистов ГАУ. На заводе Дюпон в США она была возложена на полковника Жуковского, а его помощник Тихонович в феврале 1915 г. был возвращен Гермониусом в Японию для организации приемки пороха на заново отстроенном заводе в Абоси (близ г. Химэдзи). Приемка же 3-дм снарядов стала главным делом комиссии, которую после возвращения генерала Гермониуса в Россию в начале марта 1915 г. возглавил полковник М.П. Подтягин. Ответственным за осмотр снарядов в Осацком арсенале стал постоянный член Артиллерийского комитета штабс-капитан В.Н. Носков (1886–1939), прибывший в Японию вместе с пятью «вольнонаемными браковщиками» в конце февраля 1915 г.

Таким образом, первый этап деятельности чинов ГАУ в Японии совпадает со временем пребывания Гермониуса в стране. Второй этап продолжался с марта по октябрь 1915 г. и в основном соответствовал деятельности «комиссии Подтягина». Особенность этого периода состояла в относительной самостоятельности данной комиссии и в активном осуществлении российскими артиллеристами приемки приобретаемых в Японии оружия и боеприпасов. Незаменимым помощником Подтягина в деле контроля и организации приемки оружия стал капитан В.И. Шалфеев (1877–?), обучавшийся до войны в Восточном институте и владевший японским языком. Постоянным и деятельным членом артиллерийской комиссии в Японии стал также полковник А.А. Гассельблат (1870?–1920), отправленный еще в конце октября 1914 г. из Приамурского военного округа в помощь членам комиссии ГАУ⁷.

Впрочем, необходимо отметить, что с отъездом генерала Гермониуса из Японии статус комиссии заметно понизился, и крупных контрактов не заключалось вплоть до начала августа 1915 г. Это совпало, с одной стороны, с периодом реорганизации всей военно-заготовительной системы в России, а с другой, с резким ростом надежд на американский и западноевропейские рынки; на последних были размещены крупные заказы, поставки по которым должны были начаться с конца лета 1915 г. Отправка миссии генерал-

майора А.В. Сапожникова (1868–1935) в США и Гермониуса в Англию весной 1915 г. свидетельствовала о расширении заготовительной деятельности ГАУ в этих странах⁸.

Тем не менее, ситуация на фронте стала приобретать к началу августа 1915 г. катастрофический характер, а поставки оружия и боеприпасов из США и Англии сильно запаздывали. В этих условиях новое руководство российского военного ведомства во главе с генералом Поливановым, видевшее главное зло в «косности» ГАУ, круто изменило свой курс, пошло навстречу пожеланиям (жалобам) японского военного ведомства и отказалось от осуществления приемки уступаемого японским правительством оружия и боеприпасов специалистами ГАУ. Право заключения контрактов было решено передать военному агенту, а на чинов ГАУ была возложена роль «технических советников». Таким образом, маятник заготовительного дела вновь качнулся от США и европейских союзников России в сторону Японии. Можно сказать, что японская сторона умело воспользовалась срывом военных поставок американскими и западноевропейскими производителями, захватив на некоторое время «стратегическую инициативу» в этом деле. К концу сентября 1915 г. полковником Подтягиным была заключена целая серия крупных контрактов с японскими компаниями на общую сумму до 60 млн. иен⁹.

Новое военное руководство России возлагало особые надежды на предприимчивость отечественного капитала, объединившегося вокруг военно-промышленных комитетов страны. В этих условиях 23 августа 1915 г. ГАУ – предположительно с подачи Центрального военно-промышленного комитета – предоставило крупномасштабный заказ владивостокской фирме «Бринер, Кузнецов и Ко» на поставку к середине марта 1916 г. 4 млн. дистанционных 22-сек алюминиевых трубок на общую сумму 19,2 млн. иен. Новый глава ГАУ Маниковский, судя по переписке, оптимистично смотрел на выполнение данного заказа. Примечательно, что это был один из крупнейших заказов артиллерийского ведомства в Японии, сделанных во время войны. Его выполнение столкнулось с большими проблемами, потребовало серьезных усилий специалистов ГАУ и растянулось до середины лета 1917 г. Изучение истории выполнения вышеуказанного контракта прекрасно свидетельствует о том, что активное вмешательство частного капитала в дело заграничного снабжения армии значительно снижало эффективность

заготовительной деятельности ГАУ. Фактически эти малообещающие для армии и разорительные для государственной казны контракты лишь кормили будущую революцию¹⁰.

У военного агента в Японии генерал-майора В.К. Самойлова, с весны 1915 г. принимавшего активное участие в размещении заказов ГАУ на различные металлы и другую артиллерийскую продукцию, обнаружилась чахотка, поэтому ему в помощь в конце октября 1915 г. был направлен из Пекина полковник Н.М. Морель (1869–1920), который должен был осуществлять общий контроль за выполнением военных заказов. Тем не менее, распределение полномочий между военным агентом и полковником Подтягиным, в распоряжении которого находились чины ГАУ, не было четко осуществлено.

Хотя приемка на казенных заводах Японии прекратилась, на частных предприятиях она продолжалась, как и прежде. Более того, данная работа все больше расширялась, и в ней появлялись новые неурегулированные моменты. В частности, это выразилось в создании достаточно большой новой структуры по приемке дистанционных трубок на частных заводах Японии по заказу фирмы Бринера. Для организации данного дела в Японию был командирован генерал-лейтенант в отставке Н.П. Сомов (1852–?). Период существования двух самостоятельных комиссий во главе с Сомовым и Подтягиным, продолжавшийся с декабря 1915-го по ноябрь 1916 г., может рассматриваться в качестве третьего этапа заготовительной деятельности ГАУ в Японии.

Учитывая то обстоятельство, что организацией производства точно таких же дистанционных трубок на военно-морском арсенале в Курэ занимался полковник Подтягин, что командирование Сомова подрывало доверительные отношения среди русских артиллеристов и частично дублировало уже выполняемую ими работу, а также то, что выполнение контракта шло очень сложно, можно сделать вывод, что создание новой комиссии было малоэффективным и неразумным. Хотя налаживанием производства и приемкой занимались, в основном, невоенные чины ГАУ при помощи прибывших «вольнонаемных браковщиков», к работе по данному заказу были привлечены все «свободные руки». В итоге предпринятых усилий после многочисленных задержек удалось произвести «с грехом пополам» только 4 млн. «неснаряженных трубок», что совершенно не соответствовало условиям контракта. Данный заказ,

конечно же, не мог значительно повлиять на укрепление боеспособности русской армии во время войны¹¹.

Вместе с тем, с конца 1915 г. основной проблемой в заготовительной деятельности ГАУ в Японии стал вопрос оплаты по заказам, вызванный острой нехваткой японской валюты. Если в первый год войны японское правительство и экономические круги старались всеми силами заполучить российскую иностранную валюту в лондонских банках, то к осени 1915 г. обозначился перевес японского экспорта над импортом, и надобность в иностранной валюте отпала. В этих условиях японское правительство в качестве неперемennого условия открытия кредита России стало требовать вывоза российского золота в Японию. Примечательно, что переговоры о размещении российского займа в Японии «чудесным образом» совпали с крайне жесткой позицией Англии в вопросе кредитования российских военных заказов в Японии, что позволяет предполагать наличие согласованности японской и британской финансовой политики по отношению к России во время войны.

В условиях ускорения процесса политического сближения между странами российские военные круги и дипломатическое руководство страны возлагали большие надежды на то, что японское правительство пойдет на предоставление значительного, 300-миллионного кредита в обмен на некоторые политические и экономические компенсации, самой крупной из которых должна была стать уступка (продажа) южного участка КВЖД в японской сфере влияния. Однако эти надежды не оправдались, поэтому с осени 1916 г. заготовительная деятельность в Японии практически сошла на нет и поддерживалась исключительно из политических соображений. Тем не менее, рассчитывая на японский кредит, российское военное руководство весной и ранним летом 1916 г. еще до получения согласия на выдачу нового займа разместило несколько крупных артиллерийских заказов в Японии¹².

К этому времени работа артиллерийской комиссии в Японии приобрела главным образом контролирующий характер. Подтягив и его помощники были заняты составлением докладов о приемке и отправке «предметов обороны», разрешением вопросов оплаты и технических вопросов. Возвращение штабс-капитана В.Н. Носкова в Петроград летом 1916 г., а также подключение полковника Гассельблата к делу приемки дистанционных трубок по заказу Бринера также свидетельствовали об усилении данной тенденции.

В конце концов, осенью 1916 г. руководство ГАУ решило объединить «подтягинскую» и «сомовскую» комиссии в рамках «Комиссии по приемке заказов Артиллерийского Ведомства, выполняемых в Японии» во главе с генералом Сомовым.

Данное образование было искусственно по своему характеру, громоздко по структуре и, вероятно, затратно для казны. При этом Сомов, в отличие от Подтягина, не имел никаких полномочий на ведение переговоров с японскими властями. Таким образом, один частный заказ, сделанный при посредстве фирмы Бринера, занял центральное место в деле всей артиллерийской приемки в Японии (казенные арсеналы Японии, как говорилось выше, отказались от услуг русских приемщиков еще осенью 1915 г.). Кроме того, много сил у российских приемщиков отнимала приемка металлов (прежде всего меди) у различных частных фирм. «Комиссия Сомова» просуществовала лишь полгода, после чего все ее члены были переведены в распоряжение «революционного» военного агента В.А. Яхонтова (1881–1978), что положило конец существованию относительно самостоятельной организации ГАУ в Японии. В условиях нарастающего в стране хаоса заготовительная деятельность в Японии продвигалась плохо. После февральского переворота все надежды в Петрограде связывались уже не с Японией, а с США.

С окончанием сдачи трубок по заказу Бринера Сомов и другие чины, занятые организацией данного дела, а также химик Тихонович, принимавший порох на заводе в Абоси, вернулись в Россию, оставив в Японии Подтягина, Гассельблата, Шалфеева, помощника Тихоновича прапорщика Н.В. Романова, а также прибывших в начале 1917 г. подполковника М.М. Костенко (1881–1928) и подпоручика В.В. Крижановского (?–1920). Вышеуказанные лица продолжали работать в Японии и после октябрьского переворота, участвуя в деле военного снабжения Белого движения¹³.

* * *

Конечно же, Япония занимала особое место в заготовительной деятельности российского военного ведомства во время Первой мировой войны. Это определялось географическими, геополитическими и экономическими особенностями положения Страны восходящего солнца. Расположенная на пути выхода России в Мировой океан союзническая, но фактически невоюющая Япония оказывала России хоть и мелкомасштабную, но полноценную

военную помощь: там не просто «законтрактовывались» необходимые русской армии оружие и боеприпасы, но и закупалось вооружение из запасов военного и военно-морского ведомств. В данном смысле роль Японии решительным образом отличалась от той роли, которую играл в российской заготовительной деятельности американский рынок, на котором лишь заказывались различные предметы военного снабжения.

Говоря о том, что в начальный период войны закупочная деятельность в Японии была вполне успешной, нужно еще раз подчеркнуть, что на этом этапе японское правительство уступало России свои «излишки» оружия. После того как заготовительная деятельность ГАУ в Японии вошла в «мобилизационную» фазу и все большее количество заказов стало размещаться без прямого участия японского правительства, ее эффективность заметно уменьшилась. В этом отношении заказы, размещенные на частных заводах, не оправдали себя ни в США, ни в Японии, ни в других странах мира. Другое дело, что объем «артиллерийских» заказов, сделанных на частном японском рынке, был невелик по сравнению с таковым в США, поэтому и вызванный ими ущерб был менее ощутим. Общий же объем заказов ГАУ в Японии составил около 260–270 млн. р. При этом, в отличие от американских поставок, подавляющее большинство заказанных в Японии военных товаров было сдано точно в срок, что несомненно способствовало повышению боеспособности русской армии во время Первой мировой войны.

---

¹ См., напр.: Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 141–155; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М.: Модест Колеров, «Три квадрата», 2003. С. 64–66, 69–74, 84–87; Воспоминания Сухомлинова / Предисл. В. Невского. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. Ч. X.

² О преобразовании российской военной организации и роли вышеуказанных общественно-политических сил в этом процессе см.: Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е, перераб. и доп. Е.З. Барсуковым для «Библиотеки командира». М.: ГВИЗ, 1937. С. 32–87; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 93–96.

³ Гайдук М.И. «Утюг»: Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 3–16, 28–53, 79–82, 87–90, 107–111, 143–144.

⁴ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. I-II. М., 1920–1922; В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии.

Заготовительная деятельность ГАУ в Японии во время Первой мировой войны (1914–1917)

Очерки по истории военной промышленности [1-е изд. вышло в 1929 г.]. М.: РОССПЭН, 2007. 424 с.; Залюбовский А.П. Указ. соч. Белград, 1936. 127 с.; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: ГВИЗ, 1937. 693 с.; Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. I-II. М.: Воениздат, 1938–1940; Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника, 1900–1935). Ч. II. Оружейное дело в Первую империалистическую войну. М., 1939. 131 с.; Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): В 4-х т. М.: Воениздат МВС СССР, 1948–1949; Федоров В.Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964. 216 с.

⁵ См. об этом кратко: Baryshev E.A. The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War // Acta Slavica Iaponica. Vol. 30 (2011), P. 23–35; Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.): Малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония 2011: Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 240–244.

⁶ См., напр.: Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. С. 12–21; Его же. В поисках оружия. С. 24–77; Рукопись книги «В поисках оружия» // АВИМАИВиВС. Ф. 45Р (В.Г. Федоров). Оп. 2. Д. 37. Л. 7–54; Сборник записок, относящихся к Русскому снабжению в Великую войну. Финансовое Агентство в С.Ш.А. С. 166–167 // Гуверовский архив Стэнфордского университета (далее – ГАСУ). Russia. Posol'stvo (U.S.) Records, 1897–1947. Reel 195; РГВИА. Ф. 504. Оп. 6. Д. 87. Л. 124–131, 137.

⁷ См.: Baryshev E.A. Op. cit. P. 32, 37–38; Барышев Э.А. «Русско-японский оружейный союз» и деятельность русских военных во время Первой мировой войны на примере заготовительной организации Главного Артиллерийского Управления в Японии // Россия кэнкю (Российская история). № 93 (ноябрь 2013 г.). С. 29–34 (на яп. яз.).

⁸ Коротко см. об этом: Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 96–106; Отчет о деятельности Особой Распределительной Комиссии по Артиллерийской части. Пг., 1916. С. 43–63 // АВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/7. Д. 28.

⁹ Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы). 1915. Кн. 3. Т. 2. Токио: МИД Японии, 1969. С. 1046–1047, 1062–1064, 1076, 1078–1079; Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 8. Ч. 2. М.-Л.: Соцэгиз, 1935. С. 193–194 (прим. 2), 479–481; Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тэтацу канкэй дзаккэн: Эйфуцуро но бу (Материалы, касающиеся заказов оружия и боеприпасов в Японии различными государствами: Англия, Франция, Россия) // Архив внешней политики Японии. № 5.1.5.17-4. Л. 333–337; АВПЯ: № 5.1.5.17-7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тэтацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (Материалы, касающиеся заказов оружия и боеприпасов в Японии различными государствами: Россия). Т. 2. С. 749; Поливанов А.А. Девять месяцев в главе Военного министерства (13 июня 1915 г.–13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 127–128, № 3. С. 155.

¹⁰ Барышев Э.А. «Русско-японский оружейный союз» во время Первой мировой войны и двусторонние предпринимательские связи на примере деятельности торгового дома «Бринер, Кузнецов и Ко» // Хокуто адзиа кэнкю (Исследования по Северо-Восточной Азии), Университет преф. Симанэ, № 23 (март 2012 г.). С. 193–215 (на яп. яз.).

¹¹ Подробно о выполнении «бринеровского» заказа и о деятельности генерала Сомова в Японии см.: ГАСУ. Voennyi Agent (Japan) Records. Boxes 10–11. Files 48–51.

¹² О финансовых вопросах см., напр.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5404. Переписка с Канцелярией военного министра, Особым Совещанием по обороне государства, министерством иностранных дел и министерством финансов, Русским Правительственным Комитетом в Англии и военным агентом в Японии о предоставлении английским правительством валюты для оплаты военных заказов в Японии. 11.01.1916 – 30.12.1916.

¹³ Барышев Э.А. «Русско-японский оружейный союз» и деятельность русских военных во время Первой мировой войны на примере заготовительной организации Главного Артиллерийского Управления в Японии. С. 35–40.

О.А. Белозерова (Санкт-Петербург)

**ВОЕННЫЙ МИНИСТР ГЕНЕРАЛ
А.Н. КУРОПАТКИН НАКАНУНЕ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905)**

НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. Российской империи предстояло решить ряд сложных задач на российском Дальнем Востоке, которые лежали в области экономического развития региона, его администрирования, внутреннего управления и регулирования, военной стратегии, военно-морского строительства, обороноспособности и государственной безопасности, а также международной политики и дипломатии. В трудных внутренних и внешних условиях император Николай II и его кабинет министров, в рамках абсолютной монархии, искали неординарные подходы к их решению, и целая плеяда выдающихся военных, государственных деятелей и ученых активно работала над этим. Среди них был военный министр (1898–1904), генерал-адъютант, генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925).

Будучи наследником идей и дел Д.А. Милютина, П.Ванновского и Н.Н. Обручева, А.Н. Куропаткин прошел многогранный жизненный путь. Он был одним из крупнейших государственных деятелей России, близко стоявшим ко многим историческим решениям того периода: более четверти века занимал важные посты в высшем командовании Российской армии, а около 8 лет стоял непосредственно во главе военных сил страны.

В последнее время, по прошествии почти векового забвения, появились научные исследования, статьи и очерки о А.Н. Куропаткине, возобновившие интерес к его государственному и военно-историческому наследию¹. В них очевидна тенденция к пересмотру распространенных в советское время точек зрения, расширению источниковой базы и к более строгому следованию научным

историческим принципам. Поворотным моментом можно считать издание в 1994–1996 гг. ранее не опубликованных частей «японских дневников», написанных генералом во время его деловой поездки в Японию в 1902 г., подготовленных к печати Е.Ю. Сергеевым и И.В. Карпеевым. Важной вехой и толчком к дальнейшему изучению государственной и военной деятельности Куропаткина являются монографии и статьи А.В. Ремнева, предложившего иное видение административной политики самодержавия на Дальнем Востоке в рамках регионального и управленческого подходов, а также показавшего в новом ракурсе роль Куропаткина как имперского идеолога и геополитика. Имя генерала часто упоминается в связи с дальневосточной политикой Николая II и Русско-японской войной в фундаментальных исследованиях известных российских историков, таких, как: Б.А. Романов, П.А. Зайончковский, Е.В. Тарле, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, И.Ф. Гиндин, И.В. Лукоянов и др.

Жизнь, деятельность и система взглядов генерала в целом, хотя им оставлено большое военно-историческое наследие, мало изучены и остаются в тени, а в существующих биографических очерках и в информационной сети можно найти много неточностей, умолчаний и необоснованной критики. Мало известно о его семье и близких родственниках². Недавно установлено, что по линии матери он принадлежал к известной морской семье Арбузовых. Отец его, отставной капитан, автор специальных учебных пособий, преподавал географию и топографию в кадетских корпусах и в Морском корпусе, а в конце жизни был мировым судьей по Холмскому

судебно-мировому округу и председателем земской управы. Известно, что А.Н. Куропаткин состоял в дружеских отношениях со многими знатными и известными семьями, как, например, Урусовых и Юсуповых, Бобринских и Остен-Сакен, Набоковых, Рукавишниковых (О.И. Рукавишникова была крестной матерью его сына Алексея) и др., и состоял в переписке с видными учеными, исследователями, путешественниками и государственными деятелями не только в России, но и за ее пределами. Он свободно говорил на немецком и французском, знал английский и турецкий языки, а деятельность его как дипломата еще предстоит изучить (Кульджа, Персия, Закаспийская обл. (позднее Туркестан)).

Потомственный военный, отличавшийся отвагой и мужеством, А.Н. Куропаткин удостоился звания генерала в неполные 34 года. Четырежды раненный боевой генерал, кавалер всех российских орденов, включая ордена Св. Александра Невского, с бриллиантовыми знаками, Св. Георгия 3-й и 4-й степеней, и имея награды и отличия иностранных государств, – он был участником всех военных конфликтов своего времени, отдав службе отечеству более 60 лет.

После Русско-турецкой войны (1877–1878) А.Н. Куропаткин внес большой вклад в утверждение русского влияния на Балканах, затем проявил себя как незаурядный государственный и военный деятель в развитии и консолидации Закаспийской области (Туркестанского края), а также в военно-политическом изменении и закреплении государственных границ региона. С 1898 г., на посту военного министра, генерал Куропаткин принимал участие в заседаниях Государственного совета³, а в 1906 г. был назначен пожизненно его членом. Он был также Почетным членом Академии Генерального штаба, Артиллерийской, Инженерной, Военно-юридической и Военно-медицинской академий и многих других академий и обществ. Недостаточно изучен его вклад в подготовку и проведение Первой Гаагской мирной конференции (1899) и реорганизацию Главного штаба, а также в увековечение памяти А.В. Суворова и работу Александровского комитета о раненых.

В 1904 г., с началом Русско-японской войны, ясно осознавая тяжесть положения и нависшую угрозу, а также всю ответственность, возлагаемую на него, 8 февраля 1904 г.⁴ он принял назначение на должность командующего Маньчжурской армией, самоотверженно оставив пост военного министра, тем самым перейдя в

подчинение адмирала Е.И. Алексеева (1843–1917), заместника и главнокомандующего всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке. Такое решение Николая II имело большие последствия, привнося двойственность в командование, при этом последнее слово оставалось за императором. В отличие от адмирала Е.И. Алексеева, который изначально делал ставку на «битву флотов», генерал Куропаткин, находясь еще на посту военного министра, считал, что исход войны будет решаться сухопутными войсками «достаточными силами и при том снабженными всем необходимым для непрерывного наступления в течение довольно продолжительного времени»⁵. Будучи сначала на посту командующего армией, а с 13 октября 1904 г. (после Ляоянского сражения), сменив адмирала Е.И. Алексеева на посту главнокомандующего, генерал А.Н. Куропаткин, в результате неудачного исхода Мукденского сражения, не покинул армию, закончив войну на посту командующего 1-й Маньчжурской армией в подчинении нового главнокомандующего генерала Н.П. Линевича, что было высоко оценено многими его современниками. Генерал Куропаткин находился на посту главнокомандующего немногим более четырех месяцев, как раз в тот момент, когда шла реорганизация Маньчжурской армии в три действующие армии с назначением новых командующих в преддверии Мукденского сражения, что сам генерал, учитывая специфические условия театра военных действий, считал нецелесообразным⁶. Однако, когда операция под Мукденом окончилась неудачно, вышло так, что за «все и всех» должен был отвечать главнокомандующий.

Вопреки многочисленным трудностям и подвергаемый жесткой критике, генерал А.Н. Куропаткин последовательно проводил утвержденный Николаем II военный план сосредоточения войск и сдерживания неприятеля для нанесения решающего удара и не допустил разгрома русской армии на сопках Маньчжурии. Это позволило царскому правительству заключить мир с Японией на более выгодных, чем ожидалось Россией и иностранными государствами, условиях.

На высших командных должностях он принял участие и в Первой мировой войне. После революционных событий 1917 г., верный своему отечеству и присяге и не примыкая ни к каким движениям и партиям, генерал принял решение не покидать родины и отдал все силы просветительской работе в своем родовом имении

Шешурино в Тверской (бывшей Псковской) губернии. Дважды при его жизни были опубликованы преждевременные некрологи.

Сразу по окончании Русско-японской войны, вышел в свет его четырехтомный отчет⁷. Как офицер и человек долга и чести, как главнокомандующий, он не снимал с себя ответственности за исход войны и полагал насущным разобраться в причинах случившегося и вынести из этого соответствующие уроки. Он писал: «Я слишком близко стоял к событиям огромной важности, совершившимся на Дальнем Востоке, являюсь одним из главных виновников неудач наших боевых действий ... цель настоящего труда лишь в малой степени заключается в оправдании от возведенных на меня лично обвинений. Я смотрю на свой труд лишь как на материал, который поможет историкам минувшей войны правдиво выяснить причины наших неудач и этим дать возможность определить средства избежать подобных неудач в будущем»⁸. Однако, взяв ответственность на себя, генерал полагал, что исторически это неверно и вредно для дела, поскольку могло уменьшить сознание важности всестороннего исследования всех причин «частных неудач» русской армии с тем, чтобы избежать их в будущем.

Используя выражение «частные неудачи», он считал, что о поражении российских сухопутных сил в Маньчжурии, подобно тому, как были поражены морские силы, не могло быть и речи: после Мукденского боя, ко времени заключения мира, почти миллионная русская армия стояла на занятых ею позициях, готовая не только к обороне, но и к решительному наступлению⁹. Поэтому в своем труде Куропаткин поставил своей задачей рассмотреть по отношению к нашей сухопутной армии лишь частный вопрос: *почему* наши войска в период до марта 1905 г. не смогли одержать победы над японцами, и дал исчерпывающий ответ на него, который не мог оставить никого равнодушным перед лицом раскрывающейся государственной, военной и личной драмы. Генерал А.Н. Куропаткин считал, что война не была завершена и что его главная вина была в том, что он не смог доставить царю и отечеству победу в отведенные ему сроки.

Позиция России непосредственно накануне войны была следующей: «Если японцы сами не начнут военных действий флотом или десантом, Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи севернее 38-й параллели. Высадку в Южной Корее и в Чемульпо допускать. На восточном берегу допус-

кать. Если войска японские будут продвигаться в Северную Корею, то это не считать за начало военных действий и их туда допускать. Государь приказал телеграфировать категорично, к исполнению. Мнения наместника не запрашивать. Государь в заключение выразил мнение, что если бы наш флот разбил японский, то этот урок, вероятно, прекратил бы возможность войны, ибо прекратил бы возможность высадки»¹⁰.

В обязанности военного ведомства входила разработка всех соображений на случай войны с европейскими или азиатскими соседями независимо от отношений, в которых Россия с ними находилась. На случай разрыва с Японией Главный штаб начал работать над планами еще с Японо-китайской войны (1895), и в 1901 г., совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской обл., были выработаны и утверждены «Общие основания для действий против Японии».

При большом количестве неудовлетворенных требований на западной границе представители военного ведомства, в отличие от Министерства финансов, были убежденными противниками активной политики на Дальнем Востоке, а также в Афганистане и Персии. Тем более, что по окончании войны 1877–1878 гг. ассигнования на армию стали постепенно сокращаться, а с 90-х гг. XIX в. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте началось резкое сокращение всех военных расходов, при этом миллиарды рублей уходили на экономическую политику «мирной экспансии», не оправдавшую себя уже к 1902 г. Огромные средства шли также на программу развития морского флота. Сам министр финансов образовал в своем министерстве отделы других министерств: путей сообщения, военного, морского, народного просвещения, внутренних дел, земледелия, иностранных дел, оказавшись тем самым не только собирателем денежных средств, но и главным их распорядителем, отстаивающим при составлении бюджета принцип свободной наличности. Система была проста: урезывать предъявленные всеми ведомствами денежные требования и в то же время ожидаемые поступления. В результате, когда настоятельные нужды по обороне государства оставались неудовлетворенными, превышение доходов над расходами составляло в некоторые годы свыше 200 млн р. Из нижеприведенной таблицы видно, какие ошибки в вычислении доходов были сделаны министром финансов в течение 1894–1905 гг.¹¹:

Военный министр генерал Куропаткин накануне Русско-японской войны

Год	Предположено по росписи	Действительно поступило	Разница
1894	1 004 823 277	1 153 785 812	148 962 535
1895	1 142 957 006	1 255 818 781	112 861 775
1896	1 239 471 695	1 368 719 351	129 247 656
1897	1 318 366 495	1 416 386 096	98 019 601
1898	1 364 458 217	1 584 854 444	220 396 227
1899	1 469 128 203	1 673 313 062	204 184 859
1900	1 593 745 680	1 704 128 506	110 382 826
1901	1 730 096 006	1 799 457 155	69 361 149
1902	1 800 784 482	1 905 404 441	104 619 959
1903	1 897 032 678	2 031 800 813	134 768 135
1904	1 980 094 493	2 018 261 314	38 166 821
1905	1 977 045 618	2 024 431 936	47 386 318

Как видно, в течение 8 лет поступления превысили предположения свыше, чем на 100 млн р., а за два года войны (1904–1905) разница в доходах и предположениях все же составила свыше 80 млн р. Очевидно, что при иной постановке дела Военное министерство могло получить необходимую дополнительную сумму и значительно поднять боеготовность на Западе и на Дальнем Востоке. Генерал Куропаткин подводит итог: «Таким образом, главной причиной нашей недостаточной боевой готовности следует признать недостаточность отпусков от казны. Эта недостаточность отпусков происходила: а) от огромного увеличения отпусков на военный флот, б) от производства огромных отпусков на предприятия по Дальнему Востоку, которыми ведал министр финансов; в) от неправильной системы исчисления ожидаемых доходов»¹².

На пятилетие 1899–1903 г. министр финансов, после долгой борьбы, признал возможным отпустить вместо 455 млн р. лишь сумму в 160 млн р. В результате военное ведомство не получило на важные нужды около 300 млн р. на пять лет, или, с недочетом, по 60 млн р. ежегодно. Предвидя возможные осложнения на Дальнем Востоке, Николай II лично рассмотрел и утвердил план мероприятий на 1899–1903 гг., приказав продолжать усиливать военное присутствие в регионе. В связи с этим в своем всеподданнейшем докладе 1900 г. генерал Куропаткин уведомлял о следующем: «Для доведения сих войск до указанной силы потребуется

около 6–7 лет. Это обстоятельство, а равно неготовность железной дороги обязывают нас в ближайшие годы к *крайней осторожности в наших внешних сношениях, дабы не быть вовлеченными в войну* (курсив мой. – О. Б.) при обстановке, вполне для нас невыгодной, с силами недостаточными и крайне медленно собираемыми (...) К сожалению, этот совет, по весьма сложным причинам, частью ввиду образа действия Китая и Японии, не мог быть принят. Необходимой крайней осторожности проявлено не было, и мы ввязались в войну неожиданно и без должной к ней подготовки»¹³.

Начиная с 1899 г. военному министру уже пришлось начать оборонительные действия, а в мае 1900 г. для подавления ихэтуаньского восстания в Чжили был сформирован интернациональный экспедиционный корпус, в состав которого, помимо России, вошли войска Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Японии, США и Италии, и был осуществлен поход на Пекин. В тот момент генерал Куропаткин активно выступал за применение силы, видя надвигающуюся угрозу (обстрел Благовещенска) и пытаясь укрепить позиции России на границе с Китаем. Восстание ихэтуаней привело к тому, что значительный участок КВЖД был разрушен. Распоряжением начальника Квантунской области адмиралом Е.И. Алексеевым на целый год было приостановлено строительство крепости Порт-Артур (тем не менее за четыре года (1899, 1901–1903) была создана крепость настолько сильная, что она сдержала японский флот и смогла противостоять длительной осаде в тяжелейших условиях). Это и вооруженные столкновения с охранной стражей привели к тому, что российские войска были выведены неполностью, и в декабре того же года для восстановления контроля над КВЖД Маньчжурия была оккупирована русскими войсками. В марте 1902 г. было подписано русско-китайское соглашение о выводе российских войск из Маньчжурии. Генерал Куропаткин как военный министр на тот момент считал, что это не соответствует интересам Российской империи. Вывод должен был осуществляться в три этапа и закончиться в сентябре 1903 г. Первый этап был пройден в установленные сроки. Дальнейшее выполнение своих обязательств, по настоянию адмирала Е.И. Алексеева, Россия обусловила получением дополнительных гарантий со стороны Китая, что вызывало его протест¹⁴. Стараясь снять напряженность, Куропаткин убедил Николая II в необходимости вывода войск и даже выехал на место для приведения его в исполнение, но в его

отсутствие решение было отменено, и военный министр был поставлен об этом в известность. Что касается «непоследовательности во взглядах» Куропаткина, то правильнее было бы говорить об их эволюции, поскольку обстоятельства постоянно менялись: что еще было возможно в 1899 г. и даже в 1902 г. – о том не могло быть уже и речи в 1903 г. В оценке генерала положение дел в 1902 г. было еще благоприятным, и Россия, начав приводить в исполнение свои обещания по «очищению» Маньчжурии, могла рассчитывать на спокойное течение дел на Дальнем Востоке, но в конце 1902 г. появились тревожные признаки возможного разрыва с Японией. В 1903 г., военное ведомство, сохраняя надежду на поддержание мира, увеличило войска на Дальнем Востоке еще на 38 батальонов. Результаты деятельности Военного министерства по усилению войск в Приамурском крае, Маньчжурии и Квантуне за 10-летний период до начала Русско-японской войны видны из следующих цифр: в 1884 г. – 12 батальонов, в 1894 г. – 20, в 1903 г. – 63 и в 1904 г. – 140 батальонов. Эти огромные результаты были достигнуты за счет ослабления положения на западной границе¹⁵. В изменившихся условиях военное ведомство продолжало работать над реализацией пятилетнего плана и пересмотром военной стратегии государства с учетом развития Военного-морского флота и результатов проведенных совместных маневров.

В середине 1903 г. Николаем II была принята новая дальневосточная политика, приведшая к образованию, вне ведома министров, наместничества на Дальнем Востоке и расцвету безответственной и авантюристической деятельности группы статс-советника А.М. Безобразова, в результате которой военному министру летом 1903 г. были переданы на рассмотрение проекты самого А.М. Безобразова, человека малосведущего в военных и государственных делах, о немедленном сосредоточении в Южной Маньчжурии армии в 70 000 человек, что по многим причинам было просто невыполнимо. Военный министр в этих условиях продолжал бороться, «пока хватит сил», чтобы «увлечения» по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий, когда указом Николая II от 30 июля 1903 г. было образовано наместничество на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым, что оказалось неожиданным для большинства министров. Без их ведома отделялся большой стратегический регион с изъятием всей гражданской и военной части из ведения министерств. Это привело к кризису в

правительстве накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. и значительно повлияло на предвоенный ход событий. Еще весной 1903 г. министр иностранных дел пытался уйти в отставку: МИД находился в тяжелых условиях, а с утверждением прав наместника получалась двойственность в ведении дипломатических дел. 15 августа 1903 г. министр финансов С.Ю. Витте был отправлен в отставку. Военный министр А.Н. Куропаткин был вынужден поднять вопрос о недоверии и отстаивать позицию Военного министерства. Следует сказать, что в результате проведенной им работы, несмотря на агрессивную политику адмирала Алексеева на Дальнем Востоке, Россия не вступила первой в войну с Японией, структура управления армией была сохранена, был выработан совместный стратегический план военных действий, и «теневой кабинет» А.М. Бозобразова потерял силу. 13 января 1904 г. — большая победа Военного министерства: «Несомненно, что государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво... Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении Военного министерства и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по Главному штабу Военным советом»¹⁶. С этого момента Куропаткин может действовать более свободно: 15 января — совещание под председательством великого князя Алексея Александровича по составлению ответа на контрпредложения Японии, где Куропаткин, выступая, говорит, что если война неизбежна, то надо оттянуть ее на 1 год 4 месяца, до окончания работ по Круго-Байкальской железной дороге и усилению Восточно-Китайской. Если же этого нельзя, то хотя бы на 4 месяца, пока ему удастся послать все подкрепления¹⁷. Однако, до начала военных действий оставались считанные дни...

При знакомстве со всеподданнейшими докладами, рабочими записками и отчетами, хранящимися в российских архивах, поражает титаническая работа, проделанная военным ведомством в тяжелейших финансовых условиях накануне войны. Многие источники и работы по истории Русско-японской войны, в том числе и зарубежных авторов, свидетельствуют о том, что А.Н. Куропаткин был одним из немногих, кто полностью понимал в политических и военных изменениях того времени роль и место Маньчжурии на Дальнем Востоке. Он понимал, что Маньчжурия и Корея не стоили войны. Его как военного и государственного деятеля беспокоило

положение дел в Европе и угроза там второго фронта: «Германия – это страшный сосед»¹⁸. В этом смысле его стратегическое видение было правильным. Он осознавал, что военное положение России того времени и удаленность региона не позволят получить быстрых побед на Дальнем Востоке. К тому же, он адекватно оценивал японскую армию и ее способность вести войну, что видно из доклада Куропаткина императору в августе 1903 г., после его поездки в Японию, когда было принято решение о подготовке рубежа обороны по линии Ляоян – Мукден: «Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден – Лаоян – Хайчен, но отстоять южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступить по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев»¹⁹.

Это был голос разума, который не был услышан в то время, когда Россия шла к войне в Маньчжурии. Вот что он пишет во время своей поездки в Японию: «Какие же Россия имеет на Дальнем Востоке интересы, которые стоили бы опасности втянуть Россию в такую борьбу, когда мы слабы на западе, тревожны в центре и крайне слабы на востоке? Неужели пресловутая позиция на Ялу окупит России кровь десятков тысяч сынов ее, трату сотен миллионов рублей в первую войну с Японией и, главное, окупит несомненную опасность, что после первой войны нам придется вести их несколько, и в результате, если одновременно мы будем атакованы и на западе, потерять всю Сибирь до Байкала»²⁰.

---

¹ Попов Ю.Г. Куропаткин и Шешурино. Документы, воспоминания, публикации. Торопец, 2002; Ремнев А.В. Как обустроить Россию: геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34; Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 3–76; Японские дневники А.Н. Куропаткина / Публ. Е.Ю. Сергеев, И.В. Карпеев // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 393–444; Субботин Ю.Ф. Куропаткин и дальневосточный конфликт // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX в. Очерки. М., 2003. С. 125–168; Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние

двух министров // Актуальные проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2010. С. 72–80; Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Омск, 2012; Папазов А.В. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011 (На правах рукописи); Его же. Генерал А.Н. Куропаткин на службе отечеству // Вестник Екатеринбургского института. М., 2011. № 4. С. 156–160; Белозерова О.А. Взгляд через столетие: военный министр генерал Алексей Николаевич Куропаткин // Геополитика и безопасность. СПб., 2013. № 2 (22). С. 34–41, 2013; № 3 (23) и др. См. также более ранние публикации: Авдеев В.А. Терновый венец генерала А.Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 68–75; Зуев В. Генерал от поражений // Советский патриот. 1991. № 48; Белоконь И.В. Алексей Николаевич Куропаткин: вехи биографии (1848–1925) // Исторический ежегодник. Омск, 1999–2000. С. 54–62; Шаров А.В. Забытый генерал Куропаткин // Коммунист вооруженных сил. 1991. № 12. С. 61–67; Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // Вестник Челябинского университета. 1999. № 2 (10). С. 104–116; Аспидов А. Высокая честь любить Россию // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 3 ноября. № 207.

² Попов Ю.Г. Куропаткин в Шешурино. Торопец, 1998. С. 82–85; Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 25. С. 156–158. А.Н. Куропаткин происходил из большой военной семьи, давшей России много талантливых офицеров. Среди них: братья генерал-лейтенант П.П. Калитин (1853–1927), подполковник П.П. Калитин (1846–1877), погибший в Стара Загора (Болгария) в русско-турецкую войну, и др. Его мать – А.П. Куропаткина (ур. Арбузова) – дочь капитан-лейтенанта П.П. Арбузова (ум. 1837; в 1803–1806 гг. участвовал в первом русском кругосветном плавании на шлюпе «Нева» под командованием капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского) и сестра контр-адмирала А.П. Арбузова (1810–1878), прославившегося при обороне Петропавловск-Камчатского в годы Крымской войны.

³ В Государственном Русском музее находится картина И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения». Генерал А.Н. Куропаткин изображен сидящим слева вторым во втором ряду, левой рукой опирающимся о шпагу.

⁴ Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 231. Конец записи от 7 февраля 1904 г., после доклада Николаю II: «Вернувшись домой, я отправил государю письмо, в котором просил назначить меня командующим армией без прибавления титула военного министра. Писал, что так будет удобнее для Алексея и проще для государя».

⁵ Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Т. 1. СПб., 1910. С. 4.

⁶ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. Гл. 10. Режим доступа: <http://dugward.ru/library/xxvek/kuropatkin.html#vosm> (дата обращения 7.02.2014). «При создавшейся обстановке на р. Шахе, если бы корпуса были сделаны значительно большими, то нужды в трех командующих армиями с их особыми правами не было бы никакой».

⁷ Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. [в 4 т.]. СПб., 1906.

⁸ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. С. 16.

⁹ Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ Барону Фон-Теттау. Умань, 1914. С. 4. «Русско-японская война *не была закончена* (курс. оригинал. – О. Б.) В двенадцатом году война началась только после занятия французами Москвы; в японскую войну война началась только после занятия Сыпингайских позиций. До этого дня происходили подготовительные бои, значение коих следующее: Куропаткин и его помощники совершенно уничтожили японскую боевую силу, которую японцы тщательно готовили 20 лет. На Сыпингайских позициях лицом к лицу стали: могущественная, весьма испытанная русская армия и очень слабые остатки японских войск. Вот результаты нашего отступления; вот истинная ценность Ляояна, Шахе и Мукдена».

¹⁰ Куропаткин А.Н. Дневник генерала... С. 228.

¹¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905... Гл. 5. Режим доступа: <http://dugward.ru/library/xxvek/kuropatkin.html#vosm> (дата обращения 7.02.2014).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Ковалев В.Е. Российское Военное министерство в конце XIX – начале XX в. // Двухсотлетие Военного министерства, 1802–2002 гг.: Очерки истории Воен. министерства. М., 2003.

¹⁵ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905... Гл. 5.

¹⁶ Куропаткин А.Н. Дневник генерала... С. 218.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905... Гл. 10.

²⁰ Японские дневники А.Н. Куропаткина. Т. VI. С. 423; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1–42.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОЙ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ШКОЛЫ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

СЧИТАЕТСЯ, что Московская военно-инженерная школа была первым учебным заведением в России, где началась подготовка отечественных военных инженеров-фортификаторов. Необходимо отметить, что деятельность школы не получила достаточного освещения в русской военно-исторической литературе.

На наш взгляд, вопрос о времени и базе ее основания до сих пор остается открытым. Тем более что начальные слова 17 пункта петровского указа от 16 января 1712 г. «школу инженерную умножить» вызывали и вызывают споры в русской военно-исторической литературе по вопросу о том, что именно этот указ явился основанием для образования Московской военно-инженерной школы. Однако, анализ этого исторического факта задача не данной статьи, а последующих наших работ.

В 1723 г. деятельность Московской военно-инженерной школы была прекращена в связи с ее объединением с Санкт-Петербургской военно-инженерной школой. Отметим, что до настоящего времени в военно-исторической литературе существуют некоторые неточности, касающиеся учреждения Санкт-Петербургской военно-инженерной школы. Петр I своим именным указом от 17 марта 1719 г., объявленным из Военной коллегии, приказал «...учинить при Санкт-Петербурге Инженерную роту и быть ей под ведением полковника инженера Кулона, а в тое роту взять с Москвы Инженерной роты учеников всех сколько их в той школе обретается; и Инженера, который при этой школе определен

для учения школьников, с надлежащими их инструментами и со всем, что при них есть»¹.

В некоторых исследованных нами архивных документах указывается дата учреждения инженерной роты не 17, а 19 марта. Например, в материалах по истории Инженерного управления в России, собранных для Военной коллегии, пишется: «...719 году марта 19 дня именным указом велено учредить из состоящих в Москве инженерной школы учеников при Санкт-Петербурге под ведомством инженер-полковника Де Кулона инженерную роту...»² На наш взгляд, это несущественное различие.

Однако, следует обратить внимание на тот факт, что в указе от 17 марта 1719 г. речь идет не о создании инженерной школы, а об учреждении инженерной роты. Мы можем предположить, что по прибытию в Санкт-Петербург ученики Московской инженерной школы были зачислены в штат роты и продолжали свое обучение в области инженерного дела. Но основным предназначением инженерной роты была не организация учебного процесса по подготовке военных инженеров. Хотя, надо признать, что, по всей видимости, инженерная рота отчасти была учебным подразделением, в котором инженерные школьники завершали свое инженерное образование путем закрепления их за офицерами роты³.

В соответствии с указом Петра I от 2 июля 1723 г. предписывалось «...инженерную и минерную роту по его императорского величества указу учредить и обучать генерал-майору де Кулону. А комплектовать те роты из учеников инженерских кои в Санкт-петербургской и Московской школе, и оные школы соединить в одно место, и быть им под дирекцией его генерал-майора. И для того с Москвы инженерную школу перевести в Санкт-Петербург...»⁴ Этот указ предусматривал перевод из Московской инженерной школы всего наличного числа учеников, их учителя инженера с имеющимися у них инструментами и другим имуществом. Число прибывших тогда из Москвы школьников по одним сведениям не превышало 68 человек, а по другим – 74 человек. Все ученики были рядовыми инженерной роты, распределенными для обучения «инженерству» между офицерами роты.

11 марта 1743 г. в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации (Канцелярия ГАИФ) поступило донесение от полковника-инженера Де Луза (? – в архивном документе фамилия читается неразборчиво), который информирует о том, что генерал-

фельдцейхмейстер принц Людвиг Иоганн Вильгельм Груно Гессен-Гомбургский через барона И. Любераса, который с 20 марта 1741 г. после увольнения Б.Х. Миниха в отставку был начальником над всеми инженерными корпусами и фортификационными делами, дал указание обер-кригскомиссару Тестрикову о том, чтобы «...выбрать в Московской артиллерийской школе из дворянских детей во инженерную науку до пятидесяти человек и определить там и обучать»⁵. В ордере (письменный приказ) Де Лузу принц Гессен-Гомбургский указал, что начальником вновь организованной военно-инженерной школы назначается инженер-поручик Чириков. Однако, из Канцелярии ГАИФ на этот счет ему никаких указаний не поступало. Поэтому Де Луз и обратился с рапортом в Канцелярию ГАИФ, чтобы соответствующее указание из канцелярии было дано Московской инженерной конторе⁶.

Канцелярия ГАИФ провела анализ укомплектованности штатного расписания инженерных подразделений и Санкт-Петербургской военно-инженерной школы. В результате было определено, что, по утвержденному 3 июня 1728 г. бывшим Верховным тайным советом инженерному штату, в инженерной школе полагалось содержать в соответствующих науках следующее количество учеников: «...в чертежной фортификации – 20 (им жалованье 36 р. в год); в геометрии и тригонометрии – 20 (им жалованье 24 р. в год); в арифметике – 20 (им жалованье 18 р. в год). Итого – 60 (им жалованья 1560 р. в год)»⁷. В 1730 г. тогдашнему генерал-фельдцейхмейстеру и начальнику инженерного корпуса Б.Х. Миниху Правительствующим Сенатом было разрешено увеличить количество учеников в инженерной школе до 75 и содержать сверхштатное количество учеников за счет «...суммы положенной на содержание и починку крепостей» в размере 390 р. на год⁸.

Из данного документа следует, что увеличение количества учеников Санкт-Петербургской инженерной школы до 75 человек и количество выпускников данной школы все равно не позволяло полностью укомплектовывать штаты инженерных подразделений. В связи с этим, 26 февраля 1741 г. Б.Х. Миних предложил еще более увеличить количество учеников инженерной школы и «...содержать сверх комплекта на остаточной от неполного комплекта кондукторов сумме»⁹. Однако, увеличить штат учеников инженерной школы в 1741 г. не представилось возможным из-за того,

что в инженерную школу «...тех учеников являлось самое малое число»¹⁰.

Фортификационная контора в начале 1742 г. обратилась в Государственную Военную коллегия с донесением о том, чтобы Военная коллегия дала соответствующее распоряжение в герольдмейстерскую контору о направлении для обучения инженерной науке в указанную инженерную школу «...дворянских детей до 160 человек, которые б были бы бучены грамоте читать и писать»¹¹. 23 января 1742 г. последовал указ императрицы Елизаветы Петровны из Военной коллегии в фортификационную контору о том, чтобы герольдмейстерская контора отобрала и направила в указанную инженерную школу «...из дворянских детей *до полутора сот человек* (курсив наш. – В. Б.)», на что «...в герольдмейстерскую контору послана промемория»¹². Соответственно, фортификационная контора требовала от герольдмейстерской конторы, чтобы в инженерную школу было направлено соответствующее количество дворянских детей.

Однако, несмотря на все предпринятые меры, на протяжении всего 1742 г. в инженерную школу из герольдмейстерской конторы не было направлено ни одного человека. В первой половине 1743 г. в Санкт-Петербургскую инженерную школу из герольдмейстерской конторы было направлено для обучения инженерной науке всего 12 человек¹³.

Генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, выполняя указ Елизаветы Петровны о «приумножении» инженерных учеников и набрав соответствующее количество этих учеников в Санкт-Петербургскую инженерную школу, предполагал, что одновременно содержать и обучать такое количество школьников в одном военно-учебном заведении было бы довольно проблематично. Поэтому им было принято решение – наряду с действующей Санкт-Петербургской инженерной школой учредить инженерную школу в Москве. По определениям Канцелярии Главной артиллерии и фортификации от 26 мая и 2 июня 1743 г., «...велено иметь в трех классах в Санкт-Петербургской школе 165, а в Московской 60 человек»¹⁴.

Еще до момента учреждения Московской военно-инженерной школы генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, предвидя проблемы с укомплектованием школы учениками из дворянских детей, дал в КГАиФ следующее указание: «...за умалением во инженерной школе из дворян учеников *выбрать из Московской*

артиллерийской школы дворянских детей в инженерную науку до 50 человек и определить там их обучать (курсив наш. – В. Б.)»¹⁵. Начальником вновь учрежденной Московской военно-инженерной школы назначался инженер-поручик Чириков.

Организационный период начала деятельности школы продолжился переводом сюда учеников Московской артиллерийской и Санкт-Петербургской инженерной школ.

По состоянию на 23 февраля 1743 г. в **Московской артиллерийской школе** обучалось тем или иным наукам (предметам, дисциплинам) 128 учеников, из которых 53 были «из шляхетства» и, соответственно, 75 – «не из шляхетства». Они распределялись по предметам обучения следующим образом (см. таблицу 1)¹⁶:

Табл. 1

Науки (предметы) обучения	Ученики из шляхетства (дворяне)	Ученики не из шляхетства
В артиллерийских чертежах	15	7
В геометрии и тригонометрии	15	12
В арифметике	23	56
Итого	53	75

Любопытно, что среди учеников Московской артиллерийской школы на тот момент преобладали выходцы из низших слоев российского общества. Это является еще одним подтверждением того факта, что еще с учреждения первых военно-специальных учебных заведений во времена Петра I больше стремления и тяги к получению образования было не у представителей дворянского сословия, а у выходцев из низов.

Кстати, интересен и тот факт, что проблема самовольного оставления учебного заведения и несвоевременное возвращение в школы из отпусков, предоставленных ученикам по их прошениям, с которой в массовом порядке сталкивались военно-специальные школы, начавшие свою деятельность во времена Петра I, и о которой мы говорили в предыдущих наших публикациях¹⁷, оставалась актуальной и в постпетровское время. В Московской артиллерийской школе на 23 февраля 1743 г. 24 ученика были отпущены домой в отпуска и не вернулись в школу к указанному сроку, а 105 учеников «...самовольно от команды отлучились»¹⁸, т. е. без разрешения начальства покинули расположение школы.

Из Московской артиллерийской школы в Московскую инженерную школу было направлено 26 учеников (из них: учеников 2-го класса – 3; учеников 3-го класса – 23 человека)¹⁹.

Для комплектования вновь учрежденной в Москве инженерной школы 19 июля 1743 г. из **Санкт-Петербургской инженерной школы** было направлено 25 учеников (из них: учеников 2 класса – 4 человека и 21 ученик 3 класса)²⁰.

Следует отметить, что на тот момент штат учеников Санкт-Петербургской инженерной школы был не укомплектован полностью. Так, имелось учеников налицо – 125, в том числе по классам: в 1-м – 28; во 2-м – 42; в 3-м – 55. Некомплект учеников составлял 40 человек²¹.

Вызывает интерес решение Канцелярии ГАИФ о порядке содержания учеников вновь образованной инженерной школы в Москве. В июле 1743 г. Канцелярия постановила: ученики, которые будут определяться в Московскую инженерную школу и «...за собою крестьян иметь будут от 100 душ и более», должны обучаться в Московской инженерной школе за свой счет, т. е. жалование им выплачиваться не будет. Ученики, «...имеющие более 100 душ крестьян» и не желающие обучаться в Московской инженерной школе за свой счет – обязаны были направляться в Санкт-Петербургскую инженерную школу. Ученикам, не имеющим крепостных или же имеющим их в количестве меньше 100, полагалось жалование в следующих размерах: в 1-м классе – 24 р.; во 2-м классе – 18 р.; в 3-м классе – 12 р.²²

В марте 1745 г. по решению Канцелярии Главной артиллерии и фортификации для увеличения в Московской инженерной школе ученических вакансий, которые могли бы быть заполнены заштатными учениками, находившимися при указанной школе, штат учеников Санкт-Петербургской инженерной школы (165 учеников) был уменьшен на 15 вакансий, а, соответственно, штат ученических вакансий Московской инженерной школы был увеличен на это же количество вакансий. Канцелярией ГАИФ было определено содержать в штате Санкт-Петербургской военно-инженерной школы – 150 учеников, в штате Московской инженерной школы – 75 учеников²³.

Обеспечение учебного процесса во вновь образованной Московской военно-инженерной школе шло по аналогии с Санкт-Петербургской. Например, в Санкт-Петербургской инженерной школе из расчета на 60 учеников полагалось (см. таблицу 2)²⁴:

Наименование инструментов и другого имущества		Число	Цена			
			каждой		всем	
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
В 10 лет						
Циркулей с рисовальными перьями	треножных	60	1	50	90	-
	простых	60	1	-	60	-
Транспортиров		60	1	50	90	-
Цепь медная для разметки земли 10-саженная		1	-	-	5	-
Книг табулясинусов		20	-	50	10	-
Итого в 10 лет		-	-	-	255	-
Досок каменных в 5 лет		20	-	50	10	-
В 1 год						
Астролябий с компасом и ватерпас		1	-	-	2	12
Бумаги на рисование, стоп	александрийской	2	20	-	40	-
	писчей и книжной	30	2	-	60	-
Для топления в школе печей дров, свечей и на другие потребности		-	-	-	15	-
Всего в год		-	-	-	117	12

Кстати, финансирование хозяйственной и учебной деятельности Санкт-Петербургской инженерной школы в те времена осуществлялось не только за счет государственной казны, но и за счет самих учеников. Так, например, для обеспечения учебного процесса в школе, покупка «...красок и других припасов», по определению Канцелярии ГАИФ, производилась на деньги, вычитаемые из окладного жалованья учеников этой школы. В год с каждого ученика на эти нужды вычиталось по 2 р.²⁵

Помимо ученических вакансий, о количестве которых мы говорили выше, штат инженерной школы также включал: две должности «рисовальных мастеров» с окладом жалованья в год по 180 р. каждому, по одному денщику для рисовального мастера с жалованьем 6 р. в год и ему на провиант 5 р. 2,5 к. на год. Также штатом предусматривались две должности кондукторов с окладом денежного содержания в год по 60 р. и одна должность сторожа с годовым жалованьем 12 р.²⁶

Обеспечение вещевым имуществом учеников Московской инженерной школы предусматривалось в тех же размерах и объемах, как это производилось в Санкт-Петербурге (см. таблицу 3)²⁷.

Предметы вещевого обеспечения	Число	Сколько		Цена, коп.
		аршин	вершков	
Сукна на кафтан, камзол и штаны	-	6	8	84
Стамету красного на подбой	-	4	-	24
Крашенины красной	-	7	8	4
Холста	-	5	-	3
На штиблеты холста				
Крученого	-	1	8	6
На подкладку оного холста простого	-	1	8	3,5
На шитье мундира				
Гарусу на петли, золотников	6	-	-	3
Клеенки	-	3	-	4
Пуговиц и сухого олова	кафтаных	3	-	11
	камзольных и штанов, портиц	3		8
Пуговиц оловянных к штиблетам, портиц	3			5
Трипу черного на обшлага	-	-	6	8
Шляпа	1	-	-	50 (?)
На обшивку шляпы позументу, золотников	5			80
Башмаков, пар	1			40

Учебный процесс во вновь организованной Московской военно-инженерной школе к концу 1743 г. был полностью налажен и обеспечен всем необходимым.

В апреле 1748 г. указом императрицы Елизаветы Петровны, для стимулирования качественного усвоения наук и достижения отличных результатов в учебе, предусматривалось производство учеников инженерных школ, показывающих хорошие результаты в обучении – в кондуктора (при продолжении их дальнейшего обучения в школах) с соответствующим годовым жалованьем 60 р. (вместо 24 р., если ученик был в 1-м классе). Так как свободных вакансий кондукторов для назначения на них достойных учеников инженерных школ не было, то этим же указом предусматривались меры по разрешению этой проблемы. Предлагалось уменьшить комплект учеников Санкт-Петербургской инженерной школы («здешней», как указано в документе) на 30 человек, а Московской –

на 15 человек и, соответственно, содержать в штате инженерных школ ученических вакансий: «...здешней 120, Московской 60 человек»²⁸, а за счет высвободившихся ученических вакансий ввести должности кондукторов.

Однако, это было не последнее сокращение ученических вакансий в инженерных школах.

В начале 1750-х гг. сложилась парадоксальная ситуация с **укомплектованием первичных инженерных должностей в инженерных войсках офицерскими кадрами**. В инженерных школах многие школьники, обучающиеся фортификации, достойны были назначения на первичную должность в инженерных войсках – кондуктор, но не могли быть назначены на эти должности из-за неимения свободных кондукторских вакансий и вынуждены были еще оставаться при школах на длительное время и, как говорится в документе, «долговременно коснеть».

В то же время, в инженерных войсках из-за большого количества откомандированных инженерных офицеров (кондукторов), ощущался их недостаток, несмотря на то что все штатные единицы первичных инженерных должностей в инженерных подразделениях были укомплектованы.

В июне 1750 г. в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны, для того чтобы расширить количество вакансий кондукторов в инженерных подразделениях, было решено в Санкт-Петербургской инженерной школе вновь уменьшить число ученических мест – на 10 в каждом классе, т. е. обучать в указанной школе не 120 человек, как было до этого, а уже только 90²⁹.

Из-за аналогичных обстоятельств, в апреле 1752 г. было принято очередное решение о сокращении пяти ученических вакансий в каждом классе инженерных школ, т. е. содержать в каждом классе Санкт-Петербургской инженерной школы по 25 учеников (всего 75), в Московской – по 15 учеников (всего 45)³⁰. Вместо сокращенных в школах ученических вакансий предписывалось ввести новые штатные единицы кондукторов в подразделениях инженерных войск.

Предпринятые меры, т. е. функционирование двух инженерных школ, выпускающих значительное число подготовленных инженерных офицеров, и расширение штатов первичных инженерных должностей в инженерных подразделениях, позволило полностью решить проблему укомплектованности инженерных подразделений офицерскими кадрами.

И к лету 1752 г. все инженерные подразделения *были полностью укомплектованы офицерскими кадрами*, а много достойных выпускников двух инженерных школ, проявлявших усердие и старание в учебе и достигших хороших результатов в обучении инженерному делу, *оставались без производства в кондуктора и назначения в инженерные подразделения*. Они числились на прежних своих учебных вакансиях и получали соответствующее этим вакансиям денежное содержание, что, конечно же, не способствовало совершенствованию и расширению их знаний в инженерном деле³¹.

Стало очевидно, что содержать две инженерные школы с таким количеством учеников в них – нет необходимости, и 20 июня 1752 г. на основании указа императрицы Елизаветы Петровны Канцелярией ГАИФ было принято решение о закрытии Московской военно-инженерной школы и о продолжении деятельности только Санкт-Петербургской инженерной школы со штатом учеников в 75 человек³².

Неспособных к обучению инженерному делу учеников в Санкт-Петербурге было необходимо заменить более достойными из Московской военно-инженерной школы и, соответственно, доукомплектовать ими штаты, а оставшихся учеников на основании указа Военной коллегии от 16 июля 1746 г. и представления генерал-фельдцейхмейстера распределить по другим службам, а некоторых из них представить в Военную коллегию для определения в полки, «...дабы оные будучи при той школе в числе учеников не могли без всякого от них к наукам плоду и неисpravления никакой службы, праздно время проводить»³³.

Завершить процесс ликвидации Московской военно-инженерной школы Канцелярией ГАИФ было поручено генерал-майору А.П. Ганнибалу, которому и предписывалось из общего числа учеников двух инженерных школ выбрать 75 человек, наиболее достойных и способных к обучению инженерному делу, которые продолжат свое обучение в Санкт-Петербурге³⁴. На А.П. Ганнибала также возлагалась миссия выбрать наиболее достойных из числа оставшихся за штатом учеников в Санкт-Петербургской школе и представить свои предложения в Канцелярию ГАИФ об их назначении для дальнейшего прохождения службы в инженерный корпус или в артиллерию³⁵. Списки всех остальных, в том числе малолетних, необходимо было передать в Канцелярию ГАИФ для определения их дальнейшей судьбы Военной коллегией³⁶.

В заключение необходимо отметить, что основными причинами учреждения Московской военно-инженерной школы были: во-первых, систематическая нехватка выпускников Санкт-Петербургской инженерной школы для полного укомплектования первичных инженерных должностей в инженерном корпусе – кондукторов, а во-вторых, недостаточные материально-технические возможности обеспечения учебного и воспитательного процесса в Санкт-Петербургской инженерной школе (там не могли одновременно содержать и обучать более 200 человек).

За период своего функционирования (около 10 лет) Московская военно-инженерная школа успешно справилась с поставленными перед ней задачами, обеспечив, наряду с Санкт-Петербургской инженерной школой, русскую армию необходимым количеством подготовленных кадров для укомплектования свободных первичных офицерских вакансий в инженерных подразделениях.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3330. С. 680.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 286. Оп. 2. Д. 598. Л. 3.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 376. Л. 149–153об.

⁴ РГВИА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 826. Оп. 2. Д. 37. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3–3об.

⁸ Там же. Л. 3об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 301. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 37. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Бенда В.Н. Переменный и преподавательский состав артиллерийских школ // Актуальные проблемы философии, социологии и культурологии. Ученые записки. Т. X. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2004; Его же. Проблемы создания системы военного образования в России при Петре I // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2008 и др.

¹⁸ РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 37. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 41.

²⁰ Там же. Л. 100.

²¹ Там же. Л. 69.

²² Там же. Л. 100.

²³ Там же. Д. 301. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 7об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 26.

²⁸ Там же. Д. 301. Л. 1.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 3-Зоб.

³⁴ Там же. Л. 3об.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же.

Н.Р. Бискуп (Санкт-Петербург)

ОРУЖИЕ НА ДРЕВКАХ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ*

В КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА «Арсенал» Государственного Эрмитажа находится около 1000 единиц древкового оружия, из них западноевропейского происхождения – около 670, русских – около 180, восточных – около 150. Большинство западноевропейских предметов относятся к XVII–XIX вв. и поступили в Эрмитаж из бывшего Царскосельского арсенала, русские же предметы оружия XVI–XIX вв. поступили из коллекции графа Шереметева и Аничкова дворца.

Обрабатывая эрмитажную коллекцию, мне пришлось столкнуться с проблемой терминологии, уже поднимавшейся на ряде оружейных конференций. К сожалению, в русской оружейведческой традиции до сих пор не выработано общих терминов не только для названия отдельных деталей оружия, но даже отдельных типов вооружения. В особенной степени это относится к оружию на древках. При просмотре зарубежных трудов оказалось, что и в иностранной традиции этот вопрос тоже не всегда очевиден. Чаще всего описания и каталоги начинаются фразой: «В этом разделе мы описываем предмет, выглядящий так-то и так-то – изображение обычно прилагается – который в Италии именуется так-то, в Германии так-то, во Франции так-то».

Цель данной публикации – свести все эти термины вместе, чтобы, как минимум, иметь представление о разнообразных названиях одних и тех же предметов и попытаться предложить наиболее употребимое в русской традиции название.

---

* Статья приводится в авторской редакции.

В конце XIX – начале XX вв., когда создавались основы современного оружейоведения, многие используемые термины были вообще не верны, также шла большая путаница в названиях. Исследователи в своих работах опирались на старую инвентарную атрибуцию, которая часто была ошибочной. Кроме того, названия внешне вроде бы одинаковых предметов древкового вооружения в разных регионах приобретали свои собственные местные названия, и, таким образом, при составлении каталогов номенклатура дробилась и путалась еще больше.

Первым, кто начал работать в архивах и искать подходящие верные термины для древкового оружия, был Шарль Баттин (С.Н. Buttin)¹, чьи изыскания были опубликованы уже после смерти в 30–40-х гг. XX в.

Как ни странно, такой обширный материал, как оружие на древках, исследован крайне мало и скудно. По сути, существует не очень много работ, посвященных этой теме, большинство из них на иностранных языках. Также нет одинаковой классификации предметов, так как каждый исследователь предлагает свою.

Еще в начале XX в. американский исследователь оружия и зоолог Башфорд Дин предложил свою классификацию, в основе которой лежало шесть первоначальных видов древкового оружия². В этой классификации он использовал морфологические принципы и создал эволюционный ряд древкового оружия, что было несомненным прорывом для того времени.

Далее следует упомянуть Эварта Окшотта, который также дает классификацию в своей книге «European Weapons and Armour: From the Renaissance to the Industrial Revolution» («Европейское оружие и доспехи: от Ренессанса до индустриальной революции»), в главе, посвященной древковому оружию³. В основном он перечисляет просто известные ему термины, используемые в литературе, и объясняет, к чему они относятся. К сожалению, в русском издании термины, используемые Окшоттом, переведены недостаточно точно⁴.

Из специальных работ, посвященных древковому оружию, нужно отметить работу Марио Тросо «Le Armi in Asta» («Оружие на древках»)⁵, где перечислены все известные автору 42 вида древкового оружия, сгруппированные по принципу наличия поражающих элементов.

Относительно недавно вышла книга Джона Уолдмана «Hafted Weapons in Medieval and Renaissance Europe» («Европейское оружие

на древках эпохи средневековья и Ренессанса»)⁶, где видов выделено уже гораздо меньше, хотя некоторые все же вызывают вопросы.

Примерно в это же время вышла небольшая брошюра Джорджа Снука «The Halberd and other European Polearms 1300–1650» («Алебарда и другое западноевропейское древковое оружие»)⁷, автор которой работал в контакте с Уолдманом, и классификации их похожи.

Относительно недавно свою классификацию предложил Клим Жуков в статье на портале mgeen.org⁸. Основываясь на принципах Троссо, он также отталкивается от основного поражающего элемента конструкции и выводит всего 10 видов, хотя используемые термины вызывают вопросы.

В литературе как западной, так и русской, существует такой разброс терминов, что порой без изображения вообще невозможно понять, о чем идет речь. На русском языке вообще не существует специальных работ, посвященных древковому оружию. Отдельные главы встречаются в общих трудах по оружейведению, как, например, в работах А.Н. Кулинского «Русское холодное оружие»⁹ и «Европейское холодное оружие»¹⁰, И.П. Суханова «Абордажное оружие»¹¹, С.В. Ефимова и С.С. Рымши «Оружие Западной Европы XV–XVII вв.»¹².

В русской традиции не существовало своих наименований для многих предметов древкового оружия, и поэтому использовались заимствованные иностранные термины, часто из разных языков и разные для одних и тех же видов оружия. Сейчас в каждом музее обычно следуют тем названиям, которые записаны в инвентарях. При публикациях это приводит к тому, что, несмотря на то что язык у издания один и тот же, в книгах, изданных разными музеями и авторами, одни и те же вещи названы по-разному.

В данной публикации я опираюсь на ранее изданный каталог Царскосельского арсенала Эдуарда Ленца, используя, где это возможно, его терминологию, традиционную для эрмитажных изданий. В ряде случаев, где можно указать более общепринятое название – как минимум, относящееся к подобному предмету в целом ряде изданий, я решила использовать новый вариант. Я также привожу иностранные термины, используемые в литературе для наименования тех или иных предметов.

Ниже описан ряд видов древкового оружия, представленных в коллекции Эрмитажа.

1. Первым и самым древним видом оружия на древке, используемым еще с первобытных времен, является копьё. Распространение его довольно широко, и в литературе не встречается различий относительного этого наименования. Поражающий элемент копья – это двулезвийный клинок с острием. К этому же классу примыкают и рогатины – охотничье оружие, применявшееся как в Европе, так и в России.

2. Далее следует указать такое оружие, как пика, поражающим элементом которого является острие, пика применяется исключительно как колющее оружие.

Пики и копья в коллекции Эрмитажа представлены весьма широко, комплексом из 176 экспонатов. Это как ранние предметы, например скандинавский наконечник копья XIII–XIV вв., так и итальянские широкие копья XV в., а также более поздние копья и пики XVIII–XIX вв. Рогатин в собрании насчитывается 30 экземпляров.

3. С терминологией таких видов древкового оружия, как протазаны и эспонтоны, путаницы также никогда не было. Они наиболее широко и подробно представлены во всех коллекциях, так как бытование их намного более позднее, чем у остальных предметов древкового оружия. Слово протазан имеет итальянское происхождение – *partigiana* – и заимствовано всеми языками практически без изменений. Предшественником протазанов были боевые копья, так называемые *spiedi da Guegga*, с длинными и широкими наконечниками. Активное использование протазанов относится к XV в., уже к XVI в. они стали церемониальным оружием и просуществовали вплоть до начала XVIII в., когда уступили свое место более маленькому эспонтону, выполняющему те же функции.

Эспонтонами вооружали офицеров европейских армий. Вид их весьма разнообразен. В России использование протазанов, а затем и эспонтонов было введено еще в XVII в., при Алексее Михайловиче, когда были сформированы полки «нового строя».

Несколько церемониальных протазанов XVII в. имеется и в коллекции Эрмитажа. Также в хранении есть комплекс из четырех протазанов, по рисунку в точности соответствующих гравюре Висковатова, изображающей русские протазаны и алебарды XVII в. При детальном изучении эти вещи, скорее, стоит отнести к периоду историзма, когда в моду вошел «русский стиль».

Протазанов в коллекции арсенала насчитывается 118 экземпляров, эспонтонов – 44.

4. Следующим номером хотелось бы упомянуть разнообразные рунки, т. е. древковое оружие, имеющее в своей изначальной форме трезубец. У Ленца все они носят название «рунка» (происхождение термина – немецкое), что не лишено смысла, поскольку терминов великое разнообразие и часто их употребление противоречит друг другу. Рунка – это длинное копьё, от основания которого обычно отходят два более коротких лезвия, загнутые вверх (рис. 1). В Италии такой вид оружия называли *corsesca* или *brandistocco*, если боковые отроги загнуты по-другому, в Германии – *runka*, во Франции – *ganseug*. Существует подвид с лезвиями, загнутыми вниз, длинными и очень широкими, который носит название «фриульское копьё» – «*spiedo friulano*» (рис. 2). В работе А.Н. Кулинского, как и у В. Бехайма¹³, фриульское копьё названо спетум¹⁴. В некоторых каталогах существуют еще отдельные термины для такого подтипа оружия, как

Рис. 1. Инв. № З.О.-4188.
Рунка.
 Италия (?), начало XVI в.
 Длина 224,2 см,
 длина с пожилнами 62,4 см,
 длина наконечника 57,5 см.
 Сталь, дерево, медь, бархат;
 ковка, гравировка

Рис. 2. Инв. № З.О.-4059.
Рунка / Фриульское копьё
(древко новое).
 Италия, Фриули(?), около 1480 г.
 Длина 125,5 см,
 длина с пожилнами 117,5 см,
 длина наконечника 99,5 см.
 Сталь, дерево; ковка, чеканка.
 На одном из боковых лезвий
 выбиты два клейма,
 а также клеймо турецкого
 арсенала в Стамбуле

«pipistrello» или «chauve-souris», что в переводе значит «летучая мышь» (рис. 3). У Клода Блэра термином «brandistock» назван «вооруженный посох» (цитируется по терминологии Э. Ленца, он также пользуется термином «brandistocco»), а именно оружие с клинком, спрятанным в металлическом посохе, который можно выки-

**Рис. 3. Инв. № 3.О.-2968.
Рунка / Летучая мышь.
Италия (?), XVI в.
Длина 233,8 см,
длина с пожилыми 78,5 см,
длина наконечника 62 см.
Сталь, дерево, медь, конский
волос, бахрома; ковка, резьба.
На лезвии выбито клеймо,
видимо итальянское**

нуть с помощью специального механизма. Подобные образцы складного древкового оружия встречаются редко и служили для удобства транспортировки в путешествии. Клинков, спрятанных в древке, могло быть от одного до трех, и в разложенном виде подобное оружие с тремя клинками действительно похоже на рунку, что, как мне кажется, и послужило причиной некоторой путаницы¹⁵.

Рунок в коллекции Эрмитажа 37 экземпляров.

Здесь же хотелось бы упомянуть такой вид, как боевые вилы, так называемые *forca da Guerra*, *sturm-gabel*, *fourche de guerre*, происходящие, как и понятно из названия, от обычных сельскохозяйственных вил.

В коллекции имеется четыре экземпляра подобного вооружения.

5. Далее я бы хотела рассмотреть разнообразное оружие на древках, происходящее от топоров и молотов. Э. Ленц специально не выделяет их в отдельную категорию, упоминая, скорее, как предтечу алебард, хотя алебарды и боевые топоры существовали одновременно. Топор – один из

древнейших видов оружия – был распространен еще в эпоху бронзы, активно использовался в Средние века у викингов, а затем и по всей Европе. После ряда трансформаций уже к XV в. мы получаем интересный тип древкового орудия – боевой топор (или молот) на длинном древке, часто совмещающий в себе функции собственно топора и молота. Английский термин для такого оружия – «pollaxe», немецкий – «fussstreitaxt», итальянский – «ascia da fante», французский – «hache de pieton». Длина таких топоров-молотов – примерно 150–170 см, сам топорик относительно маленький, на тыльной стороне расположен клюв, который иногда приобретает молоткообразную форму. Существует еще термин «mordaxt», которым именовали подобные же топоры, но с более массивным топориком и часто без острого наконечника наверху. Топорик на древке – это единственное древковое оружие, которым пользовались рыцари в специальных поединках на топорах. Часто такие боевые топоры были богато орнаментированы. Некоторые из подобных топоров вообще утрачивают собственно лезвие топора, и взамен него появляется длинный изогнутый клюв. Особым подвидом этого вида боевых топоров является люцернский молот. Подобные молоты производились в Люцерне, в Швейцарии и отличались особенностью конструкции. Наконечник-молоточек крепился к древку отдельно, специальным пирамидальным штырьком, проходившим насквозь.

В эрмитажной коллекции находятся 16 экземпляров боевых молотов.

6. Древковым оружием, характерным для России XVI–XVII вв., являются бердыши. Их характерным признаком можно назвать крепление с помощью косицы – оттянутой вниз части топора, фиксирующейся на древке. Бердыш входит в обиход с середины XVI в. Большинство исследователей считают, что произошел он от широколезвийного топора¹⁶. В Государственном историческом музее в Москве О.В. Двуреченским разработана типология бердышей. Он выявляет четыре типа, первые два – более характерные для XVI в., вторые – для XVII в.:

«Тип 1. Топоровидные бердыши.

Тип 2. Бердыши с вытянутым месяцевидным лезвием и роговидным верхним концом, откованным в одно острие.

Тип 3. Бердыши, верхний конец которых откован в два острия, или “бердыши с верхним концом, срезанным в виде полумесяца”.

Тип 4. Бердыши с вытянутым остроконечным лезвием и оформлением нижней части в форме бердышей третьего типа»¹⁷.

В эрмитажной коллекции находится всего 86 бердышей. Происходят они в основном из бывшей коллекции графа Шереметева. Это самый ранний тип, по Двуреченскому, с относительно небольшим лезвием – 3 экземпляра, бердыши второго типа с вытянутым лезвием в форме полумесяца – 44, третий тип со срезанным верхним концом – 36, и, наконец, к 4-му типу относятся 3 экземпляра. Таким образом, наиболее широко представлены в коллекции бердыши 2 и 3 типов.

В иностранной литературе бердыши упоминаются, но мнения о них весьма разнообразны и часто неверны. Так, например, в монографии Уолдмана все бердыши, которые Двуреченский относит к 1-му и 2-му типу, названы гизармами, а не бердышами.

7. Следующий вид – это алебарда. Происхождение термина – скорее всего, немецкое, от двух слов «*halm*» – древко и «*barte*» – одно из названий топора. По-английски это будет *halberd* (не встречается раньше 1495 г.), *alabarda* по-итальянски, по-французски *hallebarde* или *alabarde*, по-испански *alabardero* или *alabarda*. Относительно этого термина ни у кого обычно не возникает разногласий. Большинство исследователей склоняются к тому, что происходят алебарды, скорее всего, от датских топоров, использовавшихся викингами¹⁸. Ранние алебарды конца XIII – начала XIV вв. имеют сходство с русскими бердышами конца XVI–XVII вв. – это были вытянутые топоры с двумя втулками и заостренными концами.

В эрмитажной коллекции таких алебард нет, большинство их найдено при археологических раскопках и сосредоточено в музеях Швейцарии. Более привычную форму алебарда приобретает позже, в XV в. Поражающих элементов у алебарды три: это само лезвие топора, затем острый наконечник и, наконец, крюк, находящийся с тыльной стороны. Таким образом, алебарда является не просто развитием топора, а оружием, сочетающим в себе несколько элементов более простых конструкций.

В Эрмитаже есть небольшое количество алебард XV – начала XVI вв., некоторые из них с клеймами мастеров, поэтому могут быть атрибутированы достаточно точно (рис. 4).

Алебарды как боевое оружие были распространены в основном в Германии и Швейцарии. К концу XVI–XVII вв. алебарда теряет

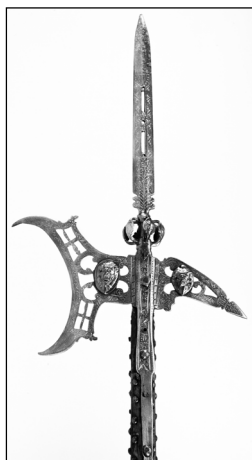
свое боевое значение и становится парадным оружием (рис. 5), и также остается в армии как знак различия офицеров и унтер-офицеров. К таким строевым алебардам формально относятся и некоторые типы древкового оружия, называемые в документах алебардами, но по всем морфологическим признакам являющиеся эспонтонами или протазанами, как, например, русская строевая алебарда унтер-офицеров.

В коллекции Эрмитажа такие алебарды представлены достаточно широко и полно. Всего же в эрмитажной коллекции насчитывается 236 алебард.

В каталоге Ленца упомянута также «итальянская алебарда»¹⁹. Стоит уточнить, что хотя такое обозначение встречается до сих пор, но только в отношении специфического вида оружия, упоминание о котором будет ниже. У Ленца же этим термином названо оружие, в англоязычной научной литературе именуемое чаще всего как

Рис. 4. Инв. № 3.О.-4468.
Алебарда (древко новое).
Германия, Штирия,
середина XVI в.
Длина наконечника 45 см.
Сталь, дерево; ковка.
На лезвии – полустертое,
вероятно штирийское, клеймо

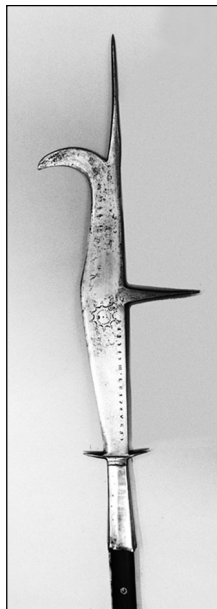

Рис. 5. Инв. № 3.О.-4184.
Алебарда парадная.
Италия, Венеция (?),
начало XVII в.
Длина 225,7 см,
длина наконечника
с пожилинами 83,8 см.
Сталь, дерево, медь, ткань;
ковка, чеканка, литье, резьба,
золочение

«bill» или «гонсопа». Хотя в Италии ронконы функционально и исторически заменяли собой алебарды, но происхождение их немного другое. Таким образом, мы переходим к следующему типу:

8. Ронкона. В этом пункте мне бы хотелось объединить некоторые различные по виду предметы, происхождение которых можно проследить от сельскохозяйственных инструментов типа сучкореза или серпа. В своей развитой форме ронкона – один из наиболее совершенных видов древкового оружия, так как имеет несколько поражающих элементов.

В этот вид входят собственно ронкона (ronscone), bill по-английски, rossschinder по-немецки (рис. 6) и итальянская алебарда, о которой будет сказано ниже. Происхождение термина итальянское и в русском языке практически не используется. У Бехайма, а также у Ленца, этот вид отнесен к классу алебард и называется «итальянской алебардой», хотя, как видно из конструкции, происхождение этого предмета вооружения совсем другое. Впрочем, такой же термин иногда встречается и в иностранных изданиях относительно недавнего времени. В издании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – двухтомнике «Оружие Западной Европы XV–XVII веков»²⁰ – тип оружия, который я именую ронкона,

**Рис. 6. Инв. № З.О.-4364.
Ронкона (древко новое).
Северная Италия, конец XV –
нач. XVI вв. Мастер Бернардино.
Длина наконечника 90,5 см.
Сталь; ковка, чеканка.
На лезвии выбиты клеймо и
надпись «Bernardino me fecit»,
можно предположить, что это
Bernardino Missaglia по
прозвищу dall'armaria, который
в 1498 г. был придворным
оружейником Франциска II
Гонзага, маркграфа
Мантуанского (1484–1519)**

назван гвизармой (существует еще вариант написания – гизарма), как и в монографии Д. Окшота, опубликованной на русском языке. Этот же термин используется и в работе А.Н. Кулинского «Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия»²¹. Такое же наименование встречается в монографии Мартина Эллекхауга (M. Ellehaug) 1945 г. по глефам, а также в работах Августа Деммина. Автор большой монографии по древковому оружию Д. Уолдман также упоминает такое название в отношении ронконы и заявляет, что оно ошибочно²², но сам он называет гизармами русские бердыши, поэтому этот вопрос требует уточнения. Лионелло Бочча, итальянский исследователь именует гизармами оружие, напоминающее глефу, а точнее – кузу²³. Также термин «гизарма» фигурирует и у Ленца в качестве синонима к термину «куза»²⁴. Автор небольшой монографии по древковому оружию Д. Снук употребляет этот термин в отношении весьма специфического вида оружия, выглядящего как длинное изогнутое лезвие с длинным тонким отвлетвлением-копьем, прикрепленным к тыльной стороне под прямым углом²⁵. Автор каталога Кенбуша²⁶ также упоминает о таком же использовании термина «гизарма», но в отношении данного вида оружия склоняется, так же как и Баттин, к термину «боевая коса» («war scythe»). В книге К. Блэра о западноевропейском оружии гизармами названо оружие с широким изогнутым лезвием, близким по виду к русскому бердышу²⁷.

В монографии М. Тросо употребляются три термина относительно ронкон: «*roncola*» – боевой серп, «*roncone*» – собственно ронкона и «*ronsa*» – переходный тип от серпа к ронконе²⁸. В его монографии, посвященной древковому оружию, несколько глав отведено именно исследованию ронкон.

Вероятно, ронкона получила развитие из сельскохозяйственного серпа или сучкореза. Ранние образцы таких боевых серпов, именуемые *roncola*, получили распространение еще в XI в. Постепенно форма усложнялась и приобретала различные дополнения, такие как острие на конце и острый выступ с тыльной стороны. Как видно, синкретическое развитие этого оружия, включающего в себя несколько элементов, шло по тому же пути, что и у алебарды, поэтому неудивительно появление термина «итальянская алебарда».

Распространено это оружие было довольно широко в Италии, Германии и Англии. В конце XVI в., после утраты боевого значения,

ронкона, разделив судьбу алебарды, стала инсигнией офицеров низкого ранга во Франции и Италии.

Ронкон в коллекции Эрмитажа начитывается 12 штук.

Одновременно с ронконой бытовало и оружие, именуемое по-итальянски «гопса», по-немецки «kriegsgertel», а именно серп с шипом на тыльной стороне, но без длинного острия наверху.

В коллекции Эрмитажа есть два таких экземпляра, которые Ленц именует «Zuricher Halbartengertel». Они по форме практически идентичны боевым серпам «kriegsgertel» из Швейцарского Ландсмузея в Цюрихе (рис. 7).

Рис. 7. Инв. № З.О.-4701.

Ронкона (древко новое).

Швейцария (?),

конец XVI–XVII вв.

Длина наконечника 40 см,

длина с пожилыми 74 см.

Сталь, дерево; ковка, резьба.

**На лезвии выбито клеймо
в форме герба**

В этот же вид, как мне кажется, нужно включить и древковое оружие, именуемое в современной литературе «итальянской алебардой», а в некоторых итальянских работах – «скорпионом» («scorpione») (рис. 8). Термин «итальянская алебарда» используется в каталоге музея оружия Штибберта во Флоренции, составленном Лионелло Бочча (и в его работе, посвященной итальянскому оружию), а также в книге Джона Уолдмана, посвященной древковому оружию. В статье Донди 1976 г., посвященной происхождению итальянских ронкон и «скорпионов», автор настаивает, что термин «итальянская алебарда» неверный и есть более

подходящее итальянское название этого вида оружия – собственно «скорпион», которое и стоит использовать²⁹. Дело в том, что форма этого оружия довольно разнообразна и часто напоминает визуально и алебарду, и ронкону, что и приводит к разным толкованиям. В каталоге коллекции Кенбуша этот вид оружия вообще поименован «double bill» («bill» – это обычный английский термин для ронконы)³⁰. Действительно, существуют двойные

ронконы с дополнительным серпом на тыльной стороне, расположенным зеркально.

9. Следующим видом древкового оружия хотелось бы назвать глефу (рис. 9). Кроме этого названия существует еще множество терминов, также относящихся к этому виду вооружения. Это свя-

Рис. 8. Инв. № З.О.-4132.

Ронкона / Итальянская алебарда (древко новое).

Италия, начало XVI в.

Длина наконечника с пожиланами 76,5 см, длина наконечника 63 см.

Сталь, дерево; ковка, золочение, травление, гравировка

Рис. 9. Инв. № З.О.-2821.

Глефа.

Италия, начало XVII в.

Длина 215 см,

длина наконечника 89 см.

Сталь, дерево, шнур; ковка, чеканка, гравировка, позолота.

Глефа парадной стражи кардинала Камилло или Сципиона Боргезе

зано с тем, что это оружие было распространено достаточно широко в Европе, кроме того имела место и путаница, о которой я уже упоминала выше. Современный итальянский термин для глефы – «falcione»³¹, французский – «fauchard». У Ленца и Бехайма приведено два названия – «глефа» («glefe») и «вуж» («vogue»). Последнее, видимо, не совсем верно, так как является французским словом для кузы. В каталоге оружейной коллекции музея Штибберта во Флоренции это же самое оружие названо «falcioni», в каталоге коллекции Кенбуша – «fauchard» и «glaive»³². Устоявшееся название на русском языке – все-таки «глефа», его-то мы и будем использовать.

Глефы получили распространение в Италии начиная с XIV в. и прослужили вплоть до XVI-го, когда превратились в парадное оружие. В ряде научных изданий, например у Ленца, Бехайма, Ч. Баттина, в недавнем издании Артиллерийского музея, проводится деление между собственно глефой и похожим оружием, называемом у Ленца кузой или гизармой³³. «Куза» – немецкий термин, также используется «вуж» («vogue»), «couteau de breche» по-французски и «coltello da breccia» по-итальянски. От глефы они отличаются только отсутствием крюка на тыльной стороне, а также расположением древка относительно центра наконечника. У кузы он сдвинут в сторону обуха. Некоторые кузы и глефы имеют наполовину заточенный край на тыльной стороне (рис. 10). Л. Бочча, как уже упоминалось, именует это оружие термином «гизарма». Тем не менее, кузы и глефы

**Рис. 10. Инв. № З.О.-4106.
Куза / вуж (древко новое).
Германия (?), XVI в.
Длина наконечника
с пожилинами 121,4 см,
длина наконечника 64,5 см.
Сталь, дерево; ковка.
На лезвии – клеймо,
вероятно немецкое**

довольно похожи внешне, и, например, в каталоге коллекции Уоллеса и то, и другое названо термином «глефа». Чарльз Баттин, а за ним и Клод Блэр в своей монографии подразделяют глефы на 3 типа:

fauchard – оружие, упоминавшееся во французских и английских источниках, относящихся к XII – концу XIV вв., в конце XV в. этот термин выходит из употребления, тем не менее большинство экземпляров этого типа вооружения, дошедшие до нас, относятся к XVI–XVII вв. Они имеют один заточенный край и крюк на обухе;

couteau-de-breche отличается простым лезвием, без крюка;

voûge française – оружие, напоминающее предыдущее, но с более узким лезвием, имеющим наполовину заточенный край на тыльной стороне.

Любопытно, что если в большинстве работ все эти виды оружия описываются вместе в одной главе, то в недавней монографии Уолдмана, посвященной древковому оружию, они разнесены по разным концам книги, что мне кажется не слишком оправданным.

В эрмитажном собрании находится около 24 глеф и куз, в основном конца XV–XVII вв.

10. Дальше хотелось бы упомянуть специфический вид оружия, такое, как боевые цепи и моргенштерны. Формы их весьма разнообразны, некоторые из них сделаны весьма грубо и кустарно, ряд же – явно изготовлены профессиональными кузнецами-оружейниками.

В эрмитажной коллекции насчитывается 11 экземпляров подобного древкового оружия.

Отдельно еще также стоит указать некоторое количество палинков, как русских, так и западноевропейских, находящихся в коллекции Государственного Эрмитажа. Формально они никогда не рассматриваются как древковое оружие, и мы не включаем их в классификацию. Также в коллекции Арсенала присутствуют предметы сельскохозяйственного назначения, предположительно использовавшиеся и в качестве оружия – это разнообразные косы, ножи, багры.

Таким образом, учитывая огромное разнообразие названий древкового оружия, которое используется в литературе, я не вижу пока иного пути, кроме как приводить в научных изданиях несколько терминов, тем временем пытаясь выработать для использования общую терминологию.

- ¹ Buttin С.Н. Les armes d'hast // Bulletin trimestriel de la societe des amis du Musee de l'armee. 1936. № 44, 45; 1937. № 46; 1938. № 48; 1939. № 49; 1946. № 50; 1948. № 51.
- ² Цит. по: Troso M. Le armi in asta. Novara, 1988. P. 54.
- ³ Oakeshott E. European Weapons and Armour: From the Renaissance to the Industrial Revolution. Boydell Press, 2012. P. 44–61.
- ⁴ Окшотт Э. Оружие и воинские доспехи Европы. С древних времен до конца Средневековья. М., 2009.
- ⁵ Troso M. Op. cit.
- ⁶ Waldman J. Hafted weapons in Medieval and renaissance Europe. Leiden, Boston, 2005.
- ⁷ Snook G. The Halberd and Other European Polearms 1300–1650. Canada, 1998.
- ⁸ URL: <http://mreen.org/OZRclub/klassifikaciya-drevkovogo-oruzhiya.html#cut>
- ⁹ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 355–382.
- ¹⁰ Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С. 185–196.
- ¹¹ Суханов И.П. Абordaжное оружие. СПб., 2012. С. 98–112.
- ¹² Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. 1.
- ¹³ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 174. (Переиздание и перевод 1890 г.)
- ¹⁴ Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия. СПб., 2007. С. 25.
- ¹⁵ Blair С. European & American Arms. London, 1962. P. 23.
- ¹⁶ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение московского государства (к. 15 – н. 17 в.). Дисс...канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 107.
- ¹⁷ Там же. С. 113–120.
- ¹⁸ Waldman J. Op. cit. P. 17.
- ¹⁹ Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908. С. 47.
- ²⁰ Ефимов С.В., Рымша С.С. Указ. соч. С. 330.
- ²¹ Кулинский А.Н. Там же. С. 19
- ²² Waldman J. Op. cit. P. 107.
- ²³ Bocci L.G., Coelho E.T. Armi bianche Italiane. Milano, 1975.
- ²⁴ Ленц Э. Указ. соч. С. 47.
- ²⁵ Snook G.A. The Halberd and other European Polearms 1300–1650. Museum restoration service, 1998.
- ²⁶ The Kretzschmar von Kienbusch Collection of Armor and Arms. Princeton, 1963. P. 224.
- ²⁷ Blair С. Op. cit. P. 22.
- ²⁸ Troso. Op. cit. P. 137.
- ²⁹ Dondi G. Del roncone, del pennto e del cosidetto scorpione. Estratto da Armi Antiche, Bollettino dell'Accademia di S. Marignano. Torino. Numero unico del 1976.
- ³⁰ The Kretzschmar von Kienbusch Collection of Armor and Arms. Princeton, 1963. P. 231.
- ³¹ Troso. Op. cit. P. 112.
- ³² The Kretzschmar von Kienbusch Collection or Armor and Arms. New Jersey, 1963. P. 270–272.
- ³³ Ефимов С.В., Рымша С.С. Указ. соч.

В.А. Бобков (Брянск)

РАБОТА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА С.Н. ВАНКОВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА началась 100 лет назад и произвела кардинальные перемены для многих государств, принеся с собой боль, потери и разочарование. В настоящее время исследовательский интерес к истории Первой мировой войны не только не исчез, а еще более усилился. Это связано с изменением подходов к анализу исторических источников и новыми тенденциями в историографии. Сегодня актуальны исследования не только и не столько характера самой войны, сколько вклада отдельных выдающихся деятелей в успех военных кампаний. Одним из таких талантливых руководителей, разрешившим проблему «снарядного голода» в армии России, был генерал-майор С.Н. Ванков (рис. 1).

Высокий уровень общественного интереса к службе Ванкова иллюстрируют публикации не только в научных монографиях¹, но и популярных изданиях последних лет². Неординарные административные способности, проявленные генералом в кризисных условиях периода Первой мировой войны и трансформировавшие в нужном направлении промышленное производство России, были отмечены на страницах ведущего современного делового журнала *Forbes Russia*³.

Деятельность генерала Ванкова на протяжении 1914–1918 гг. была настолько объемной и многогранной, что оставила после себя значительный объем исторических источников. Их основной массив отложился в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Прежде всего, это следующие фонды РГВИА: Главного артиллерийского управления (ГАУ) (1862–1918). Ф. 504, 22830 ед. хр., 1825–1920 гг., оп. 1–56;

**Рис. 1. Генерал-майор
С.Н. Ванков**

Технических артиллерийских заведений ГАУ ([1895]–1918). Ф. 505, 668 ед. хр., 1876–1919 г., оп. 1–3; и, конечно, непосредственно посвященный работе генерала Ванкова в период Первой мировой войны, под названием Управление уполномоченного ГАУ по заготовке снарядов французского образца (1915–1919). Ф. 512, 1715 ед. хр., 1902–1919 г., оп. 1⁴. Массив документов фонда 512 дополняют материалы, сосредоточенные в С.-Петербурге в научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в фонде Уполномоченного по изготовлению снаря-

дов французского образца (1915–1916 гг.).

Настоящая статья – это попытка научной реконструкции работы генерал-майора С.Н. Ванкова в период Первой мировой войны. Статья не претендует на всесторонний охват многогранной деятельности С.Н. Ванкова, оставляя это для последующего, более монументального, вероятнее всего уже монографического, научного исследования.

Итак, в течение недели с начала I мировой войны в нее втянулись почти все великие державы Европы, не стала исключением и Россия.

Накануне войны наша страна не имела сколько-нибудь развитой военной промышленности, изготавливающей предметы вооружения: ружья, патроны, пушки, снаряды, порох, самолеты, военные суда, бронемшины. Считанное количество специализированных военных предприятий не могло обеспечить потребностей армии.

Производительность казенных заводов и арсеналов оказывалась явно недостаточной. Значительную часть заказов приходилось направлять на частные предприятия. Неблагоприятная картина

была и на заводах союзной Франции. Как сообщал русский военный дипломат и писатель А.А. Игнатьев, осмотревший заводы «Крезо» до войны, там еще существовали устаревшие прокатные прессы с откатом на холостом ходу. Первоклассные мастера и рабочие, образованные инженеры и наряду с этим – устарелое оборудование, грязь в цехах и во дворах – вот картина этого главного металлургического и военного завода Франции до мировой войны.

В первые месяцы войны Франция столкнулась с рядом трудностей, но к декабрю 1914 г. ситуация изменилась, мобилизованные казенные заводы и арсеналы оставили «далеко позади обычные нормы». Что касается России, как писал Игнатьев, «там ни о какой мобилизации промышленности еще не думали»⁵.

По признанию военного министра генерала Поливанова, России недоставало «тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны, и более всего тех отраслей, которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения»⁶.

Перед началом I мировой войны Россия заготовила 7005 тыс. снарядов и в основном израсходовала их в сражениях 1914 – начала 1915 гг. Необходимо было восполнить запасы снарядов. Быстро это сделать не удавалось. В частности, в течение пяти месяцев 1914 г. было произведено всего 656 тыс. снарядов. Последствия не заставляли себя ждать. Так, во время отступления из Галиции «граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5–10 выстрелов на легкую пушку в день»⁷.

События 1914 г. на фронте показали колоссальную потребность в 76-мм пушечных выстрелах. Это требовало от руководства ГАУ проведения чрезвычайных мер. Специальных заводов по производству снарядов в России не было. К их изготовлению привлекались некоторые горные заводы и, в основном, частные. В начале XX в. снаряды изготовляли семь казенных и десять частных заводов: Олонецкий, Баранчихинский, Саткинский, Кушненский, Верхне-Туринский, Пермский, Златоустовский, Сормовский, Лиль поп-Рау, Радзский, «Русское общество по изготовлению снарядов», Петроградский механический, Брянский, Лесснера, Николаевский, Путиловский и Петроградский металлический⁸.

В 1915 г. Россия произвела 11 238 тыс. и получила из-за границы 1317 тыс. – артиллерийских снарядов, и «зимой 1915–16 гг. снарядный кризис начал проходить»⁹. В итоге, «артиллерийские снаряды, по преимуществу легкой артиллерии, стали также отпускатся

в большом количестве»¹⁰. За всю войну русская армия получила 65 млн (включая 15 млн импортных) снарядов – германская, для сравнения, 306 млн.

На производство снарядов переключили казенные арсеналы, резко возросло количество привлекаемых к производству работников. По данным Е.З. Щацилло, в 1908 г. на шести арсеналах России состоял 3861 человек, а к 1917 г. только на трех арсеналах I разряда: Петроградском, Киевском и Брянском – состояло более 11 000 человек. Примерно равное количество работников к 1917 г. было во всех трех арсеналах I разряда: Петроградском – 4850, Киевском – 3073, Брянском – 3145¹¹.

Итак, уже к 1915 г. снарядный голод постепенно, но уверенно уходил. Это достижение было связано с именем уроженца Болгарии генерал-майора армии России Симеона Ванкова, или, как его именовали на русской земле, Семена Николаевича Ванкова.

Этот незаурядный человек родился в Свиштове, в Болгарии, в январе 1858 г. В 1875 г. окончил Александровское реальное училище в г. Николаеве и Южнославянский пансион. Впоследствии учился в Константиновском, а затем в Михайловском артиллерийском училищах в С.-Петербурге, там же окончил Михайловскую артиллерийскую академию и служил в болгарской армии начальником Русчукского (ныне Русе) арсенала. Участвовал в войне Болгарии с Сербией. Был направлен в Петербург чрезвычайным уполномоченным Болгарии для налаживания дипломатических отношений с Россией. Однако эта единственная дипломатическая миссия закончилась неудачно. После восстания в Русе в 1887 г. окончательно и бесповоротно связал свою жизнь с Россией.

В 1894–1897 гг. возглавлял окружной артиллерийский арсенал в Ташкенте. С 1897 г. его судьба надолго связана с Дальним Востоком¹², с Хабаровском. Тогда, в конце XIX – начале XX вв. этот город становился центром Приамурского военного округа, находившегося на перекрестке дорог, связывающих Сибирь с Дальним Востоком. Здесь же Ванков был назначен начальником Хабаровской окружной артиллерийской мастерской, в которой ремонтировали орудия¹³. С 23 марта 1909 г. Ванков являлся командиром Хабаровского окружного арсенала, в октябре 1911 г. был произведен в генерал-майоры¹⁴.

В Брянский арсенал Семен Николаевич получил назначение в конце 1913 г. Под его руководством в Брянске трудились талантливые

инженеры артиллеристы: помощник генерал-майор Анатолий Николаевич Лукашов, и. д. старшего техника гвардии полковник Николай Григорьевич Высочанский, и. д. старшего техника гвардии капитан Григорий Петрович Кузмин-Караваев, и. д. старшего механика инженер-технолог коллежский секретарь Александр Прокофьевич Чижевский¹⁵. Именно им пришлось решать проблему снабжения русской армии снарядами.

Об уровне научной подготовки этих офицеров свидетельствует пример Н.Г. Высочанского, который являлся автором многочисленных статей о свойствах разных металлов. Высочанский переводил их на французский язык и печатал в парижском журнале «Ревю де металлуржи». В России его статьи тоже публиковались, но «реже, чем во Франции»¹⁶.

В начале войны Великий князь Сергей Михайлович вызвал генерала Ванкова в Петроград. Положение с трехдюймовыми снарядами было угрожающим, Ванкову поручили «провести ревизию Путиловского завода, чтобы выявить причины падения производства и выработать меры его решительного подъема»¹⁷.

Для ликвидации снарядного голода было решено использовать опыт Франции.

Ведь осенью 1914 г. в таком же примерно положении относительно снарядов, как Россия, оказалась и Франция, где была разработана оригинальная система «технической мобилизации». Сущность ее состояла в том, что вся мелкая и средняя промышленность была разделена на округа и разгруппирована около крупных и мощных заводов, на которые возложили техническое и хозяйственное руководство образованными группами заводов. «Такая организация была проведена не только по отношению к снарядам, но и другим предметам боевого снабжения»¹⁸.

В 1915 г. в Петроград под начальством майора Пио приезжают французы для оказания технической помощи по изготовлению цельнокорпусных гранат. «Вместо гостиницы им отвели помещения в наиболее удаленных от центра Гренадерских казармах, а начальник главного управления великий князь Сергей Михайлович наотрез отказал им в приеме»¹⁹.

Французов передали генерал-майору Ванкову, под руководством которого при ГАУ была создана специальная организация по изготовлению снарядов.

Вопрос, который надо было решить – это определить возможность

применения французских способов изготовления снарядов в русской частной промышленности. Французская граната существенно отличалась от отечественной и по чертежу, и по способу изготовления. К этому делу был привлечен генерал Ванков, который в дальнейшем и вел его в течение всей войны.

Ванков с московскими заводчиками выяснил, что вопрос о возможности изготовления 3-дм гранат по французскому образцу разрешается в положительном смысле. После этого наладили изготовление в Брянском арсенале и на нескольких московских заводах первых гранат французского образца.

На первоначальном этапе попытки наладить производство снарядов по «французскому образцу» терпят неудачу. Ванкова это не остановило, он поручает Н.Г. Высочанскому «экспериментальный выпуск снарядов в Брянском арсенале»²⁰.

В результате внедрения несколько измененной «французской технологии» успех был достигнут. Н.Г. Высочанский назначается помощником (заместителем) по технической части уполномоченного ГАУ по производству снарядов по французскому образцу.

Организация Ванкова была «значительным по результатам деятельности “спутниковым” подразделением Особого совещания по обороне»²¹.

В Москве и Подмоскowie на организацию Ванкова работало около 100 заводов и мастерских. Здесь в различное время изготавливалось от 32 до 42 % трехдюймовых снарядов, от 19 до 32 % запальных стаканов и от 30 до 55 % детонаторных трубок. Все снаряды снаряжались в Москве.

Организация Ванкова первоначально объединила до 200 предприятий, к концу 1916 г. их стало 300. Заводы составляли семь районов: Московский, Одесский, Киевский, Южный, Тамбовский, Петроградский и Ярославский. Заводы делились на группы: 1-я и 2-я группы изготавливали стаканы для гранат 76-мм и других орудий, 3-я изготавливала взрыватели, 4-я – детонаторные трубки, 5-я производила снаряжение стаканов²².

Несмотря на ряд трудностей, благодаря деятельности генерала Ванкова проблема «снарядного голода» была решена. После окончания войны Ванков объяснил необходимость постановки производства снарядов по французскому образцу на русских заводах. Ванков писал: «Наши союзники – англичане и французы – сами испытывали большой недостаток в боевом снабжении, так как их

промышленность не успевала удовлетворить нужды их действующей армии, то ясно, что они не могли помочь боевым артиллерийским снабжением нам»²³.

Работа генерал-майора Ванкова и его сподвижников в годы Первой мировой войны в области снабжения артиллерийскими выстрелами стала неоценимой поддержкой армии России.

---

¹ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926; История организации уполномоченного Главного артиллерийского управления генерала С.Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образцу. 1915–1918 гг. М., 1918; Черняк А.Я. Симеон Ванков. София: Военное издательство, 1989 и др.

² Бирюков В. След инженера в истории края // Тихоокеанская звезда. 21.12.2013; Чернявский А. «Генерал Ванков» // Там же. 12.07.2007; Савченко С., Шестаков А. До плана ГОЭЛРО. История развития электроэнергетики на Дальнем Востоке // Энергетик. 8.11.2010; Станчев М. Зарубежная Россия: Генерал Симеон Ванков и Дальний Восток // Русская газета в Болгарии. 2006. № 05 (127).

³ Артемьев М. А. Как в России в Первую мировую войну появился мощный ВПК // Forbes Russia. 5.02.2013.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Путеводитель: В 4-х т. Т. 1. / Сост. Е.Н. Дмитроченкова, А.Л. Корнилаева, Н.Ю. Муравейникова, О.А. Пучкова, Л.Я. Саг, Н.Г. Снежко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 97–99.

⁵ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн.1–5. Симферополь, 1953. С. 543.

⁶ Стенографический отчет о заседании Государственной думы IV созыва от 19 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 15.

⁷ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 306.

⁸ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 102.

⁹ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 218.

¹⁰ Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 198.

¹¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 42. Д. 36. Л. 115.

¹² Пайчадзе С.А. Симеон Ванков и его книги // Дальний Восток. 1976. № 4. С.136.

¹³ Станчев М. Указ. соч.

¹⁴ Черняк А. Я. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Государственный архив Орловской области. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 140.

¹⁶ Паустовский К. Дядя Коля и тетя Маруся // Мир Паустовского. 2000. № 15–16. С. 12.

¹⁷ Черняк А.Я. «Организация Ванкова» – Конец «снарядного» голода. К 150-летию со дня рождения С.Н. Ванкова // Военный вестник Израиля. 2008. № 17. С. 14.

¹⁸ Генерал В.С. Михайлов 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 320.

¹⁹ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 545.

²⁰ Высочанский С. Наша семья. Ее прошлое // Мир Паустовского. 2000. № 15–16. С. 15.

²¹ Коростелев С.А. Особое совещание в годы Первой мировой войны // Крестьянин в миру и на войне: Материалы III Меркушкин. науч. чтений / Отв. ред. проф. Н.М. Арсентьев. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2005. С. 47.

²² История организации уполномоченного Главного артиллерийского управления... С. 34.

²³ Подробнее см.: Ванков С.Н. Сталистый чугу́н. Новый металл для машиностроения, впервые применяемый в снарядном деле во время I Мировой войны 1914–1918 гг. Отдельный отпуск статьи, помещенной в номере 5-9 «Вестника металлопромышленности» за 1922 г. М., 1922. С. 2.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

**«ШИШАК МОСКОВСКИЙ, ШИШАК
ЛИТОВСКИЙ, ШИШАК КАЛМЫЦКИЙ...»
БОЕВЫЕ НАГОЛОВЬЯ РОССИЙСКИХ ВОИНОВ
В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI-го – XVII ВЕКЕ¹**

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ в отечественном научном сообществе наблюдается устойчивый рост интереса к комплексу вооружения, военной организации и тактике войск Московского государства XV–XVII вв. Большинство профильных исследований посвящены военному искусству служилых людей и казаков, действовавших на западных и юго-западных границах московской державы. Однако не меньший интерес представляет военное дело российских воинов, несших службу на бескрайних просторах Зауралья – в Сибири и на Дальнем Востоке. Как показали специальные исследования, оружейный комплекс и тактические приемы сибирских «землепроходцев» существенным образом отличались от вооружения и тактики воинов метрополии².

Доминирующий в массовом сознании образ русского воина-землепроходца в виде сурового бородатого мужика в папахе, тулупе, с пищалью в руке и саблей на боку сформирован под влиянием художественных произведений XIX–XX вв. и регулярно воспроизводится в учебниках, популярной и научно-популярной литературе. В то же время комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что этот хрестоматийный образ имеет мало общего с подлинным внешним видом казаков и служилых людей в Сибири конца XVI–XVII вв. В данной связи, важным направлением деятельности военных историков, археологов и оружейников является изучение комплекса вооружения, одежды и военного искусства

русских воинов в Сибири в эпоху освоения этого огромного и богатого края.

Одной из важных особенностей военного дела русских служилых в Зауралье было широкое использование защитного вооружения. Если в землях метрополии на протяжении XVII в. традиционный панцирный комплекс стремительно выходил из широкого военного обихода, то в ряде регионов Русской Сибири мы наблюдаем прямо противоположный процесс. Практически не использовавшие доспехов в ходе «западных» военных кампаний казаки и стрельцы, оказавшись в Сибири, пытались спешно обзавестись панцирями и шлемами, без которых они чувствовали себя уязвимыми в столкновениях с «многострельными», «копийными», «сбруйными» и «куяшными» аборигенами. Сочетание практики ввоза доспехов с территории Европейской России с массовыми закупками и конфискациями «пансырей добрых» и «куяков крепких» у сибирских народов позволило существенно увеличить количество панцирников в отрядах служилых. Если в Европейской России в рядах поместной конницы численность воинов, снабженных защитным вооружением, в XVII в. обычно не превышала 5 %, то в Сибири численность «пансырников» и «куяшников» в отдельных отрядах нередко доходила до 50–70 % и более от общего числа воинов. Причем, защитным вооружением были оснащены не только представители военной элиты («начальные люди», «дети боярские»), но и многие конные и пешие казаки, стрельцы, «литва», служилые татары и др.³

Комплекс защитного вооружения российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. был представлен корпусными панцирями (различных структур бронирования), боевыми наголовьями (шлемами и мисюрками), дополнительными защитными деталями (наручами, набедренниками, панцирными усилителями) и щитами. В настоящей статье рассмотрим шлемы российских воинов в Сибири, а также реконструируем внешний вид и особенности оформления некоторых боевых наголовий, хранящихся в музейных собраниях и частных коллекциях.

Судя по данным письменных материалов, боевые наголовья заменялись сибирскими служилыми несколько реже корпусных панцирей. В источниках упоминаются «шишаки», «шеломы», «шапки железные», «шапки мисюрские», привезенные в Сибирь из Европейской России. Некоторая часть наголовий ввозилась в регион в

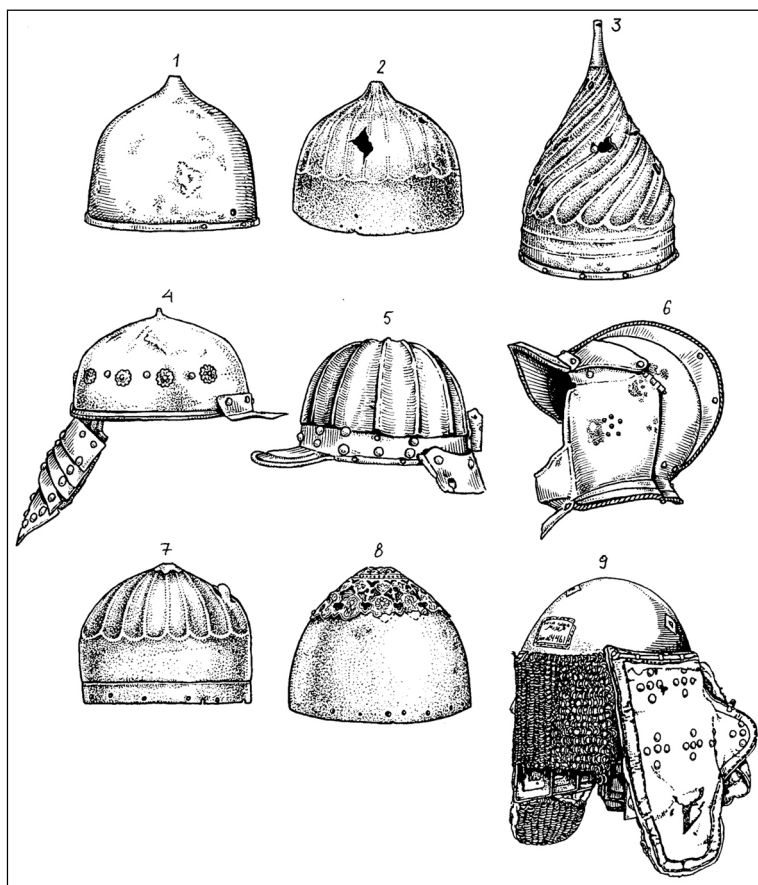
частном порядке и находилась у служилых на правах частной собственности. Однако, основная масса шлемов и мисюрков направлялась в Зауралье по указанию московских властей и поступала на хранение в арсеналы городов и острогов в качестве «государевой казны». Такие шлемы выдавались российским воинам для несения различных «государевых служб». Так, например, на отряд В. Шахова (41 чел.), отправленный из Западной Сибири на р. Лену в 1633 г., были выделены «восемь шишаков» и «семь шапок мисюрских», причем все воины были оснащены панцирями⁴. Корпус Я. Тухачевского, выступивший в 1639 г. против енисейских кыргызов, был оснащен сотней «лат с шишаками», присланными «из Москвы»⁵. На отряд В. Пояркова (132 чел.), направлявшегося на Амур в 1643 г., наряду с 70 якутскими куяками, 10 кольчатými «пансырями», десятком наручей («зарукавий») и комплектом кольчато-пластинчатых набедренников («наколенок») было выделено 17 шлемов⁶. В 1644 г. партия шлемов и панцирей была передана из Тобольского арсенала в литовскую роту ротмистра Д. Аршинского и голове Г. Грозину⁷. Годом позже из Верхоленского острожка служилым людям были выданы: «...из государевой казны куяки с наручами и шеломы и пансыри...»⁸ В 1647 г. в Тобольске хранилось «50 шеломов и шишаков»⁹.

Наряду с поставками боевых наголовий с территории Европейской России, служилыми приобретались в частном порядке и «имались в государеву казну» в ходе боевых действий и конфискации «шишаки», «шеломы», «шапки железные» татарского, шорского, кыргызского, монгольского, тунгусского, якутского и бурятского производства¹⁰. Сибирская администрация поощряла подобную практику. Еще в 1622 г. российские власти рекомендовали брать ясак с шорцев («кузнецких татар») «...шеломами, и рогатинами, и саблями»¹¹. Часть этих шлемов использовались сибирскими служилыми, а другие отправлялись в Москву в качестве образцов. Так, например, в 1655 г. кузнецкий воевода Баскаков, ссылаясь на царский указ «посылать ис Кузнецкого острогу к тебе государю ... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак», отправил в государеву казну «тринадцать шапок железных простых на сукна не набиваны (т. е. без подшлемников. – Л. Б.), да 260 шапочных полиц (пластин. – Л. Б.), да 390 гвоздья железных (заклепок. – Л. Б.), чем набивают на ушки (бармицу. – Л. Б.) шапочные полицы». Согласно описи Оружейной Палаты Московского

Кремля, в ней в 1687 г. хранились: «Восемьдесят шесть шишаков колмыцких, шшивных, наушники белого железа обложены сверху бархатом червчатым и зеленым и черным». По словам смотрителей, «уши и затылки этих шапок и шишаков обшивались цветным сукном или бархатом; в трубки вставлялись прапорцы из разноцветной тафты, расписанные по золоту красками»¹².

В музейных собраниях Сибири и частных сибирских коллекциях хранится не менее 11 шлемов, которые могут быть отнесены к комплексу вооружения служилых людей конца XVI–XVII вв. С некоторой долей условности, их можно разделить на шлемы «русского» и «европейского» типа. К первым относятся «шишаки» (5 экз.) и «шеломы» (2 экз.), выполненные в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, господствовавшей в русском комплексе защитного вооружения в XVI в. и сохранившей определенное влияние на русский доспех в XVII в.¹³ К шлемам «европейского типа» (4 экз.) могут быть отнесены наголовья европейского производства или выполненные русскими мастерами по иностранным образцам.

Преобладающей разновидностью шлемов «русского типа» являются цельнокованные «шишаки» с низкой сфероконической тульей (4 экз.). Высота шлемов – 16–18 см, диаметр – 20–23 см. Шлем из КККМ (КККМ № 6641) был обнаружен на дудинском участке р. Енисей. Шишак (высота – 17 см, диаметр – 23 см) снабжен узким обручем вдоль нижнего края (рис. 1, 1). Вместе со шлемом была обнаружена кольчужная бармица, которая впоследствии была утеряна¹⁴. По всей видимости, бармица подвешивалась к металлическому пруту, закрепленному на шлеме с помощью фиксаторов, пропущенных через сквозные отверстия на височных сторонах тульи¹⁵. Два других шишака серии имеют схожие размеры и систему оформления. Дополнительные декоративные украшения встречаются лишь на наголовье из поселка Зеленый Яр¹⁶. Центральная и верхняя часть тульи данного шлема покрыты вертикальными каплевидными долами (рис. 1, 2). Судя по отверстиям в нижней части купола, шлем мог быть снабжен наушами или матерчатым подшлемником. Данный тип боевых наголовий был весьма популярен среди русских воинов эпохи позднего Средневековья¹⁷. Шишаки наиболее часто упоминаются в письменных источниках при описании боевых наголовий служилых в Сибири, а их изображения зафиксированы на рисунках Ремезовской летописи (рис. 2, 36, 38, 40).

Рис. 1. Шлемы российских (1–6) и татарских (7–9) воинов с территории Сибири. ККМ (1); ТГИАМЗ (3, 8, 9); СОКМ (4); МАЭС ТГУ (5); АКМ (6); УрФУ (7)

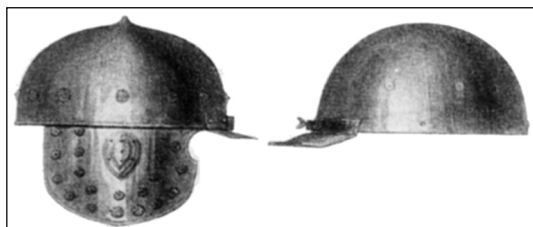
Промежуточное положение между шлемами «русского» и «европейского» типа занимает шишак из числа случайных находок с территории Республики Саха (Якутия). Шлем имеет полусферическую тулью (высота – 17 см, диаметр – 20 см), к наlobной части которой приклепан простой козырек с отверстием для стрелки-наносника. Наличие небольших сквозных отверстий на макушечной, височных и затылочной частях шлема указывает на то, что

Рис. 2. Изображения воинов в доспехах и защитного вооружения на рисунках Ремезовской летописи, нагрудник кирасы с набедренником из АКМ (46)

первоначально он был снабжен наверхием, наушами и назатыльником «русского» или «европейского» образца. Однако впоследствии мог носиться и без этих элементов. Ближайшим аналогом шлема из Якутии является шишак из арсенала Кирилло-Белозерского монастыря¹⁸. Интересно, что подшлемник наголовья из монастырского собрания крепился к тулье заклепками с латунными шляпками (рис. 3).

**Рис. 3. Шишаки из арсенала Кирилло-Белозерского монастыря.
Фрагмент рис. из альбома К.М. Бороздина**

«Шеломы» представлены в рассматриваемой серии двумя экземплярами. От «шишаков» они отличаются высокой объемной тульей с вытянутым наверхием. Шлем из ТГИАМЗ имеет «ложчатую» (покрытую витыми желобками) тулью, узкий выпуклый обруч по нижнему краю и длинное наверхие (рис. 1, 3). Поверхность шелома из частной коллекции гладкая, а наверхие сохранилось фрагментарно. Шеломы являлись популярным типом боевых наголовий русской поместной конницы XVI в. Упоминания о них среди вооружения сибирских служилых XVII в. единичны. Возможно, шеломы в Сибири носили командиры воинских соединений и «начальные люди». На рисунках Ремезовской летописи с шеломами могут быть соотнесены некоторые высокие шлемы цилиндроконической и сфероконической формы (рис. 2, 37, 39, 41).

Шлемы «европейского типа» представлены «рейтарскими» шишаками и «бургиньотами».

Наиболее близок к русским шишакам шлем, происходящий из Далматовского Успенского монастыря, хранящийся в настоящее время в СОКМ (рис. 1, 4) и впервые опубликованный в статье А.П. Зыкова и Л.П. Маньковой¹⁹. Низкая сфероконическая тулья шлема (высота – 14,5 см, диаметр – 22 см) напоминает купола русских шишаков. Вдоль нижней кромки тульи пропущен выпуклый

бортик. К налобной части шлема приклепан козырек (ширина в центральной части – 4,7 см, по бокам – 3 см) с отверстием для наносника-стрелки. Шишак был снабжен мягким подшлемником, который фиксировался заклепками с орнаментированными латунными шляпками с фестончатым краем. Назатыльник шлема западноевропейского образца («рачий хвост») выполнен из 5 пластин: четырех прямоугольных (16,5–18,5 на 2–3,5 см) и нижней трапециевидной (16 на 8,5 см), соединенных с органической подкладкой заклепками с латунными шляпками. Шлем был снабжен наушами, которые не сохранились.

В настоящее время нам известно о восьми шлемах, конструкция и оформление которых аналогичны шлему из СОКМ, что указывает на наличие массового поточного производства данной разновидности боевых наголовий. Большая часть шлемов серии хранится в музейных и частных собраниях России. Наличие многочисленных аналогов позволяет достаточно точно реконструировать первоначальный вид шишака из Далматовского Успенского монастыря (рис. 4, 1). Прежде всего, необходимо отметить позднейшие добавления, к числу которых относятся простые железные заклепки по центру щитка козырька и на тулье шлема. Пара центральных заклепанных отверстий на щитке козырька первоначально служили

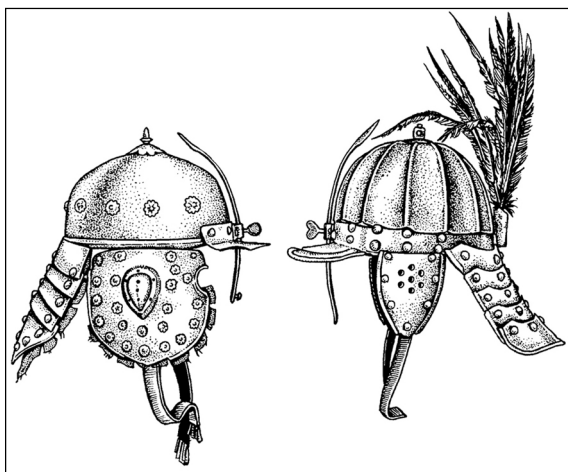

Рис. 4. Художественная научно-историческая реконструкция шишаков XVII в. из СОКМ (слева) и МАЭС ТГУ. Рис. Л.А. Боброва

для крепления обоймицы подвижного наносника-стрелки. Матерчатый подшлемник, подкладка наушей и назатыльника на шлемах рассматриваемого типа крепились к металлической основе с помощью специальных заклепок с орнаментированными латунными шляпками²⁰. Не исключено, что такими же заклепками первоначально был прибит к тулье и вертикальный щиток козырька. По европейской моде первой половины XVII в. края матерчатых подкладок могли выходить за пределы наушей и назатыльника и оформляться декоративными фестонами полукруглой или трапециевидной формы²¹.

Наиболее ярким элементом оформления шлемов серии были очень широкие и массивные уши, прикрывавшие щеки, уши и скулы воина²². Их форму и конструкцию можно с высокой степенью достоверности восстановить по аналогичному шлему из Артиллерийского музея и наголовьям из других собраний²³. Уши представляли собой широкую заостренную книзу пластину с бортиком по периметру и небольшим полукруглым вырезом на лицевой стороне. Примерно по центру уха располагалась каплевидная выпуклость со сквозными слуховыми отверстиями. Уши, как и назатыльник, были снабжены матерчатой подкладкой, которая фиксировалась заклепками с латунными шляпками (рис. 3). С помощью парных кожаных ремешков уши подвешивались непосредственно к тулье шлема или пришивались к подшлемнику (как в данном случае). При обоих вариантах крепления ушей мог подвешиваться встык (рис. 4) или заходить своим верхним краем под нижний край тульи (рис. 3). Макушечная часть шишака из СОКМ снабжена сквозным отверстием. Последнее могло служить для крепления навершия, состоявшего из округлой пластины-основания с ровным или фестончатым краем и короткого острия с «яблоком» или без него (рис. 4, 1).

Вопрос о месте изготовления шлема из СОКМ остается открытым. Назатыльник «рачий хвост» и заклепки с орнаментированными латунными шляпками характерны для европейских боевых наголовий конца XVI–XVII вв.²⁴ Однако известно, что в первой половине XVII в. в России было организовано массовое производство «лат и шишаков» европейского образца, которые поступали на вооружение солдат и рейтар полков «нового строя». Многочисленность подобных шлемов в отечественных собраниях может свидетельствовать в пользу того, что рассматриваемый шишак был

изготовлен на территории Московского государства по европейскому образцу. Популярность данного типа наголовий среди русских воинов была, вероятно, обусловлена их типологической близостью к привычным «московским» шишкам. Согласно легенде, рассматриваемый шлем был передан в Далматовский монастырь тюменским ясачным татаринном Илигеем. Проанализировавшие шлем А.П. Зыков и И.Л. Манькова пришли к выводу, что его появление в монастыре связано с тобольскими рейтарами, которые неоднократно посещали Далматовскую обитель в ходе Башкирского восстания 1662–1667 гг.²⁵ Данная версия представляется весьма реалистичной. Однако, на наш взгляд, нельзя полностью исключать и вариант, что шлем и хранившаяся вместе с ним кольчуга были переданы в монастырь представителями традиционных категорий служилых людей, так как известно, что предметы защитного вооружения «европейского образца» применялись на территории региона уже в первой половине XVII в., а «латы» и «шишаки» европейского образца передавались для несения «государевых служб» другим категориям служилых.

С комплексом вооружения рейтар может быть соотнесен шлем из МАЭС ТГУ (рис. 1, 5). Полусферическая тулья шлема (высота – 15,5 см, диаметр 23,9–20,3 см) склепана из двух половин, соединительный шов на внешней стороне купола шлема выгнут в виде невысокого остроконечного ребра. Такие же ребра жесткости покрывают и пластины тульи. Нижний край купола шлема снабжен выпуклым бортиком (ширина – 0,5 см) с парными отверстиями на височных частях тульи и рядом заклепок, служивших для крепления подшлемника. На макушке шлема имеется небольшое отверстие округлой формы. Лицевая часть пластин тульи выгнута в виде широкого пятиугольного козырька (длина козырька – 25 см, ширина по бокам – 5,2 см, в центральной части – 7 см) с отверстием для наносника-«стрелки». К затылочной части шлема приклепана коническая трубка-втулка для плюмажа (длина – 5,8 см, диаметр отверстия – 1,8 см) и пластинчатый назатыльник «рачий хвост», сохранившийся фрагментарно. Элементы назатыльника соединяются между собой с помощью заклепок с полусферическими шляпками. Наличие многочисленных аналогов из музейных собраний России (рис. 5; 6), стран Восточной, Центральной и Западной Европы позволяют надежно атрибутировать и датировать шлем из МАЭС ТГУ. Данный экземпляр относится к числу рейтарских

боевых наголовий. Он был изготовлен европейскими или российскими оружейниками в XVII в. Судя по целиком сохранившимся экземплярам, рейтарский шлем из МАЭС ТГУ изначально мог быть снабжен наносником-«стрелкой», слабовыпуклой пластиной наверху с коротким декоративным острием или петлей, парой небольших пластинчатых наушей подтреугольной или вырезной формы и назатыльником «рачий хвост» (рис. 4, 2). Маловероятно, что шлем сохранил аутентичный плюмаж европейского образца.

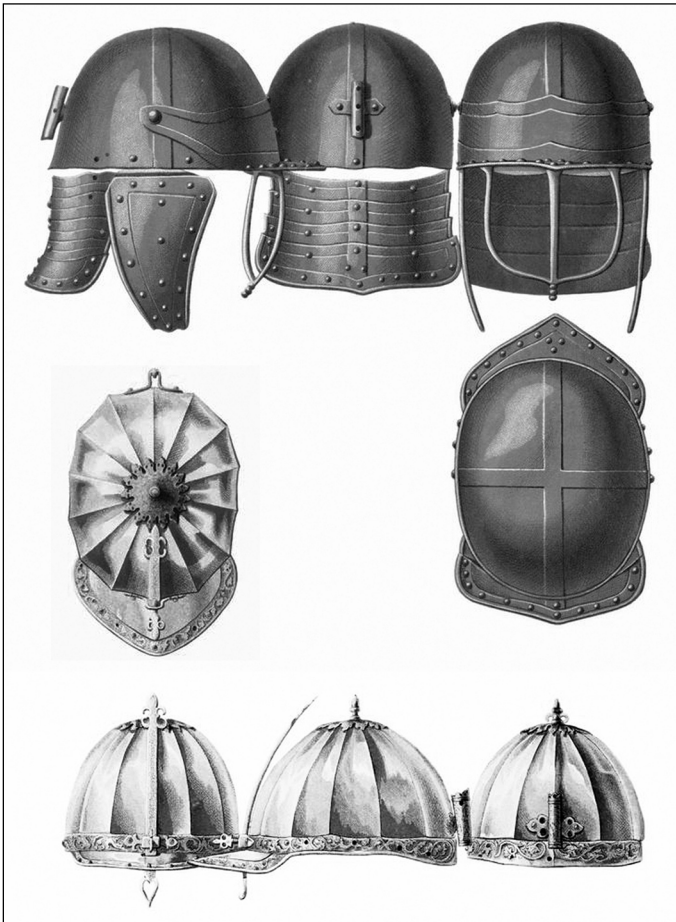

Рис. 5. Шишаки из ОПМК. Рис. Ф.Г. Солнцева

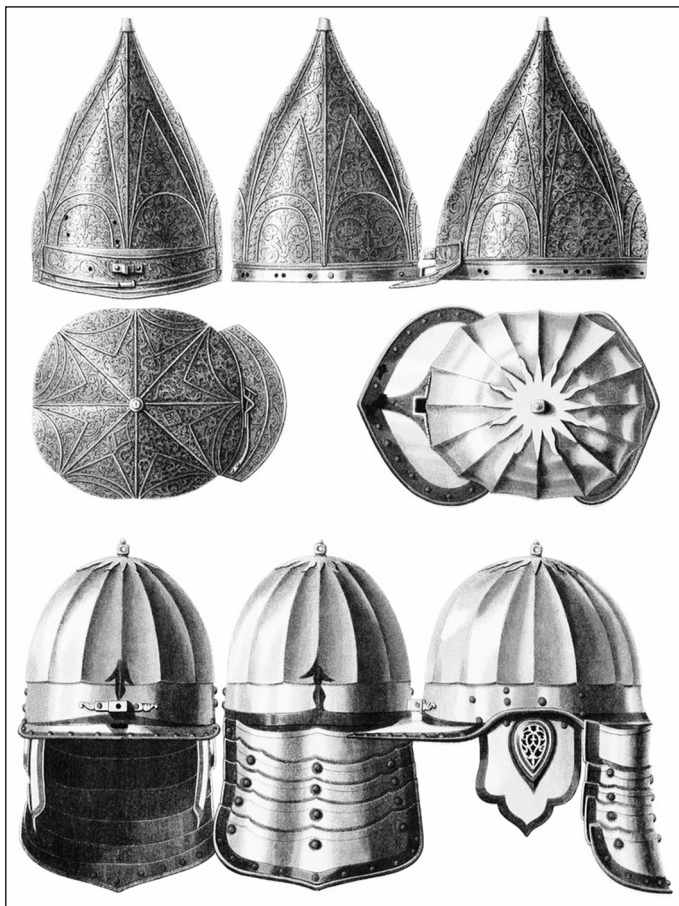

Рис. 6. Шелом (вверху) и шишак из ОПМК. Рис. Ф.Г. Солнцева

Скорее всего, во втулку на затылке вставлялся султан, составленный из перьев сибирских птиц.

Последние два шлема рассматриваемой «европейской» серии относятся к «бургиньотам» (нем. «штурмхаубе»). Один из них хранится в фондах Ачинского Краеведческого музея, а второй был обнаружен на территории Тюменской обл. и в настоящее время находится в частной коллекции. Шлем из АКМ имеет полусферическую тулью, украшенную высоким уплощенным гребнем (общая

высота шлема – 21 см, в том числе гребень – 5,2 см; диаметр шлема – 18 см). К лицевой части шлема приклепан подвижный налобник с характерным загнутым вверх козырьком (рис. 1, 6). В случае необходимости налобник поднимается вверх наподобие забрала. Свободное движение налобника вдоль гребня обеспечивает специальная вертикальная прорезь. Шлем снабжен пластинчатым пятиугольным назатыльником и широкими фигурными нащечниками²⁶ со сквозными отверстиями, которые крепятся к куполу шлема с помощью специальных шарниров. Вдоль края козырька, гребня, нащечников и назатыльника пропущен выпуклый бортик, покрытый мелкой насечкой. У шлема из частной коллекции загнутый вверх козырек составляет единое целое с куполом шлема, а налобник отсутствует. Пик популярности «бургиньотов» в Европе пришелся на вторую половину XVI в. В этот период они широко применялись в Германии, Польше и Скандинавии. В руки русских воинов они могли попасть как трофеи в ходе Ливонской войны. В Сибирь шлемы, были, вероятно, привезены русскими казаками, «литвой» или «немцами» из числа служилых людей в конце XVI – первой половине XVII вв. Возможно, что иллюстрировавший Ремезовскую летопись художник подразумевал под «иноземными» шлемами с полусферической тульей, нащечниками и забралом именно «бургиньоты» (рис. 2, 12, 14). В описях сибирских городов упомянуты шлемы европейского типа, обозначенные как «шишаки» и «шапки литовские».

На рисунках Ремезовской летописи очень часто встречаются низкие полусферические и сфероконические шлемы с забралами, или козырьками. Они существенно отличаются от классических «шишаков» и «шеломов» русского образца, что позволяет исследователям соотносить их с боевыми наголовьями «европейского типа» (рис. 2, 2, 5–21, 25, 34). Еще одна большая группа шлемов представлена сфероконическими наголовьями с полями (рис. 2, 22–24, 26). Если мы имеем дело не с прорисовкой архаичных «колпаков» с полями, то не стоит исключать возможность, что таким образом художник мог изобразить европейские морионы и кабассеты. Данные типы шлемов еще не зафиксированы на территории Сибири, однако их применяли солдаты полков «нового строя» в европейской части России. Железные шлемы с полями изображены и на головах московских стрельцов или солдат на картине из книги «Венчание на царство Михаила Федоровича» (выполнены в 70-х гг. XVII в.).

Выше уже отмечалось, что наряду с русскими и европейскими шлемами сибирские служилые могли носить шлемы сибирских и центральноазиатских народов. Боевые наголовья сибирских татар, ойратов, телеутов, енисейских кыргызов, бурят и др. были подробно рассмотрены нами в серии специальных работ²⁷. Здесь же отметим, что сибирские татары носили цельнокованные шлемы полусферической и сфероконической формы, снабженные кольчатymi и

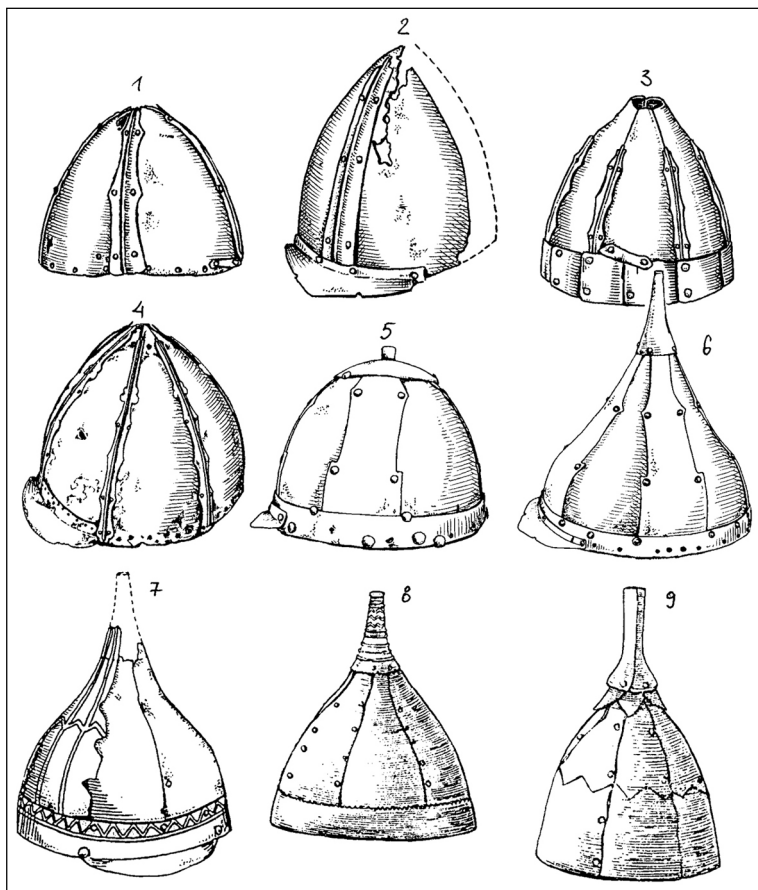

Рис. 7. Шлемы воинов народов Южной (1–7) и Восточной (8, 9) Сибири эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. МРКМ (1, 2, 4); ММШ РБ (5); МИРБ (6); ЕКМ (7)

комбинированными бармицами (рис. 1, 7–9). Среди тюркских кочевников Южной Сибири, ойратов и монголов преобладали клепаные наголовья, составленные из 4–8 пластин, стыки которых прикрывали специальные накладки с зубчатым или ровным краем (рис. 7, 1–7). Частым элементом оформления были козырьки (простые и «коробчатые»), обручи, а также трехчастные пластинчато-нашивные бармицы²⁸. Якутские шлемы клепались из нескольких пластин-секторов, стягивались обручем и венчались коническим навершием (рис. 7, 8, 9).

Наряду со шлемами, письменные источники фиксируют факты применения русскими служилыми людьми в Сибири мисюрок. Так, например, воинам отряда В. Шахова в 1633 г. из «государевой казны» Тобольска было выдано 7 «шапок мисюрских». В музейных собраниях Сибири хранится не менее 9 мисюрок, однако ни одна из них не может быть уверенно отнесена к числу русских предметов вооружения. Скорее всего, мисюрки русских служилых в Зауралье, как и их аналоги из Европейской России, Средней и Центральной Азии, состояли из уплощенного или полусферического «наплешника» и кольчатой бармицы, прикрывавшей шею и верхнюю часть лица воина.

Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что состав боевых наголовий, применявшихся служилыми людьми в Сибири в конце XVI–XVII вв., был весьма представительен и разнообразен. Традиционные русские «шишаки», «шеломы» и мисюрки соседствовали со шлемами центрально- и западноевропейского образца. Отличительной особенностью боевых наголовий сибирских служилых, по сравнению с русскими воинами европейской части страны, было использование клепаных шорских, ойратских, кыргызских и бурятских шлемов, выполненных в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции.

Список сокращений

АКМ – Ачинский краеведческий музей.

ЕКМ – Енисейский краеведческий музей.

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири, Томский государственный университет.

МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова.

МИРБ – Музей истории Республики Бурятия.

ММШ РБ – Музей Мондинской средней общеобразовательной школы Тункинского района Республики Бурятия.

ОПМК – Оружейная Палата Московского Кремля.

УрФУ – Уральский федеральный университет.

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей.

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН». Публикация осуществлена в рамках Задания № 2014/139 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

² Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. Гос. ун-т, 2012; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. СПб.: Нестор-История, 2013.

³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 51–62.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2010. С. 335.

⁶ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 59.

⁷ Пузанов В.Д. Указ. соч. С. 123.

⁸ Багрин Е.А. Указ. соч. С. 121.

⁹ Там же.

¹⁰ Бобров Л.А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI–XVII вв.) // Para-Bellum. Военно-ист. журн. 2006. № 26. С. 77–98; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 54–57.

¹¹ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 54.

¹² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008. С. 463, 464.

¹³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 110, 111.

¹⁴ Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края // Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Гос. ун-та, 2002. С. 92, 93.

¹⁵ Там же. С. 95, рис. 1, 10.

- ¹⁶ Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С. 93.
- ¹⁷ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 77. С. 151, 158; Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края. С. 92–94.
- ¹⁸ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ¹⁹ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000. С. 315–332.
- ²⁰ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметьева. СПб., 1895. Табл. VI, рис. 180–182; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²¹ Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы. 2006. № 5. С. 29; Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. 1. СПб.: Атлант, 2009. С. 126.
- ²² Ленц Э. Указ. соч. Табл. VI, рис. 181; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²³ Ленц Э. Указ. соч. Табл. VI, рис. 181; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²⁴ Ефимов С.В., Рымша С.С. Указ. соч. С. 126–128, 130, 134, 135.
- ²⁵ Зыков А.П., Манькова И.Л. Указ. соч. С. 323–329.
- ²⁶ Сохранился только левый нашечник.
- ²⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 416–478; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.; Бобров Л.А., Мясников В.Ю. Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестник НГУ. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 5. С. 235–244; Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 106–120.
- ²⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 416–478.

А.Е. Богданов, М.А. Анипченко (Санкт-Петербург)

СИМВОЛИКА ДЕКОРА БРАУНШВЕЙГСКОГО ДОСПЕХА В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ РЕФОРМАЦИИ

В 1485 г. Самуэль Крихель (Samuel Kriechel) написал о своем визите в Брауншвейг: «В названном городе изготавливается множество оружия и доспехов, таких как защитные доспехи, стрелы и шпоры». Сегодня эти доспехи, представляющие собой выдающиеся произведения искусства и ремесла, пройдя долгий и сложный путь, экспонируются в виднейших музеях мира и служат великолепным памятником времени своего создания.

Брауншвейгскими доспехами традиционно называется довольно узкая и крайне интересная группа доспехов, созданная на пике развития мастерства оружейников, работавших по заказам двора герцогов Брауншвейгских. Этот период приходится на вторую и третью четверть XVI столетия.

Чем так замечательны доспехи брауншвейгской группы? Прежде всего, своим исключительным качеством и художественной ценностью. Декор брауншвейгских доспехов без всякого преувеличения можно назвать настоящим словарем ренессансной символики. Растительный и гротескный орнамент взят из гравюр Виргилиуса Солиса и Корнелиса Боса, а фигуративные композиции созданы на сюжеты из античной мифологии, Библии или обращаются к средневековым легендам и рыцарским романам.

Столь широкий круг сюжетов, сочетающихся в свою очередь с множеством гротесков, делает подчас крайне сложными поиски символического значения, которое могли нести эти композиции. Тем не менее, встречаем примеры, когда можно уловить явную связь между сюжетами, которые в рамках одного доспеха представляют некую сложную иконографическую программу.

С другой стороны, начиная изучение брауншвейгских доспехов и приступая к анализу их декоративного убранства, необходимо в первую очередь обратиться ко времени, когда они были созданы. В этом случае для нас важна не только общая историческая канва, но и конкретные события, происходившие в Брауншвейге и всей империи середины XVI в., а также знаковые события в жизни самих герцогов Брауншвейгских.

XVI век, ставший эпохой расцвета парадного доспеха, привнес в декор многофигурные композиции. Нередко кираса доспеха представляет собой поле для одной большой гравированной композиции. Немецкий доспех предоставляет нам огромное разнообразие религиозных сюжетов в декоре. Именно его пример позволяет в большей степени говорить о продолжении давней традиции предназначения декора как мистической защиты владельца. Ряд устоявшихся сюжетов характерен именно для немецкого защитного вооружения – они переходят с доспеха на доспех без каких-либо значительных изменений. Это распятие с предстоящим, так называемый иконографический тип «сияющая Мадонна», изображения святых, которые покровительствовали рыцарству – Георгия, Себастьяна и Христофора.

Подобные распространенные иконографические типы мы можем встретить и в брауншвейгских доспехах, однако, как отмечено выше, они предоставляют нам и множество сюжетов из Ветхого и Нового Заветов, а также легендарные сюжеты, пользовавшиеся популярностью со времен средневековья.

Одной из характерных особенностей декора брауншвейгских доспехов является небольшое изображение в медальоне на кирасе. В нем заключена ветхозаветная композиция с Даниилом во рву львином. Медальон обрамляет надпись. Под медальоном расположено сердце, рукопожатие с пламенем и буквы (инициалы) «Н» и «I». Такой медальон выгравирован на кирасе доспеха из коллекции Государственного Эрмитажа¹.

Посередине кирасы доспеха расположена фигура младенца-Христа с державой и крестом, которая символизирует Спасение. Исходя из ключевого положения этой фигуры, мы можем предположить, что декор данного доспеха можно отнести к новозаветной тематике, учитывая центральное место фигуры младенца-Христа. С двух сторон ее окружают гротески – сфинксы и аллегорические фигуры античных воинов. Сцена охоты наверху кирасы является

ничем иным, как иллюстрацией к античному мифу о Диане и Актеоне. В одной сцене совмещаются сразу несколько разнесенных во времени эпизодов. Слева Диана, купающаяся в окружении нимф, и случайно заставший их Актеон, правее он уже превращен богиней в оленя, и собаки преследуют его. Это сцена будет в точности повторяться еще на нескольких доспехах.

В качестве сравнения интересно привести брауншвейгский доспех из коллекции Мемориальной Художественной галереи университета Рочестера². По своей форме, конструкции и построению декора он идентичен с эрмитажным, различна лишь иконографическая программа. Декор доспеха из Рочестера явно ориентирован на ветхозаветную тематику. На его кирасе также есть медальон с пророком Даниилом, однако, на этот раз он приобретает круглую форму, тогда как медальон на эрмитажном доспехе имеет форму квадрифолия.

На передней части кирасы по центру находится композиция из двух фигур, которая подобно младенцу-Христу в декоре эрмитажного доспеха, является неким смысловым ядром композиции. В данном случае это не слишком распространенный сюжет – Иоав целует и одновременно поражает мечом Амессая. Выбор такой нетипичной композиции чрезвычайно интересен для нас, учитывая ее доминирующее расположение на доспехе. Для раскрытия этого сюжета нам необходимо обратиться в ветхозаветной истории.

Иоав – библейский военачальник царя Давида. Он был сыном сестры Давида, Саруи и в скором времени стал сподвижником своего дяди. Иоав отличился при взятии Иерусалима и стал начальником войска царя. Как и Давид, Иоав был причастен к убийству Урии (храбрый воин и муж Вирсавии), ему было поручено исчисление народа. Иоав не принял участие в восстании Авессалом и остался верен Давиду, но, нарушив приказ царя, убил его сына. После этого Давид назначил своим главным военачальником Амессая, которого он помиловал после восстания. Во время подавления восстания Савея Амессай не проявил должной расторопности, и при первой возможности его коварно убивает Иоав.

«Иоав был одет в воинское одеяние свое и препоясан мечом, который висел при бедре в ножнах и который легко выходил из них и входил. И сказал Иоав Амессаю: здоров ли ты, брат мой? И взял Иоав правою рукою Амессая за бороду, чтобы поцеловать его. Амессай же не остерегся меча, бывшего в руке Иоава, и тот поразил

его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему удара, и он умер. Иоав и Авесса, брат его, погнались за Савеем, сыном Бихри»³.

Таким образом, мы имеем сцену в ее драматической кульминации. Один из самых талантливых полководцев своего времени идет на расчетливое и, по сути, бесчестное убийство соперника.

Наверху кирасы, где на эрмитажном доспехе располагается сцена охоты, размещаются две композиции, объединенные единым полем. Действие разворачивается на фоне травы и деревьев, которые создают пейзаж, как и в сцене охоты. Справа Каин убивает Авеля, а слева Исаак готовится к жертвоприношению Авраама. По степени драматического напряжения выбранные сюжеты в полной мере соответствуют ключевой композиции только с той разницей, что жертвоприношение Авраама имело счастливый конец, и ангел уже готовится выбить нож из рук Исаака. Остальное пространство занято растительным декором, гротесками и аллегорическими фигурами.

Со стороны спины на кирасе также размещены сюжетные композиции. Наверху все также среди деревьев, цветов и животных разворачивается история прародителей. Справа – сотворение Евы. Слева они сидят у древа познания, и Ева уже приняла запретный плод от искусителя.

Ниже, следуя изгибам конструкции, располагаются две гротескные птицы и полоса декора посреди кирасы, в которую вписана фигура Самсона, разрывающего пасть льву и аллегорическая фигура ниже.

Особое внимание хочется уделить потрясающим гротескам, которые изящно обрамляют композиции и эффектно подчеркивают конструктивные элементы. Гротески в этом доспехе словно выполняют ту же функцию, что и дролеры на страницах средневековых манускриптов, и не просто рыцарских романов или хроник, а самого Священного Писания, когда после вдумчивого чтения взгляд читателя развлекали подобные изображения. Почти тот же самый эффект достигается и здесь, когда одни из самых сложных и драматичных моментов ветхозаветной истории сочетаются с изображениями фантастических птиц, пожирающих друг друга змей, голов, увенчанных папской тиарой. Без сомнения, такое соседство высокого и низкого, духовного и несущего сугубо развлекательную функцию было характерно еще для средневековой культуры и

впоследствии никуда не ушло. По краю декорированной поверхности, как и на эрмитажном доспехе, изображена имитация жемчужной нити. На шлеме доспеха выгравирована сцена охоты – гончие преследуют зайцев.

Примером совмещения самых различных сюжетов и мотивов является доспех из экспозиции Рыцарского зала Эрмитажа⁴. Что касается характера декора и его исполнения, этот доспех, без сомнения, можно считать одним из шедевров брауншвейгских мастеров.

Доспех лишен характерного медальона, однако посередине кирасы помещена композиция с распятием и предстоящим – один из самых популярных мотивов декора немецких доспехов того времени. Скорее всего, изначально в этом сюжете фигура предстоящего отождествлялась с самим заказчиком, который молил Господа о покровительстве. В пользу этого говорит и надпись ниже – «GOTTS GNADEN MIR GROS», что означает «Смилиуйся надо мной, Господь Всемогущий».

Верхнее поле декоративно отделено характерной для этих доспехов «жемчужной лентой». Наверху кирасы, где, как правило, располагалась сцена охоты, на этот раз помещается изображение некой процессии.

На спине кирасы помещена композиция с битвой, в которой участвуют конные и пешие воины, сражающиеся на мечах и стреляющие из луков. По надписи справа, напоминающей EXODUM, логично предположить, что сюжет восходит к Ветхому Завету, книге Исход, главе 17, в которой Иисус Навин одерживает победу над Амаликитянами.

На наплечнике изображен Геракл с палицей, побеждающий гидру. Пожалуй, это один из самых характерных античных сюжетов в декоре доспеха XVI в., особенно популярен он был в Италии, о чем свидетельствует множество подобных изображений Геракла на доспехах почетной стражи Медичи, которые также хранятся в собрании Эрмитажа. Античные реминисценции, однако, на этом не заканчиваются, они вплетены в гротескный орнамент, представляя собой фигуры античных воинов, классические доспехи или мифологических существ.

На гребне шлема располагается все та же сцена охоты с гончими.

Но особый интерес представляет композиция из трех фигур, расположенная под ветхозаветной сценой на спине кирасы. Три фигуры в античных доспехах, а под ними надпись «ARTUS

CARLUS GOTTERIT». Здесь мы впервые сталкиваемся с крайне интересным и малоизученным сюжетом о девяти мужах славы.

Легенда о девяти мужах славы – достойнейших из когда-либо живших – пользовалась огромной популярностью в средневековье и Ренессанс. Девять достойнейших включают трех античных героев (Александр Македонский, Юлий Цезарь и Гектор Троянский), трех ветхозаветных (царь Давид, Иисус Навин и Иуда Маккавей) и трех христианских рыцарей (Карл Великий, Готфрид Бульонский и король Артур).

Первое письменное упоминание об этой девятке относится к раннему XIV в., к произведению Жака де Лонгбона «Клятва павлина». Позднее культ девяти героев упоминается у Эсташа Дешана, Чосера и даже Шекспира. Все персонажи предельно мифологизированы и связаны с рыцарскими романами, в которых они часто являлись протагонистами. Все девять героев были удостоены сочинения собственной геральдики.

Каждый муж в отдельности и все вместе манифестировали вне-временные рыцарские добродетели.

Во многом изображения девяти героев в декоре доспеха можно соотнести с тенденцией уподобления себя героям древности или легендарным личностям, образцам доблести, идеалам.

Легенда о девяти мужах славы является лейтмотивом декора брауншвейгского доспеха, датированного 1549 г.⁵

Посередине кирасы в вертикальном поле, заполненном растительным орнаментом, находится фигура, подписанная DAVID. В отличие от предыдущего доспеха, здесь фигура занимает центральное место, как композиция с Распятием или младенец-Христос на эрмитажных доспехах. Изображение детально проработано, ветхозаветный царь представлен со своим атрибутом – арфой, которая также является самой характерной частью его иконографии как одного из девяти мужей славы. Две боковых полосы заполнены тем же растительным орнаментом с фигурками путти. Верхнее поле на этот раз не содержит привычной сцены охоты. Путти в античных доспехах держат поле с надписью «WAS GOT GIBT HILFT KEIN NIET WAS GOT NICHT GIBT HILFT KEIN ARBEIT» («То, что дал Бог никто не заберет, что Бог не дал нельзя получить»).

Над надписью находится небольшое крылатое сердце. На спине кирасы находятся изображения трех фигур, подписанные как HECTOR VA DROY, GROS ALEXANDER, IULIUS CESAR.

Это трое античных героев из легенды о девяти мужах славы. Все фигуры представлены с характерными геральдическими знаками на щитах и облачены в стилизованные доспехи (рис. 1). Без сомнения, эти изображения имеют источник в немецкой гравюре того времени. Самыми близкими по трактовке фигур, облачения и характерных атрибутов являются гравюры Ганса Бургкмайра, созданные в 1516–1519 гг. и хранящиеся в Британском музее (рис. 2). Во многом в пользу этой версии говорит даже положение фигур. На гравюре Бургкмайра Александр Великий посередине, Гектор с Цезарем обращены к нему. То же мы видим и на кирасе, хотя фигуры разнесены в три разных поля, заполненных орнаментом. Сохраняется и верный порядок фигур слева направо – Гектор Троянский, Александр Великий и Юлий Цезарь. Позы, головные уборы и положение щитов с гербами несколько изменены, однако это является вполне обычным при использовании гравюры в качестве источника для декора на доспехе.

Доспех 1560–1565 гг. можно назвать одним из самых эффектных образцов брауншвейгского доспеха⁶. Стоит отметить, что доспех прекрасно отреставрирован и дает возможность представить,

Рис. 1

как выглядели остальные, потому что на нем восставлено характерное черчение.

Как и на доспехе из коллекции Эрмитажа, на его кирасе расположен медальон с Даниилом во рву львином и фразой вокруг «ACH GOT BEWAR NIT MER DAN LEIB SELEN GUT UND ERRE».

Данный доспех поражает в первую очередь исключительным качеством своего декора, сюжетом для которого явились образы из античной мифологии и аллегорические фигуры. Характер гравированных изображений сильно отличается от всех остальных

Рис. 2

образцов брауншвейгских доспехов. Фигуративные композиции и орнамент не только великолепно и детально проработаны, но также имеют светотень и динамику. Обнаженные фигуры своей эстетикой отвечают духу позднего Ренессанса и даже заключают в своих вытянутых и динамичных формах налет маньеризма.

Весь декор этого доспеха целиком посвящен античной тематике, подобно тому, как предыдущий доспех был всецело посвящен легенде о девяти мужах славы. В обоих случаях сюжеты вплетены в гротескный орнамент, изобилующий мифическими зооморфными существами и аллегорическими фигурами, которые утрачивают свое значение.

Таким образом, иконографическая программа декора охватывала как античные мифологические, так и библейские и легендарные сюжеты, однако необходимо более подробно остановиться на символах, изображенных на левой стороне нагрудников большинства доспехов – розетке с пророком Даниилом и монограммой (рис. 3).

Рис. 3

Доспехи данного стиля производились в Брауншвейге достаточно долго и предназначены были, судя по характерным особенностям, не только для знати, но и для менее состоятельных владельцев, имели разную декорировку и комплектацию. Таким образом, мастерские, производившие их, служили источником снаряжения не только для ближайшего окружения герцога, а общее количество доспехов значительно превышало количество доспехов, до нас

дошедших. В ряде случаев даже простые комплексы несут на себе изображение розетки со св. Даниилом, а многие богато украшенные, например доспех из Рыцарского зала, не имеют розетки и монограммы на груди. При этом розетка не всегда сопровождается монограммой, что позволяет впервые высказать тезис о неодновременном нанесении розетки и монограммы, а также, вслед за Больманом, усомниться в том, что розетка и монограмма были нанесены на нагрудник сразу после создания доспеха.

Так или иначе, мотивы нанесения розетки и монограммы напрямую никак не объясняются в синхронных времени создания доспеха источниках, а полемика вокруг смысла изображений и обрамляющей надписи и составляет ядро научной дискуссии о доспехах данной группы.

Для того чтобы разобраться с хронологией их появления, необходимо обратиться к соответствующим страницам истории. Изображения тесно связаны с борьбой протестантской и католической партий на севере империи, а также с биографиями герцогов Брауншвейгских, в придворных мастерских которых они были сделаны.

Старшим был герцог Генрих Юный, известный как ярый противник Лютера и его учения и последний властитель-католик на севере империи. Ведя на протяжении всей своей жизни трудную борьбу с протестантами в собственных землях, а также будучи главой католической партии в масштабах всей империи, Генрих старался воспитать в своих сыновьях схожие взгляды и качества.

Его младший сын, Юлий Брауншвейгский, в отличие от двух старших, не оправдал надежд отца – инвалид с детства, он не получил военного образования и был в дальнейшем определен для духовной карьеры. Вопреки общей ориентации своего семейства, рано начал проявлять симпатии к протестантизму, а также к светским знаниям. Учился в Бурже, а затем в Лёвене в 1550–1552 гг.

В 1542 г. он получил должность каноника в Кёльне. В 1553 г. он стал постулируемым (но не утвержденным папой) епископом в Миндене.

В 1553 г. произошло непоправимое. В битве при Зиферхаузене пали оба сына-католика Генриха Юного, вышедшие на поле битвы против войск протестантов вместе со своим отцом. В итоге наследником герцога стал слабый физически и нелюбимый отцом младший сын, победа над единоверцами которого только что была одержана ценой жизни двух его братьев.

Генрих приложил все усилия, чтобы Юлий не унаследовал его титул и земли – сначала хотел легитимизировать своего внебрачного сына от Евы фон Трон, Айтеля Хайнриха фон Кирхберга, потом – вступил во второй брак.

Юлий, ставший к этому времени открытым протестантом, вынужден был бежать от своего отца в Кюстрин к своей сестре Катарине и ее мужу, маркграфу Йоханну Бранденбургскому. 25 февраля 1560 г. Юлий обручился с его дочерью Едвигой (Hedwig), дочерью Йоахима II, курфюрста Бранденбургского. Отец Юлия, будучи ярым католиком, едва ли одобрял протестантский брак своего сына и, сославшись на слабость здоровья («Leibesschwachheit»), не поехал на свадьбу, послав вместо себя трех представителей. Он передал сыну отдаленные замки Шладен и Хессен.

Однако когда стало понятно, что второй брак Генриха останется бездетным, его поведение начинает меняться. Нам известны две медали – выпущенная в 1562 г. золотая медаль с девизом и профилем Генриха Юного и выпущенная в 1563 г. с профилем герцога Юлия, посвященные, как считает фон Рор, примирению герцога

Юлия и его отца. Когда 15 октября 1564 г. у Юлия родился сын, названный Генрихом Юлием (!), дед радостно приветствовал его – к этому времени их примирение уже, вероятно, состоялось.

11 июня 1568 г. герцог Генрих умер, Юлий же стал его полноправным наследником. Он немедленно провел в своем княжестве долгожданную Реформацию, которая к тому времени и так уже давно утвердилась в крупнейших городах.

Точное время и форма примирения не отражены в источниках, однако, вслед за фон Рором, можно предположить, что оно произошло между 1560-м и 1562 гг., в промежуток между свадьбой Юлия и выпуском золотых медалей.

Разумно предположить, что именно поддержка маркграфа Бранденбургского и заключение с ним союза, скрепленного браком с его дочерью Едвигой, помогли Юлию укрепить свои позиции в отношениях с отцом. Окруженный протестантами и лишившийся наследников, не желая делать свои семейные владения предметом споров и притязаний, Генрих был вынужден примириться с сыном – протестантом, предпочтя таким образом родственные узы конфессиональным.

Именно эти события, на наш взгляд, и послужили причиной нанесения на нагрудники доспехов указанных изображений и надписи.

Расшифровку этой надписи, не говоря ничего об ее значении, в своей работе приводит Больман: «ACH-HER-MEIN-GOT-BEHVT-MICH-NICHT-MER-DAN-SEL-ERE-VND-LEIB-IVLIVS-H-Z-B-V-L». Больман не дает объяснения фразы, однако ее содержание можно приблизительно перевести так: «Ах, Господь, не укрывай меня тогда более тогда душу честь и жизнь IVLIVS-H-Z-B-V-L». Последняя часть фразы верно расшифрована как «Iulius Herzog zu Braunschweig und Lueneburg» – «Юлий, герцог Брауншвейга и Люнебурга». Монограмму, находящуюся под четырехугольной розеткой, Больман связывает с именами герцога Юлия и его жены Едвиги (Hedwig)⁷, свадьба которых сопровождалась турниром с копейными сшибками и пешими поединками. Больман придерживается точки зрения, что доспехи, снабженные розеткой и монограммой, были специально изготовлены для этого турнира или незадолго до него и служили парадным снаряжением его участников. На первый взгляд такая версия кажется правдоподобной: связанные линиями и рукопожатием инициалы новобрачных, сердце, увенчанное

коронай по центру – все это действительно может показаться брачной символикой, однако эта версия вызывает много вопросов: существует множество доспехов, имеющих на груди розетку, но не несущих на себе монограмму. Впрочем, розетка с девизом могла наноситься, по традиции, и после свадебного турнира.

Также существует доспех, несущий на себе дату «1549», снабженный при этом и розеткой, и монограммой, что, несомненно, делает версию Большана о производстве самих доспехов к свадьбе 1560 г. неправдоподобной – к свадьбе могли быть нанесены розетка и монограмма, но никак не изготовлен доспех, что утверждается Большаном. К тому же, как указано фон Рором, существуют два нагрудника, несущие на себе вместе с розеткой даты «1562» и «1563», что исключает возможность их изготовления к свадебному турниру.

Если принять, что монограмма действительно несет некую свадебную символику, то расположенная рядом с ней розетка ее начисто лишена: Даниил во рву львином, также как и обрамляющая розетку надпись, являются религиозными символами, никак не соотносящимися с темой свадьбы.

Фон Рор⁸ предлагает свою версию смысла и хронологии нанесения символов и сопутствующих этому событий: медальоны с Даниилом во рву львином и девизом герцога Юлия – это демонстрация примирения сына-протестанта с отцом-католиком и признание таким образом его наследственных прав.

Однако если принять эту трактовку, остается неясным, как протестантский символизм изображения св. Даниила и обрамляющей его надписи может сочетаться с примирением с отцом-католиком, ведь только после его смерти, уже при правлении Юлия, герцогский двор становится протестантским. К моменту, когда, по версии фон Рора, на нагрудники были нанесены изображения, мастерские принадлежали Генриху. В то же время, монограмма со скрещенными руками, вполне вероятно, может относиться именно к факту примирения отца и сына, что служит аргументом в пользу разного времени нанесения монограммы и розетки со св. Даниилом.

Даниил во рву львином – не самый распространенный в это время религиозный сюжет. Как известно, Даниил был брошен в ров ко львам за неподчинение религиозному эдикту персидского царя Дария или (согласно апокрифу) за то, что явился причиной

гибели священного дракона (змия), которого накормил не перевариваемым месивом из смолы, жира и волос. Пророк Аввакум был извещен ангелом (традиционно считается, что это архангел Михаил) о том, что случилось с Даниилом. Ангел отправил Аввакума взять пищу и затем, подняв его в воздух за волосы, отнес в львиный ров. Даниил увидел в этом знак того, что Бог не оставил его. Спустя семь дней царь вернулся и, найдя Даниила живым и невредимым, уверовал в силу еврейского Бога. Придворные, строившие козни против Даниила, сами были брошены ко львам, которые их тут же растерзали. Таким образом, Даниил избежал опасностей благодаря крепости своей веры.

На фоне противостояния на всем имперском пространстве протестантской и католической партии более понятной становится и смысл обрамляющей композицию со св. Даниилом надписи: «Ах, Господь, не укрывай меня тогда более тогда душу честь и жизнь IVLIVS-H-Z-B-V-L» – ее следует понимать как «Ах, Господь, <если отрекусь от истинной веры (евангелической)>, не защищай тогда более мою душу, честь, имущество и жизнь». Дополнительными красками начинает играть этот сюжет и в контексте истории самой герцогской семьи: сюжет о гонимом за свою веру, но выстоявшем благодаря своей твердости в ней св. Данииле имеет достаточно явные параллели с биографией самого Юлия, гонимого за свои убеждения, но в конце концов благодаря своей твердости и поддержке единоверцев одержавшего убедительную победу.

Таким образом, представляется вероятным, что обрамленный надписью медальон появился в период правления самого Юлия, т. е. после 1568 г., на бывших уже долгое время в употреблении доспехах, а также, надо полагать, наносился и на вновь создаваемые в герцогской мастерской.

Что касается других изображений, то рукопожатие, как верно отмечено фон Рором, может символизировать собой и вновь обретенную дружбу, а увенчанное короной сердце – и братскую, и божественную любовь. Примером тому может послужить, например, герб Мартина Лютера, который сделал сердце в кресте центральной фигурой своего духовного герба.

Версию же Большана о том, что доспехи были украшены к свадебному турниру, стоит отвергнуть. К тому времени примирение старшего и младшего герцогов еще не состоялось, поэтому маловероятно, что доспехи сподвижников отца были украшены по случаю

свадьбы нелюбимого сына, особенно учитывая, что сам Генрих решил не присутствовать на ней.

Отнести нанесение монограммы ко времени примирения отца с сыном было бы также неверно – носившее скорее вынужденный характер, такое примирение не могло стать причиной нанесения на доспех выраженной протестантской символики.

Таким образом, необходимо признать неверной расшифровку инициалов «I» и «H» как «Iulius» и «Heinrich» (Юлий и Генрих) или «Iulius» и «Hedwig» (Юлий и Едвига), как это предполагает Больман. Наиболее верным представляется вариант «Herzog Iulius», а время нанесения монограммы и розетки на доспех отодвигается на время, позже 1568 г. – время правления герцога Юлия, когда Брауншвейг окончательно стал протестантским.

---

¹ Государственный Эрмитаж. З. О. 3086.

² Brunswick armour, 1562, Memorial Art Gallery, University of Rochester.

³ 2 Цар 20:1-26.

⁴ Государственный Эрмитаж. З. О. 3935.

⁵ North German Field Armour, Brunswick, circa 1662-63 // Peter Finer Catalogue. London, 2002.

⁶ North German Field Armour, circa 1560-5 // Peter Finer Catalogue. London, 2011.

⁷ Festschrift Paul Zimmermann, R. Bohlmann. Die Zeichen oder Monogramme des Herzogs Julius von Braunschweig. Brunswick, 1914. S. 255–262.

⁸ Waffen und Kostuemkunde. Zeitschrift der Gesellschaft fuer historische Waffen- und Kostuemkunde. 30. Band. Jahrgang 1988. S. 103–128. H. 1, 2; Alheidis v. Rohr. Die Braunschweigischen Prunkharnischen des Herzog Julius. Verlag August Lax, Hildesheim.

А.В. Бодров (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИТАЛИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К АКИЗВЕСТНО, уже в первые месяцы Великой войны Россия столкнулась с острой нехваткой военных материалов, винтовок, патронов, артиллерийских орудий и снарядов. В декабре 1914 г. проблема была признана на высшем уровне, и Россия официально обратилась за помощью к своим союзникам, а также стала искать возможности размещения военных заказов в нейтральных странах¹. Италия, наряду с Великобританией, Францией, США и Японией, входила в пятерку стран, с которыми военнотехническое сотрудничество России в годы войны оказалось наиболее масштабным. При этом российско-итальянские военнотехнические связи остаются, пожалуй, наименее изученными.

Как отмечает А.В. Черников, итальянская дипломатия придавала большое значение отношениям с Российской империей, рассчитывая на эффективную военную помощь против Австро-Венгрии. Однако, по оценке исследователя, русско-итальянское сотрудничество не было в полном смысле стратегическим и почти всегда диктовалось сиюминутными интересами двух государств². В силу близости Италии к Великобритании, противоречия с которой со всей вероятностью должны были обостриться после окончания войны, Италия не воспринималась Петроградом как надежный союзник. К этому добавлялись противоречия России и Италии на Балканах, а также фактор итало-французских отношений, которые также были далеки от идеальных. Тем не менее, важно отметить, что в условиях тяжелейшей кампании на Восточном фронте 1915 г. русская армия получила реальную, пусть и ограниченную, помощь именно от Италии. Именно начатое Италией в июне 1915 г. второе

наступление на р. Изонцо заставило Австро-Венгрию перебросить с русского фронта 8–10 дивизий.

Другой важной стороной сотрудничества с Италией, несмотря на ее относительную экономическую слабость, стало использование промышленной базы страны для выполнения русских военных заказов. Именно на этом аспекте русско-итальянских отношений военных лет и хочется остановиться подробнее.

Вступление в мае 1915 г. Италии в войну на стороне Антанты открыло для России новый перспективный рынок, тем более значимый, что промышленность Великобритании, Франции и США оказалась к этому моменту в значительной мере военными заказами загруженной. Однако очень острой оставалась проблема финансирования русских заказов на нужды обороны за рубежом. Объем российских зарубежных государственных активов был невелик, что почти сразу же заставило Министерство финансов открыть переговоры с Великобританией о предоставлении крупного займа. С октября 1915 г., когда вступили в силу крупные финансовые соглашения с Англией и Францией на ежемесячное выделение 25 млн. ф. ст. и 125 млн. фр. соответственно, ситуация с финансовым обеспечением российских зарубежных заказов стабилизировалась.

Именно из средств английского займа планировались платежи по первым трем крупным заказам, размещенным Главным военнотехническим управлением (ГВТУ), на производство на заводах «Фиат» в общей сложности 2000 грузовиков на общую сумму в 52,5 млн. франков. Первый из заказов был датирован 21 декабря 1915 г., второй – 11 февраля 1916 г., третий – 11 марта 1916 г. Однако эти контракты не могли вступить в силу без согласия англичан, которые давать его не спешили. Журнал Особого совещания Совета министров констатировал, что «ход производимых нами за границей заготовлений не может считаться сколько-нибудь успешным», а Великобритания, регулярно срывая сроки поставок, «до крайности ревниво относится к размещению заказов на иных, помимо английского, рынках и с явную неохоту снабжает нас потребною для сего валютою»³.

Поэтому в марте 1916 г. Россия начинает последовательно готовить проекты получения отдельных займов у Японии и Италии, которые могли бы открыть дорогу полномасштабным долгосрочным программам российских военных заказов в этих странах.

В случае с Италией дополнительным стимулом стала выяснившаяся тогда же непригодность для использования на Восточном фронте заказанных ранее в Англии автомобилей. Как отмечалось в этой связи начальником ГВТУ генерал-лейтенантом Г.Г. Милеантом, «автомобили Фиат ... являются наиболее приспособленными и выносливыми машинами для службы на фронте»⁴. В этом он мог опираться на мнение не только военного агента в Риме князя А.М. Волконского, но и оценку как раз тогда же вернувшегося из Италии приемщика ГВТУ подполковника А.А. Крживицкого. Волконский, со своей стороны, отмечал, что «итальянская промышленность крайне заинтересована в обеспечении себя долгосрочными заказами, которые позволили бы ей увеличить свое оборудование в больших объемах»⁵. Так в конце мая 1916 г. в Петрограде созрело решение разместить на итальянских заводах крупный заказ на автомобили (до 8500 штук) и открыть в Италии под него крупный кредит в дефицитных лирах.

Неофициально проведенные в Риме переговоры члена Совета Русско-Азиатского банка Николая Рафаловича выявили заинтересованность в сотрудничестве с Россией второго по величине частного итальянского банка «Кредито Италиано», который пользовался вдобавок поддержкой правительства и общественного мнения в противовес своему крупнейшему конкуренту – известному своим «герmanoфильством» «Банка Коммерциале». Мотивы, толкавшие итальянских банкиров к заключению финансовой сделки с Петроградом, заключались в (1) наличии значительных объемов свободных средств; (2) тесной связи банков с заводами, развитие которых напрямую зависело от крупных и долгосрочных заказов; (3) устранении невыгодного для самой Италии посредничества французов и англичан в деле размещения русских заказов и стремлении вступить в деловые отношения с Россией напрямую. Наконец, немаловажным был и фактор соперничества «Кредито Италиано» с «Банка Коммерциале» в борьбе за лидерство на финансовом рынке Италии. Немаловажно, что «Кредито Италиано» брал на себя все вопросы согласования проектируемой сделки с итальянским правительством и государственным «Банка д'Италия».

Российский посол в Риме М.Н. Гирс также поддержал мнение Рафаловича о том, что заключение сделки по получению подобного крупного займа в Италии должно было заложить основы для российско-итальянских торговых и промышленных связей

и после окончания войны. Финансовая сделка должна была положительно отразиться и на текущей политике, выдвинув на первый план в противовес многочисленным противоречиям взаимную заинтересованность в развитии экономических связей⁶.

Российское посольство в Риме решило действовать через частные банки еще и по той причине, что масштаб российских потребностей мог напугать итальянское правительство, стремившееся сохранить в своих руках все ресурсы страны. Кроме того, как отмечал М.Н. Гирс, официальный Рим в любом случае счел бы «свое согласие за чрезвычайно большую уступку нам»⁷. Обращение напрямую за средствами к итальянскому казначейству затруднило бы и без того нелегкую деятельность российских военных представителей в Италии, вынужденных конкурировать в деле размещения заказов с их английскими и французскими визави, у которых было огромное преимущество уже в том, что займов на покрытие заказов они у итальянцев не просили.

Итальянское правительство действительно отнеслось к проекту Рафаловича положительно и даже взяло на себя процесс ведения переговоров с итальянскими фирмами, что сразу позволило снизить выдвигавшиеся теми цены. Генерал Милеант побуждал как можно скорее подписать соглашение о займе, поскольку в противном случае «мы можем лишиться возможности разместить заказы в Италии в желательные для нас сроки и по сравнительно сниженным ценам»⁸. При этом все упиралось в сведения о наличии валюты, без которой не только было невозможно разместить заказы на ходовую часть за границей, но и организовать изготовление кузовов под них в самой России.

К концу июня (по н. ст.) 1916 г. финансовые соглашения на общую сумму в 210 млн. лир, которыми должна была обеспечиваться постоянно расширявшаяся программа военных заказов в Италии, были Н. Рафаловичем подготовлены. Однако подписание Петроградом постоянно затягивалось. Отвечавшему за автомобильные заказы штабс-капитану П.П. Шостаковскому пришлось подписать условно проект договора с «Фиатом» 16/29 сентября 1916 г. без официальной санкции Министерства финансов на оформление займа. Возникла парадоксальная ситуация. Столь заинтересованные в скорейшем получении автомобилей и авиационных моторов российские власти медлили с окончательным решением, тогда как «Фиат», взяв на себя обязательство поставить максимально

возможное количество грузовиков до закрытия навигации до Архангельска, успел к этому моменту сдать 500 грузовиков общей стоимостью в 10 млн. лир.

Итоговые финансовые соглашения после санкции Петрограда были подписаны Рафаловичем лишь в начале октября 1916 г.: первое, на 110 млн. лир с группой итальянских банков во главе с «Кредито Италиано», второе – непосредственно с «Фиат» на сумму до 140 млн. Эти кредиты предназначались исключительно на оплату производства в Италии автомобилей и авиамоторов. Программа заказов охватила к этому моменту 3095 3-тонных грузовиков, 5455 1,5–2-тонных и 255 легковых автомобилей на общую сумму 198,25 млн. лир, а также 1250 авиамоторов на сумму 34,5 млн. лир. Около 10 % всего кредита (20 млн. лир) шло упаковку, хранение, перевозку и прочие накладные расходы, оставаясь в распоряжении военного агента в Риме⁹.

Но даже после подписания соглашения русские банки продолжали выдвигать все новые требования по проведению финансовой операции, несмотря на то, что с момента начала переговоров, как с негодованием подчеркивал в секретной телеграмме начальнику Генштаба Волконский, прошло 4 месяца. Это разительно контрастировало с отношением к выполнению договоров со стороны итальянских заводов, «принимающих наши заказы как дело обороны» и осуществляющих поставки с опережением графика. Российскими военными представителями уже было получено порядка 700 автогрузов, а долг перед «Фиатом» вырос до 14 млн. лир. Волконский резюмировал: «...сложнейшая совокупность соглашений с банками, заводами и итальянским правительством ... была реализована отчасти из личного доверия к Рафаловичу, Шостаковскому и мне», и это доверие нельзя было подрывать в свете обсуждавшегося нового кредита для крупного заказа на поставку полевых пушек фирмой «Ансальдо»¹⁰. Военным агентом дополнительно отмечалось, что «итальянцы проявляют при приемке наивысшую добросовестность, не делая различия между своими и нашими заказами»¹¹.

В начале ноября 1916 г. Н. Рафалович достиг принципиальной договоренности на получение нового кредита на сумму 65 млн. лир, на сей раз с итальянской финансовой группой во главе с «Банка Италияно ди Сконтто». Эти деньги должны были пойти на оплату производства фирмой «Ансальдо» 50 батарей (изначально 31-й) 42-линейных пушек¹². Впрочем, контракт с «Ансальдо» Петроград

санкционировать тоже не спешил, что лишило А.М. Волконского возможности уговорить итальянцев срочно уступить те батареи, что «Ансальдо» произвел в январе – марте для собственного военного ведомства. Причины, вероятно, были в установленных итальянцами ценах. Как писал начальнику Главного артиллерийского управления А.А. Маниковскому представитель русской армии в Военном совете союзных армий генерал Ф.Ф. Палицын, по его расчетам выходило, что Шнейдеру российское правительство платило по 69 тыс. франков за пушку, а «Ансальдо» – по 300 тыс. Он призывал отказаться от контракта вовсе, ссылаясь на рост французских и английских поставок артиллерии¹³. Тем не менее, 4 января 1917 г. договор с «Ансальдо» был подписан.

В феврале 1917 г. началось стремительное падение итальянской лиры по отношению к основным европейским валютам. Итальянские производители обратились с просьбой пересмотреть заложенные в контрактах цены, чтобы компенсировать снижение курса на 25 %, утверждая, что закупка сырья по новым ценам делает дальнейшее производство по российским контрактам невыгодным. В противном случае выплата неустойки оказывалась более выгодным решением для ряда итальянских фирм, нежели исполнение контрактов в убыток. Однако Петроград справедливо увидел в подобных уступках опасный прецедент на будущее и предписал – не отвергая просьбы итальянских производителей в принципе – «сознательно обставить разного рода затруднениями» их удовлетворение, чтобы по факту спустить дело на тормозах¹⁴.

Несмотря на то что к началу 1917 г. отечественная промышленность достигла пика производства предметов военного снабжения, это не устраняло потребности в заказах за границей. В начале марта 1917 г. военный агент в Риме констатировал, что новые заявки от российских ведомств охватывают уже сумму свыше 800 млн. лир: на 470 млн. срочных артиллерийских заказов, на 250 млн. – автомобильных (новая программа ГВТУ), еще на 50 млн. – заказы Управления воздушного флота¹⁵. Это открывало вопрос о заключении очередного займа. Однако в ходе новой поездки в Италию Н. Рафаловича выяснилось, что в условиях падения курса лиры итальянское правительство от любых финансовых операций воздержится, даже если в их пользу будут высказываться промышленники и банкиры. Для наиболее срочного на тот момент заказа на крупнокалиберные снаряды на 275 млн. лир Италии требовалось

не менее 150 млн. лир в иностранной валюте для приобретения стали за границей, что можно было получить только у англичан или французов¹⁶. Против развития военных заказов в Италии говорила и трудность транспортировки морем произведенного здесь в Россию через Великобританию в Архангельск.

Однако развитие сотрудничества с Италией тормозил и существовавший в России порядок распределения и учета заграничных заказов. Вопросы финансирования русских заказов за рубежом и все кредитные операции относились к ведению Кредитной канцелярии Министерства финансов и его представительств за границей. Распределением предоставленных иностранных кредитов занималась Комиссия по распределению иностранной валюты (ВАЛКО) при Особом совещании по обороне государства, в апреле 1917 г. преобразованная в Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран).

Порядок расходования кредитов был следующим. Ведомство или какая-либо фирма, исходя из утвержденного плана заграничных поставок, сначала обращались за разрешением Валютной комиссии (Главзаграна) на размещение того или иного заказа. Получив такое разрешение, организация в виде талона вносила контрвалюту в рублях в Кредитную канцелярию Министерства финансов, а последняя телеграммой давала распоряжение произвести платежи своему заграничному представительству. Валютная комиссия, со своей стороны, извещала свой тот или иной заграничный Комитет о заказе и предоставленной сумме в иностранной валюте. Каждое такое извещение обозначалось особым номером Валютной комиссии. Заграничные комитеты, получая такие извещения, заключали контракты и оплачивали их. О факте выплаты Заграничные комитеты сообщали в Кредитную канцелярию, и по выплате всей суммы по контракту талоны возвращались в Валютную комиссию. С этого момента заказ считался оплаченным¹⁷.

Еще в начале ноября 1916 г. министр финансов П.Л. Барк предложил задействовать упрощенную схему проведения взаиморасчетов между ГВТУ, Валютной комиссией и российским военным представителем применительно к военным заказам в Италии¹⁸. Векселя российского казначейства, которыми оформлялись принятые на себя Петроградом обязательства, специальным кораблем отправлялись в Италию и предварительно размещались в генуэзском отделении Русского для Внешней Торговли Банка (РВТБ).

Оттуда они должны были поступать соответствующим итальянским банкам, а те – переводить средства на счета заводов. В ноябре же 1916 г. первая партия срочно отпечатанных векселей на сумму в 55 млн. лир была отправлена.

Однако пространная докладная записка, поданная в феврале 1917 г. на имя посла в Риме штабс-капитаном Шостаковским, ярко живописала сложившуюся к тому моменту тяжелую ситуацию с заказами в Италии. Шостаковский констатировал, что Военное министерство и Министерство финансов на протяжении полугода так и не смогли согласовать между собой адекватный механизм проведения взаимных расчетов с учетом особенностей военно-технического сотрудничества с Италией.

В частности, Валютная комиссия во главе с генералом Михельсоном продолжала настаивать на своей прерогативе предварительно подтверждать наличие валюты прежде размещения любого заказа в Италии. Это чрезвычайно осложняло деятельность российских представителей, ведущих оперативные и предметные переговоры по заказам. Технические параметры заказов должны были согласовываться с ведомством-заказчиком, а финансовые – с Валютной комиссией. Как отмечал Шостаковский, «происходившие и происходящие из-за такой двойственности решающей инстанции запоздания отражаются на ценах, сроках и вообще успехе наших заказов за границей самым неблагоприятным образом». «Сложная административная волокита», словами российского военного агента, требовала присуждения номера ВАЛКО в течение более 2 месяцев. Парадокс ситуации заключался в том, что в Италии к операциям по займу были привлечены частные инвесторы, а инициатива и проведение переговоров оставалось в руках военной агентуры и Н. Рафаловича. Следовательно, констатировал представитель ГВТУ в Риме, ВАЛКО нечего было в Италии распределять, поскольку все займы были тесно привязаны к конкретному заказу¹⁹.

Шостаковский отмечал, что кредитный рынок Италии на тот момент был далеко не исчерпан. Частные займы, привлекаемые под конкретные заказы, могли охватить в итоге сумму до 500 млн. лир. Но для этого российский военный агент должен был получить свободу действий как в поиске фирмы-подрядчика, так и частного кредитора размещаемого заказа. На деле же ВАЛКО продолжала, совершенно не считаясь с телеграммами из Рима, распределять давно

уже распределенную валюту по итальянскому кредиту, что приводило к «невероятной путанице».

Но даже с присвоением номера ВАЛКО проволоочки не заканчивались. Отпечатанные в Петрограде и доставленные в Геную векселя российского казначейства в качестве подтверждения финансовых обязательств России по займу продолжали оставаться недоступны. Первая партия векселей пролежала в ожидании разрешения Минфина 1,5 месяца, из-за чего произошла задержка с перечислением задатка итальянским заводам, рассчитывавшим на эти деньги для оплаты сырья. Проволочки оттянули сроки сдачи итальянских заказов в среднем на 2 месяца и вылились в выплату дополнительной неустойки под 6,5 % годовых за время просрочки²⁰. Шостаковский просил санкционировать самостоятельное ведение дел, не обращаясь по каждому вопросу к распределяющим инстанциям в Петрограде. Фактически, предложенная схема близко походила на порядок дел, заведенный российским агентом в Париже графом А.А. Игнатьевым и признанный в высшей степени эффективным. Однако во Франции самостоятельность российского военного агента была закреплена специальным соглашением с французским руководством²¹.

Произошедшая в России Февральская революция только усугубила описанную непростую ситуацию. Первая половина итальянского займа была к тому моменту исчерпана, а разрешение на передачу «Кредито Италияно» второго транша векселей на сумму 55 млн., лежавших в генуэзском филиале РВТБ с 7 апреля, из Петрограда не поступало. Начиная с мая 1917 г. Волконский в каждой телеграмме все настойчивей требовал решить эту формальность. К этому моменту долг перед «Фиатом» достиг 30 млн. лир, а остальным автомобильным фирмам – около 5 млн., что грозило «полной дезорганизацией поставок, уплатой громадных неустоек и процентов и полного подрыва доверия» к России. Однако все три телеграммы из Рима последовательно остались без ответа. К концу месяца ситуация стала катастрофической. «Запоздание платежа ввиду политического положения России вызывает волнение среди поставщиков и угрозы отобрать уже поставленные, но не оплаченные материалы, – телеграфировал Волконский. – Мое положение унижительно для достоинства России. Обращаюсь к Вам как офицер Генерального штаба, ходатайствуя личного содействия о присылке Финитранжем разрешения немедленно. Все дело в одной

телеграмме»²². Только это заставило бюрократические инстанции в Петрограде прийти в движение, и 24 мая долгожданная телеграмма была в Генуе получена.

В конце июня 1917 г. итальянское правительство из-за опасений заключения Россией сепаратного мира реквизировало произведенные «Фиатом» и «Изоттой» 40 авиационных двигателей и прекратило выдавать разрешения на вывоз военных материалов. Продиктовано это было также трудностями с подготовкой планировавшегося наступления итальянских войск и общим падением военного производства. Однако командующий итальянской авиации заверил российских военных представителей в том, что поставки в Россию продолжатся, поскольку только российские заказы были размещены через итальянское правительство. Именно это же обстоятельство использовала российская сторона для оказания давления на «Фиат», побуждая его отказаться от подачи судебного иска к России в связи с возникшей задолженностью. Поставки носили не коммерческий, а военный характер и формально поступали России не от фирм-изготовителей, а от итальянского правительства²³. Тогда же итальянское правительство вновь разрешило поставку заказанных 42-линейных пушек «Ансальдо». На июль было разрешено сдать не менее 6 батарей, что, впрочем, так и не было реализовано.

Несмотря на то что к осени 1917 г. внутривластная ситуация в России и ситуация с военными поставками донельзя осложнились, Временное правительство, по всей видимости, не только не планировало сворачивать военно-техническое сотрудничество с Римом, но и, наоборот, намеревалось образовать в Италии полноценный Заготовительный комитет. 11 октября 1917 г. чиновник Кредитной канцелярии С.К. Бельгард был назначен специальным представителем Минфина, призванным на месте навести порядок в платежах. Принявший на себя в июне 1917 г. ведение дел военного снабжения в Италии генерал А.Д. Гескет продолжал переговоры в Риме вплоть до конца декабря 1917 г. Военный агент на протяжении всего лета – осени 1917 г. получал все новые предложения от итальянских фирм: на поставку крупных партий консервов, аспирина, термометров. «Ансальдо» предлагал разместить заказ на 300 истребителей общей стоимостью 30 млн. франков, а Общество «МИДА» – поставить в Россию свыше 3 млн. трехлинейек обр. 1891 г.²⁴ Что касается действовавших автомобильных контрактов, то на

1 октября 1917 г. было принято 2048 грузовиков, а отправлено в Россию – 1238. Генерал Гескет сообщал, что все автомобильные поставки, за исключением «Фиата», продолжались, с «Италы», «Изотты», «Спа» и «Зюст» оставалось получить 390 машин²⁵. Однако вскоре после прихода к власти большевиков произведенное и принятое в Италии российскими представителями, но не вывезенное военное имущество, было реквизировано для своих нужд итальянским и английским правительствами.

Подводя итог, можно отметить, что механизм военного сотрудничества России и Италии имел целый ряд особенностей по сравнению с порядком, действовавшим в отношении заказов в Великобритании, США, Франции. Первой особенностью было отсутствие специального Заготовительного комитета. Все основные решения принимались коллегиально послом М.Н. Гирсом и военным агентом Волконским, подключавшим к ведению финансовых переговоров Н. Рафаловича. В силу того, что главным направлением сотрудничества стало размещение крупных заказов на автомобили и авиамоторы, велика была роль и представителя ГВТУ в Риме П.П. Шостаковского. Вопрос о создании русско-итальянского Заготовительного комитета в связи с неуклонно растущим объемом заказов в Италии был принципиально решен лишь осенью 1917 г., когда политическая ситуация в стране исключила осуществление этих планов.

Крупная программа заказов в Италии потребовала заключения серии специальных займов в Италии, поскольку Париж и Лондон не были заинтересованы в предоставлении значительных средств из французского и английского займов для оплаты заказов в других странах и в Италии, в частности. В этом ситуация напоминала систему, принятую в отношении русских заказов в Японии. Заинтересованность Италии в активных действиях русской армии против Австро-Венгрии заставляла официальный Рим благосклонно смотреть на предоставление финансовой и технической помощи своему восточному союзнику. Только российские заказы в Италии формально размещались от имени итальянского правительства, получив, тем самым, дополнительные гарантии.

Однако другой важной особенностью размещения русских военных заказов в Италии стало то, что весь привлеченный капитал был частным – 110 млн. лир от группы из девяти итальянских банков во главе с «Кредито Италияно», 65 млн. от финансовой группы

во главе с участвовавшим также в первом займе «Банка Итальяно ди Сконто» и еще 140 млн. непосредственно от автомобильных заводов «Фиат». Всего российские заказы в счет итальянских кредитов охватили сумму в 299,7 млн. лир, половина из которых (155,6 млн.) была оплачена. При этом еще одним немаловажным фактом было то, что итальянцы не требовали в качестве обеспечения займов отправки золота – таковое оформлялось в виде краткосрочных обязательств российского казначейства. Часть заказов в Италии покрывалась из средств английского и французского займов. Их общая сумма составила 92,3 млн. франков²⁶.

К лету 1917 г. Италия успела произвести для нужд русской армии 218 млн. патронов к винтовкам «Веттерли», 3154 грузовика марок «Фиат», «Спа», «Итала», «Изотта» и «Циуста», а также 250 легковых автомобилей «Лянча». Российским Управлением воздушного флота также было заказано не менее 1640 авиамоторов различных итальянских производителей, но из них к 1 июля 1917 г. было отправлено в Россию только 125 шт. В числе незаконченных заказов числились призматические бинокли, перископы, объективы, прожектора, образцы аэропланов, «аэропушек» и даже подводная лодка «Фиат Сан Джорджио», стоимостью в 2,5 млн. лир. На 1 января 1918 г. в Россию поступило свыше 1,6 тыс. грузовиков «Фиат», 90 «Итала» и 62 «Лянча». Порядка 350 машин погибло в пути в результате действий германских подлодок, значительное число грузов успело достичь только Англии. Было получено также 2 батареи 42-линейных пушек «Ансальдо» и порядка 127 млн. патронов к винтовкам «Веттерли», а также 4,6 тыс. призматических биноклей²⁷. Довольно высокий процент неисполненных заказов объяснялся проволочками с заключением финансовых и технических соглашений, а также нараставшими с начала 1917 г. экономическими трудностями Италии и политическими потрясениями в России. Именно поэтому потенциал российско-итальянского сотрудничества в годы Первой мировой войны оказался реализован далеко не полностью.

---

¹ Павлов А.Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008. С 41.

² Черников А.В. Дипломатическое и военное сотрудничество Италии с Россией

в годы Первой мировой войны, 1914–1917. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 14.

³ Особый журнал Совета министров от 18 марта 1916 г. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов. Оп. 26. Д. 1404. Л. 124–125, 128.

⁴ РГИА. Ф. 1525. Главное управление пограничному снабжению. Оп. 1. Д. 233. Переписка о заключении займа в Италии. Л. 10–11.

⁵ Там же. Л. 6–6 об.

⁶ Секретная телеграмма посла в Риме (Гирса), 29 мая / 11 июня 1916 г. // Там же. Л. 22–24.

⁷ Телеграмма посла в Риме на имя гофмейстера Нератова, 30 августа / 12 сентября 1916 г. // Там же. Л. 63.

⁸ Начальник ГВТУ – Управляющему делами Особого Совещания, 26 июня 1916 г. // Там же. Л. 28.

⁹ Военный агент из Рима, 8 октября 1916 г. // Там же. Л. 85.

¹⁰ Военный агент из Рима, 12 октября 1916 г. // Там же. Л. 88–88 об.

¹¹ Военный агент из Рима, 20 октября 1916 г. // Там же. Л. 93.

¹² Там же. Л. 106.

¹³ Там же. Л. 158.

¹⁴ Там же. Л. 180–180 об., 190–192 об.

¹⁵ Военный агент из Рима (секретно), 7 марта 1917 г. // Там же. Л. 194–194 об.

¹⁶ Télégramme de M.N. Raffalovich, Paris, 6/19.IV.1917 (на франц.) // Там же. Л. 204.

¹⁷ Краткая записка об использовании кредитов, предоставленных Антантой России для оплаты заказов, связанных с обороной страны, 9 февраля 1922 г. // Там же. Д. 681. Ведомости иностранных заказов, справка и записка о взаимных денежных расчетах и переписка о заказах. Л. 270–271.

¹⁸ Там же. Д. 233. Л. 111–112. Предложение Барка было горячо поддержано военным министром. См.: Там же. Л. 134.

¹⁹ Докладная записка Шостаковского от 10 / 23 февраля 1917 г. // Там же. Л. 214–216.

²⁰ Там же. Л. 218–219.

²¹ См.: Конвенция, заключенная между русским и французским правительствами о порядке заказов и покупке во Франции материалов, интересующих русскую военную оборону, 3 декабря 1915 г. // Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1326. Л. 1–2; Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1955. Т. II. С. 131–132.

²² Военный агент из Рима, 24 мая 1917 г. // РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 233. Л. 239.

²³ Там же. Д. 232. Ведомости незаконченных заказов, о состоянии заказов и справочный материал по заказам в Италии. Л. 31, 40–40 об.

²⁴ Там же. Д. 232. Л. 25–44.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 20–21; Там же. Д. 237. Журнал учета заказов, подлежащих оплате из итальянских займов. Л. 1–6.

²⁷ Ведомость состояния иностранных заказов на 1 января 1918 года // Там же. Д. 681. Л. 46. Имеет незначительные расхождения с: Ведомость состояния иностранных заказов на предметы боевого назначения за время деятельности Главного Управления по Заграничному снабжению на 1 января 1918 г. // Там же. Д. 232. Л. 15.

А.В. Бондаревский (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ФОРМИРОВАНИЕ АНТИВОЕННОЙ ТАКТИКИ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА стала таким масштабным событием европейской истории, что сама эта история трансформировалась, не случайно война оказалась водоразделом и точкой отсчета новейшей мировой истории.

В России эта война оказалась забытой, преданной забвению и умолчанию, непопулярной. Остался неоцененным подвиг солдат и матросов, офицеров, честно и героически исполнявших свой воинский долг. Мало памятников. Совершенно справедливо, что В.В. Путин в этот юбилейный год начала Первой мировой поставил вопрос о необходимости восстановить память, воздать должное герою, установить мемориалы.

Но вот тут-то и встает вопрос – кого считать героем в несправедливой империалистической войне. И ответ очень не простой.

В России такое отстраненное отношение к Первой мировой войне сложилось благодаря целому ряду объективных и субъективных факторов. Ведь войну начинало самодержавие и ее трудно считать справедливой; она была неудачна для русской армии, и вышла страна из нее на очень тяжелых условиях Брестского сепаратного мира; это сопровождалось обвинениями в измене в адрес большевиков, Ленина считали немецким шпионом, это спровоцировало кровавую Гражданскую войну; к тому же героями Первой мировой войны были многие будущие белые генералы. Поэтому при Советской власти Первая мировая осталась на периферии внимания; в 90-е гг. XX века все ограничивалось антибольшевизмом. Теперь же вполне настало время и появилась возможность разносторонне изучить эту тему.

Правда, не только у нас, но и в ряде неевропейских стран и цивилизаций Первую мировую не считают достойной слишком пристального внимания. Ее называли «войной белых племен», так как основные действия разворачивались на полях сражений европейских стран. Распространена была и версия о том, что война была семейной ссорой, войной амбиций трех императоров (России, Германии, Австро-Венгрии), которые были в родственных отношениях. Это одна из причин, почему США не хотели втягиваться в войну, считая ее обычной межусобной разборкой. И лишь потом оценили весь масштаб происходящего и прислали 1 млн своих солдат.

Обратное – гипертрофированное – отношение к Первой мировой войне сложилось в западных странах. Тысячи монографий, памятников, мемориалов с парками, аллеями героев (в том числе, и в США). Это не случайно. Именно Первая мировая (а не Вторая мировая, как для СССР) стала для европейских государств главным событием, действием, подвигом в их истории XX в. Многомиллионные жертвы на порядок превышают потери европейцев во Второй мировой.

Не все отчетливо осознают, что если для нас символом героизма, единения, Победы является Великая Отечественная война, то для многих народов Европы – Первая мировая. Так как во время Второй мировой ряд европейских государств были оккупированы за 1-2 дня, они сдавали без боя свои столицы, в том числе Париж. Гордиться особо нечем. Да еще сотрудничество с гитлеровской Германией, работа на фашистскую военную машину, а в иных странах нашлись и добровольцы в германскую армию – по несколько тысяч в Норвегии, Дании, десятки тысяч во Франции. Поэтому понятно усиленное внимание к Первой мировой войне, а также нынешние попытки принизить и даже отрицать нашу Победу в Великой Отечественной войне.

Что касается тактики европейской социал-демократии по отношению к войне, приходится признать, что война затронула такие глубинные пласты европейской жизни, всколыхнула такие противоречивые процессы, что социалисты не смогли найти на них адекватных ответов, запутались в своих концептуальных схемах и практических действиях, раскололись и размежевались как в своих партиях, так и в рамках созданного еще Ф. Энгельсом международного II Интернационала.

Но чтобы их беспомощность перед событиями мирового масштаба не показалась просто трусостью, глупостью, предательством и сектантством, необходимо дать чуть подробнее характеристику Первой мировой войне, чтобы показать глубину проблем, с которыми столкнулись социалисты.

Вместо 4–6 месяцев маленькой победоносной войны (как планировали европейские правительства) война растянулась более чем на 4 года, разрушила за это время привычную логику мирной жизни, заставила жить по своим законам и порядкам, рассорила всех и вся, столкнула друг с другом идеи, принципы, интересы, представления, нарушила грань допустимого в цивилизованном обществе. Ее итоги оказались непредвиденными, непредсказуемыми. Вместо укрепления и обогащения четыре империи рухнули, а Британская зашаталась, утратила мировое лидерство, уступила его США. Вместо укрепления классового мира вызвала стачки, антивоенные митинги, радикальные настроения, раскол рабочего движения, революции в ряде стран. Вместо справедливого мироустройства еще более ожесточила конкуренцию, спровоцировала реваншистские настроения и фашизм.

Война поглотила огромное количество жертв – до 20 млн. убитых, изувеченных, раненых. Нехватка резервистов и характерное желание воевать чужими руками привели к тому, что в армию, особенно в английскую, стали набирать жителей колоний – до 1 млн. человек, в том числе чернокожих. За это обещали независимость, но после войны обманули, что породило национально-освободительное движение, и через 50 лет удобный для белых колониальный мир рухнул. К тому же, призванные на войну и стреляя во врагов – в белых врагов, аборигены поняли, что не все белые люди «боги», что их тоже можно убивать. Так европейцы сами сняли табу на отстрел себе подобных, и сами же за это поплатились. По-другому пыталась пополнить свою армию Франция – она выпрашивала у русского царя 400 тысяч солдат на свой фронт в обмен на оружие. Несколько корпусов были переброшены на салоникский фронт, а после войны наши солдаты были брошены и Родиной, и чужбиной и испытали много мытарств.

Умом войну не понять. Война – это бурные чувства, врожденные животные инстинкты и эмоции. Чувство страха – если ты не убьешь, то убьют тебя. Чувство злобы, мести, гнева. Чувство защиты дома, семьи, детей, страны. Чувство патриотизма и ненависти к

врагу – даже если он прав. Чувство паники. Чувство крови. Чувство добычи. Немногим удается с этими чувствами совладать, справиться, преодолеть в себе, руководствоваться разумом и общечеловеческими принципами.

Война столкнула между собой пацифизм и героизм, общечеловеческие ценности и национальные интересы, интернационализм и патриотизм. Каждое из этих составляющих вполне законное, обоснованное, позитивное, в мирное время они сосуществуют, дополняя друг друга. Но война развела их поборников по разные стороны баррикад, хотя все они были по одну сторону фронта.

Первая мировая внесла такой диссонанс в прежние возвышенные европейские представления о мире, жизни, прогрессе, что многие из этих иллюзий рухнули. 40 лет относительно мирного, быстрого, индустриально-урбанистического, технически насыщенного, все более комфортного развития конца XIX – начала XX вв. создали у европейцев представление о бесконечном прогрессе. 4 года войны поколебали это мироощущение, внесли грубый дискомфорт в мысли и чувства, сформировали ощущение потерянности и неуверенности, породили массовый психоз разочарования в прежних ценностях. Дело дошло даже до теории о регрессе, о крахе цивилизации; это отразилось в том числе и в книге Шпенглера «Закат Европы».

Поэтому вовсе не удивительно, что война внесла разброд и шатания не только в представления обывателя, но и во взгляды и чувства прогрессивно мыслящей и теоретически подкованной международной социал-демократии. Причем по ходу войны эти взгляды не унифицировались, а наоборот, еще больше расходились, приводя к расколу партий, приостановке деятельности II Интернационала, взаимным обвинениям и ожесточенной борьбе бывших соратников.

Отношение к войне – важный, но не самый главный вопрос для социалистов. Еще важнее был вопрос о революции, и отношение к войне формировалось как вытекающее из отношения к революции. В уме, наверно, каждого занозой сидел вопрос о революции. Война оттягивает революцию или ускоряет ее? Если оттягивает – надо добиваться мира, если ускоряет – надо ее использовать уже сейчас. А может, вообще не революция, а эволюция, постепенное вращение социализма в капитализм парламентским путем?

Это вопрос с бесконечным количеством неизвестных. Нет однозначного, единственно правильного ответа. В разных странах может быть по-разному. Нет теоретической истины, но не может быть и золотой середины. В данном вопросе истина посередине не лежит. Поэтому такой разноречивой мнений.

На теоретически главный вопрос о революции или парламентаризме наложился наиболее актуальный – о войне. На классовые чувства наложились патриотические – какие ярче, сильнее? К. Маркс писал, что «у рабочих нет своего Отечества», «пролетариату нечего терять кроме своих цепей». Но с тех пор прошло 60 лет, и пролетариат приобрел сносные условия жизни, труда, отдыха, развития, приобрел даже частную собственность. Было что терять. Что делать? Защищать уже достигнутое, спасти нажитое или всем рискнуть, пойти ва-банк и идти не на фронт, а на баррикады? Инстинкты одних звали защищать, других – бороться.

Хотя в развязывании Первой мировой войны были повинны все главные европейские страны, в том числе и российское самодержавие (в отличие от Второй мировой, когда реванша хотел германский фашизм), их правительства сумели представить дело так, будто на страну напал или ей угрожает неприятель – и ты либо патриот, либо предатель. Так, в России всего за 2 дня призыва в армию записалось до 80 % от необходимого количества добровольцев. Тайные империалистические замыслы были сокрыты секретными соглашениями о разделе сфер влияния, колоний и территорий противника. Дипломатический гром грянул, когда большевики, придя к власти, осудили тайную дипломатию и опубликовали секретные договоры царской России со своими союзниками о захватнических замыслах. Но Европа так глубоко погрязла в войне, что уже ничто не могло ее остановить.

Первая мировая война не была случайным стечением обстоятельств. Она была закономерным результатом капиталистического способа производства, его империалистической стадии, когда сформировавшийся крупный монополистический капитал всеми средствами боролся за рынки сбыта и источники сырья. Это была эпоха еще экстенсивного развития, когда и экономическая мощь, и политический престиж государств зависели от размеров их колониальных владений, которые в десятки раз превышали их собственные территории (например, колонии Бельгии – в 80 раз). Лишь к концу XX в. бурное развитие научно-технической революции позволит

частично заменить колонии высоким уровнем технологий, и конкуренция частично переместится в сферу инноваций, научно-промышленного шпионажа, неокOLONиальной политики аутсорсинга и глобализации. Да и то на наших глазах разгорается новое соперничество за сырьевые ресурсы на шельфах, в Арктике, пытаются поделить Антарктиду, претендуют даже на нашу Сибирь. Но наш ядерный щит отрезвляет ястребов и авантюристов. Хотя провокации, подобные нападению под видом Greenpeace на нашу платформу «Распадская» осенью 2013 г., имеют место.

Но 100 лет назад такого страха возмездия еще не было. Наоборот, совершенствование оружия (динамит, пулеметы, танки, иприт, самолеты и т. д.) провоцировало войну, порождало надежду на быструю победу за счет военного превосходства. Кстати, первоначально сторонники мира приветствовали появление такого оружия, считая, что оно сделает войну настолько кровопролитной, что она станет невозможной. Но алчность, цинизм и амбиции элиты не имели границ, и мир был втянут в войну. И по сей день приходится уповать не на разумность, гуманность, нравственность, справедливость миропорядка, а на атомное оружие. Плохо, что мир в XXI в. держится на страхе ответного удара, но лучше, чтобы он держался хоть на страхе, чем не держался вообще ни на чем.

К XX в. весь мир уже был поделен, и настала очередь его передела. Произошли марокканская, итало-турецкая, балканская войны. Подготовка к мировой войне началась задолго до сараевского убийства, военные блоки стали складываться еще в конце XIX в.

Принято считать, что инициатором мирового конфликта были Германия и Италия, которые намного позже других смогли создать свои национальные государства и потому опоздали к разделу пирога и потребовали передела. Отчасти это так, но сваливать все на Германию, как это сделали потом победители, было бы однобоко. «Цивилизованные» страны Антанты также готовились не только отстоять свои владения, но и прихватить чужие, что нагло и сделали после победы, не устояв даже перед соблазном поделить территорию своего бывшего союзника – России – путем прямой интервенции, закулисной дипломатии, вооружения Белых армий Деникина, Колчака и др.

Начавшаяся война вызвала идейный и организационный кризис в рядах социал-демократии, выработать новое отношение к войне оказалось крайне сложно, прежние теории и прогнозы

не оправдались, рабочие массы оказались заражены национализмом и шовинизмом и поддержали свои правительства, поддержали войну, чего социалисты не ожидали, это было для них разочарованием, они растерялись. Некоторые, особенно члены парламентских фракций и часть лидеров, и сами приняли тактику «классового мира» на период войны. Во всех соцпартиях парламентские фракции проголосовали за военные кредиты, а в ряде случаев даже вошли в буржуазные правительства. Таким образом, они санкционировали войну друг против друга, и интернациональная солидарность была блокирована, II Интернационал приостановил работу, его исполнительный орган – Международное социалистическое бюро – перестал собираться. Многими левыми это было воспринято как предательство лидеров и как крах II Интернационала¹.

Причины раскола международной социал-демократии не могут быть объяснены лишь предательством подкупленных лидеров и оппортунистическим перерождением II Интернационала. Его причины гораздо глубже².

К началу XX в. в ряде европейских стран сложились прочные демократические традиции и возможность эволюционного преобразования общества через парламентские реформы. Однако в то время теоретические предпосылки реформизма еще не могли перерасти в эффективную политику социальных реформ, альтернативу революции, так как для этого недостаточно развито было гражданское общество, недостаточна численность и сознательность пролетариата и его союзников, недостаточно сговорчива буржуазия (лишь испуг 1917 г. сделал ее уступчивой). Таким образом, перспективы мирного пути открылись, но не были гарантированы, и поэтому вооруженная борьба не снималась с повестки дня. Между этими путями исторического прогресса – эволюционным и революционным – и пролегал водораздел во II Интернационале, а Первая мировая война и 1917 год ускорили и драматизировали выбор и размежевание.

Соцпартии стали частью парламентской системы и зависели от голосов избирателей. Они были вынуждены ориентироваться на мнения избирателей и рядовых членов партии, которых в условиях войны захлестнули обывательские представления и инстинкты. И социалисты вынуждены были идти у них на поводу, оправдывали этим «общественным мнением» изменение своих позиций. В этом заключается одна из многочисленных издержек демократии,

один из ее недостатков. Выборы ставят в зависимость от толпы или политехнологий. У большевиков же не было легальных условий, но не было и такой зависимости.

Лишь большевики в силу специфики своей партии могли не подстраиваться под настроения масс, так как с самого начала, в силу российских особенностей, формировали партию «нового типа» – партию-«вождь», партию-«учитель», призванную не прислушиваться к мнению рядовых, а сверху вносить «сознательность» в рабочее движение, возглавить исторический процесс, представлять и замещать неразвитый российский пролетариат.

Добавим, что даже при самой правильной тактике решение вопроса о войне и мире еще не зависело от социал-демократии, за которой, несмотря на растущую популярность, шло около 10 процентов от общей численности рабочих Европы.

Но война затянулась, патриотическая эйфория улетучилась, начались массовые антивоенные демонстрации. Часть центристов, особенно нейтральных стран, стали требовать заключения всеобщего мира. Левые, в том числе большевики во главе с В.И. Лениным, собрали в сентябре 1915 г. конференцию в Циммервальде (Швейцария); в апреле 1916 г. состоялась вторая конференция в Кинтале, был принят манифест, связывающий борьбу за мир с борьбой за социализм.

Но к 1917 г. правительства истощенных войной стран начали разговор о мире, множились призывы к заключению «выгодного мира» (читай – грабительского). Часть социалистов, в том числе и циммервальдцев, присоединились к этим требованиям, фактически сближаясь с социал-шовинистами. Циммервальдское движение зашло в тупик.

Но революционные события в России вновь всколыхнули европейское соцдвижение, часть левых приблизилась к большевистским лозунгам. Другие левые и центристы попытались организовать международную социалистическую конференцию в Стокгольме, чтобы повлиять на заключение мира и условия мирного договора – без аннексий и контрибуций. Но это их главное оружие так и не выстрелило, конференция не состоялась, правительства проигнорировали требования социалистов о справедливом мире и перекроили Европу и колонии настолько жадно в свою пользу, что породили у проигравших настроения реванша, фактически своей алчностью спровоцировали Вторую мировую войну.

Первая мировая война создала тупиковую ситуацию: какой бы мир ни заключать – все равно будет плохо. Справедливых, устраивающих всех условий мира не было. Отказаться от колоний означало бы экономический спад. Перераспределять колонии – насилие. Социал-демократы требовали завершить войну «вничью», без аннексий и контрибуций. Но даже если бы победители с этим согласились, сохранили статус-кво, это тоже не решило бы проблему, так как означало бы сохранение прежних колониальных владений, сохраняло бы в зависимости народы колоний и народы восточной и юго-восточной Европы, которые боролись (как Сербия, Польша и др.) за свою независимость от континентальных империй – Австро-Венгрии, Германии, России. Любой исход империалистической войны был несправедливым.

Международная социал-демократия вынуждена была искать выход из лабиринта созданных капиталистическим обществом проблем, но нить Ариадны – идею революции – многие из них упустили. Таким образом, социал-демократия оказалась обезоруженной перед лицом начавшейся войны, массы были глухи к их антивоенным призывам. Да и в самой социал-демократии начался раскол из-за различных подходов к вопросам войны и революции. Многие сами оказались заражены вирусом национализма и поддержали войну и свои правительства. Другие перешли на внеклассовые, фактически обывательские позиции. Иные призывали к «справедливому миру». Но все они тем самым отошли от прежних антивоенных резолюций, которые были выработаны на конгрессах II Интернационала. В результате такой непротивленческой политики эти социалисты фактически санкционировали войну своих стран, народов, партий друг против друга.

Схематично диапазон взглядов социалистов по отношению к войне можно подразделить на 6 позиций.

1) Социал-шовинисты. Поддержка своих правительств в войне. Голосование за военные кредиты. Сначала победа в войне, затем возвращение к революционным идеям. Фактически это означало отказ от революции, так как победившая в войне буржуазия значительно укрепит свои позиции. Упование только на легальные методы парламентаризма.

Среди российских социал-демократов на эту позицию неожиданно перешел верный марксист и интернационалист Г.В. Плеханов, чем даже оттолкнул своих единомышленников и друзей. Был

и другой феномен: многие российские социалисты-политэмигранты вступили добровольцами в союзническую французскую армию, чтобы так помогать России (а не царизму – снова столкновение классовых и патриотических чувств) сражаться против Германии. Видимо, присущая россиянам ностальгия по Родине обостряла и патриотические чувства в период военных испытаний. Вот и в годы Великой Отечественной войны многие белые генералы, боровшиеся ранее против Советской власти, стали клеймить Гитлера, предвещать гибель немецкой армии и радоваться победам Красной.

2) Пацифизм: характерен для центристов и части левого крыла партий. Выступление на митингах, демонстрациях против войны, за ее быстрое прекращение, моральное давление на правительство. Но такой подход означал сохранение, консервацию уже осуществленного колониального раздела мира. Без права буржуазии на его передел, но и без права угнетенных наций на вооруженную освободительную борьбу. А марксизм, большевизм допускали справедливые освободительные войны.

3) Требование к правительству заключить «выгодный мир». Часть правых, центристы, часть левых элементов. Отражает смешение патриотических чувств, пацифизма, готовности к классовому миру со своей буржуазией на время войны. Отказ от решительных антиправительственных действий.

4) Требование заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций, политика давления на правительства при помощи стачек, митингов, демонстраций. Обнулить уже достигнутые итоги войны, закончить ее «вничью». Звучит привлекательно, создает впечатление справедливых требований. На деле – та же консервация прежнего раздела мира. К тому же означает, что все усилия, затраты, подвиги, кровь – все зря, и это не устраивало «патриотов». В итоге буржуазные правительства легко проигнорировали эти требования, сполна воспользовались плодами победы.

5) После Февральской революции 1917 г. у части российской социал-демократии – меньшевиков и эсеров – появился лозунг «революционного оборончества». Будто после свержения царизма война стала справедливой, так как надо защищать завоевания нашей демократической революции. Лозунг казался вполне логичным, но после разгона и расстрела июльской мирной демонстрации лозунг устарел, так как означал на деле поддержку пробуржуазного Временного правительства. И хотя сторонники этого лозунга

предъявили правительству ультимативные требования, осудили поддержку западных империалистических союзников, но добиться изменения в характере войны не смогли, их проигнорировали. И в итоге проиграли большевикам, которые призывали массы к гораздо более решительным действиям против правительств в защиту мира.

б) В.И. Ленин, большевики, часть левых социалистов объявили войну войне, за революционное свержение буржуазных правительств во имя социализма, который избавит человечество от войн вообще, так как будет основан на других, новых принципах мироустройства – не конкуренции и борьбе за лидерство, а на сотрудничестве и взаимопомощи. Эта тактика исходила из марксистского тезиса о том, что лишь социализм устранил войны, при капитализме они неизбежны. В целом, это марксистское представление о социализме фактически оправдалось в будущем: между социалистическими странами не было войн за территории (хотя были конфликты с Китаем), но было совместное подавление антисоциалистических выступлений.

Какая из этих шести позиций наиболее привлекательная? Логически кажется, что последняя, самая решительная. Но ее цена – новое кровопролитие. Чтобы остановить войну буржуазную, надо начинать свою – классовую и гражданскую. Рисковать достигнутым уровнем своего европейского благополучия во имя абстрактных идей справедливости. И, действительно, Гражданская война в России унесла также миллионы жизней. И цена преобразований и достижений многим кажется слишком дорогой, а многие пытаются и вовсе отвергать завоевания Советской власти, подвергать весь этот период огульной критике. Оскорбляя память своих же предков, которыми в обществе принято гордиться.

Парадоксально, но наибольшей критике подвергается позиция В.И. Ленина, большевиков, левых, хотя именно они наиболее последовательно придерживались резолюций Штутгартского 1907 г. и внеочередного Базельского 1912 г. конгрессов II Интернационала, которые призывали к революционным действиям в случае войны. Но практически все партии отступили от этих своих же решений, а сохранивших им верность большевиков обвинили в сектанстве и расколе рабочего и социал-демократического движения.

Особенно много нападков на ленинский лозунг «Поражение своего правительства в войне». Его трактуют как предательство, как

желание поражения России в войне с Германией. Отсюда и версии о «немецком золоте» и «немецком агенте».

На самом деле это лукавое извращение действительности. Лозунг действительно теоретически сложный, его не сразу поняли и приняли даже многие большевики. Он стал частью решительной, радикальной антивоенной тактики, направленной на «Превращение войны империалистической в войну гражданскую». Эта тактика была сформулирована в манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Лозунг поражения вовсе не предполагал проигрыш России, как ошибочно, а часто сознательно интерпретируют критики. Опубликованный в центральном органе большевиков – газете «Социал-демократ» – еще 19 октября 1914 г., он был предназначен социалистам всех воюющих стран и призывал их бороться против захватнических замыслов своих правительств, голосовать против кредитов на войну, срывать их военные замыслы. И тогда не одна только Россия должна была проиграть, а буржуазные правительства всех этих стран. Эта тактика была предназначена для того, чтобы потерпели поражение все правительства, а выиграли бы народы. Она была рассчитана на международные солидарные действия социалистов, а не одиночные потуги. Поэтому таких радикальных социалистов и называли интернационалистами, именно они пытались собрать всех левых в циммервальдское объединение, добиться сплочения и согласования их действий. И в какое кривое зеркало надо смотреть, чтобы эту интернациональную тактику изображать как предательство и призыв к капитуляции России перед Германией! Да, Ленин грезил революцией, но при оккупации Германией о какой революции могла бы идти речь? Так что не проигрыша России, а провала планов всех буржуазных правительств добивались большевики. И не их вина, что большинство европейских лидеров социал-демократии спасовало, держались за свои парламентские кресла, поддержали войну, скатились на позиции социал-шовинизма. Из всех европейских социалистов только российская парламентская фракция проголосовала против кредитов, против войны, против правительства – и в нарушение депутатской неприкосновенности вся большевистская фракция была арестована и приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь (где отбывали ссылку и большевистские депутаты Второй Думы с 1907 г.). Отсутствие политических свобод вынуждало на более радикальные действия и на более героические поступки. В этом было

отличие царского режима и условий борьбы российских революционеров. Другого – парламентского – пути у них, как видим, не было. Поэтому они занимали самую последовательную, решительную позицию. Их европейские коллеги колебались и проявляли нерешительность.

Таким образом, ни одна соцпартия не смогла развязать гордиев узел противоречий войны, мира, революции, но большевики нашли в себе силы и мужество разрубить его и попытаться построить новый мир.

Распространенными стали обвинения в адрес В.И. Ленина в развале и разложении русской армии в 1917 г., в том, что большевики не дали России победить в войне. Даже здравомыслящие люди в условиях возрождающихся патриотических настроений перегибают палку в подобной критике. Победу в войне изображают как главную цель, которой большевики и другие враги не дали достичь. Достается не только Октябрьской революции, но и Февральской – мол, надо было дать царизму сначала победить, а уж потом его свергать. Множатся версии об «ударе в спину», о «темных силах», о том, что русская армия готова была к победам, но ей этого не дали сделать, не дали завершить вместе с союзниками войну, воспользоваться плодами совместной победы. Звучит звонко. Но это пустозвонство. Победу в войне могло одержать только самодержавие – значит, его свержение было ошибкой? А куда нынешние демократы предлагают девать демократические завоевания своих предшественников в ходе Февральской революции – на свалку истории? И где были бы сейчас они сами – в Сибири? При Временном правительстве о победе речи уже не шло, а готовилась эвакуация столицы из Петрограда в Москву – или это похоже на тарутинский маневр Кутузова?

Да и что значит победить вместе с союзниками? Участвовать в Версальской конференции? Вместе грабить Германию? Это ли не голубая мечта западников – рыночников? Россия не участвовала в грабительском переделе мира, но зато и не несет ответственности за возникновение (на реваншистских настроениях) фашизма в Германии и других странах. Хотя бы в этом чиста перед мировой историей.

Сожалея об упущенной победе, критики не вспоминают о целях участия в войне России. Хотя некоторые из них кажутся вполне благородными – защитить подвергшуюся нападению Сербию,

вернуть православие на его историческую родину – в Царьград, захваченный и оскверненный турками, – тем не менее, даже они не могут считаться бесспорными. Так, стремление православных иерархов исполнить мессианское предназначение «третьего Рима» действительно вызывало энтузиазм у истинно верующих, каковых в России было еще много. Но в целом религиозные теологические подходы к истории и политике уже изживали себя в условиях европейской модернизации, могли считаться патриархальщиной, стариной, фанатизмом. А претензии царского правительства на контроль черноморских проливов Турции, хотя и гораздо скромнее европейских замыслов мирового лидерства и господства, тем не менее тоже были достаточно агрессивными. Поэтому-то большевики и критиковали замыслы царизма и буржуазии в войне. Будучи атеистами, они отвергли мессианские замыслы и после революции заключили не только сепаратный мир с Германией, но и равноправный мир с Турцией, отказавшись от претензий к ней. Это может показаться изменой всей долгой предшествующей антитурецкой политике Российского государства (от Измаила, обороны Севастополя, Шипкинского перевала). Но это не так, просто новые социалистические принципы обустройства страны поменяли и внешнеполитические подходы.

Первая мировая война стала катализатором европейских процессов. Она ускорила, акцентировала, открыто выявила те черты империалистической стадии, которые сложились к началу XX в. Но не устранила их, не исправила, не преодолела противоречий эпохи. Наоборот, сконцентрировала их в экономике и политике XX в.

В конце XX в. рухнула мировая система социализма и распался СССР. Так сложилось, что мы сами даже больше, чем иностранцы, разочаровались в достижениях советской эпохи. Слово социализм вычеркнуто из нашего лексикона, у нас нет реальной социалистической партии. После короткого периода интереса к «демократическому социализму» во времена «перестройки» у нас утвердилось нигилистическое отношение к социалистическим идеям, отрицание своего и чужого опыта, который свидетельствует, что отдельные элементы социалистической концепции укоренились как в сознании людей, так и в политике, экономике, социальной сфере многих европейских государств.

Продолжает существовать и активно действовать Социалистический Интернационал – преемник предыдущего. Во главе многих западных государств стояли и стоят социал-демократические партии и их лидеры. В том числе, во Франции социалистом был известный политик президент Миттеран и нынешний Олланд. Скандинавскими странами 50 лет бесценно руководили социалисты.

Потенциал социалистических идей не только не исчерпан, а лишь начинает раскрываться. Но сложившаяся в нашей стране в ходе примитивно-рыночных реформ олигархическая модель капитализма не позволяет нам воспользоваться накопленным социал-демократией за десятилетия опытом социально-ориентированных государств и гуманистических идей.

---

¹ Второй Интернационал: социально-философские причины раскола социалистического движения. М., 1991; Haupt G. Socialism and the Great War. The collapse of the Second international. Oxford, 1972.

² Бондаревский А.В. Первая мировая война и международная социал-демократия // Международные отношения: современность и история. Вып. I. СПб., 1994. С. 84–105; Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 43–48, 54–116.

А.Ю. Борисенко (Новосибирск)

**СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ
О ВООРУЖЕНИИ И ВОЕННОМ ДЕЛЕ
РУССКИХ КАЗАКОВ И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В СИБИРИ XVII–XVIII ВЕКОВ***

В ПЕРИОД присоединения Западной и Южной Сибири к Российскому государству на ее территории по разным причинам оказывались представители различных европейских государств. Европейцы находились на службе у московских царей, некоторые из них были сосланы в Сибирь или являлись участниками посольских и других миссий, проезжавших по сибирским территориям. Многие из них записывали свои впечатления о пребывании в России. Кроме общих страноведческих сведений, особенностей менталитета и т. д., они упоминали в своих записках некоторые аспекты военной культуры русского и сибирского населения. Их сочинения, наряду с другими, весьма информативными источниками – вещественными, иконографическими, фольклорными, русскими письменными летописями, «сказками», «отписками» – являются ценным источником о характере вооружения и особенностях военного дела русских и «татарских» воинов в Сибири. В них нашли отражение сведения о военных событиях, в которых принимали участие русские воины, а также о возможных угрозах со стороны сибирских татар и других тюркских и монгольских государственных образований на юге сибирского региона. Эти данные были обобщены и проанализированы М.П. Алексеевым¹.

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVI–XVIII вв.»

К началу XVII в. в европейской литературе уже имелись некоторые сведения о Сибири, в том числе о военном искусстве русских и «татарских» сибирских воинов. Так, английский дипломат и представитель английской московской компании Джером Гарсей, который побывал в России несколько раз в период с 1573 по 1591 гг., составил трактат, который на русский язык переводят как «Записки», или «Рассказ» о Московии². Автор упоминает о пленниках, угнанных в Татарию после ливонской войны, и о «жестоких, немилосердных татарах», которые служили в рядах войска Ивана Грозного³. Д. Горсей пишет также о направлении в «землю Сибирь» вооруженного отряда для завоевания территории, которая славилась своими соболями. Поход длился полтора года, было присоединено «1000 миль», а в ходе этой военной экспедиции был пленен сибирский хан – «Chare Sibersky». Со своими знатными подданными он был отправлен в Москву под охраной солдат и артиллеристов, с почетом доставлен в столицу⁴. О диких, варварских татарах, живущих на берегу Волги, он упоминает также в связи с описанием волжского торгового пути. Именно из-за них, по его мнению, он очень безлюдный и опасный⁵.

К XVII в. относятся записки неизвестного немецкого офицера, участника отряда полковника И. Эграта, который оказался в Сибири в 1666 г. Автором был отмечен чрезмерно воинственный и агрессивный характер джунгаров, приведены некоторые особенности ведения ими и башкирами конного боя – умение атаковать противника рассыпным строем, меткая стрельба из лука с лошади на полном скаку, а также внимание этого иностранца привлекли джунгарские сабли⁶.

Одним из самых привлекательных для иностранцев сюжетов сибирской истории был поход казачьего отряда атамана Ермака. Я. Рейтенфельс, побывавший в России в 1670–1672 гг., называет его «неким разбойником», который сумел завоевать Сибирь с небольшим отрядом в шесть сотен воинов. Этот автор отметил, что проводниками русских военных отрядов в Западной Сибири и на Енисее были татары и тунгусы. Он указал также, что в русскую армию при необходимости призывают калмыков, тунгусов, черемисов, черкесов. Наилучшим родом войск является у русских пехота. Разные роды войск используют разное оружие. Всадники пользуются кривыми короткими саблями, стрелами и копьями, в качестве защитного вооружения используют железные кольчуги.

Стрельцы вооружены саблями и самопалами, «называемыми ими колесчатыми». Остальные вступают в бой «с легче переносимыми огнестрельными орудиями». Им также упоминаются пушки. Я. Рейтенфельс отметил высокую популярность в войсках деревянных лыж в зимнее время, которые имеют загнутые вверх передний и задний края и привязываются к подошвам обуви. Русские воины обучены бегать на лыжах «с невероятною быстротою по льду и по самым глубоким снегам». Он также привел некоторые примеры тактических приемов в русской армии, такие как – фальшивые отступления, бой врассыпную, засады, окружение врага. Он даже сравнивал русскую тактику ведения боя со скифской, говоря, что они «в начале боя действуют горячо, как большинство народов скифского происхождения». Я. Рейтенфельс утверждает, что, в силу беспокойного положения, в русской армии даже в мирное время служило 100 тысяч человек, большая часть которых находилась в приграничных лагерях, так как «дикие татары и казаки» еще недостаточно побеждены. Им упоминаются также защитные сооружения – гуляй-города, которые строили, главным образом, «против нападений татар и их стрел», и переносные стены. Войско разделяется на четыре крыла – правое, левое, разведочное (запасное) и сторожевое, которое охраняет остальные подразделения посредством многочисленных караулов. Я. Рейтенфельс указывает также на высокую дисциплину, которая царила в российских войсках, и практическое отсутствие наказаний, так как в них не было необходимости⁷.

Воинственность в характере «татарского» населения, под которым европейцы понимали не только сибирских татар, но и другие тюркские и монгольские народы Сибири, видимо, была для них настолько очевидна и чрезмерна, что о ней упоминается у большинства из них. В записках офицера А. Доббина, прослужившего 17 лет в российских войсках в Сибири, была подчеркнута воинственность енисейских кыргызов, которые сооружают укрепления на скалах и утесах, являются отличными наездниками и привычны к войне. В районе рек Чулым и Кеть он упоминает о татарах и остяках – «разбойные» народы, «на которые нельзя положиться». Среди кочевых народов им упомянуты калмыки и башкиры, которые поддерживают «владельца Сибири» – наследника татарского хана Кучума, который «ведет большую войну с москвитями»⁸.

Отдельные высказывания о татарах и их воинственности имеются в сочинениях участников российского посольства в Китай И. Идеса и А. Бранда. Авторы в один голос утверждают, что «калмыцкие татары» могли держать в страхе целые сибирские города, и даже такие большие, как Тюмень. «Среди окрестного населения царил большой страх перед татарами калмыцкой и казахской орды, которые соединились и произвели набег на Сибирь... и теперь угрожали самой Тюмени». Только выступление царских военных частей против них «заставило этих кочевых татар отступить с большими потерями». У И. Идеса есть также некоторые данные о походе Ермака. Он описал поход казачьего отряда во главе с «неким разбойником» на легких гребных судах из владений купцов Строгановых на Урале во владения Сибирского ханства. Правитель сибирских татар, названный князем Алтанаем Кучумовичем, был взят в плен и отправлен в Москву. Однако в ходе боя казачий атаман упал в Иртыш и утонул, поскольку тяжелая кольчуга потянула его ко дну⁹. Вероятно, «калмыцкими и казахскими татарами» И. Идес называет джунгаров и казахов.

Сведения о Ермаке имеются также у Н.К. Витзена. Им описаны некоторые приемы стрельбы из ручного огнестрельного оружия, применение которых сыграло решающую роль в поражении Кучума и падении Искера. Сибирские татары, имевшие в своем распоряжении две пушки, не сумели сделать из них ни одного выстрела и были вынуждены сбросить в Иртыш¹⁰. По мнению Э.П. Зиннера, эти сведения могли быть получены Н.К. Витзеном от думного дьяка Сибирского приказа А. Виниуса¹¹.

В записках Д. Белла, совершившего поездку по Сибири с российской дипломатической миссией в начале XVIII в., имеются сведения об оружии сибирских татар – луках и стрелах, копьях и других видах холодного оружия. По оценке этого автора, отряд Ермака превосходил сибирских татар в умении вести огонь из огнестрельного оружия. Он даже сравнил сибирских татар с американскими индейцами в период испанского завоевания¹².

Наиболее обширные и информативные материалы по военной истории и вооружению русских воинов, тюркских и монгольских кочевых народов, противостоявших и взаимодействовавших на территории Западной и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и начале Нового времени, были собраны участниками Великой Северной экспедиции и, в частности, Г.Ф. Миллером.

Результаты его активной научной деятельности были обобщены в фундаментальном труде по истории Сибири, в котором содержится последовательное описание исторических событий, военных действий против тюркских и монгольских номадов. Г.Ф. Миллером были осмотрены и описаны некоторые татарские городища, которые являлись оборонительными сооружениями в период первого похода в Сибирь и последующих событий¹³. В его труде содержится характеристика воинских сил и оружия русских казаков и служилых людей, сибирских татар и енисейских кыргызов.

В источниках, собранных в ходе этой экспедиции, содержатся ценные сведения о составе отрядов русских воинов, совершавших походы и несших службу в Сибири. В составе этих отрядов со времени первого похода Ермака были не только русские казаки, но и представители разных европейских, а спустя некоторое время и сибирских народов. Уже во время похода отряда Ермака часть татарской знати перешла на его сторону, участвовала в военных действиях в качестве проводников и переводчиков. В последующие годы в состав российских воинских сил стали активно привлекаться служилые иноземцы из числа угорских народов, сибирских татар, качинцев, а в дальнейшем и других сибирских этносов. В источниках упоминаются отряды, составленные из казаков, стрельцов, немцев, выходцев из литовских земель, служилых юртовских и волостных татар, набранных в округах Тобольска, Тары и Тюмени¹⁴. В сочинении еще одного участника Великой Северной экспедиции И.Г. Гмелина имеется описание панцирей и кольчуг, которые в прошлом носили русские воины, сохранившихся в арсенале Красноярского острога до первой трети XVIII в.¹⁵ Материалы, собранные экспедицией, были использованы ее участником И.Э. Фишером при написании сибирской истории. Он считал енисейских кыргызов весьма воинственным народом. В своем сочинении И.Э. Фишер упомянул о строительстве енисейскими кыргызами горных укреплений и использовании ими стрел¹⁶.

О тактике использования огня при обороне территории ойратами на Иртыше упоминает Г.В. Де Геннин в книге об уральских и сибирских заводах. Он пишет, что в противостоянии отряду И. Лихарева ойраты, жившие в верховьях Иртыша, поджигали сухую траву с подветренной для русских воинов стороны. «Происходившие от онога сильные дымы» вынудили их отступить¹⁷.

Краткие упоминания фортификационных сооружений сибирских татар есть у И.П. Фалька. Он сообщал об укреплениях, названных «окопами», принадлежавших одному из татарских мурз – Туруну, погибшему в столкновении с ойратами¹⁸. Обращение к изучению памятников оборонного зодчества сибирских татар и ойратов позволило зафиксировать места расположения некоторых комплексов, не сохранившихся в последующие столетия. Это дает возможность реконструировать ход событий военной истории в этом регионе в позднем средневековье и в Новое время.

В ходе присоединения к России лесостепных и степных районов Западной и Южной Сибири в XVII в. русские служилые люди контактировали с разными этническими группами и государствами тюркских и монгольских кочевых народов. Различные свидетельства взаимодействия и взаимовлияния русских, тюркских и монгольских народов Сибири прослеживаются в разных областях материальной и духовной культуры, в том числе и в военной области. Сведения о военном искусстве русских и «татарских» воинов, собранные европейцами в XVII–XVIII вв., в сочетании с другими видами источников позволяют реконструировать комплекс вооружения и оценить уровень развития военного дела российских вооруженных сил и их исторических противников в период присоединения южных районов Сибири к Российскому государству.

---

¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 326, 347–348, 356, 358–359.

² Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. 288 с.; Горсей Д. Рассказ, или Воспоминания сэра Джерома Гарсея. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gorsej/frametext1.htm>

³ Горсей Д. Рассказ, или Воспоминания сэра Джерома Гарсея.

⁴ Russia at the close of the sixteenth century. New York, 1856. P. 276.

⁵ Ibid. P. IX.

⁶ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение европейцами взаимовлияния в военном деле русского, тюркских и монгольских народов Сибири в XVII – первой трети XVIII вв. // Век науки и образования. 2012. № 7–9 (39–41). Июль – сентябрь. С. 76–82.

⁷ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Кн. III. Сословия подданных и нравы. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text31.phtml?id=1183>

⁸ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 394–395.

Европейцы о военном деле русских казаков и служилых людей в Сибири XVII–XVIII вв.

⁹ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. 1692–1695. М., 1967. С. 82–83.

¹⁰ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 10–20.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 189, 190, 216, 217, 222.

¹⁴ Там же. С. 290, 362.

¹⁵ Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 159.

¹⁶ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 51, 53, 55.

¹⁷ Геннин Г.В. Де. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 626.

¹⁸ Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI. С. 431–432.

В.О. Бочаров (Санкт-Петербург)

**СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОНСТРУКТОРА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Р.А. ДУРЛЯХОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВИМАИВиВС)**

С РЕДИ ИЗВЕСТНЫХ российских конструкторов артиллерийского вооружения рубежа XIX–XX вв. имя Ростислава Августовича Дурляхова должно быть названо одним из первых. Генерал-лейтенант старой русской армии, постоянный член Артиллерийского комитета (Арткома) Главного артиллерийского управления (ГАУ) в дореволюционные времена, он оставался на посту в годы революции и Гражданской войны, оказавшись, таким образом, среди организаторов новой, советской армии. Подавляющая часть русских береговых и крепостных орудий крупных калибров в конце XIX – начале XX вв. стояла на лафетах, спроектированных или модернизированных Р.А. Дурляховым. Более двадцати лет он преподавал в Михайловской артиллерийской академии (после революции 1917 г. – Артиллерийской академии РККА). Последние образцы материальной части артиллерии, к которым он имел отношение, были сняты с вооружения уже после Великой Отечественной войны. И при всем этом, находящиеся в научном обороте сведения о Р.А. Дурляхове крайне скудны. По сути, они базируются лишь на данных дореволюционных справочников по офицерскому составу военного ведомства и небольшой статье о нем из Военной энциклопедии издательства Сытина.

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) отложилась коллекция материалов различного характера, относящихся к биографии Р.А. Дурляхова. Часть из них оказалась в музее, если так можно

выразиться, в плановом порядке, в соответствии с характером и тематикой коллекций ВИМАИВиВС. Это журналы Арткома, отдельные номера Артиллерийского журнала, а также руководства к службе и чертежи различных артиллерийских систем; они хранятся в архиве и библиотеке музея. В фонде матчасти артиллерии имеются некоторые образцы орудий, сконструированных Р.А. Дурляховым.

Другая часть – это предметы и документы, переданные в музей родственниками Дурляхова в конце 1950-х гг. Среди них – настольная медаль, которой конструктор был награжден на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., фотографии разных лет, черновые расчеты и записи о научной и конструкторской деятельности, датируемые первой половиной 1930-х гг. Медаль и несколько фотографий хранятся в 1-м историческом фонде, фотонегативы с изображениями артсистем конструкции Дурляхова – в фототеке музея. Справки и рукописные документы составили личный фонд Р.А. Дурляхова в архиве ВИМАИВиВС – фонд 38р. Он разделен на две описи и в сумме насчитывает шестнадцать единиц хранения. Все эти материалы позволяют составить биографию ученого, не полную, но охватывающую основные сюжеты его профессиональной деятельности.

Роберт Августович Дурляхер¹ родился 8 января 1856 г.² в городе Рославле Смоленской губернии. О родителях известно, что они были лютеранского вероисповедания, отец был уездным врачом и имел гражданский чин коллежского асессора. Образование будущий генерал получил во 2-й Московской военной гимназии и Михайловском артиллерийском училище, откуда в 1875 г. был выпущен подпоручиком в 41-ю артиллерийскую бригаду. Вместе с бригадой уже поручиком (с декабря 1876 г.) Дурляхер участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском театре военных действий в составе Пририонского отряда³. За боевые заслуги в 1877 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

После войны Р.А. Дурляхер поступает в Михайловскую артиллерийскую академию, в которой обучается в течение 1878–1880 гг. Окончив академию по первому разряду, он назначается помощником начальника мастерских Санкт-Петербургского оружейного завода (в должности находился полтора года). Затем Р.А. Дурляхер в течение девяти месяцев состоит офицером для особых поручений

при инспекторе Санкт-Петербургского арсенала, а после того в течение двух лет исполняет должность помощника начальника мастерских того же арсенала. Таким образом, за несколько лет молодой офицер приобретает солидный опыт работы административного и производственного характера в артиллерийских заведениях военного ведомства. С 1885 г. штабс-капитан Дурляхер переводится делопроизводителем в Артиллерийский комитет ГАУ.

**Генерал-майор Р.А. Дурляхер.
Начало XX в.**

В 1887 г. штабс-капитан Р.А. Дурляхер был направлен в полугодовую командировку в Европу, во время которой посетил производственные площадки и полигоны крупных военных заводов: Круппа (Fried. Krupp) в Германии, а также Сен-Шамон (Saint-Chamond) и Форж э Шантье (Forges et Chantiers) во Франции. В ходе поездки он изучил постановку дела на крупнейших металлургических предприятиях Европы, ознакомился с проектами новейших артиллерийских береговых и корабельных систем как открытой, так и башенной установки, общался с крупнейшими артиллерийскими конструкторами, в том числе с Гюставом Канэ. По результатам командировки Дурляхер составил подробный отчет, который, ввиду важности представленной информации, был по распоряжению ГАУ издан отдельной брошюрой в следующем, 1888 году⁴.

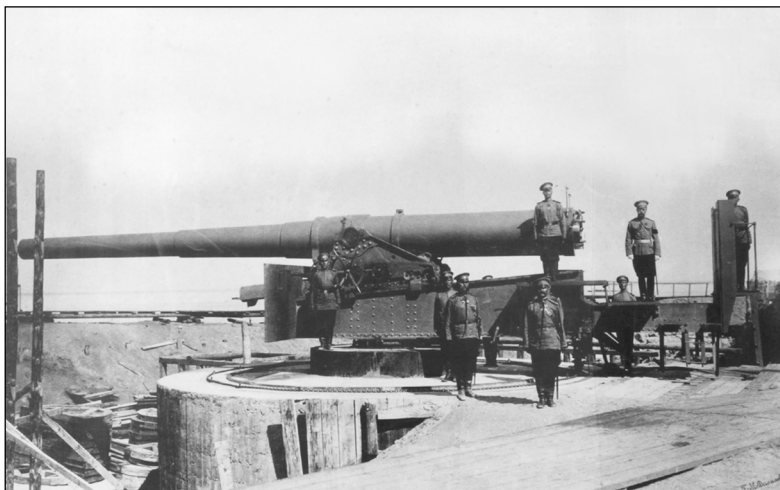
В середине 1880-х гг. Артком с особенным вниманием следил за вопросом создания специального компрессора для уменьшения отката орудий осадной артиллерии на лафетах обр. 1877 и 1878 гг. Испытания предложенных комитету гидравлических компрессоров систем Франко-русского завода и полковника Дюшена не удовлетворили офицеров ГАУ. При стрельбе из 6-дм. пушек в 190 пуд.

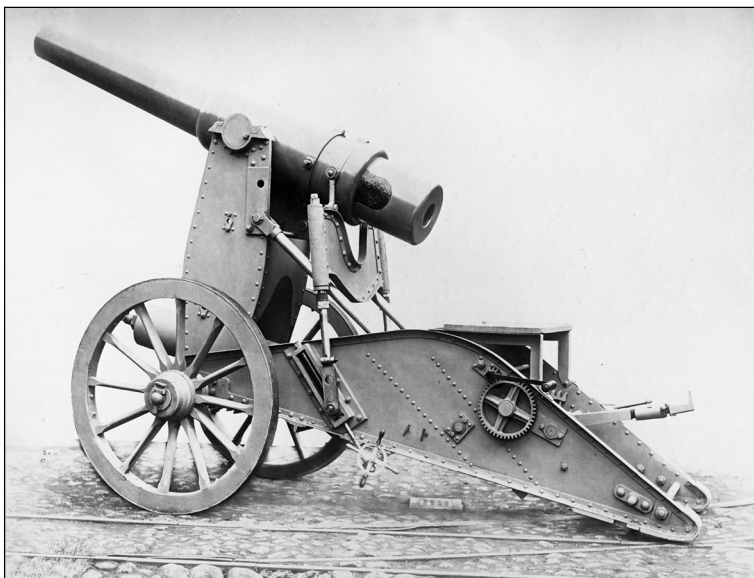
весом, снабженных данными компрессорами, наблюдались подпрыгивания орудий на высоту до 20 дм., что негативно сказывалось на колесах лафетов, откат происходил неравномерно, рывками. Несмотря на многочисленные переделки, добиться от приборов удовлетворительной работы не удавалось. В 1886 г. штабс-капитан Р.А. Дурляхер предложил Артиллерийскому комитету свой вариант 4-футового гидравлического компрессора к лафетам обр. 1877 и 1878 гг. для 42-лин. и 6-дм. в 190 пуд. осадных орудий. Внутренняя поверхность цилиндра предложенного прибора представляла собой конус, в котором ходил цилиндрический без всяких отверстий поршень диаметром несколько меньшим наименьшего диаметра цилиндра. Такая простая конструкция показала себя при испытаниях с наилучшей стороны, действовала надежно и откаты давала равномерные и повторяющиеся. В 1889 г. 4-футовый гидравлический компрессор Дурляхера был принят в русской артиллерии, им были снабжены все осадные лафеты обр. 1877 и 1878 гг. За свое изобретение конструктор получил Михайловскую премию за 1890 год⁵.

1890-е – начало 1900-х гг. – время широчайшего распространения в русской береговой и крепостной артиллерии лафетов конструкции Р.А. Дурляхера. В это время он проектирует береговые лафеты для 6-дм. пушек в 190 пуд. и длиной 35 калибров, 13,5-дм. крупновских орудий, 10-дм. пушек в 45 калибров. По его проектам модернизируются (внедряется гидравлический компрессор, и увеличиваются углы вертикального наведения) старые рамные лафеты для 9- и 11-дм. береговых пушек, 9- и 11-дм. береговых мортир. Для крепостной артиллерии Р.А. Дурляхер разработал несколько образцов капонирных лафетов для легких пушек, а также два варианта скрывающихся лафетов для 6- и 8-дм. орудий.

Среди этих работ некоторые стоит отметить особо. Весьма интересен воплощенный во второй половине 1890-х гг. проект скрывающегося лафета для 9-дм. пушки обр. 1867 г.⁶ Сама идея скрывающихся орудий состоит в том, что ствол на время заряжания опускается полностью за высокий бруствер и тем обеспечивается от поражения артиллерией противника. Для производства выстрела заряженное орудие поднимается на стойках над бруствером, энергия для подъема аккумулируется специальным гидравлическим прессом. Но одно дело, когда требуется рассчитать гидравлическую систему для поднятия орудия весом 2–3 т, и совсем другое,

**10-дм. береговая пушка в 45 калибров на лафете конструкции
Р.А. Дурлахера. Форт Красная Горка. 1910 г.**

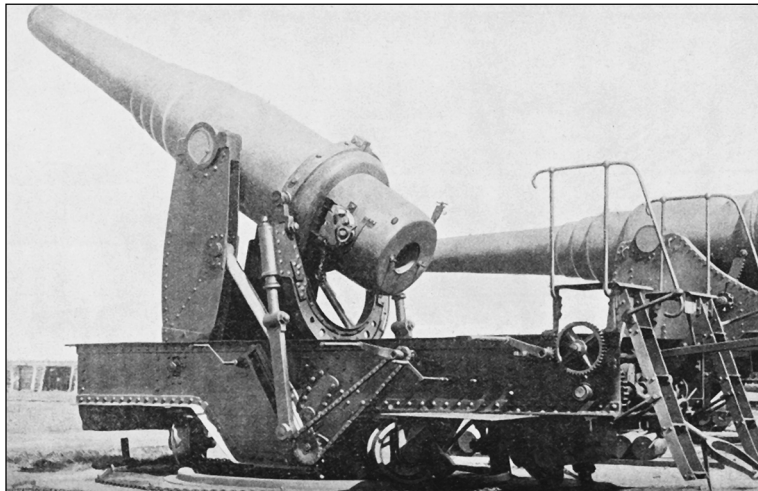

**6-дм. осадная пушка весом 190 пуд.
на скрывающемся гидравлическом лафете. 1890-е гг.**

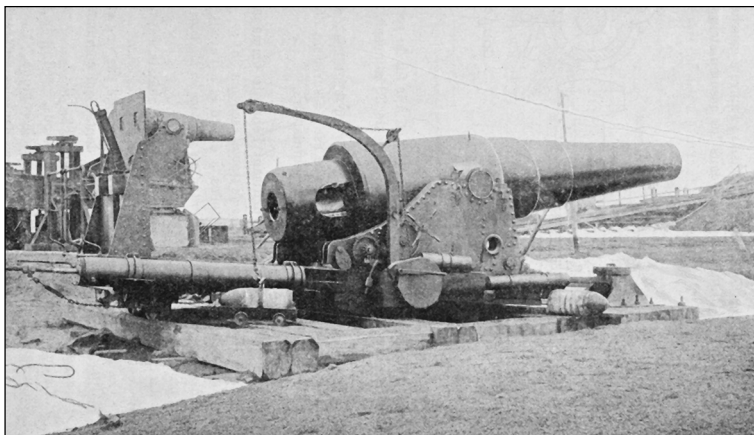
когда речь идет о подъеме береговой пушки весом более 16 т. Несмотря на многие технологические трудности, с задачей русский офицер-артиллерист справился, скрывающаяся установка была собрана и испытана стрельбой в общем удовлетворительно. Она оказалась самым большим и мощным скрывающимся орудием отечественного производства⁷. По мере накопления опыта эксплуатации скрывающихся лафетов пришло понимание, что сам принцип подобной защиты орудия является далеко не бесспорным, поэтому 9-дм. установка не была принята на вооружение и стала лишь одной из вершин технологических возможностей русской школы проектирования артиллерийских систем.

Другой, наверное, самой удивительной вершиной, бесспорно, является проект автоматического лафета для 11-дм. береговой пушки⁸. В 1890-х гг. для улучшения боевых характеристик устаревающих береговых орудий обр. 1877 г. их лафеты были модернизированы, как упоминалось выше, путем введения в конструкцию гидравлических противооткатных приспособлений и увеличения углов вертикальной наводки. Но такие меры были применимы только к установкам открытых береговых батарей. Чтобы повысить возможности казематных орудий, Артиллерийский комитет постановил исследовать вопрос увеличения их скорострельности. В середине 1890-х гг. полковник (с 1895 г.) Р.А. Дурлахер спроектировал систему гидравлических приспособлений к стандартному рамному лафету обр. 1870 г., которая позволяла аккумулировать энергию отката и использовать ее для наведения орудия и действия снарядным краном при зарядании⁹. Увеличившаяся от таких нововведений скорострельность, конечно, не могла заменить принципиально недостаточную дальноточность, но все же экспериментальный образец автоматического лафета был собран и испытан стрельбой и действием механизмов на Главном артиллерийском полигоне в сентябре 1897 г. Гидравлическая система действовала в целом нормально, замеченные неисправности не носили принципиального характера и могли быть устранены¹⁰.

Как сложнейшие и выдающиеся памятники русской артиллерийской техники, 9-дм. пушку на скрывающемся лафете и 11-дм. пушку на автоматическом лафете было решено представить на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Выставленные в артиллерийском отделе русской экспозиции орудия вызвали живой интерес и

**9-дм. береговая пушка обр. 1867 г. на скрывающемся лафете.
Конец XIX в.**

**11-дм. береговая пушка обр. 1877 г. на автоматическом лафете.
Конец XIX в.**

восхищение специалистов, а полковник Дурлахер был награжден дипломом и большой золотой медалью выставки¹¹.

Параллельно конструкторской деятельности развивается и работа Р.А. Дурлахера в военно-учебных заведениях. В 1889 г. он

начинает преподавать артиллерию юнкерам Николаевского кавалерийского училища, а с 1900 г. – вести такой же курс в Михайловском артиллерийском училище. Разрабатывая установки для орудий самых разных калибров, Р.А. Дурлахер формирует и оттачивает свой авторский метод проектирования лафетов. Впервые его труд «О проектировании лафетов» был издан по распоряжению ГАУ в 1896 г.¹², в том же году отмечен Михайловской премией, а через несколько лет и премией генерала Дядина. В 1906 г. увидело свет второе, переработанное издание курса¹³.

Интересное свидетельство психологического плана оставил о Роберте Августовиче Дурлахере один из его слушателей, юнкер артиллерийского училища А.А. Мгебров, в будущем известный театральным режиссер. В его мемуарах о годах обучения (1902–1904) имеется такая запись: «...Профессор Дурлахер отличался добродушным, отзывчивым характером; юнкера любили его всегда занимательные лекции и его остроумный юмор... По некоторым признакам генерал весьма сочувственно относился к некой вольности наших мыслей. <...> Я, как сейчас, помню этого умного, вдумчивого и талантливого генерала, одного из крупнейших, <...>, и даже, кажется, единственного по тому времени крупного специалиста в области сложнейшей науки проекции лафетов. <...> Этот маленький по росту человек с живыми, умными глазами, с розовым, почти без морщин лицом, с седенькой, мягкой, редкой бородкой, всегда аккуратно постриженный, этот человек хорошо знал силу каждого взрыва, динамическую силу пороха <...>. Он знал и всю механику – как управлять этой силой...»¹⁴

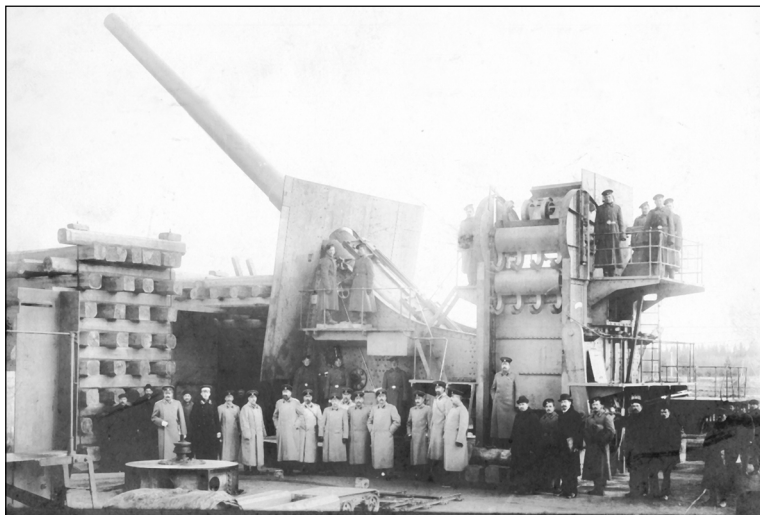
В начале XX в. Р.А. Дурлахер – уже известнейший и самый авторитетный специалист в своей области. С 1900 г. он состоит в Крепостном комитете, с 1903 – постоянный член Артиллерийского комитета, с 1905 – преподаватель Михайловской артиллерийской академии. Его курс проектирования лафетов был известен всем без исключения артиллеристам империи, сконструированная им материальная часть имеется почти во всех крепостях России. Иностранная профильная печать живо интересовалась им и его работами¹⁵. За свои труды по укреплению обороны государства он получил единовременную денежную награду в 10 тыс. р., а с 1901 г. ему назначено ежегодное пособие в 1500 р.¹⁶ В декабре 1903 г. он был произведен в генерал-майоры, а в апреле 1910 – в генерал-лейтенанты.

Р.А. Дурлахер в рабочем кабинете. На стене развешаны фотографии образцов спроектированных им к началу XX в. систем. В центре – диплом Парижской выставки 1900 г.

Одной из интереснейших, но совершенно не изученных работ Р.А. Дурлахера за этот период является проектирование открытой установки для 12-дм. орудия в 52 калибра длиной¹⁷. Это самое мощное из производившихся в Российской империи орудий было спроектировано в 1907–1908 гг. на Обуховском сталелитейном заводе по инициативе морского ведомства как главный калибр будущих линейных кораблей типа «Севастополь». Военное ведомство, в свою очередь, решило использовать его в береговой обороне для замены устаревших 10- и 11-дм. систем. По поручению Арткома генерал Дурлахер рассчитал характеристики противооткатных устройств, требующихся орудию такой мощности, и составил проект открытой одноорудийной установки на центральном штыре. Этот лафет был изготовлен к 1910 г. на Металлическом заводе в Петербурге и установлен на Главном артиллерийском полигоне¹⁸. В дальнейшем на нем производился отстрел поступающих с завода стволов перед отправкой их по назначению.

С началом Первой мировой войны генерал-лейтенант Р.А. Дурлахер как член Артиллерийского комитета выполняет множество

12-дм. орудие в 52 калибра на лафете конструкции Р.А. Дурлахера. Главный артиллерийский полигон. Не ранее 1910 г.

текущих поручений, вызванных обстоятельствами войны. Артком постоянно обсуждает, проектирует и внедряет изменения в образцы боеприпасов и материальной части, сообразуясь с требованиями фронта. Офицеры комитета выезжают на места для исследования повреждений орудий, проектирования позиций для установки крепостных орудий, помощи в налаживании производства артиллерийского вооружения и боеприпасов. Р.А. Дурлахер значительную часть времени в 1914–1915 гг. также проводит в командировках. Нехватка тяжелой артиллерии в армии вынуждает забирать стационарные береговые орудия из крепостей Кронштадт и Владивосток, формировать из них специальные батареи и устанавливать в сухопутных крепостях западной границы и угрожаемых пунктах Черноморского побережья. Генерал Дурлахер неоднократно выезжал в Михайловскую (Батум), Ковенскую, Гродненскую, Брест-Литовскую, Ивангородскую и Новогеоргиевскую крепости, где руководил работами по строительству бетонных оснований, а также проектировал временные деревянные основания для 10/45-дм. и 6/46-дм. орудий, снимаемых с фортов Кронштадта¹⁹.

В исторической литературе встречается мнение, что Роберт Дурлахер поменял имя и фамилию на Ростислав Дурляхов в начале

мировой войны, поддавшись антигерманской пропаганде. Материалы архивов это не подтверждают. Документы за 1914–1915 гг. знают только форму написания «Дурлахер», т. е. фамилию и заодно имя генерал поменял не раньше 1916 г.

Революционный 1917-й год Р.А. Дурляхов встретил на своем посту члена Арткома, исполняя обязанности начальника 2-го отделения (лафетов, повозок и принадлежности) комитета. После октябрьского переворота также продолжал службу. В конце февраля 1918 г. вместе с первым эшелоном работников ГАУ он был эвакуирован из Петрограда в Самару. По прибытии на место Р.А. Дурляхов оказался старшим из эвакуированных вместе с ним коллег по Арткому, почему и принял на себя организационные хлопоты по устройству комитета на новом месте. В первые же дни пребывания в Самаре коллектив выбрал его председателем комитета; начальник ГАУ А.А. Маниковский утвердил назначение. Впоследствии Р.А. Дурляхов состоял на различных должностях в комитете до сентября 1929 г., когда был уволен из рядов РККА.

Для налаживания нормальной работы Арткома Дурляхов привлек в качестве совещательных членов приемщиков и чинов Самарского трубочного завода и починочной мастерской. При этом комитет мог использовать в качестве лабораторий помещения завода и мастерской. Рядом с городом было подыскано место под полигон. Только эти хлопоты были закончены и работа комитета начала входить в привычную колею, как в мае поступило указание о новом переезде, теперь в Москву. Р.А. Дурляхов отбыл из Самары с первым эшелоном и снова начал с нуля организовывать нормальные условия для работы комитета.

В августе 1918 г. приказом начальника ГАУ при Арткоме было образовано «Совещание для использования опыта войны 1914 г. по отношению артиллерийской материальной части и употребления артиллерии в бою». Председателем совещания был назначен Р.А. Дурляхов. Совещание привлекало к заседаниям наиболее выдающихся артиллеристов-участников войны, находившихся тогда в Москве, среди них Ю.М. Шейдемана, В.К. Смысловского и др. Первоначально Совещание собиралось еженедельно. Заседания продолжались до 1920 г.²⁰ Сам Дурляхов в рамках тематики Совещания разбирал вопрос о подвижности военных колесных повозок. Он обобщил соответствующие данные и свел их в таблицу по определенным параметрам²¹.

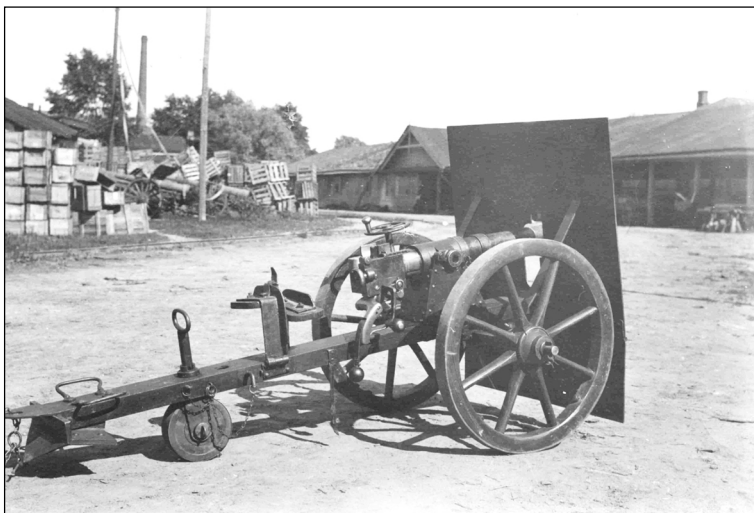

Помимо этого, в начале 1920-х гг. Ростислав Августович разрабатывал вопрос артиллерии будущего. В 1923 г. он представил в Артиллерийский комитет записку, в которой обосновывал точку зрения, что 76,2-мм пушка обр. 1902 г. не соответствует своему назначению в качестве единого полевого легкого орудия ни по подвижности, ни по мощности. Он предлагал заменить ее двумя орудиями. Первое – это легкая 76,2-мм пушка весом 37 пуд. (ок. 600 кг), спроектированная им еще до революции для условий гористых окрестностей Владивостока. По утверждению Дурляхова, это орудие, сравнимое по мощности с горной пушкой обр. 1909 г., было не только спроектировано, но воплощено в металле и даже прошло испытания и было признано соответствующим назначению в качестве полкового. Впрочем, следов этой пушки пока не обнаружено. Вторая предлагаемая система – это вновь спроектированная автором записки «единая 85-мм зенитно-полевая пушка в 52 калибра длиной с дальностью выстрела порядка 15 км». Орудие имело углы вертикального обстрела от -5 до +70 гр. и размещалось на платформе, обеспечивавшей круговой обстрел²². Орудие предполагалось снабдить тормозом отката переменной длины и уравнивающими механизмами. Всю конструкцию можно было поместить как на колесную буксируемую повозку, так и на гусеничный трактор, получив, таким образом, самоходную артиллерийскую установку²³. Артиллерийский комитет выразил заинтересованность в проекте, переслал его для составления детальных чертежей в Комиссию особых артиллерийских опытов. Из-за задержек в разработке чертежей и производстве отдельных деталей проект не был осуществлен. Тем не менее, за предложение Р.А. Дурляхову было выдано вознаграждение в 300 червонцев²⁴.

В 1924–1925 гг. по особому заданию конструктор работал над проектом 65-мм полкового орудия. Сконструированная пушка имела поршневой затвор, металлический лафет, угол вертикального наведения +40 гр., гидравлический саморегулирующийся компрессор и воздушный накатник при массе системы около 170 кг. Заряжание предполагалось раздельно-гильзовое; были спроектированы цельнотянутая латунная гильза и осколочная граната массой 4 кг²⁵. Испытания орудия проводились в 1925–1926 гг., но на вооружение его так и не приняли. Сейчас оно хранится в фондах ВИМАИВиВС.

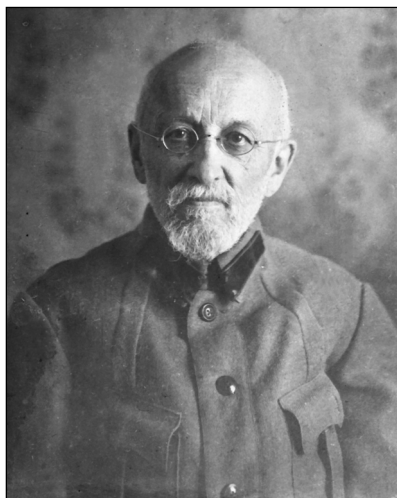
65-мм полковое орудие. Середина 1920-х гг.

37-мм батальонная пушка на станке конструкции Р.А. Дурляхова.
Середина 1920-х гг.

Во время Первой мировой войны на вооружение были приняты 37-мм траншейные пушки системы М.Ф. Розенберга. За годы Гражданской войны изначальные деревянные лафеты расшатались и в значительном количестве вышли из строя. Поэтому Дурляхову было поручено спроектировать новый более прочный лафет для этих орудий. В соответствии с заданием был сконструирован простой металлический однобрусный лафет с гидравлическим тормозом отката (максимальный откат 14 см) и пружинным накатником²⁶. Этот же лафет был приспособлен для наложения 37-мм пушек Грюзонверка²⁷, неожиданно обнаружившихся в значительном количестве на армейских складах.

Помимо конструкторской деятельности, в это время Р.А. Дурляхов продолжал преподавать в Артиллерийской академии, до 1927 г. он вел свой традиционный предмет – проектирование лафетов и установок²⁸. В качестве методического пособия в послереволюционные времена его курс был переиздан дважды. Первый раз – в 1919 г. в виде литографированной брошюры «Проектирование лафетов. Часть теоретическая», и второй – в 1927 г. как дополнительные листы к сохранившимся в библиотеке Артиллерийской академии экземплярам предыдущих изданий. После выхода в отставку в 1929 г. Ростислав Августович начал готовить пятое издание своего курса. Предполагалось значительно увеличение объема книги, текст был переработан по существу, должны были появиться в качестве примеров главы о работах Дурляхова до революции и в годы Гражданской войны, как осуществленные, так и не вышедшие из стадии проектов²⁹.

**Ростислав Августович Дурляхов.
Фото 1926 г.**

Самые последние годы жизни Ростислава Августовича Дурляхова покрыты тайной. После ухода из Артиллерийской академии РККА в 1927 г. и выхода в отставку в 1929 г. он состоял

консультантом на Заводе № 8 и при Артиллерийском научно-исследовательском институте, но о характере этой работы никаких сведений не имеется. Параллельно, как указано выше, готовил переиздание своего курса проектирования лафетов.

Известно, что Р.А. Дурляхов дважды арестовывался в начале 1930-х гг. Вероятнее всего, это происходило в рамках так называемого дела «Весна». Было два обвинительных приговора от 7 октября 1931 г. и 17 февраля 1933 г. Но оба раза его, по всей видимости, отпускали. Это можно утверждать, потому что в личном фонде Дурляхова в архиве ВИМАИВиВС хранятся его записи и математические расчеты, датированные 1931, 1932, 1934 и 1935 гг. Кроме того, имеется справка из Артиллерийской академии о том, что пенсионер товарищ Дурляхов преподавал в академии с 1905 по 1927 г., является известным конструктором и крупным ученым. Эта справка № 89/0705 выдана для предоставления в Комиссию содействия научным работникам и ученым и датирована 7 мая 1934 г.³⁰

Точная дата смерти Ростислава Августовича Дурляхова не известна. В современной справочной литературе иногда встречается год – 1937. Но в сопроводительной записке к материалам Р.А. Дурляхова от 16 июня 1958 г. со слов родственников указано: февраль 1938 г. Обстоятельства смерти не известны³¹. Справка Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 19 мая 1958-го сообщает: дело по обвинению Дурляхова Ростислава Августовича было пересмотрено 11 августа 1956 г., постановления 1931 и 1933 гг. в отношении Дурляхова Р.А. отменены, и дело прекращено за отсутствием состава преступления³².

Представленная статья рассматривается автором лишь как первый, далеко не совершенный опыт исследования биографии известного ученого и конструктора. Многие в его судьбе пока не ясно. Это касается обстоятельств тюремного заключения, последних лет жизни. Не составлен еще полный перечень осуществленных и оставшихся в чертежах проектов, не выявлен в полном объеме список статей и заметок Р.А. Дурляхова в периодической печати. Ничтожно мало известно о его личной жизни. Несомненно, исследование этих вопросов будет продолжено.

---

¹ Р.А. Дурляхов от рождения имел фамилию Дурляхер, но затем дважды менял ее; первый раз около 1893 г.: Дурляхер – Дурлахер, и второй раз вместе с

именем в период Первой мировой войны; Роберт Дурлахер – Ростислав Дурляхов. Точных дат смены фамилии установить пока не удалось, ориентировочные установлены по написанию фамилии в официальных документах.

² Все даты до 31 января 1918 г. приводятся по старому стилю.

³ Военная энциклопедия. Т. 9. СПб., 1912. С. 242.

⁴ Отчет о заграничной командировке штабс-капитана Дурляхера в 1887 году. СПб., 1888.

⁵ Артиллерийский журнал. 1890. № 2. Отдел официальный. С. 1–3.

⁶ Revue D'Artillerie. Т. 54 (April – Septembre 1900). Р. 466–467.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 38р. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.

⁸ Revue D'Artillerie. Р. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Артиллерийский журнал. 1898. № 1. Отдел официальный. С. 518–522.

¹¹ ВИМАИВиВС. 1ИФ. Ном. № 19/3059-4; 20/6613.

¹² Дурлахер Р. О проектировании лафетов. СПб., 1896.

¹³ Дурлахер Р. Проектирование лафетов. СПб., 1906.

¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 28р. Оп. 1. Д. 5. Л. 22–24.

¹⁵ General Durlacher über die Russische Landfestungartillerie // Militär-Wochenblatt. 1907. № 16. S. 366–371.

¹⁶ Военная энциклопедия. Т. 9. С. 242.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 38р. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

¹⁸ Дукельский А.Г. Исторический очерк развития, проектирования и изготовления башенных установок в России 1883–1917 гг. М., 1931. С. 389.

¹⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 9. Д. 441. Л. 48.

²⁰ Прочко И.С. Артиллерия в боях за родину. М., 1957. С. 72.

²¹ АВИМАИВиВС. Ф. 38р. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

²² Там же. Л. 2об.

²³ Там же. Ф. 7р. Оп. 9. Д. 23. Л. 7.

²⁴ Там же. Л. 7об.

²⁵ Там же. Л. 10–11.

²⁶ Там же. Ф. 38р. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

²⁷ Руководство службы при 37-мм пушке Грюзонверка на лафете системы Р.А. Дурляхова. М., 1928. С. 2–3.

²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 38р. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³¹ ВИМАИВиВС. 1ИФ. Ном. № 19/3059-1.

³² Там же. Ном. № 19/3059-2.

В.В. Брызгалов (Архангельск)

АРХАНГЕЛЬСКИЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ДЕВЯТНАДЦАТОГО ИЮЛЯ (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. В связи с тем, что черноморские и балтийские порты оказались заблокированными, единственным портом, который мог осуществлять прием военных и других грузов из-за границы, а также отправлять экспортные грузы в западные порты, оказался порт Архангельск. Доставка грузов через порт Владивосток, по единственной транссибирской магистрали, занимала значительное время.

Каким был Архангельский торговый порт в августе 1914 г.?

Архангельский торговый порт относится к числу замерзающих портов и имеет сезонную навигацию. Период ледостава в Белом море и на реке Северной Двине (рис. 1) продолжается шесть месяцев. Это обстоятельство требует для продолжения навигации в зимний период в порту ледокольного обеспечения. Построенные в 1905–1907 гг. причалы находились в центральной части города и были оборудованы одним ручным краном грузоподъемностью 20 т. В порту имелось 2 крана грузоподъемностью 3 т и один плавучий кран грузоподъемностью 40 т. Подходной канал на Березовом Баре имел глубину до 20 фут. По реке Маймаксе и у городских причалов глубины довели до 14 фут. Дноуглубительные работы в порту осуществляли 3 землечерпательных каравана и 3 землесоса, один из них был самоходным. В 1897 г. открылось железнодорожное сообщение Вологда – Архангельск. Железная дорога была узкоколейной и построена на частные средства. В сутки отправлялось 5 пар поездов, 77–130 вагонов, нагрузка поезда составляла 24 тыс. пуд.¹

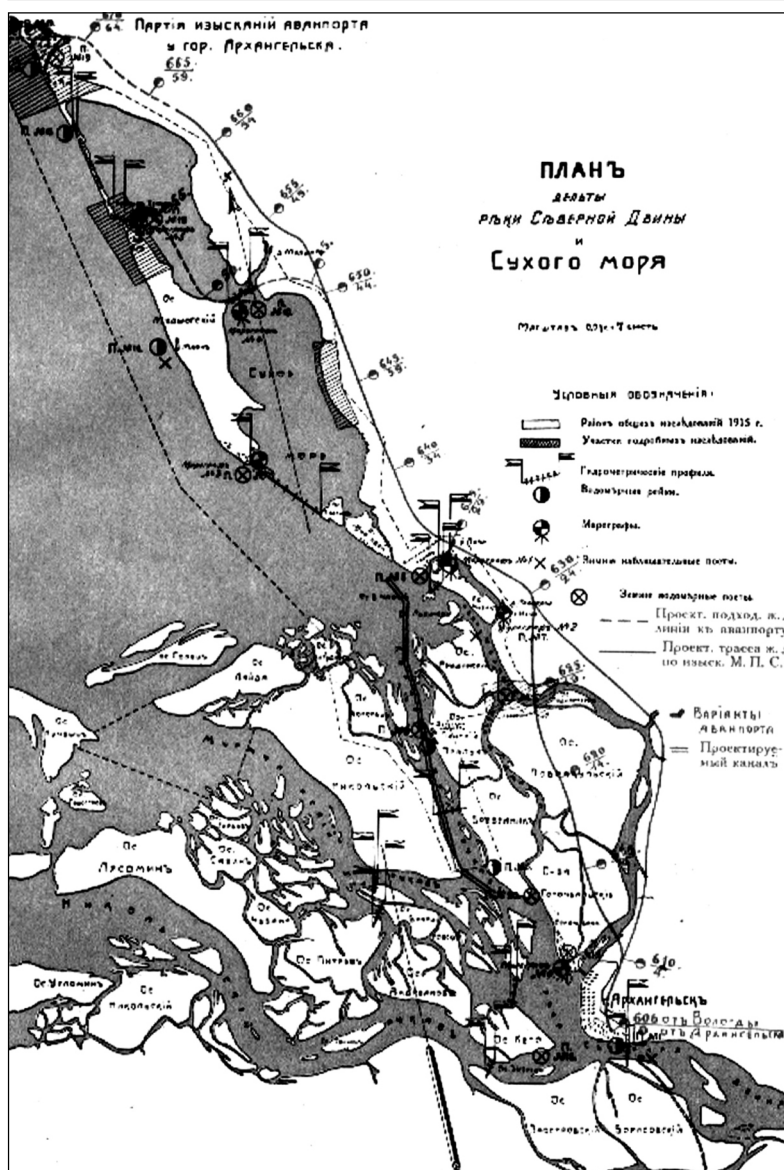

Рис. 1. План дельты реки Северной Двины. 1916 г.

За последние три месяца навигации 1914 г. в порт прибыл 181 пароход, из них 106 – с углем, 15 – с сельдями и 60 – с другими грузами. Разгрузку судов производили на городских причалах, на Смольном Буяне и в Соломбале, а уголь складировали в районе рукава Бакарица и в Соломбале². Осень 1914 г. предъявила к Архангельскому порту требования военного времени и заставила правительство срочно менять ситуацию в единственном морском порту, который связывал Россию с западными союзниками по Антанте.

Строительство причалов в порту, оборудование перегрузочными средствами

Первыми причалами, которые были возведены зимой 1914/1915 гг., явились причалы вдоль протоки Бакарица, которые сформировали грузовой район Бакарица, который располагался на левом берегу Северной Двины. Район Бакарица имел 32 причала, длиной 3200 м, складских помещений общей площадью 221 974 м², из них 65 пакгаузов общей площадью 72 315 м², крытых навесов – 22 760 м² и открытых площадок – 126 899 м², имелись разветвленные железнодорожные пути к причалам и на самой территории района (рис. 2). На этом районе перерабатывались импортные грузы, а на причалах работало 10 кранов (рис. 3), из них³ (табл. 1):

Табл. 1

Тип крана	Грузоподъемность (т)	Кол-во
Стационарный, паровой	8	2
Портальный, паровой	8	3
Портальный, катучий	15	1
-"-"-"	10	1
-"-"-"	8	1
Катучий, паровой	7	1
-"-"-"	8	2

Зимой 1914/1915 гг. были сооружены причалы в Соломбале длиной 1066 м, а на острове Мосееве – длиной 320 м. Соломбальские причалы использовались для переработки импортных грузов, где располагались 2 катучих паровых крана грузоподъемностью 3 т и 5 т⁴, имелся железнодорожный путь к причалам, который в районе Поморского эллинга соединялся с участком железной дороги Экономия – Город. Причалы Мосеева острова были предназначены

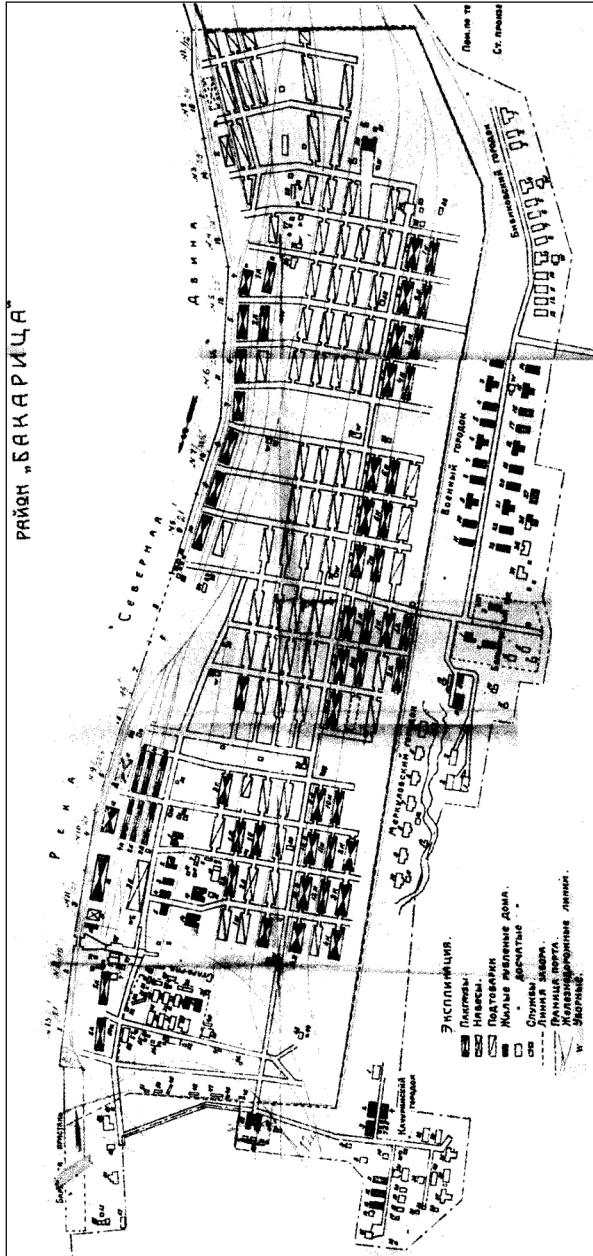

Рис. 2. План грузового района Бакарица

Рис. 3. Портальный паровой кран на грузовом районе Бакарица. 1916 г.

для переработки импортного угля. Район находился на правом берегу Северной Двины.

Зимой 1915/1916 гг. сооружены 18 причалов в аванпорте Экономия, общей протяженностью 1066 м, общей складской площадью 21 850 м², из них 9 пакгаузов – 12 290 м², открытых площадок – 9560 м², имелись разветвленные железнодорожные пути к причалам и на самой территории района. Район располагался в устьевой области Северной Двины и был связан с городом железнодорожной линией, которая заканчивалась в городе, в районе Смольного Буяна (рис. 4). На причалах района перерабатывались импортные грузы, которые переваливали 3 крана, из них⁵ (табл. 2):

Табл. 2

Тип крана	Грузоподъемность (т)	Кол-во
Стационарный, паровой	8	1
Портальный, паровой	8	1
Портальный, паровой	10	1

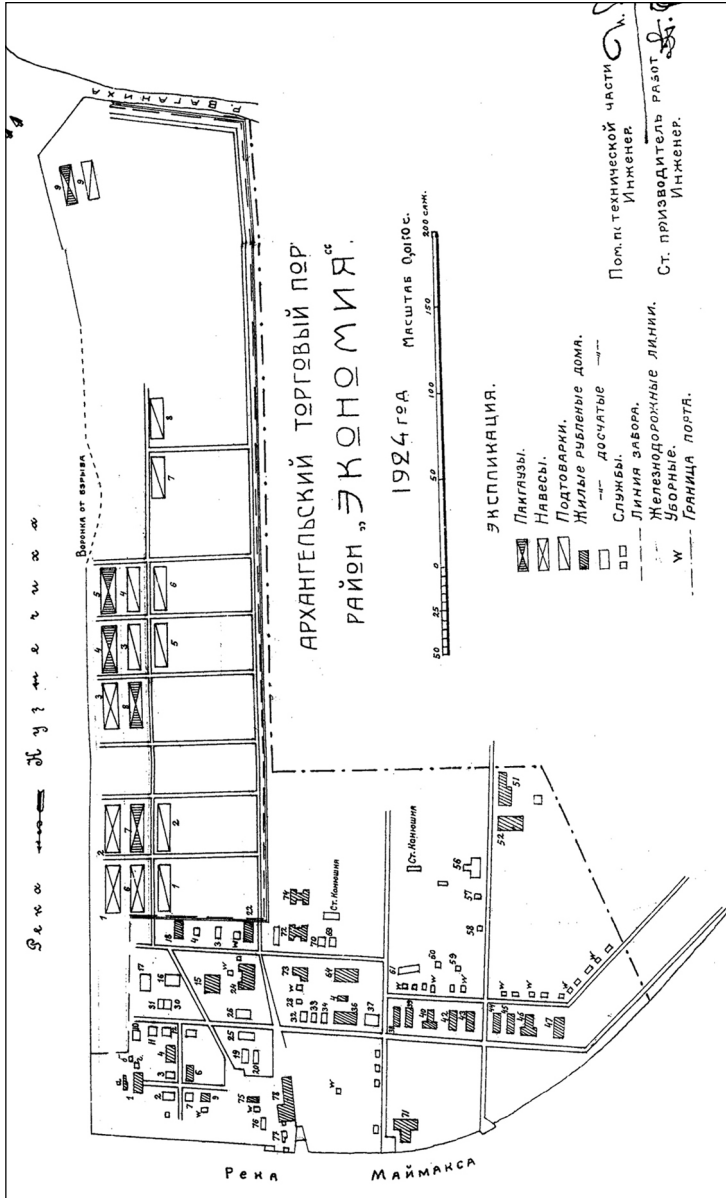

Рис. 4. План грузового района Экономия

Зимой 1915/1916 гг. на Смольном Буяне, превратившемся в новый грузовой район Смольный буян, было построено 5 причалов общей протяженностью 1066 м, общей складской площадью 90 980 м², из них 51 пакгауз, площадью 42 740 м², имелись разветвленные железнодорожные пути к причалам и на самой территории района. На Смольном Буяне перерабатывались экспортные грузы – смольный и льняной товар, хлеб⁶.

В навигацию 1916 г. возведено 8 причалов, длиной 960 м на грузовом районе Экспортная дамба, или Биржевая ветка, которая располагалась рядом с конечной станцией Архангельск. На районе имелось 53 пакгауза общей площадью 6828 м², предназначенные для экспортных грузов, имелись разветвленные железнодорожные пути к причалам и на самой территории района. Район располагался на левом берегу Северной Двины.

В черте города находился грузовой район Город, построенный в 1905–1907 гг., с 10 причалами, длиной 2314 м, и 6 ковшами, в которые заходили суда для разгрузки. Здесь располагалось 8 пакгаузов общей площадью 1748 м², предназначенных для приемки импортных грузов. Для обработки грузов имелось два крана. Один был молотовый, стационарный, грузоподъемностью 20 т, а другой – порталный, электрический, грузоподъемностью 15 т⁷. Район находился на правом берегу Северной Двины (рис. 5).

Из-за нехватки в порту открытых складских площадей было решено использовать все свободные места в самом городе Архангельске, в том числе и улицы. В частности, свободное пространство за оградой Троицкого кафедрального собора застелили досками, на которые складировали разнообразные грузы, которые можно было хранить на открытом воздухе.

Началось строительство нового аванпорта в Железных Воротах, на северной оконечности острова Мудьюгский⁸. Строительство этого нового аванпорта могло быть закончено к середине 1917 г., если бы не трагические обстоятельства – взрыв на грузовом районе Бакарица (1916) и в аванпорте Экономия (1917). Средства, выделенные на строительство аванпорта в Железных Воротах, были направлены на восстановление разрушений на грузовом районе Бакарица и в аванпорту Экономия.

Все вновь созданные грузовые районы Архангельского порта для погрузочно-разгрузочных операций на причалах грузовых районов и в аванпорту Экономия оснащались новым современным

крановым оборудованием, которое поступало из Великобритании и США. Таким образом, по технической оснащенности для переработки грузов Архангельский порт вышел на уровень мировых

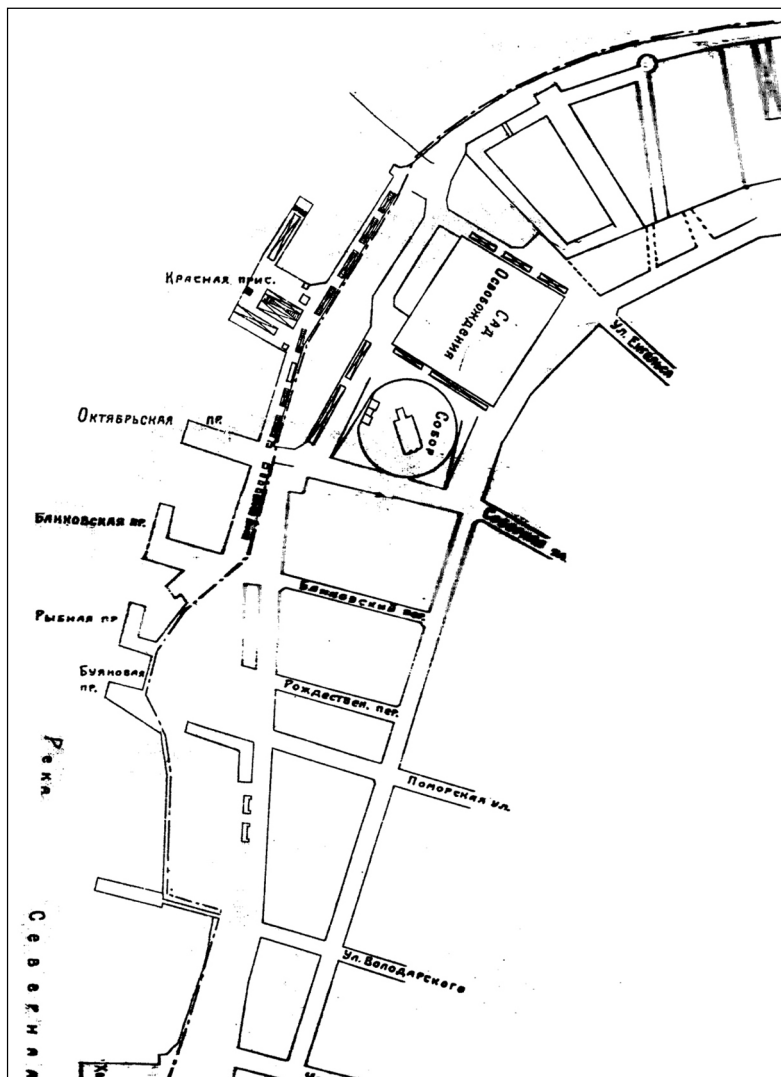

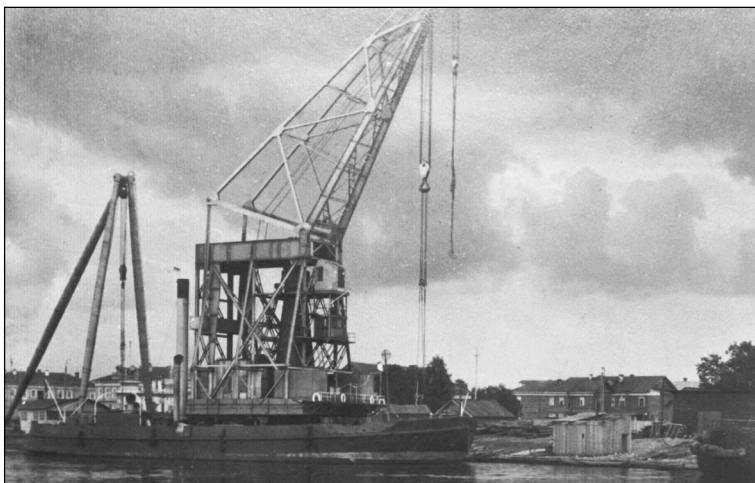
Рис. 5. План грузового района Город

портов и имел 23 разнообразных, по типу и грузоподъемности, береговых крана.

Оборудование Архангельского порта плавучими подъемными кранами

Одним из основных путей доставки грузов из Архангельского порта в центр страны была Северная Двина. Для погрузочно-разгрузочных работ по переработке грузов, предназначенных для отправки по Северной Двине, требовались плавающие подъемные краны (рис. 6). В 1914 г. в порту имелся только один плавающий кран грузоподъемностью в 40 т. В навигацию 1915 г. в порту были собраны плавающие подъемные краны, произведенные Воткинским заводом. Они в разобранном виде поступали в Архангельский порт, где собирались. Всего было поставлено 9 единиц, из них 4 плавающих крана грузоподъемностью 50 т, 2 плавающих крана грузоподъемностью 30 т, 3 плавающих крана грузоподъемностью 10 т.

В навигацию 1916 г. из Голландии пригнали 2 морских плавающих самоходных крана, один грузоподъемностью 135 т, а другой – 150 т. К сожалению, 135-тонный самоходный плавающий кран во время перехода из Архангельского порта в порт Кемь затонул во время буксировки осенью 1916 г. В Архангельский порт в 1916 г.

**Рис. 6. Плавающий кран грузоподъемностью в 135 и 50 т (слева).
1925 г.**

из Голландии был прибуксирован 100-тонный плавучий кран. Во время войны в Архангельском порту имелось 12 плавучих кранов различной грузоподъемности⁹.

Дноуглубительные работы

К созданным новым грузовым районам, где были построены новые современные причалы, необходимо было сделать подходные каналы для грузовых судов с большой осадкой. Землечерпательный караван, состоящий из 3 землечерпалок и 3 землесосов, с этой задачей не справлялся. Для решения масштабных дноуглубительных задач были закуплены за границей еще 4 землечерпательных снаряда и 2 землесоса. Из Петроградского порта по системе внутренних каналов были переведены землечерпательница и землесос, 3 самоходных грунтоотвозных шаланды, и 3 самоходные грунтоотвозных шаланды поступили из Великобритании, было задействовано 30 несамоходных грунтоотвозных шаланд и 7 буксирных пароходов, которые обслуживали эти шаланды. Глубины на подходном канале были доведены до 27 фут., на фарватере рукава Маймакса и у причалов – до 24 фут. К середине 1917 г. Архангельский порт был одним из современных мировых портов, который принимал суда с осадкой 24 фут. Планировалось в навигацию 1917 г. довести глубины до 27 фут. на фарватере и подходных каналах к причалам грузовых районов. Также были начаты работы по исследованию и углублению Никольского рукава, чтобы сделать наиболее прямой заход в Архангельский порт, так как фарватер рукава Маймакса очень извилист¹⁰.

Железнодорожное сообщение

Частная узкоколейная железная дорога, введенная в эксплуатацию в 1897 г., не справлялась с вывозом поступающих в порт грузов. В день вывозилось пятью парами паровозов по 77–130 вагонов, при общей загрузке состава в 24 тыс. пуд. Для ускорения вывоза грузов было поставлено дополнительно 45 паровозов и 900 вагонов, заказано еще 30 паровозов и 500 вагонов, грузоподъемностью по 750 пуд. каждый. Эти меры способствовали тому, что ежедневно из Архангельска уходило по 170 вагонов в день¹¹.

В конце 1914 г. началась перешивка с узкой колеи на широкую колею. В середине 1915 г. был закончен участок Вологда – Няндама. Это способствовало ускорению вывоза грузов, в середине 1915 г. из

Архангельска отправлялось по 220 вагонов в день¹². Продолжались работы на участке Няндома – Архангельск, которые были закончены в январе 1916 г. Стоимость этого проекта перешивки узкоколейной дороги на широкую колею составила, с заменой подвижного состава и верхнего строения пути, 14,875 млн. р. В 1916 г. ежедневно из Архангельска отправлялось по железной дороге до 300 вагонов, а при использовании более мощных паровозов – до 520 вагонов в сутки. В 1916 г. железную дорогу Вологда – Архангельск государство выкупило у частной компании, и железнодорожное полотно было «перешито» на широкую колею. Это позволило провести железнодорожное сообщение на все грузовые районы порта Архангельск: Бакарицу, Экспортную Дамбу, или Биржевую ветку, Смольный Буян, Соломбалу и на аванпорт Экономия. Началось строительство железнодорожного сообщения, длиной в 45 верст (48 км), от Экономии к проливу Железные Ворота, к новому аванпорту.

Архангельский торговый порт к концу Первой мировой войны оказался наравне с мировыми портами по уровню обеспеченности железнодорожными путями. Общая длина только одних внутрипортовых железнодорожных путей составила более 100 км.

Ледокольное обеспечение

Зимой, для обеспечения навигации в Архангельском торговом порту, требовались ледоколы, которые обеспечивали бы проводку судов в порт через льды Белого моря, а также в самом порту для проведения пароходов к причалам. К началу войны единственным судном, способным преодолевать лед, был пароход «Лебедин», построенный в 1908 г.¹³ Неоднократно местным купечеством поднимался вопрос о приобретении настоящего ледокола для Архангельского торгового порта, но ... решение постоянно откладывалось.

Война заставила решать этот вопрос. Первым ледоколом, который был приобретен за границей Министерством торговли и промышленности в августе 1914 г. у канадского правительства, стал ледорез «Эрл Грей», который прибыл в Архангельск 12 октября 1914 г. Его приняла российская команда, судно сразу же переименовали в «Канаду», 19 октября 1914 г. освятили¹⁴. С помощью ледокола «Канада» (рис. 7) удалось продлить зимнюю навигацию до декабря 1914 г., когда из-за аварии ледокол ушел на ремонт в Великобританию. С его помощью была оказана ледокольная проводка

146 судам, из них введено в порт 70 судов, выведено – 54 судна, 22 судна были разгружены у острова Мудьюг и выведены в море¹⁵.

В навигацию 1915 г. в Архангельский порт прибыли купленные в Канаде: ледокол «Иван Сусанин» («Минто»), ледокольные пароходы «Соловей Будимирович» («Брюс»), «Георгий Седов» («Беттик»), «Семен Челюскин» («Айсланд»), портовый ледокол «Горн»; в Норвегии – портовый ледокол «Мильнер»¹⁶. Зимняя навигация 1915/1916 гг. продолжалась всю зиму. Суда приходили на грузовой район Экономика и было проведено 258 пароходов, из них в порт введено 110, выведено – 149¹⁷.

В связи с появлением в порту 8 ледоколов и ледокольных судов, 9 ноября 1915 г. Главномачальствующий г. Архангельска и водного района Белого моря вице-адмирал А.П. Угрюмов утвердил положение «О временном ледокольном бюро при Управлении Архангельского порта». Начальником бюро назначили командира ледокола «Канада» Н.К. Мукалова¹⁸.

В навигацию 1916 г. в Архангельский порт прибыли из Канады ледокольные пароходы «Садко» («Линтроз»), «Владимир Русанов» («Бонавенчур»), «Александр Сибиряков» («Белавенчур») и «Семен Дежнев» («Адвенчур»); построенные в Великобритании

Рис. 7. Ледокол «Канада», погрузка угля. 1916 г.

ледокол «Илья Муромец» и два портовых номерных ледокола № 5 и № 6¹⁹. В зимнюю навигацию 1916/1917 г. на грузовой район Экономия был проведен 171 пароход, из них в порт введено 57, выведено – 114²⁰. В феврале 1916 г. «Временное ледокольное бюро при Управлении Архангельского порта» было преобразовано в «Службу снабжения и содержания ледоколов и плавучих средств Архангельского порта» («Служба Лед»). Начальником «Службы Лед» назначили К. Шиманского²¹.

В навигацию 1917 г. в Архангельский порт прибыли построенные в Великобритании два однотипных ледокола «Козьма Минин» и «Князь Пожарский», ледокол «Святогор», портовые ледоколы № 7, № 8 и № 9 (рис. 8) и построенный в Канаде ледокол «Микула Селянинович» (бывший «Дж.Д. Хейзен») ²² – см. рис. 9. В конце 1917 г. закончена постройка в Великобритании ледокола «Святой Александр Невский», который был захвачен английским правительством. Летом 1918 г. этот ледокол под названием «Александр» («Alexander») приходил в Архангельский порт²³. В конце октября 1917 г. «Службой Лед» была образована Ледокольная флотилия Белого моря. Приказом № 5 от 29 октября 1917 г. начальником флотилии был назначен Н.К. Мукалов²⁴.

К окончанию Первой мировой войны в Архангельском порту имелось 7 линейных ледоколов с мощностью паровых машин от

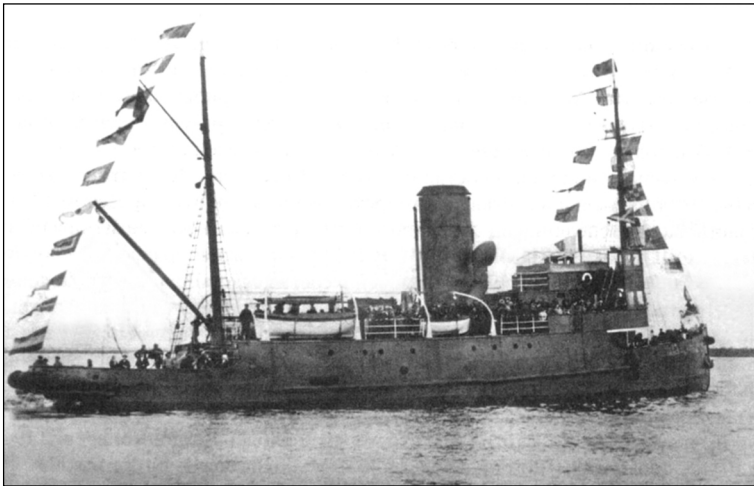

Рис. 8. Портовый ледокол № 9. 1928 г.

3200 л. с. до 10 000 л. с., 7 портовых ледоколов с мощностью паровых машин от 700 л. с. до 1330 л. с., 4 ледокольных парохода с мощностью паровых машин от 2000 л. с. до 2850 л. с., ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач». За период войны погибли 3 ледокольных парохода – «Садко» (1916), «Семен Челюскин» (1917) и «Семен Дежнев» (1918)²⁵ – см. рис. 10.

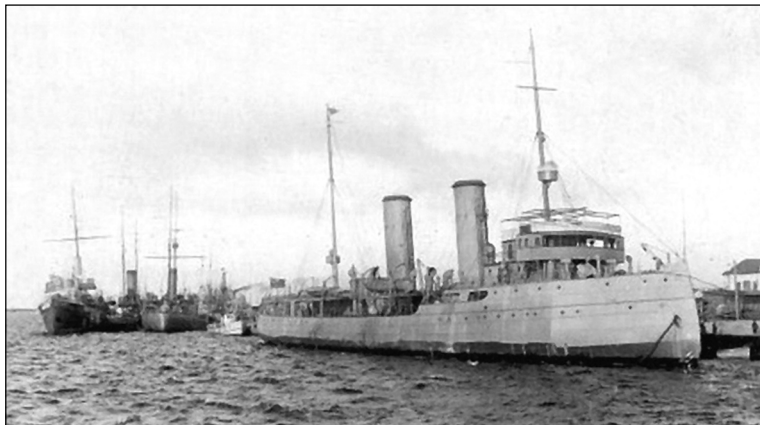

Рис. 9. Ледокол «Микула Селянинович» в Архангельске. 1917 г.

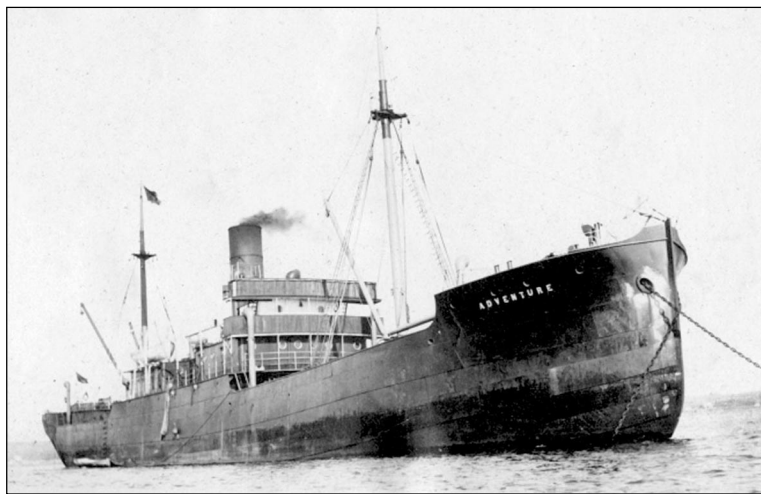

Рис. 10. Ледокольный пароход «Семён Дежнев», 1909 г.

Если учитывать наличие ледоколов на других морях, то Российская империя обладала самым мощным ледокольным флотом в мире в этот период.

Транспортировка грузов речным путем

Северная Двина является естественной водной артерией, по которой издревле производилась транспортировка грузов от истоков к устью и обратно. В навигацию 1914 г. в Северодвинском речном бассейне числилось 127 паровых судов²⁶. В период Первой мировой войны на речной флот легла основная тяжесть по вывозу импортных грузов из Архангельского порта и доставка экспортных грузов в порт. В навигацию 1915 г. численность судов речного флота увеличилась до 381 парохода и 818 барж общей грузоподъемностью до 20 млн. пуд.²⁷ Объем перевозок составил 99,6 % по ввозу и 97,7 % по вывозу²⁸. В навигацию 1917 г. численность судов речного флота достигла 408 пароходов и 1096 барж²⁹. За военный период (1914–1917 гг.) численность паровых судов речного флота увеличилась более чем в 3 раза.

Судоремонтная база Архангельского торгового порта

К началу войны в порту имелись только мастерские Управления работ по улучшению Архангельского порта и два сухих дока, в Лае и на территории мастерских, а также небольшой сухой док «Поморский эллинг» для ремонта парусных судов и небольших паровых буксиров и катеров, расположенный на окраине Соломбалы. Такая слабая ремонтная база требовала кардинального решения. В 1915 г. мастерские были преобразованы в судоремонтный завод, который имел электромеханический, модельно-литейный, кузнечный, сборный, судоремонтно-котельный и деревообделочный цеха, в которых стояли современные станки, доставленные из-за границы³⁰. Для срочных ремонтных работ подводной части корпуса пароходов в порт был прибуксирован плавучий док из Великобритании, который обеспечивал ремонт поврежденной части корпуса судна³¹. Зимой 1915/1916 гг. в Архангельский порт доставили из Риги в разобранном виде плавучий док, который собрали, и к навигации 1916 г. он был введен в эксплуатацию³². Таким образом, Архангельский торговый порт смог обеспечивать ремонт поврежденных пароходов.

Автомобильные внутрипортовые перевозки

В навигацию 1915 г. в Архангельский торговый порт стали поступать из-за границы грузовые и легковые автомобили английского, американского, французского и итальянского производства. Часть этого поступления была выделена для нужд порта. Были организованы гаражи на грузовых районах Экономия, Бакарица и в городе. Всего в порту действовало до 50 единиц грузового и легкового транспорта.

Финансовые затраты

Для создания современного морского торгового порта были затрачены значительные средства. К сожалению, нам не удалось найти общих цифр этих расходов, но по некоторым годам они имеются.

К летней навигации 1915 г. выделен кредит 2,7 млн. р.³³ На зимнюю навигацию 1915/1916 гг. выделено 1,255 млн. р.³⁴, а на летнюю навигацию 1916 г. – 7,3 млн. р.³⁵ На зимнюю навигацию 1916/1917 гг. выделялось 15,4 млн. р.³⁶

Зимой, для проводки транспортных судов к причалам порта, стали приобретаться и строиться за границей линейные и рейдовые ледоколы, были приобретены ледокольные транспортные суда, на которые были затрачены значительные средства.

На перешивку узкоколейной железной дороги Вологда – Архангельск на широкую колею затрачено 14,875 млн. р., без учета подвижного состава.

К сожалению, не удалось выяснить расходы на переоснащение мастерских Управления работ по улучшению Архангельского порта в судоремонтный завод; на строительство и доставку плавучих кранов с Воткинского завода и из-за границы; на закупку береговых кранов и их доставку из-за границы; на переброску буксиров, катеров, барж и других плавучих средств из балтийских портов в Архангельск; на закупку и доставку в Архангельский порт дноуглубительной техники, а также расходы на сами дноуглубительные работы; строительные материалы для причалов, подъездных железнодорожных путей и многое другое.

Скорее всего эти общие затраты составят примерно 300 млн. р.

Каковы же результаты всех этих затрат?

За годы войны Архангельский порт стал занимать площадь в 512 км², с причальной линией в 17,7 км. Результаты деятельности

порта по переработке грузов представлены по статистическим данным³⁷ (табл. 3).

Табл. 3

Годы	Ввоз / импорт (т)	Стоимость товара (в рублях 1913 г.)	Вывоз / экспорт (т)	Стоимость товара (в рублях 1913 г.)
1913	124 329,9	5 038 197	1 060 424,7	27 459 197
1914	530 954,3	51 594 136	992 028,2	45 227 692
1915	934 838,4	345 910 741	902 912,5	136 220 786
1916	1 622 990,9	1 079 397 146	1 111 002,5	223 444 200
1917	27 344 520,5	1 329 232 000	1 041 286,7	252 502 000
1918	80 256,7	310 150 381	114 118,7	153 024 994

За годы Первой мировой войны Архангельский торговый порт превратился в современный мировой порт, оснащенный по последнему слову техники и имевший мощный ледокольный флот для обеспечения круглогодичной навигации. Если бы не трагические события 1916 г. и 1917 г., то Архангельский торговый порт вынес бы свои грузовые операции на территорию острова Мудьюг.

¹ Архангельский торговый порт. Доклад Совета общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района о положении Архангельского порта. М., 1914. С. 19–20, 22.

² Там же. С. 12.

³ Отчет о состоянии и деятельности Архангельского торгового порта и портового управления за 1922–1923 операционный год. Архангельск: Тип. «Северолес», 1923. С. 34–35, 55–58.

⁴ Там же. С. 35–36, 58.

⁵ Там же. С. 35, 55–58.

⁶ Там же. С. 35, 55–56.

⁷ Там же. С. 35, 58.

⁸ Ляхницкий В.Е. Изыскания в устьях р. Северной Двины, произведенные в 1915–1916 гг. для составления проекта аванпорта у города Архангельска. Пг., 1917.

⁹ Архив Архангельского морского торгового порта. Судовые регистровые книги; Отчет о состоянии и деятельности Архангельского торгового порта... С. 57.

¹⁰ Кандиба Б.Н. Русское портостроительство в период войны 1914–1918 гг. Л., 1924; Отчет о состоянии и деятельности Архангельского торгового порта... С. 48–49.

¹¹ Архангельский торговый порт... С. 22–23.

¹² Там же. С. 23.

- ¹³ «Лебедин», относившийся к серии буксирных пароходов типа «Удалец», проработал на Севере до 1975 г. (Андриенко В.Г. Портовые ледокольные буксиры типа «Удалец» // Судостроение. 2003. № 1. С. 82–83).
- ¹⁴ Архангельск. 1914. 12 окт. С. 3; 21 окт. С. 3.
- ¹⁵ Залесский Н.А. Флот Русского Севера в годы Первой Мировой и гражданской войн // Летопись Севера. М. Вып. VI. С. 131.
- ¹⁶ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 340. Оп. 1. Д. 109. Л. 110.
- ¹⁷ Марютин Т.П. Замерзание и вскрытие дельты р. С. Двины и продолжительность навигации в Архангельском порте. Л., 1932. С. 6, 34.
- ¹⁸ Анисимова И.Н., Красавцев Л.Б. Архангельский морской порт в годы Первой мировой войны // X-е Ломоносовские чтения. Архангельск, 1998. С. 43.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 109. Л. 110.
- ²⁰ Марютин Т.П. Указ. соч. С. 34.
- ²¹ ГААО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 109. Л. 110; Ф. 48. Оп. 1. Д. 824. Л. 117–117 об.
- ²² ГААО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 109. Л. 110 об.
- ²³ Залесский Н.А. Указ. соч. С. 132.
- ²⁴ ГААО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 155. Л. 296.
- ²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 109. Л. 110–113; Д. 105. Л. 44 об.–45.
- ²⁶ Брызгалов В.В. Пароходства, пароходные общества и частные владельцы пароходов на реке Северной Двине в XIX–XX веках // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Котлас, 2012. Вып. 5. С. 106–107.
- ²⁷ Голубые дороги Поморья. 150-летняя история Северного речного пароходства. Архангельск, 2008. С. 43.
- ²⁸ Баев И. На голубых дорогах Севера. Архангельск, 1967. С. 4.
- ²⁹ Голубые дороги Поморья... С. 44.
- ³⁰ Отчет о состоянии и деятельности Архангельского торгового порта... С. 12.
- ³¹ Архив Архангельского морского торгового порта. Судовые регистрационные книги.
- ³² Трошина Т.И. Великая война... Забытая война. Архангельск в годы Первой Мировой войны. Архангельск, 2008. С. 32.
- ³³ Там же. С. 25.
- ³⁴ Там же. С. 32.
- ³⁵ Там же. С. 26.
- ³⁶ Там же. С. 34–35.
- ³⁷ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск: Архгубстатбюро, 1925. С. 634–645, 664.

*А.А. Будко, Л.К. Барышкова, Е.Г. Новикова,
Т.С. Разоренова (Санкт-Петербург)*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 1914–1918 гг. Россия вступила с неблагоприятной санитарно-эпидемической обстановкой по целому ряду инфекционных болезней. В 1913 г. заболеваемость населения (на 10 тыс. чел.) достигала: гриппом – 222; корью – 32,9; дизентерией – 31,4; коклюшем – 31,3; дифтерией – 31,1; скарлатиной – 28,3; брюшным тифом и паратифом – 26,6; сыпным тифом – 7,3; натуральной оспой – 4,4; возвратным тифом – 1,9. Число больных малярией превышало 3,5 млн человек. Весьма распространенными были социальные заболевания, такие, как туберкулез и сифилис. С 1908 по 1913 гг. регистрировался непрерывный рост числа заболевших туберкулезом (на 10 тыс. чел.) с 25,6 до 53,9 и сифилисом – с 70 до 76,8, соответственно. Ежегодно выявлялось большое количество больных холерой: в 1910 г. заболело 212 тыс. человек, и почти половина из них умерли¹.

Накануне войны в России работали всего 373 санитарных врача, 12 микробиологических институтов, 20 санитарно-бактериологических и 60 гигиенических лабораторий, 13 дезинфекционных станций и 56 дезинфекционных пунктов², которые были ориентированы на лечебную, а не на профилактическую медицину.

Неблагополучие страны по санитарно-эпидемическому состоянию объяснялось целым рядом причин: децентрализацией управления здравоохранением, недостаточностью или отсутствием сил и средств для проведения профилактических мероприятий, а также низким уровнем жизни.

В армии инфекционная заболеваемость накануне Первой мировой войны была также довольно высокой. По данным отчета Главного санитарного управления в 1912 г. инфекционная заболеваемость в войсках на 1000 человек составила: брюшным тифом – 4,5; сыпным тифом – 0,13; дизентерией – 0,6; оспой – 0,07; гриппом – 33; цингой – 0,48; малярией – 20,6 и сифилисом – 13,3. С началом боевых действий заболеваемость увеличилась, и на протяжении всего военного периода уровень инфекционной заболеваемости в войсках оставался высоким и достиг: брюшным тифом – 25,1; сыпным тифом – 5,4; возвратным тифом – 19,4; дизентерией – 16,5; холерой – 7,9; натуральной оспой – 0,7³.

Одно из объяснений этому можно найти в «Медицинском Вестнике управления Главноуполномоченного Красного Креста Западного фронта», который сообщал: «...в начале войны, собственно говоря, никакой санитарной и противоэпидемической организации не существовало. В ведении Главноуполномоченного Северо-Западного фронта находился только один санитарно-дезинфекционный отряд приват-доцента Широкогорова, сформированный Главным управлением Российского общества Красного Креста. Личный состав медицинской части управления Главноуполномоченного состоял почти исключительно из врачей-хирургов; в этом составе не было специалистов по гигиене и санитарии, кроме одного консультанта по внутренним и инфекционным болезням»⁴. Положение усугублялось еще и тем, что профилактические мероприятия (кроме противооспепных) носили нерегулярный характер и проводились лишь в экстренных случаях. Прививки против брюшного тифа и паратифов в русской армии были введены только в 1915 г.

Санитарно-эпидемическая обстановка еще более осложнилась с доставкой в действующую армию в качестве пополнения почти 8 млн человек из неблагополучных районов⁵. Этот факт подтверждается высказыванием многих врачей, участников войны: «...не успели русские войска прибыть на поля сражений, как в их рядах вспыхнули эпидемия холеры и сыпного тифа». В разгар Первой мировой войны в стране разразилась эпидемия холеры, заболели 43 976 человек. Причиной занесения этих инфекций являлись военнопленные и эвакуированные из районов боевых действий.

Для предотвращения распространения инфекционных болезней в войсках были устроены своеобразные «противоэпидемические

фильтры» в виде нештатных головных (армейских), промежуточных (сборных) и начальных санитарных этапов. Основными задачами таких «фильтров» были осмотр, изоляция больных с подозрением на инфекционные заболевания с последующей их эвакуацией в лечебные учреждения. По замыслу создателей такой системы, на каждой основной коммуникационной линии любая воинская часть, направлявшаяся в действующую армию, должна была пройти через все санитарные этапы. Однако их пропускная способность оказалась недостаточной, на многих из них не удалось добиться строгого соблюдения противоэпидемического режима. Итогом этого стал рост заболеваемости в армии в 1916 г. По сравнению с 5-ю месяцами (август – декабрь) 1914 г. заболеваемость брюшным тифом возросла в 1,3, сыпным тифом – в 23, дизентерией – в 3,3, натуральной оспой – в 2,4 раза. Особенно это касается возвратного тифа: если в 1914 г. заболели 35 человек, то в 1916 г. уже 27 958.

В работе по санитарно-гигиеническому и противоэпидемическому обеспечению войск с июня 1914 г. военные медики руководствовались двумя документами: «Наставлением об охране здоровья войск действующей армии» и «Инструкцией для сортировки заразных больных и перевозки их в военно-санитарных поездах». В 1915 г. появилась «Инструкция о мероприятиях против развития и распространения заразных болезней в армии», а в 1916 г. была издана книга «Устройство и оборудование заразных госпиталей». Наставления были дополнены указаниями по профилактике, диагностике и лечению дизентерии («О дизентерии»), «Инструкцией для производства предохранительных прививок против брюшного тифа», «Описанием и правилами пользования пароформалиновой дезинфекционной камерой» и «Инструкцией для истребления платяных вшей». Под редакцией И.Ф. Рапчевского был издан «Военно-санитарный справочник». Он содержал нормативные документы по противоэпидемической защите войск. Однако на практике требования этих документов не были соблюдены из-за нехватки необходимых для этого сил и средств. К сентябрю 1915 г. на фронтах работали 192 инфекционных госпиталя всего на 25 тыс. коек, 109 госпиталей принадлежали различным общественным организациям. Дополнительно к ним в 44 губерниях России было развернуто 149 подобных лечебных учреждений в общей сложности на 169 тыс. коек. Для эвакуации инфекционных больных были

выделены 26 «заразных» санитарных поездов. На ряде фронтов были оборудованы «заразные городки». На средства общественных организаций была организована работа 1126 банно-прачечных отрядов и бань, 299 механических и ручных прачечных и 13 банно-прачечных поездов.

Со значительным опозданием, в марте 1916 г. вводятся в действие такие важные документы, как «Правила санитарной службы изоляционно-пропускных пунктов на железной дороге», «Правила для предупреждения разноса заразных заболеваний воинскими командами различных назначений и партиями беженцев, переселенцев, рабочих и военнопленных» и «Таблицы сроков выдержки подозреваемых по заразе и заразных лиц»⁶.

К решению проблем по противоэпидемическому обеспечению русской армии были подключены многочисленные общественные организации – Российское общество Красного Креста, Всероссийские земский союз и союз городов и Русская православная церковь. С 3 августа 1914 г. циркуляром № 11 Главного управления Российского общества Красного Креста были объявлены «санитарные мероприятия, обязательные для проведения на путях следования войск и призываемых контингентов». В 1915 г. общество организовало на всех фронтах санитарно-эпидемические, дезинфекционные и прививочные отряды, бактериологические лаборатории, поезда-бани, специальные дезинфекционные поезда. Красным Крестом к началу 1916 г. были развернуты 71 госпиталь, 61 этапный лазарет. В конце 1917 г. для борьбы с эпидемиями в армии Красным Крестом было создано 9 специальных подвижных и стационарных госпиталей на 2300 мест⁷. В распоряжении общества было 54 санитарных поезда, а вместе с переоборудованными пассажирско-товарными составами – свыше 300. На пути следования беженцев из прифронтовых районов Красный Крест организовал питательные пункты, выделял транспорт для доставки больных беженцев в лечебные заведения.

В начале 1915 г. военное командование обратилось к Всероссийским земскому союзу и союзу городов за помощью в борьбе с быстро распространявшимися инфекционными заболеваниями, в устройстве миллионов беженцев. Союзам был разработан план совместных противоэпидемических мероприятий, для чего был образован общий врачебный совет под председательством видного гигиениста П.Н. Диатроптова. Однако «вследствие запоздалого

финансирования противоэпидемических мероприятий основная идея – ограждение страны от вторжения эпидемических болезней посредством устройства госпиталей-заслонов в прифронтовой полосе – оказалась нереализованной»⁸. И по распоряжению Его Императорского Высочества Верховного начальника санитарной и эвакуационной части генерала от инфантерии принца А.П. Ольденбургского, в 1915 г. общее руководство действиями военных и гражданских властей в борьбе с эпидемией холеры было возложено на генерал-лейтенанта Волкова, который поручил профессору А.И. Игнатовскому представить план противоэпидемических мероприятий по борьбе с инфекционными болезнями в войсках.

В годы Первой мировой войны Всероссийские земский союз и союз городов, возникшие на волне патриотического подъема в стране, также оказывали медицинскую помощь пострадавшим. Формально союзы находились под эгидой Российского общества Красного Креста, что обеспечивало им определенные льготы: «возмещение от казны расходов по призрению раненых, бесплатную перевозку грузов и т. п.». На практике они сохраняли полную самостоятельность в вопросах финансирования и своего внутреннего устройства. Земский союз и союз городов были родственными организациями по своему составу, направлениям деятельности и задачам. В конце 1916 г. во Всероссийском союзе городов состояло 474 города. Союзы имели специальные отделы: врачебно-санитарный; эвакуационный; по заготовке белья и теплых вещей; по заготовке медикаментов и перевязочных средств, предметов госпитального оборудования, оборудования санитарных поездов; по формированию врачебно-питательных отрядов, помощи беженцам и др. Союзы развернули энергичную деятельность по оборудованию госпиталей. По данным Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части, в сентябре 1916 г. из 726 660 развернутых госпитальных коек доля союзов составляла 40,5 %⁹. К сожалению, несогласованность в деятельности военных и гражданских ведомств, параллелизм, существовавший в их работе, вели к неэффективному использованию материальных, финансовых средств и кадров. Серьезной проблемой было недоверие правительственной администрации к общественным организациям. Несвоевременное финансирование из государственного казначейства и выделение запрашиваемых средств не в полном объеме особенно негативно

проявились в борьбе с заразными болезнями и в деле помощи беженцам.

При Управлении Главноуполномоченного Российского общества Красного Креста и при армиях Северо-Западного фронта была создана постоянная санитарно-эпидемическая организация, на которую были возложены разработка и выяснение общего плана борьбы с заразными болезнями, руководство санитарно-гигиенической и противоэпидемической деятельностью в местах возникновения острозаразных болезней. В результате при армиях Северо-Западного фронта был создан инфекционный отдел Управления Главноуполномоченного. Во главе этого отдела был поставлен профессор А.И. Игнатовский. В ведении инфекционного отдела находилась центральная анатомио-бактериологическая лаборатория Красного Креста, которая была устроена в здании Анатомического института при больнице Мл. Иисуса в Варшаве. Она являлась научным органом инфекционного отдела и занималась решением разных практических вопросов в области гигиены и эпидемиологии, давала заключение по вопросам бактериологической диагностики и приготавливала питательные среды для рассылки по армейским лабораториям. Кроме того, в ведении инфекционного отдела находились следующие санитарно-гигиенические учреждения: санитарно-дезинфекционные железнодорожные отряды с химико-бактериологическими лабораториями; санитарный поезд, сформированный для перевозки острозаразных больных; шоссейно-дезинфекционные отряды; терапевтический госпиталь на 200 кроватей, сформированный в Варшаве в мае 1915 г.¹⁰

Как уже говорилось, одной из главных причин распространения эпидемий по всей стране и в армии была «беженская волна». Вследствие этого, больные мигранты оседали в различных пунктах вдоль линии фронта. Они-то и представляли серьезную угрозу для тыла. Среди беженцев были распространены холера, сыпной тиф, оспа и другие острозаразные заболевания. Граф Л.Л. Беннигсен, Главноуполномоченный Российского общества Красного Креста, признал необходимым «обратить силы Красного Креста на обслуживание нужд беженцев». Инфекционному отделу было предложено организовать для них медицинскую помощь при посредстве эпидемических отрядов и пунктов. Кроме того, в августе 1915 г. был издан Закон об обеспечении нужд беженцев, определивший их статус и содержание политики «государственного попечения».

В Министерстве внутренних дел и на местах были созданы отделы по устройству беженцев. Отдел по устройству беженцев Всероссийских земского союза и союза городов занимался эвакуацией и устройством беженцев на местах, организовал на свои средства медико-санитарную и продовольственную помощь. Однако война резко обострила социальные противоречия в стране. Союз городов и земский союз все активнее втягивались в политическую жизнь, что вызвало недовольство государственных структур. Поэтому осенью 1916 г. правительство запретило проведение собраний, съездов, и 9 декабря обе организации были распущены. Большую моральную и некоторую материальную поддержку беженцам оказывала Русская православная церковь. Помимо лазаретов и госпиталей, организовывались питательные пункты и пункты отдыха¹¹.

Деятельность же эпидемических отрядов заключалась в организации врачебной помощи местному населению, беженцам и окопным рабочим. Кроме того, отряды занимались дезинфекцией вещей и помещений после больных инфекционными болезнями. В местах расположения беженцев открывались лечебницы, амбулатории для проходящих больных. Кроме амбулаторной помощи эпидемические отряды осматривали поезда с беженцами, изолировали больных холерой и немедленно их отправляли в особо приспособленных теплушках в холерные больницы. О деятельности эпидемических отрядов свидетельствуют следующие данные: с августа 1915 г. по январь 1916 г. эпидемическими отрядами была оказана «амбулаторная помощь в 23 860 случаях; было принято в изоляционные отделения 1782 больных; произведено противотифозных и противохолерных прививок 65 817». Развертывание полевых инфекционных госпиталей, как штатных средств, военным ведомством не было предусмотрено. Для приема инфекционных больных из действующей армии предписывалось всего лишь «открытие особых заразных лазаретов, выделенных из числа приданных дивизиям, или запасных полевых госпиталей...»¹²

Все инфекционные больные, согласно «Инструкции для сортировки заразных больных и перевозки их в военно-санитарных поездах», подразделялись на три группы: «в высшей степени опасные» – это больные брюшным тифом, дизентерией, холерой, сыпным тифом, возвратным тифом, эпидемическим менингитом, натуральной оспой, скарлатиной и корью; «не представляющие опасность в отношении эпидемического развития» – больные туберкулезом,

венерическими болезнями, трахомой, имеющие болезни ран, рожу, сибирскую язву, сап, и больные, которые «могут быть пользуетемы амбулаторно в войсковых частях...». Больных, относящихся к первой группе, предусматривалось лечить только в специальных «эпидемических госпиталях» тыла, в крайнем случае в изоляционных отделениях общих тыловых госпиталей. Распределительный эвакуационный пункт (РЭП) обязан был строго следить, чтобы такие больные не проникали во внутренний район. Больные второй группы в зависимости от вида заболевания должны были оставаться в госпитале, прикрепленном к данному тыловому госпиталю, или направляться на РЭП для дальнейшей эвакуации. Однако при изучении документов стало известно, что данные организационные принципы военной эпидемиологии не всегда проводились в жизнь. Противоэпидемическое дело состояло вне сферы деятельности Главного военно-санитарного управления (ГВСУ). И в докладе по военному ведомству за 1915 г. о состоянии санитарной службы говорится: «...ряд госпиталей как в действующей армии, так и во внутреннем районе приспособлены исключительно для помещения заразных больных. Какие именно госпитали в действующих армиях предназначены для заразных больных, в ГВСУ сведений не имеется...»

В тылу Юго-Западного и других фронтов вне населенных пунктов были построены так называемые «заразные городки» (группа госпиталей барачного типа), каждый на 2–3 тыс. мест. Эвакуация в эти городки велась с головных эвакуопунктов, минуя тыловые. Но, как следует из доклада принца А.П. Ольденбургского в Ставку Верховного главнокомандующего, согласованности и взаимной осведомленности в данной работе не было, «...вследствие чего в одном месте получается избыток сил, а в других местах полное отсутствие таковых»¹³. Кроме того «эвакуаторы» (строевые офицеры, причастные к эвакуационному процессу), нарушая инструкцию для сортировки заразных больных и перевозки их в военно-санитарных поездах, способствовали массовому вывозу с фронтов таких больных. Как писал Е.И. Смирнов, «такой факт можно скорее назвать не борьбой с инфекционной заболеваемостью, а распространением ее по всей территории страны»¹⁴.

С целью уменьшения и при возможности прекращения поступления инфекционных больных в лечебные учреждения тыла страны и в войска в апреле 1915 г. по решению Главных комитетов

Всероссийских земского союза и союза городов, а с ноября 1915 г. по приказу Верховного начальника санитарной и эвакуационной части на «путях следования больных по линии распределительных пунктов» впервые в противоэпидемической практике развертываются изоляционно-пропускные пункты и инфекционные (заразные) госпитали-заслоны, а на внутренних водных путях – врачебно-наблюдательные пункты. Для выполнения своих задач изоляционно-пропускной пункт имел изолятор, инфекционный госпиталь или больницу на 20 коек, бактериологическую лабораторию, дезинфекционную камеру, баню, прачечную, морг, помещение для размещения персонала. К сентябрю 1916 г. на театре военных действий и во внутреннем районе страны действовало около 100 изоляционно-пропускных пунктов всего на 7300 мест.

Сложные медико-санитарные задачи в действующей армии выполнялись, главным образом, Управлением начальника санитарной части армии фронта при помощи многочисленных подчиненных ему военно-санитарных заведений и учреждений.

Как же происходила изоляция и транспортировка заразных больных на театре военных действий? Если заболевание было обнаружено в самой воинской части, то больной обычно являлся в околоток и здесь исследовался полковым врачом. В помощь врачу была выделена лаборатория санитарно-гигиенического отряда. После получения ответа из лаборатории «больной с определенным диагнозом эвакуируется в лечебные учреждения дивизии или в специальные госпитали и лазареты»¹⁵. Заразные больные транспортировались на особых повозках (двуколки, лазаретные линейки, «фурманки»), которые затем подвергались дезинфекции при помощи мыльно-карболовых растворов. Если заразных больных отправляли за линию головных эвакуационных пунктов, то прибегали к помощи санитарных поездов. Большую работу по проведению дезинфекционных мероприятий (ассенизация санитарных поездов и железнодорожных путей) проделали военные железнодорожные санитарно-дезинфекционные отряды. В их ведении имелись химико-гигиеническая, бактериологическая лаборатории и дезинфекционная камера. К марту 1915 г. работало 11 таких отрядов¹⁶. Уже в самом начале войны было обращено внимание не только военного начальства, но и со стороны общественных организаций на большое санитарное значение бань на фронте. Были оборудованы поезда-бани с большой пропускной способностью, а также походные бани.

Обоз походной бани состоял из 24 двуколок, 6 хозяйственных повозок, одной походной кухни и 8–16 аппаратов «Гелиос». Добавлением к такой походной бане являлась походная прачечная.

Запоздавшим и ограниченным оказалось «Высочайшее Повеление» от 14 августа 1915 г. о проведении во всех частях войск, учреждениях и заведениях военного ведомства только «внутренних» военных округов массовой вакцинации против брюшного тифа и холеры с применением тифо-холерной дивакцины и гретой холерной моновакцины. Что же касается личного состава действующих войск, то его вакцинация допускалась лишь с разрешения главнокомандующих фронтов при «особо благоприятных обстоятельствах во время боевого затишья» силами специально формируемых, в основном Земским союзом, прививочных отрядов. 22 августа 1915 г. Главнокомандующий Юго-Западного фронта издал приказ № 994 об организации в войсках прививочной работы. В приказе от всех начальников требовалось «оказывать содействие к успешному проведению противотифозных прививок в интересах охраны здоровья воинских чинов»¹⁷. Этим приказом было положено начало систематической противотифозной вакцинации на фронте. Противохолерная вакцинация велась только по строгим показаниям. К исходу 1916 г. было иммунизировано до 90 % всего личного состава войск. Однако к октябрю 1917 г. Россия и ее Вооруженные силы подошли в состоянии неминуемой «санитарной катастрофы».

Таким образом, в период Первой мировой войны, несмотря на увеличение численности санитарно-гигиенических и противоэпидемических учреждений: санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядов, подвижных лабораторий, банно-прачечных поездов, изоляционно-пропускных пунктов, прививочных отрядов и др., организация противоэпидемического обеспечения войск оставалась неудовлетворительной. Она была обусловлена децентрализацией управления противоэпидемическими учреждениями, рассредоточением их по дивизиям и корпусам, недостатком специалистов, технических средств и оборудования в противоэпидемических учреждениях. Давая оценку деятельности санитарной службы русской армии, Е.И. Смирнов отметил, что основные причины неудовлетворительной противоэпидемической работы в войсках состояли «в плохой организации военно-санитарного дела., в неправильном понимании задач военной медицины в кругах верховного

командования., в отсутствии четкого, единого руководства постановкой лечебного дела как в полевой санитарной службе, так и в тыловых госпиталях со стороны Главного военно-санитарного управления»¹⁸.

---

¹ Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Очерки истории военной медицины. Книга XIV. На противоэпидемических фронтах русской армии. 1861–1945 гг. СПб., 2004. С. 25; Александров В.Н. Инфекционная заболеваемость в русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Рукопись. Л., 1973. С. 13–16.

² Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Указ. соч. С. 25–26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Медицинский Вестник управления Главноуполномоченного Красного Креста Западного фронта / Под ред. проф. С.Р. Миротворцева. 1916. Декабрь. № 2. С. 3.

⁵ Смирнов Е.И. Предисловие // Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Куйбышев, 1942. С. 20.

⁶ Гладких П.Ф., Корнюшко И.Г., Локтев А.Е. Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. III: Медицинская служба русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны. 1906–1917 гг. СПб., 2006. С. 233.

⁷ История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / Под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР – Медиа, 2014. С. 222–223; Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф. и др. История военной медицины России. Т. 3: XIX – начало XX в. СПб., ВМА, ВММ, 2006. С. 376.

⁸ История здравоохранения дореволюционной России... С. 225.

⁹ Там же. С. 224; Лотова Е.И. Земский союз и Союз городов в борьбе с эпидемиями в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965. С. 111–125.

¹⁰ Медицинский Вестник управления Главноуполномоченного Красного Креста... С. 4.

¹¹ Борщук Е.Д. Деятельность православной церкви в организации медицинской помощи раненым в начальный период Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 9–13.

¹² Медицинский Вестник управления Главноуполномоченного Красного Креста... С. 5–7; Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 3. С. 866–879.

¹³ Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Указ. соч. С. 33.

¹⁴ Смирнов Е.И. Указ. соч. С. 21.

¹⁵ Вестник Царскосельского района. 1916. С. 33–38.

¹⁶ Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁷ Караффа-Корбутт К.В. Эпидемии военного времени. Пг., 1916. Ч. I. С. 51–63; Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф. и др. Указ. соч. С. 374; Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁸ Гладких П.Ф., Корнюшко И.Г., Локтев А.Е. Указ. соч. С. 273.

А.А. Будко, Г.А. Грибовская (Санкт-Петербург)

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГОДОВ

24 ЯНВАРЯ (6 февраля) 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января (9 февраля) десять японских эсминцев неожиданно, без объявления войны, атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя броненосец и крейсер. С наступлением дня в порту Чемульпо произошел морской бой, в результате которого русские моряки вынуждены были потопить крейсер «Варяг» и уничтожить канонерскую лодку «Кореец». Лишь на следующий день, 28 января (10 февраля) Япония объявила России войну.

По мнению многих, русско-японская война стала для России самой неудачной. Поражения на суше и на море следовали одно за другим. Русские солдаты и матросы совершали великие подвиги – отрезанный от России Порт-Артур продержался около года – но все было напрасно. Была сделана попытка спасти положение – на Дальний Восток из Кронштадта направилась новая морская эскадра, но 15 (28) мая 1905 г. она была полностью уничтожена в сражении у острова Цусима. Русское правительство пришло к выводу, что продолжение войны немыслимо и стало стремиться к ее прекращению. Мира желали и японцы – вести войну на суше у них уже не было сил. При посредничестве президента США Теодора Рузвельта стороны вступили в переговоры, и 23 августа (5 сентября) 1905 г. в американском городе Портсмуте был заключен мирный договор.

Наша страна была вынуждена уступить Японии Ляодунский полуостров, южную половину Сахалина и предоставила ей полную свободу действий в Корее.

Стратегический план ведения этой войны страдал самым губительным пороком – абсолютной недооценкой сил противника, что заранее обрекало план на провал. Недостаточным было и медицинское обеспечение боевых действий русских войск в этой войне.

По-прежнему не было должного единства в управлении медицинским обеспечением действующих войск.

Военное министерство, понимая необходимость выделения санитарной части в самостоятельный отдел полевого управления армии, приказом по военному ведомству № 79 от 23 февраля (7 марта) 1904 г. во главе санитарной части поставило начальника в чине строевого генерал-лейтенанта. В непосредственном подчинении начальника санитарной части армии находились: полевой военно-медицинский инспектор, полевой инспектор госпиталей (генерал, не врач) и главноуполномоченный Российского общества Красного Креста (РОКК), каждый со своим управлением. Сам же начальник санитарной части подчинялся непосредственно командующему армией, что заметно улучшало качество принятия необходимых решений, касающихся различных сторон медико-санитарного дела.

В ходе первого года Русско-японской войны возникла необходимость пересмотреть организацию управления военно-медицинским обеспечением и дополнить штаты новыми должностями. В связи с этим, к концу 1904 г., непосредственно при Главнокомандующем были учреждены должности главного полевого военно-медицинского инспектора, главного начальника санитарной части, а также введены главная эвакуационная комиссия и санитарно-статистическое бюро.

Основным представителем по медико-санитарному делу при Главнокомандующем являлся генерал-лейтенант Ф.Ф. Трепов, исполнявший обязанности главного начальника санитарной части.

К сожалению, новая структура не улучшила централизацию управления медицинской службой радикальным образом. Начальники санитарных частей армии, полевые военно-медицинские инспекторы и инспекторы госпиталей не были подчинены лицам, занявшим вновь введенные должности. Различным звеньям военно-медицинской службы пришлось действовать в отрыве одно от другого. Эвакуация, как и прежде, была оторвана от лечения, а войсковые этапы от армейских. Не было четкой согласованности и преемственности в работе медицинских органов между районами фронта

и тыла. Так, в районе действующей армии медицинская служба находилась в ведении полевого управления, а в тылу ею занимались окружные военно-медицинские управления, окружные инспекторы госпиталей и окружные уполномоченные РОКК.

Известный хирург Е.В. Павлов, участник войны, по свежим впечатлениям писал: «Управление санитарной частью при Главнокомандующем, а также и управления начальников санитарных частей армий производят такое впечатление, что лица собственно врачебного персонала находятся все в подчинении у военачальников и не пользуются никакими правами... Ясно проглядывается совершенно незаконный захват власти военными над специально медицинской частью... Главному полемому военно-медицинскому инспектору не подчинено ни одно медицинское лицо, ни одно учреждение, за исключением аптек. Даже полевые военно-медицинские инспекторы, находящиеся при армиях, не подчинены ему, а находятся в непосредственном подчинении у начальников санитарных частей армий... Всматриваясь в эту схему, сразу можно увидеть всю нецелесообразность в организации административного строя санитарной части»¹.

В ходе Русско-японской войны был реализован ряд заметных улучшений в организации военно-врачебного дела.

Громоздкие военно-временные госпитали, рассчитанные на 630 мест, были заменены более мобильными и легко управляемыми полевыми подвижными госпиталями на 210 мест. При многих из них с санкции дежурного генерала создавались «слабосильные команды», численностью от 50 до 200 человек каждая. Кроме того, были введены штатные военно-санитарные транспорты и штатные эвакуационные комиссии.

Крупные военно-сводные госпитали, большинство которых было сосредоточено в Харбине, являлись стационарными, хорошо оснащенными и могли принимать на все виды лечения значительно больше раненых и больных. Обратимся снова к мнению Е.В. Павлова: «Нужно отдать полную справедливость, – писал он, – что было положено очень много старания и забот об устройстве этих госпиталей, организованных в сравнительно очень короткий промежуток времени и притом в зданиях, предназначенных для казарм, а не для госпиталей... Современные требования хирургии, основанные главным образом на чистоте, служили заветом для труда всего врачебного персонала»².

Снабжение военных госпиталей фармацевтическими, хирургическими и хозяйственными предметами в целом было достаточно хорошим. Все военно-врачебные заведения, участвовавшие в войне, подразделялись на войсковые и подчиненные органам полевого управления. К первым относились лазареты частей, дивизионные лазареты и полковые госпитали, приданные дивизиям. Ко вторым – самостоятельные полевые подвижные госпитали (не приданные дивизиям), а также полевые запасные госпитали, военно-санитарные транспорты, эвакуационные комиссии, полевые аптеки и временные аптечные магазины. Снабжение всех этих учреждений на протяжении всех дней войны было вполне надежным и достаточным.

Лечение раненых и больных предполагалось производить главным образом в пределах Приамурского военного округа, где и размещались наиболее крупные госпитали. Лечебные заведения, открытые в районе сосредоточения армии и состоявшие при войсках, имели основным назначением осуществлять лишь временный уход за больными и ранеными с последующей возможно быстрой эвакуацией их в тыл. Для этой цели уже к концу марта 1904 г. было сформировано два военно-санитарных поезда, каждый на 250 человек³.

К моменту официального объявления Японией войны, 28 января (10 февраля) 1904 г., налицо состояло 243 врача, 21 фармацевт и 602 фельдшера. По мобилизационному плану штаты военного времени были заметно увеличены и составили: врачей – 817, фармацевтов – 87, фельдшеров – 2097⁴.

Некомплект медицинского состава по распоряжению Главного Военно-медицинского управления начал быстро восполняться медицинскими чинами на действительной службе и призванными из запаса. Этому был посвящен именной указ Правительствующему Сенату, в котором император повелел призвать на действительную службу медицинских чинов запаса из Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Казанского и Кавказского военных округов⁵. Эти меры возымели свое действие, и к моменту ратификации мирного договора в октябре 1905 г. врачей действительной службы в войсках насчитывалось 913, а призванных из запаса – 2194. Фармацевтов числилось 310 и фельдшеров – 8337 человек⁶.

Таким образом, медицинским персоналом русская армия была относительно обеспечена, что сыграло не последнюю роль

в сравнительно успешной деятельности медицинской службы, по сравнению со всеми другими службами русской армии.

При первом же распоряжении о необходимости отправки на театр военных действий части врачей из числа прикомандированных к Военно-медицинской академии, все они единодушно выразили свое согласие добровольно поехать на Дальний Восток⁷.

Не только врачи, но и значительное число студентов Императорской военно-медицинской академии, в том числе и младших курсов, отбыли в район военных действий в составе различных врачебно-санитарных отрядов.

Вместе с тем повсеместно развернулась организация различных кратковременных курсов по подготовке сестер и братьев милосердия для обучения оказанию первой медицинской помощи раненым и больным. Активное участие в этой работе, помимо врачей общества Красного Креста, приняли профессора и преподаватели Военно-медицинской академии. Шестинедельные курсы для сестер были открыты в академии 5 (18) апреля 1904 г. Занятия по анатомии проводил К.И. Суслов, по внутренним болезням – Г.М. Малков, по гигиене – В.А. Левашов, по лекарствоведению – Н.И. Бочаров, по хирургии – В.А. Оппель⁸. Подобные курсы организовывались при многих больницах и госпиталях, не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в других российских городах. Так, доктор В.И. Краевский организовал курсы для 200 слушательниц на базе Семеновского военного госпиталя, где проводились все практические занятия. Другие врачи вели занятия при общинах сестер милосердия. Внешним отличием сестер, прошедших сокращенные курсы (шесть недель), было ношение знака Красного Креста не на груди, а на рукаве.

Вывоз раненых с поля боя в русско-японскую войну и доставка их на перевязочные пункты осуществлялись полковыми (нештатными, выделявшимися перед боем) и дивизионными (рота при дивизионном лазарете) носильщиками, транспортировка на грунтовых путях – полковыми, дивизионными санитарными повозками и конным санитарным транспортом по принципу «от себя». Оставление раненых в руках неприятеля считалось в русской армии таким же позором, как потеря пушек.

Русско-японская война вошла в историю как первая война так называемого «машинного периода», когда с появлением пулеметов резко возросла плотность огня на переднем крае и соответственно

увеличилось число огнестрельных ранений солдат и офицеров.

Следует подчеркнуть, что в ходе этой войны впервые широкое распространение приобрела само- и взаимопомощь, прежде всего потому, что все строевые воинские чины, согласно приказу по военному ведомству № 76 (1904), были обеспечены индивидуальными перевязочными пакетами – ИПП. Снабжение ими войск Приамурского военного округа началось еще за несколько лет до начала военных действий. Из центральных складов уже к концу 1900 г. в округ поступило около 30 тыс. таких пакетов, что и облегчило впоследствии снабжение ими действующих войск.

Индивидуальный перевязочный пакет того времени, мало отличающийся от современного, состоял из трех частей: 1) внешней оболочки из коленкорового и прорезиненного чехла серого цвета, 2) внутренней бумажной оболочки и 3) содержимого в виде ватно-марлевых подушечек с бинтом. Использовались также ИПП чисто бинтового типа⁹.

Носились пакеты в особых карманах, нашитых справа под поясом шаровар. Большинство солдат было обучено правилам пользования этими пакетами и умели накладывать повязки на полученные раны. Без преувеличения можно сказать, что массовое применение ИПП на поле боя позволило в годы русско-японской войны предупредить гибель от кровопотери и последующих осложнений не одной тысячи раненых.

Перед медицинскими работниками войскового звена, а также перед носильщиками, ставилась задача быстрее выноса раненых с поля боя в укрытие и доставка их в ближайший передовой перевязочный пункт. Для выноса раненых каждый пехотный полк располагал всего 128 носильщиками и 32 носилками. Этих сил и средств не хватало. Кроме того, вынос раненых официально считался возможным только во время боевых пауз, а также при благоприятных условиях – наступлении темноты и в тумане. Конечно, эта установка не всегда соблюдалась; движимые желанием как можно быстрее помочь раненым, носильщики работали и под огнем и, конечно, несли большие потери. Раненых обычно выносили в ближайшее укрытие. Впоследствии их стали называть «гнездами раненых»¹⁰.

Евгению Сергеевичу Боткину – приват-доценту Военно-медицинской академии, почетному лейб-медику во время пребывания в действующей армии пришлось проявить себя на поле боя в качестве

простого фельдшера. Это случилось в июне 1904 г. во время тяжелого боя под Вафангоу. В своем труде «Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг.» Е.С. Боткин вспоминал, что когда был ранен фельдшер, ему пришлось заменить последнего: «Я взял его санитарную сумку и пошел на гору, где и сел на склоне около носилок... Снаряды продолжали свистеть надо мной... За себя я не боялся. Я был совершенно убежден, что, как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит... Когда сверху раздавался зов: “Носилки!”, я бежал наверх с сумкой и двумя санитарями, несшими носилки»¹¹.

Нужно отметить, что штатные носильщики были обучены правилам наложения жгута и навыкам оказания первой помощи. При выходе на поле боя они, кроме носилок, снабжались сумкой с перевязочным материалом и жгутом. Носилок всегда не хватало, их часто приходилось заменять распространенной имитацией: ружьями, на которые натягивались шинели. Обычно в роли носильщиков, вынужденных пользоваться подобным выходом из положения, выступали строевые солдаты.

Согласно действовавшему тогда «Положению...», для оказания дальнейшей медицинской помощи раненые с поля боя доставлялись на передовой или полковой перевязочный пункт, располагавшийся, в зависимости от обстановки, на расстоянии от половины версты до полутора от линии огня. Выбиралось место, защищенное сопкой или складкой местности, поблизости от проточной воды. Довольно часто под передовой перевязочный пункт использовались китайские фанзы, особенно в осеннее время и в случае дождей. В летнее время перевязочный пункт нередко располагался прямо под открытым небом.

На расстоянии 4–6 верст от линии огня устраивались главные перевязочные пункты, роль которых исполняли дивизионные лазареты. Отсюда раненые направлялись уже в полевые подвижные госпитали, а чаще – непосредственно в санитарные поезда для дальнейшего следования в тыл. Объем медицинской помощи на передовых перевязочных пунктах был достаточно ограничен и заключался в выполнении перевязки, наложении транспортных шин и иногда производстве неотложных операций по жизненным показаниям. Кроме того, раненые регистрировались и получали кратковременный отдых и питание. Многие врачи стремились как можно быстрее отправить раненых на главный перевязочный пункт,

используя для этого имевшиеся в их распоряжении двуколки. «Главная задача, – писал врач перевязочного пункта 148-го пехотного полка А.С. Денисов, – поскорее вывести раненых из сферы огня»¹².

Приведем мнение профессора Р.Р. Вредена (1867–1934), главного хирурга Маньчжурской армии в 1904–1905 гг., которое он неоднократно высказывал и отстаивал. Он считал, что «Задачи современного передового перевязочного пункта сводятся к предотвращению инфекции, остановке кровотечения, устранению травматического шока, иммобилизации поврежденных костей и суставов, к сортировке и спешной эвакуации раненых на главный перевязочный пункт, т.е. в дивизионный лазарет или, минуя последний, в ближайший полевой подвижный госпиталь»¹³.

По официальным данным, за всю кампанию на передовых перевязочных пунктах медицинскую помощь получили 74 % раненых. Остальные попадали на главный перевязочный пункт, а также в полевые госпитали или лазареты Красного Креста¹⁴.

При отступлении после крупных сражений многим раненым вообще не успевали оказывать никакой медицинской помощи. Единственное стремление врачей заключалось в скорейшей отправке раненых любыми способами в тыл. Объем медицинской помощи на главном перевязочном пункте был также невелик. Однако, помимо перевязок и наложения иммобилизации, здесь уже выполнялись ампутации, перевязка сосудов, извлечение инородных тел и даже трепанация черепа при витальных показаниях. Хирурги В.Б. Губбенет в осажденном Порт-Артуре и М.И. Гедройц в передовом отряде Красного Креста впервые успешно оперировали раненных в брюшную полость в первые шесть часов после ранения. Задерживались на главных перевязочных пунктах только легкораненые, которых после выздоровления врачи охотно использовали в качестве служителей. Тяжелораненых старались как можно быстрее отправить на следующий этап медицинской помощи, которым по «Положению...» считался полевой подвижный госпиталь. Но чаще всего приходилось эвакуировать раненых в более отдаленные госпитали, поскольку полевые подвижные госпитали нередко оказывались в стороне от потока раненых.

Если не акцентировать внимания на отмеченных недостатках, касающихся доставки раненых на перевязочные пункты и их дальнейшей транспортировки, то работу перевязочных пунктов в период русско-японской войны следует признать вполне удовлетворительной.

Самоотверженная деятельность врачей, фельдшеров, санитаров в условиях почти непрерывного отступления, часто под огнем противника, позволила спасти жизнь многим раненым офицерам и рядовым, оказать им своевременную и необходимую помощь и, несмотря на все трудности, направить на госпитальное лечение.

В медико-тактическом отношении госпитальное дело в ходе войны получило новое направление: наметилась и даже была осуществлена некоторая специализация госпиталей. В частности, появилась возможность выделить госпитали хирургического или инфекционного профиля. В Харбине возникли самостоятельные сводные госпитали для венерических, офтальмологических и оториноларингологических больных. Специализацию госпиталей применяли и в системе учреждений Красного Креста. Например, в Харбине 15 (28) декабря 1904 г. был открыт центральный психиатрический госпиталь с подготовленным к работе с таким контингентом больных штатом врачей и обслуживающего персонала. А в ходе русско-японской войны только до 15 (28) декабря 1904 г. из Харбина было отправлено в глубокий тыл 224 душевнобольных¹⁵.

Важным фактором в улучшении санитарно-гигиенического обеспечения действующей армии явилось введение штатной должности армейского врача-гигиениста, врача для поручений при нем, а также походной лаборатории. Среди нештатных противоэпидемических формирований на театре военных действий имелись центральные и «летучие» санитарные отряды, оснащенные бактериологическими лабораториями, дезинфекционные отряды РОКК и других общественных организаций. Часть полевых госпиталей также была обеспечена химико-бактериологическими лабораториями и дезинфекционными камерами, укомплектована специально подготовленным персоналом.

Конечно, далеко не все в организации военно-санитарного дела в ходе русско-японской войны заслуживает одобрения и положительной оценки. Наряду с определенными достижениями и успехами имелись и крупные недостатки, многие из которых не удалось устранить вплоть до окончания боевых действий.

Пленными русская армия потеряла 59 213 человек, в число которых входят и 5425 раненых. Почти половина всех пленных – 47 % – была захвачена в Порт-Артуре в декабре 1904 г.¹⁶

За весь период войны ранено и контужено было 151 944 человека, из которых 487 человек (0,3 %) скончались на поле боя,

132 322 человека (67,1 %) отправлены в лечебные учреждения, 13 710 человек (9,0 %) остались в строю, а 5425 человек (3,6 %), как уже сказано, были взяты в плен. Подавляющее число раненых и убитых приходится на время ожесточенных боев второй половины 1904 г. и первой половины 1905 г. под Ляояном, на реке Шахе, под Сандепу и Мукденом. Только за время этих боев было убито 17 633, ранено и контужено – 106 507 человек¹⁷.

В целом следует признать, что в годы русско-японской войны, в отличие от многих других государственных ведомств, военные медики и медики Российского общества Красного Креста, действуя сообща, в основном справились с поставленной перед ними тяжелой задачей. Одновременно в ходе войны был выявлен и ряд недостатков, устранение которых позволило в дальнейшем улучшить материальное снабжение лечебных учреждений, серьезно заняться вопросами эвакуации на всех ее этапах, а также значительно повысить роль санитарно-гигиенических и лабораторных исследований в предупреждении и лечении заболеваний военного времени.

---

¹ Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году: Из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907. С. 131–132.

² Там же. С. 70.

³ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. II. Ч. 2. С. 511.

⁴ Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический отчет. Пг., 1914. С. 9.

⁵ Летопись войны с Японией. СПб., 1904. № 33. С. 623.

⁶ Война с Японией... С. 10.

⁷ Русский врач. 1904. № 12. С. 466.

⁸ Воен.-мед. журн. 1904. Март. С. 657.

⁹ Зуев К.И. Индивидуальный пакет и готовые повара // Воен.-мед. журн. 1909. Май. С. 28.

¹⁰ Русский врач. 1904. № 26. С. 947.

¹¹ Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1908. С. 81.

¹² Денисов А.С. Перевязочный пункт 148 пехотного Каспийского полка в Мукденском бою // Воен.-мед. журн. 1908. Окт. С. 279.

¹³ Штейнберг М.Г. Пределы хирургической помощи на перевязочном пункте // Воен.-мед. журн. 1908. Апр. С. 697.

¹⁴ Война с Японией... С.84.

¹⁵ Русско-японская война... С. 511.

¹⁶ Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прежних войнах (1756–1918). Л.,1947. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 43.

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО ФЛОТА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

РУКОВОДСТВО медицинским обеспечением русского флота в Первую мировую войну осуществлялось Управлением санитарной части флота, которое возглавлял Главный санитарный инспектор флота А.Ю. Зуев (1856–1924).

На отдельных флотах и флотилиях медицинскую службу возглавляли флагманские врачи штаба командующих флотами (на Балтийском флоте – Р.И. Гловецкий, на Черноморском – П.Л. Гурвич), в подчинении которых находились флагманские врачи соединений.

В портах медицинскую службу возглавляли главные врачи морских госпиталей, они же являлись и главными санитарными инспекторами портов. В портах, возникших в годы войны (Поти, Батуми, Ризе, Трапезунд, Новороссийск), были учреждены должности портовых врачей, в распоряжении которых были портовые приемные покои на 5–10 коек.

Нерешенной проблемой для флота был низкий уровень укомплектованности врачевным и средним медицинским составом. В табл. 1 представлены данные по количеству медицинских чинов морского ведомства в 1915 и 1917 гг. В результате проведенных в 1916 г. мероприятий (замещение отдельных должностей вольнонаемными и врачами, находящимися в отставке и др.) положение несколько улучшилось. С объявлением мобилизации численность медицинского состава в морском ведомстве возросла примерно на 65 %¹.

На крупных кораблях 1 ранга (линкоры) по штату было положено по 2 врача, фельдшера и 4 санитаря. На меньших судах

Количество медицинских чинов в морском ведомстве²

Медицинские чины	Год	
	1915	На 01.01.1917
Врачи	396	467
Лекарские помощники, классные фельдшеры и санитарные кондукторы	183	242
Фельдшеры 1 и 2 ст.	573	658
Санитары	1020	1610

медицинский состав был представлен врачом, фельдшером и 2–3 санитарями. На эскадренных миноносцах и подводных лодках полагался фельдшер. На кораблях 1 ранга имелся лазарет на 10–15 коек, изолятор для инфекционных больных на 2–4 койки, амбулатория с перевязочной, операционная и аптека.

В береговых частях и морских командах организационно-штатная структура была сходна с корабельной. В экипажах и полуэкипажах имелись лазареты на 15–20 коек. Медицинский состав был представлен старшим врачом, 2–3 младшими, 3–4 старшими фельдшерами, 4–5 фельдшерами 1 и 2 ст., 1–2 санитарными унтер-офицерами и 4–6 санитарями.

Отдельные соединения кораблей малого тоннажа имели свои плавучие лазареты. Так, 1 партия траления Балтийского моря – госпитальное судно «Наутилус» на 25 коек³. На спасательном судне для подводных лодок «Волхов» имелся лазарет на 30 коек; дивизиону траления Северного Ледовитого океана было придано госпитальное судно «Эклипсис» на 20 коек⁴.

Общий коечный фонд в морском ведомстве хотя и представлялся вполне достаточным, однако распределение его по портам Балтийского флота было неудовлетворительным. Вследствие этого в передовых портах ощущался недостаток в госпитальных койках.

В организации медицинского снабжения русского флота до войны имелись существенные недостатки: отсутствовали санитарные склады, медицинское имущество получалось из многих ведомств, наряду с современными образцами инструментов и других предметов применялись устаревшие.

Специальная подготовка личного состава медицинской службы до войны проводилась преимущественно на базе морских госпиталей. Врачи прикомандировывались к ним на определенное время для повышения квалификации; фельдшеры обучались в

специальных школах при Кронштадтском и Николаевском госпиталях, а затем проходили «повторительные курсы»; санитары готовились из матросов в течение года по специальной программе.

1. Мобилизационная подготовка медицинской службы

Мобилизационными планами предусматривалось получение на корабли и в части неприкосновенных запасов медицинского имущества, расширение коечной сети с 4 до 8 % к численности личного состава, оборудование госпитальных судов, подготовка к приему пополнения. При этом применялись расчеты ожидаемых санитарных потерь и размер коечной сети.

Основным недостатком мобилизационного планирования медицинской службы портов и Управления санитарной частью флота было несоответствие между имевшимся наличным медицинским составом и имуществом, возможностями подготовки их и выставленной в документах минимальной потребностью в силах и средствах на период мобилизационного развертывания. Вторым крупным недостатком была недооценка значения передовых крепостей флота, благодаря чему к началу войны они оказались с минимальными медицинскими силами и средствами. В результате, как в морских крепостях, так и во временных военных портах пришлось прибегать к помощи медицинских учреждений военно-сухопутного ведомства и общественных организаций. Третьим недостатком мобилизационного планирования медицинской службы было отсутствие единого флотского мобилизационного плана. Имевшиеся планы хотя и согласовывались между собой, но преимущественно по командной линии, так как не имелось единого флотского медицинского начальника.

Развертывание медицинской службы Балтийского и Черноморского флотов в начале Первой мировой войны прошло в основном в соответствии с мобилизационными планами⁵.

Флагманские врачи штабов командующих флотами проводили мероприятия по доукомплектованию кораблей медицинским составом и имуществом до штатных норм военного времени. Санитарные инспекторы портов в соответствии с мобилизационными планами расширяли коечную сеть, готовились к встрече пополнения и руководили снабжением кораблей и частей неприкосновенным запасом медицинского имущества.

К началу войны на Балтийском флоте, не считая госпитальных судов и корабельных лазаретов, было развернуто 1882 койки вместо 4752 запланированных. На Черноморском флоте план развертывания остался несколько невыполненным за счет Севастопольского морского госпиталя⁶.

1.01.1916 г. количество лечебных заведений морского ведомства и число коек в них выражалось следующими цифрами: морских госпиталей – 8 на 5570 коек, береговых лазаретов – 44 на 709, приемных покоев – 38 на 110, судовых лазаретов – 139 на 1378, госпитальных судов – 3 на 520 коек. Общее число коек в морских лечебных заведениях на 20.03.1916 г. составляло 6460, из них было занято ранеными 774, больными – 2630, остальные места оставались свободными⁷.

Загруженность морских госпиталей была не везде одинаковой, наименьшей в первые два года войны она оказалась в госпиталях Финляндии. Так, на 10.04.1916 г. из всех коек было занято менее 50 %. Однако в сентябре 1917 г. морской госпиталь Гельсингфорса оказался переполненным до такой степени, что больных и раненых пришлось эвакуировать в Петроград.

В 1916 г. во всех флотах имелись 9 госпитальных судов с общим количеством коек 1260 и 12 госпитальных транспортов. Госпитальные транспорты выполняли в основном эвакуационные функции. Два из них – «Атене» и «Эквадор» – за один рейс могли одновременно перевезти до 1500 чел. каждый, «Португаль» – 1000 чел.⁸

Кроме того, предполагалось применять госпитальные суда в качестве стационарных госпиталей. Например, на госпитальном судне «Ариадна» имелось 80 стационарных и 240 эвакуационных коек, а на госпитальном судне «Николай» – 340 коек⁹.

Иногда госпитальные суда обслуживали определенное эвакуационное направление; например, госпитальное судно «Ауру» было предназначено для эвакуации раненых с Або-Аландской шхерной позиции¹⁰.

Недостаток медицинских сил и средств в передовых портах и морских крепостях, обнаружившийся с началом войны, явился отрицательной стороной в организации их лечебно-эвакуационного обеспечения и проистекал из существенных недостатков мобилизационного планирования работы медицинской службы.

2. Повреждения кораблей и боевые потери в личном составе русского флота в Первую мировую войну

В указанную войну из состава русского флота погибли: 2 линейных корабля, 3 крейсера, 4 заградителя, 3 канонерские лодки, 14 эскадренных миноносцев, 16 тральщиков, 7 подводных лодок, 2 госпитальных судна и др. Кроме того, имелось много поврежденных кораблей, оставшихся на плаву¹¹. Боевые потери имели место также среди личного состава морской пехоты, авиации и частей береговой обороны.

Данные А.И. Зятюшкова (1956), составленные на основе архивных и опубликованных материалов, значительно отличаются от тех, которые опубликованы в 1925 г. Центральным статистическим управлением – ЦСУ (табл. 2)¹². Наибольшие боевые потери в личном составе были на Балтийском и на Черноморском флотах.

Табл. 2

Боевые потери в личном составе русского флота в Первую мировую войну 1914–1918 гг.

Наименование флота и флотилии	Сводные данные							Общие боевые потери	Общие потери по данным ЦСУ
	Безвозвратные потери			Санитарные потери					
	убитые и утонувшие	без вести пропавшие и пленные	раненые	контуженные	обожженные	отравленные	в т.ч. умерло		
Балтийский	1915	2656	768	257	43	122	67	5761	3395
Черноморский	588	163	369	112	257	16	107	1505	1376
Северная	27	–	9	1	–	–	–	37	нет данных
Сибирская	171	–	333	1	–	–	20	505	292
Всего	2701	2819	1479	371	300	138	194	7808	5063

Среди боевых потерь преобладали безвозвратные. Их отношение к санитарным представлялось как 2,4:1. Среди безвозвратных потерь было много утонувших при гибели кораблей, а также без вести пропавших и попавших в плен (Моонзундское сражение).

Среди боевых санитарных потерь раненые составили 64,6 %, контуженные 16,2 %, обожженные 13,2 %, отравленные взрывными газами 6,0 %.

При расчете на средний наличный состав общие боевые потери на Балтийском флоте составили 7,5 %, в том числе санитарные – 1,5 %, на Черноморском флоте соответственно 3,7 и 1,8 %.

Боевые потери на кораблях преобладали от минно-торпедного, затем артиллерийского оружия и достигали в отдельных эпизодах значительных цифр. Так, боевые санитарные потери составили: на эскадренных миноносцах «Беспокойный» – 40 %, «Поспешный» – 35 %, на канонерской лодке «Терец» – 13 %, на тральщике № 5 – 48 %. На линейном корабле «Императрица Мария» в результате взрыва потери достигли 23,8 %.

Значительные потери понесла и медицинская служба кораблей. Погибли вместе с крейсером «Паллада» 28.09.1914 г. врачи А.М. Чмыхов и Г.П. Сильверсван, 16.10.1914 г. умер от ран, полученных в сражении на канонерской лодке «Донец», младший врач Н.И. Щегольков, погибли вместе со своими кораблями врач линейного заградителя «Енисей» А.А. Тетьев (22.05.1915) и врач канонерской лодки «Сивуч» И.П. Залесов (05.08.1915).

Объем деятельности медицинской службы флота увеличивался и вследствие значительной заболеваемости. В морские лечебные учреждения поступало ежедневно в среднем в 1914 г. – 268, в 1915 г. – 196, в 1916 г. – 419 больных¹³.

В бою 19.06.1915 г. на броненосном крейсере «Рюрик» имелось 9 раненых и 7 отравленных взрывными газами. Прооперирован из них всего один человек, хотя пораженные были эвакуированы с корабля только спустя 22 ч¹⁴.

3. Организация лечебно-эвакуационного обеспечения боевой деятельности Балтийского флота

Оперативно-тактическая обстановка на Балтийском морском театре в Первую мировую войну характеризовалась ограниченным участием флота в содействии приморскому флангу войск, развертыванием обороны на минно-артиллерийских позициях, активным проведением заградительных операций и действиями на морских сообщениях. Все это привело к изменению организационной структуры флота, в том числе и медицинской службы. Были расширены

старые и развернуты новые морские госпитали и отдельные лазареты, оборудованы госпитальные суда и плавучие лазареты, сформированы санитарные склады и другие подразделения. В 1917 г. общее руководство медицинской службой кораблей и портов была объединено в руках санитарного инспектора флота.

Для ускорения подготовки и комплектования кадров во флот привлекались зауряд-врачи, ротные фельдшера и санитары ускоренных выпусков. Для улучшения медицинского снабжения в портах и на госпитальном судне «Ариадна» были открыты санитарные склады. Особенно большую работу проделали крепостной (Ревель) и подвижной («Ариадна») санитарные склады.

Произошли изменения и в организации лечебно-эвакуационного обеспечения. Они проходили в основном по трем направлениям: создание специальной организации для оказания первой помощи легкораненым; совершенствование организации и деятельности перевязочных пунктов; усиление медицинской службы соединения плавучими медицинскими средствами.

Особенностью боевой организации медицинской службы на кораблях было также то, что в ходе боя она нередко изменялась применительно к условиям обстановки (развертывание всех или части подразделений, переход медицинского состава с пункта на пункт, деятельность подразделений как единой организации). Причем все подразделения выполняли в бою и после него свойственные им функции (оказание первой помощи легкораненым, транспортировка носилочных пораженных, оказание первой врачебной и неотложной хирургической помощи).

Удаленность временных передовых баз соединений кораблей 2-3 рангов потребовала выдвижения в них плавучих лазаретов, в которых могла оказываться неотложная квалифицированная хирургическая и терапевтическая помощь. Особенность их состояла в том, что они были нештатными и содержались за счет сил и средств медицинской службы соединения. Наиболее полезными оказались плавучие лазареты «Лава» и «Наутилус», находившиеся в районе Моонзундской и Або-Аландской укрепленных позиций.

На Балтийском флоте имело место маневрирование медицинскими средствами. Оно предполагалось в планах десантной операции на Курляндское побережье Рижского залива летом 1916 г. и осуществлялось во время противодесантной Моонзундской операции в октябре 1917 г. При этом раненые с кораблей 1 ранга

передавались на якоре и на ходу на эскадренные миноносцы и эвакуировались на госпитальное судно «Товарищ», на плавучий лазарет «Лава» и в береговой эвакуопункт. Госпитальное судно, в зависимости от надобности, меняло свою дислокацию.

Морская медицинская эвакуация на Балтийском театре, при сравнительно небольших боевых потерях и развитой сети железных дорог в тылу приморского фланга войск, оказалась ограниченной. Основными эвакуационными направлениями были Гельсингфоргское и Ревельское на Петроград.

В передовых морских крепостях была создана близкая к современной организация лечебно-эвакуационного обеспечения. Возглавлялась она санитарным инспектором крепости (порта) и состояла из головного эвакуационного пункта, нештатного эвакуотряда и лечебных учреждений гарнизона. Опыт войны показал целесообразность создания в базе мощного эвакуационного отряда, располагавшего значительными медицинскими и эвакуотранспортными силами и средствами. Указанный эвакуотряд мог обеспечивать массовый прием пострадавших в лечебные учреждения базы с помощью берегового сортировочно-эвакуационного поста, подразделений плавучих и сухопутных санитарно-транспортных средств.

Наличие подобной организации позволило во вторую половину войны перейти к применению элементов эвакуации по назначению и оказанию некоторых видов специализированной медицинской помощи и лечения.

Морскими головными эвакуационными пунктами (ГЭП) являлись Ревельский и Гельсингфорский морские госпитали, главные доктора которых несли обязанности главных врачей этих пунктов¹⁵.

В Гельсенгфорсе для перевозки больных и раненых с кораблей, приходящих на рейд, были выделены специально приспособленные для этих функций 3 шхуны, 1 баржа. Начальником этого «санитарного каравана» был один из врачей порта. В его распоряжении находились по 4 фельдшера и 4 санитаря, а также 40 санитаров-носильщиков. На берегу для приема раненых были организованы сортировочный и перевязочный пункты. Для перевозки больных и раненых от пристани в госпиталь санитарный инспектор порта высылал автогужевой городской транспорт¹⁶.

Тыловыми эвакуационными пунктами (ТЭП) являлись Кронштадтский и Петроградский морские госпитали, главными врачами

которых были помощники главных докторов этих госпиталей, причем Кронштадтский госпиталь выполнял функции ТЭП летом, а Петроградский – зимой. При ТЭП имелись постоянные врачебные комиссии¹⁷.

Количество раненых и число больничных дней, проведенных ими в Кронштадтском морском госпитале в 1915 г., представляются следующими цифрами: состояло к началу года – 115, прибыло – 1559, выбыло – 1457, умерло – 71, осталось в госпитале в конце года – 146. В общей сложности раненые провели 11 893 больничных дня¹⁸. По отчету за 1916 г. лечебная деятельность Кронштадтского морского госпиталя характеризовалась следующими данными. Воинских чинов к началу года состояло 359, прибыло с берега 4114, прибыло с судов 2227, выздоровело 5495, уволено со службы 256, умерло 55. Проведено всеми 168 658 больничных дней. Офицеров прибыло 103, выздоровело 99, умерло 3¹⁹. На Балтийском флоте была расширена и преобразована медицинская служба береговой обороны: созданы отдельные лазареты морского ведомства, врачебные, фельдшерские перевязочные пункты и другие подразделения. Важное значение имела деятельность санитарного судна «Русь», находившегося в главной базе флота.

4. Организация лечебно-эвакуационного обеспечения боевой деятельности Черноморского флота

Оперативно-тактическая обстановка на Черноморском театре отличалась активностью флота по содействию приморским флангам армии, действиями на морских сообщениях, проведением заградительных и десантных операций и др. Это отразилось и на организационной структуре его медицинской службы. На флоте были созданы медицинские части временных военных портов, транспортной флотилии, межведомственное эвакуационное совещание, медицинские и санитарные суда, санитарно-дезинфекционный и эвакуационный отряды.

В ходе войны здесь получила дальнейшее развитие организация лечебно-эвакуационного обеспечения боевых действий. Своеобразие ее проявлялось как в боевой организации, так и в оказании медицинской помощи и осуществлении эвакуации. В зависимости от боевой обстановки допускалось усиление медицинским составом одного пункта за счет другого, развертывание подразделений

медицинской службы в разных местах корабля, дифференцированное снабжение боевых постов.

При наличии значительных санитарных потерь на кораблях 2-3 рангов деятельность медицинской службы организовывалась на верхней палубе, вблизи очагов поражения. Здесь же оказывалась пострадавшим медицинская помощь и создавались условия для их размещения. Тем самым уменьшались трудоемкие мероприятия по транспортировке раненых и создавались лучшие условия на судачаи спасательных действий.

На эскадренных миноносцах, находившихся в море, оказывался полный объем доврачебной медицинской помощи и нередко – первая врачебная помощь. В этих целях аварийные корабли усиливались медицинским составом с других судов («Поспешный») или часть раненых передавалась на корабли с врачом («Дерзкий»).

Особенностью лечебно-эвакуационного обеспечения линейного корабля «Евстафий», участвовавшего в морском бою против линейного крейсера «Гебен», было сочетание сортировки пострадавших с оказанием неотложной хирургической помощи на перевязочных пунктах, использование нескольких перевязочных столов, оказание неотложной квалифицированной хирургической помощи, заполнение путевых ярылков для раненых.

Большое внимание уделялось организации лечебно-эвакуационного обеспечения десантных операций. В этих целях был разработан целый ряд документов, в которых обосновывались и регламентировались обязанности флагманского врача штаба начальника высадки, создание медицинской службы базы высадки (эвакопункт, погрузочные посты и санитарные пристани), выделение медицинских плавсредств. Эта организация постепенно совершенствовалась и обосновывалась расчетами ожидаемых потерь. В 1917 г. было издано специальное наставление по десантным операциям, в котором организация медицинского обеспечения была близка к современной.

Предполагалось, что десантные операции в основном будут направлены на овладение Константинополем и проливами, поэтому все медицинские учреждения по обслуживанию десантных войск были сосредоточены в Одессе. Для санитарной обработки десантных частей приспособляется госпитальное судно «Пушкин»²⁰, которое могло пропустить за 1,5 ч до 100 чел., и баржа с пропускной способностью за то же время 15–20 чел. Кроме того, должны

были использоваться пароформалиновая камера и души военного ведомства, находившиеся на станции Одесса-Товарная, с пропускной способностью до 1680 чел. в день.

Оказание помощи раненым во время высадки возлагалось на госпитальные суда («Португалия» и «Эквадор»). Помощь раненым и их перевозка должны были проводиться на судовых госпитальных шлюпках судовым госпитальным составом.

При операциях, сопровождавших первые высадки десанта, немецкой подводной лодкой было потоплено госпитальное судно «Португалия». Взамен его крепостным врачом Батумской крепости оборудуется транспорт «Теверс».

Особенностью деятельности медицинской службы Черноморского флота была необходимость обеспечения морской медицинской эвакуации (здесь в целом перевозится свыше 68 тыс. раненых и больных)²¹.

Главный санитарный инспектор флота 12.06.1916 г. писал начальнику Главного морского штаба о необходимости разработки особого положения по медицинской эвакуации в морском флоте. Для этих целей при Главном морском штабе создается особая комиссия. Однако в своем решении от 12.07.1916 г. она в конечном итоге вынуждена отметить, что «ввиду затруднений создания ныне особенного положения, предусматривающего одинаковый для всех ведомств и одинаковый для всех морей порядок, признано необходимым сохранить по-прежнему заведывание эвакуацией морских чинов за штабами командующих флотов»²². Поскольку эвакуация больных и раненых осуществлялась под руководством строевого командования, госпитальные суда входили в состав войсковых транспортов. На Черном море была создана транспортная флотилия из 100 транспортов общей эвакуемкостью в два корпуса. В состав этой флотилии входили 4 госпитальных судна: «Португалия», «Атене», «Вперед» и «Петр Великий». Кроме того, для эвакуации было приспособлено еще 10 транспортов²³. Причем при эвакуации раненых и больных на суда придавались медицинские группы, обеспеченные необходимым имуществом и продовольствием.

В ходе эвакуационной деятельности большое значение приобрело освобождение лечебных учреждений от выздоравливающих инфекционных больных. Для этого использовались медицинские и приспособленные для эвакуации суда. В интересах обеспечения закрепления результатов сортировки поступавших на них раненых

и больных были предложены и в 1917 г. стали применяться цветные ярлыки, выдававшиеся направлявшимся из лечебных учреждений на эвакуацию пострадавшим.

Поскольку эвакуация раненых и больных в 1916–1917 гг. носила, по существу, оперативный характер, большое значение придавалось ее планированию. В этих целях проводились расчеты ожидавшегося числа эвакуируемых на данном эвакуационном направлении – по выделению и оборудованию необходимого числа транспортных, развертыванию в портах коечной сети и т. д. На основных эвакуационных направлениях имелся значительный коечный фонд: на линии Одесса – Николаев свыше 10 тыс. коек, на линии Трапезунд – Батум – Новороссийск – более 15 тыс. и т. д.

По данным донесений штаба командующего Черноморским флотом в Главный морской штаб, в октябре 1916 г. руководство эвакуацией раненых морем осуществлял флагманский врач Черноморского флота и флагманский врач штаба командующего 4-м флотом. Непосредственное ведение эвакуацией было возложено на флагманского врача учебного отряда. Фактически в эвакуации принимали участие флагманский врач штаба командующего транспортной флотилией западной части Черного моря, врач Батумского порта, флагманский врач штаба начальника высадки во время десантных операций и санитарные инспекторы портов²⁴.

В Батуме и Одессе вблизи порта были развернуты приемно-распределительный и питательные пункты для распределения раненых по госпиталям, а также выявления среди поступивших контингентов инфекционных больных. В Батуме дислоцировались госпиталь для раненых и больных и инфекционный лазарет, а для дальнейшей эвакуации раненых и больных имелись два санитарных поезда.

Инфекционные больные должны были концентрироваться в Феодосии. Здесь имелись приемно-распределительный и питательные пункты на 1500 чел., госпиталь на 500 коек с оборудованием, позволявшим развернуть его на 1500 коек, и инфекционный лазарет на 50 коек. В Туапсе и Поти были развернуты приемно-распределительный и питательный пункты на 500 чел., госпиталь на 200 коек (с оборудованием на 500 коек) и инфекционный лазарет на 50 коек. В Севастополе имелся наблюдательный пункт на 500 раненых и больных.

При эвакуации больных и раненых через порты Черного моря в обязанностях морского ведомства лежала перевозка эвакуируемых

морем и доставка их с судов на берег. Прием на берегу, питание, уход, распределение по лечебным заведениям и дальнейшая эвакуация входили в обязанность военного ведомства, Российского общества Красного Креста, других общественных и частных организаций²⁵.

Большая лечебно-профилактическая и противоэпидемическая работа была проведена медицинской службой Черноморского флота во временных военных портах и, в особенности, Трапезундском. В 1916 г. здесь одновременно имели место эпидемические вспышки холеры, москитной лихорадки, малярии, возвратного тифа и др. Чрезвычайная санитарно-эпидемическая обстановка, сложившаяся в этом районе, потребовала проведения многочисленных и комплексных мероприятий различных ведомств.

В подобных условиях были проведены весьма трудоемкие общесанитарные и противоэпидемические мероприятия. К первым из них относились очистка территории, лабораторное обследование воды в системе водоснабжения, сбор и уничтожение мусора и др.; ко вторым — прививки, изоляция заболевших, карантин и др. Большая роль в противоэпидемической работе отводилась привлечению врачей-специалистов, эвакуации медицинскими судами выздоравливавших больных.

Важное значение придавалось организации лечебно-эвакуационного обеспечения при ликвидации очагов значительных (массовых) санитарных потерь. Последние возникли 07.10.1916 г. на линейном корабле «Императрица Мария», стоявшем в Севастопольском порту, и 8 ноября того же года в Бокарице (Архангельский порт). Вследствие взрыва боезапаса и пожаров на «Императрице Марии» пострадало 446 чел., среди которых было 25 раненых, 28 контуженных и 241 обожженный. При взрыве нескольких тысяч тонн взрывчатых веществ в Архангельском порту (Бокарица) пострадало 1070 чел., в том числе 160 было убито и 910 ранено²⁶.

Особенностью массовых санитарных потерь в Бокарице было рассредоточение их по значительной территории очага поражения. Вследствие этого легкокораненные, пострадавшие на суше, поступали в лечебные учреждения лишь на вторые сутки. В районе очага поражения складывалась тяжелая обстановка — разрушения, пожары, дым, взрывы. Положение пострадавших ухудшалось еще вследствие того, что в этот день моросил дождь, было холодно. Большое число раненых требовало привлечения значительного числа

медицинских работников и санитаров-носильщиков, мобилизации и использования всевозможных транспортных средств и лечебных учреждений разных ведомств.

Практика показала, что усиление соединения кораблей медицинским судном сыграло положительную роль в спасательных действиях, в оказании медицинской помощи и госпитализации пораженных. Кроме того, ввиду возможности массовых потерь, возникла необходимость во взаимодействии старших морских медицинских начальников с медицинскими учреждениями других ведомств и организаций, в создании резерва коек, медицинских и эвакуотранспортных групп (отрядов) и соответствующих средств.

Для мобилизации из других ведомств и организаций медицинских сил и средств и управления ими в районе очага и вблизи него привлекались санитарные инспекторы и флагманские врачи соединений. В их распоряжение придавался необходимый транспорт и другие средства.

Всего на морских театрах России в Первую мировую войну было эвакуировано морем свыше 82 827 раненых и больных, в том числе: на Балтийском – 2668, на Черноморском – 68 648, на Каспийском – 11 511 чел. Общее число эвакуированных приближалось к среднему численному составу морских сил России за годы войны. На Черноморском театре преобладала эвакуация раненых и больных с приморских флангов Кавказской и Румынской армий²⁷. Для этих целей здесь были привлечены суда, оборудованные флотом под госпитальные, и созданные морским отрядом Красного Креста госпитальные транспорты.

Для обеспечения массовой эвакуации морем на Черноморском флоте временные военные порты были оборудованы необходимыми пристанями, эвакуационными и лечебно-наблюдательными пунктами и лечебными учреждениями. Практиковались эвакуационные совещания представителей медицинских служб различных ведомств и организаций, на которых обсуждались планы перевозки раненых и больных, вопросы взаимодействия и др.

Проведенные мероприятия оказались довольно эффективными, так как большая часть эвакуированных была перевезена медицинскими (37,1 %) и приспособленными (31,6 %) судами.

Госпитальные суда снова оказались непригодными ни в крупных, ни в малых боевых операциях из-за своей громоздкости,

незащищенности и тихоходности. И по своей конструкции, и по тактико-техническим данным они не отличались от тех госпитальных судов, которые применялись в русско-японской войне. В новом повторении этого просчета крылась одна из важнейших ошибок предвоенного планирования, не принявшего во внимание прошлых уроков.

В нарушение международной конвенции немецкой подводной лодкой 17.03.1916 г. было потоплено русское госпитальное судно «Португалия», а 25 июня того же года – «Вперед», хотя они были зарегистрированы и признаны как госпитальные суда иностранными государствами.

Тогда командование флота 30 июня того же года обратилось в Главный морской штаб, запрашивая разрешение на превращение госпитальных судов в обычные транспорты, используемые для перевозки войск к ТВД и на обратном пути – для эвакуации раненых под охраной военных судов.

На это обращение Главный морской штаб дал положительный ответ и сообщил, что по дипломатическим каналам возбудил вопрос о вынужденном отказе от соблюдения на Черном море гарантий, предусмотренных статьями 1, 2 и 3 Женевских конвенций²⁸.

Выводы

1. В подготовке медицинской службы русского флота к Первой мировой войне большое значение имели разработанные на основе опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг. принципы боевой организации медицинской службы для оказания медицинской помощи на кораблях.

2. Медицинская служба русского флота отработала мобилизационную документацию и в основном подготовила силы и средства для развертывания в мобилизационный период. В планах предусматривалось расширение вдвое коечной сети, формирование госпитальных судов, прием пополнения и развертывание перевязочных пунктов.

3. Общие боевые потери личного состава флота составили 7808 чел., в том числе безвозвратные – 5520 и санитарные – 2288. Санитарные потери в отдельных случаях были значительными и достигали на линейных кораблях 23 % (при взрыве на стоянке в базе), на кораблях 2-3 рангов – 40–48 % к численности личного состава.

4. Опыт боевых действий показал, что медицинская служба русского флота достигла важных результатов в организации лечебно-эвакуационного обеспечения личного состава: была разработана определенная система этого обеспечения; достигнуты положительные результаты в оказании медицинской помощи и эвакуации раненых и больных; созданы предпосылки и определенная организация для ликвидации очагов массовых санитарных потерь.

---

¹ Зятюшков А.И. Организация лечебно-эвакуационного обеспечения боевой деятельности русского флота в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1956. С. 7.

² Новожилов Д. Медицинское обеспечение Военно-Морского Флота в Первую мировую войну // Энцикл. словарь воен. мед. Т. 3. М., 1948. Стб. 1115.

³ Шестов В.И., Иванов Е.М., Горелов Л.И., Тимофеев В.В. Материалы по истории медицинской службы русского военно-морского флота второй половины XIX и начала XX века (1850–1917). М., 1968. С. 73.

⁴ Новожилов Д. Указ. соч. Стб. 1117.

⁵ Зятюшков А.И. Указ. соч. С. 6.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Новожилов Д. Указ. соч. Стб.1117.

⁸ Там же. Стб. 1118.

⁹ Шестов В.И. Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ Мировая война на море в цифрах // Морской сборник. 1924. № 7. С. 13.

¹² Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). Л., 1925. С. 36.

¹³ Зятюшков А.И. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Сосин В.В. История военно-морской медицины русского и советского Военно-Морского Флота. М., 1992. С. 59.

¹⁵ Новожилов Д. Указ. соч. Стб. 1120.

¹⁶ Шестов В.И. Указ. соч. С. 73.

¹⁷ Новожилов Д. Указ. соч. Стб. 1121.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2732. Л. 304.

¹⁹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²⁰ Шестов В.И. Указ. соч. С. 70.

²¹ Зятюшков А.И. Указ соч. С. 12.

²² РГА ВМФ Ф. р-588. Оп. 1. Д. 2934. Л. 11.

²³ Шестов В.И. Указ. соч. С. 71.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 92. Л. 273.

²⁵ Новожилов Д. Указ. соч. Стб. 1119–1120.

²⁶ Зятюшков В.И. Указ. соч. С. 14.

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ Шестов В.И. Указ. соч. С. 71.

А.В. Вахтеров (Москва)

**ГЕРОИЗМ ФРОНТА И ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ
ТЫЛА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДИАЛОГА БЮРОКРАТИИ, БУРЖУАЗИИ,
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН
ВОЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ И НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ**

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ в Первой мировой войне во многом остаются «белым пятном» в отечественной исторической науке. В практике исследований всего хода и последствий участия России в войне сложилась ситуация наложения истории Гражданской войны и последующего развития советского общества на события после 1914 г. Долгое время все связанное с событиями первого военного противостояния мирового масштаба отечественными историками рассматривалось только как пролог революционных событий 1917 г.

Применение идеологических штампов, политизация исторической науки взамен объективности при рассмотрении исторических процессов, как правило, приводит к необратимым последствиям в будущем. Последствия долгого периода «забвения» российской исторической наукой уроков Первой мировой войны мы переживаем сейчас, в современный период развития нашей страны.

Дело не только в отсутствии должного внимания к данной тематике и увековечению памяти погибших в этой войне. Проблематика Первой мировой войны несколько глубже. В общественном сознании российской интеллигенции и народа не произошло осмысление общественно-политических и социальных процессов, произошедших в обществе в период войны. Для России эта война явилась прологом революции. Общеизвестный факт, но почему и как он свершился, непонятно до сих пор. Неясность в данных вопросах

дает большие возможности для всевозможных фальсификаций и мифов.

Рассмотрим некоторые из них.

1. Некомпетентность высшего военного командования

Командование русской армии было не менее компетентно в вопросах ведения боевых действий, чем их «коллеги» из других воюющих армий. Командный состав противоборствующих сторон столкнулся с совершенно новыми условиями ведения боевых действий: применением массовых армий в условиях высокой маневренности и технической оснащенности. Выигрывал сражения тот, кто быстрее адаптировался к новым условиям ведения боя.

Часто в подтверждение тезиса о низком профессионализме русского генералитета приводится Восточно-Прусская операция в августе – сентябре 1914 г., закончившаяся поражением 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Но при этом исследователи часто упускают из вида, что для спасения положения Германия сняла с Западного фронта два корпуса и одну кавалерийскую дивизию, что ослабило ударную группировку германских войск во Франции и привело к поражению в Марнском сражении¹.

При рассмотрении этого вопроса видно, что военным неудачам на Восточном фронте во многом способствовало предательское поведение союзников России по Антанте. При этом перелом в пользу Антанты произошел в результате наступления русских войск Юго-Западного фронта весной – летом 1916 г. (Брусиловский прорыв). Примененные русским военным командованием новые правила и методы ведения боя позволили преодолеть инертность позиционной войны². В результате действий русской армии появилась реальная возможность вывода Австро-Венгрии из войны. Но русское наступление не было поддержано западными союзниками, что позволило Германии направить свои войска на Восточный фронт и выправить положение. Такая же ситуация сложилась на Кавказском ТВД в ходе кампаний 1916 г.³

2. Основная причина поражения России – революции 1917 г.

В последнее время данная тема получает все большее освещение в СМИ наравне с еще одним мифом о «германском следе» в событиях 1917 г. Несомненно, что германский генеральный штаб очень удачно использовал ситуацию, сложившуюся в русском обществе к 1917 г., но его участие не было причиной революционных

событий. Причины лежат несколько глубже и требуют более тщательного исследования.

Можно наблюдать и попытки последних лет представить события 1 мировой войны как Вторую Отечественную. Но даже при приблизительном рассмотрении ситуации в российском обществе после 1914 г. становится очевидным, что героизм русской армии не нашел поддержки в тылу. При поиске ответа на вопрос: «Кто виноват?» радикально настроенные соратники В.И. Ленина не занимают первые места в списке «виновников» и, во всяком случае, идут после русской бюрократии, русской буржуазии и, как ни странно это звучит, русской интеллигенции.

Накануне и в ходе войны был подведен логический итог «хроническим» просчетам российской бюрократии во внешней и во внутренней политике.

Первой потерпела крах идея позиционирования Российского государства на мировой политической арене как лидера славянских народов. Славяне в составе войск противника против России воевали хорошо. Так, Болгария, не вступавшая в открытое противоборство с русской армией, две мировых войны была в числе противников, а не союзников России.

Развитие антироссийских настроений среди элиты славянских народов происходило по-разному. В среде балканских славян эти позиции получили распространение накануне и в период войны 1877–1878 гг.

Посол России в Турции Николай Петрович Игнатьев в этот период сделал смелое предположение, что если Россия и одержит победу над Турцией, то «...первый выстрел на Дунае вызовет множество политических комбинаций и различных притязаний на турецкое наследство и возбудит дремлющие силы, как на Востоке, так и на Западе...» Свое мнение Игнатьев обосновал консерватизмом официального Петербурга в отношении к любому веянию свободы на Балканах, что Россия не оправдала ожиданий болгар, ее «беспрестанная перемена взглядов ... переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму ... поколебали наш нравственный кредит»⁴.

Одновременно большие проблемы у России возникали в связи с острыми противоречиями между самими балканскими государствами. Каждое из них стремилось заручиться поддержкой одной из великих держав, в том числе и России. Интересы великих

держав и балканских государств, причудливо переплетаясь, создавали сложные международные проблемы, которые не раз приводили к военным конфликтам не только на Балканах, но и в других частях Европы.

Для России «славянское братство» стало тяжелым бременем. Тем более, что с определенного момента это понятие стало носить декларативный характер. Дело в том, что «братья» не стеснялись менять пророссийскую ориентацию на союз с той или иной европейской державой, когда это было им выгодно⁵.

По итогам Первой мировой войны окончательно сформировался антироссийский стандарт поведения западных бюрократий.

В условиях Версальского мира впервые нашла отражение политика двойных стандартов западных бюрократий по отношению к России в целом и к славянскому этносу в частности. Произошло окончательное разъединение славянских народов. Польша стала форпостом и плацдармом для нападения на Россию. В основе Версальского мира заложены основания для последующего расширения границ Польши за счет украинских и белорусских земель. Закарпатская Украина стала частью Чехословакии, несмотря на решение народа, принятое еще 18 декабря 1918 г., воссоединиться с остальной Украиной. Буковина, вопреки решению «Народного веча» 3 ноября 1918 г. о присоединении к Советской Украине, была отдана Румынии.

Результат принудительного разделения украинского народа – одного из наиболее близких к русскому – хорошо виден сегодня на улицах и площадях Киева и ряда других городов Украины.

Югославия, объединившая славянские племена на юге срединной Европы, не получила некоторых частей Словении, отданных Италии или оставленных Австрии после плебисцита. При этом сама Югославия создателями Версальской системы на долгие годы поставлена во враждебные отношения к России.

Последняя попытка реанимировать «славянское братство» завершилась роспуском Варшавского Договора, после чего «братья-славяне» дружно повалили в НАТО.

Россия вступила в мировую войну, не имея ясных и понятных, а главное воспринимаемых основной народной массой, идеологических установок и ориентиров во внешней политике. Непонимание населением, особенно той его частью, которая непосредственно участвует в наступившем военном конфликте, своих задач,

в любой момент может привести к социальному недовольству, а в определенных условиях и к взрыву. Что и произошло в 1917 г.

Проблемы мотивации внешнеполитических устремлений России усилились к началу войны просчетами во внутренней политике. Подавив революционные выступления 1905–1907 гг., отказавшись при этом от проведения необходимых либеральных реформ, царская бюрократия своими руками подготовила условия для продолжения революции.

Основную солдатскую массу действующей армии составило крестьянство, его отношение к войне верно подмечено В.И. Гурко: «Утверждать, однако, что среди крестьянского населения был патриотический подъем и что война среди него была популярна, я не решился бы. Война вызвала молчаливое, глухое, покорное, но все же недовольство»⁶. Уже в постсоветский период С. Кара-Мурза в ряде исследований указал на качественную составляющую призванного в армию крестьянства: «Крестьянство (в том числе “в серых шинелях” – солдаты) подошло в 1917 год с яркой исторической памятью о революции 1905–1907 гг.»⁷

Другими словами, в период Первой русской революции произошла революционизация сознания основной массы населения. Кроме этого, следует учесть, что немалая часть призванных в армию рабочих и крестьян имела опыт если не революционной борьбы, то противостояния власти.

Общение представителей государственного аппарата и общества осуществляется за счет горизонтальных и вертикальных связей. От чистоты и скорости обращения информации зависят ясность общения и четкость взаимопонимания управляемых и управленцев. Немалую роль в обеспечении эффективности связей играет наиболее образованная и подготовленная часть населения – интеллигенция. К 1914 г. российская интеллигенция подошла разделенной на две враждебные социальные группы. Причины раскола и представители образовавшихся группировок хорошо представлены в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова⁸.

К началу XX столетия дворянство окончательно уступило место в сфере управления государством представителям иных социальных групп и слоев («разночинцам»). К этому времени окончательно сложилось противостояние между двумя группами интеллигенции: осуществляющей властные полномочия (бюрократии) и находящейся вне власти.

Рассмотрение произведения А.С. Грибоедова позволяет сделать вывод, что в основе конфликта интеллигенции и бюрократии в России лежит конфликт интересов двух групп интеллигенции. С одной стороны те, кто осуществляет властные полномочия и несет на себе все бремя успехов, неудач и критики в свой адрес; с другой – те, кто все знает, все умеет, но не готов ни к чему, кроме критики в адрес власти (философия «болотного» протеста)⁹.

Так или иначе, официальная позиция власти по отношению к войне не нашла отклика в сознании интеллигентского большинства. Отношение интеллигенции к войне и состояние ее патриотического духа исследовано в статье А.В. Марыняка «К вопросу о привлечении на военную службу воспитанников высших учебных заведений в годы Первой мировой войны». Убыль офицерского состава к началу 1915 г. поставила вопрос о его пополнении. Это можно было сделать за счет призыва на военную службу наиболее образованной части молодежи – студентов. Для рассмотрения вопроса «Совет министров 8 сентября 1915 г. принимает решение о необходимости создания междуведомственного совещания ... (комиссию возглавил помощник военного министра генерал М.А. Беляев)»¹⁰. Работа «комиссии возбудила пристальное внимание общественности. Вал писем пошел в Военное министерство с середины сентября 1915 г. ... “Чего нас трогают – пускай военные воюют” – очень часто встречающийся мотив в письмах, также как поиск “внутренних врагов” и “избыток” офицеров в тылу. Про то, что во многих частях в первые же месяцы войны потери в офицерском составе превысили 75 %, “радетели отечества” предпочитают не знать»¹¹.

Россия единственная из воюющих сторон не приостановила академическое обучение и не провела мобилизацию студентов, предоставив им отсрочку на период обучения. Факт вполне объяснимый, если вспомнить, что к 1913 г. Россия в образовательном отношении отставала от европейских стран, а образованные кадры для дальнейшего развития страны были просто необходимы. Государство в очередной раз пошло на уступку интеллигенции, надеясь на ее лояльность и патриотизм, но в трудную для Отечества минуту она повела себя совсем не патриотично, если не сказать – просто предательски. Такое отношение здоровой частью интеллигенции не приветствовалось и вызывало возмущение: «В то время как студенты Кембриджского и Оксфордского университетов в полном

составе защищают свою родину на передовых позициях, дав Великобритании огромное количество способных офицеров, в то время как в Германии совершенно ликвидирована вся академическая жизнь и студенты равным образом, без исключения, стали в ряды Германской армии, – наши студенты толпами заполняют лишь кинематографы, различные театры-варьете, неистовствуют на вызовах Липковской в Народном доме. Как будто войны нет, как будто мирное время, как будто Россия не переживает опаснейшей страсти своей истории»¹².

Трепетное отношение российской бюрократии к интеллигенции как основной опоре на качественное развитие страны, породило в ее среде осознание своей исключительности, что в свою очередь способствовало развитию тенденций иждивенчества и шкурничества. Помимо уклонения от службы, интеллигенция приняла активное участие в формировании антипатриотических, антивоенных настроений в общественном сознании, в том числе с помощью СМИ. А наиболее радикальная часть и вовсе пошла на прямое предательство и не погнушалась в своей борьбе с самодержавием использовать помощь и услуги германского генерального штаба.

При изучении темы «германского следа» в русской революции следует учитывать два момента.

Во-первых, действия германских разведки и дипломатии по дезорганизации ситуации в России – это своего рода вариант политических технологий, получивших в современной жизни наименование «цветных революций». Практика использования радикальных социальных групп стран вероятного противника в своих целях стара как мир. Особенности применения ее в условиях России 1917 г. – это масштабность и эффективность. Трудно сказать, насколько этот опыт был использован западными странами для разработки сценариев, применяемых в современном мире, но после Второй мировой войны он был отшлифован и в современных условиях эффективно применяется США и ЕС.

Во-вторых, Германия проводила подрывную деятельность и в отношении Франции и Англии, но не добилась успеха. При этом затраты на эти страны были в разы больше, чем на Россию. Успех возможен только при наличии соответствующих условий. Н. Суханов, участник событий 1917 г., один из основателей и член Петросовета, в книге «Записки о революции» отмечает, что выступление рабочих Петрограда с требованием хлеба было полной

неожиданностью, в том числе и для революционеров, которых в городе было очень мало. Царские службы в период войны поработали хорошо, наиболее активные члены левых радикальных партий либо отсиживались в эмиграции, либо воевали на фронте, либо отбывали наказание в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Еще большей неожиданностью для автора «Записок» стало появление политических лозунгов. И совсем невероятным стало выступление частей гарнизона, особенно гвардейских¹³.

Изучая современную историю «цветных революций», нетрудно заметить, что они более или менее успешны там, где созрели внутренние условия, и население страны готово на все для смены дискредитировавшего себя руководства (Грузия, Ливия, Египет). Если руководство страной пользуется доверием или устраивает большинство населения, эти технологии не действуют (Сирия), что не останавливает западную бюрократию. Изучение этих технологий, уяснение способов противодействия и преодоления возможных последствий просто необходимо. Для противодействия надо знать причины и способы возникновения ситуаций, ведущих к обострению социальных противоречий.

Есть еще одно условие, которое осталось без должного рассмотрения. Приложив все усилия для дезорганизации социальной обстановки в России, Германия через некоторое время сама получила революцию, в которой активное участие приняли те самые радикальные элементы, через которые германская разведка проводила свои тайные операции против России. По аналогии, так называемая трагедия 11 сентября осуществлена представителями террористических организаций, в создании которых активное участие принимали спецслужбы США.

Рассмотрение позиций и настроения интеллигенции вызывает ряд вопросов к царской тыловой администрации в части обеспечения фронта. Даже поверхностный взгляд на деятельность тыловой бюрократии позволяет сделать вывод, что со своими обязанностями она не справилась. Для сравнения стоит прочитать некоторые работы В.И. Ленина периода Гражданской войны. Взяв власть в свои руки и столкнувшись с необходимостью ее защиты, большевики и левые эсеры быстро поняли, что особый период требует особых, недемократических мер. Например, в воззвании В.И. Ленина «Социалистическое Отечество в опасности» предусмотрено следующее:

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

2) Всем Советам и Революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.

...

4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; *наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей* (выделено мной. – А. В.)

5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов.

6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся расстреливать.

7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ.

8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»¹⁴.

Коротко и ясно: цели, задачи, мера и степень ответственности. Нечто подобное осуществили власти Франции для прекращения волнений на фронте в 1917 г. Что помешало российским властям действовать подобным образом – вопрос отдельного исследования.

В роли российской буржуазии в развитии революционной ситуации стоит отметить два существенных момента.

Буржуазия в период войны получала неплохие доходы от военных заказов и поставок. Наибольшая прибыль пришлось на промышленные круги. Получая сверхприбыли, представители крупного капитала даже не озаботились вопросом заработной платы

рабочих, которая в условиях инфляции, неизменного спутника всех войн, оставалась на протяжении войны неизменной.

Также следует помнить, что временные затруднения с поставкой хлеба в Петроград продавцы и поставщики постарались использовать для удовлетворения своего спекулятивного интереса и подняли цены. Последнее обстоятельство вынудило рабочих выйти на улицы.

Подводя итоги, необходимо отметить, что история Первой мировой войны для нашей страны – это история неувоенных уроков.

Для отечественной бюрократии необходимо понимать, что отсутствие четких идеологических ориентиров, понятных и воспринимаемых основной массой населения страны – необходимое условие для обеспечения общей безопасности и стабильного развития. Идеологический вакуум способствует появлению чуждых идеологий, способных привести к разрушению государства.

Не менее важно для бюрократии умение и готовность действовать решительно и адекватно в любых, особенно чрезвычайных ситуациях.

Для российской либеральной интеллигенции надо помнить, что либеральная «русская интеллигенция, проведя огромную работу по разрушению легитимности российского самодержавия, не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла на себя легитимацию государства буржуазного»¹⁵. Именно во многом благодаря усилиям либеральной интеллигенции стало возможным появление сталинского государства.

Поведение современной российской буржуазии говорит о том, что уроки событий 1917 г. ею не усвоены (а возможно, в силу ее исторической неграмотности, ей и неизвестны). Революции 1917 г. выбросили буржуазию из страны. За редким исключением большинство тех, кому посчастливилось уехать, не смогло реализовать свои предпринимательские способности за границей. Там была своя буржуазия, а конкуренты ей были не нужны. Российский буржуа потому российский, что вне защиты российского государства все его предпринимательские попытки обречены.

---

¹ Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1983. С. 164.

² Там же. С. 838.

³ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 159.

⁴ Кочуков С.А. Проекты военной кампании против Османской империи: неизвестные архивные документы (1870-е годы) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Третьей Международной научно-практической конференции. В 3-х ч. Ч. 2. СПб., 2012. С. 56–57.

⁵ Там же.

⁶ Приводится по изданию: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. Ч. VI. Годы мировой войны. Гл. 1. Первый период войны (лето 1914 г. – до весны 1915 г.). URL: http://1914ww.ru/libris/lib_g/gurko61.php

⁷ См., напр., Кара-Мурза С.Г. Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. С. 97.

⁸ Грибоедов А.С. Горе от ума. СПб.: Азбука, 2012.

⁹ Более подробно см. Вахтеров А.В. Философия «болотного протеста»: «Горе от ума» – диалог бюрократии и интеллигенции, формирование основ конфликта // Духовные основы нравственности и правопорядка: сб. тезисов, докладов и сообщений на Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 31 мая 2013 г. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 51–53.

¹⁰ Марыняк А.В. К вопросу о привлечении на военную службу воспитанников высших учебных заведений в годы Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Третьей Международной научно-практической конференции. В 3-х ч. Ч. 2. СПб., 2012. С. 278–292.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

¹⁴ Правда. 1918. № 32. 22 (9) февр. URL: http://www.revolucia.ru/lvi35_358.htm

¹⁵ См. Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 107.

В.С. Великанов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ единственным специальным исследованием, посвященным офицерскому корпусу русской армии во второй половине XVII – начале XVIII вв., оставался краткий исторический обзор А.З. Мышлаевского¹. Однако в последние годы появился ряд специализированных материалов по этой теме, позволивших расширить и дополнить имеющиеся данные². В рамках настоящей работы нами предпринята попытка проанализировать количественный и качественный состав офицерского корпуса русской армии накануне начала Великой Северной войны и меры, предпринятые правительством для укомплектования армии офицерскими кадрами в первые годы войны.

К концу XVII в. полки «нового строя» русской армии включали солдатские и рейтарские полки, драгунские полки не упоминаются начиная с росписи 1680 г. Согласно неокончательным данным, русская армия насчитывала в 1699 г. не менее 28 рейтарских и 57 солдатских полков³. Большинство полков имели 10-ротную организацию (исключение составляли несколько т. н. генеральских полков) и насчитывали по 33 офицера, включая 30 строевых: полковник, подполковник, майор, 7 капитанов (ротмистров в рейтарах), капитан-поручик, 9 поручиков, 10 прапорщиков. К нестроевым офицерам относились полковые квартирмейстер, обозный и адъютант. Таким образом, для полного комплекта в 85 полков требовалось не менее 2800 офицеров.

В 1696 г., согласно данным Иноземного приказа, на службе

имелось 2257 генералов и офицеров полков «нового строя»⁴. Офицеры делились по этно-конфессиональному признаку на 3 категории: «иноземцы», «новокрещены» и русские. Иностранцы (иноземцы и новокрещены) составляли 42 % (954 чел.)⁵, русские – 58 % (1303 чел.)⁶. Весь генералитет (2 генерала, 1 генерал-поручик, 3 генерал-майора и генерал-бригадир) состоял из иноземцев и новокрещен. Среди старших офицеров (399 полковников, подполковников и майоров) иноземцы и новокрещены составляли 86 % (343 чел.). Иная ситуация была с ротными офицерами (1975 чел.), среди них преобладали русские – 1247 чел. (67,4 %). При этом, если в старших офицерах имелся избыток (56 %), то среди младших офицеров некомплект составлял 27 % – см. таблицу 1.

В качестве примера реальной ситуации с офицерскими кадрами в полках можно привести данные по Белгородскому и Севскому разрядным полкам в 1699 г. Оба разрядных полка были основной ударной силой русской армии во второй половине XVII в., и интенсивность их службы и боеспособность были самыми высокими

Табл. 1. Численность офицерского корпуса русской армии в 1696 г.

чин	Потребность*		В наличии			
	на полк	всего	Иностр**	Русские	Всего	%
полковник	1	85	124	9	133	156%
подполковник	1	85	113	19	132	155%
майор	1	85	106	28	134	158%
капитан/ротмистр	7	595	171	161	332	56%
капитан-поручик	1	85	16	7	23	27%
поручик	9	765	158	400	558	73%
прапорщик	10	850	259	617	876	103%
квартирмейстер	1	85	0	23	23	27%
адъютант	1	85	0	21	21	25%
обозничий	1	85	0	18	18	21%
	33	2805	947	1303	2250	

* Расчетные данные на 85 полков (28 рейтарских и 57 солдатских).

** Суммарные данные по иноземцам и новокрещенам.

Источники:

1. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1889. С. 38.
2. Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строю, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1–5. Кострома, 1793–1794.

среди всех территориальных разрядных полков. Они принимали самое активное участие во всех походах в войнах с Польшей и Турцией, в т. ч. кампаниях 1694–1698 гг. – см. таблицу 2.

В 1699 г. Белгородский разрядный полк состоял из одного копейного, 6 рейтарских, 11 жилых солдатских и 2 новоприборных солдатских полков. При штатной численности офицеров в 660 чел. в полках фактически имелось 409 чел. (62 %)⁷. Из них 64 (16 %) были иноземцами, 120 (29 %) – новокрещенами, 225 (55 %) – русскими⁸. В рейтарских полках некомплект составлял 23,4 %, при этом штаб-офицерские позиции были укомплектованы полностью. Русские офицеры в основном занимали позиции младших офицеров (55,5 %), среди старших офицеров русских было лишь 3 майора. Все 7 полковников были иноземцами. В солдатских полках, в отличие от рейтарских, некомплект офицеров достигал почти половины от штатной численности (45,9 %). При этом также, как и в рейтарских, основной некомплект приходился на ротный уровень, среди старших офицеров не хватало только одного подполковника и майора. Русские офицеры на ротном уровне составляли чуть больше половины (101 чел., 52,1 %), однако почти все они служили поручиками и прапорщиками (27 и 61). Среди старших офицеров русскими были один полковник и 4 подполковника.

Севский разрядный полк в 1699 г. состоял из копейной шквადроны, двух рейтарских и 5 солдатских полков, включая один новоприборный постоянный полк. При штатной численности в 230 офицеров в наличии имелось 165 чел. (71 %). Из них 19 (12 %) были иноземцами, 62 (38 %) – новокрещенами, 84 (51 %) – русскими⁹. Также, как и в белгородских полках, штаб-офицерские должности были укомплектованы почти полностью (не хватало одного майора), и большинство из них были заняты иноземцами и новокрещенами (русские – полковник и подполковник). На ротном уровне большинство, наоборот, составляли русские офицеры. Также некомплект в рейтарских полках (16 %) был значительно ниже, чем в солдатских (43 %).

Существенная разница в комплектности рейтарских и солдатских полков была связана с разницей окладов, особенно на ротном уровне. Служба в рейтарских полках была более престижной и высокооплачиваемой, но в то же время рейтары должны были нести дополнительные расходы, связанные с содержанием собственных лошадей. Если у старших офицеров разница в окладах составляла

Табл. 2. Офицерский корпус полков Белгородского и Севского разрядов в 1699 г.

чин	Белгородский разряд		Севский разряд			Всего в наличии					
	штатная числ-ть	в наличии	штатная числ-ть	в наличии	%	Иностр.*	%	Русские	%	Всего	
полковник	20	19	95%	7	7	100%	24	92%	2	8%	26
подполковник	20	19	95%	7	8	114%	22	81%	5	19%	27
майор	20	21	105%	7	9	129%	27	90%	3	10%	30
ротмистр/капитан	140	63	45%	49	35	71%	62	63%	36	37%	98
капитан-поручик	20	21	105%	7	10	143%	17	55%	14	45%	31
поручик	180	99	55%	63	43	68%	55	39%	87	61%	142
прапорщик	200	149	75%	70	46	66%	53	27%	142	73%	195
адъютант	20	4	20%	7	4	57%	3	38%	5	63%	8
квартирмейстер	20	5	25%	7	1	14%	1	17%	5	83%	6
обозный	20	9	45%	7	2	29%	1	9%	10	91%	11
	660	409	62%	231	165	71%	265	46%	309	54%	574

* Суммарные данные по иноземцам и новокрещенам.

Источники:

1. РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 88. Л. 377–422.
2. Там же. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1710. Л. 216–224.

15–20 %, то у ротных – около 40 %. При этом переводы офицера из солдатского в рейтарский полк и обратно были довольно частыми. В виде поощрения или награды офицера могли перевести из солдатского полка в рейтарский в том же чине или произвести в следующий чин с переводом из рейтар в солдаты. Например, подполковник солдатского строя Николай Юстофович Инфлант в 1698 г. за «свои службы в Казыкерменском походе» был переведен в том же чине в Севский рейтарский полк. К этому моменту он был на царской службе уже 24 года: начав службу прапорщиком, за 13 лет дослужился до капитана, затем через 5 лет получил чин майора, а в 1696 г. – подполковника. В дальнейшем в 1700 г. он был назначен подполковником в драгунский полк А.М. Головина (Преображенский), а в 1702 г. – стал полковником солдатского полка. В 1703-м он получил драгунский полк, в 1706-м произведен в бригадиры от кавалерии, а в следующем году – генерал-майоры.

Дополнительные данные о качестве офицерского корпуса можно получить из «Росписи начальных людей новокрещен и иноземцев» Белгородского и Севского полков в конце 1699 г.¹⁰ Всего в «Росписи» приведены данные о 153 офицерах-иноземцах и новокрещенах в чинах от капитан-поручика и выше: 3 генерал-майора, 17 полковников, 24 подполковника, 25 полковников, 26 ротмистров, 42 капитана и 16 капитан-поручиков. Это составляет около 15 % от общей численности офицеров-иностранцев в 1696 г. и около 30 % от общей численности указанных чинов. Данные о младших офицерах (поручиках, прапорщиках, адъютантах, обозных и квартирмистрах), а также русских начальных людях в документе, к сожалению, отсутствуют. Для каждого офицера в документе указано, с какого года он находится на русской службе, а также, сколько лет он служил в каждом чине. Анализ этих данных свидетельствует, что средний срок службы в России указанных офицеров составлял 20 лет. При этом у полковников – 32 года, подполковников – 24, майоров – 25, офицеров ротного звена – 16. С учетом этих данных можно предположить, что средний возраст старших офицеров-иностранцев составлял около 45–50 лет, ротных – 35–40 лет. Например, братья генерал-майоры Карл и Христофор Андреевичи Ригимоны, оба служившие в Белгородском разрядном полку, поступили на русскую службу младшими офицерами в 1660–1661 (7169) гг. Карл получил чин капитана в 1670-м, дослужившись к 1692 г. до

генерал-майора. Его брат получил капитана на год позже, а чин генерал-майора – лишь весной 1696 г. перед началом 2-го Азовского похода. Севский генерал-майор Андрей Андреевич Гулиц «выехал на государево имя ис цесарской земли» в 1652–1653 (7161) гг. В 1654 г. он получил чин прапорщика, после Рижского похода в 1656 – поручика, а в 1660–1661 (7169) гг. – сразу майора и подполковника. В 1665-м он числился подполковником Новгородского солдатского полка¹¹, к 1681-му – уже полковник, а после 2-го Крымского похода произведен в генерал-майоры.

Высокие показатели среднего срока нахождения на русской службе во многом являются отрицательным показателем, т. к. указывают на то, что большинство офицеров не было подробно знакомо с передовыми европейскими приемами и методами военного обучения и тактики и не имело соответствующего опыта. Анализ дат поступления белгородских и севских офицеров на службу показывает, что в 1670–1699 гг. ежегодно на русскую службу в среднем поступало около 4 офицеров. При этом можно выделить четыре случая массового приема: 24 офицера в 1679–1681 (7187–7189) гг., 11 офицеров в 1683–1684 (7191–7192) гг., 21 офицер в 1687–1689 (7196–7198) гг. и 11 в 1692–1693 (7199–7200) гг. В двух случаях массовые приемы иностранцев на военную службу происходили после окончания крупных военных кампаний (Чигиринские и Киевский походы) и, вероятно, должны были решить выявленные проблемы с обучением и боеспособностью войск. Прием 1687–1689 гг. напрямую связан с Крымскими походами, а набор 1694 г. можно рассматривать как элемент подготовки армии к предстоящей войне (Азовский поход 1695 г.).

В то же время значительные сроки службы большинства иностранных офицеров указывают на то, что эти люди осознанно связали свою жизнь с Россией. Многие из них обзавелись здесь семьями и хозяйством, продолжая, впрочем, вести довольно замкнутый образ жизни внутри общины (слободы) таких же офицеров-иностранцев, что довольно подробно описано в дневниках Патрика Гордона. Их дети, в большинстве своем, также выбирали военную карьеру, начиная службу в полках своих родителей. Некоторые офицерские династии (например, Росформы, Гамильтоны, Шарфы, Балки, Фонвизины, Бернеры и др.) насчитывали к концу XVII в. уже более 2-3 поколений. Сохраняя свою религию (иноземцы) и оставаясь частью закрытой этно-религиозной служилой корпорации,

они, тем не менее, являлись полноценными подданными и солдатами Российского государства.

Необходимость постоянного найма и содержания иностранных офицеров на русской службе была связана с отсутствием в России в конце XVII в. какой-либо системы подготовки национальных офицерских кадров для полков «нового строя». В 1649 г. был создан рейтарский полк полковника Исаака Фанбуковена, в котором в течение почти четырех лет две тысячи рейтар из дворян и детей боярских проходили обучение «рейтарскому и солдатскому строю». Этот полк стал школой для подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров для будущих полков «нового строя», но уже в июле 1653-го он фактически прекратил свое существование. Несколько сотен человек были назначены офицерами в новые рейтарские и солдатские полки, а оставшиеся распределены среди 6 рейтарских полков. В дальнейшем никакой специализированной воинской части или учебного заведения для подготовки командных кадров больше не создавалось. Замещение вакантных офицерских должностей русскими людьми в дальнейшем происходило за счет личных заслуг в нижних чинах полков «нового строя» и «сотенной службе», либо по знатности и заслугам рода. При этом, если дворяне и дети боярские, произведенные в офицеры из солдат и урядников, как правило, оставались в чинах прапорщиков и поручиков, то более знатные и состоятельные помещики из числа «сотенных» часто переводились сразу на чин поручика и довольно быстро получали следующий чин капитана или ротмистра. Случаев производства в офицеры полков «нового строя» представителей недворянского сословия нами не выявлено.

Необходимо отметить, что почти 98 % русских офицеров в 1696-м являлись представителями провинциального дворянства. Московские чины встречаются среди офицеров «нового строя» крайне редко, в основном среди старших офицеров. Их можно разделить на две группы: получивших придворные чины стольников, дослужившись с нижних чинов до полковников (например, Григорий Иванович Шишков и Василий Владимирович Братцев), и переведенных в офицеры «нового строя» из «сотенной службы». Последняя практика появилась в 1687–1693 гг., когда в старшие офицеры была произведена целая группа стольников, ранее никогда не служивших в полках «нового строя»: полковник Федор Исаевич Скрипицын, подполковник Василий Васильевич Григоров и др.

Отдельно хотелось бы упомянуть полковника солдатского строя стольника Федора Ивановича Стремоухова. Он начал службу в 1660 г. в «сотенной службе», в 1661-м г. попал в крымский плен (через 8 недель «из полону обменен на пленного татарина»), затем много лет участвовал в различных походах на Украине. В 1667-м под Глуховом ранен («пострелен из лука в правую ногу на вылет»). За поход 1675 г. записан в московский список, а в 1-м Крымском походе по указу В. Голицына «велено ему быть пехотного строю полковником»¹².

Стремоухов был не единственным обладателем солидного послужного списка, почти все русские старшие офицеры имели значительный боевой опыт. В частности, все 7 полковников гусарского и рейтарского строя, числившиеся на службе в 1696 г., начали свою боевую службу в 1654 г., перейдя из сотенной конницы в рейтарскую не позднее 1660–1661 гг. Например, стольник и полковник Григорий Иванович Кайсаров начал службу в 1651 г. в рейтарском полку Буковина, в 1654 и 1655 гг. принял участие в Смоленском и Виленском походах. В 1656 г. он был произведен в прапорщики и «под немецким городом под Орхиском, и на бою ранен из карабина, правая рука выше локтя пробита насквозь». В 1659 г. в чине поручика Кайсаров принял участие в Конотопском сражении и «на том бою ранен из пищали в левую ногу выше колена, пробита насквозь». Через 2 года под Варвою в чине ротмистра «ранен по левой ноге выше лодыжки прострелен из пищали». Затем в 1663–1664 гг. – отражение похода Яна-Казимира, поход против «воровских казаков» (разинцев) и участие в обоих Чигиринских походах, после которых он был произведен в майоры. После 1-го Крымского похода Кайсаров был произведен в подполковники, а после 2-го – в полковники¹³. Не менее богатым послужным списком обладал полковник гусарского полка Новгородского разряда стольник Михаил Тимофеевич Челищев. Начав службу также в рейтарском полку Буковина, он был в 1653-м произведен в прапорщики и принял участие в Смоленском и Виленском походах, а также походе князя Урусова к Бресту в 1655 г. В следующем, 1656-м он участвовал во взятии Юрьева Ливонского, а в 1659–1660 гг. – в Литовском походе И. Хованского, осаде Ляхович и неудачном сражении при Полонке, а также осенней кампании под Полоцком. В следующем 1661 г. Челищев уже в чине поручика участвовал в обоих сражениях при Кушликовых горах и «на последнем бою ранен из лука по

правой ноге, да ранен по голове с правой стороны под правым глазом, сечен саблей по лбу». В 1664-м за службы он был произведен в ротмистры гусарского строя и принял участие в сражении на р. Лучасе, где вновь был ранен: «сечен саблей в дву местах по обеим щекам, да по правой руке сечен саблей». В 1667 г. он был произведен через чин в подполковники, а в 1673-м «велено быть полковником гусарского строя»¹⁴. Еще один новгородец, рейтарский подполковник Михаил Яковлевич Полибин, служил в сотенной службе с 1656 г., приняв участие в походах к Юрьеву Ливонскому, сражениях под Гдовом, Ляховичами, в Кушликовых горах и на реке Лучасе. Лишь в 1674–1675 гг. он был записан в копейщики и через три года за заслуги был произведен сразу в ротмистры, а по возвращении из 2-го Крымского похода – в подполковники¹⁵. Таким образом, несмотря на наличие значительного боевого и служебного опыта (более 40 лет), большинство русских старших офицеров по возрасту (не менее 55–60 лет) не были способны к интенсивной полевой службе.

Анализ данных о численности и составе офицерского корпуса русской армии к началу Великой Северной войны позволяет выделить следующие основные проблемы:

- значительный некомплект командных кадров на ротном уровне,
- отсутствие системы подготовки и обучения офицерских кадров,
- значительный средний возраст многих офицеров.

При подготовке к войне со Швецией зимой 1699–1700 гг. было принято решение о формировании новых 29 солдатских и 2 драгунских полков, для которых требовалось по полным штатам 855 офицеров¹⁶. Кроме этого, требовалось укомплектовать офицерами территориальные полки, в первую очередь предназначенные для службы в новоприобретенных крепостях на Днепре, в Азове и Трицком. Весной 1700 г. в Москве был проведен «разбор» имевшихся на службе офицеров, в результате которого выяснилось, что многие уже стары и негодны к службе, а некоторые незнакомы с современными ружейными и строевыми приемами. В частности, в апреле А.М. Головиным, руководившим отбором командных кадров для новых полков, были «забракованы» 150 из 300 офицеров, присланных из Иноземного приказа¹⁷.

При росписи оставшихся офицеров по территориальным и новоприборным полкам выяснилось, что имевшегося количества офицеров недостаточно. Особенно большой некомплект наблюдался

на ротном уровне. По состоянию на 21 июля 1700 г. в 8 полках, сформированных Генеральным двором из даточных, в наличии было 78 офицеров ротного звена из штатных 265 (около 29 %, см. таблицу 3)¹⁸. Кроме этого, в 3 полках не хватало подполковников и майоров. Аналогичная ситуация сложилась в полках, набранных летом 1700 г. А.И. Репниным в низовых городах. В августе – сентябре 1700 г. в 9 солдатских полках насчитывалось всего 63 офицера: 9 полковников, 9 подполковников, 9 майоров, 4 капитана, 2 поручика, 28 прапорщиков и 2 квартирмейстера¹⁹.

Для решения проблемы с младшими офицерами ротного уровня в мае – августе 1700 г. по предложению А.М. Головина на вакантные офицерские должности были выбраны 985 чел. из числа московских чинов и дворян московских, имевших от 40 дворов и выше (т. е. основными факторами являлись происхождение и материальное положение)²⁰. После короткого обучения ружейным и стрелковым приемам по «Краткому обыкновенному учению»²¹ они назначались прапорщиками и поручиками в новоприборные солдатские полки.

Данная мера позволила решить сразу несколько задач. Во-первых, полностью укомплектовать новые полки офицерскими кадрами к началу Нарвского похода 1700 г. Во-вторых, массово привлечь на постоянную воинскую службу наиболее привилегированную и знатную часть российского дворянства – московских чинов и дворян, сделав их частью новой военно-бюрократической элиты. Ранее они несли лишь эпизодическую воинскую службу в сотнях Государева полка в отдельных походах и торжественных церемониях и в общей массе ограниченно привлекались к государственной службе. В-третьих, значительно сократить фактические расходы на офицерский корпус. Жалованье офицерам выплачивалось за вычетом доходов с принадлежавших им крестьянских дворов. Учитывая минимальный имущественный ценз для новых офицеров в 40 дворов, средний вычет из жалованья составлял в 1701 г. около 30 %.

Отдельно необходимо также упомянуть о комплектовании унтер-офицерских позиций в новоприборных полках. При формировании полков данный вопрос заранее проработан не был, и штаты пришлось заполнять методом выбора из новобранцев. К середине мая в полку Т. Юнгора налицо было 24 сержанта вместо 36 (в полку Н. Балка также в наличии 24), 36 капралов вместо 48,

Табл. 3. Офицеры 8 солдатских полков, сформированных Генеральным двором из даточных, по состоянию на 21 июля 1700 г.

полк	капитаны		поручики		прапорщики		всего	
	в наличии	в дополнку	в наличии	в дополнку	в наличии	в дополнку	в наличии	в дополнку
Фливерк	1	9	4	7	5	7	10	23
Мевс	0	10	4	7	5	7	9	24
Болман	1	9	4	7	5	7	10	23
Юнгор	0	10	6	5	2	10	8	25
Верден И.	2	8	1	10	3	9	6	27
Дельдин В.	3	7	3	9	2	10	8	26
Балк Н.	2	8	3	8	1	11	6	27
Гордон А.	7	3	8	3	6	6	21	12
	16	64	33	56	29	67	78	187

Источники:

1. Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в. Дисс... канд. ист. наук. М., 1953. С. 153–154.

108 ефрейторов вместо 144²². Вероятно, в полках, сформированных Преображенской комиссией из вольницы, была аналогичная ситуация. Примечательно, что в низовых полках Репнина унтер-офицерские позиции были заполнены полностью²³.

Общая численность офицерского корпуса русской армии к началу Великой Северной войны на настоящий момент не установлена. С учетом предпринятых мер она должна была достичь 3,1–3,2 тыс. чел. Точные потери офицерского корпуса в Нарвском походе 1700 г. также неизвестны. Согласно официальной «Истории швейцарской войны», русская армия потеряла убитыми и пленными не менее 46 офицеров полков «нового строя»: 12 полковников, 4 подполковника, 9 майоров, 14 капитанов, 7 поручиков²⁴. Эти данные являются заниженными и включают в себя, вероятно, не все полки. В частности, согласно ведомости генерал-майора Н. фон Вердена, в 9 полках, бывших в 1703-м под его командой, потери в младших офицерах под Нарвой составили 39 чел. убитыми и пленными: 19 капитанов, 9 поручиков, 8 прапорщиков, по одному адъютанту, квартирмейстеру и обозному²⁵. С учетом этих данных общие потери офицерского корпуса убитыми и пленными в ходе Нарвского похода 1700 г. мы оцениваем примерно в 120–150 чел.

В начале 1701 г. в списках на выдачу жалованья указано 1638 действующих офицеров полков «нового строя», включая 779 иноземцев и новокрещен и 859 русских – см. таблицу 4²⁶. По сравнению с 1696 г. резко сократилась численность находившихся на службе русских офицеров, что связано с отказом правительства от сбора и содержания большинства территориальных полков. Русские офицеры при этом были распущены по домам (поместьям) без сохранения жалованья. Численность иностранцев в русской армии изменилась приблизительно на 120 чел., причем убыль старших офицеров составила 135 чел. (71 полковник, 44 подполковника и 20 майоров). Потери в старших офицерах под Нарвой составили 25 чел., остальные, вероятно, были уволены со службы по возрасту и состоянию здоровья в ходе разбора 1700 г. Многие из уволенных сразу же покинули Россию (как, например, бывший полковник Старооскольского солдатского полка Мельхиор Шлиппенбах), и в 1701 г. Военный приказ выплачивал жалованье всего 53 отставным офицерам из иноземцев и новокрещен: 6 полковникам, 9 подполковникам, 12 майорам, 10 ротмистрам, 6 капитанам, 5 поручикам, 4 прапорщикам и одному квартирмейстеру²⁷.

Табл. 4. Численность офицерского корпуса русской армии в начале 1701 г. (без учета отставных)

чин	Полевые полки*		Территориальные полки***				Всего						
	Иностр.**	Русские	всего	%	Территориальные полки***		Иностр.**	%					
					Иностр.**	Русские			всего	%			
полковник	30	0	30	51%	17	12	29	49%	47	80%	12	20%	59
подполковник	31	0	31	49%	29	3	32	51%	60	95%	3	5%	63
майор	48	1	49	62%	26	4	30	38%	74	94%	5	6%	79
ротмистр	0	0	0	0%	5	8	13	100%	5	38%	8	62%	13
капитан	83	133	216	65%	55	61	116	35%	138	42%	194	58%	332
капитан-поручик	0	0	0	0%	7	0	7	100%	7	100%	0	0%	7
поручик	92	280	372	78%	93	12	105	22%	185	39%	292	61%	477
прапорщик	138	239	377	67%	117	70	187	33%	255	45%	309	55%	564
квартирмейстер	4	12	16	100%	0	0	0	0%	4	25%	12	75%	16
адъютант	4	13	17	94%	0	1	1	6%	4	22%	14	78%	18
обозначий	0	10	10	100%	0	0	0	0%	0	0%	10	100%	10
	430	678	1118	68%	349	171	520	32%	779	48%	859	52%	1638

* Данные по 28 солдатским и 2 драгунским полкам Военного приказа, Преображенскому и Семеновскому полкам.

** Суммарные данные по пноземцам и новокрещенам.

*** Данные по территориальным и гарнизонным полкам приказов Военного, Разрядного, Преображенского, Пушкарского, Малороссийского, Смоленского княжества и Казанского двorca.

Источники:

1. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1; Ч. 8.

Большая часть офицеров (1010 чел., из них 344 иноземца и новокрещен и 666 русских) в начале 1701 г. несла службу в Военном приказе, в ведении которого находились почти все полевые полки (30 солдатских и 2 драгунских). После потерь, понесенных в Нарвском походе 1700 г., число рот во многих московских новоприборных полках уменьшилось с 12 до 11 или 10, и точный ротный состав полков неизвестен. Исходя из среднего количества офицеров в полку в 33 человека, можно предположить, что все полки Военного приказа были максимально полно укомплектованы офицерскими кадрами. При этом все старшие офицеры в полках, как и прежде, были иноземцами и новокрещенами, среди офицеров ротного уровня их доля составляла 26 %.

В Преображенском приказе (Преображенский и Семеновский полки и 3 полка московского гарнизона) насчитывался 171 офицер²⁸. Их этно-религиозный состав не указан, но по размерам жалованья можно предположить, что 103 из них были иноземцами и новокрещенами. Примечательно, что в Преображенском полку числился двойной комплект офицеров ротного уровня (32 капитана, 35 поручиков и 30 прапорщиков), в Семеновском полку данная практика отсутствовала.

В полках, находившихся в ведении Разрядного приказа и «при городском строении», находилось 225 офицеров: в Белгороде – 42 (включая 14 русских), в Севске – 18 (13 русских), в Азове и Троицком – 165 (81). В Малороссийском приказе числилось всего 48 офицеров, из них один русский; в приказе Казанского дворца – 134, включая 16 русских. В приказе Смоленского княжества указано всего 22 офицера, однако очевидно, это неполные данные, включающие только офицеров-иностранцев полков смоленского гарнизона. В данный перечень не вошли русские офицеры, служившие с поместий и не получавшие дополнительного жалованья. Также не указаны офицеры Смоленского рейтарского полка полковника Григория Рывданского, участвовавшего осенью 1700 г. в Нарвском походе, а с весны 1701 г. находившегося во Пскове в команде Б.П. Шереметева. В 1700 г. в этом полку по спискам насчитывался 51 офицер, включая полковника, подполковника, 2 майоров, 7 ротмистров, 1 капитан-поручика, 14 поручиков, 21 прапорщика, полковых квартирмейстера, обозного и 2 адъютантов²⁹.

Как уже отмечалось выше, большая часть русских офицеров полков «нового строя» в 1700 г. была либо отставлена со службы,

либо переведена на службу в территориальные гарнизонные полки на третичное жалование. С учетом имевшихся у них крестьянских дворов в большинстве случаев это означало службу за свой счет, с доходов с поместья. При этом территориальные полки имели в годы войны значительный некомплект офицерских кадров, доходивший до 50–70 %. В частности, в 1706 г. в четырех солдатских полках смоленского гарнизона несли службу 56 офицеров, из них жалованье получали всего 25 чел. (в основном иностранцы), а 31 русский офицер служил с поместий³⁰. Отставные офицеры также активно привлекались к службе в полевых полках, формировавшихся территориальными властями, при этом в полки главной армии их не направляли. В частности, при формировании в марте 1705 г. в Севском разряде одного драгунского и 5 солдатских полков, в них были назначены на службу 193 офицера, в т. ч. около 170 бывших отставных³¹.

Таким образом, при подготовке к войне со Швецией Петром I и его правительством не было предпринято никаких мер по решению имевшихся проблем с качественным и количественным составом офицерского корпуса русской армии. Все мероприятия по созданию новых частей не были продуманы с точки зрения укомплектования их командными кадрами. Для заполнения имевшихся вакансий младших офицеров и унтер-офицеров пришлось в массовом порядке назначать новобранцев, не имевших специальной подготовки, опыта и знаний. Причем в отличие от второй половины XVII в., когда командные кадры полков «нового строя» комплектовались преимущественно за счет провинциального дворянства, Петр I привлек в офицерский корпус новых полков наиболее привилегированную и знатную часть дворянства – московских чинов и дворян. Практика выбора на офицерские должности дворян по их происхождению и материальному статусу продолжилась и после 1700 г. В последующем в 1704 г. в «начальные люди» солдатских и драгунских полков из них было выбрано еще 699 московских чинов и дворян, в 1705 г. – 295, 1706 г. – 525³². Всего в 1700–1706 гг. в офицеры были выбраны 3368 московских чинов и дворян, которые после краткого обучения назначались на должности прапорщиков и, реже, поручиков. Это не могло не сказаться на качестве офицерского корпуса и уровне управления и подготовки русской армии. О необходимости скорейшего привлечения на службу опытных иностранных офицеров упоминали

все иностранцы, видевшие русскую армию в начале Великой Северной войны (И.Р. Паткуль, Г. Огильви, Л. Алларт, Ч. Витворт, Г. Грунд).

---

¹ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899.

² Напр.: Петрухинцев Н.Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. Ч. 2. СПб., 2011 г. С. 219–240; Рогожин А.А. Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в конце 1660-х – начале 1680-х годов (К вопросу о политике русского правительства в области военной экономики) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года. Ч. 4. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 66–79.

³ Подробнее см.: Великанов В.С. К вопросу об организации и численности российских вооруженных сил в 1699 г. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 335–350.

⁴ Указанные данные не включают в себя стрелецких офицеров и командный состав поместной конницы, включая Государев полк и смоленскую шляхту.

⁵ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 38.

⁶ Подсчитано автором по: Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строя, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1–5. Кострома, 1793–1794. (Далее – Список начальным людям).

⁷ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 88. Л. 377–422.

⁸ Здесь и далее подсчеты автора.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1710. Л. 216–224.

¹⁰ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Д. 1. Л. 868 об–887.

¹¹ Воробьев В.М. Новгород и Псков – два важных центра военно-политической истории России XVII века // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 1. М., 2003. С. 314–326.

¹² Список начальным людям. Ч. 1. С. 9–10.

¹³ Там же. Ч. 1. С. 5–6.

¹⁴ Там же. Ч. 5. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Расчеты автора: 16 московских солдатских и 2 драгунских полка по 39 офицеров (по 12 рот по 3 офицера в роте и 3 нестроевых офицера), 11 низовых полков по 30 офицеров (9 рот) и 2 новгородских солдатских полка по 27 офицеров (8 рот).

¹⁷ Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к 1-му т. СПб., 1900. С. 192.

- ¹⁸ Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в. Дисс... канд. ист. наук. М., 1953. С. 153–154.
- ¹⁹ Попов Н.Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1 (1700–1762). М., 1902. Приложения. С. 16–17.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 257 об.
- ²¹ Татарников К.В. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII в. Т. 1. М., 2010. С. 8.
- ²² Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 155.
- ²³ Попов Н.Н. Указ. соч. Прил. С. 17.
- ²⁴ История Свейской войны (ред. Т.С. Майковой). Вып. 1. М., 2004. С. 208.
- ²⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889. № 603. С. 270–287.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 25–141 об. Автор не включает в указанные итоги офицеров стрелецких полков и жилых солдатских полков, переформированных из стрельцов и сохранивших прежнюю организацию и командные кадры (напр., в Архангельске). Также в списках на начало 1701 г. отсутствуют офицеры 9 драгунских полков, сформированных зимой – весной 1701 г.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 81–83.
- ²⁸ Данные из сводной расходной ведомости на выдачу жалованья по приказам на 1701 г. уточнены с учетом данных о русских офицерах Преображенского полка, служивших с поместья без жалованья – см.: Бобровский П.О. Указ. соч. С. 257.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1700 г. Д. 13. Л. 24–44 об. и 46.
- ³⁰ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Д. 6. Л. 1012–1013.
- ³¹ Там же. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 61. Л. 223–228.
- ³² Там же. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 255 об–259 об.

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ДВА ФРОНТА ИМПЕРАТОРА СИГИЗМУНДА

С ИГИЗМУНД (иногда его называют Первым, но это нуждается в пояснениях)¹ жил с 1361 по 1437 гг. Он вошел в историю не только как император «Священной Римской империи», но и как король Немецкий, Венгерский, Чешский (Богемский)², как курфюрст Бранденбургский, как последний представитель династии Люксембургов (именно ей Прага обязана своими красивейшими памятниками периода так называемого культа Праги). Его имя связано с попытками прекращения 100-летней войны (два года жизни он отдал решению этого вопроса), с попытками ликвидации «папского раскола», со стремлением реформировать Католическую церковь (на Вселенском соборе в Констанце³).

К сожалению, этот «широкой души император»⁴ имеет непосредственное отношение к гибели выдающегося мыслителя и деятеля чешской Реформации Яна Гуса. За это преступление чехи отзывались о Сигизмунде как о «посрамителе правды и враге чешского народа»⁵. За предательство в отношении Яна Гуса (прежде всего) явную неприязнь к Сигизмунду высказывал Карл Маркс⁶.

Люксембурги говорили все-таки по-французски, и Сигизмунд, хотя и знал несколько языков, был для венгров чужим. Он прочно стоял на принципах официального католицизма (впрочем, не без оговорок), и эта его позиция с одной стороны, спланивала венгров, а с другой – вызывала у части из них раздражение за его «непатриотизм».

Сигизмунд, по общему мнению современников и историков, очень хотел стать «императором Запада», т. е. «Священной Римской империи» – и это ему удалось еще в 1410 г.⁷ Для полного

соблюдения всех ритуалов нужна была коронация, совершенная папой римским, а это произошло только в 1433 г.

Сигизмунд посчитал своим долгом выступить против чешских гуситов – «альбигойцев XV в.». Вместе с папством он организовал 5 крестовых походов против восставших чехов. Это было как бы «естественным» продолжением его активной деятельности на упомянутом соборе в Констанце, а затем в Базеле.

Лишь в конце правления (и жизни) Сигизмунд решил заняться улучшением законодательства и благосостояния жителей Венгрии, но без особого успеха.

Если противостояние османам можно назвать «первым» фронтом Сигизмунда, то борьбу с гуситами, с «богемской ересью» – «вторым». «Первый» фронт для Венгрии, т. е. для Сигизмунда, возник после падения Болгарии под напором турок (около 1393 г. произошло падение такого центра болгарской жизни, как Тырново, там же был пленен болгарский царь Иван Шишман). Стычки венгерских отрядов с турками случались и раньше, но теперь противник вышел на венгерские границы.

Так, в 1392 г. войска Баязида (1360–1402) заняли замок Голубац на Дунае, но были вытеснены венграми⁸. Именно Сигизмунд почувствовал напряженность политической ситуации и на Пасху 1394 г. собрал в Буде совещание о средствах обороны против турок. Он же отправил посольство к Баязиду, упрекнув султана за занятие Болгарии, которая в этот момент считалась владением венгерской короны. Согласно легенде, Баязид указал венгерским послам на развешенное на стенах оружие и заявил, что его права на Болгарию основываются на этом аргументе⁹.

В 1394 г. Баязид, желая закрепить за собой завоевание Болгарии и нанести удар Валахии, перешел Дунай. В походе участвовали против своей воли серб Стефан Лазаревич, князь Македонии Константин и др. В октябре турецкое войско потерпело сильное поражение от валашского князя Мирчи Старого в местности, которая называлась «на Ровинах». В сражении пали многие турецкие военачальники и их балканские союзники. Баязид бесславно бежал, но затем заключил с Мирчею Старым перемирие, вполне выгодное для турок.

Поражение османов «на Ровинах» и захват (с помощью хорватов) города Мылый Никополь (Турну-Мигуреле, на левом берегу Дуная), по-видимому, придали решимости Сигизмунду приступить

к организации «европейского ополчения» – крестового похода. В 1395 г. Сигизмунд отправил в Италию и Францию своих представителей в поисках помощи. Затем в г. Кронштадте (Брашов) был заключен союз с Мирчею Старым, который не хотел ссориться ни с Сигизмундом, ни с Баязидом. В 1395 г. Гийом де Тремуи, маршал Бургундии, сообщил в Буду о согласии герцогов Бургундии, Орлеана и Ланкастера¹⁰ принять участие в крестовом походе. В 1395 г. начались также официальные переговоры венгров с Республикой Св. Марка (Венецией) – в них участвовали представители Византии (прибыли еще в декабре 1394 г.). В конце концов Сенат Венеции согласился предоставить свои галеры из расчета, что они будут составлять $\frac{1}{4}$ союзного флота в крестовом походе.

Совещания продолжились в Лионе. Французский король с энтузиазмом (правда, недолгим) поддержал идею ликвидации турецкой опасности на границах христианства. Финансировал поход прежде всего герцог Бургундский. Значительные суммы жертвовали другие знатные люди Франции. Поход в изобилии был снабжен знаменами, дорогими материями для драпировок, изображениями Богородицы и т. д. К сожалению, как констатирует автор книги о поздних крестовых походах А.С. Атия, «скорее роскошь, чем эффективность была ключевым пунктом этих обширных, и, казалось бы, тщательных приготовлений»¹¹. – Так, у стен Никополя «обнаружилось», что собравшаяся армия не была снабжена ни металлическими машинами, ни огнестрельной артиллерией, ни стенобитными устройствами.

В апреле 1396 г. в Дижоне стали собираться крестоносцы из европейских стран, которые затем двинулись в Болгарию, чтобы «раз и навсегда» изгнать турок из Европы. Добровольцы – рыцари съезжались из многих стран Европы, но больше всего было бургундцев и французов: они легче других «зажигались» крестовой идеей и ее романтикой; а также англичан, фламандцев, чехов, немцев из всех частей Германии, ломбардцев, поляков, испанцев и др.

Особые меры принимали инициаторы похода – венгры, которые хорошо понимали, что турецкая угроза уничтожила различие между оборонительными и наступательными операциями. После сражения у Никополя были даже внесены изменения в «Золотую буллу»¹²: это касалось 31-й статьи о праве аристократии («королевских слуг») восставать против короля. Положение было слишком

серьезное, и вопросы обороны заставили временно приостановить действия «исконных» привилегий¹³.

Несмотря на высланную разведку, Баязида обнаружить не удалось. Впоследствии выяснилось, что турецкая армия стояла у стен Константинополя, а затем, после ускоренного марша¹⁴, оказалась у Никополя – болгарской крепости на правом берегу Дуная, которая во время сражения была занята турками. Гарнизон Никополя делал вылазки против крестоносцев; были другие, неблагоприятные для войск Сигизмунда, обстоятельства.

Так или иначе, но под началом Сигизмунда собралась невиданная армия. В этот момент Сигизмунд был на пике своей популярности и, несмотря на нехватку некоторых формальных ступеней, уже ощущал себя главой христианского мира. Будущее показало, что он не ошибся в своих мечтах и предчувствиях. Правда, Европа ожидала императора-воина, а Сигизмунд не подошел для такой роли.

Между тем, положение Византии, в защиту которой, собственно, и выступали крестоносцы – предполагалось деблокировать Константинополь уже в октябре 1396 г., а затем двинуться на освобождение Святой Земли, Иерусалима – стало настолько бедственным, что правители в отчаянии предлагали продать свои права на престол французскому королю¹⁵, Венецианской республике (император Мануил, 1397 г.), Альфонсу Неаполитанскому. Другая часть правящей верхушки Византии еще надеялась на сопротивление, на чудо.

У Сигизмунда были обширные планы. Он предполагал применить оборонительную тактику: заманить Баязида на венгерскую территорию и там нанести ему поражение. Такие его замыслы представлялись реальными, учитывая еще не остановленный наступательный порыв турок. К тому же, положение самого Сигизмунда в Венгрии было далеко не прочным. Современный автор жизнеописаний К. Рыжов пишет: «Сигизмунду приходилось одновременно бороться против своих вельмож и против турок, и неизвестно, какая война была для него опасней»¹⁶. А ведь кроме внутренней оппозиции Сигизмунду противостоял его брат Венцеслав (Вацлав) – в это время император «Священной Римской империи» и король Чехии (Богемии), который разъезжал по Праге со своими палачами. Напомним также, что «внешняя угроза» всегда находила поддержку у оппозиции внутренней, заключалась не только в турках,

но и в Неаполитанском королевстве (там правил Владислав из Анжуйской династии), в Венеции, в ряде воинственных формирований соседей или кондотьерских бандах.

Грандиозное столкновение с турками под Никополем, несмотря на поражение европейцев, до некоторой степени укрепило международный авторитет Сигизмунда: на какое-то время продвижение завоевателей было приостановлено. Другое дело, что его популярность в Венгрии понизилась настолько, что в начале XV в. он был даже подвергнут тюремному заключению.

Что же касается самой Никопольской битвы¹⁷, то ее часто продолжают описывать как ряд «ошибок» европейцев, как следствие несогласованности действий венгров и французов, как удачное вступление в сражение балканских союзников османов и т. д. Не отказываясь от этих оценок и замечаний, хотелось бы вновь напомнить, что у крестоносной экспедиции по сути дела не было единого командования. Сигизмунда не очень-то слушались не только французские и другие европейские добровольцы (тем более, что у них были и свои командующие – маршал Бусико и граф Неверский), но и его подданные – венгры. Конкуренция между «своими» и иностранными отрядами существовала – за «право» нанести решительный удар, получить трофеи, «пожать лавры победы» и т. д. Европейские союзники сражались с большим энтузиазмом, хотя и без должной выдержки и дисциплины. Венгерская конница – основная ударная сила Сигизмунда, была оттеснена во второй эшелон; ей и достался в полную меру сокрушительный удар османской тяжелой конницы (сипахов), не говоря уже о янычарах – «секретном оружии» османской армии, состоявшем из воинов особой выучки и дисциплины, созданном специально для участия в критических моментах сражений.

Фактически европейцы впервые узнали о янычарах именно под Никополем. Известно, что в XVI–XVII вв. в европейских армиях делались попытки заимствовать янычарский опыт¹⁸: перенять какие-то элементы вооружения, одежды, конской упряжи, музыкальных инструментов, настраивающих воинов на ритм сражения (барабаны, трубы) и т. д. Все было тщетно: европейцам не удалось воспроизвести такие отличительные особенности военной машины турок, как «тщательное и продуманное планирование»¹⁹, как бесперебойное снабжение войск оружием, продовольствием, деньгами.

Знаменитый историк военного дела Ганс Дельбрюк назвал тактическое и стратегическое руководство турецкой армии в сражении под Никополем «гениальным» и считал, что в отношении воинского искусства эта победа стоит выше побед англичан при Креси (1346) и Азенкуре (1415)²⁰.

Итоги сражения и бегство Сигизмунда через устье Дуная в Дубровник хорошо известны, как и жестокое мщение турок, выставивших знатных пленников по берегам вдоль следования венецианской галеры с Сигизмундом и некоторыми его приближенными рыцарями.

Поражение не заставило Сигизмунда опустить руки – да это было невозможно: турецкая угроза никуда не ушла. Он решил реорганизовать государственное ополчение на совершенно иных принципах. В результате его реформ к оружию была призвана 20-я часть всего мужского населения²¹. Эта постоянная армия (ее называли «подворной милицией») была готова в любой момент отразить нападение врага (прежде всего, конечно, турок). Каждые 20 дворов выставляли по одному легковооруженному воину. Большие суммы взимались с Церкви: она была обязана отдавать половину своих доходов на нужды обороны²².

Заговоры мелких дворян, участвовавшие после Никополя, в конце концов привели к упомянутому тюремному заключению Сигизмунда. Палатин Венгрии Миклош Гараи (знаменосец в Никопольском сражении) настоял на освобождении Сигизмунда. Тем временем с южного направления в Венгрию вторглись войска Владислава (Уласло) Неаполитанского, которые дошли до города Рааб (между Пресбургом и Будапештом). Неаполитанский король был коронован и как венгерский король.

Сигизмунд успешно обратил в бегство Владислава и отбил от своего брата Венцеслава (Вацлава IV в чешской традиции). Венцеслав был арестован и на полтора года отослан в Австрию, после чего бежал назад в Чехию, жители которой охотно его приняли как законного чешского короля. В отличие от Сигизмунда, Венцеслав вполне лояльно относился к Яну Гусу, позволял ему читать проповеди в Праге, был искренне возмущен его сожжением.

Между тем, борьба на «турецком фронте» продолжалась. В 1408 г. Сигизмунд возглавил большую армию против турок и их вассалов. Этот поход против Боснии и Хорватии получил название крестового²³. В 1419 г. Сигизмунд пытался овладеть некогда зависимыми

от Венгрии территориями Болгарии: ему удалось одержать ряд небольших побед между Нишем и Никополем. Султан был занят подавлением восстания шейха Бедреддина Симави (1415–1420) и предложил Сигизмунду перемирие на 5 лет, продленное в 1424 г. еще на два года²⁴.

Важно отметить, что Сигизмунд занимался фортификацией вдоль южной границы. Эти укрепления были модернизированы с помощью итальянских наемников-кондотьеров²⁵.

В принципе в это время, т. е. еще при Сигизмунде, а не в конце XV в.²⁶ стал формироваться оборонительный кордон против турецких набегов. Основой для создания этого кордона («Военной границы») стали 16 сербских крепостей, которые перешли под вассалитет Венгрии, когда деспот (правитель) Сербии Джурдже (Георгий) Бранкович признал сюзеренитет Сигизмунда и стал одним из баронов венгерского короля. Крепости Сербии составляли важный элемент «Военной границы». Окончательно этот кордон сложился в начале XIX в. Население «Военной границы» (как правило – сербы и хорваты) – называлось граничарами.

Сигизмунд оставил и такой след в истории, как создание специального Ордена Дракона св. Георгия. Произошло это 12 декабря 1408-го, после упомянутого сражения за овладение Боснией. Орден Дракона состоял как из православных, так и рыцарей-католиков. Кроме борьбы с турками, он предназначался и для противостояния различным ересям. Орден Дракона потерял свое особое положение после смерти Сигизмунда²⁷.

Сигизмунд Люксембургский в 1419 г. (после смерти Венцеслава) грубо вмешался в дела чешского народа, объявленного «еретическим». Печальная «слава» Никополя и казнь Яна Гуса дополнились свирепой борьбой с христианским народом, верившим в обновление Католической церкви, в скорый приход Христа, в установление на земле 1000-летнего царства справедливости. Как когда-то под Никополем, на призыв Сигизмунда и папы стали собираться крестоносцы со всей Европы. Сигизмунд «применил топор там, где требовался скальпель». В результате восставший чешский народ, который в честь Яна Гуса называл себя «гуситами», проявил выдающиеся военные способности и стойкость, достойную мучеников зари христианства. Разбитый в пяти крестовых походах Сигизмунд все-таки победил, католичество устояло.

Заключение

Сигизмунд воевал много и упорно (чего стоит только искусное применение им артиллерии при первой попытке занятия Праги). Реформы в венгерской армии он проводил, к созданию «Военной границы» приступил. Отразил немало иностранных нашествий на Венгрию, которая еще целый век смогла противостоять туркам. Пытался помирить Англию и Францию и прекратить 100-летнюю войну. Пытался, в некоторой степени, сблизить католичество и православие. Пытался ликвидировать «папский раскол», «сочувствовал» реформированию Католической церкви (умеренно). Действительно, человек-эпоха. Судить о нем очень сложно. Изучение – продолжать.

---

¹ Сигизмундом Первым (или Старым) принято именовать польского короля и великого князя литовского (род. в 1467). Как и в большинстве исторических работ, мы упоминаем германского императора без соотнесения с другими носителями этого имени.

² Отсюда и другие варианты его имени: Зигмунд и Жигмонт.

³ Имеется другой вариант названия этого города: Костница.

⁴ «Широкой душой» называл его Эней Сильвий (папа Пий II).

⁵ Конский П. Сигизмунд. – См.: Энциклопедия Брок. и Ефрона. Т. 58. СПб., 1900. С. 823.

⁶ В «Хронологических выписках» (конспект Ф.К. Шлоссера) Маркс называл Сигизмунда «бродягой», «прохвостом», «негодяем», «жалким паразитом», «тунеядцем», «попрошайкой», «кутилой» и т. п. – См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI. М., 1939. С. 211, 234, 218. Конечно, не только «убийственные» определения Маркса отразились на оценке личности Сигизмунда в отечественной историографии. Известно, что к концу его правления в главных владениях Сигизмунда говорили о признаках народного возмущения, о «венгерской жакерии».

⁷ В 1410 г. умер король Немецкий и император «Священной Римской империи» Рупрехт. Курфюрсты выбрали новым императором Иобаста, но он тоже внезапно умер. Брат Сигизмунда Венцеслав согласился передать свои императорские полномочия. (Общее решение было выбрать императора только из Люксембургов).

⁸ Иречек К. История болгар. Одесса, 1878. С. 448. Напомним, однако, что Голубац переходил несколько раз из рук в руки.

⁹ В это же время Византия собрала своих христианских союзников, которые фактически все являлись вассалами турок, и они приняли решение не являться отныне к султанскому двору, который находился в городе Сересе (Серры). Этот «бессильный заговор не ускользнул от внимания захватчиков, которые усилили натиск на Византию» – См.: Иречек К. Указ. соч. С. 458.

¹⁰ По случаю крестового похода был объявлен «перерыв» в 100-летней войне.

- ¹¹ Atiya A.S. The Crusade in the later Middle Ages. L., 1938. P. 438.
- ¹² «Золотая булла» – грамота венгерского короля Андрея II (Эндре II), изданная в 1222 г. Ряд ее статей закрепляли дворянские привилегии.
- ¹³ Кантлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 130; Памлени Э. «Золотая булла 1222 г.» – См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. Ст. 700.
- ¹⁴ Напомним, что султан Баязид за свои стремительные марши получил прозвище «Йылдырым», т. е. «Молния», «Молниеносный».
- ¹⁵ В обмен на замок во Франции и 25 000 флоринов ежегодной ренты. – Речь идет об императоре Мануиле II. См.: Острогорский Г. История Византийского государства. М., 2011. С. 664; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. М.-Л., 1948. С. 777–778.
- ¹⁶ Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. М., 2000. С. 482.
- ¹⁷ В отечественной историографии принято датировать Никопольское сражение 25 сентября 1396 г.
- ¹⁸ Особенности янычарского корпуса как одновременно военной и хозяйственной единицы до настоящего времени не исследованы. Сравнение янычар с одними из лучших воинов Европы – английскими лучниками – проводилось слишком осторожно и непродуктивно. Кроме того, мы даже не представляем, какие «методики» использовали дервиши-воспитатели, достигая высоких результатов в подготовке будущих янычар.
- ¹⁹ Кроули Р. Константинополь. Последняя осада 1453. М., 2008. С. 128.
- ²⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. Средневековье. СПб., 1996.
- ²¹ Борецкий-Бергфельд Н.П. История Венгрии. Средние века и Новое время. СПб., 1908. С. 82.
- ²² Кантлер Л. Указ. соч. С. 130.
- ²³ «Крестовость» этого похода несколько относительная. Дело в том, что эти годы были пиком «папского раскола» – одного из самых тяжелых кризисов в истории католичества. Население Европы страдало от неприкрытой торговли церковными привилегиями, от частой смены церковных властей, от проклятий одного папы в адрес другого. Пап в этот момент было уже трое, и каждого поддерживали разные страны. В конце концов наступило время, когда политическая ситуация вообще перестала зависеть от понтификов. Однако единства Церкви желали все, и папы говорили об этом громче всех. – См.: Шафф Ф. История христианской церкви. Т. VI (1294–1517). СПб., 2009. С. 90–91. (Автор – протестант, и это нельзя забывать.)
- ²⁴ Этот материал о военной политике Сигизмунда содержится в сборнике «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. (Главные тенденции политических взаимоотношений)». Автор раздела «Королевство Венгрия и Османская империя XV – первой половины XVI в.» – В.П. Шушарин, с. 103–118.
- ²⁵ Надточий В.Д. Рыцари Ордена Дракона в бою. М., 2009. С. 104. (В другом месте этого издания авторов указано трое: Дмитрий, Владислав и Михаил Надточий.)
- ²⁶ Лещиловская И.И. Военная граница // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. Ст. 543.
- ²⁷ Надточий В.Д. Указ. соч. С. 113–117.

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО КОМАНДОВАНИЯ НА АВСТРО-ГЕРМАНСКОМ ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЗА ПОЧТИ СТО ЛЕТ, прошедших с момента окончания Первой мировой войны, увидело свет огромное количество научных исследований, посвященных этому крупнейшему событию мировой истории начала XX в. Тем не менее, некоторые вопросы пока еще не нашли достаточного освещения, особенно в отечественной литературе. К их числу относится, в частности, проблема единого командования на австро-германском Восточном фронте в годы Первой мировой войны.

Как немецкие, так и австрийские историки подробно изучили стратегию своих вооруженных сил в период Первой мировой войны. Большое внимание при этом, особенно в Австрии, уделялось Восточному фронту. Традиционно в меньшей степени рассматривалась австро-германская коалиционная стратегия, взаимодействие двух армий и их руководящих органов.

Первые работы, посвященные проблемам взаимодействия в рамках австро-германской коалиции, появились между двумя мировыми войнами. К их числу следует отнести исследования А. Крамона и П. Флека «Судьбоносный союз Германии с Австро-Венгрией»¹ и Г. Зейферга «Военные контакты между германским и австрийским генеральными штабами»². После Второй мировой войны появились работы Р. Кисцлинга «Союзная война и коалиционная стратегия на примере Центральных держав в Первой мировой войне»³ и С. Веросты «Теория и реальность союзов»⁴. В течение двух последних десятилетий увидели свет исследования Х. Хервига «Первая мировая война: Германия и Австро-Венгрия 1914–1918»⁵ и Р. Ди Нардо в соавторстве с Д. Хьюджесом «Германия и

коалиционная стратегия в мировых войнах: сравнительное исследование»⁶. Также нельзя обойти вниманием такие современные исследования германской и австро-венгерской стратегий времен Первой мировой войны, как работы В. Дорника⁷, Т. Зубера⁸, К. Кроненбиттера⁹, А. Момбауэр¹⁰, Дж. Танстолла¹¹. Однако вопрос единого командования рассматривается во всех этих трудах вместе с другими проблемами взаимоотношений внутри австро-германской коалиции и не выделяется в качестве отдельного сюжета.

Целью данной статьи является определение значимости данного вопроса в комплексе австро-германского стратегического взаимодействия в годы Первой мировой войны, а также выявление причин, по которым проблема единого командования так и осталась до конца не разрешенной.

До Первой мировой войны проблема единого командования в случае возможного вооруженного конфликта не занимала значительного места в отношениях двух стран. Более того, координация в сфере военного планирования, успешно развивавшаяся в 1880-е гг., была практически полностью прекращена в последние годы XIX в. Активное взаимодействие двух генеральных штабов возобновилось лишь в 1909 г. Это было связано не только с политической ситуацией (Боснийский кризис), но и с личностным фактором (приход Г. фон Мольтке-младшего и Франца Конрада фон Гетцендорфа на должности начальников генеральных штабов в Берлине и Вене соответственно), и со стратегической обстановкой (соотношение сил все больше менялось не в пользу Центральных держав, что вызывало большую обеспокоенность как в Германии, так и в Австро-Венгрии).

Говоря об австро-германском штабном сотрудничестве, необходимо отметить несколько важных моментов. Во-первых, на переговорах начальников штабов двух союзных держав большое внимание уделялось не только чисто военным, но и политическим вопросам. Анализируя содержание этих переговоров в 1909–1914 гг., необходимо констатировать, что главной их темой являлась кампания против России. Здесь между союзниками существовало труднопредолимое противоречие.

В основе германской стратегии лежал так называемый «план Шлиффена», предусматривавший ведение войны на два фронта – против Франции и России. Идея шефа Большого генерального штаба в 1891–1906 гг. А. фон Шлиффена заключалась в том, чтобы,

сосредоточив все силы против западной соседки, стремительным ударом разгромить ее, оставив на востоке лишь небольшой заслон. После победы над Францией следовало сосредоточить все силы против России. Мольтке-младший продолжил разработку этого плана, считая его единственно возможным. Примечательно, что в 1913 г. по его приказу были полностью прекращены работы над альтернативным планом войны на востоке («Восточное развертывание»)¹², которые, впрочем, проводились только с 1910 г. и без особого энтузиазма. В основе австрийской стратегии лежала идея о том, что Россия является наиболее опасным противником, против которого в случае войны на несколько фронтов следует сосредоточить основные силы.

Российская империя рассматривалась как в Берлине, так и в Вене в качестве весьма сильного и постоянно нарастающего свою мощь противника. Как в Берлине, так и в Вене пришли к выводу, что на начальном этапе войны поддержка со стороны союзника на Восточном фронте является не просто желательной, а остро необходимой. Однако из этого вытекал ряд серьезных проблем. И немцы, и австрийцы старались переложить на союзника как можно большую нагрузку на начальном этапе войны. Это являлось одной из главных тем переговоров между генеральными штабами двух стран.

Второй важный момент, который необходимо отметить: оживленный обмен мнениями практически не приводил к внесению изменений в планы сторон. Ю. Ангелов назвал взаимодействие генеральных штабов «информационным обменом»¹³. Это верно в том смысле, что стороны посвящали друг друга в свои планы, вели оживленные дискуссии, однако практически не разрабатывали совместных операций. Тем не менее, они учитывали планы друг друга при составлении своей стратегии, хотя эта стратегия и не была совместной в полном смысле слова. Впоследствии в своих мемуарах Конрад будет отмечать недостаточность союзного взаимодействия¹⁴.

Необходимо также отметить, что на данном этапе австрийские военные не только не считали себя «младшими партнерами» немцев, но и фактически оставляли за собой ведущую роль в кампании на Восточном фронте. Это подтверждается и тем фактом, что в 1909 г. Конрад разработал план для австро-венгерских и германских армий на случай, если Франция останется нейтральной и Восточный фронт будет единственным театром военных действий¹⁵.

Начавшиеся в 1909 г. переговоры с германскими коллегами привели к тому, что впервые за долгие годы стороны получили представление о стратегических планах друг друга. Известие о том, что на востоке Большой генеральный штаб планирует сконцентрировать на начальном этапе войны лишь 13 дивизий, которым будет поручено связать как можно больше русских сил, вызвало у Конрада весьма негативную реакцию. В ответ он заявил, что австро-венгерской армии, скорее всего, придется придерживаться оборонительной стратегии и перенести развертывание в тыловые районы («Rückverlegung») ¹⁶. Однако этот вариант не устраивал немцев, которым наступательные действия австро-венгерской армии были действительно необходимы для того, чтобы не допустить крупномасштабного русского вторжения в Восточную Пруссию. В итоге Мольтке был вынужден дать обещание действовать наступательно, атакуя навстречу австрийцам на территории русской Польши в общем направлении на Нарев. В ответ Конрад пообещал наступать между Вислой и Бугом в северном направлении максимально возможными силами. Как отмечает Г. Кроненбиттер, «оба шефа генеральных штабов обещали друг другу больше, чем в итоге могли выполнить» ¹⁷. Это касалось в большей степени германской, чем австрийской стороны. Тем не менее, «неформальное соглашение» 1909 г. стало основой последующего взаимодействия двух армий. В конце 1912 г. на переговорах с германскими коллегами Конраду удалось заключить важную договоренность о совместных действиях западнее Вислы.

Вопрос о возможном едином командовании на Восточном фронте в этот период практически не рассматривался. С австрийской стороны существовали амбициозные проекты возглавить войска коалиции на Восточном фронте, в то время как германское командование будет руководить боевыми действиями на западе. Однако в Берлине совершенно не собирались отдавать свои дивизии под руководство представителей вооруженных сил, которые считались в качественном отношении значительно уступающими германским. Кроме того, в Большом генеральном штабе надеялись окончить войну в короткие сроки, что делало обсуждение проблем единого командования избыточным. Как писал Г. Кроненбиттер, «к военной необходимости, как ее понимали до 1914 года в Берлине и Вене, формирование общего командования на Восточном фронте не относилось» ¹⁸. «Вопрос о едином верховном командовании

никогда не поднимался перед войной», – писал в своих мемуарах Конрад¹⁹.

Вопрос о создании единого командования на Восточном фронте был всерьез поставлен лишь осенью 1914 г. К этому моменту не только исчезли все надежды на молниеносную победу. Стало очевидно, что австро-венгерские войска не смогут продолжать войну без помощи германского союзника. Российская армия оказалась значительно сильнее, чем рассчитывали в Вене. Как писал в своих мемуарах глава австро-венгерского генерального штаба, «после наполненных самопожертвованием начальных операций австро-венгерской армии против России нам была необходима германская поддержка для любых дальнейших крупномасштабных действий»²⁰. В то же время австрийская сторона пыталась сохранить свою независимость, насколько это вообще было возможно. Как пишет М. Раухенштайнер, «отклонять германские требования и в то же время требовать от Германии поддержки – таким достаточно быстро стал господствующий образ действий»²¹.

В первой половине октября австро-венгерским подразделениям удалось несколько оправиться от поражения, а также высвободить Перемышль, окруженный русскими войсками. В то же время Конрад активно критиковал действия немцев, которые из-за своего эгоизма рискуют как судьбой своих союзников, так и своей собственной. Начальник австро-венгерского генерального штаба имел весьма амбициозные планы – он хотел взять на себя командование всем Восточным фронтом. «По крайней мере, на начальной стадии войны германские войска на востоке (группу Приттвица) следовало бы напрямую подчинить австро-венгерскому верховному командованию», – писал он впоследствии²².

Проблема координации действий и единого командования, вставшая со всей остротой осенью 1914 г., не была окончательно разрешена до самого конца войны. В течение четырех лет предлагалось – и частично использовалось – множество разнообразных компромиссных решений. Единственное, чего удалось достичь – это организации более или менее регулярных конференций начальников штабов двух стран, на которых обсуждались текущие планы. Германские генералы полагали, что командовать единым Восточным фронтом должны они; Конрад считал это прерогативой австро-венгерского руководства.

18 октября германский император отправил Францу Иосифу телеграмму с предложением – подчинить левофланговую 1-ю австро-венгерскую армию 9-й германской армии Гинденбурга. В ответ с австрийской стороны поступил запрос о выделении дополнительных подкреплений²³.

В начале ноября германская сторона устами статс-секретаря ведомства иностранных дел Ягова предложила идею создания совместного верховного командования Восточным фронтом во главе с австрийским эрцгерцогом Фридрихом, однако поставила свое условие: начальником штаба при эрцгерцоге должен стать генерал-лейтенант Эрих фон Людендорф. Австрийские военные легко разгадали маневр немцев: эрцгерцогу предстояло выступать в роли чисто декоративной фигуры, в то время как Людендорф осуществлял бы реальное командование. «Мне совершенно ясно, что создание верховного командования, начальником штаба которого стал бы Людендорф, не соответствует интересам нашей монархии и нашей армии», – писал Конрад 8 ноября²⁴. И тогда, и в дальнейшем австрийский полководец обосновывал свое нежелание передавать австрийскую группировку под немецкое командование тем, что это может вызвать широкое недовольство среди венгров и славян империи Габсбургов.

Ряд совещаний австрийских и германских военных, проводившихся в последние месяцы 1914 г., не разрешил упомянутую проблему. Более того, отношения между союзниками значительно ухудшились. Австрийские военные подозревали своих немецких коллег в том, что те совершенно пренебрегают интересами союзника, стараясь добиться своих целей во Франции, пока армия Габсбургов, прикрывая их тыл, истекает кровью в борьбе с Россией. В кругах германского генералитета отношение к австрийцам становилось все более снисходительным, их армию рассматривали как второсортную, не способную самостоятельно выполнять боевые задачи. К этому добавлялась глубокая личная неприязнь между Фалькенгайном, занявшим пост главы Большого генерального штаба, и Конрадом. Однако главным пунктом противоречий оставалась союзная стратегия. Немцы стремились добиться победы на западе, австрийцы – перенести центр тяжести на восток. Вопрос о создании единого командования был отложен до лета 1916 г.

Хотя указанный вопрос так и не был разрешен формально, германские военные постепенно продвигались к его фактическому

решению. В связи с тем, что боеспособность австро-венгерских войск неуклонно снижалась, для укрепления фронта приходилось дополнять их германскими подразделениями. Создавались смешанные формирования, в большинстве случаев находившиеся под германским командованием. В результате через некоторое время германское командование фактически контролировало львиную долю Восточного фронта, а также руководило значительным числом австрийских корпусов.

Временная передача подразделений одного союзника под командование другого была широко распространена еще в 1914 г. Решение о создании первого крупного смешанного соединения было принято на встрече начальников штабов 1 января 1915 г. Речь шла о формировании австро-германской Южной армии, которая должна была действовать в районе Карпат²⁵. С этого момента началось «перемешивание» австрийских и германских подразделений, которое должно было укрепить южный участок Восточного фронта, а также усилить контроль немцев над вооруженными силами своего союзника. Командующим армией был назначен германский генерал фон Лизинген.

Процесс перехода австро-венгерских соединений под германский контроль не был линейным. Летом 1915 г. его масштабы значительно сократились. Стороны стремились вернуть себе самостоятельность. Процесс отделения друг от друга австрийских и германских подразделений не удалось осуществить полностью, однако был достигнут значительный прогресс. Конрад планировал осуществить наступление без помощи немцев, чтобы укрепить боевой дух армии и доказать всем – и союзникам, и противникам – ее способность вести боевые действия самостоятельно.

Однако начавшееся в конце августа наступление в Галиции быстро захлебнулось, и Конрад оказался вынужден просить немцев о помощи. Была сформирована группа Лизингена, включавшая в себя 4-ю австро-венгерскую армию и ряд немецких подразделений. Ей удалось несколько стабилизировать ситуацию, однако итогом сражения стало все равно тяжелое поражение австро-венгерских войск.

Следующий этап расширения немецкого контроля над австро-венгерским Восточным фронтом был связан с Брусиловским прорывом. 12 июня 1916 г. Фалькенгайн предложил поставить весь район южнее Припяти под командование германского фельдмаршала

Макензена. Конрад пытался сопротивляться, однако было ясно, что без помощи из Берлина справиться с русским наступлением невозможно. Зависимость Австро-Венгрии от Германии становилась абсолютной.

Германское руководство стремилось, в первую очередь, взять происходящее под свой контроль. В итоге летом 1916 г. сложилась отчасти парадоксальная ситуация. Политическое руководство и значительная часть военной элиты как в Берлине, так и в Вене выступали за передачу участка австро-венгерского Восточного фронта под германский контроль. Как Конрад, так и Фалькенгайн – каждый исходя из своих соображений – противились этому. Оба считали, что тем самым будет подорвана их власть и влияние.

После того, как 20 июля поражение потерпела и 1-я австро-венгерская армия, вопрос о германской помощи и командовании приобрел еще большую остроту. В конечном счете был избран компромиссный вариант. 27 июля под командование Гинденбурга были переданы все смешанные подразделения группы Лизингена, а также 2-я австро-венгерская армия – был создан так называемый «фронт Гинденбурга». Оставшаяся часть австрийского Восточного фронта – от Карпат до Прута – находилась под командованием престолонаследника эрцгерцога Карла, которому в качестве начальника штаба был придан немецкий полковник Сект²⁶.

С лета 1916 г. становится также затруднительно говорить о сколько-нибудь самостоятельной австро-венгерской стратегии. Проблема заключалась в том, что армия была уже неспособна не только на самостоятельные наступательные операции, но и на сколько-нибудь успешную оборону. В германском военном командовании австрийского союзника все чаще рассматривали как тяжелую обузу. Руководство Восточным фронтом к концу 1916 г. если не де-юре, то де-факто оказалось в руках немцев²⁷.

События в России 1917 г. снизили значение Восточного фронта для Центральных держав. Вопрос о едином командовании также был практически снят с повестки дня, потеряв всякую практическую значимость.

Таким образом, изучив проблему единого командования на Восточном фронте австро-германских войск в годы Первой мировой войны, можно прийти к выводу о том, что данный вопрос сохранял свою актуальность с осени 1914 до осени 1916 гг. Поводом для его возникновения стал провал планов короткой кампании и

переход к длительной позиционной войне, требовавшей сосредоточения всех ресурсов для достижения победы над противником.

Несмотря на то что с чисто военной точки зрения организация единого командования Восточного фронта являлась безусловно прогрессивной мерой, в реальности создание такой структуры оказалось невозможным. Претензии австро-венгерского военного руководства на то, чтобы возглавить коалиционные силы, изначально не воспринимались в Берлине всерьез. Идея о том, чтобы передать судьбу Восточного фронта в руки более слабого союзника, казалась германской военной элите абсурдной. С другой стороны, австро-венгерское руководство исходя из соображений престижа не планировало передавать командование на главном для своих войск фронте в руки немцев. Полное несовпадение интересов сторон в данном вопросе исключало возможность компромисса.

Дискуссии о том, кто возглавит Восточный фронт, были наиболее активными в конце 1914-го и начале 1915 г. В дальнейшем ослабление австро-венгерской армии, ее растущая зависимость от союзника лишили всякой почвы претензии Вены на руководство на театре военных действий. Начался процесс постепенного перехода австрийского участка фронта под контроль германского командования. Этот процесс завершился летом 1916 г., когда большая часть фронта (в том числе наиболее важные участки) оказалась под командованием германских военачальников.

---

¹ Cramon A., Fleck P. Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. Berlin, 1932.

² Seyfert G. Die militärischen Beziehungen zwischen dem deutschen und dem österreichischen Generalstab. Leipzig, 1934.

³ Kizling R. Bündniskrieg und Koalitionskriegführung am Beispiel der Mittelmächte im Ersten Weltkrieg // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1960. № 12.

⁴ Verosta S. Theorie und Realität von Bündnissen. Wien, 1971

⁵ Herwig H. The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. L., 1997.

⁶ DiNardo R., Hughes D. Germany and Coalition Warfare in the World Wars: A Comparative Study // War in History. № 2. April 2001.

⁷ Dornik W. Des Kaisers Falke. Wirken und Nach-Wirken von Franz Conrad von Hötzendorf. Innsbruck, 2013.

⁸ Zuber T. Inventing the Schlieffen plan. German war planning, 1871–1914. Oxford, 2002.

⁹ Kronenbitter G. Krieg im Frieden. Wien, 1993.

- ¹⁰ Mombauer A. Helmuth von Moltke and the origins of the First World War. Cambridge, 2001.
- ¹¹ Tunstall G. Planning for war against Russia and Serbia. N.Y., 1993.
- ¹² Ibid. P. 103.
- ¹³ Angelow J. Kalkül und Prestige. Köln, 2000. S. 398.
- ¹⁴ Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit. Bd. 4. Wien, 1923. S. 259.
- ¹⁵ Tunstall G. Op. cit. P. 82.
- ¹⁶ Pietreich M. Die militärischen Probleme unseres Kriegsbeginnes. Wien, 1934. S. 52.
- ¹⁷ Kronenbitter G. Die militärische Planung der k.u.k. Armee und der Schlieffenplan // Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Paderborn, 2007. S. 217.
- ¹⁸ Ibid. S. 213.
- ¹⁹ Conrad von Hötzendorf F. Op. cit. Bd. 4. S. 259.
- ²⁰ Ibid. S. 257.
- ²¹ Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Graz, 1993. S. 165.
- ²² Conrad von Hötzendorf F. Op. cit. Bd. 4. S. 261.
- ²³ Rauchensteiner M. Op. cit. S. 169.
- ²⁴ Conrad von Hötzendorf F. Op. cit. Bd. 5. Wien, 1925. S. 427.
- ²⁵ Österreich-Ungarns letzter Krieg. Bd. 2. S. 93.
- ²⁶ Dornik W. Op. cit. S. 164.
- ²⁷ Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 6.2. Wien, 1993. S. 153.

М.П. Голованова (Москва)

**ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ВИМАИВиВС
ПО ИСТОРИИ ЗНАМЕН
СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ**

ДЕВЯТНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ 1863 г. в Московскую Оружейную палату из Санкт-Петербурга поступили знамена, которые должны были «пополнить собрание в Оружейной палате военных древностей»¹. По распоряжению Главного артиллерийского управления знамена из Зала достопамятных предметов были приняты артиллерийским чиновником Костиным и в его сопровождении при двух конвойных мастеровых Санкт-Петербургского арсенала 16 апреля отправлены в девяти больших и одном среднем ящике («весу 56 пуд»)².

О «высочайшей воле» на перемещение знамен сообщил 30 марта 1863 г. министр императорского двора граф В.Ф. Адлерберг³, по мнению которого для Оружейной палаты это «послужит важным пополнением имеющихся в ней ... древностей и вместе с тем будет достижением для новых исторических исследований по этой части»⁴. Одновременно В.Ф. Адлерберг уведомил о получении разрешения на издание третьего тома описи Оружейной палаты, заключавшего описание знамен XVI – первой четверти XVIII вв., в виде дополнения к изданию древностей Российского государства, и включении вновь поступивших знамен в соответствующие разделы и главы⁵. Работа над изданием «Русские старинные знамена» началась в московской синодальной типографии в июне 1863 г., в 1865 г. труд увидел свет. В описаниях вновь поступивших знамен было указано лишь, что они поступили в 1863 г. из Санкт-Петербургского арсенала, поскольку на специальные запросы о доставлении в Оружейную палату документов, при которых поступили знамена, или же засвидетельствованных копий этих документов,

командир арсенала ответил, что документов при книгах не хранилось⁶.

Поступившие знамена⁷ сопровождала ведомость⁸, в которой все они были определены как «стрелецкие» «XVII столетия»⁹. В Оружейной палате три знамени определены как сотенные XVII в., 26 – как стрелецкие, 35 – как «солдатские» в группе «знамен полков иноземного строя», одно – как значок, три – как прапоры XVII в.¹⁰ Отметим, что с наименованием «прапор» одно из знамен было ранее, в 1841 г., опубликовано в издании «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»¹¹, что было учтено в документах. В 1884 г. материалы издания «Русские старинные знамена» были опубликованы в специальном томе Описи Московской Оружейной палаты¹². Атрибуция знамен с незначительными уточнениями сохраняется в современном музейном инвентаре. Однако в целом ряде случаев атрибуция требует дополнительных обоснований¹³, а предложенная систематизация вызывает вопросы.

Основой для нашей работы стали документы, сохранившиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), с историей собрания которого самым тесным образом связаны изучаемые знамена. Архивные источники по истории коллекций Достопамятного зала подробно охарактеризованы в работе Л.К. Маковской «Хранители Достопамятного зала»¹⁴. Информация статьи дала возможность ознакомиться с оригиналами ряда документов, хранящимися в ОР РНБ. Кроме этого были выявлены и изучены документы, относящиеся к истории знамен в цейхгаузе Петропавловской крепости¹⁵.

Ведомость, по которой в 1863 г. поступили знамена, содержала указания: «доставлены в Арсенал в 1778 году неизвестно откуда»¹⁶. В 1778 г. по приказанию генерал-поручика И.И. Меллера капитаном К.И. Гаксом¹⁷ в Достопамятный зал были приняты знамена от артиллерийской команды Санкт-Петербургской крепости. Еще при Петре I знамена стали предметами полкового имущества, числились среди амуниционных и оружейных вещей¹⁸. По установленному порядку, закончившие свою «службу» знамена передавались на хранение в местные арсеналы (цейхгаузы). В 1778 г. из цейхгауза в Достопамятный зал поступило немало знамен: 99 российских, 100 шведских, 10 прусских, 40 польских, 20 турецких и крымских и 115 значков, однако в документе была указана только общая

информация о ткани и цвете полотнищ, сохранности, наличии древка и навершия. Например, 83 российских знамени записаны так: «...разных, на древках, ветхих, изорванных, в том числе из них восемь из черной материи с крестами, девять казачьих, с дротиками и подтоками медными два, да при оных же знаменах дротиков медных девять, железных три, подтоков железных четыре»¹⁹.

Сохранившееся в архиве ВИМАИВиВС дело 1734 г. «О знаменах во всех местах»²⁰ содержит документы, которые позволяют более подробно познакомиться с собранием Санкт-Петербургского цейхгауза. Судя по документам, 26 января 1731 г. распоряжением Канцелярии Главной артиллерии и фортификации для остзейских и российских гарнизонов было указано составить ведомости, «где и сколько при артиллерии имеется знамен и значков»²¹. В итоговой ведомости, объединившей сведения из 35 гарнизонов, отмечены знамена трех категорий: годные, в починку годные, негодные. Например, в Санкт-Петербургском гарнизоне находилось 211 российских негодных знамен («старых, худых, разных, в том числе лоскутов») и только 10 годных, а также 281 шведское знамя²².

Поступившие ведомости, которые выявили «немалое число» знамен в гарнизонах, были составлены кратко, и 4 ноября 1731 г. было сделано следующее распоряжение: «В вышеписанных знаменах учинить обстоятельные ведомости с подробным указанием, сколько российских и завоеванных шведских и протчих и каких именно когда и отколь приняты». Во все гарнизоны были отосланы указы от имени императрицы Анны Иоанновны²³.

Например, по ведомости, полученной из Севска, там хранились знамена и значки, поступившие в 1697 г. из полка Л.Р. Неплюева, в 1701 – из полка Ф.Ю. Барятинского, в 1701–1703 гг. – из полка князя М.Г. Ромодановского, в 1704 г. – от головы севских стрельцов Федора Еремеева, в 1704–1706 гг. – из полка С.П. Неплюева, в 1709 – из полка С.М. Стрекалова²⁴. В Путивле хранилось немало знамен московских стрелецких полков, принятых «в прошлых годех», а также знамена путивльских городских стрельцов²⁵. Таким образом, к началу 1730-х гг. в севском гарнизоне находилось 132 знамени и 393 прапора, а в путивльском – 43 знамени. Это были знамена московских стрелецких полков (поселенных в севскую провинцию после бунтов), знамена полков севских воевод, стрелецких полков, преобразованных в солдатские в начале Северной войны, и полков, сформированных в городах севского разряда или

из солдат полков севского разряда, т. е. знамена, служившие в полках, вероятно, в последней четверти XVII – начале XVIII вв.

Сбор ведомостей от гарнизонов продолжался в течение нескольких лет. В Санкт-Петербургскую гарнизонную канцелярию из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации 2 августа 1734 г. поступил указ от имени императрицы Анны Иоанновны, по которому «велено в остзейских и российских гарнизонах и в арсеналах обретающиеся знамена описывать, исчислять в ведомостях и рапортах ... описную книгу учинить и особливо оную в цейхгаузах и арсеналах содержать»²⁶. В поданной в октябре 1734 г. ведомости под заголовком: «Знамен российских негодных, драных, старых, худых пехотных»²⁷ в цейхгаузе было учтено 124 знамени камчатых и тафтяных, 6 – кумачных и киндячных, а также 11 знамен «старых худых драгунских»; кроме этого было указано также 245 шведских пехотных и 36 драгунских знамен. Сведения о знаменах повторились в следующем по времени документе – Ведомости наличной об артиллерии Санкт-Петербургского гарнизона 1742 г.²⁸ Ведомости не содержат сведений о времени поступления и принадлежности знамен, а описания не всегда дают возможность представить вид полотнища. В некоторых случаях это было обусловлено ветхим состоянием знамен: в числе российских знамен в 1734 г. были учтены десять «знамен камчатых лоскутов, разных цветов, которые за худобою описать невозможно»²⁹. Однако даже краткие описания позволили выявить 20 знамен, которые в настоящее время хранятся в собрании Оружейной палаты.

Дальнейшая история знамен отразилась в достаточно подробных описаниях коллекций Достопамятного зала, которые были составлены в 30-х гг. XIX в. по распоряжению императора Николая I одним из ведущих специалистов Санкт-Петербургского арсенала подполковником В.А. Эрдманом³⁰. Если в Кратком описании достопамятных вещей 1832 г. указано только, что 93 знамени «российских старинных с разными изображениями» находились в Большом зале нового Арсенала³¹, то продолжение работы включило более подробные сведения. Работа над рукописью следующего Описания с расширенной информацией о «достопамятностях», начатая в 1834 г., как отмечала Л.К. Маковская, продвигалась очень медленно, а самая большая трудность заключалась в описании знамен, которые сам В.А. Эрдман считал «главнейшей частью достопамятных предметов»³². Поиск информации о знаменах проводил

ся в различных направлениях, однако не дал результатов. На определенном этапе к В.А. Эрдману был прикомандирован «сведущий в знаменах» А.В. Висковатов³³. В результате, в Хронологическом указателе достопамятных предметов 1837 г.³⁴, составленном полковником князем Голицыным³⁵, а затем – в «Окончательно дополненном Описании достопамятностей Санкт-Петербургского арсенала»³⁶, представленном 30 декабря 1838 г., тексты описаний, основанные на документах XVIII в., были отредактированы, внесены важные примечания о принадлежности знамен, но оснований для этих уточнений не было указано.

Уточненные описания знамен вошли в последующие делопроизводственные документы и зафиксированы в старейшем учетном документе Музея артиллерии³⁷ – «Шнуровой книге»³⁸, оформленной в 1841 г. Записи в Шнуровой книге вносят существенные дополнения в информацию о знаменах: все старые знамена, записанные ранее как «знамя», были определены как стрелецкие XVII в. Кроме этого, внесены дополнения об их сохранности, о наличии древка и наверхия. Данные Шнуровой книги повторили несколько документов Достопамятного зала: «Ведомость ... знаменам, ... состоящим в зале достопамятных предметов С. Петербургского Арсенала» за 1847 г.³⁹ и Описание 1862 года⁴⁰.

Перечисленные выше документы уточняли сведения о знаменах на основании различных аргументов. Например, в документе 1734 г. записано «знамя камчатое цветное; на оном в середине образ Спасителя и Богородицы во облаке, и святых Петра, Алексея, Иоана митрополитов и Сергия Радонежского, Николая Чудотворца, Иоанна Предтечи и святых мученицы Софии. Около оног знамя бахрома шелковая зеленая с серебром местами»⁴¹. Описание знамени включено во все последующие документы⁴². В Шнуровой книге 1841 г. также, как и другие знамена, оно стало «стрелецким» XVII столетия, а при поступлении в Оружейную палату было записано как знамя «стрелецкое полковничье времени царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны»⁴³ (т. е. 1682–1689 гг.), поскольку изображения на полотнище включали образы небесных покровителей царей Ивана и Петра и царевны Софьи⁴⁴.

Еще одно полковое стрелецкое знамя⁴⁵, судя по надписи на полотнище, было «построено» 12 ноября 1699 г. в старый московский стрелецкий полк З.М. Вестова новгородским воеводой П.М. Апраксиным. В 1832 г. оно находилось в 4-м покое Старого Арсенала⁴⁶,

а в 1841 г. опубликовано в издании «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»⁴⁷ как знамя московских стрельцов 1699 г. Отметим, что находившийся в Новгороде жилой стрелецкий полк стольника и полковника З.М. Вестова (Веста) в документах конца XVII в. иногда назывался Первый Московский стрелецкий полк. Вместе с двумя другими новгородскими стрелецкими полками с начала Северной войны был включен в состав действующей армии и участвовал в сражениях под Нарвой и Дерптом⁴⁸, а в 1705 г. переформирован в солдатский полк⁴⁹, после чего знамя могло поступить на хранение в цейхгауз.

В ведомости 1734 г. в числе знамен на древках записаны четыре знамени «камчатых карিশневых; на оных крест во облеке, и в кругу образы Спасителей и святых апостолов Петра и Павла». В надписи на одном из них указано, что знамена «построены» 25 марта 1700 г. в городе Дмитрове»⁵⁰. К 1832 г. в Достопамятном зале знамена располагались в различных покоех и определены по-разному: два – в 3-м покое как полковые⁵¹, одно – в 15-м покое как «знамя древнее Российское»⁵², одно – в сенях как «знамя Российское шелковое»⁵³. К 1837 г. все четыре знамени располагались в зале № 1 Старого Арсенала в отделении «стрелецких знамен» как «знамена средней величины»⁵⁴. В дальнейшем они назывались стрелецкими, с обоснованием, что «по уничтожении главного стрелецкого корпуса, стрелецкие полки существовали еще в провинциях по 1710 г., составляя гарнизоны под названием жилых полков»⁵⁵. В Оружейной палате⁵⁶ знамена были определены как солдатские ротные (второй, третьей, пятой и шестой рот)⁵⁷. Мы можем добавить, что, судя по надписи на полотнище, знамена были изготовлены в городе Дмитриеве на Камышинке (Дмитриевске, Камышине), вероятно, в жилой солдатский полк Ю.И. Буша, сформированный в 1697–1698 гг. из стрельцов Казанского разряда для гарнизонной службы. В 1704 г. под командованием подполковника Петра Ивановича Смита (Шмидта) полк был отправлен в действующую армию и в 1705 г. нес службу на острове Котлин, а в 1708 г. находился в районе Санкт-Петербурга. Полк был расформирован к 1712 г.⁵⁸, а знамена, вполне возможно, сданы в цейхгауз.

В 1734 г. в разделе знамен на древках числятся также семь знамен, «камчатых красных, цветных; на них в кругах под короною меч и звезды по сторонам»⁵⁹. В 1832 г. знамена находились в 15-м покое Достопамятного зала⁶⁰, их цвет указан как желтый, а изображение –

как астраханский герб⁶¹. В 1837 г. знамена находились в зале № 1 Арсенала⁶². В Шнуровой книге знамена были определены как знамена XVII столетия «стрелецкие жилых полков Астраханских»⁶³, а в Оружейной палате записаны как сотенные знамена жилых астраханских стрельцов конца XVII в.⁶⁴ Вероятно, основанием для уточнения датировки стало еще одно знамя, записанное в 1734 г. в разделе «знамен российских старых худых драгунских; на древках»: «знамя камчатое красное; во оном образы живоносного источника пресвятыя Б[огороди]цы, ...»⁶⁵, с надписью о построении этого знамени в 1694 г. во второй полк астраханских конных стрельцов⁶⁶. Известно, что к лету 1698 г. в Астрахани находились девять пеших и конных городовых стрелецких полков⁶⁷. В 1701–1704 гг. сводные полки астраханских стрельцов и городовых казаков низовых городов под командованием полковников Б. Карейтова и М. Захарского принимали участие в боях действующей армии в Ингерманландии и Эстляндии⁶⁸. Конный полк М. Захарского в начале 1705 г. входил в состав гарнизона С.-Петербурга. Весной этого года вернулся в Астрахань⁶⁹. После подавления восстания в Астрахани Петр распорядился вывести ранее оставленные там стрелецкие полки Б. и М. Карейтовых. В конце 1706 г. астраханские служилые люди находились в Шлиссельбурге, Нарве, Петербурге⁷⁰. Это позволяет предположить, что знамена могли быть выполнены в 90-е гг. XVII в., в период организации полков астраханского гарнизона, формирования которого находились на северо-западе в первые годы Северной войны.

В числе «знамен российских старых пехотных кумачных и киндячных»⁷¹ в 1734 г. записано «знамя кумачное и киндячное красное с вишневым, в кругу птица»⁷². Описание этого знамени включено в Хронологический указатель достопамятных предметов 1837 г. (Чертеж XIVа)⁷³. В Шнуровой книге оно записано как стрелецкое XVII столетия⁷⁴, а в Оружейной палате зафиксировано как солдатское конца XVII в.⁷⁵

Следующее в этом разделе знамя⁷⁶ в 1734 и в 1742 гг. описано так: «Знамя киндячное и кумачное; в середине в кругу едет ч[е]л[о]век с косою на колеснице и на оленях; на оном крест и звезды небольшие»⁷⁷. Судя по «Хронологическому указателю достопамятных предметов...»⁷⁸ 1837 г., оно находилось в зале № 1 Арсенала в числе знамен, не имевших точной атрибуции. В Описании достопамятных предметов 1837 г.⁷⁹ текст отредактирован: цвет полотнища

назван «коришневым», круг – «пунцовым», «колесница» заменена на «одноколку». Вероятно, была утрачена верхняя часть полотнища у древка, в которую были вшиты крест и звезды, обозначающие номер роты; позднее они не фиксируются. Было сделано важное примечание о принадлежности знамени: «сие знамя по преданию называется Ермаковым»⁸⁰ (т. е. покорителя Сибири Ермака Тимофеевича). В дополненном Описании 1838 г. уточнено, что это знамя «вероятно, обдорских⁸¹ стрельцов»⁸². В Шнуровой книге 1841 г. оно определено как стрелецкое XVII в.⁸³ В издании «Русские старинные знамена» отмечено, что знамя «построено по образцу солдатских знамен конца XVII века», а также что «знамя это служило в одном из пограничных сибирских острогов, в конце XVII, или в начале XVIII века»⁸⁴.

В ряде случаев документы дают описания групп знамен: в Хронологическом указателе достопамятных предметов 1837 г. было зафиксировано 20 знамен «из тафты желтого, голубого и зеленого цветов, со звездами и крестами»⁸⁵, которые размещались в зале № 1⁸⁶. В Шнуровой книге 1841 г. запись учитывает 21 «стрелецкое» знамя, отмечая, что эти знамена «не одинакового вида», ветхи и подраны, имеют разнообразные древки, и только 17 имеют железные навершия. В Ведомости, сопровождавшей передачу в Оружейную палату, для этих знамен указана датировка «XVII столетия» и отмечено, что 17 имеют медные навершия⁸⁷. После поступления в Оружейную палату знамена данной группы были определены как сотенные, стрелецкие и солдатские.

Подводя итоги, отметим, что сохранившиеся в архиве ВИМАИВиВС документы позволяют проследить принципы хранения знамен в арсеналах, установить, что в Санкт-Петербургский цейхгауз с момента его учреждения на территории Петропавловской крепости (1703) поступили знамена полков, участвовавших в событиях Северной войны на петербургском театре военных действий. Это были знамена жилых солдатских и стрелецких полков, организованных в различных областях России в конце XVII в., а затем переформированных в солдатские или расформированных в начале XVIII в.

Документы зафиксировали изменения состояния знамен и, воспроизводя уже несохранившиеся к настоящему времени надписи, позволили уточнить время создания и принадлежность некоторых знамен, что подтверждают и дополняют исторические сведения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что изучаемые знамена можно рассматривать как комплекс, время изготовления которого можно датировать последней четвертью XVII – началом XVIII вв.

Указания в делопроизводственных документах на древко и навершие показывают, что они не являются одновременными созданию знамени (полотнища), составляют самостоятельные части, объединенные в XIX в., и их атрибуция требует дополнительного обоснования.

Несмотря на то что со времени Петра I знамена числились среди амунитных и оружейных вещей, они не только бережно сохранялись в цейхгаузах, но систематически предпринимались попытки упорядочить их хранение. Знамена ценились как «военные древности»; это были боевые реликвии, участники событий, свидетели поражений и триумфов России.

---

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 323. Л. 30; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 90. Л. 379.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 92. Л. 220; Ф. 20. Д. 98. Л. 5, 6.

³ Там же. Ф. 1. Д. 90. Л. 380.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 323. Л. 12 об.

⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 90. Л. 380–381; РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 323. Л. 1–9 об.; Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. М., 1865. Дополнение к III Отделению. С. 118–119.

⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 90. Л. 382.

⁷ Из Санкт-Петербургского арсенала в Оружейную палату поступило 84 знамени. В настоящее время, после передач некоторых знамен в различные учреждения в конце XIX–XX вв., в музее хранится 70 знамен.

⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 323. Л. 87.

⁹ Только 20 знамен были датированы началом XVIII в. Например, в конце списка были помещены знамена, на полотнищах которых были надписи с датами: 1700 (5), 1704 (1) и 1705 (1) гг.

¹⁰ Музеи Московского Кремля, инв. № Зн-295/1-2, Зн-190, Зн-189/1-3.

¹¹ Историческое описание одежды и вооружения российских войск / Сост. А.В. Висковатов. Ч. 1. СПб., 1841. С. 169–170. Рис. № 137. Прапор XVII столетия.

¹² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884.

¹³ Особую сложность представляет атрибуция древков и наверший: в силу специфической комплектности знамени (полотнища, древко и навершие), состав комплекса одного знамени мог заменяться.

- ¹⁴ Маковская Л.К. Хранители Достопамятного зала // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. СПб., 2006. С. 60–71.
- ¹⁵ *Автор благодарит всех сотрудников архива ВИМАИВиВС за их квалифицированные советы, дружеское участие, заинтересованность в поисках, без чего данная работа не могла бы состояться.*
- ¹⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 90. Л. 384–388 об.
- ¹⁷ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁸ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1842. С. 83–84.
- ¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арс. Д. 1033. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же. Оп. Креп. Д. 159.
- ²¹ Там же. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 1 об.
- ²³ Там же. Л. 9–10.
- ²⁴ Там же. Л. 25–30 об.
- ²⁵ Там же. Л. 31.
- ²⁶ Там же. Л. 76–76 об.
- ²⁷ Там же. Д. 159. Л. 77.
- ²⁸ Там же. Д. 591. Л. 40.
- ²⁹ Там же. Д. 159. Л. 79.
- ³⁰ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 64.
- ³¹ ОР РНБ. Ф. 550. 12602 F IV – 366. Л. 50–51.
- ³² Маковская Л.К. Указ. соч. С. 65.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 614.
- ³⁵ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 65.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 615.
- ³⁷ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 67.
- ³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. 1841 г.
- ³⁹ Там же. Д. 14.
- ⁴⁰ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г. СПб., 2006.
- ⁴¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 77.
- ⁴² Там же. Д. 591. Л. 42; ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 614. С. 68 (Чертеж III); Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 77 об. № 302; Там же. Д. 14. Л. 8. № 302.
- ⁴³ Яковлев Л.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 44. № 3612; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. С. 63–64. № 4100.
- ⁴⁴ Музеи Московского Кремля. Инв. № Зн-301.
- ⁴⁵ Там же. Инв. № Зн-281/1-3.
- ⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 366. Л. 22.
- ⁴⁷ Историческое описание одежды и вооружения российских войск / Сост. А.В. Висковатов. Ч. 1. СПб., 1841. Рис. 134. Знамя Московских стрельцов, 1699 года.
- ⁴⁸ Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 278.
- ⁴⁹ Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 18. № 42.

- ⁵⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 78.
- ⁵¹ ОР РНБ Ф. 550. 12602 F IV – 366. Л. 20. № 346.
- ⁵² Там же. Л. 37. № 612.
- ⁵³ Там же. Л. 41. № 659.
- ⁵⁴ Там же. F IV – 614. С. 79. № 16; Там же. Ф. 550. 12605 F – 616. Л. 1. Чертеж VIII а (хранится на экспозиции ВИМАИВиВС).
- ⁵⁵ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 22. № 336. № 281.
- ⁵⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. С. 73–74. № 4152–4155.
- ⁵⁷ Музеи Московского Кремля. Инв. № Зн-143/1-3, Зн-167/1-3, Зн-144/1-3, Зн-145/1-3.
- ⁵⁸ Рабинович М.Д. Полки петровской армии. С. 28. № 95.
- ⁵⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 78 об.
- ⁶⁰ ОР РНБ Ф. 550. 12602 F IV – 366. Л. 37. № 616.
- ⁶¹ Там же. 12603 F – 614. С. 80. № 19.
- ⁶² Там же. 12605 F – 616. Л. 1.
- ⁶³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 80–81 об. № 315.
- ⁶⁴ Яковлев Л.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 45. № 3620–3626; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. С. 65. № 4108–4114.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 80.
- ⁶⁶ Музеи Московского Кремля. Инв. № Зн-229/1–3.
- ⁶⁷ Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. С. 275.
- ⁶⁸ Там же. С. 287; Его же. Полки петровской армии. С. 17–18.
- ⁶⁹ Рабинович М.Д. Полки петровской армии. С. 17–18.
- ⁷⁰ Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. С. 294.
- ⁷¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 79 об.
- ⁷² Музеи Московского Кремля. Инв. № Зн-312/1-3.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 614. С. 82.
- ⁷⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 81 об. № 316.
- ⁷⁵ Яковлев Л.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 48. № 3657; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. С. 69. № 4144.
- ⁷⁶ Музеи Московского Кремля. Инв. № Зн-204/1
- ⁷⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 159. Л. 79 об.; Д. 591. Л. 43 об.
- ⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 616. 1837. Л. 1. Чертеж XII с.
- ⁷⁹ Там же. F IV – 614. С. 82.
- ⁸⁰ Там же. С. 83.
- ⁸¹ Обдорский (на коми – «приобский») острог, положивший начало Салехарду – одно из первых русских поселений на территории Сибири.
- ⁸² ОР РНБ. Ф. 550. F IV – 615. С. 85–86. № 24.
- ⁸³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 81 об. № 314.
- ⁸⁴ Яковлев Л.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 56. № 3704; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. С. 82. № 4181.
- ⁸⁵ ОР РНБ Ф. 550. 12603 F – 614. С. 79.
- ⁸⁶ Там же. 12605 F – 616. Л. 1.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 323. Л. 88.

В.В. Горбунов (Барнаул)

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ТЮРКСКОЙ КОННИЦЫ*

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ (мечи и сабли) было обязательным средством ведения ближнего боя у тюркских всадников. О его наличии среди тюркской панопли, наряду с луками и стрелами, панцирями и копьями, сообщают китайские династийные хроники Чжоу-шу и Суй-шу¹. О применении мечей (сабель) в кавалерийской схватке пишут и собственно тюркские источники – эпитафии знаменитым полководцам II Восточно-тюркского каганата (682–744). Так, на стеле памятника Кюль-Тегину есть следующие строки: «...сев на белого [коня] Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого»², или в другом переводе: «...сев на белого [коня] Азмана, бросив клич, пошел в атаку и сразил шестерых воинов. Седьмого воина он поразил мечом в рукопашной схватке»³.

Тюркское слово, обозначающее длинноклинковое оружие для ближнего боя – кылыч, переводится лингвистами как меч⁴, однако весьма вероятно, что оно обозначало также и саблю, поскольку отдельного термина для этого вида оружия в раннетюркских письменных памятниках не встречается.

Вещественное представление о тюркском длинноклинковом оружии дают археологические материалы, происходящие с территории Центральной и Средней Азии, где изучены памятники тюркской культуры. Нам удалось собрать сведения о 14 мечах и шести

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», №14-01-00463а.

саблях. К первому виду – мечам – мы относим изделия с прямым клинком вне зависимости от количества лезвий и положения рукояти, ко второму виду – саблям – относим изделия с изогнутым даже в незначительной степени клинком⁵. Большинство мечей и сабель найдено в погребальных объектах, и лишь по одному экземпляру обнаружено в поминальном и ритуальном комплексах.

Алтай:

1. Кызыл-Таш, оградка № 2. В яме, в западной части оградки, найден вотивный железный меч, представляющий собой уменьшенную модель боевого образца⁶. Размеры меча: клинок – длина 7,3 см, наибольшая ширина 0,9 см, максимальная толщина 0,2 см; черен – длина 3 см, наибольшая ширина 0,5 см; перекрестие – длина 0,8 см, наибольшая ширина 0,2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет треугольную форму. Черен меча прямой, с раскованным в виде крюка навершием. Меч снабжен напускным перекрестием, абрис которого в продольной плоскости напоминает прямоугольник. На клинке сохранились волокна дерева, указывающие на наличие деревянных ножен (рис. 1, 1). Вместе с моделью меча в яме оградки № 2 находились вотивный наконечник копья и 10 полноразмерных панцирных пластин. По составу инвентаря объект датируется второй половиной V – первой половиной VI вв. н. э.

2. Усть-Бийке-III, курган № 5. В погребении человека с конем обнаружен фрагмент железного меча. Он располагался с правого бока умершего воина, под колчаном, вдоль локтевой кости руки⁷. Фрагмент представлял собой нижнюю часть клинка длиной 21 см, с наибольшей шириной 2,6 см, с максимальной толщиной 0,8 см. Клинок однолезвийный, в поперечном сечении треугольной формы. Окончание клинка, в 5 см от острия, слегка прогнуто со стороны спинки. Данная деталь оформления находит аналогии в оружии булан-кобинской культуры Горного Алтая⁸, и, учитывая подобное сходство, можно предположить, что меч из кургана № 5 имел и другие общие с ним признаки: отсутствие перекрестия и крюковое навершие (рис. 1, 2). В пользу такой реконструкции также свидетельствует описанная выше находка модели меча из раннетюркской оградки. Набор вооружения из кургана № 5, помимо меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется второй половиной V – первой половиной VI вв. н. э.

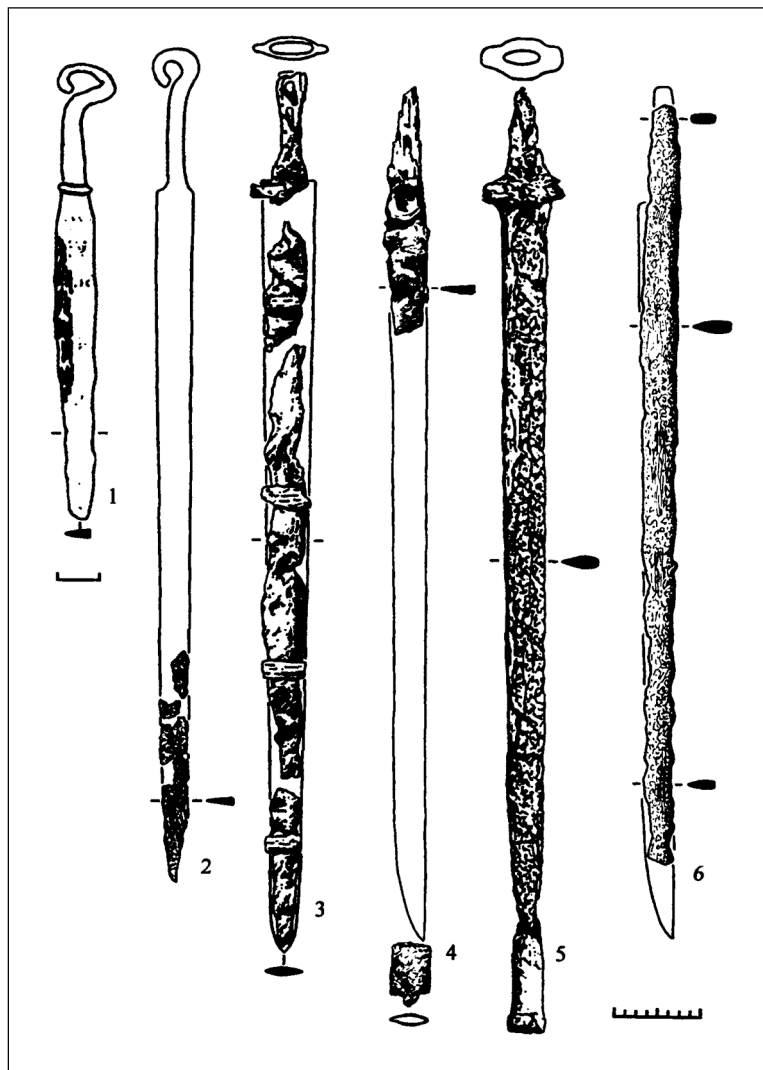

Рис. 1. Мечи из тюркских памятников Алтая: 1 – Кызыл-Таш, 2 – Усть-Бийке-III, 3–4 – Кудыргэ, 5 – Кара-Коба-I, 6 – Шибе-2

3. Кудыргэ, курган № 9. В погребении человека с конем найден фрагментированный железный меч. Изделие располагалось на некотором расстоянии слева от воина, от плеча до бедра, острием вниз⁹. Размеры меча: клинок – длина 69,5 см, наибольшая ширина 4,8 см, максимальная толщина 0,8 см; черен – длина 10 см, наибольшая ширина 3,2 см; перекрестие – длина 7 см, наибольшая ширина 1,8 см. Клинок меча двухлезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет форму линзы. Черен расположен на одной оси с клинком (прямой) и переходит в него посредством прямых плечиков. В средней части черен имеет заметное сужение, а в верхней два отверстия, в которые вставлены железные штифты, служившие для крепления деревянной обкладки рукояти. Меч снабжен напускным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму ромба с обрезанными длинными окончаниями, что придает изделию вид шестиугольника. От ножен меча сохранились четыре железные обоймы, оклеенные берестой, равномерно расположенные по длине клинка (рис. 1, 3). Набор вооружения из кургана № 9, наряду с мечом, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами и кинжал. По инвентарю могила датируется второй половиной VI – первой половиной VII вв. н. э.

4. Кудыргэ, курган № 12. В погребении человека с конем обнаружен фрагмент железного меча, который лежал слева, на некотором расстоянии, от черепа воина. От ножен этого меча найден железный наконечник¹⁰. Фрагмент меча представлял собой черен с частью клинка. Его размеры: клинок – длина 12 см, наибольшая ширина 4 см, максимальная толщина 0,8 см; черен – длина 10,8 см, наибольшая ширина 3,2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно треугольной формы. Черен прямой с заметным сужением к навершию. На нем сохранились остатки дерева от обкладки рукояти. Наконечник ножен прямоугольного абриса с выступом по нижнему краю (рис. 1, 4). По инвентарю могила датируется второй половиной VI – первой половиной VII вв. н. э.

5. Уландрык-I, курган № 10. В погребении человека с двумя конями найден фрагмент железного меча, который лежал слева от умершего вдоль бедренной кости. Он представлял собой обломок клинка длиной 16 см с остатками деревянных ножен¹¹. Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана № 10, кроме меча, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами и копьё.

По радиоуглеродному анализу могила датируется второй половиной VI – первой половиной VII вв. н. э.

6. Кара-Коба-I, курган № 85. В погребении человека с двумя конями зафиксирован железный меч. Он лежал слева от воина, от локтя до начала берцовых костей, острием вниз¹². Размеры меча: клинок – длина 66,5 см, наибольшая ширина 4,5 см, максимальная толщина 1,2 см; черен – длина 10,5 см, наибольшая ширина 4 см; перекрестие – длина 7,6 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет пятиугольную форму. Черен меча прямой с выраженным сужением к навершию. Меч снабжен железным напускным перекрестием. Абрис его в продольной плоскости близок прямоугольной фигуре. На клинке сохранились остатки деревянных ножен, окончание которых оформлено бутеролью. Ее узкая часть обернута серебряным листом, а широкая окована полоской железа (рис. 1, 5). Набор вооружения из кургана № 85, помимо меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э.

7. Шибе-2, курган № 2¹³. В погребении человека с конем обнаружен железный меч, располагавшийся слева напротив черепа умершего и заходивший под плечевую кость. Размеры меча: клинок – длина 59,2 см, наибольшая ширина 3,4 см, максимальная толщина 1,1 см; черен – длина 8,8 см, наибольшая ширина 2,5 см. Клинок меча однолезвийный, в поперечном сечении килевидного абриса. Острие его обломано. Черен меча имеет легкий наклон в сторону лезвия, его верхний край также обломан (рис. 1, 6). По инвентарю могила датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э.

8. Ябоган-I, курган № 1. В погребении человека с конем зафиксирован железный меч. Он находился с левого бока воина, от уровня черепа до таза и проходил под плечевой костью, острием вверх¹⁴. Общая длина меча 70 см, клинок однолезвийный с остатками деревянных ножен. Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана № 1, кроме меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э.

9. Джолин-I, курган № 9. В погребении человека с двумя конями найдена железная сабля. Она располагалась с левого бока умершего, от середины плечевой кости до начала берцовых костей,

частично под локтем, острием вниз¹⁵. Размеры сабли: клинок – длина 74,4 см, наибольшая ширина 2,6 см, максимальная толщина 0,8 см, прогиб спинки 0,6 см; черен – длина 6 см, наибольшая ширина 2,2 см; перекрестие – длина 6,4 см, наибольшая ширина 0,8 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Большая его часть снабжена одним лезвием с выпуклой стороны, а противоположная сторона откована в виде спинки. Нижняя же часть клинка, на расстоянии 10 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет форму пятиугольника, а его двухлезвийная часть – форму асимметричного ромба. Черен сабли прямой с сужением к навершию, длина полной рукояти составляла 12 см. Перекрестие напускное, подпрямоугольной формы в продольной плоскости. Под ним на основании клинка имеется узкая обойма (рис. 2, 2). На клинке были зафиксированы остатки ножен из двух деревянных дощечек, обернутых берестой, железные кольца и скобы для подвешивания к поясу на портупейных ремнях. На спинке клинка сделана инкрустированная золотой проволокой согдийская надпись «Этот меч собственность Катгуна, (сына?) К(...)та. И да не будет ему вреда»¹⁶. Набор вооружения из кургана № 9, помимо сабли, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами, боевой нож и топор. По инвентарю могила датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. н. э.

10. Беш-Озек, курган. В разрушенной строительными работами насыпи, среди камней, обнаружена железная сабля¹⁷. Вероятно, данный объект представлял ритуальное сооружение. Аналогичные курганы без погребений, но с помещенными под насыпь предметами вооружения и снаряжения верхового коня, известны на ряде тюркских памятников Горного Алтая¹⁸. Размеры сабли: клинок – длина 77,5 см, наибольшая ширина 2,5 см, максимальная толщина 1 см, прогиб спинки 0,7 см; черен – длина 9 см, наибольшая ширина 1,6 см; перекрестие – длина 11,5 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 15 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольное, а его двухлезвийная часть – асимметрично-ромбическая. Черен сабли слегка наклонен в сторону основного лезвия, с заметным сужением к навершию. В центральной части он снабжен штифтом для крепления обкладки рукояти. Перекрестие сабли напускное, в продольной плоскости

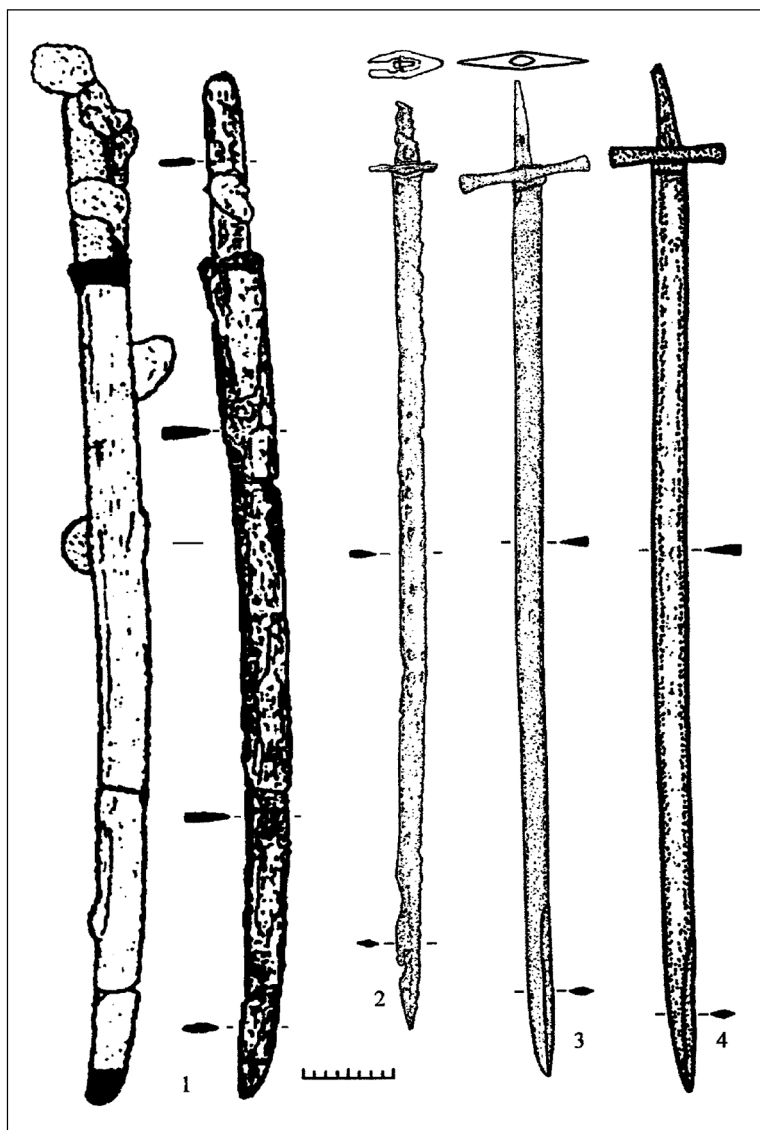

Рис. 2. Сабли из тюркских памятников Тянь-Шаня (1) и Алтая (2-4): 1 - Беш-Таш-Короо-II, 2 - Джолин-I, 3 - Беш-Озек, 4 - Балтарган

крестообразной формы. В основе фигуры лежит прямоугольник с ромбовидным выступом посередине и расширенными окончаниями. Под ним на основании клинка имеется обойма с коротким язычком со стороны лезвия (рис. 2, 3). По типологическим особенностям данный экземпляр клинкового оружия можно датировать IX–XII вв. н. э., а в рамках тюркской культуры – второй половиной IX – первой половиной X вв. н. э.¹⁹

11. Балтарган, могила в скальном гроте. В погребении человека с конем найдена железная сабля²⁰. Ее размеры: клинок – длина 80,5 см, наибольшая ширина 3,2 см, максимальная толщина 1 см, прогиб спинки 0,5 см; черен – длина 8,8 см, наибольшая ширина 1,6 см; перекрестие – длина 10,3 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 13,5 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольное, а его двухлезвийная часть – асимметрично-ромбическая. Черен сабли наклонен в сторону основного лезвия и сужается к навершию. В центральной части он снабжен штифтом для крепления обкладки рукояти. Перекрестие напускное, подпрямоугольной формы с немного расширяющимися окончаниями. Под ним на основании клинка имеется узкая обойма (рис. 2, 4). Набор вооружения из данного захоронения, кроме сабли, включал 20 железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется второй половиной X–XI вв. н. э.

12. Калбак-Таш, курган № 2. В погребении человека с конем обнаружен железный меч, который располагался вдоль правой руки умершего под налучьем и колчаном, острием вниз²¹. Размеры меча: клинок – длина 76 см, наибольшая ширина 4 см, максимальная толщина 1,2 см; рукоять – длина 17 см, наибольшая ширина 2,8 см; перекрестие – длина 9,6 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок меча однолезвийный, в поперечном сечении треугольный. Рукоять наклонена в сторону лезвия. Ее венчает бронзовый позолоченный колпачок. Перекрестие, вероятно, прямоугольной формы. На клинке остатки деревянных ножен, покрытых черной гофрированной кожей с бронзовой обоймой на устье. У перекрестия и середины ножен бронзовые позолоченные бляхи-скобы для подвешивания к поясу (рис. 3, 5). Набор вооружения из кургана № 2, наряду с мечом, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется второй половиной X–XI вв. н. э.

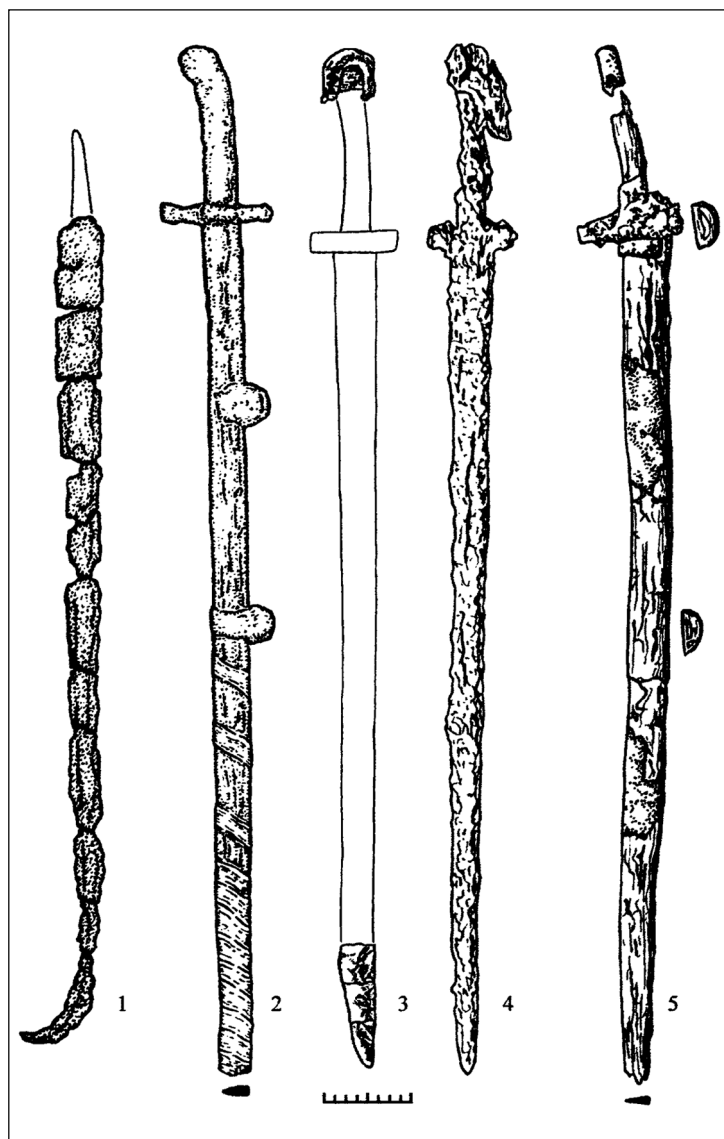

Рис. 3. Мечи из тюркских памятников Минусинской котловины (1-2), Тувы (3-4) и Алтая (5): 1 - Шестаково, 2 - Ибыргыс-Кисте, 3 - Аймырлыг-I, 4 - Даг-Аразы-V, 5 - Калбак-Таш

13. Катанда-II, курган № 1. В погребении человека с конем зафиксирован железный меч, который лежал с левого бока умершего²². Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана № 1, кроме меча, включал 17 железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется второй половиной X–XI вв. н. э.

14. Катанда-II, большой курган. Во впускном погребении человека с конем (или несколькими конями) найдена железная сабля²³. Сам предмет не опубликован. Видимо в набор вооружения вместе с саблей входило несколько железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется второй половиной X–XI вв. н. э.

Тува:

15. Аймырлыг-I, группа V, курган № 5. В ограбленном погребении человека с конем зафиксированы обломки железного меча²⁴. От него сохранилось окончание однолезвийного клинка и закругленное навершие. Их размеры: клинок – длина 11,6 см, наибольшая ширина 3,2 см; навершие – 5x4,5 см. Клинок в поперечном сечении треугольной формы (рис. 3, 3). Из набора вооружения в кургане № 5, помимо меча, найдена пара костяных накладок на рукоять сложносоставного лука и куски берестяного колчана. По инвентарю могила датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э.

16. Даг-Аразы (Аймырлыг-3), группа V, курган № 1. В погребении человека с конем обнаружен железный меч. Он располагался вдоль левой руки воина под колчаном²⁵. Размеры меча: клинок – длина 74 см, наибольшая ширина 4 см; рукоять – длина 18,6 см, наибольшая ширина 2,8 см; перекрестие – длина 8 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок меча полуторалезвийный с остатками деревянных ножен. Рукоять слегка наклонена в сторону основного лезвия. Ее венчает выделенное закругленное навершие. Перекрестие, вероятно, напускное, прямоугольной формы в продольной плоскости (рис. 3, 4). Набор вооружения из кургана № 1, помимо меча, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами, символический панцирь из двух железных пластин и деревянный щит. По инвентарю могила датируется VIII – первой половиной IX вв. н. э.

Минусинская котловина:

17. Шестаково, курган № 3, могила «А». Во впускном погребении человека с конем зафиксирован фрагментированный железный меч с погнутым окончанием клинка и обломанным череном.

Он располагался вдоль левой руки воина²⁶. Размеры клинка: длина 78 см, наибольшая ширина 4 см. Клинок однолезвийный (рис. 3, 1). Набор вооружения из данного погребения, наряду с мечом, включал сложносоставной лук, стрелы и боевой нож. По инвентарю могила датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. н. э.

18. Ибыргыс-Кисте, курган № 4. В погребении человека с двумя конями найден железный меч. Он лежал на правой половине скелета, от лопатки до колена, острием вниз²⁷. Размеры меча: клинок – длина 76 см, наибольшая ширина 3,5 см, максимальная толщина 1 см; рукоять – длина 16 см, наибольшая ширина 3 см; перекрестие – длина 10,2 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок меча однолезвийный, в сечении килевидного абриса. Рукоять слегка наклонена и заканчивается закругленным навершием, сильнее смещенным в сторону лезвия. Перекрестие напускное, прямоугольного абриса в продольной плоскости, с немного расширяющимися окончаниями. На клинке сохранились остатки деревянных ножен и две железные обоймы со скобами для подвешивания к поясу. Нижняя часть ножен имела обмотку из полоски бересты (рис. 3, 2). Набор вооружения из кургана № 4, помимо меча, включал колчан со стрелами и боевой нож. По инвентарю могила датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. н. э.

Тянь-Шань:

19. Беш-Таш-Короо-II, курган № 3. В погребении человека с конем обнаружена железная сабля, лежавшая с левой стороны от умершего²⁸. Ее размеры: клинок – длина 73 см, наибольшая ширина 4,5 см, максимальная толщина 1,2 см, прогиб спинки 1,8 см; рукоять – длина 16 см, наибольшая ширина 3,2 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 8,5 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольного абриса, а его двухлезвийная часть – линзовидная. Рукоять сабли, прямая и ровная, имела деревянную обкладку, обшитую кожей. Клинок был помещен в деревянные ножны с железным наконечником и обоймой на устье, а также кожаной петлей для подвешивания к поясу (рис. 2, 1). Набор вооружения из кургана № 3, наряду с саблей, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э.

20. Беш-Таш-Короо-II, разграбленный курган. В данном объекте найден обломок клинка железной сабли. Сообщается,

что по сечению и форме сохранившейся части он аналогичен сабле из кургана № 3²⁹. Сам предмет не опубликован. Этот объект, видимо, также относится ко второй половине VII – первой половине VIII вв. н. э.

В рассмотренных памятниках тюркской культуры можно отметить следующую взаимовстречаемость мечей и сабель с другими видами вооружения:

- 1) С луком и стрелами – 6 раз.
- 2) Со стрелами – 3 раза.
- 3) С луком, стрелами, кинжалом или боевым ножом – 2 раза.
- 4) С панцирем, щитом, луком и стрелами – 1 раз.
- 5) С луком, стрелами, боевым ножом и топором – 1 раз.
- 6) С луком, стрелами и копьем – 1 раз.
- 7) С панцирем и копьем – 1 раз.
- 8) Со стрелами и боевым ножом – 1 раз.
- 9) Без других видов вооружения – 4 раза.

Количество тюркских объектов с мечами и саблями значительно уступает захоронениям, где найдено только стрелковое оружие³⁰, но оно вполне сопоставимо с объектами, в которых найдены копья (16)³¹ и доспехи (26)³².

Несмотря на то что серия длинноклинкового оружия тюркской культуры невелика, она охватывает все этапы существования данной общности. На ее примере можно наметить основные тенденции развития данного оружия у тюркской конницы.

В период становления тюркского этноса (460–552) использовались однолезвийные мечи с прямой рукоятью и крюковым навершием, некоторые из которых снабжались прямоугольным перекрестием (рис. 1, 1–2). Они являлись наследием предыдущего периода «великого переселения народов» и практически копировали образцы, характерные для мечей Южной Сибири II–V вв. н. э.³³

Во время существования первых Тюркских каганатов (552–657) применялись однолезвийные и двухлезвийные мечи с прямой рукоятью, без перекрестия или с ромбовидно-шестиугольным перекрестием (рис. 1, 3–4).

На период II Восточно-Тюркского (682–744) и Тюркешского каганатов (699–756) приходится появление сабли. Ее первые образцы имели полуторалезвийный клинок и прямую рукоять без перекрестия (рис. 2, 1). Мечи этого времени однолезвийные. У них наблюдается переход от прямой к наклонной рукояти и выделение

навершия для лучшего удержания в руке. Часть мечей снабжается прямоугольным перекрестием, но еще встречаются и мечи без перекрестия (рис. 1, 5–6; 3, 3).

После установления в степях Центральной Азии господства Уйгурского каганата (745–840), тюркский набор клинкового оружия включал полуторалезвийные мечи и сабли с прямоугольным перекрестием. Видимо, второе короткое лезвие перешло к мечам от сабель. Сабли все еще имели прямую рукоять, но получили узкую обойму на основании клинка, а мечи снабжались наклонной рукоятью с выделенным навершием (рис. 3, 4; 2, 2).

В период «великодержавия» Кыргызского каганата (840–950) у тюрков наблюдается изменение сабель за счет наклона рукояти, появления обоймы с язычком на основании клинка и крестообразного перекрестия (рис. 2, 3). Мечи однолезвийные, но отсутствие образцов хорошей сохранности не позволяет судить о других их особенностях (рис. 3, 1).

На заключительном этапе существования тюркской культуры (950–1100) каких-либо новых изменений в длинноклинковом оружии не наблюдается. Встречаются однолезвийные мечи и полуторалезвийные сабли. Они имеют наклонную рукоять и прямоугольное перекрестие (рис. 3, 2, 5; 2, 4).

В целом развитие тюркских мечей и сабель шло по пути увеличения длины клинка (от 60 до 80 см), перехода от прямой к наклонной рукояти и оснащения перекрестиями, у которых также наблюдается рост длины (от 6–7 до 10–11 см). Их эволюция была направлена на создание конструкций, оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекали основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий удар для меча и рубяще-режущий удар для сабли. Колющая функция, при всей своей важности, для конного воина оставалась дополнительной.

Тюркские мечи и сабли были повседневным оружием степного всадника, незаменимым в скоротечных конных схватках, связанных с набегами и рейдами. В «правильном» сражении, где главная роль отводилась копьюту³⁴, мечи и сабли использовались на последней завершающей стадии боя. Они были малоэффективны против пластинчатой брони и в основном предназначались для расчленения частей доспеха и поражения незащищенных участков.

Несмотря на малое число находок, для тюрков можно констатировать широкое распространение длинноклинкового оружия по его частому присутствию на каменных изваяниях. Только с территории российской части Алтая опубликовано 49 таких изображений³⁵, а с учетом других регионов данная цифра будет в несколько раз больше³⁶. Это говорит о том, что мечи и сабли были на вооружении у значительной части даже рядовых воинов.

Носились и хранились тюркские мечи и сабли в деревянных ножнах, которые обтягивались кожей или обклеивались полосами бересты. Корпус ножен мог дополнительно скрепляться железными, реже бронзовыми обоймами, в количестве от одной до четырех штук (рис. 1, 3; 3, 2, 5; 2, 1). Нижняя часть ножен также могла иметь металлические детали. Встречается оковка корпуса листовым серебром, оканчивающаяся бутеролью (рис. 1, 5), или использование железных наконечников прямоугольной и сегментной формы (рис. 1, 4; 2, 1).

Подвешивание ножен к поясу производилось портупейными ремнями, закреплявшимися на ножнах при помощи обойм, скоб, колец и петель. Прослеживается способ подвешивания ножен на два портупейных ремня. При нем к торцевой стороне ножен в двух местах, ближе к устью и к середине, прикреплялись железные или бронзовые скобы (рис. 3, 2, 5). Парные скобы сегментной формы изображены у многих ножен на тюркских каменных изваяниях, где также показано подвешивание мечей и сабель к поясу на двух портупейных ремнях, в наклонном положении, рукоятью вверх и вперед (рис. 4). На абсолютном большинстве изваяний мечи и сабли размещены у воинов с левой стороны. Такую же картину дают и погребальные памятники. В 11 рассмотренных могилах мечи и сабли расположены с левой стороны от человека, и лишь в трех захоронениях – справа³⁷. Вероятно, воины были левшами.

Между редкими вещественными находками мечей и сабель в тюркских памятниках и их частыми изображениями на каменных изваяниях наблюдается существенная диспропорция. Это можно объяснить тем, что у тюрков не было обязательной традиции помещать в погребения воинов основные виды оружия ближнего боя. Видимо, мечи и сабли полагались умершим только в особых случаях, например при отсутствии наследника, в случае именного подарка или воинам, совершившим подвиг на поле боя.

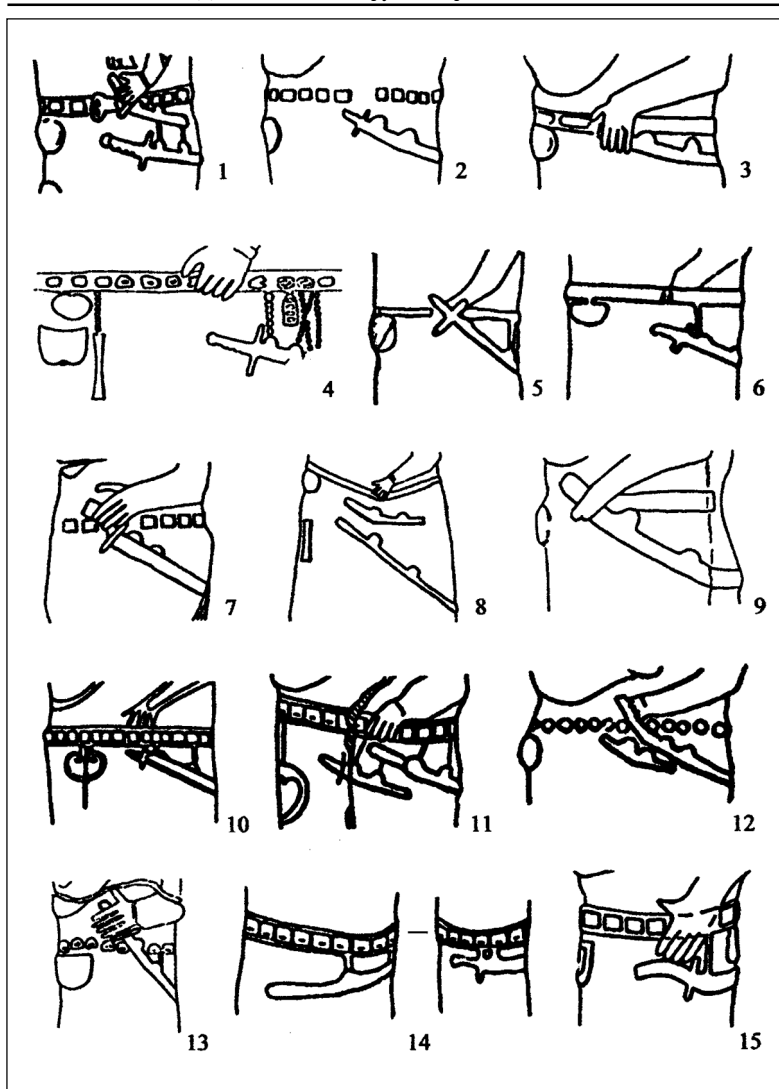

Рис. 4. Изображения мечей (1–13) и сабель (14–15) на тюркских каменных изваяниях с Алтая: 1 – Ак-Товурак, 2 – Актру, 3 – Ардун-Тебе, 4 – Белый Ануй, 5 – Беш-Озек, 6 – Ело, 7 – Каман-Тон, 8–9 – Кышчыл, 10 – Макажан, 11 – Торгон, 12 – Тая, 13 – Малталу, 14 – Тото, 15 – Согонолу

- ¹ Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. Прил. 1. С. 19–20.
- ² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 42.
- ³ Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М., 2008. С. 47.
- ⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 442–443.
- ⁵ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 57.
- ⁶ Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. Новосибирск, 1996. № 3. С. 117, рис. 3.-1.
- ⁷ Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. С. 62, рис. 23.
- ⁸ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 59, рис. 48.-2.
- ⁹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л., 1965. С. 24, табл. XV.-А.
- ¹⁰ Там же С. 25, табл. XX.-А.
- ¹¹ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 366, табл. 2.
- ¹² Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 199, рис. 2.
- ¹³ Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 203–205, рис. 1.
- ¹⁴ Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 71–74, рис. 2.
- ¹⁵ Кубарев Г.В. Указ. соч. С. 372, табл. 59.
- ¹⁶ Там же С. 100, табл. 63.-1.
- ¹⁷ Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озекы // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 239, рис. 1.
- ¹⁸ Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119, рис. 1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 117, рис. 6.-24–25.
- ¹⁹ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 71.
- ²⁰ Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1996. № 3. С. 46–47, рис. 1.-1.
- ²¹ Кубарев Г.В. Указ. соч. С. 380, табл.115.
- ²² Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 100.
- ²³ Там же. С. 81.
- ²⁴ Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 96–98, рис. 8.-7; Ее же. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. С. 80, рис. 38.-15.

- ²⁵ Там же С. 80, рис. 15.-1; Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. № 3. С. 212, 216, рис. 1.-3.
- ²⁶ Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. С. 37, рис. 34.-1.
- ²⁷ Там же С. 34–35, рис. 31.
- ²⁸ Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. Рис. 9–10; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. С. 117.
- ²⁹ Там же С. 117.
- ³⁰ Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 86.
- ³¹ Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 120.
- ³² Горбунов В.В. Пластины тюркского ламеллярного доспеха // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С. 22–24.
- ³³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая... С. 64.
- ³⁴ Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы. С. 123.
- ³⁵ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. Табл. I–L; Кубарев В.Д., Кочев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. Табл. IV.
- ³⁶ Тема учета и анализа изображений оружия на тюркских изваяниях требует отдельной большой работы.
- ³⁷ Для четырех могил такая информация отсутствует. Они либо сильно разграблены, либо не квалифицированно раскопаны.

В.Ю. Грибовский, В.Н. Мардусин
(Санкт-Петербург)

ОБОРОНА СОВЕТСКИХ ВОЕННО-МОРСКИХ БАЗ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК И ФЛОТА

**Расширение системы базирования
Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов.
Создание новых ВМБ и оперативное оборудование ТВД
на приморских направлениях**

В ПРЕДВОЕННЫЕ 1939–1941 годы прежние военные порты вошли в состав вновь сформированных военно-морских баз (ВМБ). Главными базами (ГБ) Полярное (СФ) – Таллин (КБФ) – Севастополь (ЧФ) и Владивосток (ТОФ) командовали военные советы флотов, прочими ВМБ – командиры баз. В состав баз входили береговая оборона (БО), зенитная артиллерия ПВО, соединения (части) охраны водного района (ОВР), охраны рейдов (ОХР), подразделения тыла, военный порт, береговые базы ПЛ, ТКА и морской авиации, стрелковые части, в Кронштадте 1-я особая бригада морской пехоты, строительные части.

На случай войны было определено оперативное подчинение флотов. СФ и КБФ должны были поступить в подчинение Военному совету Ленинградского военного округа (ЛенВО), с 1940 г. КБФ в вопросах обороны – Прибалтийскому Особому военному округу (ПрибовО), ЧФ – в подчинение Военному совету Киевского Особого военного округа (КОВО), ТОФ – в подчинение Военному совету 1-й Отдельной Краснознаменной армии.

Планирование совместных действий армии и флота по обороне ВМБ и побережья накануне Великой Отечественной войны (на примере Балтийского региона)

На войска соответствующих округов возлагалась оборона баз и побережья с сухопутного направления. На силы флотов возлагалась оборона ВМБ и побережья с морского направления. Флот должен был и поддерживать приморский фланг армии.

Теоретически вопросы организации взаимодействия были достаточно отработаны как в армейских, так и во флотских руководящих документах. Однако в планах мобилизации и развертывания и оперативных планах округов и флотов они были недостаточно конкретизированы. Армейские и флотские планы не были согласованы между собой и отработаны в ходе совместных учений (за исключением Черноморского театра). Директиву начальникам штабов округов и флотов «О подготовке связи для взаимодействия частей и соединений Красной Армии и ВМФ» начальник Генштаба Красной армии генерал армии Г.К. Жуков и начальник ГМШ адмирал И.С. Исаков подписали только 11 марта 1941 г.

В Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. взаимодействие сухопутных войск и ВВС Красной армии с силами флотов на каждом театре военных действий имело свои особенности.

Северный морской театр военных действий в 1941–1945 гг.

Отличался большой протяженностью при относительной малочисленности корабельных сил СФ и артиллерии береговой обороны. Начало наступления немецких войск на мурманском направлении (29 июня 1941 г.) было встречено организованным сопротивлением войск 14-й армии при содействии кораблей и авиации СФ. В результате упорных боев при хорошей организации взаимодействия войск и сил флота на основе личной договоренности командарма-14 и командующего флотом противник был остановлен.

11 июля – 3 августа армией и флотом было отражено второе наступление немецких горных егерей на мурманском направлении. Помимо артиллерийской и авиационной поддержки СФ высаживал десанты в фланг и тыл противника, формировал стрелковые полки и соединения морской пехоты.

Третье наступление немецких войск на Мурманск было также успешно остановлено в ходе боев 8–25 сентября 1941 г. После этого

линия фронта стабилизировалась и оставалась практически неизменной до осени 1944 г.

Таким образом, противника удалось остановить на дальних подступах к Кольскому заливу. Полярный сохранил значение главной базы СФ, а Мурманск – крупнейшего незамерзающего порта на Севере. В дальнейшем, в 1941–1943 гг., меры по обороне побережья выразились в развертывании новых ВМБ, установке береговых батарей и создании Северного оборонительного района (СОР) на полуостровах Рыбачий и Средний, а также в усилении ПВО Полярного, Мурманска, Архангельска и новых ВМБ.

Балтийский морской театр военных действий в 1941–1945 гг.

На Балтийском морском театре сложилась иная обстановка. Превосходящие силы немецкой группы армий «Север» быстро преодолели сопротивление войск Северо-Западного фронта. 1 июля 1941 г. немцы уже заняли Ригу. Несмотря на то что моряки вместе с пехотинцами и пограничниками храбро сражались на сухопутных рубежах Либавы (Лиепай), поддерживали войска огнем береговой артиллерии, взаимодействие Прибалтийской ВМБ с войсками 27-й армии СЗФ следует признать неудовлетворительным. Морские начальники потеряли управление своими корабельными силами, которые не оказали должного содействия сухопутным войскам в Либаве и в Риге (Усть-Двинске).

Почти двухмесячная оборона северной Эстонии и Таллина стала возможной благодаря более тесному взаимодействию сухопутных войск с силами флота. Положительным следует признать централизованное в руках Военного совета КБФ командование 10 ск и силами ВМБ и ОЛСа. Оборона северной Эстонии, а потом длительная оборона Моонзундских островов и ВМБ Ханко задержала войска противника, которые не смогли принять участие в битве за Ленинград.

Несомненно также, что морская артиллерия и морская пехота сыграли огромную роль в обороне Ленинграда, которая была усилена перевозкой войск из Таллина, Ханко и Койвисто.

Особенности обороны ВМБ и побережья на Черноморском и Тихоокеанском театрах военных действий в 1941–1945 гг.

На Черноморском театре войскам Южного и Юго-Западного фронтов, несмотря на отступление, удалось замедлить продвижение

немецких и румынских войск и вывести в Одессу и Севастополь целые армии. Руководство обороной этих городов морскими начальниками – командиром Одесской ВМБ и Военным советом ЧФ – позволило организовать взаимодействие сухопутных войск и сил флота. Под Одессой до середины октября 1941 г. была задержана 4-я румынская армия, а 86 тыс. воинов гарнизона были без потерь морем эвакуированы в Крым. Удалось также вывезти более 300 тыс. человек гражданского населения.

Стратегическое значение имела и оборона Севастополя, которая удержала в Крыму 11-ю немецкую армию. Оборона рухнула только в конце июня – начале июля 1942 г., когда ЧФ исчерпал свои возможности в снабжении войск СОР.

Флот и армия тесно взаимодействовали в обороне Новороссийска и Туапсе, а в 1943–1944 гг. в освобождении Новороссийска и Крыма. При этом ЧФ был в оперативном подчинении у армейского командования.

На Тихоокеанском театре оборона баз и побережья в 1941–1945 гг. непрерывно совершенствовалась, что позволило использовать войска с Дальнего Востока и морскую пехоту ТОФ на советско-германском фронте.

Оборона ВМБ и побережья по опыту действий иностранных вооруженных сил во Второй мировой войне

На других театрах военных действий войска армий и силы флотов стран антигитлеровской коалиции и Германии, Италии и Японии также взаимодействовали при обороне военно-морских баз и побережья. Наиболее показательными примерами взаимодействия стали эвакуация английским флотом войск из района Дюнкерка (1940), оборона англичанами Мальты, Крита и Тобрука, Сингапура и Коломбо, американцами Перл-Харбора, о. Мидуэй, Манилы (Кавите) и Датч-Харбора, японцами Марианских островов, Филиппин и о. Окинава, немцами Кенигсберга, Пиллау и Готенхафена.

Опыт Второй мировой войны 1939–1945 гг. нашел отражение в руководящих документах и боевой подготовке Советской армии и ВМФ.

Вместо заключения

Межвоенный период 1918–1939 гг. в истории советского ВМФ был отмечен несколькими реорганизациями Вооруженных сил,

из которых для целей нашего исследования наиболее важными являются следующие:

– была реализована старая идея моряков о полной передаче флоту всей береговой обороны, включая приморские крепости (1925);

– в результате нескольких преобразований к 1927 г. Красный флот почти полностью утратил самостоятельность. Штаб РККФ упразднили, как и Морские силы Дальнего Востока;

– в 1937 г. был восстановлен Штаб РККФ, а в конце декабря того же года образован самостоятельный Наркомат Военно-Морского Флота, формально равноправный с Наркоматом обороны. В начале 1938 г. были сформированы Главный штаб ВМФ и Управление Военно-Воздушных сил ВМФ;

– если в 1920-е – первой половине 1930-х гг. оборона побережья строилась на основе взаимодействия береговой обороны с подводными лодками, торпедными катерами, немногочисленными надводными кораблями, а также с войсками и авиацией РККА, то в конце 1930-х гг. она дополнилась ударными силами: ВВС флотов и новыми крейсерами и эсминцами.

После Первой мировой войны в руководстве РККА и РККФ сложилось мнение, что решить задачи обороны морских границ СССР можно будет только на основе тесного взаимодействия армии и флота.

Основываясь на опыте мировой и Гражданской войн, этих взглядов придерживались нарком М.В. Фрунзе, начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский и другие армейцы, а из моряков, помимо известного теоретика и историка М.А. Петрова и прочих, будущий известный адмирал И.С. Исаков.

Были разработаны и опубликованы научные исследования десантных операций против Циндао (1914), Дарданелльской (1915), Моонзундской (1917), обороны Порт-Артура (1904), действий флота против берега (в 1914–1917) и др.

Практическое использование этих достижений теоретической мысли, однако, затруднялось частыми служебными перемещениями командиров и снижением их квалификации. Необходимо указать и на отрицательный эффект развернувшихся против командного состава армии и флота репрессий.

Так, были уничтожены А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, Р.А. Мулевич, М.В. Викторов, В.М. Орлов, И.К. Кожанов, П.И. Смирнов-

Военная элита СССР	Состояло в 1936 г.	Погибло за годы репрессий
Маршалы Советского Союза	5	расстреляно – 2 умерло под стражей – 1
Командармы 1-го ранга	5	расстреляно – 5
Флагманы флота 1-го ранга	2	расстреляно – 2
Командармы 2-го ранга	10	расстреляно – 14
Флагманы флота 2-го ранга	2	расстреляно – 3
Флагманы 1-го ранга	6	расстреляно – 5
Флагманы 2-го ранга	данных нет	расстреляно – 4 умерло под стражей – 1

Данные приведены по: Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле, Мегapolis, 2012. С. 8–10.

Светловский, В.М. Гиттис, М.В. Сангурский, К.И. Душенов, Э.С. Панцержанский, И.Н. Кадацкий-Руднев, А.А. Тошаков, В.П. Калачев, Г.П. Киреев, И.М. Лудри, А.К. Сивков и др., а ведь именно они как концептуально, так и практически решали проблемы взаимодействия сухопутных войск и сил флота при обороне ВМБ и побережья. Кроме того, в годы репрессий флот потерял около 3000 командиров и начальников.

Сохранялась и известная ранее обособленность командиров армии и флота.

Важным аспектом стало отсутствие накануне Второй мировой войны руководящих документов, регламентирующих совместные действия сухопутных войск и сил флота. Так, в армейских документах (Полевой устав 1936 г.) вопросы организации обороны военно-морских баз с суши не рассматривались вообще. Флотскими документами (Боевым уставом ВМС РККА 1937 г.) такая операция как типовая также не предусматривалась. Ни в одном документе не рассматривались вопросы создания системы пунктов управления, их оснащения, порядка перемещения, связи взаимодействия и прочие.

Показательны итоги совместных учений КБФ и ЛенВО по обороне Кронштадта, проведенных зимой 1938 г.: «Вопросы организации обороны военно-морской крепости не отработаны, боевое управление находится на низком уровне. Работа штабов соединений

и частей была настолько медленной, что не обеспечивала успешно-го управления войсками и силами флота. Техника работы штабов находилась на низком уровне, обстановка на карты наносилась неудовлетворительно. Дело доходило до того, что некоторые руководители совместных учений даже не разрабатывали необходимых документов по организации управления»¹.

Накануне войны были предприняты некоторые меры по отработке взаимодействия. При этом старались учесть опыт боевых действий в Европе в 1939–1940 гг. В октябре 1940 г. были проведены учения КБФ на тему «Оборона устья Финского залива и островов Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго)». Тогда же состоялись маневры и отрядные учения ТОФ по теме «Отражение десантной операции во взаимодействии с ВВС и Красной Армией, с одновременными действиями на коммуникациях и против баз противника с обеспечением флангов своей армии».

25–31 октября 1940 г. состоялись и маневры ЧФ на тему «Операция флота против баз противника при одновременном содействии флангу армии и обеспечении перевозок в восточной части Черного моря».

Подводя итоги боевой подготовки за 1940 г., нарком ВМФ, в частности, отметил улучшение связи и взаимодействия с военными округами Красной армии. Это прозвучало довольно оптимистично. На самом деле армия и флот имели несогласованные между собой системы связи, а по радиовооружению флот на порядок превосходил Красную армию.

Известно также, что оперативные планы и планы прикрытия флотов и военных округов не были согласованы между собой. Это же наблюдалось и на местах. Так, не было отработано взаимодействие моряков и армейцев на случай обороны Либавы, расположенной вблизи границы и не имевшей укрепленного сухопутного фронта обороны. Все это отрицательно сказалось на действиях наших Вооруженных сил в начале войны.

На Северном морском театре в обороне ВМБ, портов и побережья Северный флот, переходивший в оперативное подчинение Северному (Карельскому фронту), должен был взаимодействовать с войсками 14-й армии. Перед началом наступления противника, которое началось только 29 июня, командарм-14 и командующий СФ, проявив инициативу, успели договориться о совместных действиях по его отражению. В результате превосходящие силы

противника встретили согласованный отпор наших войск и флота, который поддержал сухопутные войска огнем корабельной артиллерии и действиями авиации.

Хорошая организация взаимодействия позволила стабилизировать фронт на дальних подступах к Кольскому заливу, сохранить Главную ВМБ СФ – Полярный и важнейший порт Мурманск. В 1942–1944 гг. боевые действия свелись к ожесточенным столкновениям на суше, на море и в воздухе, которые не позволили противнику достичь поставленных целей.

На Балтийском морском театре обстановка осложнилась быстрым продвижением войск противника на ленинградском направлении. Наши ВМБ пришлось оборонять на ближних подступах, где проявились недостатки в управлении и организации взаимодействия. Их пришлось исправлять в ходе боевых действий, когда моряки отдельных отрядов уже сражались в боевых порядках сухопутных войск и были созданы новые формы управления, обеспечившие поддержку обороны морской артиллерией и авиацией, а также снабжением боеприпасами и продовольствием, эвакуацию раненых и имущества морским путем.

В Прибалтике наши войска и КБФ понесли большие потери. В то же время оборона Северной Эстонии, Таллина, Моонзундских островов и ВМБ Ханко позволила надолго задержать целый армейский корпус в Эстонии и финскую бригаду у полуострова Ханко, не допустить их участия в решающих боях за Ленинград.

В длительной обороне Ленинграда в 1941–1944 гг. важнейшую роль сыграло тесное взаимодействие Ленинградского фронта и КБФ, который находился в оперативном подчинении командующего войсками фронта, а усилия сухопутной и морской артиллерии, ПВО и ВВС Красной армии и КБФ были объединены под единым командованием.

На Черноморском театре военных действий взаимодействие армии и флота в обороне ВМБ, портов и побережья имело свои особенности, которые определялись господством на море нашего ЧФ, который сохранял его в течение первого года войны. Длительная и упорная оборона Одессы, Севастополя, Новороссийска и Туапсе имела стратегическое значение. Она позволила измотать противника, а уже в 1944 г., накопив силы, вернуть все утраченные позиции на ТВД.

На Тихом океане непрерывное усиление обороны ВМБ, портов и побережья создало предпосылки для переброски войск в 1941–1942 гг. на советско-германский фронт.

В боевых действиях армий и флотов иностранных государств во Второй мировой войне по обороне своих баз, портов и побережья есть немало как удачных, так и неудачных примеров. Это во многом объясняется тем, что каждое государство имело свою военную организацию и собственные системы вооружения и военной техники. Наиболее удачным примером организации взаимодействия можно считать опыт американских армии и флота, где войска, авиация и корабельные силы и морская пехота объединялись единым главным командованием на театре, а в отдельных операциях действовали в составе оперативных соединений (авиационных, десантных и т. п.).

Опыт войны после ее окончания тщательно изучался в вооруженных силах стран-победительниц, где он реализовывался в руководящих документах, в оперативной и боевой подготовке. Изучение современного состояния армий и флотов иностранных государств показывает, что Германия, Италия и Япония в усвоении уроков прошлого не отстают от победителей.

* * *

Организация и осуществление взаимодействия сухопутных войск и сил флота при обороне военно-морских баз и побережья – сложный и многогранный процесс, требующий от командующих (командиров) и штабов:

- предвидения развития операции (боя);
- умения эффективно использовать огневые и маневренные возможности соединений и частей видов ВС, родов войск и специальных войск в различных условиях обстановки;
- умения быстро и точно увязывать их взаимные действия в интересах достижения поставленных задач (целей);
- умения (на основе знания ТТД образцов вооружения и военной техники и других факторов) компенсировать слабые стороны одних войск (сил) боевыми возможностями других;
- знания роли и места войск связи при ведении современных военных действий разнородными группировками;
- принятия решений, доведения решений и приказов до исполнителей в режиме времени, близком к реальному, и др.²

Решая жизненно необходимую задачу по реформированию

Вооруженных сил России, мы понимаем, что без научной основы современную армию и флот построить нельзя.

Вооружение и военная техника на современном этапе – это высокотехнологическая продукция, представляющая собой «сложно-технические изделия, созданные на основе применения уникальных (высоких) производственных процессов, либо продукцию, реализующую свои потребительские функции с использованием новейших высокоэффективных физико-технических свойств»³.

В то же время военная компонента государства не может развиваться, игнорируя опыт прошлых войн. Несмотря на то что в последнее время все чаще и чаще военные теоретики и практики обсуждают тему сетецентрических войн (операций). При этом их мнения весьма противоположны: от полного отрицания возможности ведения сетецентрических войн до призывов к немедленной перестройке всей военной организации в соответствии с принципами сетецентризма. Другие специалисты акцентируют свое внимание на изменениях форм и способов ведения военных действий, связанных с появлением новой концепции⁴.

Аналитиками делается вывод, что «основной причиной создания новой концепции вооруженной борьбы явилась трансформация ее характера, а не изменение подходов к управлению войсками (выделено нами. – В. Г., В. М.)»⁵.

Поэтому важно понимать, «что старые ситуации не повторяются в их прошлом виде, а новые – более сложны. Но они могут быть правильно учтены, если мы вооружимся историческим опытом»⁶.

---

¹ ЦГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 428. Л. 77. См. подробнее: Волков В.Ф. Деятельность государственных и военных органов управления России по руководству регулярной армией и флотом в совместных действиях на приморских направлениях (1700–1990 гг.). М.: ВАГШ ВС РФ, 2006. Т. 1. С. 51–52.

² Волков В.Ф. Указ. соч. С. 12–13.

³ Буренок В.М., Лавринов Г.А., Подольский А.Г. Оценка стоимости показателей высокотехнологичной продукции. М.: Издательская группа «Граница», 2012. С. 6.

⁴ Кривonos О.К. Сетецентрические войны как результат трансформации вооруженной борьбы // Наука и военная безопасность. 2011. № 1. С. 2–5; Бузин Н.Е., Сураев В.Н. О понятии «асимметрия» в военной науке // Наука и военная безопасность. 2011. № 1. С. 6–9; Орлов М.И. Некоторые проблемы подготовки и ведения наступательных операций в современных условиях // Военная мысль. 2010. № 12. С. 25.

⁵ Кривонос О.К. Указ. соч. С. 2–5.

⁶ Волков В.Ф. Указ. соч. С. 15; Мардусин В.Н., Грибовский В.Ю., Жарский А.П., Ковалев С.Н., Коршунов Э.Л., Щерба А.Н. Организация взаимодействия армии и флота по обороне военно-морских баз и побережья в войнах второй половины XIX века и до начала Второй мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 г. В четырех частях. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 161–182; Грибовский В.Ю., Мардусин В.Н. Проблемы взаимодействия армии и флота в обороне военно-морских баз от Крымской войны до Великой Отечественной // Труды XVI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы защиты и безопасности». Т. 5. Гуманитарные проблемы модернизации ВС РФ. СПб., 2013. С. 366–374; Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 5. Кн. 1. Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: взгляд через 70 лет. СПб.: «Политехника-сервис», 2013. 308 с.; Сборник боевых документов по управлению и связи в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): военно-теоретический труд / Воен. акад. Ген. штаба ВС РФ, НИИ (воен. истории) / А.П. Жарский, Э.Л. Коршунов, Ю.Н. Тучков, В.С. Хохлов, В.Н. Шентура / Рук. авт. колл. Ю.Н. Тучков М.-СПб.: ВАГШ ВС РФ, 2012. 568 с.

О.В. Григорьев (Новосибирск)

ВОЕННО-СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1 августа 1914 – 11 ноября 1918) стала логичным результатом формирования цивилизации в конце XIX – начале XX вв. Мир к началу XX в. представлял собой монолитную конструкцию, и поэтому война хоть и являлась, в основном, борьбой европейских государств, выработавших два военно-политических объединения, которые противостояли друг другу, в ней были задействованы множество стран и народов, попавших под протекторат основных западных держав.

Как известно, это была одна из самых продолжительных, кровопролитных и значимых по результатам в истории человечества войн. Война длилась более четырех лет. В ней принимало участие более 33 государств из 59 владевших на то время статусом государственной несамостоятельности. Народонаселение сражающихся держав составляло свыше 1,5 млрд чел., то есть 87 % всего населения Земли. В армию было призвано в общей сложности 73,5 млн. чел. Более 10 млн. было убито, и 20 млн. получили ранения. Счет жертв среди мирных жителей, пострадавших от эпидемий, голода, холода и других несчастий военной поры, также идет на десятки миллионов.

В пламени этой борьбы «сгорели» великие монархии Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых. В России за четыре военных года произошли структурные преобразования в экономике, коммуникациях, национальном объединении, в общественной системе. Первая мировая война сообщила нынешнюю конфигурацию национальной проблеме. Война принесла небывалый толчок технической индустриализации. Она при этом вскрыла необыкновенные

для той поры формы потери человеческого облика, на которые оказались способны люди, наперекор всем давним достижениям культуры.

С началом Первой мировой войны были расширены права губернаторов и военных властей в местном управлении. В первую очередь, это коснулось местностей, объявленных на военном положении¹. Все управление губернией переходило к главнокомандующему. Генерал-губернатор в своих руках объединял власть административную, судебную и полицейскую и помимо прочего мог:

- запрещать различные собрания, закрывать промышленные и торговые заведения (на срок чрезвычайного положения), приостанавливать выпуск газет, закрывать учебные заведения (на срок до 1 месяца), высылать отдельных лиц за пределы губернии, снимать с должности чиновников и т. д.;

- за провинности подвергать отдельных лиц тюремному заключению до трех месяцев или штрафу до трех тыс. рублей;

- передавать в военные суды дела по общеуголовным преступлениям, проводить закрытые процессы по обвинениям гражданских лиц;

- окончательно утверждать приговоры военных судов для отдельных категорий подданных.

Кроме того, губернатор и градоначальник получили право не соглашаться на утверждение неудобных лиц при замещении вакансий в земских, судебно-мировых и городских учреждениях. Также были расширены права военных властей. Главнокомандующий и командующий армией могли установить ограничения по передвижению в данной местности, назначить реквизицию, распоряжаться государственным имуществом в целях снабжения армии. Кроме того, они получали чрезвычайные полномочия для охраны общественного порядка и успеха военных действий.

Согласно Уставу 1867 г., во время войны учреждались суды двоякого рода: 1) суды полковые и корпусные при самих войсках, сопутствующие им во всех передвижениях; 2) на путях военных сообщений и в тылу армии – суды этапные (на правах полковых) и суды тыла армии, которые постоянно пребывали в определенной местности. Решение дел без предварительного производства следствий распространялось на все преступления и проступки. Были сокращены процессуальные сроки, упрощалась процедура рассмотрения дел.

Так, вызов свидетелей, находящихся вне места производства суда, был предоставлен на усмотрение суда. Защита была предоставлена самому подсудимому. Главнокомандующему предоставлялось право устранять кассационные жалобы по делам, требующим немедленного исполнения наказания.

Если обратиться к порядку судопроизводства, установленному для военного времени, то он сильно отличался, характеризуясь следующими чертами: во-первых, значительным расширением компетенции военных судов; во-вторых, расширением круга должностных лиц, имевших право проводить дознание и предварительное следствие, а также сокращением сроков производства дел и подачи жалоб на следственные действия. Так, в военное время дознание производили не только воинские начальники, но военная и местная полиция. Следствие могли по поручению командования проводить наряду с военными следователями строевые офицеры или следственные комиссии.

В-третьих, расширялась власть воинских начальников по преданию обвиняемых военному суду. В-четвертых, все сроки по производству были сокращены, а сроки на подачу всех жалоб и протестов, как правило, не превышали суток. В-пятых, широкие права по утверждению приговоров военно-полевых судов были предоставлены командирам соединений и командующему армией, что позволяло им утверждать любые приговоры. Те приговоры, которые в мирное время утверждал государь, в военное время утверждал главнокомандующий армией. На утверждение последнего представлялись также приговоры на осужденных к смертной казни.

В системе судебных органов также произошел ряд изменений. 20 июля 1914 г. был издан Закон, утвердивший новую редакцию Военно-судебного устава – «О суде в военное время». В нем говорилось о том, что в районе военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, военно-судебная власть переходит к полковым, этапным военно-окружным судам и Главному военному суду. С введением чрезвычайного положения учреждались военно-полевые суды, состоящие из офицеров. Дела рассматривались немедленно, в течение суток. Судебное заседание проходило в закрытом режиме, приговор в исполнение приводился не позднее суток с момента его вынесения. Военно-судебные органы были правомочны судить не только военнослужащих, но и гражданских лиц.

К марту 1917 г. общие расходы на войну в России превысили 30 млрд. р. Обесценились деньги, рубль равнялся 27 копейкам. Рост цен превысил 300 %. Сократилось сельскохозяйственное производство. Возросшие продовольственные трудности потребовали введения продразверстки. В промышленности снизился выпуск продукции. За годы войны нарушились международные экономические и рыночные связи – Россия потеряла одного из важнейших торговых партнеров – Германию, на долю которой приходилась почти половина российского импорта.

Резкое ухудшение уровня жизни населения вело к усилению его политической активности. В 1916 г. в забастовках на промышленных предприятиях участвовало более миллиона человек. В сельской местности участились случаи поджогов помещичьих усадеб. Усилились социальные волнения в национальных районах. В армии и на флоте среди нижних чинов ширились антиправительственные и антивоенные настроения.

После Февральской революции была объявлена полная политическая амнистия, провозглашены основные права и свободы граждан, равноправие солдат с гражданами, создание милиции вместо полиции и начало подготовки к выборам в Учредительное собрание. В то же время Россия продолжала участвовать в войне. Министр иностранных дел П.Н. Милюков объявил союзникам, «что позиция и цели России в войне в действительности остались неизменными»². Это заявление вызвало негативную реакцию среди рабочих и солдатских масс.

В период правления Временного правительства судебная система в России включала Правительствующий Сенат, окружные суды, судебные палаты, мировых судей и их съезды. Наиболее важные дела рассматривались в мировых присутствиях³. Был упразднен Верховный уголовный суд и особые присутствия Правительствующего Сената, судебных палат и окружных судов с участием сословных представителей. Было установлено, что при рассмотрении дел в особых присутствиях Сената и судебной палаты о государственных преступлениях и преступлениях по должности сословные представители должны заменяться присяжными заседателями⁴.

В Петрограде и некоторых его уездах (Луге, Ямбурге, Нарве и др.) были образованы временные суды, которые состояли в равном числе из мировых судей, представителей армии и представителей

от рабочих. Согласно Инструкции от 22 марта 1917 г., временным судам были «подсудны преступные деяния, направленные против личной и имущественной безопасности граждан и против общественного порядка и спокойствия, в том числе и посягательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27 февраля сего года частными лицами, в том числе воинскими чинами вне службы»⁵.

Временный суд был вправе назначить виновному одно из следующих наказаний: выговор, замечание, внушение, денежное взыскание не свыше 10 000 р., арест не свыше 3 месяцев, тюремное заключение не свыше одного года и 6 месяцев. Если суд находил, что деяние виновного по важности своей заслуживает более строгого наказания, то он направлял дело в соответствующую более высокую судебную инстанцию.

В области военной юстиции правительство под давлением солдатских масс отменило военно-полевые суды (Закон 13 марта 1917 г.), но уже 17 апреля 1917 г. были учреждены полевые суды в составе 3 офицеров и 3 солдат, которые рассматривали дела в ускоренном порядке. В таком же порядке рассматривались дела в военно-окружных и корпусных судах, «когда обвиняемый захвачен на месте преступления, которое является очевидным, и когда по важности и обстоятельствам дела возникает надобность в безотлагательном его рассмотрении». Такое положение лишало подсудимых элементарных прав на судебную защиту. Если учесть, что в июне 1917 г. была вновь введена смертная казнь, отмененная в марте 1917 г., то из этого следует, что военно-полевые суды фактически продолжали действовать.

30 мая 1917 г. принято постановление об усилении наказания за антивоенные выступления на фронте. В постановлении отмечалось о совершении на фронте как отдельными лицами, группами их, так и целыми частями войск воинских преступлений: неповиновений, самовольного оставления позиций и мест расположения войск, отказа от участия в бою и др. Виновные в этом подлежали преданию суду, ссылке на каторгу и другим наказаниям.

Как известно, либеральные русские юристы ставили под сомнение необходимость существования военных судов с их ангажированностью и особым порядком судопроизводства⁶. Не могла нравиться военная юстиция и нарушителям воинской дисциплины и правопорядка, анархистам и дезертирам. За годы Первой мировой

войны в армию было призвано около 15,6 млн. чел., т. е. около 50 % всех трудоспособных мужчин. Общее политическое, социально-экономическое и военное положение в стране, неудачи на фронтах вызвали резкий рост количества преступлений и иных нарушений в войсках. Значительные потери убитыми, ранеными и больными также негативно сказывались на моральном состоянии войск⁷.

Если к моменту Февральской революции в русской армии было 195 тыс. дезертиров, то к 1 августа 1917 г. их количество возросло до 365 тыс., а к началу Октябрьской революции их насчитывалось около 2 млн. чел. Кроме того, криминализация армейской среды усиливалась ее пополнением бывшими уголовниками, освобожденными в силу широкой амнистии, что не укрепляло воинскую дисциплину и не способствовало боеспособности войск.

Правительство оказалось в сложном положении. С одной стороны, требовалось укрепление правопорядка и усиление борьбы с преступностью в армии. С другой стороны, новое устройство страны обуславливало реформирование и демократизацию как военной службы, так и военных судов. Однако история убедительно свидетельствует о том, что многие популистские решения окончательно подорвали дисциплину в армии, способствовали ее полному разложению, несмотря на последующие жесткие меры⁸.

Так, 12 июля 1917 г. было принято постановление «О введении смертной казни на фронте и об учреждении “военно-революционных судов”». Военно-революционные суды учреждались при дивизиях по распоряжению командира дивизии или высших начальников для рассмотрения дел о важнейших преступлениях (измена, побег к неприятелю, бегство с поля боя, самовольное оставление своего места в бою, сопротивление исполнению боевых приказаний, умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж), «если преступления эти представляются настолько очевидными, что не требуют производства предварительного следствия». В отношении лиц, совершивших эти преступления, устанавливалась смертная казнь. Приговор вступал в законную силу немедленно по объявлении его на суде и безотлагательно приводился в исполнение⁹.

Постановлениями от 6 и 22 мая 1917 г. в стране вводился военный суд присяжных. Сначала он был создан для морских военных судов, а затем и для сухопутных. Судопроизводство с военными заседателями происходило, как и в гражданских судах – в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства. Для избрания

военных заседателей составлялись два списка – офицерский и солдатский. Из их числа в состав суда присяжных избирались по жребию 12 заседателей, причем солдат и офицеров должно было быть поровну. Военные суды присяжных реально действовали с июня 1917 г. и закончили свое существование после Октябрьской революции с принятием декрета СНК «О суде» № 1 от 24 ноября (5 декабря) 1917 г.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие нормативные акты, которые разрабатывало и принимало Временное правительство в военной и военно-судебной сферах, впоследствии были заимствованы Советской властью при подготовке своих законов, что свидетельствует об их универсальности для того времени.

Таким образом, в период Первой мировой войны для военно-судебных органов был установлен особый порядок производства дел. Этот порядок характеризовался значительным ограничением прав обвиняемого и подсудимого, а также сокращением сроков производства дел. Была предусмотрена также возможность распространения данного порядка производства дел не только на войска, но и на местности, объявленные на военном положении. На период военного времени предусматривалось создание этапных судов, полевых военных судов, Полевого главного военного суда, военного суда армии, временных полевых судов и особого Кассационного присутствия.

---

¹ Данные права регламентировались «Положением о полевом управлении войск» и «Правилами о местностях, находящихся на военном положении».

² Пашков Б. Русь, Россия, Российская империя. М., 1997. С. 533.

³ Исаев И.А. История государства и права России. М., 2002. С. 185.

⁴ Кожевников М.В. История советского суда. М., 1948. С. 5–11; История суда и уголовного процесса. М., 2002. С. 86–93.

⁵ История суда и уголовного процесса. С. 92.

⁶ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 435–441; Чельцов-Бебутов М.А. Очерк истории суда, уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. С. 811–812.

⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2001. С. 295–296.

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

**КАЗНОЗАРЯДНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ БУХАРЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПУШКИ
ИЗ ФОНДА ВИМАИВиВС)**

СЕГОДНЯ в артиллерийском фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) содержится множество интересных орудий, изготовленных в Турции, Персии или Средней Азии в середине XIX и начале XX вв. Хотя по сравнению с европейскими или русскими образцами число таких орудий кажется незначительным, следует помнить об их особой ценности. Основное ядро коллекции составляют орудия, изготовленные архаичным, полукустарным способом (в основном – Средняя Азия и Кавказ), а также уникальные по техническому устройству, имеющие для нас большое историческое значение. В собрании представлены трофеи русско-турецких и русско-персидских войн XVIII–XIX вв., времен Гражданской войны (бухарская экспедиция М.В. Фрунзе) и др.

Коллекция ВИМАИВиВС азиатских и кавказских орудий местной выделки по-прежнему остается самой значительной по масштабам в нашей стране и одной из крупнейших в мире. Нигде в России более не представлены столь объемно материально-технические возможности оружейников стран Востока, а также и многочисленные следы влияния европейцев (французов, немцев и англичан) на традиции производства артиллерийских орудий в этих державах.

Ряд пушек, как и аспекты их применения на театре боевых действий, были рассмотрены в цикле статей, выходявших в сборниках международных научно-практических конференций в Военно-

историческом музее в 2009–2013 гг. Еще несколько уникальных орудий и образцов материальной части (лафетов и др.) ждут своей публикации.

Среди последних особенно выделяется уникальная гладкоствольная пушка, изготовленная персидскими мастерами по образцу европейских казнозарядных орудий. В продолжение ряда десятилетий она почти не имела четкой привязки к каким-либо историческим обстоятельствам: в частности, почти ничего не было известно об обстоятельствах появления ее в фонде. В фондовых документах было отмечено лишь наличие данной пушки в фондах музея на 1936 г. и то, что сделана она была, по-видимому, в Персии, на заводе в Тебризе¹. Ни датировки изготовления, ни других достоверных данных о поступлении образца в музей в документации не указано. (Рис. 1).

Первоначальный осмотр позволил дать следующее описание этого уникального образца.

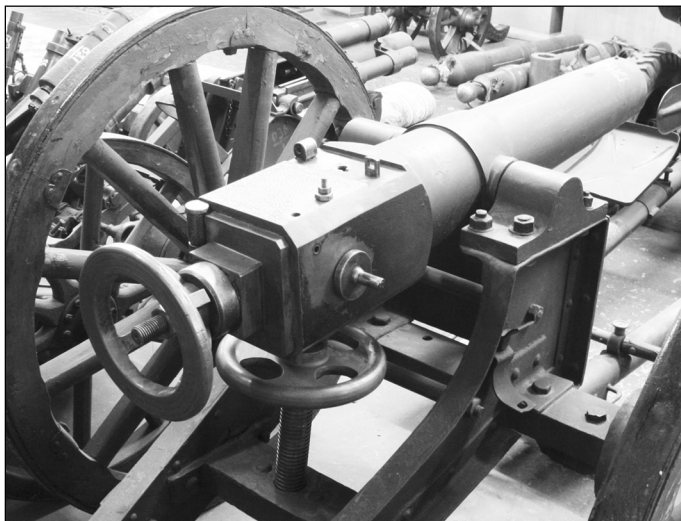
Пушка персидская 2-фун. (65-мм). Инв. № 02/25.

Рис. 1. 2-фун. (65-мм) бухарская пушка (инв. № 02/25), вид спереди

Ствол бронзовый, без нарезов, казнозарядный. Имеет мушку близ дульного среза. Цапфы – по центру, ближе к казенной части; имеют заплечики. Цапфы расположены на широком кольцевом поясе (утолщении) на стволе. На казенной части орудия – технические отверстия для прицела.

Замок орудия сист. Варендорфа. (Рис. 2). Поворотная рукоятка справа, по-видимому, утрачена.

Рис. 2. Казенная часть. Виден замок конструкции Варендорфа

Лафет целиком железный, состоящий из двух параллельных станин, скрепленных заклепками и винтами. На правой станине сбоку – кольцо для крепления принадлежности. Имеется также подъемный винтовой механизм. Поворотный винт – бронзовый, кольцевидной формы. Колеса орудия деревянные, с железной ошиновкой. Длина ствола (полная): 140 см; масса: около 200 кг.

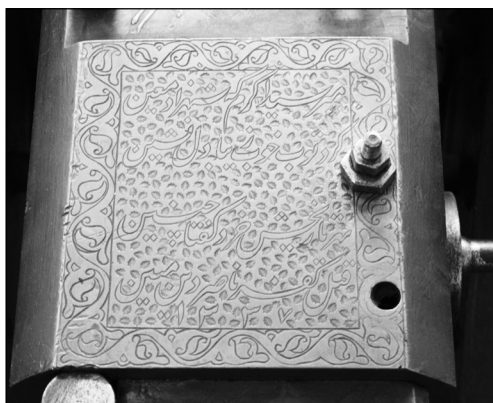
По типологии замка орудие относится к концу 60-х – началу 80-х гг. XIX столетия. Но при этом оно гладкоствольное и имеет в себе черты всех восточных (турецких, персидских и др.) пушек – а именно, украшения на стволе и различные надписи на стволе и лафете.

Первоначальный осмотр также показал, что орудие изготовлено в 1338 г. хиджры, что соответствует 1918/1919 г. по лунной хиджре

и 1958/1959 г. по солнечной. Подобная датировка орудия, как и явное указание на персидское происхождение надписей, заставляли предположить, что орудие изготовлено при содействии европейских специалистов для войск персидского правителя Мохаммад Али-шаха и его сына Султан Ахмад-шаха² и было потом захвачено Красной армией. А это могло случиться лишь в незначительный временной промежуток, когда в Иране велась борьба за установление Гилянкой Советской Республики (1920–1921).

Это могло означать, что орудие в тот период принадлежало отрядам местных исламских формирований, боровшимся как с центральным правительством (обвиненном ими в пособничестве «неверным»), так и с отрядами ИКП (Иранской коммунистической партии), а сама пушка является единственной материальной реликвией и трофеем тех отдаленных событий и потому имеет колоссальную для нас ценность.

Однако надписи оставались без перевода, и потому делать какие-либо выводы было преждевременно. В документации на пушку об этих надписях нет ни слова. Когда обе они были переведены с привлечением высококвалифицированных лингвистов, результат оказался весьма неожиданным: пушка не имеет никакого отношения ни к указанным событиям в Персии, ни к арсеналу в Тебризе.

Рис. 3. Большая надпись (гравировка) на казенной части

Надпись побольше (рис. 3) на персидском языке представляет собой рифмованное четверостишие:

میر سید اکرم که شهزاد معین
کرد توپ خوب زیبا دل نشین
هر تاریخش خرد گفتا چنین
قتل کفر ناصر دین مبین
۱۳۳۸

В дословном переводе это означает:

*Мир Сайид Акрам, который [является] помощником царевича,
Создал [это] орудие прекрасное, красивое, прелестное.*

*Каждый случай произнесения им мудрости следующий –
Убиение неверия помощником истинной веры.*

1338 год хиджры = 1918/1919 г.

Надпись поменьше (краской) – спереди на лафете – явно взята из Корана. Она написана на арабском, и в ней дословно сказано следующее: «Уповайте на Аллаха». Такую надпись могли оставить когда угодно и кто угодно – не только персы, но и афганцы, и басмачи.

Кроме того, был получен альтернативный вариант перевода (вопрос, насколько более точный)³:

Mir Säyyid Äkräm ke shähzad-e mo'in

Мир Сейид Акрам, который определен как принц

Kärd tup-e khub-e ziba-(y)e delneshin

Сделал пушку хорошую, красивую, успокаивающую сердце

Nähr-e yarbäkhsh-e khord gofta chunin

Мелющую (врагов), дарящую друзей, малую, так сказано

Qätl-e käfr naser-e din-e mobin

Уничтожение неверия – ясное свидетельство веры

1337

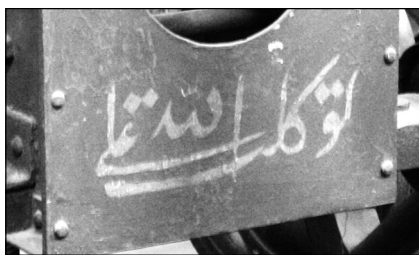
1337 г. (1918–1919 по лунной хиджре или 1958–1959 по солнечной)

Короткая надпись – арабская, из Корана (рис. 4):

Tawakkalat 'ilā Allāh

Положитесь на Аллаха

Вполне возможно, речь идет о Сеид Акраме⁴ (рис. 5), сыне бухарского эмира Музафара⁵ и тесте последнего бухарского эмира, Алимхана⁶ (дата его смерти не была установлена, но теоретически вполне мог дожить до 1919 г.). Поэтому целый ряд предварительных выводов о происхождении надписей и самого орудия были пересмотрены.

Рис. 4. Надпись на лафете белой краской: «Пологайтесь на Аллаха»

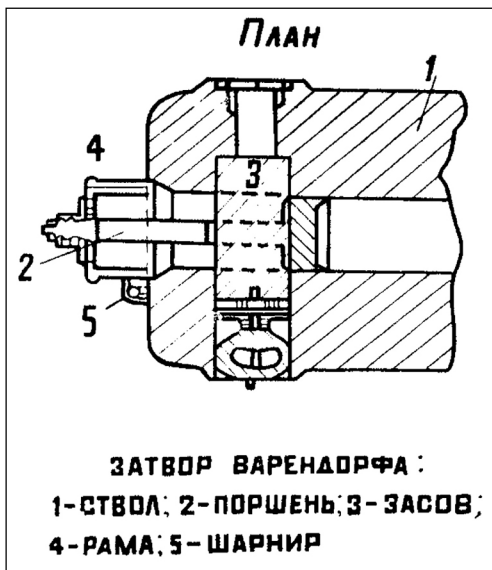

Рис. 5. Упомянутый в большой надписи Сейид Мир-Акрам-хан

установленного типа полевых орудия фирмы Круппа и 8 шт. митральез, частью неисправных⁷.

Однако следует отметить, что замки конструкции Варендорфа (рис. 6), нехарактерные для британской полевой артиллерии, использовались в 6-фунтовых орудиях фирмы Круппа ранних моделей и применялись в армии Пруссии вплоть до Австро-Прусской войны 1866 г. Какое-то их количество, по замене на более современные образцы, продавалось в разные страны «третьего мира»

Замеры винтов, заклепок и прочих деталей лафета, подъемного механизма и другие показали, что они выполнены в метрической системе, а не в дюймовой, что дополнительно подтверждает бухарскую, а не персидскую версию. Артиллерийское производство в Тебризе было налажено англичанами еще в XIX в., поэтому и орудия изготавливались в дюймовой системе. При этом источники отмечают, что тамошние орудия очень скверного качества, и к началу XX в. Персия располагала 122 орудиями, заряжаемыми с казны, самых разных, в том числе устаревших, конструкций. Из современных орудий присутствовали лишь 3 не-

Рис. 6. Схема замка сист. Варендорфа

и, значит, в принципе, могло быть на складах в той же Персии. Напротив, в Великобритании и ее колониальных войсках артсистем с замком Варендорфа никогда не было, так что британское влияние в данном случае исключается. Но через Персию орудия с таким типом замка (комплектные или нет) могли бы попасть в Бухару начиная с 1900 г.

Напротив, для России этот тип артиллерийского замка не являлся новостью уже с 1858 г., когда первые 20 шт. гладкоствольных казнозарядных пушек этой системы (30-фун.) были закуплены в Швеции и впоследствии переточены под нарезку систем Армстронга и, частью, Круппа. Кроме того, очевидно, что русские офицеры артиллеристы весьма хорошо знали эту систему в принципе. Поэтому наиболее вероятный путь появления этой редкой (по-видимому, вообще – единственной!) пушки такого типа в армии Бухары – это все-таки «русский след».

Рис. 7. Генерал-лейтенант К.В. Церпицкий – основатель артиллерийского производства в Бухарском ханстве (фотография начала XX в.)

В одной из предыдущих работ, посвященных развитию артиллерии в Бухаре⁸, уже рассказывалось о миссии в Бухаре ряда русских военспецов во главе с К.В. Церпицким (рис. 7) и организации производства орудий для войск эмира. Кроме того, освещались попытки копирования местными мастерами горных орудий системы 1883 г., подаренных лично эмиру императором Николаем II⁹. Как раз во время этого сотрудничества, уже в начале 1900-х гг. первые полевые орудия данного типа могли появиться в том или ином виде в армии Бухары.

Артиллерийские замки сист. Варендорфа не прижились в русской артиллерии и не применялись в конструкции полевых орудий. Но зарубежные образцы или их детали, попавшие на склады артиллерийского управления, могли,

очевидно, передаваться войскам эмира вместо того, чтобы пойти на утилизацию. А в годы Первой мировой войны и в связи с крахом Российской империи нужда в новых артиллерийских орудиях побудила бухарцев использовать их для изготовления новых артиллерийских систем чисто местного производства.

Персидский язык большой надписи (на казенной части орудия) говорит лишь о том, что вообще в Бухаре при мангытской династии он был весьма популярен у образованной части общества: на нем писали поэмы и говорили между собой. Отчасти, это не исключает привлечения персидских специалистов и инженеров в Бухарском ханстве с крахом российского протектората в связи с событиями Первой мировой войны и с началом войны Гражданской. Но в любом случае указанное орудие является уникальным памятником артиллерийского производства стран Средней Азии и представляет собой замечательную реликвию тяжелых и вместе с тем интересных событий начала прошлого века.

---

¹ Еще два арсенала находились в Тегеране и Исфахане. – См.: Гребнер А. Осады и штурмы средне-азиатских крепостей и населенных пунктов. СПб., 1897. С. 189.

² Мухаммад Али-шах (1872–1924) – сын Музафереддин-шаха, валиахд (1896–1907), шаханшах (1907–1909); Султан Ахмад-шах (1897–1930) – сын Мухаммад Али-шаха, валиахд (1907–1909), шаханшах (1909–1925), с 1925 г. – в изгнании.

³ Перевел надписи Павел Борисович Лурье, кандидат филологических наук, заведующий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма в отделе Востока Государственного Эрмитажа.

⁴ Сейид Мир-Акрам-хан был единственным из сыновей Музаффара, не лишившимся своего поста после воцарения Абд ал-Ахада (Сейид Абд ал-Ахад Бахадур-хан, эмир бухарский, правил в 1885–1910). Назначенный еще при Музаффаре беком Гузара, он оставался на этом посту как минимум до 1908 г. О благосклонности эмира к этому брату говорит и тот факт, что одна из дочерей Абд ал-Ахада была замужем за племянником сына Мир-Акрам-хана.

⁵ Мир-Музаффар ад-Дин Бахадур-хан, эмир бухарский (правил в 1860–1885).

⁶ Сейид Мир Мухаммед Алим-хан, эмир бухарский (правил в 1910–1920, до захвата Бухары частями Красной армии 2 сент. 1920).

⁷ Гребнер А.С. 189.

⁸ Громов А.В. Казнозарядная артиллерия Бухары в 1880–1890 годах (К вопросу об атрибуции двух орудий из фонда ВИМАИВиВС) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. 3-я Международная научно-практическая конференция 16–18 мая 2012 г. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 298–305.

⁹ Там же. С. 303–304.

Д.Г. Гужва (Москва)

ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ русской армии в годы Первой мировой войны являлось одним из основных орудий в вооруженной борьбе. Российская империя вступила в войну достаточно подготовленной в вопросах нормативно-правовой базы по деятельности военных корреспондентов в действующей армии. Это стало возможно благодаря учтенному опыту информационного обеспечения в предыдущих войнах (Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской 1904–1905 гг.); заранее подготовленной законодательной базе в области печати («Положение о военных корреспондентах в военное время»¹, «Временное положение о военной цензуре»² и неоднократно дорабатывавшиеся с учетом изменения обстановки «Перечни сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещалось»³), а также постоянному контролю со стороны правительства, которое, несмотря на неоднократную смену политических курсов в государстве, не пускало на самотек вопросы регулирования деятельности прессы как важного информационного и пропагандистского средства.

В основном в своей деятельности журналисты руководствовались «Временным положением о военной цензуре»⁴, утвержденным Николаем II на следующий день после начала войны. За основу данного нормативно-правового акта был взят проект «Положения о военной цензуре», разработанный Главным управлением Генерального штаба (ГУ ГШ) еще осенью 1909 г.⁵

---

* Статья приводится в авторской редакции.

«Временное положение о военной цензуре» регламентировало все аспекты жизнедеятельности прессы и журналистов. Согласно «Положению», министру внутренних дел предоставлялось право запрещать при объявлении мобилизации во время войны сообщение сведений, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, а также сооружений, предназначенных для военной обороны страны. Виновные в разглашении этих сведений могли подвергаться тюремному заключению. Такое же наказание должны были нести виновные в возбуждении акций к прекращению войны. Главнокомандующему или командующему отдельной армией разрешалось в случае необходимости для успеха ведения войны запрещать собственной властью в подчиненной им местности выпуск периодических изданий.

Применение на практике «Временного положения о военной цензуре» вскоре вскрыло ряд недостатков в организации цензуры. Во-первых, несовершенство ее обуславливалось существенным различием в отношении цензуры к печати в тех местностях, где она была введена в полном объеме – на театре военных действий, и в частичном – вне театра военных действий. Во-вторых, самой спорной в «Положении» (касаемо деятельности журналистов) была ст. 31, согласно которой военным цензорам всех степеней предоставлялось право «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства»⁶. Исходя из такой постановки вопроса военный цензор, по личному усмотрению, мог допустить или не допустить материал к опубликованию, либо допустить его в печать частично, вымарывая подозрительные, по его мнению, места. В результате такой «правки» публикация нередко теряла свой первоначальный смысл и была непонятна читателю. В итоге в ситуацию пришлось вмешаться высшему командованию русской армии. В августе 1915 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-лейтенант А.А. Гулевич обратил внимание военных цензоров на злоупотребление ими ст. 31 «Временного положения о военной цензуре»⁷.

Также одним из основных документов по организации деятельности журналистов в годы войны было «Положение о военных корреспондентах в военное время»⁸, разработанное ГУ ГШ в 1912 г. с учетом опыта Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской

1904–1905 гг. войн. Согласно Положению, «военным корреспондентом на театре военных действий считалось лицо, особо уполномоченное редакцией издания или телеграфным агентством для сообщения сведений с театра войны и утвержденное в этом звании начальником Генерального штаба»⁹. Особо подчеркивалось, что кроме утвержденных начальником Генштаба военных корреспондентов ни одно лицо не имело права посылать с театра войны какие-либо сведения, предназначенные для печати. В армию предусматривался допуск 20 (в том числе 10 иностранных) корреспондентов. Военным корреспондентам разрешалось пользоваться фотоаппаратами. Кроме корреспондентов на театр военных действий допускались три русских военных фотографа (из профессионалов), утверждаемых в этом звании также начальником Генштаба. Военным фотографам запрещалась подготовка текстовых публикаций, им разрешалось лишь помещать под иллюстрациями краткие подписи.

Военные корреспонденты и фотографы утверждались в этих званиях после того, как давали подписку, что они обязуются беспрекословно подчиняться всем требованиям «Положения», а также соответствующим взысканиям в случае нарушения этих требований. Утвержденные в своем звании военные корреспонденты и фотографы получали от ГУ ГШ специальные удостоверения и нарукавные повязки. Ношение последних было обязательно в тех районах, в которых действовало «Положение о полевом управлении войск». Список военных корреспондентов и военных фотографов опубликовывался ГУ ГШ для всеобщего сведения и сообщался начальнику штаба главнокомандующего (начальнику штаба отдельной армии) для отдания его в приказе. В списке указывались: фамилия, имя, отчество военного корреспондента (фотографа); номер его нарукавной повязки, соответствующий тому номеру, за которым военный корреспондент (фотограф) занесен в список ГУ ГШ; представителем какого издания (агентства) он является (если издание иностранное, то также название страны, в которой выходит издание); время отправления корреспондента (фотографа) на фронт, а также к кому он должен явиться по прибытии. Обязательным условием для военного корреспондента было, чтобы он являлся подданным государства, представителем которого он был. Военным фотографом мог быть только российский подданный.

Лица, желавшие быть утвержденными в звании военных корреспондентов, подавали в ГУ ГШ прошение на имя начальника

Генерального штаба. К прошению прикладывались: удостоверение редакции (агентства) о том, что соискатель действительно уполномочен на это редакцией; документ, удостоверяющий личность; три фотографические карточки с собственноручной подписью просителя, надлежащим образом засвидетельствованные; свидетельство о благонадежности для российских подданных, а для иностранных – рекомендация нашего дипломатического представителя и военного агента в соответствующем государстве; денежный залог в размере: для русских военных корреспондентов – 25 000 р., для иностранных корреспондентов – 75 000 франков, а для военного фотографа – 10 000 р.¹⁰

В случае утверждения просителя в звании военного корреспондента представленный им залог хранился в ГУ ГШ для удержания из него штрафов, если таковые будут наложены. В случае же отказа залог возвращался просителю вместе с остальными документами. Также требовалось представить нотариальное обязательство редакции (агентства) в том, что в случае уменьшения залога, вследствие удержания из него штрафных сумм, до половины первоначального размера редакция немедленно доводит залоговую сумму до установленной нормы.

Согласно «Положению», на фронте военные корреспонденты и военные фотографы находились в ведении начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего, к которому они обязаны были явиться немедленно по прибытии в действующую армию. Из документов военному корреспонденту возвращались: удостоверение ГУ ГШ об утверждении военного корреспондента и военного фотографа, документ, удостоверяющий личность, и одна фотографическая карточка, засвидетельствованная начальником военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Все эти документы должны были постоянно находиться при военном корреспонденте и немедленно предъявляться им для проверки по первому требованию военного начальства. Приступить к работе военный корреспондент и военный фотограф могли лишь после разрешения на это начальника военно-цензурного управления при штабе главнокомандующего. Для личных нужд журналист мог иметь прислугу, но не более одного человека. Как ему, так и прислуге запрещалась отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего.

Военный корреспондент или фотограф, допущенный на театр военных действий, мог сложить с себя звание военного корреспондента

(фотографа) лишь по ходатайству перед начальником штаба главнокомандующего. Отказавшегося от звания военного корреспондента или фотографа немедленно высылали из действующей армии, причем до перехода им границ театра военных действий он должен был выполнять правила «Положения».

Военные корреспонденты осведомлялись о ходе дел у начальника военно-цензурного отделения. Вся корреспонденция, предназначенная к отправке с театра войны для печати, представлялась предварительно на цензуру в двух экземплярах, один из которых оставался в военно-цензурном отделении. Иностранные военные корреспонденты должны были представлять свои материалы исключительно на французском, немецком или английском языках. Корреспонденции на иных языках не пропускались. Все иллюстрации представлялись также в двух экземплярах. Каждая из них должна была иметь подпись.

Что касается наказаний, налагаемых за нарушение правил военной цензуры, то кроме общих наказаний в «Положении» предусматривались особые взыскания за нарушение требований, предъявляемых к военным корреспондентам (фотографам) при работе на фронте. Военный корреспондент (фотограф), замеченный без нарукавной повязки, подвергался штрафу: в первый раз в размере от 25 до 100 р., во второй раз – от 100 до 300 р., в третий и последующие разы – 500 р. Если журналист (фотограф) отправил без предварительного представления начальнику военно-цензурного отделения корреспонденцию или иллюстрацию, предназначенную для печати или не предназначенную, но затем напечатанную, он подвергался за это: в первый раз штрафу 3000 р., во второй раз – лишению звания военного корреспондента (фотографа)¹¹. В случае, если военный корреспондент (фотограф) отлучался без соответствующего разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего, пробыл в отлучке не более трех суток и затем возвращался в район расположения штаба, он подвергался за это: в первый раз штрафу от 3000 до 5000 р., во второй – от 5000 до 10 000 р. и в третий раз – лишился звания военного корреспондента (фотографа)¹².

Военный корреспондент (фотограф), отлучившийся без соответствующего на то разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего и пробывший в отлучке более трех суток или же совсем не

явившийся обратно, подвергался за это лишению звания военного корреспондента (фотографа) и сверх того: 1) если во время отлучки он пребывал в местностях, на какие распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», – заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от шести месяцев до одного года; 2) если он пребывал во время отлучки вне местности, на которую распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от трех до шести месяцев¹³. Взыскания за нарушение требований военной цензуры, а также взыскания, перечисленные в «Положении», за исключением наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом, налагались на военного корреспондента (фотографа) в административном порядке властью начальника штаба главнокомандующего по представлению начальника военно-цензурного отделения. Административные взыскания, наложенные на военных корреспондентов и фотографов, обжалованию не подлежали.

О каждом взыскании, наложенном на военного корреспондента (фотографа), связанном с денежным штрафом, сообщалось в ГУ ГШ для удержания соответствующей суммы из залога виновного. Штрафные суммы вносились в доход государства. Лишение звания военного корреспондента (фотографа) было связано с последующей высылкой в одну из внутренних губерний России, где он помещался под гласный надзор полиции до прекращения боевых действий. Свой залог или оставшуюся его часть военные корреспонденты (фотографы) получали лично в ГУ ГШ после прекращения действия военной цензуры. Однако, несмотря на столь строгие условия, желающих получить звание «военных корреспондентов» находилось немало, но вот удавалось это далеко не всем. Отказывали даже известным публицистам.

Еще в начале войны в сообщении от Военного министерства говорилось, что осведомление населения о ходе ведения боевых действий будет вестись в пределах возможного, и «общество должно мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые ему будут сообщаться»¹⁴. Кроме того, в первый же день вступления в должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич указал в телеграмме начальникам военных округов, что «корреспонденты в армию допущены не будут»¹⁵. 7 (20) сентября 1914 г. в приказе войскам 1-й армии за подписью командующего армией генерала от кавалерии

фон П.К. Ренненкампа было объявлено, что в некоторых газетах появляются телеграммы и заметки под рубрикой: «От собственных корреспондентов из действующей армии». Ввиду того, что корреспонденты в действующую армию не допущены, появление в печати корреспонденций из армии недопустимо¹⁶.

В качестве сравнения вполне уместно будет привести мнение главного противника России в этой войне, высказанного начальником немецкого генерального штаба генерал-полковником Х. Мольтке, заявившим 2 августа 1914 г., что «печать является неизбежным средством войны» и давшим указание о необходимости тесной связи между верховным командованием и печатью – уже на следующий день состоялось первое собеседование офицеров немецкого генерального штаба с представителями печати¹⁷. Данную точку зрения полностью разделял подполковник Н. Николаи, на протяжении всей войны руководивший управлением печати верховного командования. «Печать представляет собой силу, – говорил Н. Николаи, – и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства»¹⁸.

Лишь в конце сентября 1914 г., ввиду появления в русской печати публикаций и сообщений под рубрикой «От собственных корреспондентов из действующей армии», содержание и факты которых подвергались сомнению ввиду отсутствия репортеров на передовой, позиция русского командования по отношению к печати изменилась. Великий князь Николай Николаевич (младший) потребовал: «...во всех штабах корпусов и отдельно действующих отрядов назначить особых офицеров, которым был бы поручен сбор соответственных материалов в целях официального или неофициального помещения этих данных в печати»¹⁹. Тогда же было принято решение о допуске в действующую армию 7 иностранных и 3 русских корреспондентов²⁰, в связи с чем, в срочном порядке, были разработаны новые «Правила для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию», утвержденные в конце сентября начальником штаба Верховного главнокомандования (ВГК)²¹. Необходимо отметить, что данные правила касались лишь тех корреспондентов, кто временно был допущен в действующую армию, и об этой категории журналистов ничего не говорилось в «Положении о военных корреспондентах в военное время». Репортерам было разрешено посещать лишь определенные районы, перемещаться по заранее

утвержденному маршруту и только в сопровождении офицера Генерального штаба.

В первую группу корреспондентов, которая находилась в действующей армии в течение двух недель, были включены С.Ф. Вельский, Н.И. Кравченко, В.И. Немирович-Данченко, К.Н. Соломонов (Шумский), С.Н. Сыромятников, А.М. Федоров, японский журналист К. Оба, англичане Роберт Вильтон, Бернард Перс, Мьюз, американец Стенли Вашбурн, француз Людовик Нодо, а также корреспондент «Русского инвалида» поручик В.В. Даманский. Некоторые журналисты, получив аккредитации, но охваченные всеобщим патриотическим подъемом, ехали на фронт солдатами и офицерами. Среди них были А. Куприн, Н. Гумилев, С. Есенин, А. Серафимович, Б. Савинков, А. Толстой, А. Блок и др. Также издания стремились расширить сеть своих военных корреспондентов путем привлечения к сотрудничеству офицеров из действующей армии²².

Особым вниманием Ставки пользовались корреспонденты нейтральных государств, так как их благоприятные отзывы и сообщения о русской армии оказывали непосредственное влияние на общественное мнение представляемых ими стран. Ценность данного фактора в достаточной мере учитывалась военным командованием русской армии, поэтому на распространение за границей нужных Ставке сведений обращалось соответствующее внимание.

Основными задачами военных корреспондентов в рассматриваемый период были: пропаганда мужества и героизма русских солдат и офицеров; культивация мнения о необходимости ведения войны до победоносного окончания; показ связи фронта и тыла; воспитание у военнослужащих чувства ненависти и нетерпимости к врагу, через демонстрацию его антигуманных поступков по отношению к военнопленным и мирному населению на оккупированной территории, а также применение противником запрещенных средств ведения войны; публикация материалов, касающихся успехов коалиционных войск, их передового опыта, вооружения и военной техники.

Через пятнадцать месяцев войны, с целью упорядочения работы с журналистами, было принято решение об образовании при Ставке специального органа – Бюро печати. Дело в том, что к осени 1915 г. целым рядом условий печать была поставлена в такое положение, при котором совершенно не имела возможности удовлетворять

запросы общества ввиду крайней скудности, туманности и неверности даваемых ею сведений о ходе военных действий. Главную причину такого положения генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант М.С. Пустовойтенко видел в отсутствии «какой бы то ни было связи между печатью и единственным компетентным для нее органом – штабом ВГК»²³. Пустовойтенко был твердо убежден, что для развития и поддержания интереса к войне в обществе необходимо принять меры к тому, чтобы печать не оставалась в этих целях неиспользованной. В результате, не имея возможности получить достоверную информацию о положении на фронте, прямо писать о коренных политических и социальных проблемах, журналисты обращались к жанру «картинок», который стал особенно популярен в период войны²⁴.

Будучи органом Ставки, главную задачу Бюро, безусловно, видело в обмене информацией в интересах военного командования. В своих мемуарах М.К. Лемке так сформулировал принципы, которыми руководствовались офицеры Бюро при сообщении той или иной информации корреспондентам: «Начатая нами и не законченная операция по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана; всякий наш успех должен быть сообщен вполне; всякий наш неуспех в отражении удара – только в общих, неясных выражениях; наши потери, неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; когда мы бьем немцев – писать “германцев”, а если австрийцев – “противника”; фамилии нашего командного состава и название частей не упоминать; взятых нами пленных подсчитывать почаще, на разные даты, чтобы создать иллюзию более значительного успеха; результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием»²⁵.

Создание Бюро печати, где находились корреспонденты ведущих изданий и агентств, должно было ускорить информирование общественности о боевых действиях. Однако, как показала практика, из-за отсутствия в штате профессиональных сотрудников, способных грамотно работать с прибывшими репортерами и снабжать их необходимой информацией, деятельность Бюро была малоэффективной. Уже в скором времени в газетах, в том числе и военных, стали появляться секретные сведения, которые допускать к печати не имели права. Причем давали их люди как раз и поставленные за этим следить²⁶.

К сожалению, эта проблема до конца войны так и не нашла своего положительного решения. Об этом открыто заявил второй генерал-квартирмейстер штаба ВГК генерал-майор С.Л. Марков на состоявшемся в мае 1917 г. совещании редакторов военных газет. В частности, в докладе отмечалось, что «до настоящего времени армейская газета существует случайно, работников почти нет, печатается она из милости. Руководители – лица, оторванные от другого дела, редко сведущие и опытные»²⁷. Марков констатировал, что необходима полная реорганизация печатного дела в армии, и лишь при создании особых редакций газет возможна борьба армейской печати с разрушительной пропагандой крайних течений, только при этих условиях армейские газеты смогут печататься как в большем количестве, так и в большем объеме²⁸.

Мнение генерал-майора С.Л. Маркова полностью разделял Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А.И. Деникин. Он отмечал, что в армии была военная печать, но она имела характер чисто военных бюллетеней. Со времени революции эти издания своими слабыми литературными силами честно, но неталантливо вели борьбу за сохранение армии. Встречая равнодушие и озлобление со стороны солдат, уже отвернувшихся от офицерства, «они начали мало-помалу хиреть и замирать, пока, наконец, в начале августа приказом Керенского не были закрыты вовсе»²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что Российская империя вступила в Первую мировую войну достаточно подготовленной в вопросах информационного обеспечения благодаря учтенному опыту в этой сфере в предыдущих войнах и заранее подготовленной законодательной базе в области деятельности военных корреспондентов в действующей армии. Однако, отсутствие на местах лиц, способных на профессиональной основе организовать работу с прибывающими репортерами, а иногда и откровенное игнорирование и нежелание оказывать им всемерную помощь, сводило на нет усилия командования русской армии в деле четкого взаимодействия между Ставкой и журналистами, и как следствие – появление искаженной, а иногда и прямо противоречивой информации на страницах газет и журналов.

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84.

- ² Собрание Указаний и распоряжений правительства. СПб., 1914. № 192. Ст. 2057.
- ³ Там же. № 26. Ст. 296; № 191. Ст. 2056; № 203. Ст. 2079; 1915. № 220. Ст. 1710.
- ⁴ Там же. 1914. № 192. Ст. 2057.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 1.
- ⁶ Собрание Указаний и распоряжений правительства. № 192. Ст. 2057.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Л. 656–657.
- ⁸ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84.
- ⁹ Там же. Л. 78.
- ¹⁰ Там же. Л. 82.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Русский инвалид. 1914. № 159.
- ¹⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 133.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 6.
- ¹⁷ Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л., 1926. С. 17.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 135.
- ²⁰ Потапов Н.М. Указ. соч. С. 43.
- ²¹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 136–137.
- ²² Волковский Н.Л. История информационных войн: В 2 ч. СПб., 2003. Ч. 2. С. 20–21.
- ²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 1.
- ²⁴ Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 48–49.
- ²⁵ Лемке М.К. Указ. соч. С. 50–51.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1492. Л. 235.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 286.

С.В. Гуров (Тула)

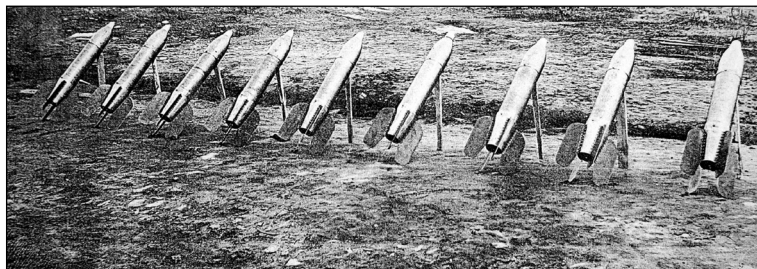
РАЗВИТИЕ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ В 30-х–40-х ГОДАХ XX ВЕКА

ВЫБОР ТЕМЫ СТАТЬИ определен возможностью опубликовать результаты проведенного автором исследования по изучению, в основном, архивных данных и специализированных изданий по вопросу развития реактивной артиллерии в России в 30-х–40-х гг. XX в. Более общая информация по развитию реактивной артиллерии в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны опубликована на сайте «Ракетная техника»¹.

Работы в области обеспечения залпового огня в довоенный период

Специалистами Газодинамической лаборатории² в 1933 г., а в 1936–1938 гг. военными специалистами проводились работы по обеспечению залпового огня за счет применения спусковых приспособлений (спусковых станков, штыревых пусковых устройств, пусковых станков-штырей, пусковых штырей), на которые укладывались снаряды. Предлагаемые в разные годы спусковые станки предназначались для обеспечения пуска химических ракетных снарядов калибров 132, 203, 245 мм³ (рис. 1⁴). Они устанавливались на близком расстоянии друг от друга, как это было в практике установки ракетных станков ракетчиками, по крайней мере, в середине XIX в.⁵ Данные о принятии на вооружение не установлены.

К середине 30-х гг. в результате научно-технического прогресса сформировалась идеология использования механизированных средств для оснащения их ракетными установками, возможно и не для залпового пуска ракет, что подтверждается рядом архивных и неархивных источников⁶.

Рис. 1. Пусковые станки со снарядами калибра 132 мм (опытные)

В середине 30-х гг. начинаются работы по практической реализации этой идеологии⁷.

В 1938 г. сотрудники НИИ № 3 по заказу Артиллерийского управления (АУ) проводили работы по объекту № 138 – орудию (по другим данным – станку) для пуска 132-мм химических снарядов «при групповой стрельбе (одновременный огонь из 6–12 станков) с целью организации огневого химического воздействия», которые были выполнены полностью. Первоначальная задача – изготовление нескорострельных станков (типа трубы). Был изготовлен один станок, не отвечавший предъявляемым требованиям стрельбы. После этого, сверх плана, на основании дополнительного соглашения с АУ были изготовлены две механизированные установки на автомашинах, значительно большей сложности, подвергшиеся заводским (Софринский артиллерийский полигон) и полигонным (Центральный военно-химический полигон Рабоче-крестьянской Красной армии (Ц.В.Х.П. Р.К.К.А.) или ПЗХП) испытаниям⁸ (рис. 2⁹).

Испытания ракетной установки на двухосном шасси ЗИС-5 конструкции НИИ-3, чертежа № 199910 для пуска 132-мм ракет проводились в период с 8 декабря 1938 г. по 4 февраля 1939 г. Опыты с ракетными химическими снарядами, снаряженными HCN (синильной кислотой), проводились на собаках. Анализ выводов отчета позволил сделать вывод, что испытанная установка не была окончательно доработана как с технической, так и с эксплуатационной точек зрения¹⁰. Она не была принята на вооружение, но ее можно считать прототипом второго варианта установки¹¹.

Работы по совершенствованию установки и другим образцам многозарядных установок были выполнены частично и велись в направлениях, которые были в дальнейшем реализованы во вновь

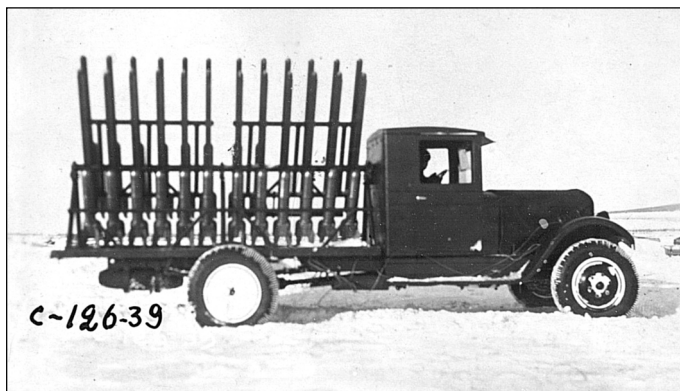

Рис. 2. Механизированная установка (1938) (опытная)

разрабатываемых образцах. Это следующие направления: использование установки одного типа для пуска ракетных снарядов различных калибров; увеличение мощности залпа установки за счет увеличения калибра снарядов или создания новой установки для пуска снарядов большего калибра; рассмотрение возможности использования прицепа в качестве ходовой базы установок; расширение сферы применения механизированных установок за счет увеличения номенклатуры боеприпасов; возможность пуска снарядов в залповой последовательности или очередями; использование многозарядного станка (станков, установок) для ведения залпового огня в интересах Военно-морского флота (именно в эти годы, а не во время Великой Отечественной войны, как считалось ранее)¹².

В 1939 г. в НИИ № 3 были разработаны два варианта экспериментальных установок на доработанных шасси трехосных грузовых автомобилей ЗИС-6 для пуска 24 и 16 неуправляемых реактивных снарядов калибра 132 мм. Установка II образца (чертежа 02У-002) отличалась от установки I образца (чертежа 02У-001) продольным расположением направляющих. В ходе проведения работ были повышены тактико-технические требования (ТТТ), выдвинутые заказчиком, в отношении времени перезарядки установки до 10 минут, вместо требовавшихся 15–20 минут¹³ (рис. 3¹⁴, 4¹⁵).

В период с 28 сентября по 9 ноября 1939 г. были проведены испытания 132-мм и 203-мм химических, 132-мм осколочно-фугасных ракетных снарядов, а также автоустановок для их пуска. В части

**Рис. 3. Установка I образца (чертежа 02У-001) (1939)
на полигоне (опытная)**

снарядов калибра 132 мм (снаряды калибра не предназначались для залповой стрельбы) целями испытания были: проверка дальности и кучности 132-мм химических, 132-мм осколочно-фугасных с оценкой автоустановки для пуска 132-мм ракетных снарядов, а также

**Рис. 4. Установка II образца (чертежа 02У-002) (1939)
на полигоне (опытная)**

проверка осколочного и фугасного действия 132-мм осколочно-фугасных ракетных снарядов¹⁶. Испытывались 132-мм осколочные снаряды чертежей 126200 и 126300. Ракетные снаряды чертежа 126200 имели длинную головку по сравнению с ракетными снарядами чертежа 126300. Некоторая часть снарядов упомянутых чертежей имела надрезы на корпусе головной части, которые, наиболее вероятно, наносились с целью обеспечения оптимального образования осколков и повышения их воздействия на цели. Заряд, воспламенитель и ракетная часть были одни и те же для снарядов двух чертежей. Эта идея – использование единой ракетной части для снарядов – нашла свое отражение на всех этапах развития реактивной артиллерии как в теории¹⁷, так и на практике¹⁸.

В заключении по испытаниям было указано следующее: «Автоустановка I-го варианта (на 24 выстрела в залпе) для стрельбы 132-мм ракетными снарядами, как показавшая неудовлетворительные результаты, к войсковым испытаниям допущена быть не может.

Автоустановку 2-го варианта (на 16 выстрелов) для стрельбы 132-мм ракетными снарядами, после внесения предлагаемых конструктивных изменений I-го порядка, возможно допустить к войсковым испытаниям»¹⁹.

По результатам испытаний в опытно-серийную партию был принят II вариант установки (черт. 02У-002)²⁰.

Журналом Артиллерийского управления Красной армии (по 3 отделу АК) № 0033 от 25 декабря 1939 г. на серийное производство утверждались следующие объекты: автоустановка для залповой стрельбы 132-мм ракетными снарядами; 132-мм осколочно-фугасный ракетный снаряд; 132-мм химический ракетный снаряд. Изготовление осколочно-фугасных снарядов и снаряжение для них было освоено на заводах № 70 и № 59 Народного Комиссариата боеприпасов (НКБ). Производство серии механизированных автоустановок, включая монтаж на шасси автомашин, было проведено в НИИ № 3 НКБ²¹.

Реактивная артиллерия в период Великой Отечественной войны

Начало Великой Отечественной войны способствовало ускорению работ по реактивной артиллерии, так как возникла насущная необходимость решения не учебных, а практических боевых задач с максимальной эффективностью.

Организация производства

Начало массового производства ракетных снарядов повлекло за собой создание большой кооперации предприятий на большей части Советского Союза и было организовано в связи с началом Великой Отечественной войны. Производство реактивных снарядов реактивной артиллерии создавалось заново, промышленность в целом не обладала кадрами, знакомыми с производством снарядов данного типа (исключение составляли два завода). Соответствующему управлению и военным представительствам, как заказчику, приходилось брать на себя не только роль контролера-приемщика, а также организатора производства, технолога, исследователя.

На снаряжательных и пороховых заводах кооперации не было, поэтому на каждом заводе была организована самостоятельная военная приемка²².

Не все складывалось гладко между производственниками и представителями военной приемки Главного артиллерийского управления Красной армии (ГАУ КА). Порой заводы не выполняли требования последней. В частности, систематически не сдавались огнетушители и другие запасные части. В ответ на категорическое требование ГАУ о браке порой вызывались представители Народного Комиссариата внутренних дел и Центрального комитета партии и обвиняли работников аппарата военпреда ГАУ чуть ли не во вредительстве, в частности, по причине отказа принять боевые машины, имевшие недопустимо грубые дефекты²³.

Проведя изучение причин брака и невыполнения планов производства элементов реактивных снарядов в 1941 г., автор выделил два направления:

кадровый и профессиональный: отсутствие необходимого контингента инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих; исключительно безответственное отношение руководства завода к выполнению заказа; неорганизованность и неумение руководства завода использовать имевшееся оборудование;

организационно-производственный: распределение заказов с запаздыванием; отсутствие инструментальной базы, режущего и контрольно-мерительного инструмента, необходимого оборудования и неудовлетворительное состояние имевшегося в наличии; специфика завода – производство гражданской продукции; отдаленность предприятия от места расположения представителя военной приемки; отсутствие термических мастерских на заводах (удаленность

от завода термической мастерской, в частности, на УЗТМ составляла 45 км); невыполнение смежниками плана по деталям, что вызывало большие простои²⁴.

Статистические данные о производстве составляющих реактивных снарядов в годы Великой Отечественной войны опубликованы автором на сайте «Ракетная техника»²⁵.

Развитие установок для сухопутных войск

С целью сокращения времени окончательной сборки и уменьшения простоя шасси на сборочных заводах монтаж метательной установки на шасси осуществлялся через подрамник как отдельный узел. Впервые это техническое решение было использовано в конструкции установки М-13 на шасси трактора СТЗ-5.

Поиск наиболее оптимального типа шасси дал следующие результаты. Первоначально были созданы установки на различных типах колесных и гусеничных шасси для стрельбы снарядами калибров 82 и 132 мм, а позже установки для пуска снарядов калибров 280 и 300 мм. В результате недостаточно удовлетворительного практического применения установок на колесных шасси в условиях осенне-зимнего бездорожья осенью 1941 г. были проведены работы по созданию установок на гусеничных шасси для пуска снарядов калибра 82 и 132 мм²⁶. Позже состоялся переход от неполноприводных к полноприводным шасси грузовых автомобилей. Наиболее распространенный тип шасси – шасси серий американского грузового автомобиля Studebaker. Меньшее количество автомобилей поставлялось из Великобритании, таким образом СССР

Рис. 5. Реактивная установка БМ-13

Рис. 6. Реактивная установка БМ-8-48

Рис. 7. Реактивная установка БМ-31-12

зависел от поставок автомобилей из-за границы (рис. 5²⁷, 6²⁸, 7²⁹).

Идея использования унифицированных элементов конструкций установок, а в частности, единого основания с подъемным и поворотным механизмами для монтажа различных ферм с направляющими, заложенная в годы войны, была применена в конструкциях первых боевых машин (БМ-24 и БМ-14), разработанных после окончания Великой Отечественной войны.

Разрабатывались установки с различными типами направляющих: прямолинейная балочного (рельсового) типа для придания направления снаряду; призматического (сотового) и рамного типа

с ведущими элементами для придания направления снаряду; цилиндрические открытого типа с внутренними ведущими элементами для придания направления и вращательного движения, т. е. развитие направляющих шлю в направлении повышения их функциональности (рис. 8³⁰, 9³¹).

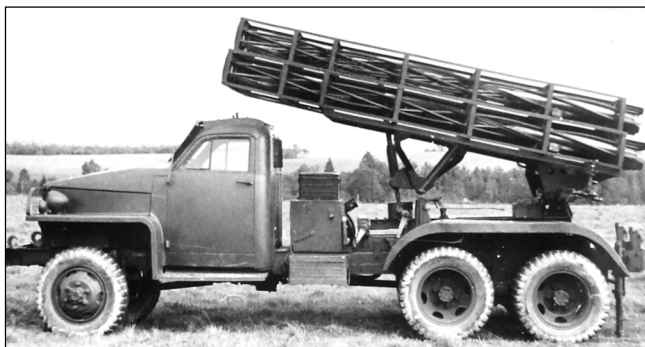

Рис. 8. Боевая машина БМ-13-СН, заряженная снарядами М-13, на полигоне (опытная)

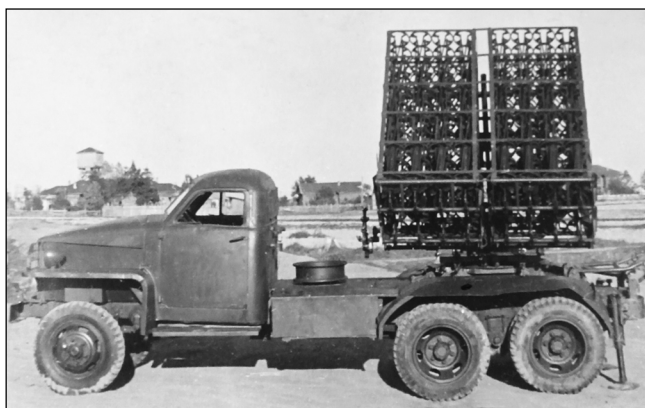

Рис. 9. Боевая машина БМ-8-СН, заряженная снарядами М-8, на ОП перед стрельбой с борта на полигоне (опытная)

Железнодорожные установки

Новых данных о развитии железнодорожных установок для обороны Москвы³² в 1941 г. автором не установлено.

Обнаружен документ ЦКБ-4 НКСП «Краткое описание к техническому проекту системы минометных установок на железнодорожной платформе», датированный 25 февраля 1942 г., в котором указывается, что большой опыт в проектировании артиллерийских систем на железнодорожных транспортах привел к мысли об использовании минометных установок реактивного действия на колесах и тракторах для стрельбы с железнодорожных платформ. В состав системы должна была входить мощная батарея, состоящая из двух установок М8 и М13, при помощи которых было бы возможно «создавать массиванный минный огонь по площадям на расстоянии до 10-ти километров». Систему предлагалось использовать или как самостоятельную боевую единицу, передвигаемую «по железной дороге паровозом, мотовозом, дрезиной или другим видом железнодорожной тяги»³³. Данные о практической реализации проекта не установлены.

Морские установки

Работы по морским установкам для залпового пуска реактивных снарядов на основе гвардейских минометов были начаты в феврале 1942 г. За годы войны были разработаны четыре основных типа установок. Для пуска снарядов калибра 82 мм были разработаны и приняты на вооружение установки М-8-М и 24-М-8, а для пуска снарядов калибра 132 мм – М-13-М (также известны ее варианты М-13-М1 и М-13-МП³⁴; данные о принятии на вооружение не обнаружены) и 16-М-13³⁵. Установки М-8-М, 24-М-8, М-13-М и 16-М-13 были башенно-палубного типа³⁶.

В 1942 г., кроме изготовления на заводе № 733 штатных реактивных установок М-8-М и М-13-М и их монтажа на кораблях ВМФ, в соответствии с руководящими указаниями АУ применялись реактивные установки, изготавливавшиеся самостоятельно на Северном, Краснознаменном Балтийском и Черноморском флоте³⁷.

Реактивные установки М-8-М и М-13-М первоначально были предназначены только для эксплуатации в речных условиях при стрельбе с якоря, а не в морских. Эксплуатация в морских условиях снижала боевую ценность. В основном, это было обусловлено следующими недостатками: ненадежным креплением снарядов на направляющих для морских условий (при переходе морем штифты снарядов не выдерживали нагрузки и отрывались); недостаточной прочностью установки М-8-М в целом в условиях качки и

вибрации катера; малыми скоростями вертикального и горизонтального наведения и большими усилиями на штурвалах, затруднявшими непрерывное слежение за целью при качке катера; негерметичностью установки и прицельных приспособлений (в отношении как морской воды, так и пороховых газов); конструкцией пиропистолетов, не обеспечивавшей герметизацию пиропатронов, которые увлажнялись (отсыревали) и давали отказы (установка М-8-М); неудовлетворительностью прицельных приспособлений.

В процессе производства реактивных установок во второй половине 1943 г. часть перечисленных недостатков была устранена³⁸.

Дальнейшим развитием установок М-8-М и М-13-М стали установки 24-М-8 и 16-М-13 для пуска снарядов М-8 калибра 82 мм и снарядов калибра 132 мм соответственно.

17 сентября 1943 г. Начальник Артиллерийского комитета Военно-морского флота контр-адмирал Егоров утвердил тактико-техническое задание на проектирование и разработку рабочих чертежей 24-зарядных установок калибром 82 мм (24-М-8). Назначение – вооружение катеров Г-5, Д-3, Я-5 и бронекатеров пр.1125 с целью обеспечения ведения стрельбы по площадям – массированным огнем для поражения незащищенных береговых и морских целей противника, а также по низколетящим самолетам³⁹ с целью обеспечения самообороны в пределах угла возвышения установки⁴⁰, что расширяло сферу боевого применения морских установок.

Особенности установки: механизм стопорения снаряда, препятствующий самопроизвольному сходу снарядов с направляющих при качке; автоматический переключатель прибора управления огнем, позволявший ведение одиночной стрельбы, стрельбы очередями по 3–5 снарядов (по другим данным, 5–6 снарядов⁴¹) и залповой⁴²; отсутствие фермы для крепления пакета направляющих⁴³, что повышало эксплуатационные качества системы.

Работы по будущей установке 16-М-13 были начаты СКБ завода «Компрессор» в июле – августе 1943 г.⁴⁴ 7 сентября 1943 г. контр-адмирал Егоров утвердил тактико-технические задания на проектирование и разработку рабочих чертежей 16-ти зарядных установок для пуска снарядов калибра 132 мм (16-М-13). Назначение – вооружение катеров БКМ-2 и пр.1124 и поражение тех же целей⁴⁵, что и установка 24-М-8.

Установка 16-М-13 была взаимозаменяемой с артбашней Т-34, так как в ее конструкцию входил штатный погон (неподвижное

основание) последней, а также ряд унифицированных элементов установок М-13-М и М-13Н⁴⁶.

При помощи морских установок типа М-8 и М-13 применялись неуправляемые реактивные снаряды М-8 (ТС-11 и ТС-34), М-13 (ТС-13, ТС-29⁴⁷), М-13 УК (ТС-53)⁴⁸.

Развитие реактивных снарядов

Во время Великой Отечественной войны были разработаны снаряды калибров 82, 132, 280 и 300 мм. В целом их развитие шло в следующих направлениях:

использование единой ракетной части для снарядов различных калибров;

использование двух типов порохов для зарядов ракетных двигателей: нитроглицеринового и пироксилинового. Часть порохов поставлялась из-за границы, т. е. в годы войны СССР зависел не только от иностранных поставок шасси для установок, но и порохов;

увеличение мощности головной части за счет увеличения длины головной части или ее калибра;

увеличение дальности полета за счет использования двухкамерного ракетного двигателя, а следовательно, и большего количества пороха;

повышение параметров кучности, за счет как конструкции снаряда (обеспечение вращения за счет тангенциальных отверстий в головной части ракетной части, радиально расположенных штуцеров с внутренним каналом и наружным выходным отверстием, просверленным под углом 90° к продольной оси, в каждом из сопоставленных лопастей блока стабилизатора ракетной части), так и конструкций направляющих установок (спиральные направляющие с внутренними винтовыми ведущими элементами). Проворот обеспечивал повышение кучности снарядов в обоих случаях, но снижал дальность полета в первом случае (первое решение);

использование однотипных снарядов в сухопутных войсках, авиации и морском деле;

использование однотипных взрывателей для авиационных и сухопутных реактивных снарядов, а также мин;

выполнение разработки следующих типов головных частей: осколочно-фугасной (основной тип); фугасной; химической; осколочно-химической; зажигательной; осколочно-зажигательной.

Типы и варианты крепления стабилизаторов – плоские: прочноскрепленные (М-8, М-13) и прочноскрепленные косо поставленные с кольцом (кольцевой стабилизатор) (М-30, М-31УК). Диапазон максимальных дальностей полета снарядов составлял от 2800 (М-28) до 11 800 м (М-13-ДД)⁴⁹ (рис. 10⁵⁰). Транспортировка снарядов М-8, М-13, М-13УК, М-31 и М-31УК выполнялась при помощи грузовых автомобилей ГАЗ АА (1,5 т), ЗИС-5 (3 т), ЯГ-6 (5 т), Додж.

Конструктивные схемы реактивных снарядов были следующими:

взрыватель, головная часть, однокамерная ракетная часть – основная конструктивная схема,

взрыватель, головная часть, однокамерная ракетная часть с тангенциальными отверстиями в ее головной части (М-13УК),

взрыватель, головная часть, однокамерная ракетная часть со штуцерами в головной части и косо поставленным оперением в хвостовой части (М-31УК),

взрыватель, головная часть, двухкамерная ракетная часть с промежуточным сопловым блоком с несколькими сопловыми отверстиями, расположенным между камерами (М-13-ДД)⁵¹.

Рис. 10. Виды реактивных снарядов: 1 – 82-мм реактивный снаряд М-8; 2 – 132-мм реактивный снаряд М-13; 3 – 132-мм реактивный снаряд М-20; 4 – 132-мм реактивный снаряд М-13-ДД

Развитие реактивной артиллерии после окончания Великой Отечественной войны до 50-х гг. XX в.

После окончания Великой Отечественной войны работы по реактивной артиллерии в России были направлены на ее дальнейшее развитие, при продолжавшейся некоторое время эксплуатации образцов, разработанных в годы войны: боевых машин М-8, М-13, М-13Н и М-31-12 и реактивных снарядов М-8, М-13, М-13УК,

М-31, М-31УК и М-20. Наиболее долговечными были боевые машины серий БМ-13 и снаряды серий М-13⁵².

Проведенное автором исследование позволило установить, что во второй половине 40-х гг. работы по рассматриваемому классу вооружения шли в трех основных направлениях:

- использование систем периода Великой Отечественной войны в исследовательской и общевойсковой практиках;
- предложения и практические работы по модернизации составляющих основных систем реактивной артиллерии, разработанных в годы Великой Отечественной войны;
- оценка имевшихся систем, предложения по разработке и началу разработки новых систем реактивной артиллерии.

Использованными направлениями развития реактивной артиллерии периода войны в послевоенный период были: *в части боевых машин*: эксплуатация боевых машин на шасси иностранного производства (по крайней мере, до конца 50-х гг.); монтаж штатных и доработанных артиллерийских частей на новых типах шасси; *в части реактивных снарядов*: увеличение дальности; создание нескольких типов головных частей; использование нескольких типов многошашечных пороховых зарядов; удлинение камеры ракетного двигателя и соответственно увеличение веса порохового заряда для увеличения дальности стрельбы⁵³.

Общие предложенные направления модернизации составляющих основных систем реактивной артиллерии, разработанных в годы Великой Отечественной войны, были выдвинуты в результате их оценки. Среди них: увеличение мощности и улучшение баллистических и эксплуатационных свойств систем; упрощение технологии производства; увеличение дальности стрельбы с 1,12 до 1,75 раза; повышение параметров кучности; возможность длительного хранения на складах (10–20 лет); использование шасси грузовых автомобилей только отечественного производства⁵⁴.

Общие предложенные направления создания систем реактивной артиллерии нового поколения: увеличение дальности стрельбы в 1,39–2,28 раза; увеличение мощности головных частей; увеличение диапазонов углов возвышения и горизонтального обстрела; создание устройства для заряжания на боевой машине; хранение на складах до 10 лет; создание самоходных и горно-вьючных систем и укупок для горных условий⁵⁵.

После проведения изысканий по возможности модернизации разработанных в годы войны систем и создания новых систем, в 1947 г. были утверждены тактико-технические требования на будущие системы реактивной артиллерии нового поколения: М-24 и М-14, МД-20⁵⁶, принятые на вооружение в 1951 и 1952 гг. соответственно⁵⁷.

---

¹ Гуров С.В. Из истории создания и развития полевой реактивной артиллерии в СССР в период Великой Отечественной войны. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/gurov/gurov.shtml>; Первицкий Ю.Д., Слесаревский Н.И., Шульц Т.З., Гуров С.В. О роли систем реактивной артиллерии (РСЗО) для сухопутных войск в мировой истории развития ракетного вооружения в интересах военно-морских флотов. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/pervicki/pervicki.shtml>; Гуров С.В. Установка М-13 («Катюша»). URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm13/bm13.shtml>

² Воротникова О.С. Развитие ракет полевых реактивных систем залпового огня в XX веке. М., 2007. С. 4, 6.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее Архив ВИМАИВиВС). Ф. 6р. Оп. 1. Д. 1370. Л. 1, 2; Государственный научный центр Федеральное государственное унитарное предприятие «Центр Келдыша» (далее «Центр Келдыша»). Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Инв. 97. Л. 173; Там же. Ед. хр. по описи 12. Инв. 225. Л. 39; Резниченко С.Н. Реактивное вооружение Советских ВВС. М.: Издательская группа «Бедретдинов и Ко», 2007. С. 932, 939.

Науменко М.И. Материалы диссертации на соискание ученой степени кандидата. «Военные ракеты в России» / Академия артиллерийских наук. М., 1953 // Архив ВИМАИВиВС. НС. Раздел 1. Д. 152. Л. 195; Резниченко С.Н. Указ. соч. С. 933, 939.

⁴ «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Инв. 97. Л. 173.

⁵ Науменко М.И. Указ. соч.

⁶ Лангемак Г.Э., Глушко В.П. Ракеты, их устройство и применение. ОНТИ НКТП СССР. Главная редакция авиационной литературы. М.-Л., 1935. Заключение; «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Инв. 97. Л. 161, 184, 185.

⁷ «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 2. Инв. 103. Л. 93; Там же. Ед. хр. по описи 1. Инв. 97. Л. 50, 168–170, 172, 173; Там же. Ед. хр. по описи 14. Инв. 291. Л. 146; Российский Государственный архив экономики. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 692. Л. 2; Резниченко С.Н. Указ. соч. С. 938–939.

⁸ «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 14. Инв. 291. Л. 124; Там же. Ед. хр. по описи 12. Инв. 225. Л. 39, 108; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 1370. Л. 3; Резниченко С.Н. Указ. соч. С. 941.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 23. Л. 317.

¹⁰ Там же. Л. 315, 317, 319; Химическая энциклопедия. В 5-ти т. Т. 4. М: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1995. С. 352.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 4. Л. 321.

¹² Ракетно-энергетические двигатели и энергетические установки. Научно-техни-

ческий сборник. Пионеры ракетной техники. Андрей Григорьевич Кости-ков. Вып. № 3 (149). М.: «Исследовательский центр им. М.В. Келдыша», 1999. С. 293; «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 8. Инв. 227. Л. 55, 58; Там же. Ед. хр. по описи 14. Инв. 291. Л. 138, 139; Там же. Ед. хр. по описи 13. Инв. 273. Л. 104, 199, 201; Там же. Ед. хр. по описи 1. Инв. 97. Л. 2; Там же. Ед. хр. по описи 11. Инв. 337. Л. 55, 57.

¹³ «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 13. Инв. 273. Л. 96, 157.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 23. Л. 385.

¹⁵ Там же. Л. 390.

¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 245, 246.

¹⁷ Там же Ф. 81. Оп. 856348сс. Д. 323. Л. 169.

¹⁸ Боевая машина БМ-14-17 (индекс 8У36). Руководство службы. М.: Воениздат, 1960. С. 113; Боевые машины БМ-14, БМ-14М и БМ-14ММ. Руководство службы. 2-е изд. М.: Воениздат, 1972. С. 154; Реактивная пусковая установка РПУ-14. Руководство службы. М.: Воениздат, 1961. С. 94; ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 856348сс. Д. 204. Л. 24, 101; «Государственный архив Тульской области» (далее ГАТО). Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1128. Л. 115; Реактивный зажигательный снаряд МЗ-21 (Индекс 9М22С). Дополнение к техническому описанию и инструкция по эксплуатации «Боевая машина БМ-21». М.: Воениздат, 1972. С. 5; Паспорт экспортного облика № 2554/00/НЭК (перерегистрирован 02.09.2004) и рекламный паспорт № 2346/00/НЭК (перерегистрирован 02.09.2004) на 122-мм реактивный снаряд 9М519 для КВ и УКВ радиопомех к реактивным системам залпового огня Град, Град-1, Град-В; Паспорт экспортного облика №1578/00/НЭК с дополнением № 5679/02/НЭК на 122-мм осколочно-фугасный неуправляемый реактивный снаряд 9М521 с головной частью повышенного могущества к реактивным системам залпового огня Град, Град-1, Град-В. Перерегистрирован: 02.09.2004 г. С. 2; Рекламный паспорт №1579/00/НЭК с дополнением № 5682/02/НЭК на 122-мм осколочно-фугасный неуправляемый реактивный снаряд 9М521 с головной частью повышенного могущества к реактивным системам залпового огня Град, Град-1, Град-В. Перерегистрирован: 02.09.2004 г. С. 3; Временные таблицы стрельбы 220-мм реактивными снарядами 9М27Ф и 9М27К. М.: Министерство обороны СССР, 1977. С. 187, 188; Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Ч. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 4.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 4. Л. 321.

²⁰ «Центр Келдыша». Оп. 1. Ед. хр. по описи 13. Инв. 273. Л. 181.

²¹ Там же по описи 19. Инв. 348. Л. 218, 227.

²² ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 119120сс. Д. 28. Л. 118–120.

²³ Там же. Оп. 12084. Д. 13. Л. 25.

²⁴ Там же. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 16. Л. 175, 177–182, 187.

²⁵ Итоги работы промышленности боеприпасов за время Отечественной войны 1941–1945 гг. (в цифрах). Т. 1. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/itogiraboty-promyshlennosti-boeprapasov-za-vremya-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-v-cifrah-tom1/> Далее по ссылкам, расположенным внизу.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 43. Л. 126; Там же. Д. 12. Л. 48, 50; Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1955. (на правах рукописи). С. 17.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 170760сс. Д. 2503. Л. 5.

²⁸ Там же.

- ²⁹ Там же. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Оп. 160820. Д. 5. Л. 98.
- ³¹ Там же. Л. 95.
- ³² Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. 1 книга. Создание ракетного вооружения тактического назначения 1941–1956 гг. М.: Конструкторское бюро общего машиностроения, 1967. С. 26–28; Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // А.Н. Васильев, В.П. Михайлов. М.: Наука, 1991. С. 56.
- ³³ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 65. Л. 5, 6, 9.
- ³⁴ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 57–58; Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. С. 32.
- ³⁵ Описание морских реактивных установок и боеприпасов. Л.: Воениздат 1946. С. 4; Центральный Военно-морской архив (далее ЦВМА). Ф. 2. Оп. 16. Д. 19. Л. 360. Копия Приказа НКВМФ № 00403 «О Принятии на вооружение кораблей ВМФ реактивных установок М-8-М и М-13-М» от 29.11.1942 г.; Там же. Д. 89. Л. 306. Копия Приказа НК ВМФ № 00216 «О принятии на вооружение корабельных 82-мм реактивных установок 24-М-8» от 19.09.44 г.; Там же. Д. 143. Л. 1. Копия Приказа НК ВМФ № 001 от 03.01.1945 г. «О принятии на вооружение корабельных 132-мм реактивных установок 16-М-13».
- ³⁶ Описание морских реактивных установок и боеприпасов. С. 5, 22, 41.
- ³⁷ ЦВМА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1282. Л. 91–92.
- ³⁸ Там же. Л. 98, 99.
- ³⁹ В источнике: Временное краткое описание реактивной установки 24-М-8 и реактивного снаряда М-8. М.-Л.: Военмориздат, 1944. С. 3 указывается, что снаряды также предназначались «на самооборону по низколетящим и пикирующим самолетам».
- ⁴⁰ ЦВМА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1283. Л. 90.
- ⁴¹ Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. С. 47.
- ⁴² Описание морских реактивных установок и боеприпасов. С. 22.
- ⁴³ Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. С. 47.
- ⁴⁴ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 59.
- ⁴⁵ ЦВМА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1283. Л. 94.
- ⁴⁶ Описание морских реактивных установок и боеприпасов. С. 52, 109.
- ⁴⁷ Вероятно, это снаряд М-13ДД, так как в его конструкцию входило переходное дно, посредством которого соединялись цилиндрическая и головная части снаряда.
- ⁴⁸ Описание морских реактивных установок и боеприпасов. С. 111.
- ⁴⁹ Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 76; Там же. Д. 49. Л. 1, 2; Там же. Д. 107. Л. 105; Там же. Д. 240. Л. 162, 163; Там же. Д. 276. Л. 204; Там же. Д. 323. Л. 45; Там же. Д. 352. Л. 194; ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 7. Л. 145, 146; Там же. Д. 29. Л. 52–54; Там же. Д. 98. Л. 1, 7, 14, 19, 48, 49, 59; Там же. Д. 279; Там же. Д. 280; Там же. Д. 468; Там же. Д. 497; Там же. Д. 450; Там же. Д. 564. Л. 1; Там же. Д. 594; Там же. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 25; Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. С. 34; Первов М. Родилась в Москве «Катюша». Исторический очерк. М.: Издательский дом «Столичная энциклопедия», 2010. С. 177; Боевая машина БМ-13-СН. Краткое руководство. Военное министерство Союза ССР, 1950. С. 3; Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 78; Краткие таблицы стрельбы систем М-8. Для осколочных снарядов ТС-11, ТС-12. Военное

издательство Народного Комиссариата обороны, 1942. обложка; Временное краткое описание реактивной установки 24-М-8 и реактивного снаряда М-8. М.-Л.: Военмориздат, 1944. С. 10; URL: http://www.shtemenko.ru/feeds_16.html; URL: <http://news.bcm.ru/gallery/15>

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 160820. Д. 5. Л. 100.

⁵¹ URL: http://www.o5m6.de/studebaker_us6_u3_bm_13_16.html; Пороховые реактивные снаряды. Ч. II. Устройство, проектирование и производство реактивных снарядов / Под ред. д. т. н. профессора Шапиро Я.М. М.: Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1949. С. 412, 413; Боеприпасы гвардейских минометных частей. Краткое руководство. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1948. С. 42; ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12198. Д. 77. Л. 6.

⁵² Боеприпасы гвардейских минометных частей. С. 4; Боевая машина БМ-8-48. Руководство службы. М.: Воениздат, 1947; ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 160821сс. Д. 122. Л. 31; Боевая машина БМ-13Н. Руководство службы. М.: Воениздат, 1957; Боевая машина БМ-13Н. Руководство службы. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1966; Боевые машины БМ-13Н, БМ-13НМ, БМ-13НММ. Руководство службы. 3-е изд. исп. М.: Воениздат, 1974; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13. ТС-13. ГАУ. М.: Воениздат, 1957; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13. ТС-13. М.: Воениздат, 1966; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13УК. М.: Воениздат, 1965; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13УК. ОФ-942. Издание третье. М.: Воениздат, 1970.

⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 160820. Д. 3. Л. 2–7, 21, 22, 27–30, 39–43; Там же. Оп. 160818сс. Д. 36. Л. 5–20.

⁵⁴ Там же. Оп. 566864с. Д. 15. Л. 37; Там же. Оп. 572340. Д. 92. Л. 12; Боевая машина М-13. Краткое руководство службы. М.: Воениздат НКО, 1945. С. 42; Боевая машина БМ-8-48. Руководство службы. М.: Воениздат МВС СССР, 1947. С. 52, 53, 55; Боевая машина БМ-31-12. Руководство службы. М.: Воениздат, 1955. С. 4, 18, 29, 31, 65–68; Инструкция по подготовке и обращению с боевой машиной БМ-31-12 при мортирной стрельбе (дополнение к руководству службы «Боевая машина БМ-31-12»). М.: Воениздат, 1949 С. 3, 7–9.

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 119120сс. Д. 38. Л. 113, 115–116, 120, 122; Там же. Оп. 160820. Д. 5. Л. 100; Там же. Оп. 119120сс. Д. 37. Л. 116, 120, 121; Там же. Оп. 566853с. Д. 2. Л. 119–121.

⁵⁶ Там же. Оп. 160821сс. Д. 124. Л. 10–19об; Там же. Д. 123. Л. 3–12об; Там же. Д. 125. Л. 65–74об.

⁵⁷ Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. С. 67; Носовицкий Г.Е. Продолжение «Катюши». М.: Вузовская книга, 2005. С. 294, 394, 539; ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 173178сс. Д. 435. Л. 49.

В.В. Изонов (Москва)

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П ОДГОТОВКА командного состава для действующей армии России до сих пор является малоизученной страницей Первой мировой войны. Война вошла в русскую военную школу, в сознание и сердце каждого кадета, юнкера, слушателя. Вместе с нарушением повседневного уклада мирного времени происходили глубокие изменения в сознании и духовной жизни людей, обнажая в первую очередь нравственное состояние общества. В военное время уровень этого состояния особенно ярко проявился в отношении государственной власти и социальных институтов к военной школе державы. Ведь к этому времени неизмеримо возросла роль командного состава действующей армии. «От кого же зависело, чтобы в мировой войне русская армия снискала себе репутацию не только храброй и выносливой, но и успевающей хорошо вести боевые действия? – задавался вопросом прапорщик Первой мировой и Маршал Советского Союза А.М. Василевский и отвечал: – Многое зависело и от командных кадров»¹.

Военно-учебные заведения России накануне большой войны условно разделялись на четыре группы. В первую группу входили 29 кадетских корпусов, которые давали юношам законченное среднее образование и подготавливали их к поступлению в военные и специальные училища. Ко второй группе относились 11 военных (пехотных. – *И. В.*), 3 кавалерийских, 2 казачьих, 3 артиллерийских, инженерное и военно-топографическое училища, непосредственно готовившие офицеров для армии. На особом положении находился Пажеский Его Императорского Величества корпус, соединявший в себе функции кадетского корпуса и военного училища.

К третьей группе относили 7 офицерских школ (стрелковая, артиллерийская, кавалерийская, электротехническая, воздухоплавательная, главная гимнастическо-фехтовальная и железнодорожная), служивших для повышения квалификации обер-офицеров (до капитана включительно. – *И. В.*). В четвертую группу входили 6 военных академий (Императорская Николаевская военная, Михайловская артиллерийская, Николаевская инженерная, Александровская военно-юридическая, Интендантская и Императорская военно-медицинская), дававших офицерам высшее военное образование.

В апреле 1914 г. в офицерском корпусе Русской императорской армии насчитывалось 40 590 офицеров и генералов. Но все же некомплект по штату составлял 3380 офицеров². С началом боевых действий для восполнения больших потерь офицерского состава на фронте начались кардинальные изменения в системе военно-учебных заведений России.

С объявлением войны жизнь в кадетских корпусах, насчитывавших 11 618 кадет, регламентированная привычными правилами и документами, внешне не претерпела значительных трансформаций³. Содержание учебного плана не изменилось. Однако уже в первые месяцы военного лихолетья учебный процесс в них для подростков и юношей стал претерпевать серьезные изменения. Прежде всего, это выражалось в переосмыслении руководством Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ), педагогическими коллективами места и роли патриотического воспитания кадет в новых условиях. Упор делался на усиление морально-психологической подготовки воспитанников к перенесению трудностей военного времени, что в свою очередь потребовало активного вовлечения учащихся в деятельную причастность к происходящим рядом с ними событиям.

По свидетельству директора 1-го Сибирского кадетского корпуса, «в целях патриотического воспитания, развития национального самосознания и народной гордости» применялись разнообразные формы учебной и внеучебной работы. К примеру, проводились патриотические чтения по следующим темам: «Возникновение и внутренний смысл европейской войны», «События, непосредственно предшествующие объявлению войны», «Мировое положение России», «Начало второй Отечественной войны», «Взгляды на войну русских писателей», «Героизм русских людей» и др.

Для усиления патриотического воспитания военное ведомство принимало специальный комплекс мер. Это выразилось в присвоении 1-й роте Полоцкого кадетского корпуса имени погибшего в бою князя Олега Константиновича, Одесскому кадетскому корпусу – имени великого князя Константина Константиновича, в учреждении именных стипендий. Правительство постановило иметь в кадетских корпусах 200 вакансий для содержания и воспитания малолетних детей, чьи отцы находились в действующей армии, а также открыть сверх штата 325 вакансий для сыновей погибших на фронте офицеров, чиновников, священников, врачей и нижних чинов. Распространялся циркуляр, предписывающий вывешивать в корпусах приказы о героической смерти бывших воспитанников, офицеров и преподавателей, о подвигах георгиевских кавалеров.

Стал изменяться и сословный состав кадетских корпусов. Так, в 1915 г. начальник ГУВУЗ генерал-лейтенант А.Ф. Забелин докладывал в Государственную думу о том, что «в настоящее время в кадетских корпусах имеется 53 кадета детей-крестьян и 327 кадет купеческих и мещанских детей»⁴.

Сразу же после начала войны сеть военных училищ стала расширяться. С начала 1914/1915 учебного года были учреждены 2 новых училища – Ташкентское и 2-е Киевское военные. Еще в июне 1914 г. было открыто 4-е артиллерийское училище в Киеве, а в марте 1915 г. там же – 2-е инженерное училище.

В октябре 1914 г. Пажеский корпус и все пехотные, кавалерийские, казачьи училища были преобразованы в вузы, готовившие офицеров в 4-месячный срок⁵. Месяцем позже, в ноябре 1914 г., артиллерийские и инженерные училища тоже были преобразованы в вузы с 8-месячной учебной программой по подготовке офицеров военного времени⁶. Практика ускоренной подготовки офицерских кадров продолжалась в течение всей войны, но конкретные сроки обучения в училищах различного профиля постоянно менялись в зависимости от потребностей действующей армии.

В рассматриваемое время, в связи с потребностью армии в большом количестве офицеров, Николай II был вынужден пойти на отмену ограничений для поступавших в военно-учебные заведения, связанных с необходимостью наличия у них определенного образовательного ценза. Более того, Военное министерство добились привлечения на военную службу студентов высших учебных

заведений. Студенты, имевшие по существовавшему тогда законодательству право быть офицерами, зачислялись: «а) в специальные классы Пажеского Е.И.В. корпуса, в пехотные, кавалерийские, казачьи и специальные военные училища для ускоренной подготовки сих лиц в офицеры; б) не имеющие права быть офицерами – непосредственно в части войск в качестве вольноопределяющихся»⁷.

Военное министерство решило также создать кадр унтер-офицеров из числа студентов, с тем, чтобы при открытии вакансий в вузах «унтер-офицерам студентам будет дана возможность поступить в военно-учебное заведение или держать экзамен на офицерский чин»⁸.

Война наложила свой отпечаток на работу военно-учебных заведений. Многие военно-учебные заведения с большим трудом решали один «из главных вопросов – отсутствие необходимых помещений»⁹. Военному ведомству пришлось перестраивать учебные корпуса под казармы, занимать помещения соседних с военно-учебными заведениями воинских частей и арендовать гражданские здания и сооружения.

Основной задачей военно-учебных заведений была подготовка офицера, владевшего в основном теорией и практикой военного дела, понимавшего основные принципы организации управления боем стрелкового взвода, вооружения стрелкового батальона, уставы, наставления русской армии и умевшего применять их в практической деятельности. В результате произошли существенные изменения в структуре учебного плана и в содержании учебных программ предметов. Так, основное внимание обращалось на тактическую подготовку, на которую приходилось от 45 до 55 % учебного времени. После появления на фронте оружия массового поражения юнкеров стали обучать «самозащите от ядовитых газов»¹⁰.

Главной целью воспитания будущих офицеров с объявлением войны стало утверждение национального самосознания и национальной гордости, любви к Родине, уважения к ее героическому прошлому. Характерной особенностью организации процесса патриотического воспитания в военное время было стремление педагогических коллективов вызвать у юнкеров прилив глубоких нравственных чувств (сострадания, милосердия, уважения к солдату), создать условия для совершения нравственного поступка, без которого немислим настоящий патриотизм. «Мы получили самые общие знания и навыки, – вспоминал выпускник Александровского

военного училища военного времени А.М. Василевский, – необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда непременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность»¹¹.

К весне 1917 г. изменился количественный и качественный состав офицерского корпуса. Так, с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1917 г. из пехотных, кавалерийских и казачьих училищ было выпущено 74 418 офицеров. Поскольку военное ведомство заботилось в первую очередь о подготовке офицеров для пехоты, то к 1 сентября 1917 г. в армии образовался сверхкомплект офицеров пехоты, равный 17 323 чел. В то же время к 1 марта того же года в артиллерийских частях действующей армии некомплект офицеров достигал 1520 чел., а в инженерных – 990 чел. Не хватало фронту и военных топографов.

Мировая война потребовала столь большого количества офицеров, что пришлось прибегнуть к их ускоренной подготовке. Основным каналом подготовки обер-офицеров для действующей армии стали 3-месячные школы прапорщиков. Впервые их создание было узаконено «Положением об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах» в сентябре 1914 г.¹²

Школы прапорщиков готовили в основном офицеров пехоты, но было также по одной школе прапорщиков инженерных (в Петрограде) и казачьих (в Екатеринодаре) войск¹³. В 1916 г. при Военно-топографическом училище была учреждена школа подготовки прапорщиков для производства съемочных работ¹⁴. Кроме того, существовали школы прапорщиков при фронтах, армиях и при запасных пехотных и артиллерийских бригадах. В 1915 г. для подготовки офицеров в ополченческие части были открыты школы прапорщиков ополчения. В них проходили курс, установленный для подготовки прапорщиков запаса. Всего во время войны была открыта 41 школа прапорщиков.

Прием в военно-учебные заведения, готовившие в годы войны офицеров, был практически всесословным. Например, в 1914 г. дети дворян составляли среди юнкеров 42,88 %. Комплектовались школы прапорщиков лицами, имевшими образование в объеме не ниже уездного училища, годными к военной службе. Право поступать

в школы прапорщиков было предоставлено и отличившимся в боях георгиевским кавалерам, унтер-офицерам и рядовым¹⁵. В целом, отмечал инспектор военного ведомства генерал-майор Б.В. Адамович, «среда обучающихся оставляет впечатление хорошего, благообразного простонародья; заметно желание держаться прилично; резко бросаются в глаза внешней интеллигентностью и знаниями представители гвардии»¹⁶. В то же время генерал докладывал военному министру, что в некоторых школах наблюдается «полное отсутствие хоть немногих культурных людей, которые подтягивают за собой всю массу. Подбор обучающихся нередко уступает от удачно сформированных учебных команд»¹⁷.

Все усиливавшееся проникновение в офицерскую среду различных элементов не могло не тревожить военное ведомство. Военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев в мае 1916 г. отдал распоряжение не принимать в школы прапорщиков лиц, не удовлетворявших требованиям офицерской службы. В декабре того же года инспектор запасных частей Московского военного округа генерал от инфантерии А.А. Адлерберг докладывал: «Большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчиков»¹⁸. Видимо, распоряжение военного министра не выполнялось, так как подготовка офицеров ввиду ее масштабности не могла базироваться лишь на «желательном для офицерской среды элементе». В результате это привело к беспрецедентному в истории русской армии качественному обновлению офицерского корпуса накануне Великой русской революции.

В военном образовании будущих офицеров имелись определенные недостатки: «1) школы порой готовили хорошего бойца, а не начальника и учителя солдат; 2) преподаватели школ редко обращались к боевому опыту обучаемых, среди которых было немало подпрапорщиков и унтер-офицеров, имевших боевые награды, ранения, полученные на фронте; 3) центр тяжести в обучении часто лежал на теоретической подготовке, а не на полевых занятиях»¹⁹.

Кроме того, школы прапорщиков не в полной мере обеспечивались стрелковым, артиллерийским и инженерным имуществом. Например, 5-я Московская школа, занимавшаяся подготовкой прапорщиков пехоты, имела только один пулемет системы Максима²⁰.

Тем не менее, школы прапорщиков функционировали всю войну без оперативных пауз. Всего с 1 декабря 1914 г. по 1 апреля 1917 г. в них было подготовлено 113 483 офицера²¹.

В ходе войны значительно обновился командно-преподавательский состав военно-учебных заведений, получивший полноценную профессиональную подготовку в мирное время. С 7 по 9 февраля 1917 г. в Ставке состоялось совещание, которое проводили военный министр генерал от инфантерии А.А. Поливанов и начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев. В ходе его было выработано решение о направлении на фронт всех офицеров военно-учебных заведений, не успевших принять участие в боевых действиях²². В результате многие представители командно-преподавательского состава военно-учебных заведений России убыли на фронт для приобретения боевого опыта.

В годы Первой мировой войны офицерские школы продолжили свою деятельность, кроме стрелковой, артиллерийской и кавалерийской. Между тем в начале войны в Офицерской стрелковой школе проходили испытания автоматы и автоматические винтовки системы Федорова, после чего специально подготовленная рота 189-го Измаильского пехотного полка в декабре 1916 г. была вооружена ими и отправлена на фронт. При школе также функционировал пулеметный отдел, который являлся своеобразным центром пулеметного дела и подготовил сотни пулеметных команд (системы Кольга) для действующей армии.

В марте 1915 г. при Офицерской артиллерийской школе была сформирована первая в России артиллерийская зенитная батарея – 1-я отдельная автомобильная батарея для стрельбы по воздушному флоту во главе со штабс-капитаном гвардии В.В. Тарновским, вооруженная четырьмя 76-мм противоаэропланными пушками образца 1914 г., смонтированными на шасси грузовиков White.

Широкое применение военной техники и технических средств ведения войны дало толчок развитию офицерских школ технического профиля. Так, в начале войны круг задач Офицерской электротехнической школы значительно расширился. Запасный электротехнический батальон при школе уже в те годы приступил к изготовлению средств радиосвязи для использования их в штабах и частях действующей армии. В октябре 1915 г. постановлением Военного совета при Военном министерстве школе было определено

задание по формированию 34 авиационно-воздухоплавательных радиотелеграфных станций и подготовке штатных команд для их использования. В январе 1916 г. она передала для Гатчинской авиационной школы и в Одесскую авиационную школу 3 приемника и 6 передатчиков.

В 1915 г. Учебная автомобильная рота была переформирована в Офицерскую школу²³. Для нее военное ведомство реквизировало у коммерческих фирм, магазинов автомобили, запчасти к ним, инструменты, аккумуляторы и шины²⁴.

С началом войны офицерские школы в Гатчине и Севастополе продолжали готовить летные кадры и технических специалистов для действующей армии²⁵. В 1916 г. были учреждены Кавказская военная авиационная школа и Военная школа летчиков-наблюдателей. В 1916 г. из-за нехватки казенных средств были созданы частные авиационные школы²⁶.

С началом Первой мировой войны военные академии, за исключением Императорской военно-медицинской, прекратили занятия. Слушатели академий и часть преподавателей были направлены на фронт или в резерв²⁷. Например, профессора Николаевской инженерной академии получили назначения: генерал-лейтенант К.И. Величко – на Юго-Западный фронт, генерал-лейтенант Н.А. Буйницкий – на Северо-Западный, генерал-майор П.Н. Клокачев – на Румынский, генерал-лейтенант Н.Л. Кирпичев, генерал-майор П.А. Лихачев, генерал-майор В.Г. Тюрин и другие были использованы в Техническом комитете Военного министерства²⁸.

Недальновидность этой акции военного ведомства обнаружилась весьма скоро. Война предъявляла огромные требования в части обеспечения армии офицерами с академическим образованием. Однако в условиях разгоревшейся войны быстро решить проблему подготовки военных кадров с высшим военным образованием и полностью укомплектовать ими действующую армию было практически невозможно.

Обстановка требовала от Военного министерства организации ускоренной подготовки общевойсковых командиров – организаторов современного общевойскового боя. Только в 1916 г. было введено в действие «Положение об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны»²⁹. Были переработаны учебный план и учебные программы, и они разрабатывались с учетом требований времени

и опыта военных действий, развернувшихся на фронте. В академию по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандующего прибывали обер-офицеры: 5 от гвардейского корпуса, по 5 от каждого армейского и кавалерийского корпусов, по 10 от каждого фронта и 6 от Кавказской армии.

В 1916 г. на конференции Николаевской инженерной академии рассматривалась возможность открытия ускоренных курсов. К сожалению, вопрос не получил в дальнейшем разрешения³⁰. В войну обнаружился катастрофический недостаток в военных инженерах. К 1914 г. корпус военных инженеров состоял всего из 820 человек, а к концу войны его численность резко сократилась³¹.

Занятия в Михайловской артиллерийской академии предполагалось начать в 1916 г. Предписывалось на учебу в академию направлять офицеров, получивших ранения на фронте и имевших базовое артиллерийское образование или закончивших физико-математические факультеты высших учебных заведений³².

Кроме того, непосредственно перед революционными событиями в декабре 1916 г. и в январе 1917 г. в академии для бывших слушателей старшего курса, отчисленных в августе 1914 г. при закрытии учебного заведения после объявления войны, были проведены экзамены. Их офицеры сдавали для перехода на дополнительный курс или приобретения прав окончивших два курса академии.

Во время войны занятия в Александровской военно-юридической и Интендантской академиях не проводилось. Императорская военно-медицинская академия продолжала готовить военных врачей. В годы войны требования к обучавшимся оставались высокими. Так, слушатели, не сдавшие зачетов хотя бы по одному из предметов, практическим занятиям, «по которым обязательны, не могут быть допускаемы к переводным экзаменам испытаниям»³³.

Верховный Главнокомандующий приказал взамен лагерных сборов привлекать слушателей академии на практику в действующую армию. Слушатели 1–2 курсов командировались в «главные перевязочные отряды при пехотных дивизиях для несения службы в качестве нижних чинов-санитаров», слушателей, перешедших на 4-й курс, направляли «для несения службы в военно-врачебные заведения действующей армии»³⁴. Слушателей, окончивших восемь полугодий, было приказано «произвести в звание зауряд-врачей 1-го разряда и назначить на службу в военно-врачебные заведения действующей армии до окончания войны»³⁵.

Таким образом, Первая мировая война стимулировала развитие военно-учебных заведений, способствовала развитию их сети и расширению их профиля. С началом боевых действий они перешли на ускоренный вариант подготовки командных кадров. Ратный труд открыл путь к офицерскому званию многим представителям молодежи, не имевшим такой возможности до войны из-за недостаточной образовательной подготовки. Накануне Великой русской революции большинство офицерского корпуса составляли офицеры, подготовленные в годы войны. Несмотря на все усилия руководства военного ведомства, необходимого количества офицеров в войсках не хватало в связи с огромными потерями, которые несла армия в годы войны.

---

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1989. С. 16.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 28 об.

³ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920. М., 1988. С. 23.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 33.

⁵ Приказ по военному ведомству № 689 от 1914 г.

⁶ Там же. № 756 от 1914 г.

⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1862. Л. 4 об.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ РГВИА. Ф. 319. Оп. 1. Д. 508. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. 1751. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1. С. 17.

¹² Приказ по военному ведомству № 647 от 1914 г.

¹³ Там же. № 309, 310 от 1914 г.

¹⁴ Там же. № 82 от 1916 г.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2174. Л. 35.

¹⁶ Адамович Б.В. Выдержки из донесений военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань, 1917. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2174. Л. 979.

¹⁹ Адамович Б.В. Выдержки из донесений военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань, 1917. С. 4, 15, 40, 55, 74.

²⁰ РГВИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 58. Л. 46.

²¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 79. Кавтарадзе А.Г. называет иное число выпускников – более 170 000 прапорщиков. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1998. С. 25.

- ²² РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 17. Л. 21–21 об.
- ²³ Приказ по военному ведомству № 17 от 1915 г.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 25. Л. 2, 6, 17.
- ²⁵ Елисеев С.П. Подготовка авиационных кадров в России в годы Первой мировой войны // Постигая военную историю. Вып. 6. М., 2000. С. 49–69.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 74. Л. 27.
- ²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 116. Л. 59 об.
- ²⁸ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 43.
- ²⁹ Приказ по военному ведомству № 627 от 1916 г.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 4557. Л. 4.
- ³¹ Сто двадцать лет Военно-инженерной академии. 1819–1939. М., 1939. С. 68.
- ³² Приказ по военному ведомству № 621 от 1915 г.
- ³³ Официальная часть // Известия Военно-медицинской академии. 1916. № 1. С. 126.
- ³⁴ Приказ по академии № 31 от 1915 // Известия Императорской Военно-медицинской академии. 1915. № 3. С. 365.
- ³⁵ Там же.

В.В. Наумов, В.Ю. Микрюков (Санкт-Петербург)

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО ПОДХОДА В РЕФОРМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ обучения военнослужащих, которая была призвана заменить унаследованную от СССР систему, стартовала в 2008 г. С тех пор она поэтапно реализовывалась, вызывая немалую критику со стороны бывших и действующих военных; некоторые из них напрямую называли ее «развалом» отечественного военного образования.

Курировала процесс бывшая соратница А. Сердюкова по налоговому ведомству, что также вызывало немалое раздражение у кадровых военных. По сути, решать судьбу подготовки военных кадров в стране было поручено человеку, не имеющему никакого отношения к армии. В то же время сторонники А. Сердюкова утверждали, что такой подход оправдан – привлеченные им со стороны кадры (в основном женщины) не были связаны ни с кем из военных кругов и, соответственно, не могли лоббировать чьи-либо конкретные интересы.

В 2009 г. в рамках этой образовательной реформы прошло масштабное сокращение военных учебных заведений. Так, вместо 64 вузов стало 10 (три военных учебно-научных центра, шесть военных академий и один военный университет). Часть вузов объединилась в рамках процесса укрупнения, а часть была и вовсе сокращена, преподавательский состав уменьшился в 7 раз. По задумке, такого количества офицеров российским вооруженным силам было не нужно. Причем изначально планировалось, что процесс создания «системообразующих вузов» завершится к 2013 г., но реформирование прошло опережающими темпами.

По версии авторов реформы, «оптимизация» военных вузов была необходима для сокращения расходов на обучение офицеров, а также позволяла повысить качество образования благодаря концентрации наиболее квалифицированного профессорско-преподавательского состава. При этом в процессе «оптимизации» пострадали многие легендарные учебные заведения, например, Военно-космическая академия имени Можайского, Академия воздушно-космической обороны в Твери и другие вузы с громкими именами.

Для управления новой структурой и был преобразован департамент образования Минобороны в период с 2008 по 2012 г., из нормативно-правового и научно-методического управления он превратился в центр по контролю за военными вузами и средними специальными учебными заведениями.

По мнению многих военных специалистов, такой ход не был оправдан – процесс подготовки офицерских кадров должен проходить внутри системы Минобороны, под непосредственным контролем военного начальства. Именно здесь накоплен необходимый опыт, и именно здесь как нигде понимают специфику военного образования, которая недоступна для гражданских образовательных кадров.

Только возвращение военных вузов и военных учебно-научных центров (ВУНЦ) под контроль военного руководства позволило ликвидировать те негативные факторы, которые возникли в ходе реформы военного образования А. Сердюкова.

Генерал армии С.К. Шойгу продолжает корректировку системы военного образования. Департамент образования Минобороны освобожден от своих, точнее не своих, функций, и в 2013 г. из его подчинения выведены военные вузы и ВУНЦ и подчинены командующим соответствующих войск. Летные – главкомату ВВС, морские – главкомату ВМФ, сухопутные – главкомату Сухопутных войск и т. д. Академия Генштаба находится под управлением начальника Генштаба Валерия Герасимова, Рязанское высшее воздушно-десантное училище – командующего ВДВ Владимира Шаманова, Академия РВСН имени Петра Великого – главкома РВСН Сергея Каракаева, Академия материально-технического обеспечения – заместителя министра обороны Дмитрия Булгакова. Непосредственное управление вузами и ВУНЦ осуществляют управления, созданные при каждом главкомате.

Авторы статьи излагают свои взгляды на реформирование военного образования в современных условиях. При этом главной задачей считается подготовка компетентного специалиста в области управления войсками и оружием, в процессе которой следует значительно поднять роль науки.

На наш взгляд, причины неудач нашей армии в последние годы кроются, прежде всего, в отсутствии научного подхода к планированию и осуществлению войсковых операций, пренебрежении научными методами, низким уровнем компетентности и реального образования многих военачальников.

В современных условиях неспособность точно рассчитать необходимое количество сил и средств, формы и способы их применения, быстро и верно прогнозировать динамичные боевые действия чреваты тяжкими последствиями, исправить которые подчас будет просто невозможно.

Для достижения победы над врагом в современной войне необходимо знать историю военного дела и все современные теоретические и практические достижения в области военного искусства, кибернетику, теорию принятия решений. Все это требует высокого уровня подготовки и компетентности от командующих (командиров) всех степеней. Примером тому может служить Г.К. Жуков, который, как свидетельствует президент АВН РФ генерал армии М.А. Гареев, «военных академий не кончал (о чем он искренне сожалел, а не гордился, как некоторые другие), но всю жизнь много читал, упорно работал над собой, глубоко осмысливал военно-теоретические проблемы и поэтому был на высоте современных ему военных знаний».

Однако сегодня вместо того, чтобы поднимать уровень своей профессиональной военной подготовки, многие российские офицеры и генералы ударились в коммерцию, решение собственных бытовых проблем. Армию не интересуют фундаментальные исследования в области стратегии, оперативного искусства и тактики, в то время как важнейшей проблемой современного военного искусства стала необходимость дальнейшего совершенствования управления войсками на стратегическом, оперативном и тактическом уровне. Это связано с появлением на вооружении войск новых, более мощных средств борьбы, увеличением динамизма военных действий, изменением организационной структуры войск, их оперативного построения.

Все это сопровождается увеличением объема работы командующих (командиров) и их штабов, требует гибкости, непрерывности и оперативности управления войсками и оружием. Чтобы в сжатые сроки принять правильное решение на проведение операции, необходимо уметь проводить сложнейшие расчеты, требующие от командующих (командиров), штабов больших знаний, умений и навыков в области исследования операций, математического моделирования, теории принятия решения и компьютерных технологий.

Для этого необходимо дальнейшее развитие военной науки и широкое использование в военном деле достижений и открытий других наук, прежде всего в области новых информационных технологий.

Для успеха военной реформы требуется обеспечить стабильность финансирования военной науки и увеличить ассигнования на фундаментальные исследования в области строительства Вооруженных сил и военного искусства. «Исторический опыт показывает, что при всем разнообразии и сложности явлений войны им присущи внутренние, глубокие и существенные связи, в них есть нечто общее, устойчивое и повторяющееся с силой необходимости. Поэтому формы и способы вооруженной борьбы порождаются не “свободной” волей полководцев, командиров, а подчинены, как и сама деятельность людей, независимым от их воли и сознания объективной действительности, определенным закономерностям и своим специфическим принципам. Этим и объясняется возможность и необходимость военной науки, представляющей собой систему знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, строительстве и подготовке вооруженных сил и способах ведения вооруженной борьбы», – отмечал М.А. Гареев.

Однако, говоря о военной науке, необходимо отметить, что в последнее время стало наиболее заметным существовавшее всегда отставание «военных» ученых от «гражданских». Своё проявление это находит в уменьшении числа фундаментальных исследований, проводимых «военными» учеными, сокращении и без того малого числа деятелей науки мирового и государственного уровня из армейской среды, уменьшении количества ученых из числа гражданских лиц, работающих в военных учреждениях. На наш взгляд, причина такого состояния дел в следующем.

Во-первых, следует отметить, что за последние десятилетия резко снизилась престижность обучения в военном вузе. Сейчас все больше молодых людей стремится заняться бизнесом, получить образование, обеспечивающее высокую оплату, а такие понятия, как долг, честь и совесть уходят у них на второй план. С другой стороны, немаловажную роль сыграла деятельность средств массовой информации, которые, начиная с 1985 г., выплеснули немало «грязи» на армию. Все это, конечно, не способствовало повышению престижности военно-учебных заведений и в настоящее время привело к тому, что все больше молодых людей предпочитают гражданский вуз военному.

В результате уменьшения числа кандидатов уменьшился и средний показатель знаний, необходимый для поступления в военно-учебное заведение по сравнению с гражданским вузом. Таким образом, уже с самого начала наблюдается отставание в подборе людей, имеющих склонность к научно-исследовательской и педагогической работе.

Если обратиться к процессу обучения, то здесь следует отметить, что качество преподавания и программы обучения еще далеки от совершенства, как в военном, так и в гражданском вузе. Вместе с тем, хотелось бы отметить большую гибкость при обучении в гражданском вузе. Это проявляется в том, что в гражданском вузе больше времени уделяется изучению фундаментальных наук, а все узкоспециальные дисциплины выносятся в программу специальных курсов и семинаров с необходимым условием набрать за время обучения в вузе требуемое их количество. Это способствует тому, что каждый обучающийся может сделать свой выбор в изучении специальных дисциплин, сообразуясь со своими способностями и склонностью. А сознательный выбор изучаемого предмета и заинтересованность в нем способствуют более глубокому его усвоению. Кроме того, такой подход в обучении дает выпускникам необходимую базу для овладения любой специальностью по профилю вуза. Учитывая тот факт, что до последнего времени значительная часть выпускников военных училищ (институтов) получала назначения не по специальности, увеличение числа фундаментальных наук за счет некоторого сокращения узкоспециальных дисциплин и более гибкое их распределение способствовали бы скорейшему росту числа «военных» специалистов, используемых в различных областях деятельности.

Говоря об обучении в военном училище (институте), нельзя не остановиться и на таком факте, как распоряжение имеющимися в наличии готовыми специалистами. За время обучения в военном вузе выявляются наиболее подготовленные в научном и педагогическом плане курсанты, определяются их педагогические способности, способности к научно-исследовательской деятельности. Однако кафедры проявляют полнейшее безразличие к судьбе будущих офицеров и расстаются с курсантами после окончания ими училища (института) с легкостью. Например, из практики службы в армии ни один из способных курсантов не был оставлен по окончании военного вуза в адъюнктуре или преподавателем на кафедре. А те из них, кто все же был оставлен в училище, получали, в основном, назначение на должность курсового офицера (командира взвода курсантов), мало связанную с преподавательской и совершенно не связанную с научно-исследовательской работой.

То же безразличие к судьбе будущих военных педагогов и ученых проявляется и в процессе службы офицера в войсках. Как правило, работа офицера в воинских частях также мало связана с преподавательской и практически не связана с научно-исследовательской деятельностью. Поэтому кафедры военных вузов могли бы оказать неоценимую помощь склонным к научным исследованиям и педагогической работе офицерам, давая им индивидуальные задания по подготовке материалов лекций по той или иной дисциплине, разработке той или иной научной задачи, поддерживая с ними творческую связь. Это позволило бы иметь всегда свежий материал, полученный непосредственно из первых рук, подобрать необходимый контингент для обучения в адъюнктуре и стимулировать научно-исследовательскую деятельность офицеров в войсках.

К сожалению, подавляющее большинство офицеров лишено информации не только о перспективных направлениях науки, в том числе и педагогической, но даже и о том, по каким специальностям проводят набор в адъюнктуру, каковы условия приема. Все это приводит к тому, что за «бортом» остается много способных, склонных к научно-исследовательской и педагогической работе офицеров. И это в то время, когда, как отмечает М.А. Гареев, «особенно важна подготовка молодых ученых широкого профиля, способных с новых позиций осмысливать сложные явления войны с охватом всех социально-политических, экономических и военных факторов.

Необходимость подготовки таких кадров в наше время проявляется особенно наглядно, ибо чем выше степень специализации и дифференциации различных отраслей военных знаний по видам вооруженных сил и родам войск, тем большее значение приобретает системное исследование сложных проблем войны и военной науки с учетом всех факторов, влияющих на их развитие и раскрывающих глубинный смысл коренных качественных изменений в военном деле и перспективы его развития. Для этого кроме творчества руководящих кадров нужны и современные ученые высокой квалификации, с широким диапазоном военно-политического, оперативно-стратегического и военно-технического мышления».

Что касается непосредственной подготовки будущих военных ученых и педагогов в адъюнктуре, то здесь необходимо остановиться на следующих моментах.

Во-первых, само предназначение адъюнктуры. Согласно положению, она предназначена для подготовки научно-педагогических кадров. В то же время значительная часть выпускников адъюнктуры получает назначение на должности научных сотрудников, которые не связаны с педагогической деятельностью. А те офицеры, которые после ее окончания становятся педагогами, успевают за время работы над диссертацией основательно подзабыть многое из того, что читалось им в начале обучения в адъюнктуре по педагогике и организации учебного процесса. Кроме того, часть из прочитанного материала устаревает.

Во-вторых, в научной подготовке основное внимание уделяется овладению современными методами исследования. Однако изучение большинства современных методов исследования только в одном, отдельно взятом военном вузе не позволяет освоить их во всей глубине, охватить все перспективные направления. Это связано с тем, что ни один вуз не в состоянии самостоятельно охватить все научные проблемы, использовать все существующие научные методы для их решения. Поэтому большое значение здесь приобретает сотрудничество с другими, в том числе и гражданскими вузами. Однако здесь, на наш взгляд, лежит одна из основных причин отставания военных ученых и педагогов. Эта причина – невозможность обсуждать свои проблемы и делиться опытом с ведущими специалистами из других организаций и ведомств. «Без знания всех обстоятельств дела, не располагая исчерпывающими данными по существу того или иного вопроса, действительно научной,

объективной истины найти нельзя. Ненужная закрытость информации, когда даже данные по истории Великой Отечественной войны оставались засекреченными, принесла большой вред военной истории и науке. Еще раз напомним указания Г.К. Жукова, данные им в 1957 г., о том, что или надо давать ученым нужную информацию, или не делать вид, что мы действительно занимаемся серьезной научной работой», – отмечал М.А. Гареев.

Открытая дискуссия с привлечением ведущих в своей области специалистов позволяет осветить проблему со всех сторон и способствует скорейшему ее решению. Гражданские вузы имеют в этом плане большое преимущество. У военных же дело доходит до абсурда, когда из-за требований режима секретности некоторые педагоги и ученые не знают, над чем работают, чем занимаются и что преподают их коллеги из одного рода войск. И это при условии, что расчеты и отчеты по выполненным исследованиям, материалы лекций, учебники и учебные пособия подготавливаются на совершенно не защищенных ЭВМ, используя иностранные информационные технологии.

Известно, что в настоящее время 40 % времени в научной и педагогической работе тратится на поиск информации. Но это если есть возможность и необходимые условия для поиска. А если полностью отсутствует информация о педагогической работе, научных исследованиях, конференциях и семинарах, проводимых в различных видах ВС или в гражданских вузах? Это не только затрудняет научный поиск, но и приводит к параллелизму в работе. К примеру, такими вопросами, как надежность техники, безопасность ее эксплуатации и т.п. занимаются множество вузов страны, как военных, так и гражданских. Однако если среди гражданских вузов эти вопросы широко освещаются в прессе, проводятся семинары и конференции с участием представителей различных министерств и ведомств, в том числе и зарубежных, то в военных вузах эти вопросы, как правило, обсуждаются в лучшем случае в пределах одного вида ВС. Это приводит к тому, что проблемы, решаемые в одном виде ВС, уже давно решены в других видах ВС, и наоборот, некоторые перспективные направления разрабатываются в одиночку, без использования научного потенциала различных видов ВС. При этом иногда именно из-за отсутствия теоретических разработок, выполненных гражданскими вузами, в военных вузах эти исследования прекращаются.

Но даже в этих условиях гражданские специалисты в военных вузах имеют больше возможностей заниматься научной и педагогической работой, чем сами военные. Так, если для гражданских ученых в военном вузе отводится 1800 часов в год на научно-исследовательскую работу, то для военных только 1500 часов. Это связано с командирской подготовкой военнослужащих. Не подвергая сомнению необходимости последней, следует отметить, что в часы командирской подготовки не входит время несения службы в различных нарядах. Количество нарядов в месяц в различных научных подразделениях колеблется от 1 до 3. С учетом времени на подготовку и непосредственное несение службы в наряде это составляет от 300 до 600 часов в год. Таким образом, даже при самых благоприятных условиях военным отведено на 600 часов меньше на научно-исследовательскую работу, чем гражданским. Кроме того, из 1500 часов, отведенных первоначально на научно-исследовательскую работу, 10 % зарезервировано на оперативную работу по заданию начальника. Как правило, эти задания сопряжены с подготовкой справок, оформлением документов, изготовлением плакатов и т. п. работой, совершенно не связанной с научно-исследовательской деятельностью и фактически составляющей до 50 % общего времени на НИР.

Еще хуже обстоит дело у тех военнослужащих, которые сочетают научную и педагогическую деятельность. По плану им отводится на научно-исследовательскую работу всего 300 часов. Но это при условии, что подготовка всех необходимых технических материалов для лекции, а именно: печатание текстов лекций, изготовление плакатов и т. д. приходится на технических работников. С учетом дальнейшего сокращения технических работников эта часть работы все больше ложится на плечи педагогов. Вот почему большинство военных педагогов после окончания адъюнктуры прекращает научные исследования, замыкаясь в своей работе только на подготовку и проведение учебных занятий по «старому» материалу. На остальное им просто не остается ни сил, ни времени.

Адмирал С.О. Макаров в свое время сказал о том, что «офицер, который после окончания военного училища перестал учиться, не может считаться надежным офицером». А много ли офицеров после назначения на преподавательскую должность продолжило учиться? Много ли из них выезжало в войска для изучения на месте состояния дел, знакомства с поступающим вооружением и военной

техникой? Даже в «застойные» времена таких офицеров можно было по пальцам пересчитать. Ну а в нынешнее время офицеров вуза, желающих выехать в войска для пополнения багажа знаний, пожалуй, и не найти. Поэтому сейчас не редки случаи, когда офицер-преподаватель вызывает офицера-слушателя для того, чтобы тот для всех, в том числе и для самого преподавателя, сделал сообщение по теме занятия. Так как уровень знаний самого преподавателя, в течение 5 последних лет не выезжавшего за пределы военного вуза и видевшего новую технику только на картинках учебника, значительно ниже уровня знаний слушателя, недавно прибывшего из войск. И очень часто занятия в военных вузах напоминают заседание дискуссионного клуба, в котором идет обмен знаниями и опытом между собравшимися.

В связи с этим руководством Минобороны предложено проводить своеобразную ротацию между офицерами-преподавателями и офицерами из войск, направляя первых в длительную командировку (не менее чем на полгода) на одну из штатных офицерских должностей для обновления и пополнения своих знаний, сочетая учебу с боевой работой, а наиболее подготовленных офицеров из войск откомандировывать в военные академии (училища) для проведения занятий взамен преподавателей, пополняющих свои знания в воинских частях. И в том и в другом случае польза будет огромная.

Отдельного разговора требует вопрос написания диссертационных работ на специальные темы соискателями ученых степеней.

К сожалению, в настоящее время большинство диссертантов старается прикрыть тривиальные рассуждения научной терминологией, употребляя к месту и не к месту различные иностранные слова, типа квинтэссенция вместо самое главное, сорт вместо разновидности, конечный вместо конечный и т. п. Да еще двухэтажными формулами пытаются запутать, весь физический смысл которых в большинстве своем заключается в том, что дважды два равняется все-таки четырем.

Некоторые диссертанты из числа военных стараются присвоить своим работам как можно более высокий гриф секретности для того, чтобы ограничить круг лиц, которые могут ознакомиться с диссертацией. Далее технология проста. Берутся несекретные исследования какого-нибудь автора, опубликованные в одном из научных журналов, материал этих исследований подгоняется

к теме и заносится в диссертационную работу, в которой дополнительно, к месту или не к месту добавляются сведения секретного характера.

В основном, если ты адъюнкт, то тебе всеобщее одобрение, конечно, если ты не успел за время написания диссертации нажать себе «заклятых друзей», которые для твоего же «блага» будут рекомендовать еще поработать над темой. Но такое бывает очень редко, особенно для плановых адъюнктов, сведения о планируемых сроках защиты диссертаций которых находятся в вышестоящей инстанции.

На наш взгляд, глубоко неправильна и порочна сама система отбора в адъюнктуру, когда будущий адъюнкт подбирается не исходя из необходимости подготовки специалиста по тому или иному научному направлению для решения важных научных задач, а по разнарядке, выделяемой каждой кафедре, в лучшем случае, под конкретного научного руководителя, занимающегося узкопрофильным направлением исследований, а в худшем – навязыванием кафедре силовым методом знакомого или родственника кого-нибудь из военачальников.

Как уже отмечалось, существует определенное информационное ограничение по вакантным местам на кафедрах для обучения в адъюнктуре, а также по программе специальной подготовки для поступления в адъюнктуру. Например, кандидат в адъюнктуру узнает содержание программы, по которой осуществляется подготовка к сдаче экзамена по специальности, только тогда, когда прибывает для сдачи вступительных экзаменов, а до этого он готовится по программе поступления на один из факультетов, мало что общего имеющей с программой по специальности для поступления в адъюнктуру.

Немного о защите диссертационных работ «крупными» военачальниками. Почему-то так получается, что начальник в военном вузе, никогда до назначения на руководящую должность в вуз научной работой не занимавшийся, через год-два становится кандидатом, а затем и доктором наук. Как пишутся и как защищаются диссертационные работы теми, кто их пишет и защищает уже после назначения на руководящую должность в военное образовательное учреждение – это секрет Полишинеля. Не один специалист, да что там специалист, не одно научное подразделение бывает задействовано на эту работу. Ну ладно бы от нее был толк, а то ведь

в большинстве случаев выполняется определенная квалификационная работа, нужная лишь для того, чтобы начальник получил ученую степень.

В связи с этим давно возникло предложение: вместе с назначением на руководящую должность в образовательное или научно-исследовательское учреждение присваивать неостепененному военачальнику соответствующую его рангу ученую степень. Например, при назначении на должность начальника факультета (начальника управления) или заместителя начальника военного вуза (научно-исследовательского института) присваивать ученую степень кандидата наук, а при назначении на должность начальника вуза или НИИ МО – доктора. Точно так же, как одновременно с назначением на вышестоящую должность присваивается очередное воинское звание, определяемое этой должностью и выслугой лет. Сколько тогда бы ресурсов высвободилось, сколько людей, вынужденных готовить для начальника нужный тому материал, соответствующим образом его оформлять, готовить защиту и т. д. и т. п.

В заключение статьи на тему реформы военного образования хотелось бы привести слова президента АВН РФ генерала армии М.А. Гареева: «Если руководитель любого ранга не стоит на вершине научных знаний, не утруждает себя чтением военной литературы, он не в состоянии воспринять их и тем более проводить в жизнь. В военном деле этот вопрос стоит особенно остро, ибо практически на военной службе любое новое положение, любое новое начинание можно осуществить на том или ином участке работы только с согласия и одобрения старшего начальника. И с этой точки зрения повышение требовательности к обучению и воспитанию кадров, приобщение их к военно-научной работе имеют огромное значение».

М.А. Несин (Новгород)

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ МОСКОВСКИХ ВОЙСК В ШЕЛОНСКОЙ БИТВЕ (ОБ УЧАСТИИ В СРАЖЕНИИ ЗАСАДНОЙ ТАТАРСКОЙ РАТИ)

ПОБЕДА МОСКОВСКОГО ВОЙСКА над многочисленным новгородским ополчением в знаменитой Шелонской битве сыграла значительную роль в московской централизации.

Это понимали и современники. В современном летописании этому сражению было уделено значительное внимание. И историки, занимающиеся проблемами покорения Новгорода и образования централизованного государства, тоже не могут пройти мимо нее. Ее без преувеличения можно назвать одной из самых важных и знаменитых битв в отечественной истории XV в. В общих чертах ее ход и итог известен: московские войска под руководством великокняжеских воевод Д.Д. Холмского и Ф.Д. Хромого были посланы великим князем Иваном III от Демьянска для встречи со псковичами (против которых в это время двинулось и новгородское ополчение). Москвичей было, по оценкам летописей, от 4 до 5 тысяч человек, а новгородцев около 40 тысяч. Оба войска шли вдоль р. Шелони, москвичи по правому берегу, новгородцы по левому, и к вечеру 13 июля 1471 г. заметили друг друга, но сразу биться не стали и остановились на ночь. Но наутро, в воскресенье 14 числа москвичи форсировали реку и быстро разгромили сравнительно многочисленное новгородское ополчение.

Однако до сих пор остались не выяснены некоторые ключевые вопросы. Например, исследователи еще не пришли к единому выводу о тактике московских войск. По-прежнему остается открытым вопрос об участии в сражении засадного полка касимовских татар царевича Данияра, который сыграл видную роль в разгроме новгородского ополчения.

Сведения о «западной» (засадной. – *М. Н.*) «рати» татар сохранились в новгородском летописании последних лет новгородской самостоятельности – в Строевском списке Новгородской IV летописи (Далее – *НIVЛ*). В этом же источнике имеется утверждение, что поначалу новгородцам удалось отбить натиск московской конницы и отбросить ее обратно за реку. И лишь татарский засадный полк решил исход битвы в пользу Москвы¹.

Однако в иных памятниках современного летописания (прежде всего, Московском великокняжеском своде², Типографской летописи³, псковских летописях⁴, Устюжской летописи⁵) содержится значительно более простая картина побоища: москвичи форсировали реку и напали на новгородцев спереди, а те растерялись и вскоре побежали.

Таким образом, можно выделить, по сути дела, две основные концепции битвы – новгородскую и московскую (принятую затем и иногородними летописцами).

Историки обычно считают эти версии взаимоисключающими, и либо допускают правомочность обеих⁶, либо, чаще всего, придерживаются одной из них.

Так, Р. Г. Скрынников отдал предпочтение именно новгородской версии о первоначальном успехе новгородцев и роковой роли засадной татарской рати. Ученый весьма критически относился к московской централизации и высоко оценивал новгородскую «политическую культуру». В своей монографии с выразительным названием «Трагедия Новгорода» он безоговорочно отверг показания «московских источников» и принял на веру свидетельство новгородского летописца, изображавшего защитников вечевого Новгорода в более выгодном свете⁷.

К достоверности новгородской версии склоняется и Ю. В. Кривошеев, написавший специальную статью о татарах в Шелонской битве. Ученый рассматривает историографию данной проблемы, отмечает наличие сходных приемов в татарской военной тактике и обращает внимание на указание Типографской летописи, что у касимовского царевича Данияра новгородцы убили 40 «татарин» в неких «засадах». Но при этом конкретных данных в пользу участия оных татар в рассматриваемой битве историк не привел⁸.

Иного мнения придерживается Н. С. Борисов. В книге про древнерусских полководцев он посвятил отдельную главу биографии московского воеводы Даниила Холмского. Там он дал описание

Шелонской битвы исключительно по материалам Московского великокняжеского свода, а о новгородской версии не упомянул вовсе⁹.

Близкие взгляды на ход сражения высказывает и Ю.Г. Алексеев. Однако, при этом он тщательно рассмотрел обе летописные трактовки Шелонской битвы и обстоятельно аргументировал свои выводы. Прежде всего, ученый указал, что касимовский царевич Данияр шел не с войсками Холмского-Хромого, а следовал по Мсте в восточной колонне князя Стриги Оболенского¹⁰. Кроме того, ученому кажется немыслимым, чтобы новгородцы поначалу реально смогли отбросить москвичей за реку: для конницы в несколько тысяч человек это «означало бы ни что иное, как разгром москвичей новгородцами, что в корне противоречит всем известиям, в том числе и новгородским»¹¹.

Между тем, в московском великокняжеском своде есть практически не замеченное историками упоминание о неких «полках», которые напали на новгородцев с тылу. Когда к Холмскому и Хромому подвели пленных, они обратились к тем: «Что ради вы с толким множеством вой своих ни мала постоясте, и видяще малое наше воинство?» Они же рекоша к ним: «Мы бо видѣхом вас бесчисленное множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идущи, но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болшие стяги и скипетры, и говорѣ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны. и страх объят ны, и приять нас трепет»¹².

Прежде этот эпизод вообще почти не обсуждался учеными. Лишь в 2010 г. на него впервые обратили внимание С.С. Пашин и А.А. Геденова (именно в такой последовательности указаны их фамилии в их совместной статье). Ученые изучали известия о Шелонской битве исключительно с точки зрения герменевтики, а вышеуказанные слова новгородцев почему-то распенили как свидетельство того, что победа досталась москвичам исключительно по Божьей воле¹³.

Между тем, в приведенном известии на это нет никакого намека, как и данных о каких-либо сверхъестественных явлениях. Наоборот, пленные новгородцы назвали вполне конкретные причины – стремительный натиск основных московских сил, а также дополнительное нападение с тыла отдельных отрядов – «полков» с особыми знаменами желтого цвета и более крупными стягами и скипетрами.

При этом московский летописец никак не комментирует ответ пленников. Тем самым слова новгородцев кажутся им вполне естественными и не нуждающимися в каких либо разъяснениях. Но, таким образом, следует признать, что на Шелони в самом деле была некая засадная рать, да еще с особенными знаменами и скипетрами. Кстати, уникальный вид стягов, а тем более скипетра в те времена обозначал, что такой отряд происходил не из Московского княжества, а из другой земли, хотя он и выступал на стороне московских войск Холмского и Хромого. Надо думать, он присоединился к ним в пределах Новгородской земли. (Вышедшие из Москвы с ними иногородние полки князей Юрия Дмитровского и Бориса Верейского еще в Волоколамске присоединились со своими воинами к колонне великого князя Ивана III.)¹⁴ В этой связи версия новгородского сводчика о засадном татарском полке представляется вполне логичной. Правда, по справедливому замечанию Ю.Г. Алексева, Иван III направил татар с колонной Стриги-Оболенского (самого Данияра великий князь взял в свой отряд)¹⁵. Но потом летописи о них не упоминают, и у них было время перейти от Мсты к южному Приильменью, на помощь Холмскому и Хромому. Интересно и то обстоятельство, что выехавших из Москвы со Стригой касимовских татар Московский летописный свод (МЛС) разделяет по социальному признаку – на «князей» и собственно «татар»¹⁶, в то время как воины иных отрядов им так не дифференцируются. Видимо, татары подразделялись на разные отряды с «князьями» во главе. Не те ли это напавшие на новгородцев с тыла «иные полки», со скипетрами, стягами и желтыми флагами? Каждый полк, надо думать, имел свой стяг со знаменем и скипетр в руках своего воеводы – «князя». Другое дело, что помимо этих татар на новгородцев с тылу никто не напал – новгородцы заметили с той стороны явно однотипные желтые флаги, большие стяги и скипетры (хотя и отличные от обычных московских). К тому же Холмский и Хромой, не ожидая встретиться с новгородцами, распустили многих своих воинов грабить новгородские земли. Поэтому перед битвой все московское войско вместе с иноземным подкреплением составляло всего лишь около четырех–пяти тысяч человек¹⁷. Кстати, в этой связи вопрос, заданный Холмским и Хромым пленным новгородцам, что они, мол, испугались такого малочисленного войска, не кажется совершенно издевательским. Тем более, что в рядах новгородцев не было согласия, новгородский летописец отмечает

распри среди них перед самой битвой¹⁸, а московский великокняжеский летописец сообщает, что даже при паническом отступлении они кололи друг друга¹⁹. Поэтому москвичи не могли знать точно, что же все-таки так легко сломило волю огромного вражеского ополчения – только ли ловкий военный маневр, или же собственные внутренние свары...

Другое дело, что действия засадного татарского полка были явно согласованы с натиском москвичей, поэтому особо и не оговариваются. В этой связи сообщение новгородского летописца о том, что новгородское ополчение сперва отогнало было москвичей назад за реку, кажется вполне правдоподобным. Но речь, очевидно, следует вести не о реальном, а о тактическом отступлении. Следует согласиться с вышеуказанным доводом Ю.Г. Алексеева, что иначе бы они были разбиты (или, во всяком случае, не нашли бы сил для нового, победоносного натиска). Однако в мировой практике известны случаи, когда войско устраивает притворное отступление, чтобы заманить противника в ловушку. Московская служилая конница и татарский отряд были организованы лучше, чем новгородское ополчение, в рядах которого, вдобавок, не было единодушия. Но новгородцы (при всей условности летописной характеристики численности войск) превосходили своих врагов по численности в разы. Поэтому все-таки оставался очень серьезный риск, что они попросту сомнут москвичей у переправы через глубокую, широкую реку с сильным течением, тем более, что против этого места с новгородской стороны в Шелонь впадала речушка²⁰, что должно было еще больше усложнять переход (по словам Типографской летописи, многие москвичи на переправе и без того «опловоша»²¹, что в таких условиях неизбежно – ведь и по словам великокняжеского книжника, гордо уверявшего, что все перебрались благополучно, в том месте не было брода)²². Так что попытаться разгромить новгородское ополчение простым натиском было весьма рискованно. Поэтому логично предположить, что москвичи применили хорошо отлаженную военную тактику: внезапно устремились через реку на новгородцев (по летописи, первыми в воду бросились воеводы, увлекая за собой остальных)²³, а потом совершили притворное отступление, а в это время в тыл новгородцам внезапно ударил засадный татарский отряд. А затем уже и москвичи, не теряя времени, накинулись на новгородцев спереди. Надо отметить, и в этом случае они действовали оперативно и организованно. Историки

обычно изображают так, что москвичи просто стремительно форсировали реку и далее напали на новгородцев. Но в летописях содер­жится более точная информация. Согласно МЛС, москвичи «начаша преже стреляти» новгородцев, да так, что кони под теми испугались и стали «их с себя бити»²⁴. Типографская летопись тоже отмечает, что московские всадники «кликнуша на Новгородцевъ, стреляюще ихъ», но при этом она сразу же добавляет, что «иньи» московские воины «с копыи и з сулицами», «скочиша... по песку» на новгородское ополчение²⁵. Таким образом, московское войско разби­лось на две части: одни «начаша преже» обстреливать новгородцев, не доходя до них, а затем уже остальные непосредственно на­кинулись на врага по прибрежному песку «с копыи и з сулицы». Новгородцы оказались внезапно зажаты с разных сторон и утратили волю к победе. Эта операция прошла слаженно и успешно, вот почему в летописях все это обычно подробно не расписывается, а просто сообщается о московском победном натиске и бегстве испугавшихся новгородцев. Однако, как выясняется, сообщения новгородского летописца на деле по существу не противоречат данным московского великокняжеского свода, просто для новгородцев, не раскусивших военную тактику московских войск, притворное от­ступление москвичей показалось искренним, они в самом деле могли считать, что отбросили малочисленную конницу назад за реку, и если бы не коварный засадный татарский полк, то битва, дескать, имела бы совершенно иной исход. А для москвичей это была удачно совершенная операция, и им оставалось гордиться, как ловко и быстро они малыми силами смогли обратить в бегство огромную рать новгородцев. Интересна в той связи приведенная в Типографской летописи молитва Холмского и Хромого к Иисусу Христу. Воеводы ее произнесли перед самой атакой и призывали Господа помочь им одолеть многочисленных недругов, как Давид иноплеменного силача Голиафа, или Гедеон, с отрядом из 300 воинов, огромные полчища врагов: «Господи Исусе Христе Боже, пособиый кроткому Давыду победити иноплеменника Гольяфа и Гедеону такожде победити трема сты множество иноплеменныхъ, пособи же, Господи, ныне и намъ, недостойнымъ рабомъ твоимъ, надъ сими новыми отступники и изменники, иже восхотеша хрестьянскую веру православную покорити и к Латынской ереси преложитися и не восхотеша по заповедемъ твоимъ ходити и восхотеша Латынскому кралю и митрополиту работати и имяномъ ихъ

врагъ твоихъ, Господи, въ твоей церкви съборней имяноватися и поминати. Ты, Господи, помози намъ и имени твоего ради вся отъ тебе возможна, а отъ человекъ ничто же»²⁶. Историки почти не замечали этого эпизода. Лишь в 2010 г. на него обратили внимание С.С. Пашин и А.А. Гедеонова, но почему-то истолковали это в качестве книжных конструкций²⁷. Вполне вероятно, что эта молитва и в самом деле являлась художественным вымыслом монаха-летописца, а в реальности никем из воевод не произносилась. Но таким образом он, скорее, живописал вполне реальную обстановку на берегах Шелони. В самом деле, аналогии подобраны на редкость удачно. Давид был меньше Голиафа, отряд Гедеона – иноземного воинства, а москвичей – чем новгородцев. При этом следует учесть, что Давид и Гедеон одержали победы хитростью: первый поверг могучего врага пращей с безопасного для себя расстояния, а второй неожиданно напал на спящее воинство под покровом ночи, а проснувшиеся недруги, в потемках не разобрав, что к чему, сами перебили друг друга. И московские воеводы, надо думать, вполне могли молить Бога, чтобы им тоже с помощью ловкого маневра удалось разгромить превосходящего по численности врага. Другое дело, что по правилам христианского смирения подвиги Давида и Гедеона они приписали исключительно Божьему промыслу, и себе тоже молили даровать сходную победу.

Надо отметить, что все прошло не только блестяще, но и быстро: москвичи «на утро... изполчишися» и после взаимной перестрелки и перебранки бросились в бой, а новгородцы пустились в бегство в «полутра»²⁸, и, по-видимому, в пределах все того же утра москвичи успели их преследовать на протяжении 12 верст кряду и вернуться обратно с пленниками: разговор московских великокняжеских с пленными новгородцами тоже был «по рану»²⁹! При том, что одна погоня и возвращение, надо полагать, занимали до нескольких часов. (Псковская III летопись почему-то утверждает, что москвичи преследовали новгородцев до Голина³⁰. Но Голино находится в 35 км от примерного места Шелонской битвы близ деревни Велебицы. Это, разумеется, слишком далеко для того, чтобы успеть вернуться оттуда с пленниками за утро. Но если дотуда и гнались, то отдельные отряды, основная часть войска следовала верст за 12³¹, до р. Мшаги³², и вернулась с пленниками как раз в пределах утренних часов. Впрочем, это может быть просто следствием своеобразного псковского отношения к географии соседней Новгородской

земли. Известно, что место битвы псковские хронисты воспринимали как окрестности Сольцов, и признавая, что битва была не доходя до Сольцов, тем не менее условно локализовали погоню за побежавшими новгородцами от этого населенного пункта³³. В этой связи и Мшага также могла им казаться протекающей рядом с Голино, где у переправы через устье реки Шелонь расходились новгородские дороги на Русу и Псков. Поэтому, вероятно, речь на самом идет не о Голине как таковом, а о той же Мшаге, докуда и преследовали москвичи новгородцев.) Трудно сказать, каковы были потери москвичей. Летописи явно преуменьшали их жертвы: по МЛС, после битвы воеводы «видеша воя своя всех здравых»³⁴ (что, впрочем, являлось традиционным летописным оборотом в случае успешной войны с малыми жертвами), по Типографской летописи, они потеряли одного воина: «бысть же, братие, чюдо преславно видѣти: отъ таковаго множества людскаго Новгородцевъ единъ человекъ у нашихъ убьень бысть»³⁵. Даже если летописец считал только свободных людей, а не боевых холопов, то все равно эти противоречащие друг другу цифры стоит признать заниженными. Но новгородцы, как известно, потеряли около 12 тыс. убитыми, а до 2000 попало в плен! При этом какая-то часть из них уже сама во время бегства погибла в пути, утонув в водоемах, а те, что вернулись, долго блуждали по лесам, не разбирая дороги, были, если верить московской летописи, в таком больном состоянии, что лошади их везли, как сонных и пьяных, а некоторые в смятении примчались в город, будучи в полной уверенности, что москвичи захватили и его³⁶. Несмотря на то что эта характеристика звучит очень предвзято, некоторые основания, по крайней мере, отчасти, ей верить имеются. Новгородский летописец уверяет, что москвичи отложили битву до понедельника, чтоб не проливать кровь в воскресенье, «неделю»³⁷, хотя известно, что она произошла в воскресенье 14 июля на день Св. Акилы. А Иван III по случаю победы в самом деле заложил в Москве, как и обещал, храмы во имя Акилы и Воскресения Христова (как отметил Ю.Г. Алексеев, в Успенском соборе Кремля до сих пор имеется придел Св. Акилы)³⁸. Едва ли новгородцы стали сознательно путать дату – это им было никак не выгодно. Но сломленные, больные ополченцы, долго проблуждавшие по лесам, могли легко перепутать дни недели. Тем более, что согласно данным о новгородском храмовом зодчестве и сохранившейся фресковой живописи времен новгородской независимости

Св. Акила не был почитаемым новгородским святым, ему не посвящали ни одного храма, не любили изображать на храмовых фресках, и новгородские ополченцы, набранные из мирской среды, дня его памяти могли и не помнить, а предварительную субботнюю ночевку москвичей задним числом списать на воскресную.

После победы над новгородцами на Шелони Холмский и Хромой не повели войска на встречу со псковичами. Ведь новгородцы были разбиты. Поэтому далее они совершили грабительские походы в сторону западных рубежей Новгородской земли, разоряя ее.

Как отметил Ю.Г. Алексеев, «на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки»³⁹. Прослеженная нами тактика московских войск в Шелонской битве тому пример. Войска под началом Холмского и Хромого действовали быстро, оперативно и совершили хитроумный военный маневр. Если предложенная нами реконструкция сражения верна, то по своим тактическим характеристикам шелонская операция вправе быть поставлена в один ряд с такими прославленными батаями Средневековой Руси, как Ледовое побоище.

---

¹ Новгородская IV летопись (Далее – НIVЛ) // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 446–447.

² Московский летописный свод конца XV века (Далее – МЛС) // ПСРЛ. М., 2000. Т. 25. С. 288–289.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 345.

⁴ Псковские летописи (Далее – ПЛ). М., 1955. Вып. 2. С. 56.

⁵ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 47.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3-х кн. СПб., 2000. Кн. 2. Т. 6. Гл. 1. С. 255.

⁷ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1992. С. 12.

⁸ Кривошеев Ю.В. Татары и Шелонская битва 1471 года // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. Т. 2.

⁹ Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 125.

¹⁰ Алексеев Ю.Г. 1) Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. М., 1992. С. 153; 2) Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 122.

¹¹ Цит. по: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 122.

¹² Цит. по: МЛС. С. 289.

¹³ Пашин С.С., Геденова А.А. Герменевтический анализ летописных известий о битве на реке Шелонь // Новгородика–2010. Вечевой Новгород: материалы научно-практической конференции 22–24 сентября 2010 г. / Сост. Д.Б. Терешкина. В. Новгород., 2011. Ч. 1. С. 219.

- ¹⁴ МЛС. С. 286.
¹⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 344.
¹⁶ МЛС. С. 289.
¹⁷ ПСРЛ. Т. 24. С.345.; МЛС. С. 289.
¹⁸ НІВЛ. С. 446.
¹⁹ МЛС. С. 289.
²⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 182.
²¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
²² МЛС. С. 289.
²³ ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
²⁴ Цит. по: МЛС. С. 289.
²⁵ Цит. по: ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
²⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
²⁷ Пашин С.С., Геденова А.А. Герменевтический анализ летописных известий... С. 220.
²⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
²⁹ МЛС. С. 289.
³⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 184.
³¹ МЛС. С. 289.
³² ПЛ. Вып. 2. С. 56.
³³ ПЛ. Вып. 2. С. 56, 182, 184
³⁴ Цит. по: МЛС. С. 289.
³⁵ Цит. по: ПСРЛ. Т. 24. С. 345.
³⁶ МЛС. С. 289.
³⁷ Цит. по: НІВЛ. С. 446.
³⁸ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 122.
³⁹ Цит. по: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 124.

И.Н. Новикова (Санкт-Петербург)

МОРСКАЯ БЛОКАДА КАК МЕТОД ВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)*

М ИРОВАЯ ВОЙНА 1914–1918 гг. стала первой тотальной войной, когда не оставалось ни одной области человеческой жизнедеятельности, которая каким-либо образом не ощущала бы на себе ее влияние. Прежде главными действующими лицами в войнах являлись армия и флот, а экономика противоборствующих сторон могла при всех военных и политических осложнениях развиваться дальше, подпитывая своими ресурсами вооруженные силы. С августа 1914 г. военные действия испытывали на прочность экономический фундамент государств. Теперь победа во многом зависела от экономических ресурсов государства и от того, насколько та или иная воюющая коалиция была способна выдержать затяжной характер войны. Ее исход решался не только блестящей военной стратегией, но еще в большей степени зависел от усилий государства в целом. Война превратилась в состязание на выносливость.

Гигантские масштабы военных действий требовали бесперебойных поставок вооружения, снаряжения, боеприпасов, продовольствия. Ожесточенное военное противостояние сопровождалось острой экономической войной между Антантой и Центральными державами. При этом под термином «экономическая война» обычно подразумевается использование экономических средств и методов борьбы против страны-противника или коалиции государств для ослабления их экономического потенциала и сокращения

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант «Россия в стратегии Первой мировой войны», № 12-31-10010.

вследствие этого политической и военной мощи. Самым сильным и жестоким средством экономической войны в рассматриваемый период стала морская блокада. В данной статье предпринимается попытка определить основные методы блокадной политики Англии и Германии в 1914–1917 гг. и оценить их с точки зрения существовавшего на тот момент международного права.

Накануне Первой мировой войны превосходство Антанты на море было очевидным. Союзники имели в своем распоряжении 59 % мирового пароходного тоннажа (одна Британская империя имела 43 %), против 15 % Центральных держав¹. Господство на море давало возможность британскому судоходству без потерь перебрасывать миллионы солдат из доминионов. Так, в течение войны английские суда перевезли более 2,3 млн солдат, 2,24 млн животных и 46,5 млн тонн военных товаров². Однако военно-морской флот использовался для крупных операций на море крайне незначительно. С началом войны Антанта решила применить против «железных тевтонов» традиционное и, как показало время, весьма эффективное оружие – экономическую блокаду. Российский исследователь И.Н. Каверин дает следующее определение союзнической блокады как «совокупности насильственных мер (применение вооруженных сил, экономического и политического давления и контроля), направленных против международных экономических связей Германии с целью ее изоляции от внешнего мира и захвата ее рынков»³.

В кризисные дни августа 1914 г. вопрос об экономическом давлении на Германию изучался как в Лондоне, так и в Париже, но главная инициатива в проведении блокадной политики все же принадлежала Англии. Извлекая выгоды из своего островного географического положения и военно-морского превосходства, англичане традиционно делали ставку на подрыв экономики противника при помощи блокады⁴. Задачу уничтожения своих врагов на суше туманный Альбион предпочитал переложить на европейских союзников, которые и несли основные тяготы сухопутной войны.

Экономическая и морская блокада в той или иной форме менялась задолго до Первой мировой войны. Однако тогда речь шла об использовании преимущественно ближней блокады (*close blockade*) – когда силы блокирующего флота располагались в непосредственной близости от военно-морских баз и побережья противника. В этом случае каждая попытка заблокированного флота

выйти из своих баз неизбежно вызвала бы боевое соприкосновение с силами блокирующего флота. Специфика союзнической блокады в Первой мировой войне заключалась в том, что Англия не ставила перед собой цель и технически не собиралась осуществлять ближнюю блокаду Германии. Предпочтение было отдано в пользу так называемой дальней блокады (*distant blockade*), направленной на установление полного контроля над морскими коммуникациями противника, по которым поступали необходимые товары из нейтральных стран⁵. При этом речь шла о тотальном разрушении торговых связей противника. Дальняя блокада проводилась на морских коммуникациях на значительном удалении от военно-морских баз противника. При этом блокированный флот имел возможность действовать в пределах заблокированного района, практически не входя в соприкосновение с силами блокирующего флота. Апологетом дальней блокады в Англии являлся, в частности, военно-морской теоретик Джулиан Корбетт, который в своих работах подчеркивал особую важность сохранения собственных морских коммуникаций и разрушения торговых путей противника. Корбетт был также уверен в том, что успех в современной войне достигался не только посредством победы в сражениях, войну прежде всего «выигрывал богатый кошелек»⁶. Следуя некоторым советам Корбетта, английское военно-морское командование предпочло яростным морским столкновениям с германским флотом закрытие для Германии выхода в Атлантический океан, с тем, чтобы отрезать от внешнего мира и разрушить ее океанскую торговлю.

В условиях войны блокада становилась международной проблемой, затрагивавшей интересы не только воюющих, но и нейтральных стран. Режим морской блокады регламентировался Декларацией о вооруженном нейтралитете 1780 г., Парижской декларацией о морской войне 1856 г. и в особенности Лондонской декларацией «О правилах морской войны» 1909 г.

К трем основным правилам ведения войны на море, санкционированным международным правом, относились: право остановки и осмотра нейтральных судов, право установления блокады враждебного государства и право конфискации провозимых морским путем грузов противника.

Право остановки и осмотра позволяло военным кораблям воюющей страны останавливать и осматривать любые торговые суда, проверять судовые документы для установления национальности

судна и производить осмотр, чтобы убедиться в отсутствии контрабанды⁷.

Морская блокада должна была быть публично объявлена правительством блокирующего государства с указанием даты начала блокады, района блокируемого побережья и срока, предоставляемого нейтральным судам для выхода из блокируемых портов. Блокада должна быть действительной, т. е. действия, принимаемые для осуществления объявленной блокады, должны реально препятствовать доступу любых судов к блокируемым побережью и портам. Морская блокада считалась законной лишь в военное время⁸.

Право блокады предоставляло воюющей стороне возможность насильственным образом не допускать входа и выхода из неприятельских портов торговых судов нейтральных стран путем установления кордона военных кораблей вдоль побережья и особенно вблизи портов. Блокирующей стороне позволялось закрыть доступ судов, грузов или лиц (кроме нейтральных военных судов с особого разрешения блокирующего) к точно определенной территории, принадлежащей неприятелю или им занятой. При этом воюющие страны получали полную свободу препятствовать заморской торговле неприятеля только путем ближней блокады, не включая в зону блокады нейтральные порты. Судно, пытавшееся прорвать блокаду, подлежало захвату в пределах «района действий» судов, поддерживающих блокаду⁹.

Однако в ходе Первой мировой войны были нарушены почти все правовые нормы, предусмотренные Лондонской декларацией. Прежде всего, воюющие страны отбросили одно из основных ограничений – правомерность установления блокады *только неприятельского побережья*. Блокада частично распространялась на порты и территории нейтральных стран. Право остановки и осмотра судов на предмет контрабанды во время войны также подверглось серьезному изменению, как со стороны Антанты, так и со стороны Германии. Осмотр торгового судна проводился в порту, а не в открытом море. Такое нововведение безуспешно оспаривалось скандинавскими нейтралами и США.

В отношениях между воюющими и нейтральными государствами особую остроту приобрел также вопрос о контрабанде. Военная контрабанда – это грузы нейтральных собственников или противника на судах нейтральных государств, которые воюющая сторона запрещала доставлять своему противнику на том основании,

что они давали последнему возможность вести войну более успешно¹⁰.

Лондонская декларация 1909 г. делила все товары и материалы на три группы: *абсолютная контрабанда*, *условная контрабанда* и *неконтрабанда* (товары, свободные для провоза)¹¹. В первую группу входили предметы и материалы, служившие исключительно для военных целей (оружие, боеприпасы, военное снаряжение, военные корабли, взрывчатые вещества и др.). Статья 30 Лондонской декларации предусматривала, что абсолютная контрабанда подлежит захвату или уничтожению в любом случае, если перевозящее ее судно следует в неприятельский порт. При этом не принимались во внимание ни получатель груза, ни его отправитель, ни то, каким путем груз следует в этот порт – непосредственно или с перегрузкой. Товары абсолютной контрабанды подлежали захвату даже в том случае, если пунктом их назначения был нейтральный порт.

К *условной контрабанде* относились товары и материалы, которые могли быть использованы как для военных, так и для гражданских нужд: продовольствие, фураж, горючие и смазочные материалы, ткани. Данные товары подлежали захвату только в том случае, если их доставляли непосредственно в укрепленный порт неприятеля. Условная контрабанда подлежала захвату и уничтожению лишь тогда, когда она предназначена для вооруженных сил или органов военного управления противника. Предметы условной контрабанды не могли быть захвачены на пути в порт нейтрального государства, который судно с таким грузом посещает перед тем, как зайти в порт неприятеля. Если военная контрабанда составляет лишь меньшую часть груза судна нейтрального государства, само судно захвату не подлежит. Захватывается или уничтожается только контрабандный груз. Если же такой груз по массе, объему, стоимости или по цене фрахта превышает половину всего груза, подлежит захвату и перевозящее его судно.

Неконтрабанда или список «свободных товаров» состоял из товаров, необходимых для гражданского населения. Их нельзя было задерживать независимо от принадлежности порта назначения. Фактически такие списки содержали и товары, которые могли использоваться на военные нужды. Главная трудность заключалась в составлении именно списка товаров свободного провоза, так как в него, помимо сырья, необходимого вообще для целей производства, включались также и такие предметы и товары, которые могли

служить ингредиентами для военной промышленности (хлопок, нитраты, руда, аммиак, резина, стекло, каучук). Все зависело от обстоятельств и меняющихся условий.

На расширение списка контрабандных товаров повлияли научные открытия и достижения. Во время войны, когда все гражданское население оказалось в нее втянутым, товары, не имевшие военного значения, представляли собой крайне незначительную часть перевозимых морем грузов. Возникла очень сложная задача отделить груз нейтрального государства, предназначенный для него самого, от груза, доставляемого врагу¹².

Как уже указывалось, первая скрипка в организации блокады Германии и ее союзников принадлежала Великобритании. С самого начала войны Британия была больше других своих союзников заинтересована в осуществлении блокады Германии. Именно Лондон стал неформальным центром блокадной политики Антанты и, по крайней мере, до вступления Америки в войну, блокада являлась важнейшим инструментом борьбы Великобритании против Германии. Для осуществления задач по блокированию Германии и защите союзнических морских сообщений 8 августа 1914 г. была заключена Конвенция между британским адмиралтейством и главным штабом французского военно-морского флота о распределении зон действия флотов и службы контроля. Французский флот должен был в основном действовать в Средиземном море, военно-морской флот Англии – в Атлантическом и Тихом океанах, английский и французский флот совместно контролировали Ла-Манш¹³.

По мере продолжения войны английская блокадная политика становилась все более жесткой и суровой. Надежды нейтральных стран на то, что великие державы не будут нарушать прав нейтралов на свободную торговлю и свободное мореплавание, оказались иллюзией. 4 августа 1914 г. английское правительство опубликовало первые два списка товаров абсолютной и условной контрабанды¹⁴. К абсолютной контрабанде относилось двенадцать видов товаров: оружие, снаряды, самолеты и др. К условной контрабанде причислялось тринадцать видов, в том числе продовольствие, фураж, бинокли, золото, серебро, обувь. 29 октября 1914 г. большинство необходимых для Германии сырьевых материалов (в том числе медь, никель, алюминий, каучук) превратились легким росчерком пера английского премьер-министра Герберта Асквита из

товаров условной контрабанды в абсолютную контрабанду. Список абсолютной контрабанды насчитывал уже 41 вид товаров¹⁵.

Великобритания также применила новые методы инспекции грузов. Если торговое судно задерживалось, то грузы проверялись не в открытом море, как требовали нормы морского права того времени, судно препровождалось в ближайшую английскую гавань для детального осмотра и проверки. Задержанные суда отправлялись, в основном, в порты контроля Доун (в Дуврском проливе) и Киркуолл (у берегов Шотландии). В Доуне ежедневно осматривалось до 120 судов. Во избежание захвата судна владелец обязан был доказать, что груз не предназначался для военных целей¹⁶.

Осенью 1914 г. война на море стала в реальности войной нервов, когда два гиганта – английский Большой флот (Grand Fleet) и германский флот Открытого моря (die Hochseeflotte) – следили за малейшими передвижениями противника. Британский флот ощущал свое превосходство над германским противником, но вместо генерального сражения предпочитал сохранить свои силы. В качестве основной задачи в планах британского адмиралтейства предусматривалась не борьба за полное истребление германского флота, а экономическая блокада Второго рейха и обеспечение безопасности морских транспортных путей Великобритании и ее союзников¹⁷. Германский флот ощущал свою слабость по сравнению с английским и ожидал лучших времен. Германское командование сосредоточило основные силы своего флота в Северном море против Англии¹⁸. Немецкий военно-морской план предусматривал нанесение потерь английскому флоту, минные операции и по возможности активные действия подводных лодок. С помощью подобных мероприятий немцы надеялись обеспечить равновесие сил флотов двух держав перед тем, как вступить в решающий бой с противником¹⁹. Кроме того, кайзер Вильгельм предпочитал уберечь свое «любимое детище» – военно-морской флот – от страшных потерь, чтобы использовать его как фактор давления на Антанту на послевоенных мирных переговорах²⁰. Подобного мнения придерживался и рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег. Корабли германского военно-морского флота в основном охраняли побережье и защищали торговые пути в Швецию, откуда поступала столь необходимая для военной экономики железная руда. Гросс-адмирал А. фон Тирпиц образно назвал военно-морскую политику лидеров Второго рейха стремлением «упаковать флот в вату». В своих воспоминаниях он

с сарказмом отмечал: «В мирное время канцлер искренне жалел о том, что у нас был флот; в войне он действовал так, как будто этого флота не было»²¹.

Между тем, 2 ноября 1914 г. английское адмиралтейство объявило Северное море военной зоной. Все суда, которые после 5 ноября следовали маршрутом от Гебридских островов через Фарерские острова к Исландии, должны были прокладывать путь на «ответственный страх и риск», поскольку, как говорилось в приказе адмиралтейства, «море изобиловало немецкими минами». Чтобы избежать угрозы подрыва ни минах, британские власти предписывали судам, направлявшимся в Скандинавские страны и Голландию, другой маршрут следования – через Английский канал и Дуврский пролив, вдоль восточного побережья Англии²². Все торговые суда, занимавшиеся океанской торговлей, в такой ситуации становились объектом самого пристального контроля со стороны английского флота. Между Шотландией и Норвегией английские корабли перехватили для досмотра в 1915 г. около 3 тыс. союзных и нейтральных (в основном скандинавских) судов, в 1916 г. их количество возросло до 3338²³. Действия Великобритании нарушали нормы международного права, предусматривавшие право нейтральных государств вести свободную торговлю с воюющими странами.

В отличие от Антанты, на море Центральные державы находились в невыгодном положении. С началом войны 64 % германских торговых судов были интернированы Антантой в нейтральных портах²⁴. Центральные державы не имели доступа к обширным ресурсам планеты, сосредоточенным в разных уголках земного шара. Первые ответные меры Германии по отношению к союзнической блокаде были более сдержанными и копировали отдельные английские шаги. Так, в октябре 1914 г. германские патрули на Балтике начали захватывать нейтральные суда и препровождать их в германские порты побережья для осмотра. Но германские списки контрабандных товаров не были такими обширными, как английские²⁵.

Германский флот в основном занимался разбрасыванием мин на морских транспортных коммуникациях Антанты. С момента объявления Англией Северного моря военной зоной немецкие военно-морские круги во главе с начальником морского генерального штаба адмиралом Г. фон Полем начали усиленную агитацию в пользу проведения блокады Великобритании с помощью специального

«чудо-оружия» – подводных лодок. Подводные лодки являлись новым видом вооружений. Немцы сами, по замечанию известного российского исследователя В.К. Шацилло, по-настоящему «не имели представления о потенциальных возможностях этого оружия» до тех пор, пока 2 сентября 1914 г. командир одной немецкой подводной лодки не потопил за полчаса три английских крейсера²⁶. После этого адмирал Поль и адмирал Тирпиц стали энергично настаивать на ведении торговой войны с помощью подлодок. И еще до своей отставки, 4 февраля 1915 г. адмирал Поль сделал заявление о том, что воды, омывающие Британские острова и Ирландию, объявлялись театром военных действий. Германия собиралась «всеми имеющимися в ее распоряжении средствами препятствовать неприятельскому судоходству в названных районах»²⁷. А это означало, что встреченные в данной зоне вражеские торговые суда с 18 февраля 1915 г. должны были безжалостно уничтожаться без гарантий спасения экипажей и пассажиров. Нейтральные суда также подвергались угрозе быть уничтоженными.

Первая блокадная кампания Германии получила название «ограниченной» подводной войны, поскольку официально она была направлена только против неприятельских торговых судов, да и возможности немецких подлодок были в тот период довольно ограниченными. Нейтральные суда могли подвергаться опасности случайно. Но, к сожалению, случайности приобрели массовый характер – в этом районе немцы в основном топили суда нейтралов, которые Англия использовала для перевозки своих грузов, английские торговые суда нередко ходили также под флагом нейтральных государств.

Адмиралу Полю, как и его преемнику на посту начальника генерального морского штаба вице-адмиралу Густаву Бахману, тогда казалось, что Англия после шести недель подобной «ограниченной» подводной войны будет вынуждена занять примирительную позицию. Но англичане не особенно испугались немецкого подводного вызова. Первая немецкая подводная война не достигла своих результатов. Немцы переоценили свои возможности – подлодок для ведения эффективной торговой войны и блокады Англии было попросту недостаточно (к февралю 1915 г. Германия располагала примерно 27 подлодками, значительная часть которых была старого образца и годилась только для блокады неприятельского побережья, но не для действий в открытом океане²⁸). Не случайно в своей

речи в палате общин премьер-министр Асквит, говоря о попытках немецких подводных лодок перерезать поток грузов в Британию, риторически вопрошал: «Где германский флот?» – и сам отвечал: «Истинная правда в том, что германский флот – не блокадный, не может блокировать и никогда не сумеет блокировать наше побережье»²⁹.

Эффект от первой немецкой блокадной кампании был, пожалуй, более пагубным для Германии, чем для Антанты, поскольку ухудшились отношения Берлина с нейтральными странами, прежде всего с США. Особенно обострил отношения с Америкой инцидент с «Лузитанией». 7 мая 1915 г. недалеко от побережья Ирландии подлодка U-20 торпедировала пассажирский лайнер «Лузитания», в результате чего погиб 1201 человек, большинство из которых – женщины и дети. Среди погибших оказалось 128 американцев. Гибель «Лузитании» стала активно использоваться Антантой в своей борьбе за симпатии американцев и антигерманской пропаганде как пример варварства Германии. Подобные методы экономической войны образовали порочный круг, в котором каждая новая акция порождала более жестокие ответные действия противоположной стороны, а морская война все большее и большее воздействие оказывала на нейтралов.

При этом следует заметить, что методы британской блокады, призванные разрушить торговлю нейтралов с врагом, оказались в перспективе более эффективными, чем немецкая подводная война. В 1915 г. импорт Германии упал до 55 % по сравнению с предвоенным уровнем³⁰ и до 34 % к 1918 г.³¹ Австро-Венгрия страдала куда более серьезно, голодные бунты начались в Вене уже в начале 1915 г. В Германии, однако, серьезных волнений на этой почве не было до конца 1916 г.

Британии удалось наладить грамотную систему экономической разведки в Скандинавии, которая узнавала пункты назначения грузов и пресекала поставки контрабандных товаров. Британская служба экономической разведки была лучшей в этом регионе. Информация о торговле скандинавских нейтралов с противником поступала преимущественно из двух источников. Первую группу образовали доклады дипломатических представителей в Скандинавии и агентов разведки, вторая группа – это информация, полученная в результате цензуры почты и перехваченных радиogramм. В Лондоне был создан центр проверки всей корреспонденции и почтовых

отправлений, включая переписку фирм и других учреждений. Это позволяло установить коммерческие связи многих фирм нейтральных стран, подозревавшихся в торговле с Германией. Среди скандинавских нейтралов только Швеция активно протестовала против действий английской цензуры³².

1915-й год прошел под знаком усиления блокадной политики Великобритании. Причем в Лондоне сделали основной акцент на сокращении перевозок из нейтральных стран в Германию. 11 марта 1915 г. английское правительство издало так называемый «Акт о репрессалиях», в котором говорилось о том, что Англия примет все меры к прекращению всякой торговли Германии с другими странами как непосредственно, так и через нейтральные страны. Англия перешла к блокаде всех торговых путей Германии. Любое судно, идущее из Германии или в Германию, предписывалось захватывать, все товары, предназначенные для Германии или вывезенные оттуда, и товары, составляющие германскую собственность, а также товары нейтральных стран германского происхождения – реквизировать. Все корабли нейтралов, которые предположительно имели на своем борту грузы для Центральных держав, должны были препровождаться в британские и французские гавани для досмотра³³. Как следствие этого решения, с марта по июль 1915 г. воды Атлантического океана пересекли 306 шведских судов, из них 194 были препровождены в британские гавани, где они стояли до тех пор, пока не выяснялось, предназначался ли задержанный груз для Германии или ее союзников³⁴.

«Акт о репрессалиях» вступал в открытое противоречие с существующими нормами международного права. Он, в сущности, аннулировал разницу между абсолютной, условной контрабандой и неконтрабандой и привел к политике незаконного задержания нейтральных судов. Даже британский военно-морской агент в Скандинавии М. Консетт вынужден был признать, что этот документ являлся «незаконным». Не случайно Консетт процитировал по этому поводу слова премьер-министра Асквита: «Мы совершенно не намерены допустить, чтобы наши усилия были парализованы сетями юридических тонкостей»³⁵.

Весной 1915 г. англичане внесли новые изменения в списки контрабандных товаров. С 27 мая к военной контрабанде были отнесены машины и станки, которые могли быть использованы для производства военного снаряжения. С 20 августа 1915 г. контрабандой

стал хлопок, хлопковая пряжа и хлопковые отходы. 7 июля 1916 г. Англия официально аннулировала Лондонскую декларацию 1909 г.³⁶, но этот акт являлся не более чем формализацией реальности, сложившейся уже на протяжении двадцати месяцев войны. Кстати, российские специалисты в области морского права также не особенно сожалели об отмене Лондонской декларации, поскольку данный документ, по их мнению, отражал представления мирного времени, в военный период его соблюдение сделалось невозможным на практике³⁷.

В конце 1915–1916 гг. Англия приготовила для торгующих с Германией нейтральных стран новые «сюрпризы». В отношениях с нейтралами она ввела систему рационирования или нормирования, согласно которой нейтральным странам позволялось импортировать столько товаров, сколько соответствовало их внутренним потребностям. Для этого нейтральные страны должны были открыть данные своей статистики, публикация которых во время войны в Скандинавских странах была запрещена. Если правительство нейтральной страны не желало предоставить статистические данные о своем товарообороте, Британия была готова взять на себя эту тяжелую работу: в Скандинавии уже функционировала обширная система английского промышленного шпионажа. Если нейтральные страны отказывались от подписания двусторонних торговых соглашений с Британией, Лондон находил частные организации в нейтральных странах, с которыми можно было сотрудничать. В течение 1915 г. подобные соглашения были подписаны с Голландией, Данией и Норвегией. Из Скандинавских стран самой стойкой и неподдающейся давлению Англии оказалась Швеция, соглашение с которой было заключено лишь в конце мая 1918 г.

Своеобразным методом борьбы Антанты со своеволием нейтральных государств являлось составление «черных списков», в которые заносились фирмы, уличенные в торговле с Германией. С такими фирмами запрещалось вести какие-либо коммерческие отношения. Они лишались кредитов. Страховые компании отказывались страховать их грузы, а пароходные компании – перевозить их. Грузы, предназначенные для этих фирм, подлежали конфискации.

18 июля 1916 г. в Лондоне был опубликован первый «черный список». К апрелю 1917 г. в «черных списках» значилось 2962 фирмы, из которых 1269 находилось в Европе. Наряду с «черными

списками» имели хождение и «серые списки». В них включались фирмы, подозреваемые в торговле с врагом. С фирмами, попавшими в эти списки, разрешалась только деловая переписка. Фирмы, доказавшие свою непричастность к сношениям с врагом, вносились в «белые списки». Выявлением фирм, торговавших с Германией, занимались английские консулы и сотрудники английской разведки. В целом, «черные списки» и союзнические соглашения с нейтральными странами существенно ограничили импорт продовольствия в Германию, что, вместе с неурожаем 1916 г., привело к резкому обострению продовольственной проблемы в конце 1916 – начале 1917 гг. и, как следствие, объявлению Германией неограниченной подводной войны.

Острые дебаты о подводной войне возобновились в Берлине с августа 1916 г., когда фельдмаршал П. фон Гинденбург и генерал Э. Людендорф возглавили Верховное командование. Два прославленных генерала первоначально опасались неограниченной подводной войны из-за возможных трудностей с нейтральными поставщиками продовольствия – Данией и Голландией. О США они в то время думали меньше всего, недооценивая военную силу Америки. Однако по мере продолжения войны Гинденбург и Людендорф убедились в том, что новая подводная кампания могла бы отвлечь силы Антанты от решающих сражений на суше. Кроме того, по сравнению с 1915 г., более чем в два раза увеличилось количество подлодок, большинство из которых были более совершенными. К концу 1915 г. Германия имела 54 подлодки. В 1916 г. были закончены еще 108 новых субмарин. В ближайшие месяцы ожидалось поступление еще 24 больших и 10 малых подлодок³⁸. Окончательную точку в дискуссиях поставил 56-страничный доклад командующего военно-морским флотом Х. фон Хольтцендорфа, отправленный фельдмаршалу Гинденбургу 22 декабря 1916 г. Адмирал опирался на исследования «независимых экспертов». Согласно лежавшему в основе идеи неограниченной подводной войны «научному исследованию» одного «независимого эксперта», если топить каждый месяц по 600 тыс. тонн грузов, идущих в Британию, тогда в течение пяти месяцев Англия потеряла бы 40 % своего жизненно необходимого импорта и была бы вынуждена выйти из войны³⁹. Франция не сможет воевать одна на Западном фронте и тоже попросит мира. Россия вообще в одиночку, без помощи союзников, была бы не в состоянии, по мнению германских стратегов, продолжать войну.

Таким образом, неограниченная подводная война и полная блокада Англии привели бы, с точки зрения германских экспертов, к долгожданной победе. Доклад Хольцендорфа недооценивал экономическую и социальную приспособляемость Британии к тяготам войны, увеличение за военные годы зернового производства, в также эффективность системы конвоев. Германское командование не было убеждено в том, что флот так быстро выиграет войну. Однако оно полагало, что лучше действовать, чем ничего не делать, сохраняя патовую ситуацию на фронте. Генерал Людендорф предвидел громадное давление Антанты в 1917 г. на Западном фронте и полагал, что неограниченная подводная война будет способствовать улучшению ситуации на фронте. 9 января 1917 г. на конференции имперского руководства в Плессе было принято решение начать неограниченную подводную войну с 1 февраля 1917 г. Подводная война рассматривалась германскими военными стратегами как самое эффективное средство полной блокады Англии. Все корабли – английские, союзные, нейтральные – вошедшие в «военную зону», окружающую Британские острова, Германия решила топить с помощью субмарин. Поскольку сама Германия уже три года страдала от союзнической блокады, немецкий народ в большинстве своем встретил объявление о неограниченной подводной войне с энтузиазмом. Это была одна из самых популярных кампаний в годы войны. Подводные лодки назывались в прессе «козырной картой германских технологий»⁴⁰. Общество охватила надежда на скорое окончание мировой войны.

Действительно, кампания подводной войны имела в первые месяцы впечатляющие результаты. В феврале 1917 г. немцы потопили 540 тыс. тонн грузов, в марте – 1600 тыс. тонн. В апреле германские подлодки отправили ко дну 900 тыс. тонн. Если до начала неограниченной подводной войны примерно 1150 торговых судов каждый месяц заходили в британские порты, то в марте 1917 г. – только 300⁴¹. В Британии начались перебои с продовольствием. Однако политические последствия подводной войны привели к катастрофическим результатам. Особенно отрицательной была реакция в США, будто им объявили войну. В общественном мнении нейтральной Америки Германия выглядела как «государство-убийца», беззастенчиво нарушавшее международное право, а вильгельмовский режим превратился в «преступный режим», на борьбу с которым не составило труда мобилизовать привыкшее к изоляции

от большой европейской политики американское общество. В апреле 1917 г. США вступили в войну на стороне Антанты. Решение о неограниченной подводной войне являлось одной из роковых ошибок германского руководства. Подобно августу 1914 г., когда германские стратеги, реализуя план Шлиффена, надеялись на то, что Великобритания окажется нейтральной, в январе 1917 г. Верховное командование полагалось на дальнейший нейтралитет США или быстрый успех военной операции до того, как свежие американские силы вступят на европейский континент. В обоих случаях серьезные политико-дипломатические просчеты, в итоге, привели Германию к катастрофе.

---

¹ Halpern P.G. A Naval History of World War I. London, 1994. P. 65.

² Stevenson D. 1914–1918. The History of the First World War. Penguin Books, 2012. P. 244.

³ Каверин И.Н. За кулисами английской блокады. М., 1955. С. 6.

⁴ О довоенных планах английского командования относительно организации блокады см. подр.: Vincent C.Paul. The Politics of Hunger: The Allied Blockade of Germany, 1915–1919. Ohio University Press, 1985. P. 29–30.

⁵ Ibid. P. 33; Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, 1890–1940. Cambridge, 1997. P. 130.

⁶ См. подр.: Halpern Paul G. Naval Warfare – http://college.hmco.com/history/readerscomp/mil/html/mh_036600_navalwarfare.htm; Murray Williamson. Corbett Julian – http://college.hmco.com/history/readerscomp/mil/html/mh_012400_corbettjulia.htm

⁷ См. подр.: Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны. Гаага, 1907 г. // Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М.: Международный Комитет Красного Креста, 1995. С. 166–173.

⁸ Международное право в период вооруженных конфликтов. Сб. документов. М., 1992. С. 12–13.

⁹ Holger H. Herwig. Blockade – http://college.hmco.com/history/readerscomp/mil/html/mh_006500_blockade.htm

¹⁰ Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1992. С. 17.

¹¹ Лондонская декларация 1909 г. // Морской сборник. 1914. Кн. 11–12; Соболев А. Очерки призового права // Морской сборник. 1915. Кн. 3. С. 1–25.

¹² Консетт М. Триумф невооруженных сил. 1914–1918. М.: Воениздат, 1941. С. 10.

¹³ Каверин И.Н. Указ. соч. С. 52.

¹⁴ Riste O. The neutral Ally: Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, London, 1965. P. 48.

¹⁵ См. подр.: Salmon P. Op. cit. P. 131.

¹⁶ Каверин И.Н. Указ. соч. С. 57–59.

- ¹⁷ Шацилло В.К. «Чудо-оружие и борьба за моря в годы первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 185.
- ¹⁸ См. подр.: Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013. С. 149.
- ¹⁹ См. подр.: Гроос О. Война на море 1914–1918 гг. Военные действия в Северном море. Т. 1. М., 1926. С. 135–137, 166–168.
- ²⁰ Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848–1945. Frankfurt am Main, 1958. S.164.
- ²¹ Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 319–320.
- ²² Декларация английского адмиралтейства об объявлении Северного моря военной зоной // Морской сборник. 1914. № 12. С. 215–216. О причинах подобного решения см. подр.: Там же. С. 214–215; Riste O. Op. cit. S. 57–58.
- ²³ Stivenson D. Op. cit P. 246.
- ²⁴ Stevenson D. Op. cit. P. 244.
- ²⁵ Salmon P. Op. cit. S. 133.
- ²⁶ Шацилло В.К. Указ. соч. С. 186.
- ²⁷ Декларация Германии и блокаде Великобритании от 22 (4).02.1915 // Морской сборник. 1915. Кн. 3. С. 196; Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848–1945. Frankfurt am Main, 1958. S. 168.
- ²⁸ Hardach G. Geschichte der Weltwirtschaft im 20. Jahrhundert. Der Erste Weltkrieg. München, 1973. Bd. 2. S. 48.
- ²⁹ Цит. по: Riste O. Op. cit. S. 76.
- ³⁰ Ferguson N. Pity of War. London, 1998. P. 253.
- ³¹ Stivenson D. Op. cit. P. 246.
- ³² Riste O. Op. Cit. P. 72.
- ³³ Salmon P. Op. cit. S. 133.
- ³⁴ Wanner G. Die Bedeutung der k.u.k. Gesandtschaft in Stockholm während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1983. S. 167.
- ³⁵ Консетт М. Указ. соч. С. 21.
- ³⁶ Английские эксперты называли Лондонскую декларацию не иначе, как «морским законом, сфабрикованным в Германии», хотя на самом деле в ее разработке принимал деятельное участие лорд Эдуард Грэй.
- ³⁷ Соболев А. Отмена Лондонской декларации // Морской сборник. 1916. № 9. С. 1–18.
- ³⁸ Stivenson D. Op. Cit. P. 261.
- ³⁹ Kielmansegg P. Deutschland und der Erste Weltkrieg. Frankfurt, 1968. S. 390.
- ⁴⁰ Moyer L. Victory Must Be Ours. Germany in the Great war. London, 1995. P. 185.
- ⁴¹ Herwig H. Politics of Frustration: The United States in German Naval Planning 1889–1941. Boston, 1976. P. 127–130.

В.В. Пенской (Белгород)

«РУГОДИВСКОЕ ВЗЯТЬЕ ЛИВОНСКИЕ ЗЕМЛИ» ИВАНА ГРОЗНОГО

ДЛЯ ЗАГОЛОВКА этой статьи мы выбрали несколько измененное название повести о походе русской рати на Полоцк в 1562/1563 гг. – крупнейшем военном предприятии эпохи Ивана Грозного¹. И хотя взятие Нарвы (Ругодива в русских летописях и разрядных книгах) в мае 1558 г. не было столь масштабным предприятием, как полоцкая экспедиция, тем не менее, по важности, по размерам последствий оно не только не уступает, но в чем-то, пожалуй, и превосходит «взятие полоцкое». Собственно, есть все основания согласиться с мнением А.И. Филюшкина, отмечавшего, что со взятием Нарвы «перед Иваном Грозным открылись новые волнующие перспективы. Он осознал, что, захватив города, порты и крепости Ливонии, он получит гораздо больше, чем какую-то дань»². Взятие несколькими месяцами спустя Дерпта и оккупация русскими войсками большей части Дерптского епископства (как писал князь А.М. Курбский, русские «того лета взяхом градов немецких с места близу двадесяти числом; и пребыхом в той земле аж до самого перевозимия»³), набеги на земли, прилегающие к Ревелю, контрнаступление ливонцев поздней осенью того же года, ответные действия русских войск в начале 1559 г. и другие события последующих лет стали прямым следствием эскалации конфликта, начавшейся после взятия Нарвы воеводами А.Д. Басмановым и Д.Ф. Адашевым.

Вместе с тем нетрудно заметить, что в историографии как отечественной, так и зарубежной, история «взятия нарвского» отнюдь не является досконально изученным сюжетом. Падение Нарвы весной 1558 г. оказалось очень быстро заслонено в сознании

как современников, так и потомков более грандиозными событиями, последовавшими в ходе эскалации борьбы за Ливонское наследство. Поэтому нарвская история если и упоминается историками, то, как правило, вскользь, мелким шрифтом⁴. В лучшем случае (применительно к отечественной историографии) мы можем видеть перепев мотивов, заимствованных у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева⁵, но не более того⁶. И в итоге можно с уверенностью сказать, что к ней вполне применимо высказывание отечественного историка А.И. Филошкина, с сожалением отмечавшего, что сюжеты, связанные именно с военной составляющей истории борьбы за Ливонское наследство, изучены намного слабее, чем, к примеру, ее внешнеполитический аспект⁷. На этом фоне выгодно смотрится «нарвский» раздел биографии главного героя «нарвского взятия» А.Д. Басманова-Плещеева, написанный Д.М. Володихиным, и соответствующий раздел сочинения Г.В. Форстена. Впрочем, оба они не лишены недостатков – Д.М. Володихин работал преимущественно с русскими материалами, тогда как Форстен – в большей степени с иностранными⁸. Кстати, что касается источников «нарвского взятия» – они достаточно многочисленны и разнообразны. С русской стороны – это прежде всего разрядные книги и летописи, а также «История о великом князе Московском» князя А.М. Курбского⁹. Наиболее любопытными с точки зрения изучения развития событий вокруг Нарвы в конце зимы – весной 1558 г. представляются летописи, поскольку, с одной стороны, они были составлены, что называется, по горячим следам, с широким использованием текущей приказной документации, отражая при этом официальную точку зрения на происходящее¹⁰. Разрядные книги, эти своеобразные «местнические справочники» (Ю.В. Анхимюк)¹¹, в этом плане менее информативны, хотя и позволяют составить представление о наряде сил, выделенных для того или иного похода – в нашем случае для овладения Нарвой (с поправкой на то обстоятельство, что составлялись они «задним числом»¹², спустя порой достаточно много лет после описываемых в них событий). При этом стоит отметить, что, исходя из «справочного» предназначения разрядных книг, их данные позволяют косвенным образом судить о значимости той или иной кампании или похода.

Что же касается источников с «той» стороны, то здесь, вне всякого сомнения, на первом месте стоят ливонские хроники И. Реннера, Б. Рюссова, С. Геннинга и Ф. Ниенштедта (вторая и четвертая

из них имеются в русском переводе)¹³. Подробную характеристику им дал А.И. Филюшкин в своей последней работе¹⁴, почему мы не будем подробно анализировать их. Отметим лишь, что все они в той или иной мере, но уделяют достаточно много внимания событиям вокруг Нарвы¹⁵. Любопытные свидетельства участников событий мая 1558 г. в 1860 г. опубликовал во второй части своей «Истории города Нарвы» Г. Ганзен¹⁶. Среди них наибольший интерес представляет рапорт гауптмана рижских кнехтов В. фон Зингхофа, участника майских событий и очевидца «ругодивского взятия»¹⁷. К ним можно добавить сборники актовых материалов, ливонских и иных, связанных с начальным этапом войны за Ливонское наследство, которые были опубликованы Ф. Бинеманном и К. Ширреном¹⁸.

Взятые вместе, эти основные материалы и источники составляют тот фундамент, на котором можно попытаться реконструировать картину «нарвского взятия» и осветить эту малоизвестную страницу истории России и Прибалтики.

Заложенный датчанами в XIII в. и проданный ими спустя сто лет Ордену, город Нарва был его форпостом на границе сперва с Новгородской землей, а потом и с Русским государством. Его пограничное положение диктовало и особое отношение к Нарве с обеих сторон – как-никак, но город являлся своеобразными воротами, обладание которыми открывало дорогу на Ревель и на Дерпт, не считая того, что хозяин Нарвы контролировал и водный маршрут по реке Нарове, недалеко от места впадения которой в Финский залив и находился сам город. Понятно, что в Москве рассматривали Нарву как одну из первостепенных целей в случае возобновления боевых действий между Ливонской конфедерацией и Русским государством и не случайно при Иване III напротив Нарвы, на левом берегу Наровы, была возведена мощная крепость Ивангород, угрожавшая орденскому городу.

Кризис в отношениях между Ливонской конфедерацией и Москвой, четко обозначившийся к концу 1557 г., не мог не отразиться и на ситуации, складывавшейся вокруг Нарвы. Недружелюбная (мягко говоря) политика властей конфедерации по отношению к Москве, серьезно задевавшая ее, Москвы, торговые и иные интересы в регионе, сперва привела к тому, что Иван IV и Боярская дума в апреле 1557 г. приняли решение «на Нерове, ниже Ивана города на устье на морском город поставити для корабленого

пристанища», одновременно приказав, чтобы «в Новгороде, и во Пскове и на Иване городе, чтобы ни кто в Немцы не ездил ни с каким товаром»¹⁹. Разрядная книга уточнила потом эти сведения – город и пристань ставились в десяти верстах от Ивангорода «на море для бусного приходу заморских людей»²⁰. В июле того же года работы были завершены. Опыт быстрого возведения крепостей у русских был накоплен к тому времени немалый²¹, да и руководил постройкой новой государевой крепости и «пристанища корабленого» дьяк Иван Выродков – тот самый, который несколькими годами ранее возводил Свияжск на ближних подступах к Казани.

За этим шагом последовал следующий. Решив наказать ливонцев за их «неисправление» и отказ выплачивать пресловутую «юрьевскую дань», Иван IV в начале 1558 г. не только направил рать под началом бывшего казанского «царя» Шах-Али (Шигалея), князя М.В. Глинского и Д.Р. Юрьева опустошать земли Дерптского епископства, но и наказал окольному князю Д.С. Шестунову (который полгода назад охранял строительство крепости в устье Наровы) со своими людьми из гарнизона Ивангорода и «охочими торонщики» осуществить набег на орденские земли к северу от Чудского озера. Исполняя царский наказ, в январе 1558 г. князь под занавес своего пребывания в Ивангороде «все те (нарвские. – В. П.) места повоевал и повыжег»²². В отместку нарвский фогт Э. фон Шнелленберг приказал обстрелять ивангородский посад. Бургомистр Нарвы и нарвские ратманы запросили тем временем, пока дорога была свободна от русских, в Ревеле помощи – несколько артиллерийских орудий, а ревельские ратманы отдали приказ тамошнему гауптману Вольфу Вигелю фон Штрассбургу с 60-ю аркебузирами-hakenschutten выступать на помощь нарвлянам, сопровождая затребованные пушки и порох²³. Ивангородские же воеводы (кстати, обращает на себя внимание «усиленный» состав воевод в Ивангороде – три воеводы в самой крепости и еще один на посаде²⁴, тогда как, к примеру, в Пскове их было только двое) князь Г.А. Куракин, И.А. Бутурлин и П.П. Заболоцкий, памятуя о том, что между магистром и Москвой идет переписка относительно продолжения переговоров о заключении нового соглашения, запросили царского мнения относительно того, что им делать в сошедшей ситуации²⁵.

Иван IV и Боярская дума, не терявшие надежды подтолкнуть ливонцев к принятию московских предложений без излишних

кровапролития и трат, решили отправить в очередной набег ратных людей из Изборска, Вышгорода и Красного. В Ивангород же они послали артиллерийского эксперта, участника казанских походов, дворцового дьяка Шестака Воронина (дьяк был при наряде в походе на Казань в 1549/1550 г. и в 1552 г.)²⁶. С собою дьяк привез царскую грамоту с разрешением отвечать неприятелю «изо всего наряду»²⁷.

Последствия не заставили себя долго ждать. 20 марта 1558 г. ревельский комтур Франц фон Зигенхофен отписывал из Везенберга в Ревель тамошним ратманам и бургомистру, что русские возвели на подступах к Нарве три шанца и подвергли город и замок обстрелу, и 17 марта нарвитяне запросили перемирия. Ивангородские воеводы согласились на две недели прервать обстрел²⁸. В Нарве решили использовать предоставленную им передышку с тем, чтобы лучше подготовиться к обороне. Местный бургомистр и ратманы продолжили бомбардировать Ревель просьбами о присылке пороха и орудий (и к их просьбам присоединился Ф. фон Зигенхофен, который 26 марта писал в Ревель тамошним ратманам о необходимости купить два больших корабельных, *schiffern grosse stuck*, орудия и прислать их в Нарву немедленно). Ревельцы же собрались отправить в Нарву почти 2 сотни всадников и три десятка кнехтов (поскольку военные силы самого Нарвского фогства были невелики – согласно росписи 1556/1557 г., в случае войны оно должно было выставить всего лишь 150 всадников)²⁹.

Тем временем ландтаг конфедерации в Вольмаре решал, что делать с требованиями русского государя о выплате дани, а престарелый магистр В. Фюрстенберг уговаривал (с подачи ревельских бургомистра и ратманов, полагававших, что воевать с московитами бесполезно, пока в Ивангород, или, скорее всего, в гавань, выстроенную Выродковым, приходят купцы из Англии, Голландии, Брабанта, Шотландии, Германии, Дании и Швеции³⁰) ливонских «лутчих людей» предпринять поход на Ивангород³¹. И пока «лучшие» ливонские люди спорили, ситуация вокруг Нарвы снова начала накаляться. Сейчас уже трудно разобраться, кто виноват в эскалации конфликта – как обычно, обе стороны обвиняли друг друга в нарушении перемирия. Однако Иван Грозный, терпение которого иссякало, в ответ на очередную воеводскую отписку, что-де ругодивцы «через опасную грамоту стреляют и роздор делают, а сами сроку упросили на две недели, а всю две недели из наряду стреляют

и людей убивают», приказал воеводам «стреляти из всего наряду по Ругодиву»³². Получив разрешение (а тут еще как раз истек срок прекращения огня), воеводы 1 апреля 1558 г. возобновили обстрел Нарвы. «И стреляли неделю (согласно Реннеру – 9 дней) из всего наряду, – пересказывал потом летописец воеводскую “отписку”, – ис прямого бою из верхнево каменными ядры и вогненными, и нужу им (нарвитянам. – *В. П.*) учинили великую и людей побили многих»³³.

Город, если верить сообщениям с «той» стороны, был буквально завален русскими снарядами. Не ожидавшие столь мощного обстрела, запаниковавшие нарвские ратманы уже 2 апреля писали магистру, что русские денно и ночью бомбардируют город из всевозможных орудий, halbe schlangen, falkonetten und serpentinen, а также morseren (мортир), ядрами свинцовыми и каменными, klein und gross (некоторые из которых весили 50 фунтов – т. е. 20 кг, пуд с четвертью). Своего апогея бомбардировка достигла в канун Пасхи (пришедшейся в 1558 г. на 10 апреля). Реннер писал, что 7 и 8 апреля на Нарву упало по 300 grote kugeln³⁴. Русские блокировали город с моря³⁵, постоянно совершали вылазки на левый берег Наровы, опустошая окрестности города так, что тот начал испытывать нехватку провианта и фуража. Ввезти же припасы было неоткуда и не на что – нарвская казна была пуста, и даже наемным кнехтам и рейтарам платить было нечем³⁶. Помощи же все не было и не было, и в «Великую субботу (9 апреля. – *В. П.*) выехали к ним (ивангородским воеводам. – *В. П.*) ругодивские посадники (бургомистр И. Крумгаузен и ратманы. – *В. П.*) и били челом воеводам, чтоб им государь милость показал, вины им отдал и взял в свое имя», а «за князьца (т. е. за Шнелленберга. – *В. П.*) оне не стоят, воровал к своей голове, а от маистра они и ото всей земли Ливоньской отстали»³⁷. Жившим посреднической торговлей нарвским бюргерам, к тому же не видевшим реальной поддержки ни со стороны других ливонских городов (прежде всего Ревеля), ни со стороны магистра, перспектива быть полностью разоренными, а то и убитыми, была не по нраву. Потому они и решили перейти в подданство Ивану Грозному, отправив послов к Москве договариваться об условиях перехода.

После переговоров, длившихся два дня, было достигнуто соглашение о новом прекращении огня, нарвитяне дали заложников «в заклад» и отправили посольство во главе с бургомистром в Москву.

Ну а пока нарвские послы во главе с бургомистром добирались до русской столицы, Иван IV, получив весть о том, что «ругодивцы» готовы признать его власть, отправил в Ивангород воевод боярина А.Д. Басманова и Д.Ф. Адашева. Им были подчинены «дети боарские ноугородцы Вотцкие пятины» и 500 стрельцов под началом голов А. Кашкарова и Т. Тетерина³⁸. Кроме того, в Ивангород был переведен из Гдова воевода А.М. Бутурлин, и из Неровского города – И.Ш. Замыцкой (и оба явно не сам-друг, а с тамошними служилыми людьми). Любопытно, что И. Крумгаузен и нарвские ратманы писали Фюрстенбергу 2 апреля 1558 г., что неприятель перебросил во Псков дополнительные силы³⁹. Не идет ли здесь речь о «вотцких» детях боярских и стрельцах московских?

Воеводам было предписано «быти в Ругодивех, а солжут (нарвцы. – *В. П.*), и им (воеводам. – *В. П.*) велел делом своим и земским промысляти, сколько милосердый Бог поможет»⁴⁰. Задачу царь поставил перед Басмановым со товарищи, что и говорить, непростую. Нарва была сильная крепость, рассчитывать на то, что магистр по-прежнему будет безучастно взирать на то, как русские бомбардируют город и принуждают «ругодивцев» к капитуляции, было опасно. Сил же воеводам было выделено немного – для несения гарнизонной службы в Ругодиве достаточно, а вот для правильной осады и штурма, даже с учетом гарнизона в Ивангороде – маловато. Почему? Посчитаем. В Полоцком походе четырьмя годами позднее Водская пятинка выставила около 850 детей боярских и своеземцев, что вместе с послужильцами могло составить порядка 1,2–1,4 тыс. бойцов. Вряд ли у Басманова было их больше, чем в том памятном государевом походе, а, скорее всего, даже и меньше, учитывая, что новгородцы только что вернулись из зимнего похода на Ливонию. Добавив к «вотцким» детям боярским 500 стрельцов 2-х приборов (надо полагать, что другая половина осталась нести городовую службу в северо-западных русских городах – в том же Пскове или Изборске) и прибывших из Гдова и Неровского города ратников, получаем, что под началом Басманова было самое большее до 1,5 тыс. ратных людей, а с ивангородцами, гдовцами и неровчанами вряд ли больше 2–2,5 тыс.⁴¹ Так что пожилому (а к тому времени Басманову было уже за 40, что по тем временам было немало) и заслуженному воеводе приходилось рассчитывать только на опытность своих начальных людей и их подчиненных, изрядно поднаторевших в ратном деле. А вот опыта у Басманова и его

начальных людей было к тому времени предостаточно, равно как и у служилых людей, которых воеводы должны были повести за собой в бой⁴². Этого не скажешь о гарнизоне Нарвы (в первых числах мая он насчитывал, согласно Реннеру, 300 кнехтов и 150 «мызников»-*haveluide*⁴³). Наемные кнехты еще могли обладать определенным военным опытом, который они могли обрести, к примеру, в Европе в ходе Итальянских войн или же в войнах с турками, но вот этого никак не скажешь о ландзассах-«мызниках». С момента как завершилась последняя война ливонцев с москвитями, минуло больше полувека, и с тех пор Орден не имел возможности попробовать свой меч в деле (не считать же таковым внутренние разборки и пресловутую войну коадьюторов, которая, собственно, и стала прологом к войне за Ливонское наследство). И эта долгая мирная передышка, естественно, не самым лучшим образом должна была сказаться на подготовке и боевом духе орденских вассалов⁴⁴.

В истории с «посылкой» Басманова со товарищи в Ивангород обращает внимание на себя и еще одна деталь, косвенно характеризующая отношение Ивана IV и бояр к этой экспедиции и вообще к «ругодивскому взятию». Безусловно, в Ивангород были отправлены опытные воеводы, начальные и служилые люди. Однако вместе с тем, если глянуть даже не в частные разрядные книги (составлявшиеся позднее в частном порядке), а в записи в официальном «Государевом разряде» под 7066 г., то на первом месте там стоит роспись воевод «украинных городов», затем роспись «береговых» воевод по полкам и ее изменения в течение весны-осени 1558 г. Лишь после этого была помещена роспись воевод и голов, которые «были в Ливонской земле по полком» в начале 1558 г., затем – роспись воевод «от немецкие стороны» и за ней роспись воевод в «низовых» городах. И только после этого в разряд была занесена краткая запись о посылке «по иванегородским вестем для ругодевского дела» Басманова со товарищи⁴⁵. И завершает записи о назначениях в этот памятный год большая роспись похода к «болшого дела ... к Сыренску и к иным городом немецким» и «Новугороду к немецкому и к Юрьеву» и воевод «после юрьевского взятия ... по немецким городом»⁴⁶. По всему выходит, что с осени 1557 г. основное внимание Москвы было обращено в Поле, отчасти – на наказание ливонцев за их «неисправлень». Эти росписи составлялись в обычном порядке, по раз и навсегда заведенному образцу, а вот то, что последовало за этим в «немецкой стороне», выглядит сплошной

импровизацией за счет сил и средств, находящихся на месте – «силы новгородской и псковской». Похоже, что в Москве не ожидали, что военная машина Ливонской конфедерации находится на грани полного распада, и не были готовы ковать железо, пока оно горячо. Потому, на первых порах, Иван и его бояре решили не торопиться и прибрать Нарву, которая, казалось, сама просилась в руки, заодно проверив, не было ли ошибочным зимнее впечатление о бессилии конфедерации. Набеги на нарвскую округу, строительство шанцев и блокада города с моря вместе с двумя бомбардировками должны были убедить нарвитян в том, что худой мир лучше доброй ссоры, что как будто и получилось.

Прибыв на место, Басманов и Адашев сперва отправили в Нарву «сказать государское жалованье», однако «ругодивцы», придя в себя после памятной бомбардировки, «солгали», ответив русским воеводам, что де-они не посылали своих послов к русскому государю с тем, чтобы «от маистра отстати». Заподозрив неладное, Басманов отправил за реку «сторожи за Ругодивом по Кольваньской дороге» (и, судя по всему, не только на эту дорогу, но и на другие тоже, полностью перекрыв сообщения Нарвы с внешним миром) наблюдать за действиями противника⁴⁷. И предусмотрительность воеводы, как оказалось, была отнюдь не лишней. Причина, по которой нарвские бюргеры решили, что достигнутое ранее предварительное соглашение их ни к чему не обязывает, была более чем очевидна. Как писал русский летописец, отправив послов к Ивану IV, они «к маистру тотъчас послали, чтобы их не выдал». И Фюрстенберг откликнулся на очередной призыв о помощи, «прислал князца Кольваньского, да другого Вельянского», а с ними ратных людей, конных 1000 да пеших 700 «с пицалми», да с нарядом, почему «ругодивцы промеж собою и крест целовали, что им царю и великому князю не здатца...»⁴⁸. Действительно, после долгих приготовлений феллинский комтур Г. Кеттлер сумел собрать под своим началом небольшую рать (согласно данным с «той» стороны – около 800 чел., в т.ч. 500 конных)⁴⁹. С этим силами он подступил к Нарве и 20 апреля разбил лагерь в 4-х милях от города⁵⁰.

К тому времени положение в городе сложилось критическое. 23 апреля нарвские ратманы отписывали в Ревель тамошним «лучшим» людям, что городская казна пуста, кнехты на грани бунта, и, чтобы город не остался без защиты, они вынуждены конфисковать товаров в городских пакгаузах на 8 тыс. марок и обложить всех

торговцев и домовладельцев Нарвы дополнительным 10-пфенниговым налогом для того, чтобы изыскать средства на плату гарнизону⁵¹. 27 апреля ратманы осажденного города в панике писали в Ревель, что неприятель (Басманов со товарищи) полностью окружил город и перекрыл все дороги к нему и не дает возможности подвезти припасы в Нарву, которой угрожает голод⁵².

Извещенный о критическом положении Нарвы и опасаясь, что нарвитяне поддадутся под власть московита, Кеттлер решил провести в город подкрепление. В ночь на 1 мая 1558 г. отряд рижских и ревельских кнехтов во главе со своими гауптманами В. фон Зингехофом и В. фон Штрассбургом в сопровождении полусотни всадников попытались пройти в Нарву. О том, что произошло дальше, русские и ливонские источники рассказывают по-разному. Если попытаться сопоставить их и выстроить непротиворечивую картину, то события развивались следующим образом. Кнехты, наткнувшись на русскую заставу, были вынуждены вступить в бой и, хотя и прорвались в Нарву, но понесли при этом серьезные потери – 12 рижских и 17 ревельских кнехтов были убиты, а еще 10 попали в плен к русским. К тому же русские еще и разграбили обоз, сопровождавший людей Штрассбурга и Зингехофа⁵³. Днем 1 мая Кеттлер попытался взять реванш и бросил свою конницу на русскую заставу на ревельской дороге. Басманов со товарищи, стремясь выручить заставу, «отпустили за реку» сотни детей боярских под началом голов А.М. Бутурлина, П. Заболоцкого и И.Ш. Замыцкого и стрельцов Т. Тетерина и А. Кашкарова с наказом, «чтобы сторожей стоптати не дати и отвести бы сторожей к себе за реку»⁵⁴. И, пока сотни «учали возитца ниже Ругодива пять верст», «немцы наряд весь в Ругодив отпустили, а сами конные и пешие пришли х перевозу на Офонася с товарищы; а всего осталось на их стороне, которые не успели перевезтися, человек со сто». Тут-то, на переправе, и произошла стычка, также благополучно, как и ночная, завершившаяся для русских – «Бог милосердие свое показал: побили немец многих и гоняли пять верст по самой Ругодив, а взяли у них тритцати трох человек»⁵⁵.

Из описания боя напрашивается предположение, что «отвод» русских конных сотен был хитроумным маневром, рассчитанным на неопытность орденовой конницы. Видя, что русские бегут (и как тут не вспомнить слова англичанина Р. Ченслера, который писал, что московиты-де, в отличие от цивилизованных европейских

воинов, не привыкли сражаться «правильным» образом и любят атаковать внезапно, из засады!⁵⁶), она бросилась преследовать москвитов и напоролась на залповый огонь возникших как из-под земли стрельцов. Последствия предугадать было нетрудно – стрельцы успешно «отняли» у ливонцев свою конницу, а та, перестроившись, контратаковала смешавшегося и обескураженного неприятеля и погнала его прочь, рубя и беря в полон отставших и лишившихся коней эстляндцев. И если наше предположение верно, то вряд ли стоит сомневаться в том, что такой маневр проделать могли только хорошо обученные, опытные воины, понимавшие друг друга и своих начальных людей, что называется, с полуслова, и что взаимодействие русской стрелецкой пехоты и поместной конницы было на высоте.

Урок, преподанный водскими детьми боярскими и стрельцами Тетерина и Кашкарова Кеттлеру и его людям, несомненно, сказан спустя полторы недели. Ободренные полученной помощью, нарвские бюргеры и гарнизон окончательно решили отказаться от прежних договоренностей. Обстрел Ивангорода из нарвской артиллерии был возобновлен, русские не замедлили ответить, и, в конце концов, 11 мая в Нарве вспыхнуло несколько пожаров. Пламя было настолько сильно, что в полдень его заметили в лагере Кеттлера, и, как писал ливонский хронист С. Хеннинг, примерно в это же время в лагерь прибыл гонец от Зингхофа, сообщивший, что в городе сильный пожар и что есть опасность нападения русских⁵⁷. Кеттлер приказал поднимать свое воинство по тревоге и, взяв с собой несколько небольших орудий, выступить к Нарве. Вперед был выслан небольшой, 60 всадников, авангард. Вслед за ним должны были выступить и главные силы, но, как вспоминал впоследствии С. Геннинг, секретарь Кеттлера и участник тех событий, до самого вечера никто и не сдвинулся с места⁵⁸. Судя по всему, Кеттлеру никак не удавалось договориться с фогтами Йервена, Зонебурга и Везенберга о плане дальнейших действий, к тому же, по словам Геннинга, некие харриенские и вирландские мужи (фогты Зонебурга и Везенберга – ?) были против выступления к Нарве, мотивируя это тем, что-де неприятель задумал хитрую «стратегему». Стоит только доблестным ливонским воинам оставить укрепленный лагерь и двинуться на помощь Нарве, заявили они, как москвиты, переправившиеся через Нарву, атакуют орденское войско с тыла⁵⁹.

Спор разрешился уже ночью, когда в лагерь вернулся авангард. Они сообщили Кеттлеру, что подошли к Нарве на полмили (примерно на 3,5 км) и встали на холме Германсберг. Здесь их встретил посланец второго нарвского бургомистра Г. фон Молена. Гонец передал им весть, что в Нарве все в порядке, пожар потушен, и они решили вернуться обратно. Все вздохнули с облегчением – кризис как будто миновал, потому можно отправиться спокойно спать. Как писал Г.В. Форстен, осуждая действия орденского военачальника, «хладнокровие Кетлера и других рыцарей было поразительным; приблизившись к городу на полмили, они со значительным количеством военных сил до конца оставались праздными зрителями падения Нарвы и не сделали даже попытки предупредить его»⁶⁰. С другой стороны, нерешительность ливонцев вполне объяснима – после ядра пусть и мелких, но чувствительных неудач пробовать еще раз, есть ли у московитов порох в пороховницах, не затупились ли их сабли и не ослабли ли тетивы на их луках, не особенно и хотелось, потому и весть, принесенная авангардом, пришлась как нельзя более кстати.

Что же на самом деле произошло в Нарве 11 мая 1558 г., в лагере Кеттлера узнали на следующий день, когда неожиданно для всех в лагерь хлынул поток беженцев из Нарвы, бюргеров и кнехтов гарнизона, с семьями и скарбом. Из их сбивчивых и противоречивых рассказов следовало, что утром того дня в городе начались пожары, и московиты, воспользовавшись этим, «переправились на лодках и плотках, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены и, так как нельзя же было в одно и то же время и пожар тушить, и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю». Русские же потушили пожар и начали готовиться к штурму замка⁶¹.

В. фон Зингехоф, прибывший в лагерь Кеттлера и представивший рапорт о событиях, дополнил их путаные показания. По его словам, пожар начался между 8-ю и 9-ю часами утра. Жители города, вместо того чтобы тушить огонь, похватав наскоро семьи и ценные вещи, побежали в замок. Он же, Зингехоф, поспешно вывел своих людей из него. Одна рота кнехтов заняла западные Вирландские (русские называли их Колыванские) ворота с приказом держаться здесь так долго, насколько это возможно, две роты аркебузир-ов-hacken schützen перекрыли мост и восточные Водяные (Русские) ворота, а остальные в боевом порядке были выстроены гауптманом

на базарной площади. Неприятель тем временем, заметив начавшийся в городе пожар и беспорядок, начал забрасывать город зажигательными снарядами (*fuer kogelen*) и *grothe steinen kogeln* (большими каменными ядрами), среди которых были и весившие 13 и 14 лисфунтов (т. е. по 100 и более килограммов)⁶². Пожар ширился, и кнехты, не выдержав жара, отступили в замок, побросав на городских стенах и башнях пушки (среди которых были доставленные из Риги 6 орудий, в т. ч. 2 *quartierschlangen*). В распоряжении Зингехофа остались только два орудия на башне Длинный Герман в замке, но одна из них (литая – бронзовая?) разорвалась при первом же выстреле, а другая (железная) в результате взрыва была сброшена с лафета. Вдобавок ко всему нарвская конница отказалась взаимодействовать с людьми Зингехофа⁶³.

Ситуация была критическая, и в этот самый момент русские, заметив, что огонь разрастается и ширится, а нарвские *reitern*-всадники побросали свои места в городе, под прикрытием артиллерийского огня начали переправляться через Нарову. Любопытно, что описание форсирования реки русскими как в ливонских, так и в русских источниках (у того же Курбского) совпадает – ивангородские служилые люди на лодках, плотах и по наскоро устроенной паромной переправе перебрались на тот берег реки и ворвались в город⁶⁴.

Согласно русским летописям (которые, судя по всему, основывались на воеводской «отписке»), Басманов, заметив начавшийся в городе пожар, послал в Нарву парламентаров, которым наказал напомнить бюргерам, «на чом били челом государю, чтобы на том слове стояли и государю добили челом; и их в город пустили». Ответом был отказ выполнить прежние обещания, после чего Басманов повел своих людей на штурм: «...в Рузкие ворота велели приступати головам стрелецким Тимофею да Ондрею (Тетерину и Кашкарову. – *В. П.*) с стрельцы, а в Колываньские воевода Иван Ондреевич Бутурлин да с ним головы з детми з боярьскими». Стрельцы Тетерина и Кашкарова сломили сопротивление неприятеля («приспеша стрельцы русские с стратилаты их, тако же и стрел множество от наших вкупе с ручничною стрельбою пушаемо на них (на немцев. – *В. П.*). Абие втинусша их (немцев. – *В. П.*) во вышеград (замок. – *В. П.*) ...»⁶⁵) и, открыв Русские ворота, впустили в город Басманова и Адашева с отборными сотнями поместной конницы. Тем самым исход битвы был решен, а когда через

Ревельские ворота в Нарву ворвались люди Бутурлина, остатки нарвского гарнизона и бюргеры с семьями укрылись в Вышгороде. Здесь, в нарвской цитадели, за ее укреплениями они надеялись отсидеться до подхода Кеттлера с его людьми⁶⁶.

Тем временем занявшие Нарву стрельцы и дети боярские начали осваивать город. Пожары мало-помалу были потушены – как писал Ниенштедт, «чтобы тем легче можно было овладеть замком, который хотя с наружной стороны и был довольно сильно укреплен, но со стороны к городу был не так хорошо защищен» (вот и выходит, что авангард Кеттлера, подойдя к Нарве, убедился в том, что пожара нет, ну а раз так, то и причин для беспокойства нет, и, поскольку береженого Бог бережет, повернул назад с известием, что все в порядке), взятые с боем неприятельские пушки русские пушкари и стрельцы Тетерина и Кашкарова развернули против Вышгорода и присоединили их «голоса» к «хору» ивангородской артиллерии. Тогда же один из ивангородских воевод, П.П. Заблоцкий, слывший немецким «доброхотом», обратился к «немцам» с предложением сложить оружие. Он пообещал тем, кто не желает быть подданным русского государя, отпустить восвояси со всеми «животами» и семьями, тем же, кто решит остаться – компенсировать ущерб, отстроить дома и пр. Ответом на его предложение, согласно сообщению пережившего штурм и короткую осаду Нарвского замка В. фон Зингехофа, стали слова «Отдают только яблоки и ягоды, но никак не господские и княжеские дома»⁶⁷.

Засевшие в цитадели остатки гарнизона Нарвы и успевшие перебраться под защиту ее стен и башен бюргеры надеялись на помощь воинства Кеттлера, однако, как уже было показано выше, надежды их оказались тщетными – помощи не было. Между тем канонада продолжалась – как писал русский летописец, русские «воеводы приступали до вечера со всех сторон и из наряду с Ыванягорода и из Ругодива из их же наряду стреляли по Вышегороду». Запасов в цитадели было всего ничего (три бочки-toppen пива, немного ржаной муки и хлеба, лишь сала и масла было в достатке), совсем мало свинца, и пороху оставалось всего на полчаса стрельбы. Замок был переполнен перепуганными бюргерами и их семьями, еще несколько сот нарвитян, не сумевших попасть туда, укрылись в замковом рву⁶⁸. И когда вечером 11 мая к воротам Вышгорода снова подошел нарвский бюргер Бартольд Вестерманн, выступавший посредником в переговорах между русскими воеводами

и запершимся в цитадели гарнизоном, и предложил капитулировать, на этот раз «прислали немцы бити челом, чтобы воеводы пожаловали их, князьца выпустили и с прибыльными людьми»⁶⁹.

После кратких переговоров соглашение было достигнуто. И снова дадим слово летописцу – по его словам, царские «воеводы князьца и немец выпустили, а Вышегород и Ругодив Божиим милосердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прощением и правдою его взяли, и с всем нарядом и с пушками и с пищальми и з животы с немецкими (согласно Лебедевской летописи, в Нарве было взято «пушек болших и менших 230», Реннер же, напротив, уполовинивает эту цифру, сообщая, что в руки русских попало 3 falkunen и 2 falkeneten из Риги и собственно нарвских 3 falkunen, 28 kleine stocke, 3 quarter slangen, 42 dobbeide haken и 36 teelnaken, итого 117 пушек и всяких haken-гаковниц. Правда, русский летописец делает оговорку «и с пищальми», т. е. можно предположить, что в 230 записаны были не только артиллерийские орудия всех калибров, но и ручное огнестрельное оружие. – В. П.); а черные люди добились все челом и правду государю дали, что им быти в холопех у царя и у великого князя и у его детей вовеки»⁷⁰.

Итак, утром 12 мая 1558 г. русские войска заняли всю Нарву целиком. В Москву немедля были отправлены сеунщики с радостной вестью, получив которую Иван Грозный «к воеводам и ко всем детям боярским послал со своим жалованием»⁷¹. Нарвская эпопея, длившаяся с февраля 1558 г., подошла к концу. Увертюра к войне за Ливонское наследство была отыграна.

---

¹ См.: Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки отдела рукописей. Вып. 31. М., 1969. С. 221.

² Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008. С. 100.

³ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 75.

⁴ См., напр.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 176; Oakley S.P. War and Peace in the Baltic 1560–1790. L., 1992. P. XIV, 25–26; Stevens C. Russia's Wars of Emergence, 1460–1730. Harlow, 2007. С. 176. P. 85.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1898. С. 487–488.

⁶ См., напр.: Королук В.Л. Ливонская война. М., 1954. С. 37–38; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 215–216.

- ⁷ Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 10–11.
- ⁸ Володихин Д.М. Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 125–132; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544–1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 93–95.
- ⁹ См., напр.: Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 68–73; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXIX. 2009. С. 261–264; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 291–295; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 590–594; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 235; Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) (далее ДРК). М., 1901. С. 199–200; Разрядная книга (далее РК) 1550–1636. Т. I. М., 1975. С. 73–75; 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 21–22, 26.
- ¹⁰ См., напр.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980; Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005 и др.
- ¹¹ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 81–82.
- ¹² См., напр.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 25–26.
- ¹³ Ниенштедт Ф. Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883; Рюссов Б. Ливонская хроника // Там же. Т. II. Рига, 1879; Henning S. Liffländische Churländische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857; Nyenstädt F. Livländische Chronik // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. II. Riga und Leipzig, 1839; Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876; Rüssow B. Livländische Chronik. Reval, 1845.
- ¹⁴ Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 264–370, 391–407, 572–581, 588–594.
- ¹⁵ См., напр.: Renner J. Op. cit. S. 177–185.
- ¹⁶ Hansen H.J. Ergänzende Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864.
- ¹⁷ Cp.: Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's. Neunter Band. Riga, 1860. S. 42–63.
- ¹⁸ См.: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. I. Reval, 1861; Bd. IX. Reval, 1883; Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 (далее Briefe). Bd. I. Riga, 1865; Bd. II. Riga, 1867.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 255.
- ²⁰ РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 6.
- ²¹ См.: Донесение Фувльвио Руджиери папе Римскому в 1568 г. // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 76–77.
- ²² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235; ПСРЛ. Т. XIII. С. 290; РК 1550–1636. Т. I. С. 66; РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 6.
- ²³ Briefe. Bd. II. S. 54, 57–58, 59.
- ²⁴ См., напр.: РК 1550–1636. Т. I. С. 74.

- ²⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 291.
- ²⁶ См., напр.: ПСРЛ. Т. XX. С. 590–591; РК 1475–1598. М., 1966. С. 121; РК 1474–1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 409.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 292.
- ²⁸ Briefe. Bd. II. S. 64.
- ²⁹ Benninghoven F. Probleme der Zahl und Standortverteilung der livländischen Streitkräfte im ausgehenden Mittelalter // Zeitschrift für Ostforschung. Länder und Völker im Ostlichen Mitteleuropa. 1963. Heft 4. S. 604–605; Briefe. Bd. II. S. 65, 66, 67.
- ³⁰ Archiv. Neue Folge. Bd. I. S. 91
- ³¹ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 92.
- ³² См., напр.: ПСРЛ. Т. XX. С. 592.
- ³³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 293; Renner J. Op. cit. S. 177.
- ³⁴ Briefe. Bd. II. S. 75; Renner J. Op. cit. S. 177.
- ³⁵ Briefe. Bd. II. S. 82.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. XX. С. 592; Форстен Г.В. Указ. соч. С. 92; Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 28.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 293.
- ³⁸ См., напр.: ПСРЛ. Т. XIII. С. 293; РК 1550–1636. Т. I. С. 74, 75; РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 21, 26.
- ³⁹ Briefe. Bd. II. S. 75.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XX. С. 592.
- ⁴¹ Подсчитано авт. по: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 125, 133–134. ПСРЛ. Т. XX. С. 592.
- ⁴² Послужной список Басманова см., напр.: Володихин Д.М. Указ. соч. С. 112–120; Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 33–34, 48–49. Под статью воеводе были и его начальные люди. См., напр.: Пенской В.В. «Мужи наилепчайшие и наикрепчайшие, в полкоустроениях zelo искусные...»: «Центурионы» Ивана Грозного». Белгород, 2013 (в печати).
- ⁴³ Renner J. Op. cit. S. 182.
- ⁴⁴ Любопытно, что на этот момент указывает в своем рассказе о взятии Нарвы и князь Курбский. См.: Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 69.
- ⁴⁵ РК 1475–1598. С. 165–172.
- ⁴⁶ Там же. С. 172–175.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 294.
- ⁴⁸ Там же. С. 294–295.
- ⁴⁹ Согласно Реннеру, под начало Кеттлера прибыли со своими людьми комтур Ревеля Ф. фон Зигенхофен, йервенский фогт Б. фон Шмертен, зонебургский фогт Х. Вульф и везенбергский фогт Г. фон Амштенрайде. Согласно упоминавшейся ранее росписи, вместе они выступали в поход с одной тыс. всадников, Рига же должна была выставить 500 кнехтов с артиллерией (Benninghoven F. Op. cit. S. 605–606), и, судя по всему, рижане выполнили свое обещание, направив в феврале 1558 г. в Феллин 230 кнехтов, 200 латников и 4 falckenetten (Das Buch der Aelterm?nner grosser Gilde in Riga // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga und Leipzig, 1844. S. 107). Кроме того, к Кеттлеру присоединились также и ревельские кнехты с их гауптманом В. фон Штрассбургом (Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 52; Henning S. Op. cit. S. 31). См. также: Форстен Г.В. Указ. соч. С. 94; Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. S. 30.

- ⁵⁰ Henning S. Op. cit. S. 31. 4 мили – примерно 29 км (Земзарис Я.К. Метрология в Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI вв.) // Проблемы источниковедения. Вып. IV. 1955. С. 188).
- ⁵¹ Briefe. Bd. II. S. 101.
- ⁵² Ibid. S. 103–104.
- ⁵³ Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 52.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. XX. С. 593.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ The Discovery of Muscovy. From the Collections of Richard Hakluyt. L., 1889. P. 41.
- ⁵⁷ Henning S. Op. cit. S. 31.
- ⁵⁸ Ibid. S. 31.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 94–95; Henning S. Op. cit. S. 31; Renner J. Op. cit. S. 183.
- ⁶¹ См., напр.: Ниенштедт Ф. Указ. соч. С. 15. Ср.: Рюссов Б. Указ. соч. С. 362; Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. S. 30.
- ⁶² Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 55–56.
- ⁶³ Ibid. S. 56.
- ⁶⁴ Достаточно сравнить описание переправы у Курбского и Зингехофа. См., напр.: Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 71; Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 55–56. Явно, что эти описания имеют под собой одну и ту же основу – показания очевидцев и участников переправы.
- ⁶⁵ Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 72.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 295.
- ⁶⁷ Ниенштедт Ф. Указ. соч. С. 15; Петров А.В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 70–71; Renner J. Op. cit. S. 183–184; Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 58.
- ⁶⁸ Die Uebergabe Narva's in Mai 1558, nach Wulf Singehoff. S. 59.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 295.
- ⁷⁰ Там же. Т. XX. С. 264; Renner J. Op. cit. S. 184.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 296.

В.А. Стрельников (Москва)

ПРЕДЫСТОРИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАДЛОМА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – 1917)

С РЕДИ ШИРОКОГО КРУГА проблем, связанных с историей Первой мировой войны (1914–1918), есть немало таких, которые еще слабо разработаны. К их числу относится исследование проблем динамики морального духа и настроения солдатских масс накануне и в ходе войны, изучение причин морально-психологического надлома русской армии в ходе военного столкновения с германским блоком.

Известно, что, вступая в мировую войну, Россия располагала достаточно мощной армией, способной решать сложные стратегические задачи. В предвоенные годы Военное министерство осуществило военные реформы, направленные на улучшение организационной структуры армии, увеличение ее численности, совершенствование подготовки офицерских кадров и технического оснащения, повышение ее боеспособности. Генеральный штаб русской армии разработал соответствующие характеру войны принципы военного искусства, наставления и руководства по боевой подготовке войск. Численность Вооруженных сил России составляла 1,4 млн человек, после проведения мобилизации их численность к концу 1914 г. превысила 6,5 млн человек¹. Всего за годы войны было мобилизовано около 15,5 млн человек. В коалиционной стратегии Антанты Вооруженные силы России играли значительную роль в разгроме военных сил германского блока. На всем протяжении войны русская армия вела активные боевые операции, не раз спасая союзнические армии от разгрома. Это в значительной степени и

предопределило результаты Первой мировой войны, которые были достигнуты благодаря боевой выучке русских войск, в том числе боевым и моральным качествам личного состава – неприязнительности и храбрости, выносливости и самоотверженности, мужеству и отваге².

Начало Первой мировой войны вызвало в стране большой патриотический подъем. Об этом свидетельствует тот факт, что 96 % подлежащих призыву мужчин явились на мобилизационные приемные комиссии. Характеризуя народные настроения в 1914 г., бывший профессор Императорской военной академии генерал Н.Н. Головин писал: «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того “панславизма”, о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату...»³

Вместе с тем, уже в первые месяцы войны стали проявляться негативные моменты в настроении народа и солдатских масс, которые по ходу войны все более усиливались. Причин этому было немало, они выявлялись как в ходе войны, так и были предопределены всем ходом развития русской армии в последние десятилетия.

Одной из таких причин являлось то, что хотя в ходе милютинских реформ вопросам подготовки офицеров и нижних чинов стали уделять больше внимания, однако обеспечить ее высокий уровень удалось далеко не во всех частях. В результате, проведение занятий слабо обученными руководителями приводило к тому, что «тактические занятия и сообщения во многих частях обращались в скуку, в самое тяжелое времяпровождение»⁴. К тому же, хотя «плац-парадная» подготовка войск несколько ослабла, но во многих частях она имела довольно устойчивый характер и многие военачальники больше думали о том, как войска пройдут в строю на очередном смотре перед начальством, а не о том, как они будут действовать на поле боя. Активными сторонниками ее были, прежде всего, великие князья, а местом действия – Красносельские лагеря.

Такие методы боевой подготовки не могли обеспечить высокий ее уровень, что и проявилось в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В ней, по оценке А.Н. Куропаткина, артиллерийские и инженерные части уступали турецким, а «деятельность кавалерии во весь период войны на европейском театре, за самыми малыми исключениями, была неудовлетворительная и не самоотверженная»⁵. Не на должной высоте положения оказались и многие крупные военачальники. «Особенно мало выдающихся начальников, – по мнению А.Н. Куропаткина, – было в кавалерии и артиллерии»⁶.

В начале XX в. военный министр А.Н. Куропаткин на основе обобщения опыта пяти больших маневров с 1898 по 1902 гг., давая характеристику высшего командного состава в тактическом отношении, писал: «Тактическая подготовка наших войск, в особенности начальников войсковых частей, от командиров полков и выше, еще недостаточна...»⁷ Эти недостатки русской армии отмечались и в годы Первой мировой войны.

Другим серьезным недостатком в боевой подготовке войск во второй половине XIX в. и непосредственно накануне войны являлся большой отрыв офицеров и нижних чинов от повседневной учебы, увлеченность начальников решением хозяйственных задач. В 1910 г. П. Режепо по этому поводу писал: «Наша страсть к разного рода хозяйству характеризуется и разного рода смотрами, где собственно поверяется только выправка, маршировка, пища и т. д., но не тактическое или специальное обучение части»⁸. В те годы придерживались старой истины: что смотрят, к тому и готовятся.

Подготовка к смотрам отнимала немало сил и времени, поэтому многие важные вопросы боевой подготовки оставались не отработанными ни офицерским составом, ни тем более нижними чинами. «Ни для кого ведь не тайна, – писал П. Режепо, – но только многие умышленно закрывают глаза, что до сих пор у нас во многих частях почти не изучается рассыпной строй, атака и занятия местных предметов, саперное дело, ночные действия, преодоление искусственных препятствий, тактические занятия офицеров и особые занятия с унтер-офицерами и многие еще другие важнейшие отделы обучения»⁹.

Было немало также серьезных пробелов в подготовке офицерских кадров в военно-учебных заведениях, в том числе в военных академиях, где осуществлялась подготовка будущих военачальников.

«Все академии, – отмечал П. Режепо, – стараются готовить самых ученых людей, мало обращая внимания, нужны ли эти знания, сумеют ли приложить питомцы свои сведения. Не делают почти ничего, чтобы окончившие академию были бы людьми сильными духом, хорошими начальниками и товарищами»¹⁰.

На эти характерные недостатки военно-учебных заведений тех лет обращают внимание и некоторые современные исследователи западных стран. В частности, американский профессор Джон Стейнберг пишет: «Цель полевых учений, касалось ли это кадетских корпусов, юнкерских и военных училищ или даже академии Генерального штаба, состояла в том, чтобы подготовить учащихся к императорской инспекции – чтобы царь остался ими доволен во время любых смотров и проверок. ...Фундаментальный изъян императорской армии в преддверии конфликтов XX века скрывался в учебной системе, которая, конечно, отражала в себе доктринерское мышление интеллектуальной элиты вооруженных сил»¹¹.

Существенным недостатком для русской армии рассматриваемого периода была бессистемность и протекционизм в назначении на вакантные офицерские должности. Субъективный фактор в руководстве армией особенно отрицательно сказывался на подборе высших командных чинов. Назначения осуществлялись только после личного согласия императора. При этом не всегда учитывались профессиональные качества. «Нередко связи, родство, протекция, всякие личные и корыстные побуждения являлись решающими моментами при движении по службе и при назначении на самые ответственные должности»¹², – отмечалось в одном из документов военного министра А.И. Гучкова, адресованном войскам.

Кроме того, пагубной являлась практика выдвижения на очередные вышестоящие должности. «При прохождении службы ни звания, ни усердие и любовь к военному делу не могли кого-либо выдвинуть, – указывал бывший военный министр генерал от инфантерии А.Ф. Редигер. – Все продвигались по линии вплоть до производства в штаб-офицеры... Ввиду медленности служебного движения в армии армейский офицер разве под старость мог в виде исключения попасть в генералы; высшее же генеральские должности были доступны только лицам... вышедшим из гвардии и, особенно, из Генерального штаба»¹³. Все эти негативные явления серьезно ослабляли боеспособность армии, отрицательно влияли на ход боевых действий.

Определенное негативное влияние на моральный дух русской армии оказывало снижение роли православной религии среди народа и солдатских масс. В войнах по защите Отечества православная вера всегда проявляла свою великую силу и влияние, являлась фактором укрепления морального духа, стойкости и благородства народа. Однако уже во второй половине XIX в. четко проявилась тенденция снижения влияния православия на народ и армию. «Не секрет, – писал “Военный сборник”, – религиозное чувство везде понижается, а вместе с тем падает высота нравственного подъема духа, то есть именно уровень нравственной настроенности современного человечества. Все громче и властнее раздается повсюду призыв: “Вернуть народы к Богу”»¹⁴.

В начале XX в. под влиянием дискредитации царской власти, распутищины, морального разложения верхов, в том числе значительной части духовенства, религиозность народа и армии еще больше пошатнулась. Верхушка церкви вела себя угоднически по отношению к власти, отрывалась от народа, теряла авторитет. Ей подражали многие священники на местах. Поэтому в массе народа происходило духовное перерождение. Молодежь, приходившая в армию накануне и в период войны, была в значительной своей части равнодушна к вопросам православной веры и церкви. Командование частей и полковые священники, будучи неспособными вызвать интерес к религии, часто принудительно, в обязательном порядке заставляли солдат посещать церкви, слушать проповеди и исполнять религиозные обряды. Духовенству не удалось в годы войны вызвать религиозный подъем в войсках, оказать существенное позитивное влияние на настроение солдатских масс. «В числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, – писал А.И. Деникин, – вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов»¹⁵.

Настоящим бичом русской армии являлась низкая воинская дисциплина. Это касалось как нижних чинов, так и офицерского состава. Среди нижних чинов наиболее распространенными нарушениями воинского порядка являлись игнорирование уставных требований, побег со службы, пьянство и воровство. И хотя по некоторым видам нарушений воинской дисциплины отмечалось их снижение, однако состояние ее, особенно в некоторые периоды, вызывало у командования частей серьезную обеспокоенность. Так,

например, число побегов в среднем за год снизилось с 2480 (0,23 % к общему числу проходивших службу) в 1876–1880 гг. до 1538 (0,15 %) в 1901–1904 гг. Но резко выросла преступность в годы революционных событий (1905–1906). Так, в 1906 г. число нарушений чинопочитания и подчиненности выросло примерно в 2,5 раза по сравнению с 1904 г.¹⁶

С началом Первой мировой войны на настроение и дисциплину солдатских масс негативное влияние оказали неудачные результаты боевых операций на фронтах войны, большие потери в личном составе, а также недостатки в обеспечении русских войск артиллерией крупных калибров, боеприпасами, обмундированием и снаряжением. Так, в результате кровопролитных боев к 1917 г. почти полностью выбыл кадровый состав армии. Генерал А.И. Деникин отмечал: «С течением времени, неся огромные потери и меняя 10–12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части»¹⁷.

При выполнении боевых задач нехватка артиллерии и боеприпасов приводила к более активному использованию пехоты. В начале 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев в своем выступлении в Ставке заявлял, что поскольку русская армия не имеет такой могучей артиллерии, как ее союзники, то «придется брать количеством пехоты»¹⁸. Именно нехватка необходимого количества боеприпасов, особенно в первые два года войны, была, как писал Е. Барсуков, «одной из серьезных причин военных неудач на русском фронте и, в частности, чрезмерных потерь пехоты»¹⁹.

Все эти негативные явления серьезно отразились на моральном состоянии народа и армии, вызвав политический кризис. На фронте и в тылу у многих появились сомнения относительно декларируемых целей войны, в конечном ее успехе. Брожение среди солдатской массы постепенно распространилось и на глубокий тыл. В ряде городов произошли волнения, для прекращения которых использовалась вооруженная сила.

В войсках солдаты все громче заявляли о необходимости скорейшего окончания кровопролитной войны, наблюдалось падение воинской дисциплины, широкий размах приобрели дезертирство, добровольная сдача в плен и братание. Дезертирство стало

отмечаться уже с первых дней войны. Так, в донесениях Юго-Западного фронта сообщалось, что в период с 29 сентября по 15 декабря 1914 г. на одних только станциях Юго-Западной железной дороги было задержано 3394 солдата²⁰. На некоторых станциях, таких как Казатин, в ноябре 1914 г. задерживали до 40 человек в день.

Немало наблюдалось также случаев добровольной сдачи в плен. Многие командиры полевой армии в конце 1914 г. сетовали на то, что солдаты добровольно сдаются в плен «целыми партиями»²¹.

Верховное главнокомандование вело решительную борьбу с воинскими преступлениями, ужесточало наказания за дезертирство и добровольную сдачу в плен, но положение с воинскими преступлениями только усугублялось. О масштабах дезертирства можно судить по следующим фактам. Так, только в первые три месяца 1915 г. по всей России силами жандармов и полиции были задержаны 21 064 солдата, кроме того, лишь на дорогах Юго-Западного фронта – 20 981 солдат²².

Обуздать дезертирство и добровольную сдачу в плен не смогли и такие жесткие меры, как создание военно-полевых судов, введение вновь телесных наказаний, лишение семей нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен, права на получение продовольственного пайка и создание в конце 1915 г. в каждой армии военно-полицейских отрядов для задержания дезертиров.

Весной 1916 г. число дезертиров продолжало расти. С апреля по июнь 1916 г. в прифронтовой зоне Юго-Западного фронта в среднем задерживалось по 4300 солдат в месяц. На железных дорогах за тот же период были задержаны 5284 человека, а жандармы и полицейские отделения по всей империи за это же время задерживали в среднем по 4680 солдат в месяц²³. Армия продолжала постепенно разваливаться, терять свою стойкость и боеспособность.

Вскрывая причины кризисного положения, охватившего в 1916 г. страну и армию, министр внутренних дел А.Д. Протопопов отмечал: «Финансирование расстроено, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... пути сообщения в полном расстройстве. Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы... Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к

установлению цен – конкуренции – не существовало... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух...»²⁴

Война все более и более становилась непопулярной. А это вело к дальнейшему падению морального духа русских войск, так как, по мнению Н.Н. Головина, социальные и политические условия, в которых живет страна, «являются первыми данными, влияющими в современную эпоху на “дух” войск ... вот почему в современную эпоху вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие ненадежное»²⁵.

Пришедшее в ходе Февральской революции 1917 г. к власти Временное правительство продолжило непопулярную в народе войну. Под давлением союзников оно организовало весной 1917 г. слабо подготовленное наступление русских войск, которое закончилось провалом. Резко негативное влияние на настроение солдатских масс, их дисциплину и морально-психологическое состояние личного состава русской армии оказали приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, изданный в марте 1917 г. и увольнение из армии в марте – октябре 1917 г. 374 генералов.

Таким образом, к началу Первой мировой войны и в ходе нее в русской армии накопилось немало проблем и негативных явлений, которые серьезно повлияли на ее боеспособность и снижение морально-психологического состояния офицеров и нижних чинов. Это отрицательно сказалось на ходе и исходе боевых действий русской армии на Восточном фронте.

---

¹ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 155.

² Михалева В. Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год // Родина. 1993. № 8–9. С. 14.

³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 122–123.

⁴ Сухотин Н. О введении тактических занятий с офицерами. Записки генерал-лейтенанта Сухотина. Вильна, 1898. С. 5.

⁵ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / Под ред. Н.Л. Волковского. СПб., 2003. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ РГВИА. Ф. Куропаткина. Д. 925. Л. 21.

⁸ Режепо П. Несколько мыслей по офицерскому вопросу. СПб., 1910. С. 5.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Стейнберг Д. Военные традиции и армейская реформа (1856–1904): неудачная попытка спасти Российскую империю // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айропетова. М.: Изд. дом «Регнум», 2012. С. 228.

¹² Арзамаскин Ю.Н., Шейн И.А. Российские самодержцы и армия // Воен.-истор. журнал. 1994. № 9. С. 74.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Евдокимов Л.В. Нравственная настроенность как данная жизни армии // Военный сборник. 1914. № 6. С. 132.

¹⁵ Серебрянников В.В. Войны России: социально-политический анализ. М.: Научный мир, 1999. С. 142.

¹⁶ Романов Н.Н. Воинская дисциплина в Русской армии второй половины XIX – начала XX вв.: социально-политический аспект. Дис... канд. ист. наук. Самара, 1999. С. 159.

¹⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. 1999. С. 25–26.

¹⁸ Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников по опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988. С. 59.

¹⁹ Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938. Т. 1. С. 351.

²⁰ Симмонс П. Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны // Величие и язвы Российской империи. С. 377.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 378.

²³ Там же. С. 386.

²⁴ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. С. 157.

²⁵ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925. С. 25–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акишин Михаил Олегович – Новосибирский национально-исследовательский государственный университет, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент.

Алексеев Владимир Матвеевич – Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, старший научный сотрудник – хранитель фонда оружия.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор.

Ананьин Олег Валерьевич – Научно-исследовательский институт Государственной пограничной службы Украины (Киев, Украина), ученый секретарь, старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Анищенко Мария Андреевна – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, аспирант.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны Российской Федерации (далее – ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Афанасьев Владимир Анатольевич – Центральный музей Вооруженных сил Министерства обороны Российской Федерации, ведущий научный сотрудник.

Бабич Ирина Виленовна – Российская государственная библиотека (Москва), заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – Российский государственной архив древних актов (Москва), главный специалист, доктор исторических наук.

Барчевский Сергей Викторович – компания «Коллекционные автомобили» (Москва), администратор.

Барышев Эдуард Александрович – Университет префектуры Симанэ (Япония), Центр изучения Северо-Восточной Азии, исследователь, доктор исторических наук.

Барышкова Людмила Константиновна – Военно-медицинский музей Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (далее – ВММ) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Белозерова Ольга Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет (далее – СПбГУ), аспирантка.

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доцент, кандидат исторических наук.

Бискуп Надежда Ростиславовна – Государственный Эрмитаж, младший научный сотрудник.

Бобков Владимир Александрович – Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, и.о. заместителя декана, кандидат исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет (далее – НГУ), доцент, доктор исторических наук.

Богданов Андрей Евгеньевич – Государственный Эрмитаж, лаборант.

Бодров Андрей Владимирович – СПбГУ, доцент, кандидат исторических наук.

Бондаревский Александр Витальевич – СПбГУ, доцент, кандидат исторических наук.

Борисенко Алиса Юльевна – НГУ, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бочаров Василий Олегович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Брызгалов Виктор Васильевич – Архангельский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук, старший научный сотрудник.

Будко Анатолий Андреевич – ВММ (Санкт-Петербург), директор музея, доктор медицинских наук, профессор.

Бумай Олег Константинович – Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат медицинских наук, доцент.

Вахтеров Андрей Васильевич – некоммерческая организация «Инновационный фонд “Социум”» (Москва), вице-президент.

Великанов Владимир Сергеевич – фонд «Русские витязи» (Москва), эксперт, кандидат экономических наук.

Витол Александр Владимирович – Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Власов Николай Анатольевич – СПбГУ, доцент, кандидат исторических наук.

Голованова Мария Петровна – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Горбунов Вадим Владимирович – Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Грибовская Галина Алексеевна – ВММ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Грибовский Владимир Юльевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (далее – НИИ военной истории) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Григорьев Олег Вячеславович – Новосибирский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Громов Андрей Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Гужва Дмитрий Геннадьевич – НИИ военной истории (Москва), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Гуров Сергей Викторович – Научно-производственное объединение «СПЛАВ» (Тула), инженер, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук (Москва), соискатель.

Изонов Виктор Владимирович – НИИ военной истории (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Мардусин Владимир Николаевич – заместитель командующего войсками Западного военного округа, вице-адмирал.

Микрюков В.Ю. – Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Наумов Владимир Валентинович – Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, профессор, кандидат военных наук, доцент.

Несин Михаил Александрович – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, аспирант.

Новикова Елена Георгиевна – ВММ (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Новикова Ирина Николаевна – СПбГУ, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Разоренова Татьяна Сергеевна – ВММ (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат технических наук.

Стрельников Виктор Алексеевич – НИИ (Москва), ведущий научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к участникам и гостям конференции	4
<i>Акишин М.О.</i> Законы и обычаи войны в годы «сибирского взятия»	7
<i>Алексеев В.М.</i> Обзор коллекции оружия из фондов Костромского музея-заповедника	21
<i>Алексеев Т.В.</i> Особое совещание по обороне государства как орган военно-экономической мобилизации России в годы Первой мировой войны	32
<i>Ананьин О.В.</i> Атака гусарской бригады: малоизвестный эпизод Балаклавского сражения	46
<i>Анисимова М.А.</i> Декоративные японские мечи и ножи эпохи Мэйдзи (1868–1912)	59
<i>Афанасьев В.А.</i> Первая мировая война в судьбе полководцев и военачальников Великой Отечественной	67
<i>Бабич И.В.</i> Первый лифляндец на русской службе: к биографии И.-Б. Кампенгаузена	85
<i>Бабич М.В.</i> Предложение И.-Б. Кампенгаузена и военные реформы 1730-х годов	100
<i>Барчевский С.В.</i> Глоссарий по историческому холодному оружию Китая	114
<i>Барышев Э.А.</i> Заготовительная деятельность Главного артиллерийского управления в Японии во время Первой мировой войны (1914–1917)	129
<i>Белозерова О.А.</i> Военный министр А.Н. Куропаткин накануне Русско-японской войны (1904–1905)	141
<i>Бенда В.Н.</i> К вопросу о возобновлении деятельности Московской военно-инженерной школы в конце первой половины XVIII века	154
<i>Бискуп Н.Р.</i> Оружие на древках из собрания Государственного Эрмитажа. Проблема терминологии	166

<i>Бобков В.А.</i> Работа генерал-майора С.Н. Ванкова в период Первой мировой войны	182
<i>Бобров Л.А.</i> «Шишак московский, шишак литовский, шишак калмыцкий...» Боевые наголовья российских воинов в Сибири в конце XVI-го – XVII веке	190
<i>Богданов А.Е., Анипченко М.А.</i> Символика декора брауншвейгского доспеха в контексте немецкой Реформации	207
<i>Бодров А.В.</i> Особенности военно-технического сотрудничества России и Италии в годы Первой мировой войны	221
<i>Бондаревский А.В.</i> Международная социал-демократия в Первой мировой войне. Формирование антивоенной тактики	234
<i>Борисенко А.Ю.</i> Сведения европейцев о вооружении и военном деле русских казаков и служилых людей в Сибири XVII–XVIII веков	249
<i>Бочаров В.О.</i> Страницы биографии артиллерийского конструктора генерал-лейтенанта Р.А. Дурляхова (по материалам ВИМАИВиВС)	256
<i>Брызгалов В.В.</i> Архангельский морской торговый порт в годы Первой мировой войны	272
<i>Будко А.А., Барышкова Л.К., Новикова Е.Г., Разоренова Т.С.</i> Организация противэпидемической помощи русской армии в Первой мировой войне	290
<i>Будко А.А., Грибовская Г.А.</i> Военная медицина Русско-японской войны 1904–1905 годов	301
<i>Бумай О.К.</i> Организация медицинского обеспечения русского флота в Первую мировую войну	311
<i>Вахтеров А.В.</i> Героизм фронта и дезорганизация тыла: проблемы исследования диалога бюрократии, буржуазии, интеллигенции как одной из причин военного поражения в Первой мировой войне и начала революции	327
<i>Великанов В.С.</i> К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны	338
<i>Витол А.В.</i> Два фронта императора Сигизмунда	355
<i>Власов Н.А.</i> Проблема единого командования на австро-германском Восточном фронте в годы Первой мировой войны	364
<i>Голованова М.П.</i> Документы архива ВИМАИВиВС по истории знамен собрания Оружейной палаты	374
<i>Горбунов В.В.</i> Длинноклинковое оружие тюркской конницы	385

<i>Грибовский В.Ю., Мардусин В.Н.</i> Оборона советских военно-морских баз в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимодействия сухопутных войск и флота	402
<i>Григорьев О.В.</i> Военно-судебные органы России в период Первой мировой войны	413
<i>Громов А.В.</i> Казнозарядная артиллерия Бухары в годы Первой мировой войны (К вопросу об атрибуции пушки из фонда ВИМАИВиВС)	420
<i>Гужва Д.Г.</i> Институт военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны	428
<i>Гуров С.В.</i> Развитие реактивной артиллерии в России в 30-х – 40-х годах XX века	439
<i>Изонов В.В.</i> Военно-учебные заведения России в годы Первой мировой войны	457
<i>Наумов В.В., Микрюков В.Ю.</i> О значении научного подхода в реформе военного образования на современном этапе	468
<i>Несин М.А.</i> К вопросу о тактике московских войск в Шелонской битве (об участии в сражении засадной татарской рати)	480
<i>Новикова И.Н.</i> Морская блокада как метод ведения экономической войны (1914–1917)	490
<i>Пенской В.В.</i> «Ругодивское взятие Ливонские земли» Ивана Грозного	506
<i>Стрельников В.А.</i> Предыстория морально-психологического надлома русской армии в Первой мировой войне (вторая половина XIX – 1917)	524
Сведения об авторах	533

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Редактор: *Е.М. Пожидаева, Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 30.04.2014.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок